Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Микрюков Виктор Алексеевич

КАТЕГОРИЯ АНАЛОГИИ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор
Ершова Инна Владимировна

Москва – 2024

Оглавление

Введение ……..……..……...…...… 4

Глава 1. Общие научно-теоретические представления об аналогии в системе регулирования частноправовых отношений …….……..……..... 22

§ 1. Сущность и место аналогии в системе регулирования частноправовых отношений……...……...……... 22

§ 2. Функции аналогии в правотворческой деятельности и частноправовой практике……...…….…….…. 82

§ 3. Нормы-аналогии в системе регулирования частноправовых отношений…….125

§ 4. Обеспечение законности в практике аналогического регулирования частноправовых отношений.……...……... 150

§ 5. Аналогия в реализации и применении правовых норм на поднормативном уровне системы регулирования частноправовых отношений…….……...194

Глава 2. Современные проявления аналогии в практике применения законодательства, регулирующего частноправовые отношения ...……. 211

§ 1. Пределы аналогии в регулировании частноправовых охранительных отношений…….……211

§ 2. Аналогия в практике ограничения и обременения субъективных частных прав……..……..…….....250

§ 3. Расширение круга источников правил, применяемых по аналогии в сфере частного права …….…….……279

§ 4. Аналогия закона и аналогия права в практике нотариальной защиты прав и законных интересов участников частноправовых отношений ……298

§ 5. Активизация применения аналогии права в практике разрешения частноправовых споров …….....315

Глава 3. Аналогия в правовом регулировании частноправовых отношений, складывающихся в семейной сфере ……..……..345

§ 1. Аналогия закона и аналогия права в практике преодоления неопределенности основных категорий семейного права …….345

§ 2. Пределы аналогии в правовой квалификации имущественных последствий фактических брачных отношений и определении правового режима имущества супругов…….…….....360

§ 3. Пределы аналогии в практике установления прав и обязанностей родителей и детей..…….....401

§ 4. Аналогия закона в практике применения семейного законодательства об алиментных обязательствах…….…….…….……..425

§ 5. Практика применения по аналогии законодательства о формах воспитания детей, оставшихся без попечения родителей ……..445

Глава 4. Аналогия в правовом регулировании частноправовых корпоративных

отношений……464
§ 1. Пределы аналогии в частноправовом статусе бенефициарных владельцев корпоративного юридического лица……464
§ 2. Аналогия в механизмах формирования, увеличения и уменьшения уставного капитала хозяйственных обществ …….....472
§ 3. Аналогия в правовом регулировании выхода участника из общества с ограниченной ответственностью ……....505
§ 4. Аналогия в практике распределения чистой прибыли и выплаты дивидендов хозяйственных обществ ……..538
§ 5. Аналогия в правовом регулировании порядка подтверждения корпоративных решений……558

Заключение …….....593
Список использованных источников ……....602

Введение

Актуальность темы диссертации раскрывается в различных аспектах. Сложившиеся теоретические представления об аналогии как одном из элементов частноправовой практики даже в случаях видимого единства научных взглядов не могут восприниматься как аксиоматические. Теория аналогии в праве, как и любая теория, развивается, шлифуется, уточняется в практике, открывая новые области ее использования, проявляя неизвестные грани реализации. Современная аналогическая частноправовая практика и формирующиеся тенденции ее развития все больше расходятся со сложившимся узким научным распознаванием аналогии в качестве одного из паллиативных средств правоприменения в условиях предполагаемого уменьшения степени пробельности права при наблюдаемом увеличении нормативного массива. Этот *доктринальный аспект* предопределяет востребованность проведенного исследования в дальнейших научных изысканиях.

Потребность в актуализации теоретических основ учения об аналогии через призму новелл частноправовой практики не исключает *фактор непреходящей актуальности феномена аналогии* как «естественного средства пытливого ума», признаваемого во все времена в качестве креативной основы новых знаний и решений, что не может не вызывать интерес к более активному извлечению преимуществ данного средства в правовом регулировании, научном осмыслении частного права и продвижению в решении связанных с ним известных теоретических проблем, включая доктринальную неопределенность правовой природы результата аналогического правоприменения, неоднозначность позиций о круге допустимых субъектов, источников и сфер использования правовой аналогии. В наступившую цифровую эпоху именно аналогическое правовое мышление способно соперничать с искусственным интеллектом в зонах правовой неопределенности, нарастание которой в межличностных отношениях неизбежно.

Актуальность работы *в правоприменительном и правореализационном аспекте* обусловлена тем, что в настоящее время произошло серьезное количественное накопление опыта использования аналогии закона и аналогии

права в различных сферах частноправового взаимодействия, что является сигналом о готовности отечественной правовой системы к качественным изменениям в разностороннем осмыслении данных феноменов. Поэтому важно собрать, проанализировать и обобщить эмпирический материал, формализовать выработанные в результате применения аналогии правовые позиции и предложить доктринально обоснованные пути их перевода на нормативный уровень.

Одновременно с этим расширение сферы применения аналогии подчеркивает актуальность диссертации *в нормотворческом аспекте* при восприятии аналогии как средства формулирования норм института аналогии и норм, основанных на аналогии. Аналогия способствует совершенствованию юридической техники, позволяет обеспечивать позитивный настрой критики законодательства, препятствует радикальным, конъюнктурным изменениям, размывающим проверенные временем правовые конструкции.

Важным фактором актуальности темы выступает проявление тенденции к усилению диспозитивности в частноправовом регулировании *семейных и корпоративных отношений*, что влечет нарастание правовой пробельности и требует комплексной научной оценки реально наблюдаемой интенсификации и модификации нормативного и правоприменительного использования аналогического инструментария в этих специфических правовых областях.

Именно широта происходящего использования аналогии диктует необходимость установления ее доктринально обоснованных пределов *в социально-экономическом и юридико-техническом аспектах*, в частности: применения по аналогии норм об ответственности, об ограничениях и обременениях субъективных частных прав, включения аналогии в арсенал средств достижения политико-правовой целесообразности и экономической справедливости, использования аналогии в регулировании вертикальных частноправовых экономических связей и частных отношений субъектов, находящихся в неравном правовом положении, охвата аналогией частноправового регулирования новейших экономических реалий в условиях развития цифровых технологий и экономики совместного потребления.

Направление диссертационного исследования актуализируется и тем, что *сфера юридического образования* испытывает явный недостаток учебного материала, который выходил бы за рамки азбучных сведений теории права об аналогии как способе преодоления законодательных пробелов и об отличиях аналогии закона от аналогии права и представлял бы аналогию в качестве одного из важнейших инструментов, формирующих и упорядочивающих мышление, детерминирующих схожие явления во всех видах юридической деятельности.

Объектом исследования являются частноправовые отношения, регулирование которых опосредовано аналогией как юридическим средством.

Предметом исследования выступают нормы частного права, акты правоприменительной и правореализационной практики, доктринальные источники, отражающие аналогию на разных уровнях системы регулирования частноправовых отношений в качестве:

- элемента механизма реагирования на правовые аномалии,
- приёма современной юридической правореализационной техники (аргументации, доказывания, установления фактов, поиска решений),
- актуального средства осуществления и защиты прав субъектов экономической деятельности,
- стадии толкования и применения права,
- стабилизирующего, системосохраняющего начала частного права,
- креативной основы развития законодательства,
- способа конструирования правовых норм и формы существования нормоподобных явлений.

Степень научной разработанности данной темы нельзя назвать высокой. Диссертации на соискание ученой степени доктора наук по проблемам аналогии в частном праве отсутствуют. В теории права и отраслевых юридических науках аналогия рассматривается преимущественно как логическое средство казуального преодоления правовых пробелов (в разновидностях санкционированных законом приемов аналогии закона и аналогии права) с акцентом на исследование вопросов дискретности права, проработку проблем выявления и правильного распознания

действительных правовых пробелов, установления легального объема дискреции правоприменителя, определение границ допустимости аналогии в тех или иных сферах (или стадиях) правоприменения.

Именно в таком аспекте исследования аналогии представлены в работах теоретиков права (В.Н. Карташов, 1976; В.В. Лазарев, 1969; Е.И. Спектор, 2003; Ф.Р. Уранский, 2005; В.В. Фидаров, 2009; Е.Д. Шиндяпина, 2007 и нек. др.), цивилистов (В.И. Акимов, 1970; Д.И. Романенко, 2019; Л.А. Фомина, 2009), процессуалистов (В.А. Божок, 2005; В.В. Тихомирова, 2012; Д.А. Туманов, 2007), исследователей трудового права (В.Б. Дресвянкин, 2001; Л.Е. Кузнецова, 2004) и представителей науки налогового права (Демин, 2015; М.В. Юзвак, 2014).

Более того, поиск был, по существу, сужен до установления правомерности единичных актов аналогического правоприменения или отдельных групп таких актов. Выделяющаяся попытка в рамках общей теории права выработать универсальные критерии определения пределов допустимости аналогии закона и аналогии права в современной правовой системе России свелась к поиску ответов лишь на три специальных вопроса: о круге субъектов использования аналогии, об отраслевых методах, указывающих на возможность или недопустимость аналогии в соответствующей отрасли, и о способности аналогии работать при возложении правовых санкций (Фидаров В.В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России: Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009).

Диссертационное исследование института аналогии в советском гражданском праве было предпринято в 1970 году В.И. Акимовым (Аналогия в советском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970), а после принятия действующего Гражданского кодекса Российской Федерации, пожалуй, единственной известной частноправовой работой монографического уровня, непосредственно относящейся к данному институту, является диссертация 2009 года Л.А. Фоминой (Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009), в то время как цивилистический анализ аналогии права, выполненный Д.И.

Романенко (Аналогия права (цивилистическое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019), фактически ограничен идентификацией аналогии права в качестве правового института. Данные диссертации способны помочь в осмыслении и решении некоторых современных проблем применения аналогии закона и аналогии права. Они актуализируют сообразно новым экономическим и правовым реалиям (советским и новым российским соответственно) базовые положения теории логического процесса применения права, изложенные Г.Ф. Шершеневичем (Общая теория права. Выпуск первый. М., 1910), и основы цивилистической теории аналогии, заложенные в фундаментальном труде Е.В. Васьковского (Цивилистическая методология. Ч.1: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901).

Однако даже недавние работы не учитывают актуальные изменения позиции законодателя в отношении аналогии, включая пополнение института аналогии на нормативном уровне, не отражают появившиеся в последнее десятилетие новейшие подходы к поднормативному использованию механизмов аналогии закона и аналогии права и не включают в фокус исследования активизацию применения метода аналогии в нормотворческом процессе и бесконфликтной правореализационной практике.

Использование авторами преимущественно нормативно-догматического подхода к аналогии как к одному из частных средств в системе способов преодоления правовых пробелов не позволяет говорить о появлении научного источника, который комплексно представил бы достоинства аналогии не как абстрактной логико-правовой конструкции, а как живого, реально действующего института, не говоря уж о подходе к аналогии как многозначному частноправовому феномену.

Кроме того, вопросы аналогии в правовом регулировании частноправовых отношений, складывающихся в семейной сфере и связанных с корпоративной спецификой, вообще остались без специального научного внимания.

Цель работы состоит в том, чтобы сформировать многоуровневое и многокомпонентное новое научное знание о содержании категории аналогии в

различных сегментах и отраслях системы регулирования частноправовых отношений с опорой на доктринальную оценку ее возрастающей социально-позитивной роли и востребованности как в практике реализации и применения права, так и в нормотворчестве. Достижение цели предопределяет необходимость решения ряда задач:

- познать сущность, значение и определить место аналогии во всех элементах системы регулирования частноправовых отношений;
- выявить скрытые, не известные или не характерные для аналогических правовых средств свойства, представить функции аналогии в правотворческой деятельности и частноправовой практике;
- заложить доктринальные основы и уточнить практические нюансы регулирования частноправовых отношений посредством относительно определенных норм-аналогий;
- раскрыть особенности обеспечения законности в практике аналогического регулирования частноправовых отношений;
- обосновать пределы аналогии в охранительном регулировании частноправовых отношений, а также в практике ограничения и обременения субъективных частных прав;
- предложить новые подходы к определению источников аналогического правоприменения в сфере частного права;
- установить специфику применения аналогии в практике нотариальной защиты прав и законных интересов участников частноправовых отношений;
- доказать теоретическую обоснованность и практическую оправданность использования аналогии в нормативном и индивидуальном регулировании всех выделяемых законодателем групп частноправовых семейных связей;
- выработать конкретные варианты аналогического преодоления пробелов в корпоративно-правовой сфере.

Теоретическую основу продвижения в указанном направлении помимо работ отмеченных авторов составили труды отечественных и зарубежных ученых, в фокусе внимания которых оказались вопросы общей теории права и правовых

пробелов (С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, В.В. Ершов, А.В. Завадский, В.И. Леушин, П.Е. Недбайло, Н.А. Петровский, А.С. Пиголкин, В.П. Реутов, В.В. Тихонравов, А.В. Цихоцкий, Л.С. Явич), проблемы поднормативного регулирования (В.В. Груздев, Ю.В. Медная, И.А. Минникес, А.А. Туменова, А.Ф. Черданцев), отдельные материальные и процессуальные нюансы применения в порядке аналогии гражданского законодательства (В.И. Акимов, А.Н. Балашов, В.А. Белов, Р.С. Бевзенко, В.А. Божок, А.Т. Боннер, В.А. Вайпан, Б.М. Гонгало, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетов, О.А. Кузнецова, С.В. Поленина, И.В. Рехтина, В.В. Ровный, В.Л. Слесарев, А.Б. Степин, Т.А. Трубицына, В.Ф. Яковлев), а также в объеме, обусловленном целью диссертации – труды исследователей семейного права (Ю.Ф. Беспалов, Н.Ф. Звенигородская, О.Ю. Ильина, О.Ю. Косова, П.В. Крашенинников, Д.С. Ксенофонтова, А.Н. Левушкин, С.А. Муратова, А.М. Нечаева, О.Н. Низамиева, Л.М. Пчелинцева, Н.Н. Тарусина, Т.В. Шершень, E. Aloni, B. Bix, C. Huntington, M. Fineman, S. Willis) и корпоративного права (В.В. Долинская, О.В. Гутников, В.А. Лаптев, Ю.Г. Лескова, Д.В. Ломакин, О.А. Макарова, Ю.С. Поваров, Д.И. Степанов, Е.А. Суханов, И.С. Шиткина, R. Art, J. Andersson, G. Damele, S. Leacock, S. Miller, D. Moll).

Необходимость многоаспектного изучения частноправового аналогического инструментария обусловила потребность в обращении к работам зарубежных специалистов, посвятивших исследования аналогии как средству юридического рассуждения и аргументации (G. Damele, D. Hunter, A. Jakab, A. Juthe, J. Kahn, M. Koszowski, K. Langenbucher, G. Lamond, F. Macagno, F. Schauer, B. Spellman, F. Shecaira, A. Watson, L. Weinreb), логической основе правовых метафор (L. Berger, J. Cornelissen, R. Holt, I. Richard), фактору правовой определенности и неопределенности (H. Asgeirsson, J. Braithwaite, A. D'Amato, K. Davis, M. Lang, M. Krajewski, O. Raban).

Эмпирическую базу исследования составили наиболее показательные правоприменительные, главным образом – судебные акты, включая акты Конституционного Суда Российской Федерации (30), постановления и определения Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного

Суда Российской Федерации (124), постановления арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций (303), акты судов общей юрисдикции (105), в которых так или иначе была задействована аналогия как интерпретационное, аргументационное и антипробельное правовое средство.

Методологию и методы диссертационного исследования составили общенаучные (индукция, дедукция и традукция, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация, систематизация и структурирование) и частнонаучные (нормативно-догматический, сравнительно-правовой, технико-юридический) методы. Ведущим научным инструментом и одновременно объектом исследования выступил метод аналогии. Именно с опорой на аналогию (традукцию) сформулированы новые частноправовые понятия, теоретически обоснованы направления совершенствования конкретных норм и структуры частного права.

Научная новизна диссертации заключается в том, что представлено новое, широкое доктринальное восприятие аналогии как сквозной правовой категории, пронизывающей все уровни системы регулирования частноправовых отношений, учитывающее оригинальный авторский взгляд на возрастающую степень востребованности и новые аспекты практического использования аналогии как полифункционального юридического антипробельного средства в нормотворческой, правореализационной и правоприменительной деятельности. Новизна работы проявляется и в том, что впервые комплексную научную оценку аналогический правовой инструментарий получил применительно к сферам семейного и корпоративного частноправового регулирования, где с помощью аналогии выработаны новые варианты эффективного казуального преодоления и окончательного законодательного разрешения наиболее значимых проблем, связанных с нормативной пробельностью.

В диссертации сформулированы положения, выносимые на защиту.

1. Обосновано, что аналогия в частном праве представляет собой категорию, в разных аспектах обозначающую востребованное *во всех основных элементах системы регулирования частноправовых отношений юридическое средство* (совокупность норм и инструментов), которое имеет в качестве логической основы

традуктивное умозаключение и нацелено на преодоление недостатка регуляторной определенности и дефицита правового материала (норм и (или) индивидуальных регуляторов и (или) знаний о них).

Объединение в одной категории указанных разнохарактерных сущностей соответствует интегративному пониманию правовых средств и общей логической сущности аналогии, проявляющейся вне зависимости от того, на каком уровне системы правового регулирования она задействуется. Это позволяет выстраивать единые требования к повышению эффективности (достоверности, адекватности, законности) многоаспектного применения частноправовой аналогии: *широта* (достаточное число признаков сходства правоотношений); *глубина* (необходимая существенность признаков сходства правоотношений); *системность* (должная зависимость переносимого признака (правила) от общих признаков правоотношений); *целесообразность* (соответствие переносимого признака (правила) целям правового регулирования).

2. Доказано, что *на нормативном уровне системы регулирования частноправовых отношений* категория аналогии предстает как:

- сложный межотраслевой (относящийся как к различным материальным отраслям частного права, так и к процессу) функциональный институт, который состоит из: а) совокупности *общих специализированных* норм, определяющих условия и порядок применения аналогии закона и аналогии права в случаях, когда входящее в сферу правового регулирования частноправовое отношение оказывается не урегулированным существующими нормами права или соглашением сторон (общих оперативно-распространительных аналогий), и б) группы *особых специализированных* норм, предписывающих применение по аналогии конкретных правил в нормативно определенных случаях (специальных законных аналогий или аналогий в силу закона), отличающихся от предписанных аналогий, отсылочных норм и указаний о соответственном правоприменении;
- способ конструирования относительно определенных правовых норм-аналогий;
- средство выработки нормотворческих решений и формирования

нормативного массива.

3. Установлено использование аналогии как способа конструирования особой разновидности относительно определенных *норм-аналогий*, в которых отдельные элементы правила формулируются в виде незамкнутого множества с указанием на какой-либо признак одного из элементов данного множества (эталонного элемента) и требованием об аналогичности иных его элементов. Такие нормы невозможно причислить ни к альтернативным, ни к факультативным, ни к ситуационным (дискреционным).

Выявлено включение элементов-аналогий не только в гипотезу, но и в другие части структуры данного вида норм (диспозицию и санкцию), в результате чего утверждается существование не только фактической аналогии (аналогии фактов), но и предметной, субъектной, деятельностной и прочих подобных нормативных аналогий. При этом доказано, что относительно определенные элементы-аналогии содержатся в нормах разной направленности (управомочивающих, обязывающих, запрещающих), посвященных как нормальным (неконфликтным) отношениям, так и ответственности, приводящих к разрушению нежелательных (неправомерных) связей, ограничивающих субъективные частные права.

4. Установлено, что *на индивидуальном (поднормативном) уровне системы регулирования частноправовых отношений* в содержание категории аналогии входят:

- координационное правореализационное установление, изменение или прекращение субъективных прав и обязанностей путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий (метод автономного аналогического регулирования) и посредством соглашения (способ договорного аналогического регулирования),
- субординационное правоприменительное определение прав и обязанностей участников частноправовых отношений в условиях нормативного пробела (прием применения правовых норм в порядке аналогии).

Дополнительно аргументировано, что в основе *аналогии права* (как и аналогии закона) лежит реальная аналогическая сущность, что позволило упрочить

вывод о нормативном единстве института аналогии в составе аналогии закона и аналогии права. При этом выявлено, что под невозможностью использования аналогии закона как условия применения аналогии права необходимо понимать не только отсутствие отношений, сходных со спорными, и норм, их регулирующих, но и случаи, когда при наличии таких сходных отношений и подходящих к ним норм использование аналогии закона приводит к несправедливому и (или) неразумному и (или) негуманному решению.

5. Обосновано представление устоявшейся, широко воспроизводимой и (или) зафиксированной актами высших судебных инстанций юридической (в том числе судебной) *аналогической практики* в качестве имеющей особую (самостоятельную) сущность, не укладывающейся в ряд официально признанных элементов объективного бытия права (ни в число нормативных, ни в разряд индивидуальных регуляторов), а находящейся и обретающей свойство нормативности исключительно в субъективной сфере правосознания.

По аналогии с используемыми философией идеальными конструктами (аксиоматическими понятиями, устанавливаемыми по правилам логики и не предполагающими обязательного указания на конкретный денотат, обозначающими нечто недоступное непосредственному наблюдению, но выведенное логически на основе наблюдаемых признаков) указанную сущность предложено обозначить новым понятием – *правовой конструкт*, являющий собой *идеальный аналог реальной нормы* – формируемый в правосознании человека (группы людей, общества в целом) посредством аналогии правовой эталон, с помощью которого осуществляется восприятие и юридическая оценка входящих в сферу правового регулирования частных отношений, оказавшихся без должного нормативного либо индивидуального регулятора. В таком представлении аналогия выступает формой существования правового конструкта, поскольку он образуется в результате использования аналогии как творческой основы казуального правореализационного решения и как интеллектуального инструмента распространения выработанного аналогического решения на схожие случаи.

6. Аргументировано, что признаками, логически выражающими сущность

правового конструкта, выступают:

- сформированность при реализации или применении права в порядке аналогии в условиях отсутствия адекватного нормативного и индивидуального регулятора;
- пригодность для неоднократного использования при схожих фактических обстоятельствах (общий характер);
- устойчивость (повторяемость, накопленность либо предварительная зафиксированность судебным актом);
- прикрепленность к имеющемуся объективному регулятору, используемому в порядке аналогии.

Предварительная (не связанная с конкретным практическим затруднением при обнаружении правового пробела) фиксация актами высших судов правового конструкта, возникшего на уровне профессионального группового правосознания судейского и (или) научного сообщества (*предписанная аналогия*), равно как и последующее отражение в таких актах правового конструкта, образованного вследствие накопления массового правореализационного и правоприменительного опыта казуального преодоления правовой неопределенности (*интуитивная аналогия*), не превращает конструкт в норму права, а формализующие его акты не становятся источниками правовых норм.

7. С опорой на аналогию соотношения знания и незнания в процессе познавательной деятельности (принципа познавательной скромности) и корреляции правовой определенности с нарастанием объема нормативного материала обосновано, что при количественном разрастании, качественном улучшении нормативно-правового массива и развитии практики роль аналогии как инструмента преодоления правовой неопределенности *в индивидуальном сегменте системы регламентации частноправовых отношений будет не снижаться, а неуклонно возрастать*. Аргументирована неизбежность появления большего числа аналогических правовых конструктов и активизации их использования.

Данное положение распространено на оценку значимости аналогии *в нормативной сфере частного права*, где усложнение частноправового

взаимодействия повышает количество точек соприкосновения существующих норм (права) с неизвестными социальными связями (правовой пустотой) и требует более частого обращения к аналогии как креативной основе выработки нормотворческих решений, использованию сравнительно-правовых аналогий и более интенсивному включению в нормативно-правовой массив относительно определенных норм-аналогий.

8. Представлена дополнительная аргументация *полифункциональности* использования аналогии в системе частноправового регулирования. Помимо регуляторной (правовосполнительной), интерпретационной, аргументационной проиллюстрированы функции правовой аналогии, которая:

- опосредует реализацию и усиление дозволительных начал частноправового воздействия;
- содействует осуществлению и защите прав субъектов частноправовой деятельности;
- способствует развитию законодательства, выступает стабилизирующим, системосохраняющим началом частного права;
- обеспечивает прямое действие основных начал отраслей частного права;
- устанавливает социальную гармонию, баланс разных, но равнозначимых частных интересов.

9. Обоснована рекомендация в целях обеспечения соразмерности имущественных санкций не прибегать к аналогии и ситуационному блокированию формально правомерного, но нежелательного поведения, а использовать специально предназначенные для этого законодательные инструменты, при отсутствии которых либо их неприменимости к спорным отношениям опираться на общеправовой универсальный корректор уровня добросовестности. Это позволит воспрепятствовать необоснованному превращению ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации из сугубо частного средства в универсальный регулятор, функционирующий посредством аналогии за рамками неустоечных отношений и ограничивающий частные субъективные права потерпевших на применение санкций и адресатов компенсационных выплат, что искажает сущность и

принципы построения санкций различного вида, нивелирует их специфику и назначение.

10. Предложено определять как *нормативные пробелы особого рода – правовые аномалии* – ситуации *отсутствия истинных норм* частного права, требующие аналогического правоприменения *contra legem*.

Выявлено, что при «исправительном» применении судами аналогии вопреки текущей воле законодателя существенно модифицируются (вплоть до устранения ключевых характеристик) устоявшиеся частноправовые конструкции, устанавливаются новые виды гражданско-правовой ответственности, вводятся дополнительные основания недействительности как причины разрушения гражданско-правовых связей.

Аналогическое преодоление правовых аномалий может быть оправдано, только если речь идет об *антиципации* судом законодательного изменения *неистинных* норм (своего рода конклюдентной правотворческой инициативе) и осуществление необходимой меры судебного активизма *нелатентно* обосновывается применением *аналогии права*.

11. Дополнительно обоснованы частноправовые конструкты недопустимости применения по аналогии норм, устанавливающих изъятия из общих правил, определяющих правовой режим обременений, что требует прямого законодательного запрета на применение аналогии, если этим ограничиваются права и свободы физических и юридических лиц либо для них предусматриваются новые обязательства, обременения или ответственность.

Обосновано, что при отсутствии действительного правового пробела в целях введения предполагаемых (желаемых), но не принятых законодательных велений, сдерживающих поведение, не одобряемое с экономической, социальной или политической точки зрения (в том числе ограничивающих свободу договора), следует не прибегать к нецелевому использованию аналогии, а пользоваться механизмом противодействия злоупотреблению правом (как это, в частности, осуществляется при контроле размера платы за правомерный отказ от исполнения обязательства). В подобных ситуациях аналогия может использоваться лишь в

качестве дополнительного объяснения правоприменительного акта, но не как элемент его нормативной основы.

12. Доказана формальная законность и теоретическая обоснованность применения по аналогии правовых норм, содержащихся не только в федеральных законах, но и *в подзаконных нормативных актах.* Более того, показано принципиально допустимым и полезным использование в необходимых случаях *по аналогии* формализованных в актах высших судов *правовых конструктов*. Такого рода правоприменение представляет собой не аналогию закона (правовые конструкты и судебные акты, в которых они зафиксированы, не являются нормами права), а *аналогию права*. В этих случаях происходит адаптация правового конструкта к пробельному частноправовому отношению в конкретном ситуационном преломлении основных начал и смысла законодательства.

13. Авторское положение о происходящем и предстоящем возрастании роли аналогии в системе частноправового регулирования верифицировано применительно к семейно-правовой практике. Подтверждены качества аналогии как эффективного средства преодоления пробелов, инструмента уяснения и толкования правовых норм, установления фактов, аргументации позиции в споре, мотивировки и обоснования судебных актов при разрешении семейно-правовых споров, возникающих *во всех* выделяемых законодателем (соответствующих разделам Семейного кодекса Российской Федерации) сферах юридически значимого семейного взаимодействия.

Установлено, что метод аналогии в применении семейного законодательства наиболее востребован в случаях, когда спорное отношение непосредственно связано с принадлежностью и (или) оборотом материальных благ, т.е. является по содержанию имущественным, либо когда конфликт имеет экономические причины и (или) основан на материальных устремлениях его участников.

14. Доказано, что как в гражданско-правовой практике, так и при разрешении семейно-правовых споров использование аналогии выявляет скрытые, ранее не известные или не характерные свойства: осуществляется аналогия семейно-правового режима («оптовая» аналогия); аналогически реализуются нормы

подзаконных актов и семейно-правовые конструкты; применяются в порядке аналогии нормы, разрушающие семейно-правовые связи, правила, устанавливающие ответственность и допускающие ограничения субъективных семейных прав; в силу специфики предмета семейного права, требующего ситуационного учета индивидуальных характеристик семейно-правовых отношений, активнее, чем в других сферах частного права, задействуется аналогия права.

15. Аргументировано, что в современных условиях сформировались *факторы особой востребованности аналогии* на нормативном и поднормативном уровнях системы регулирования частноправовых корпоративных отношений:

- законодательное включение корпоративных отношений в предмет гражданского права исключило формальные сомнения в допустимости аналогии закона и аналогии права для казуального преодоления корпоративно-правовых пробелов;
- усиление диспозитивности корпоративно-правового регулирования предопределило интенсивное обращение к аналогии в правореализационной деятельности субъектов корпоративного права (при поиске индивидуальных вариантов моделей правового поведения) и одновременно с этим обусловило возрастание числа пробельных (в том числе аномальных) корпоративных связей;
- необходимость объемного корпоративно-правового нормотворчества при отсутствии у отечественного законодателя должного опыта и традиций в этой сфере сделало неизбежным активное использование сравнительно-правовых аналогий;
- скачкообразное и широкое разрастание корпоративного законодательства побуждает правоприменителя искать в аналогии основу для разрешения споров в условиях правовой пустоты, соприкосновения с которой становятся тем чаще, чем большее количество новых отношений попадает в сферу корпоративно-правового регулирования, а от законодателя требует последовательно прибегать к аналогии как к методу структурирования и сбережения объема нормативного массива во избежание нарастания правовых плеоназмов.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что обоснованные диссертантом теоретические положения актуализировали и расширили комплексное научное представление о категории аналогии в системе регулирования частноправовых отношений, включая семейные и корпоративные. Это позволило обогатить потенциал цивилистической доктрины, ввести в научный оборот новые правовые понятия, показать проявления аналогии в правовой квалификации новейших социальных связей.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в рекомендациях по использованию аналогических правовых инструментов различными субъектами на всех уровнях системы регулирования частноправовых общественных отношений. Разработан ряд учебно-методических положений, используемых в учебном процессе (авторский параграф «Применение гражданского законодательства по аналогии» в кн. Гражданское право: учебник: в 2 Т. М: Проспект, 2020).

На основе достигнутых теоретических результатов сформулированы способствующие повышению эффективности частноправового воздействия конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства, в том числе путем изменения и (или) дополнения формулировок статей 6, 65.3, 66.2, 67.1, 67.7, 181.5, 90, 99, 393.1, 421, 424, 524, 582, 607, 608, 734, 753, 812 Гражданского кодекса Российской Федерации, статей 50, 61, 115, 141, 161 Семейного кодекса Российской Федерации (текст 26 соответствующих предложений представлен в заключении работы).

Степень достоверности результатов работы обусловлена применением соответствующего ее целям и задачам научно-методологического инструментария, обеспечена широтой и репрезентативностью источниковедческой базы исследования. Авторские выводы подкреплены анализом 1148 научных работ, из которых 194 на иностранных языках.

Апробация результатов исследования осуществлена путем опубликования монографии (1), научных статей в изданиях, индексируемых в Scopus/WoS (16) и рекомендованных ВАК (55).

Положения работы использованы при подготовке докладов и представлены на научно-практических конференциях, включая: III Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 2012), VI Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 2015), 4-ая Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань, 2015), VII Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 2016), VIII Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 2017), IX Московский юридический форум (Москва, 2022), Международная научно-практическая конференция «Частноправовой подход в цивилизационных процессах» памяти д.ю.н., проф. Ю.Ф. Беспалова (Москва, 2022), XII Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 2022), X Московский юридический форум «Устойчивое развитие России: правовое измерение» (Москва, 2023), V Международная научно-практическая конференция «Проблемы развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях» («Лаптевские чтения») (Москва, 2023), II Всероссийская научно-практическая конференция «Правовое обеспечение национальной безопасности памяти А.А. Прохожева» (Москва, 2023), II ежегодная Международная научно-практическая конференция НИУ ВШЭ «Право и бизнес в реалиях современности: национальное, региональное и международное измерение» (Москва, 2023), Международная научно-практическая конференция НИУ ВШЭ «Эволюция семейного и наследственного права» (Москва, 2023), Научно-практическая конференция «Право и реальный сектор экономики» (Москва, 2024), XI Московский юридический форум «Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы» (Москва, 2024), Всероссийская конференция «Корпоративное законодательство: современные вызовы и тенденции» (Москва, 2024).

Глава 1. Общие научно-теоретические представления об аналогии в системе регулировании частноправовых отношений

§ 1. Сущность и место аналогии в системе регулирования частноправовых отношений

В теории права и отраслевых юридических науках аналогия традиционно рассматривалась преимущественно как логическое средство казуального преодоления правовых пробелов (в разновидностях наработанных в судебной практике и санкционированных законом приемов аналогии закона и аналогии права) с акцентом на исследование вопросов дискретности либо беспробельности права, проработку проблем выявления и правильного распознания действительных правовых лакун, определение границ допустимости аналогии в тех или иных сферах (или стадиях) правоприменения, установления легального объема судебного усмотрения и оценки проявления аналогической дискреции в соотношении с правотворчеством.

В частности, представляя деятельность правоприменителей как логический процесс, при котором решение строится на силлогизме или цепочке силлогизмов (где большей посылкой выступает норма права, а меньшей – регулируемая правом социальная связь) в отношении тех ситуаций, когда к конкретным фактическим обстоятельствам по итогам осуществленной критики и толкования не обнаруживается подходящей большой посылки (нормы права), Г.Ф. Шершеневич обращался к аналогии, определяя ее сущность в том, что рассматриваемый случай, который по своему фактическому составу остался не предусмотренным со стороны действующего законодательства, разрешается на основании отдельного закона, регулирующего близкие по характерным чертам ситуации (аналогия закона) либо совокупности существующих законов, консолидированных в релевантный юридический принцип к случаю, сходному с теми, какие в том или ином аспекте урегулированы в каждом из соответствующих законов (аналогия права). Конечно, Г.Ф. Шершеневич не мог оставить без внимания идею ряда ученых (Бергбом,

Цительманн, Регельсбергер), отвергавших саму возможность существования пробелов в праве и указывавших, что для всякого включенного в сферу права отношения правоприменитель может и должен отыскать юридическое решение, пусть и не имеющее позитивной нормы, которая бы полно (с учетом всех фактических особенностей) охватывала данное отношение, а потому решительно и аргументированно критиковал такую идею[1]. Но едва ли это теоретическое разногласие подрывало оценку состоятельности и необходимости аналогии как правоприменительного приема. Чтобы найти правило вне закона, но внутри права (как выразился Б. Виндшейд, распространить закон в силу тождества основания – истинной мысли законодателя[2]), правопрменитель должен иметь соответствующий инструмент. Даже сторонники концепции логической замкнутости права указывали, что восполнять формальное отсутствие конкретной нормы по аналогии с имеющимся в наличии материалом законодательства, т.е. экстрагируя из существующих норм другие, явно не выраженные, но имплицитно заключающиеся в них, – «наиболее правильный и целесообразный способ»[3]. Схожим образом рассуждали другие ученые, опиравшиеся на принципиальную пробельность позитивного права, поддерживая предоставление судьям свободы в разрешении спорных ситуаций при несовершенстве или полном отсутствии законодательных норм[4], и указывая на активное положение суда в правовом частноправовом регулировании вообще, а не только при «пополнении» пробелов закона[5].

В историческом плане необходимо отметить, что иногда существо аналогии раскрывалось как то, что с использованием данного правового средства юрист идет дальше воли законодателя, переступает ее пределы и сам создает к спорному случаю норму, которую законодатель бы принял сам и сходную с той, которая уже создана законодателем для сходных случаев[6]. В таком ракурсе аналогия внешне

---

[1] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск первый. М. 1910. С. 742–750.
[2] Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Том I: Общая часть. Перевод с немецкого, под ред. С.В. Пахмана. СПб., 1874. С. 53.
[3] Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. 1: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 208.
[4] Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права // Ученые записки Юрьевского университета. 1917. № 1-2. С. 259.
[5] Муромцев С.А. Суд и закон в гражданском праве // Юридический вестник: Ноябрь. Издание Московского Юридического Общества. 1880. № 11. С. 377–393.
[6] Суворов Н.С. Лекции по энциклопедии права М., 1907. С. 72, 73; Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный

выглядит как средство казуального нормотворчества, при котором суд применяет не существующее правило к отношению, на которое данное правило формально не рассчитано, а формулирует на основе такого (имеющегося) правила более общую норму, расширяя ее путем включения признаков спорного отношения. И.В. Михайловский и вовсе настаивал, что ничего не может быть неправильнее утверждения, будто в порядке аналоги подлежит применению именно та норма, которую суд нашел в отношении сходного со спорным случая[1]. Однако этот смысловой нюанс отражает лишь промежуточное суждение в аналогической цепочке силлогизмов подобно тому, как такое же промежуточное звено можно обнаружить при непосредственном применении нормы права, когда правоприменитель к рассматриваемому случаю на основе общей нормы как бы «создает» более узкое правило, включающее специфические признаки данного случая. Как верно отметил в данном аспекте А.В. Завадский, юридическое решение по аналогии еще не говорит о появлении правовой нормы, т.к. для других судей она не имеет силы формального обязательного источника права, при этом соответствующий теоретический спор не влияет на сам (аналогический – прим авт.) метод создания новой большой посылки судейского силлогизма[2].

Советские теоретики продолжили исследования аналогии именно в таком (правовосполнительном) аспекте правоприменительной деятельности, также по-разному относясь к свойству пробельности права и к усмотрению в аналогической практике признаков судейского нормотворчества[3], при этом также неизменно отталкиваясь от сути аналогии как логического средства преодоления неполноты закона, выявляемой на стадии применения права наряду (не совпадая) с подстадией толкования[4], при том, что ключевыми исследовательскими вопросами явились:

очерк (издание 6-е, исправленное и дополненное). М., 1914. С. 113–114.

[1] Михайловский И.В. Очерки философии права: Т. 1. Томск, 1914. С. 428.

[2] Завадский А.В. К учению о толковании гражданских законов : Новейшие течения по этому вопросу в немецкой лит. (шк. свобод. права и др.). Казань., 1916. С. 127.

[3] Одни авторы полагали, что для разрешения спорных отношений, не урегулированных нормой закона, правоприменитель создает новую норму, в которой имеются черты, сходные с нормой, действующей для аналогичных отношений (см.: Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики. В кн.: Судебная практика в советской правовой системе, под ред. С.Н. Бртуся. М., «Юрид. лит». 1975. С. 46.), другие никаких элементов правотворчества в практике применения аналогии не усматривали (см.: Пиголкин А.С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49–57).

[4] Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплекс. исслед. М.: Статут, 1999. С. 126–139.

- определение происхождения и видов пробелов в праве, их установления, отграничения от квалифицированного молчания законодателя, использования аналогии как средства квалификации и преодоления действительных пробелов[1];
- теоретическое обоснование отграничения аналогии от расширительного толкования[2], от иных смежных правовых явлений (конкретизации, субсидиарного применения), в том числе от прочих правовосполнительных средств, используемых при обнаружении правового пробела[3].

В современной правовой теории аналогия рассматривается в таких же (правоприменительных) рамках. Так, подчеркивая разнообразие средств правовосполнения в арсенале суда, Е.Ю. Тихонравов рассматривает аналогию как одно из таких средств и обращает внимание на свойство созидательной фиктивности аналогического суждения (суд применяет то, чего в действительности не существует), но оставляет исследование исключительно в рамках правоприменения[4]. В диссертации Е.И. Спектор аналогия представлена как традиционно сложившийся способ преодоления пробелов в законодательстве, основанный на классической аристотелевской логике и получивший дальнейшее развитие при применении логики к потребностям разрешения споров о праве, при том, что внимание акцентировано на различиях аналогии закона и права, а также отграничение данных приемов от субсидиарного правоприменения как широкого понятия, включающего в себя межотраслевую аналогию[5]. Аналогичным образом, с акцентом на исследование вопросов установление возможностей и допустимых границ ситуационного восполнения правовых лакун в судебном процессе, аналогию закона и аналогию права как специальные способы преодоления пробелов в праве определил Ф.Р. Уранский (автор полагает, что возможностью применения аналогии права наделен только суд, и что следует полностью исключить аналогию

[1] Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. С. 128–183.
[2] Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. С. 447–472.
[3] Карташов В.Н. Институт аналогии в советском праве. Вопросы теории: Учебное пособие. Под ред.: Матузов Н.И. Саратов, 1976. С. 34–57.
[4] Тихонравов Е.Ю. Способы восполнения пробелов в законодательстве: вопросы теории и истории. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 116–127.
[5] Спектор Е.И. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 105–106.

права как инструмент правоприменения в публично-правовых отраслях)[1]. Попытка В.В. Фидарова в рамках общей теории права выработать универсальные критерии определения границ допустимого использования аналогических правовых инструменгтов в отечественной правовой системе свелась к поиску ответов лишь на три специальных вопроса: о круге субъектов использования аналогии аналогии закона и аналогии права, об отраслевых методах, указывающих на возможность или недопустимость функционирования аналогии в соответствующей отрасли, и о способности аналогии работать при возложении правовых санкций, при том, что основное внимание автора отведено уже отмеченным считающимся для темы аналогии ключевыми вопросам квалификации правовых пробелов, соотношения юридической аналогии с толкованием, субсидиарным применением и конкретизацией права, разграничением понятий устранения, восполнения и преодоления пробелов[2].

В целом можно констатировать ограничение сферы научно-теоретического исследования аналогии в праве сферой (этапом) правоприменительной (чаще всего – судебной) деятельности и выяснением правомерности единичных актов аналогического правоприменения или отдельных групп таких актов (по отраслевому или субъектному признаку).

Сообразно теоретическим наработкам в процессуальных и публично-правовых отраслевых науках аналогия обычно рассматривается как некое исключение, которому вопреки прямому или имплицитному запрету на существование все-таки определяется роль допустимого (а в некоторых случаях – необходимого и незаменимого) правоприменительного антипробельного средства. При этом неизменно авторы «обкатывают» на специальном отраслевом материале традиционные теоретические вопросы понятия и видов правовых пробелов, соотношения аналогии закона и аналогии права, допустимых субъектов правоприменения, отмечая неоднозначность того, что именно обозначается

[1] Уранский Ф.Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 151–153.
[2] Фидаров В.В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России: Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 112–197.

термином аналогия (правовой институт, правовой инструмент, правовое суждение, правовой метод, разновидность деятельности правоприменителя, результат выработки аналогического решения, правовое явление)[1] либо «не замечая» такой терминологической неоднозначности[2].

Поскольку наиболее широкая и истинная сфера для аналогии естественным образом усматривается там, где споры идут о частных правах и сами спорящие проявляют инициативу к судебному разрешению[3], и при этом существование пробелов для сферы частного права признается имманентным процессу нормотворчества[4], постольку логично именно от цивилистики следует ожидать концентрированного внимания к рассматриваемому феномену. Однако сложившиеся цивилистические представления о сущности аналогии в системе правового регулирования не вышли за отмеченные теоретические рамки и не устоялись в единообразии.

В фокусе предпринятого В.И. Акимовым единственного специального диссертационного исследования аналогии в гражданском праве советского времени оказались вопросы, вытекающие из понимания автором проблемы аналогии именно как части общего учения о применении права, подчиненного принципу законности: о понятии пробелов и аналогии как метода их восполнения, о предметных особенностях и пределах применения аналогии в гражданском праве. Соответственно, автор определил гражданско-правовую аналогию как материальный институт (вне зависимости от того, в каких нормах он закреплен) и особый нормоприменительный метод (совокупность логических правил и

---

[1] Белоносов В.О. Теория и практика применения аналогии в уголовном судопроизводстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 79–114; Демин А.В. Принцип определенности налогообложения: монография. М.: Статут, 2015. С. 300–329; Овчинникова Н.О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве и способы их устранения и преодоления. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 154–157; Тихомирова В.В. Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России. Дис. ... канд. юрид. М., 2012. С. 33–70; Туманов Д.А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. М.: Норма, 2008. С. 48–89; Юзвак М.В. Аналогия в налоговом праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 18–26.

[2] В.А. Божок без дополнительных уточнений рассматривает в разных частях диссертации аналогию и как средство, и как институт, и как деятельность по правовой оценке отношений, непосредственно не урегулированных нормами права (Божок В.А. Институт аналогии в гражданском и арбитражном процессуальном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11–124); Ф.Р. Уранский указывает на то, что в качестве особого правового института аналогия представляет собой способ (см.: Уранский Ф.Р. Указ. соч. С. 86).

[3] Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. С.-Пб., Киев: Н.Я. Оглоблин, 1913. С. 94.

[4] Gordley J., Mehren A.T. An Introduction of Comparative Study of Private Law: Readings, Cases and Materials. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 2006. P. 61.

приемов), заявил о существовании пробелов особого рода, подлежащих восполнению только законодательным способом (пробелы с точки зрения правосознания, требующего урегулирования отношений, не включенных в сферу права), отверг возможность применения по аналогии комплексов норм (институтов), выдвинул возражения против межотраслевой аналогии, отметил существенную ограниченность возможности применения аналогии в отношениях собственности, наследственных и семейных правоотношениях[1].

В свою очередь в единственной известной современной (выполненной после принятия действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)) частноправовой работе монографического уровня, непосредственно и в комплексе относящейся к рассматриваемому феномену, Л.А. Фомина, констатировав цивилистическую малоизученность правовой аналогии, схожим образом с опорой на (аристотелевскую) логическую сущность умозаключения по аналогии подошла к ее изучению в ряду иных способов преодоления правовых лакун: автор останавливается на правоприменительной (а не нормотворческой) сути приемов аналогии закона и аналогии права, акцентирует внимание на различие применения норм по аналогии от применения норм по законодательной отсылке, делает вывод о недопустимости аналогического использования норм-фикций и приемлемости сочетания механизма аналогии с правовыми презумпциями[2].

Осуществленный Д.А. Романенко диссертационный цивилистический анализ *аналогии права* на современном этапе оказался фактически ограничен идентификацией аналогии права в качестве правового института: автор подметил, что в современных исследованиях правовых пробелов и способов их преодоления линия определения аналогии проходит через правоприменение, обнаружил недостаточную разработанность вопроса о месте аналогии в системе гражданско-правового регулирования и заключил, что она «…выступает сложным, смешанным, материальным, общим, регулятивно-охранительным и

[1] Акимов В.И. Аналогия в советском гражданском праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970. С. 3–10.
[2] Фомина Л.А. Пробелы в гражданском праве России: понятие, сущность, способы преодоления: Монография. Волгоград, 2008. С. 69–126.

функциональным правовым институтом»[1], но при этом предпринял попытку очертить пределы использования аналогии права как специального нормоприменительного приема.

Лапидарно характеризуя представленное многообразие взглядов в рамках нормативно-догматического подхода к аналогии как к одному из специальных средств преодоления правовых пробелов, можно заключить, что при относительном единстве в оценке достоинств аналогии как логико-правовой конструкции, вопрос о ее сущности и месте в системе регулирования частноправовых отношений, как и во всей системе правового регулирования, до настоящего времени в науке однозначного устоявшегося ответа не обрел. В частности, сохраняется неопределенность в относимости юридической аналогии к определенной разновидности правовых явлений. Так, в литературе имеет место произвольное и непоследовательное использование для обозначения проявления аналогии в праве понятий «институт»[2], «метод»[3], «способ»[4], «средство»[5], «инструмент»[6], «принцип»[7], «нормативный регулятор»[8]. Более того, представлен взгляд, что аналогия вовсе не является ни источником, ни принципом, ни институтом права в общепризнанном их понимании данных терминов[9]. Отсутствует согласие в определении соотношения результата аналогического правоприменения и нормотворчества, остается зауженной (как в субъектном, так и в отраслевом плане) сфера аналогии как разновидности нормоприменения, нет

---

[1] Романенко Д.И. Аналогия права (цивилистическое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 161–165.

[2] Фидаров В.В. О допустимости использования института аналогии закона и аналогии права в различных формах реализации права // Юридическое образование и наука. 2007. № 3. С. 41–43.

[3] Петровский Н.А. Метод аналогии и концепции беспробельности права в юриспруденции // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 31–36.

[4] Гольмакова Э.М.А. Правовые основания применения закона по аналогии. Обеспечение стабильности судебных актов, мотивированных применением аналогии закона // Адвокатская практика. 2021. № 5. С. 2–6.

[5] Степанов М.М. Судебное преодоление пробелов в праве через призму исторического опыта // Администратор суда. 2021. № 3. С. 40–44.

[6] Горлов В. Аналогия–исключительный инструмент // ЭЖ-Юрист. 2017. № 7–8. С. 9.

[7] Демичев А.А., Илюхина В.А. О некоторых дискуссионных проблемах принципов цивилистического процесса России (аналогия закона и аналогия права, сочетание единоличного и коллегиального начала в судопроизводстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 3–6.

[8] Москаленко И.В. Роль дефиниций в информационном обеспечении функций гражданско-правовых норм // Нотариус. 2004. № 5. С. 30–32.

[9] Соловьева Т.В. Аналогия закона и аналогия права в гражданском судопроизводстве // Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 29 апреля 2022 года. Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2022. С. 90–93.

четкости в квалификации соответственного правоприменения и его соотношения с использованием в порядке аналогии норм по прямому указанию законодателя.

В последнее время, как это видно по существенно возросшему вниманию ученых и практикующих юристов к правовым аналогиям, рассматриваемый феномен демонстрирует себя не только как способ легального выхода судом за пределы буквы закона, не охватывающего конкретную спорную ситуацию, а более широко, как «фундаментальный процесс в юридическом рассуждении»[1], имеющий комплекс проявлений. В этом смысле совершенно не случайно Г.А. Гаджиев указывает, что рассматриваемая категория присутствует во всех правовых системах, выступая при этом основной категорией юридического познания, опирающегося на особую юридическую логику[2]. Поэтому приобретает актуальность представление аналогии более широко, в новых аспектах.

Думается, что в дальнейших рассуждениях следует отталкиваться от того, что в философском измерении под обозначением «аналогия» (от греч. ἀναλογία – пропорция, соответствие, соразмерность предметов, явлений, процессов, величин, отношений в каких-либо свойствах) обычно понимается не только наблюдаемое или выводимое аналитически сходство как таковое и не только «умозаключение по аналогии» как неиндуктивный и недедуктивный (а традуктивный)[3] вывод от сходства двух предметов в одной части их признаков к вероятному сходству их в другой части признаков, когда эти (другие) признаки уже найдены в первом предмете, но еще неизвестно, окажутся ли они в другом предмете[4], но и более широко, как основанное на таком (аналогическом) умозаключении особое средство (метод) познания, характеризующееся целенаправленностью, систематичностью и обоснованностью, использованием дополнительных мер, повышающих

---

[1] Hunter D. Teaching and Using Analogy in Law // Journal of the Association of Legal Writing Directors. 2008. Vol. 2. P. 151–168.

[2] Гаджиев Г.А. Методологические проблемы «прецедентной революции» в России // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 5–8.

[3] Если в индуктивных и дедуктивных умозаключениях классы предметов, к которым относятся посылки и заключение, совместимы (соотносятся как классы и подклассы) и перенос признаков осуществляется от частного к общему либо от общего к частному, то в традуктивных (аналогических) умозаключениях классы предметов, к которым относятся посылки и заключение, различны, и перенос признаков осуществляется либо от частного к частному, либо от общего к общему (см.: Булатова М.Н. Логика для юристов: учеб. пособие. Изд. 4-е, испр. и доп. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 116).

[4] Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Том. 1. М.: Издательство Моск. Ун-та, 1969. С. 301.

познавательные возможности, а также определённой последовательностью и поэтапностью в выполнении познавательных процедур[1]. При этом целесообразно принять во внимание, что аналогия как средство познания считается:

- *сильным* (основанным на единстве различных явлений природы, которое проявляется объективно и независимо от наблюдателя[2]),
- *креативным* (представляющим уподобление, пробирающееся от известного к неизвестному при помощи научной и жизненной догадки, выражающее способность человека осмысливать жизнь и бытие при помощи житейского или научно-обогащённого разума[3]),
- *полифункциональным* (выступающим инструментом решения проблемных ситуаций, способом восприятия и передачи информации, методом осмысления недоступных восприятию человека явлений, процессов, объектов, средством предвидения[4]),
- *универсальным* (позволяющим исследователю двигаться вперед в условиях дефицита фактов и осуществляющим мировоззренческо-идеологическую, гносеологическую, эвристическую, трансляционную и другие функции не только во всех сферах научного творчества, но и в практической деятельности человека[5]),
- *естественным* (используемым людьми в качестве общего основания повседневных умозаключений от прошлого опыта к тому, что случится в будущем[6]).

Важно учесть и то, что наработаны условия, при которых достоверность (корректность) выводов по аналогии, имеющих априори вероятностный (предположительный) характер, может быть повышена. Речь идет об улучшении следующих параметров аналогической практики: широта (максимальное количество признаков сходства), глубина (необходимая существенность признаков

---

[1] Филипенко М.М. Аналогия как средство познания. М.: Мысль, 1975. С. 8.
[2] Эмпахер А. Сила аналогий. Пер. с польск. Ф.Г. Хацянова; под ред. и с предисл. А.В. Шилейко. М.: Мир, 1965. С. 7.
[3] Аскольдов С.А. Аналогия как основной метод познания // Мысль. 1922. № 1. С. 34–54.
[4] Костюченко Р.Ю. Аналогия в науке и обучении // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 4 (24). С. 136–140.
[5] Буш Г.Я. Аналогия и техническое творчество. Рига: Авотс, 1981. С. 3–5.
[6] Томова Н. Аналогия // Философская антропология. 2020. Т. 6. № 1. С. 106.

сходства), системность (должная зависимость переносимого признака (правила) от общих признаков), целесообразность (соответствие переносимого признака (правила) фону)[1].

Даже в первом приближении становится очевидным, что едва ли целесообразно замыкать использование преимуществ герменевтической, гносеологической, прогностической и эвристической силы метода аналогии (при наличии научно обоснованных приемов повышения ее качества) исключительно сферой активности правоприменителя (или даже только суда). Сообразно этому, в юридической науке уже была отмечена недостаточность внимания к методу аналогии за пределами его формально-юридического анализа в рамках практической правовосполнительной юриспруденции и указано, что в действительности данный метод имеет более широкое применение в правовой сфере, в том числе эвристически способствует выработке практически приемлемой стратегии решения различных правовых задач[2]. Остается уяснить и показать, насколько широкое и какое именно.

Имея в виду, что всякая правовая активность основана на познании правовой материи, ее уяснении, аргументации, разъяснении и развитии, видится логичным предположить возможность и необходимость изучения, применения и совершенствования аналогии в частном праве не только в качестве способа казуального преодоления правовых пробелов в правоприменительной деятельности, а в качестве правовой категории (одного из наиболее значимых общих сквозных правовых понятий), обозначающей занимающее определенное место *во всех элементах* системы регулирования частноправовых отношений универсальное юридическое средство, которое имеет в качестве логической основы традуктивное (аналогическое) умозаключение и нацелено на преодоление недостатка регуляторной определенности и дефицита правового материала (норм,

---

[1] Леоненко Л.Л. Аналогия и достоверность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2008. № 1. С. 524–528; Семенова Э.Р. Аналогия как метод научного познания // Наука молодых–будущее России: сборник научных статей 5-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 4 т. Курск, 10–11 декабря 2020 года. Том 1. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 371; Томова Н. Указ. соч. С. 108, 109.

[2] Петровский Н.А. Метод аналогии в методологии права // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. 2019. № 7. С. 142–146.

индивидуальных регуляторов и (или) знаний о них).

Иными словами, свойство универсальности аналогии как средства познания работает при применении данного средства не только в правовой науке (при добывании новых правовых знаний), но и в правовой реальности в целом (в правотворчестве, правоприменении, индивидуальной и коллективной частноправовой активности). Подобно тому, как юрист-исследователь в научном познании при помощи аналогии преодолевает пробелы в сведениях о правовых явлениях (изучаемый правовой феномен оказывается более познанным в сопоставлении с известным), юрист-практик либо носитель субъективных прав и обязанностей аналогическим образом квалифицирует и повышает степень урегулированности (истолкованности, аргументированности, регламентационной определенности) частноправовых отношений нормативным либо индивидуальным способом. Когда возникают новые юридически значимые обстоятельства, люди воспринимают и интерпретируют их, следуя процессу схематического познания, «аналогизируя» их со структурами знаний, уже встроенными в память[1].

Идею о сквозном значении метода аналогии для всей системы частноправового регулирования подтверждает его диалектическая связь с *моделированием*. Поскольку идея моделирования (создания образа реального объекта, процесса, отношения, института) буквально пронизывает все уровни частного права (в том числе при проектировании и оценивании в «норморайтерской» деятельности, в рамках «архитектуры» проектируемых нормативных пространств, при применении новейших регуляторных технологий[2]), и имея в виду единодушное признание философской наукой роли аналогии как

---

[1] Berger L.L. Metaphor and Analogy: The Sun and Moon of Legal Persuasion // Brooklyn Journal of Law and Policy. 2014. Vol. 22. Iss. 1. P. 147–151.

[2] Дегтярев М.В. Моделирование в праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3. С. 436–461. Неслучайно правовой дискурс наполнен понятиями типа «модель правосудия» (см.: Лебедев В.М. Научные основы современной российской модели правосудия // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 103–115), «модель юридического факта» (см.: Рыженков А.Я. Структурная модель юридического факта в гражданском праве // Современное право. 2021. № 6. С. 66–70), «модель защиты» (см.: Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 24–80), «модель института» (см.: Самохвалов Н.А. Концептуальные идеи и модель института медиации в современной России // Юрист. 2015. № 2. С. 38–42), «модель права собственности» (см.: Богданова Е.Е. Применение сложноструктурной модели права собственности в гражданском законодательстве Российской Федерации // Современное право. 2013. № 8. С. 44–50) и т.п.

объективной основы операции моделирования[1], общий логический вывод о том, что создающие возможность конструирования моделей особенности умозаключений по аналогии оказывают существенное влияние на все уровни действий людей[2], в сфере права обретает особенно яркое звучание.

Перед тем, как отыскать и указать надлежащее место категории аналогии в каждом элементе системы частноправового регулирования, необходимо оговорить, что следует понимать под обозначением «юридическое средство» (или «правовое средство»[3]). Думается, что применительно к аналогии понятие «правовое средство» может быть использовано в интегративном (комплексном) понимании[4] и в зависимости от контекста подходить для обозначения аналогии и как институционального образования (установлений, форм правовой действительности)[5], и как совокупности юридически значимых действий (способов достижения правовых целей)[6]. В частности, при таком доктринальном восприятии аналогия как правовое средство заключается одновременно и в правилах ст. 6 ГК РФ о порядке применения гражданского законодательства по аналогии, определяющих режим функционирования права в условиях неопределенности, и в аналогической практике (формулирования аналогического правового суждения), производимой в рамках этого режима для достижения правовой цели – казуального преодоления законодательной лакуны.

Далее, имея в виду, что в целом под правовым регулированием в теории права принято считать целенаправленное воздействие на поведение людей и общественные отношения, осуществляемого с целью их упорядочения при помощи юридических (правовых) средств[7], в зависимости от способов (и осуществляющих

---

[1] Батороев К.Б. Аналогии и модели в познании. Новосибирск: Наука, 1981. С. 33

[2] Пьяных Е.П. Логика: конспект лекций для студентов всех форм обучения. Екатеринбург: Изд-во УрГУПС, 2012. С. 89.

[3] Обзор различных подходов к использованию категории правовых средств см.: Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. С. 103–138.

[4] Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66–77.

[5] Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород. 2002. С. 47–60.

[6] Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. С. 87.

[7] Пьянов Н.А. Государственное регулирование общественных отношений: вопросы теории: монография. Иркутск, 2009. С. 65.

их субъектов) такого воздействия элементы системы правового регулирования представляют нормы права (общие, неиндивидуализированные регуляторы – нормативный уровень системы)[1] и индивидуально-определенные правовые средства (казуальные, персонифицированные регуляторы – субнормативный уровень)[2], разделяющиеся на подуровни субординационного воздействия (акты судов и иных носителей властных полномочий, подуровень правоприменения)[3] и координационного регулирования[4], включающего группу односторонних правомерных юридически значимых действий участников правоотношения (подуровень автономного регулирования)[5] и подсистему договорно-регулятивных средств (соглашения, подуровень договорного регулирования)[6].

Исходя из указанного представления, аналогия как юридическое средство (совокупность норм и инструментов) имеет место во всех отмеченных элементах системы правового регулирования частноправовых отношений.

Аналогия как институциональное нормативно-правовое средство

Прежде всего, видится возможным констатировать, что в нормативной части системы частного права категория аналогии прямо используется в составе группы материальных и процессуальных правил, которые определяют основания, условия и пределы реализации и применения правовых норм в порядке аналогии

---

[1] Виниченко Ю.В. О нормативном правовом регулировании системы гражданского оборота // Гражданское право. 2021. № 5. С. 10–13.

[2] Несмотря на высказанные сомнения в том, уместно ли именовать правовым воздействие регуляторов, не относящихся к источникам права, и учитывая существование идеи парности категорий правового и индивидуального регулирования (Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. С. 106–109), в целом можно констатировать наличие разделяемой большинством правоведов позиции, что правовыми регуляторами социальных связей являются не только нормы права, но и установления, реализуемые на основании норм права в соответствующих правовых формах, включая договоры, юридическое значение которых в системе права не исчерпывается ролью юридического факта (см.: Казанцев М.Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 5–7; Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Государство и право. 1992. № 1. С. 122–130; Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ). Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 9; Решетов Ю.С. Нормативное и индивидуальное правовое регулирование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2. С. 17–22).

[3] Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. С. 345–347.

[4] Иногда в доктринально обозначаемого как «самоорганизационный» (см.: Виниченко Ю.В. Об индивидуальном правовом регулировании гражданского оборота // Гражданское право. 2023. № 1. С. 2–8).

[5] Груздев В.В. Автономное гражданско-правовое регулирование. Дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2021. С. 52–82; Минникес И.А. Автономное регулирование как вид индивидуального правового регулирования // Известия ИГЭА. 2011. № 1 (75). С. 151–155.

[6] Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 22; Корецкий А.Д. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 12.

(раскрывают аналогию в качестве особого способа (метода, инструмента) правоприменения и реализации права):

- п.п. 1, 2 ст. 6 ГК РФ о применении гражданского законодательства в порядке аналогии закона или аналогии права;
- п. 2 ст. 421 ГК РФ о неисключенности (допустимости в исключительных случаях) применения аналогии закона к отдельным договорным отношениям;
- ст. 5 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) о применении к семейным отношениям по аналогии норм семейного и гражданского законодательства;
- ст. 7 Жилищного кодекса Российской Федерации (ЖК РФ) о применении аналогии при столкновении с лакунами в жилищном законодательстве;
- п. 3 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) о применении судами общей юрисдикции в порядке аналогии норм материального права в гражданских делах;
- п. 6 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) о применении арбитражными судами аналогии в случае обнаружения пробелов в правовом регулировании сферы предпринимательской и иной экономической деятельности;
- п. 2 ст. 5 ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»[1] о недопустимости аналогического применения обязательных требований;
- п. 4 ст. 1 ГПК РФ о применении аналогии при отсутствии процессуальной нормы, регулирующей отношения в ходе гражданского судопроизводства;
- п. 5 ст. 3 АПК РФ о восполнении при аналогии закона пробелов в процессуальном праве при осуществлении судопроизводства в арбитражных судах.

Указанные правила имеют различных адресатов, они по-разному отмечают состояние неурегулированности, дифференцированно определяют источники, к которым следует обращаться посредством аналогии, относятся к разным

[1] Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.

материальным и процессуальным отраслям, но при этом все регулируют однородную (характеризующуюся пробельностью) группу отношений и объединяются функциональной направленностью на преодоление правовых пробелов для обеспечения «бесшовности» частноправовой материи, что позволяет говорить о существовании института аналогии в значении, придаваемом теорией права понятию института как относительно обособленного комплекса юридических норм, обеспечивающих цельное (комплексное) регулирование данной (однородной) разновидности (стороны) общественных отношений[1].

Примечательно, что все перечисленные выше нормы института аналогии не только имеют характерную специализацию (обеспечивают оперативное регулирование не через издание новых норм, а посредством изменения сферы функционирования имеющихся правил), но и имеют двучленную структуру (состоят из гипотезы и диспозиции), не выстраиваются в образ логических трехчленных норм и не содержат конкретных моделей поведения участников частноправовых отношений, действуя только в сочетании с другими нормами, т.е. отвечают всем доктринально установленным признакам специализированных норм, относясь при этом к разновидности системосохраняющих (оперативно-распространительных)[2].

Раскрывая понятие и классифицируя группу оперативно-распространительных специализированных норм гражданского права (что вполне пригодно к использованию во всех правовых отраслях, обобщению и переводу на общетеоретический научный уровень), О.А. Кузнецова указывает, что распространительные нормы-предписания как элементы оперативно-распространительных норм направлены на определение (распространение) действия гражданско-правовых норм в пространстве, по кругу лиц и во времени, и с учетом этого подразделяет их на распространительно-территориальные, распространительно-субъектные и распространительно-темпоральные[3]. Как видно,

---

[1] Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. С. 137, 138.

[2] Алексеев С.С. Указ соч. С. 215; Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы. Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 7–15.

[3] Кузнецова О.А. Там же.

нормы, причисляемые к нормативно-правовому институту аналогии, классификационно не укладываются в обозначенную дифференциацию, поскольку в результате правопирменительного аналогического суждения в сферу действия наличной нормы могут волйти отношения, отличающиеся как одним из указанных признаков, так и другими (не названными) признаками (например, по объектам, фактическим обстоятельствам) либо одновременно несколькими признаками. Поэтому видится возможным выделять нормы института аналогии в качестве особой разновидности оперативно-распространительных специализированных норм.

Наряду с отмеченными правилами, в целом закрепляющими способ оперативного правовосполнительного распространения в различных сегментах частного права, на нормативном уровне системы частноправового регулирования обнаруживаются особые (конкретные) законодательные предписания о необходимости применении отдельных существующих норм к некоторым специально обозначеным законодателем отношениям, лишенным специального источника регулирования, *в порядке аналогии*.

Так, в поскольку ГК РСФСР 1964 года допускал возникновение авторского права у юридических лиц (на периодические издания, кинофильмы и телефильмы), а ныне действующее законодательство опирается на принципиально иной подход, в ст. 6 ФЗ от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»[1] определено, что авторские права организаций, возникшие до признания авторства лишь за гражданами, прекращаются по истечении 70 лет со дня обнародования произведения (а при необнародовании – 70 лет со дня создания произведения). При этом уточнено, что к соответствующим правоотношениям (связанным сохранением и признанием ранее возникших авторских прав организаций) *по аналогии* применяются положения части 4 ГК РФ. Как видно, в данном случае отмирающие, но еще существующие отношения авторства, оказались лишены непосредственой нормативной регламентации, и законодатель самостоятельно распознал появление

[1] СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5497.

пробела, однако вместо того, чтобы создавать особые правила (которые шли бы вразрез с выбранной стратегией признания авторами произведений только граждан), счел целесообразным указать на опосредованное аналогией применение новых норм, рассчитанных на регулирогвание авторства физических лиц (организации в таком представлении не являются авторами, а по аналогии считаются таковыми).

Аналогичным образом применительно к кадастровым отношениям «переходного этапа», когда наряду с кадастровыми инженерами временно допускалось осуществление кадастровой деятельности лицами, обладающими правом выполнения работ по территориальному землеустройству, законодатель отказался от создания специального порядка регулирования отношений с участием таких субъектов и в п. 1 ст. 44 ФЗ от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости»[1] определил, что таковые для целей регламентации кадастровой деятельности «считаются» кадастровыми инженерами и их деятельность *по аналогии* подчиняется правилам, установленным в отношении выполнения кадастровых работ кадастровыми инженерами.

Схожие по аналогической отсылке к имеющемуся нормативному материалу примеры обнаруживаются в п. 24 ст. 12 ФЗ от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»[2], где определно, что к отношениям потерпевшего и страховщика по вопросу прямого возмещения убытков *по аналогии* применяются правила, установленные законом для отношений по поводу осуществления страховых выплат, а также в ст. 11.5. ФЗ от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»[3], в силу которой к отношениям объединения туроператоров и страховщика (или гаранта) по поводу возмещения расходов резервного фонда (когда при оказании экстренной помощи туристу к соответствующему объединению переходит принадлежащее туристу право требования о выплате страхового возмещения по договору страхования

[1] СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017. Утратил силу с 1 января 2017 г.
[2] СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
[3] СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

ответственности туроператора к страховщику либо о выплате по банковской гарантии) *в порядке аналогии* применяются правила, предусмотренные законом для отношений между туристом и (или) иным заказчиком и страховщиком или гарантом по договору страхования ответственности туроператора либо по банковской гарантии.

В приведенных и иных аналогичных примерах (п. 3.1. ст. 7 ФЗ от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»[1]; п. 9 ст. 2, п. 1.3. ст. 15 ФЗ от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»[2] и др.) создание специального порядка регулирования пробельных отношений явно не подорвало бы стройность имеющихся нормативных конструкций, но могло бы привести к правовому излишеству, своего рода *правовому плеоназму*, а потому видится оправданной осознанная экономия правотворческих усилий законодателя и сбережение разумного объема правового массива.

Такого рода специализированные правовые нормы, обязывающие к применению по аналогии конкретных правил в нормативно определенных случаях (*аналогии в силу закона* или *законные аналогии*) видится возможным и необходимым рассматривать в качестве особой разновидности оперативно-распространительных норм, не сводимых к распознанным в доктрине отмеченным ранее распространительно-территориальным, распространительно-субъектным и распространительно-темпоральным нормам.

Определенная взаимосвязь отсылочного регулирования и аналогии не осталась незамеченной в науке, но оказалась оцененной по-разному.

Некоторые авторы, отмечая в ряду отсылочных норм указания о *соответственном* применении тех или иных правил, квалифицируют таковые в качестве проявления приема аналогии. В частности, наличие у договоров ссуды общих черт с договорами аренды позволяет задействовать ряд «арендных» правил

[1] СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.
[2] СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

ГК РФ при регулировании безвозмездного пользования имуществом[1], в том числе применять нормы о допустимых объектах договора (ст. 607 ГК РФ), о сроках (п.п. 1 и 2 ст. 610 ГК РФ), об условиях использования имущества (п.п. 1 и 3 ст. 615 ГК РФ), о возобновлении договора (п. 2 ст. 621 ГК РФ), о принадлежности отделимых улучшений объекта и об отнесении на арендатора стоимости неотделимых улучшений, произведенных без согласия арендодателя (п.п. 1 и 3 ст. 623 ГК РФ). При этом формулировка п. 2 ст. 689 ГК РФ о том, что указанные в ней положения применяются к договору безвозмездного пользования не просто, а *соответственно*, приводит некоторых авторов к выводу о том, что это такое проявление близости ссуды и аренды, которое выражается в применении названных в законе норм о договоре аренды к договору ссуды *в порядке аналогии*[2].

В теоретическом аспекте подобный взгляд возможно подкрепить идеей, что в случае соответственного применения имеет место аналогия, основанная на заранее распознаном и учтенном законодателем сходстве различных фактических ситуаций[3]. С практической (правоприменительной) тозки зрения поскольку в состав норм (институтов), которые надлежит применять «соответственно», как правило, входят не только элементы, полностью применимые к искомым (не имеющим прямой регламентации), но и элементы, рассчитанные исключительно на специфические признаки непосредственного объекта таких норм (институтов), постольку отмечается, что от правоприменителя требуется дополнительно истолковывать нормы, применяемые соответственно, и использовать приемы, свойственные применению аналогии закона[4].

Было высказано мнение, что всякие отсылочные нормы следует считать разновидностью аналогических правовых средств: обособляя аналогию, к которой при столкновении с пробелами приходится прибегать правоприменителю, О.С.

---

[1] Витрянский В.В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 26–59.

[2] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный). Под ред. С.А. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Черданцев А.Ф. «Соответственное» применение и толкование норм права // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1969 год. Свердловск, 1970. С. 44–46.

[4] Чаусская О.А. Применение норм гражданского права: вопросы теории и практики: Дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 170–171.

Иоффе указывал, что имеются и такие аналогии, которые вводятся самим законодателем (нормативные отсылки)[1]. Сообразно такому подходу В.А. Лаптев подчеркнуто квалифицирует отсылку ст. 307.1. ГК РФ о применении общих положений об обязательствах к требованиям из корпоративных оснований именно в качестве *приема аналогии*[2]. Схожим образом как *указание на аналогию* определяется отсылочная норма п. 9 ст. 67.2. ГК РФ *о соответственном применении* правил о корпоративном договоре к соглашениям об осуществлении прав, заключаемым участниками хозяйственных обществ с третьими лицами[3].

Вместе с тем, смешивание отсылочного (включая соответственное) и аналогического регулирования было подвергнуто критике как не соответствующее сути отсылки как одного из способов нормативного регулирования и аналогии как средства преодоления пробелов: отсылочная норма и ее адресат представляют собой единое правило поведения, включенное в нормативный акт самим законодателем, а значит, при нормативной отсылке пробел как таковой отсутствует[4]. Представлен взгляд, что наличие прямого указания в законе является смыслообразующим критерием отличия аналогии закона и аналогии права от субсидиарного (прямого дополнительного) правоприменения[5]. Более того, нормы, названные выше *законными аналогиями* или *аналогиями в силу закона*, предложено не только сущностно не относить к проявлению метода аналогии, но и формально превратить их в отсылочные в чистом виде, изъяв указание на аналогию[6].

Думается, что ни одна из приведенных позиций не может быть поддержана без оговорок. Прежде всего, нельзя не признать, что существуют отсылочные нормы, применение которых никак не связано с методом аналогии. Например, норма п. 2 ст. 487 ГК РФ на случай неисполнения покупателем обязательства предоплатить товар отсылает к ст. 328 ГК РФ (о встречном исполнении

---

[1] Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Новый гражданский кодекс РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 30.
[2] Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 285–311.
[4] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд. М.: Статут, 2001. Кн. 1. С. 48.
[5] Гаврилова Ю.А. Правоприменительная практика: особенности смыслообразования // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 46–55.
[6] Фомина Л.А. Указ соч. С. 98.

обязательств). В данном случае обязательство продавца не уподобляется встречному, а является таковым, в силу чего законодатель отсылает к соответствующей именно такому виду обязательств правилу. Такого рода нормы, определяющие, какими конкретно источниками либо их отдельными статьями (пунктами) регламентируется тот или иной вопрос либо объясняющие связанность ряда норм в регулировании отдельных отношений, можно определить как юридико-технический способ логического и формально-юридического суммирования различно расположенных частей в единое правило[1], технологию закрепления регулятивной взаимосвязи структурных элементов законодательных предписаний посредством указания адресного расположения каждой взаимодействующей части[2]. В таких ситуациях правила, к которым осуществляется отсылка, изначально предназначены для регулирования искомых отношений.

Далее, рассматривая отсылки о соответственном применении, следует иметь в виду, что в той части, в которой норма, непосредственно рассчитанная на регулирование некоторых отношений, опосредованно отсылкой выступает источником соответственной регламентации других отношений, объектом правового регулирования оказываются сущностно тождественные (а не аналогичные) отношения. В частности, когда в п. 2 ст. 567 ГК РФ идет речь о соответственном применении положений о купле-продаже к договору мены, имеется в виду, что после отсечения не имеющего значения для целей применяемых норм признака предоставления в оплату продаваемого товара денежной суммы и сообразное такому отсечению исключение применения к договору мены противоречащего его существу правила ст. 475 ГК РФ о праве требовать соразмерного уменьшения цены товара ненадлежащего качества и передачи дополнительного количества товара в объеме, соответствующем уменьшению его стоимости[3], в остатке оказываются отношения сторон договора

[1] Ткачук О.В. Отсылки в российском законодательстве: проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 10–14.
[2] Баранов В.М. Ссылки (отсылки) в актах правотворчества: технико-юридические дефекты и пути преодоления их вредных последствий // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 5–21.
[3] Пункт 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.09.2002 № 69 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 1.

мены, не отличимые от взаимодействия сторон договора купли-продажи. Иными словами, несмотря на потребность в дополнительных (по сравнению с обычным отсылочным регулированием) мыслительных операциях сравнения, соответственное применение является разновидностью непосредственного применения нормы, текстуально не охватывающей объект регулирования, когда мысленная замена того, что подлежит замене в формулировке нормы с учетом существа объекта (*mutatis mutandis*), позволяет подчинять такой объект ее прямому воздействию.

Наконец, выявленные законные аналогии исключают признание тождества отношений, для которых применимые нормы созданы, и отношений, на которые такие нормы подлежат аналогическому распространению. Похожее на механизм аналогии указание законодателя на соответственное применение какой-либо нормы к определенному правоотношению делает таковое урегулированным непосредственно с момента наступления указанных в гипотезе нормы фактических обстоятельств, а не с момента осуществления правоприменителем аналогического распространения нормы на спорные отношения.

В теоретическом аспекте этот механизм позволяет корректным образом называть задействуемые правовые явления своими именами, а с практической точки зрения означает, что, осуществляя аналогическое (а не прямое субсидиарное) применение, правоприменитель связан предусмотренными в соответствующих общих нормах института аналогии требованиями добросовестности, разумности, справедливости и гуманности не только при непосредственном приложении конкретной нормы к спорным отношениям, но и при выяснении применимости этой нормы в соответствующем случае.

Таким образом, разделяя собственно отсылочное, отсылочное соответственное и отсылочное аналогическое регулирование, можно прийти к тому, что не всякое отсылочное регулирование является аналогическим, соответственное применение сущностно не основано на механизме аналогии, а законодательные отсылки о применении правовых норм по аналогии предполагают включение в работу в конкретных случаях (по специальному указанию

законодателя) общих положений института аналогии.

К вопросу о квалификации соответственного правоприменения и его корреляции с использованием в порядке аналогии норм по прямому указанию законодателя примыкает вопрос о так называемом субсидиарном правоприменении, под которым в теории права предложено понимать «специфическую» разновидность аналогии – аналогическое применение норм одной отрасевой принадлежности к пробельным отношениям, входящим в сферу другой отрасли права[1]. Вместе с тем, высказано мнение, что более верно трактовать субсидиарное применение шире, чем только в качестве межотраслевой аналогии, поскольку таковое может использоваться как при наличии пробелов в законодательстве, так и при их отсутствии, когда речь идет о приеме экономии объема нормативного материала, как это имеет место в случае внутриотраслевого соответственного регулирования[2].

Признавая, что существенной особенностью межотраслевой аналогии выступает более сложный характер мыслительной деятельности правоприменителя, которому необходимо учитывать различия в методах, попадающих в фокус правового воздействия отраслей права[3], видится целесообразным воздерживаться от ее обозначения понятием «субсидиарное правоприменение», вносящим путаницу (с одной стороны, всякое, (а не только) межотраслевое) применение выглядит дополнительным, а с другой, не всякое дополнительное применение сопряжено с аналогией) и, что главное – не отражающим логическую основу и само юридическое существо аналогии как правовосполнительного приема (техническое подключение норм одной отрасли права к регулированию не предполагает установление пробела и сравнение

[1] Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. С. 179; Леушин В.И. Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 16–20; Поленина С.В. Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 28.

[2] Абрамова А.И. Субсидиарное применение норм судом // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. № 41. М., 1998. С. 7; Спектор Е.И. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 80.

[3] О дополнительных требованиях к процессу межотраслевой аналогии на примере пробельных трудовых отношений см.: Кузнецова Л.Е. Применение гражданско-правовых норм к трудовым отношениям по аналогии. Дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2004. С. 6.

урегулированных и пробельных отношений).

В целом можно предварительно заключить, что в нормативной части системы регулирования частноправовых отношений категория аналогии используется для обозначения сложного межотраслевого функционального института, который состоит из:

- совокупности общих специализированных норм, определяющих условия и порядок внутриотраслевого либо межотраслевого применения аналогии закона и аналогии права в случаях, когда какое-либо входящее в сферу нормативного регулирования частноправовое отношение оказывается не урегулированным существующими нормами права или соглашением сторон (общих оперативно-распространительных аналогий), и
- группы особых специализированных норм, указывающих на обязательность применения по аналогии конкретных правил в нормативно определенных случаях (специальных законных аналогий)[1].

Однако указанное объемное содержание применительно к нормативному сегменту частного права сущность категории аналогии полностью не исчерпывает. Исходя из ранее оговоренного интегративного понимания «правовых средств», аналогия как одно из таковых включает и институциональные образования, и юридически значимые действия (технологий достижения правовых целей).

Аналогия как средство выработки правотворческих решений и формирования нормативного массива

Нельзя не обратить внимание, что законодатель не только формирует нормативный аналогический инструментарий (институт аналогии) для реализации и применения права, но и *сам пользуется аналогией*. Подобно тому, как аналогическое заимствование «готовой нормы» облегчает правоприменительный процесс (в отличие от выработки абсолютно нового решения)[2], применение метода

[1] Такое альтернативное структурирование института аналогии не отвергает отмеченное в науке обособление аналогии закона и аналогии права как двух субинститутов в составе общего института, но при этом обращает внимание на включение в состав рассматриваемой совокупности правил гораздо большего количества норм, чем то, которое обычно обсуждается в науке, поскольку преполагает выделение группы особых специализированных норм, отличающихся от предписанных аналогий, отсылочных норм и указаний о соответственном правоприменении.
[2] Трубицына Т.А. Институт аналогии в российском праве // Право и политика. 2007. № 1. С. 5–9.

аналогии упрощает и повышает эффективность выработки законотворческих решений. Так, поразительно аналогичными выглядят имеющие самостоятельные источники регламентации правовые режимы паевых инвестиционных фондов[1], компенсационных фондов саморегулируемых организаций[2], целевых капиталов некоммерческих организаций[3], схожим образом предполагающие обособление, формирование специальных параметров пополнения (расформирования) и передачу в доверительное управление имущества, имеющего особую функциональную предназначенность. В данном случае аналогия зримо проявилась в составе методологии нормообразования, и фактически можно вести речь о правотворческой проекции *функционально-структурной* аналогии как одной из логических разновидностей аналогических суждений (когда от сходства функций делается выход к сходству строения)[4].

Следует согласиться с тем, что подобную роль аналогия сыграла в формировании нормативно-правовых режимов нематериальных и цифровых объектов (вещно-правовой механизм по аналогии перерос в систему регулирования присвоения и оборота результатов творческой деятельности человека и средств индивидуализации)[5]. Не исключено, что схожим образом именно благодаря аналогии с такими отработанными понятиями как «юридическое лицо» и «корпорация» законодательно объективируются новые правовые конструкции «электронное лицо»[6] или «цифровая корпорация»[7].

В свете указанного совершенно правильным является, в частности, утверждение о том, что *по аналогии* со специальным (ординарным) правовым режимом деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в области семейного предпринимательства должен формироваться специальный

---

[1] Ст. 10–20 ФЗ от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.
[2] Ст. 13 ФЗ от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.
[3] Ст. 4–14 ФЗ от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 38.
[4] Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования. Из истории физ.-мат. наук / АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. М., Наука, 1970. С. 68.
[5] Фомина О.Н. От вещных прав к правам на нематериальные и цифровые объекты // Гражданское право. 2023. № 2. С. 42–45.
[6] Аксенова М.А. Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. 2020. № 7. С. 18–24.
[7] Олейник Е.В., Шевченко О.М. Понятие и правовое регулирование цифровой корпорации // Предпринимательское право. 2023. № 2. С. 36–41.

(ординарный) правовой режим экономической деятельности[1]. Здесь аналогия вполне может выступить вектором правового регулирования и соответствующее аналогическое формирование законодательства будет похоже на правовое преломление *экзистенциальной* логической аналогии (аналогии существования, когда существование одной системы свидетельствует о необходимости существования другой)[2].

Примером эффективного нормотворческого использования логической разновидности *объяснительной* аналогии (приравнивание отношений (признаков) в новом предмете к отношениям (признакам) в тех предметах, которые хорошо известны)[3], можно назвать введение законодателем понятия «обладатель информации» (п. 5 ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[4]) по аналогии с гражданско-правовыми категориями «собственник», «титульный владелец». Конституционный Суд Российской Федерации (Конституционный Суд РФ) указал, цель такой аналогии состояла *в описании* правового статуса лица, правомочного в отношении конкретной информации решать вопрос о ее получении другими лицами и о способах ее использования как им самим, так и другими лицами, с опорой на известные характеристики правового положения собственников и титульных владельцев материальных объектов[5].

Можно поддержать и такое основанное на подвиде *обобщающей* аналогии (выявленные исходные признакми отношения в какой-то одной предметной области распространяются на соответствующий класс отношений в смежных сферах[6]) утверждение, согласно которому сходные отношения, возникающие на рынках электрической и тепловой энергии, должны регламентироваться аналогичным образом, и, как следствие, законодатель, будучи последовательным, должен урегулировать сходные общественные отношения аналогичными или

---

[1] Ершова И.В. Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 67–75.
[2] Уемов А.И. Указ. соч. С. 67.
[3] Уемов А.И. Указ. соч. С. 80.
[4] СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П.
[6] Уемов А.И. Указ. соч. С. 91.

тождественными юридическими средствами[1]. Фактически речь идет о логической целесообразности создания общей правовой модели для регулирования рынка всех видов энергии.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что аналогия действительно зачастую выступает естественным и эффективным средством выработки правотворческих решений и формирования нормативного массива. Другое дело, что при выборе конкретного варианта правовой регламентации в поле зрения законодателя может оказаться несколько аналогий. В таком случае, принимая во внимание логическую основу аналогии как правового средства, видится необходимым при осуществлении такого выбора опираться на известные требования к повышению эффективности (достоверности, адекватности, законности) выводов по аналогии (широты, глубины, системности, целесообразности). В частности, хотя и не акцентируя внимание на аналогию и логическую сторону вопроса, Э.П. Гаврилов убедительно показал, что при определении правового режима охраны служебных селекционных достижений законодателю следовало бы использовать аналогию не с правовым режимом служебных изобретений, а более широкую и глубокую аналогию с правовым режимом служебных авторских произведений[2].

Аналогия как способ конструирования относительно определенных норм

Принцип правовой определенности принято считать таким общим принципом, который вместе с идеей верховенства права и другими фундаментальными правовыми максимами лежит в основе всех правовых систем, как международных, так и национальных[3], что соответствует известной сентенции *ubi jus incertum, ibi nullum* (где закон неопределенный, там нет закона). Устоялось мнение, что право в целом нетерпимо к неопределенности, а практика права и роль юристов заключается в том, чтобы сделать определенным неопределенное, использовать правовые нормы для устранения неопределенности из человеческого

[1] Матиящук С.В. Возмещение убытков в виде стоимости потерь тепловой энергии: вопросы теории и судебной практики // Законодательство и экономика. 2013. № 12. С. 42–46.
[2] Гаврилов Э. О правовой охране селекционных достижений // Хозяйство и право. 2011. № 1. С. 3–11.
[3] Крыжан В.А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 91–98.

существования[1].

Ввиду необъятного многообразия юридически значимых жизненных обстоятельств и трудно предсказуемой сложности сопряженных с дозволенной экономической активностью социальных связей идеал определенности и полноты закона, подразумевающий, что законодательные положения должны быть сформулированы и интерпретированы как математические каноны, не допускающие любой возможности для усмотрения или произвольных решений со стороны судей[2], едва ли абсолютно достижим. Даже наиболее точное правило потенциально неточно, поскольку создатель правила объективно не в состоянии предвидеть будущее, чтобы рассчитать применимость этого правила к изменившимся либо новым обстоятельствам[3].

Как было установлено ранее, в доктрине одним из старейших мыслительных инструментов, предназначенных для компенсации недостатка правовой определенности в правоприменении, традиционно считается аналогия. При этом основные научные усилия направлены на изучение аналогии закона и аналогии права как средств казуального (интерпретационного и правоприменительного) преодоления неопределенности, вызываемой пробелами, когда отсутствуют правила, релевантные спорной ситуации.

В то же время без должной проработки остались теоретические основы и практические аспекты использования аналогии как средства обеспечения определенности на базовом уровне правового регулирования – при создании правовых норм, когда законодатель сознательно вносит в них такие элементы неопределенности, которые обеспечивали бы правилам более длинную жизнь и более широкую сферу применения. Речь идет об относительно определенных предписаниях отрытого типа, диалектически сочетающих неполную ясность и одновременно стремление к полной идентификации заранее не известных субъектов, объектов, обстоятельств.

---

[1] Tang S., Foley T. The Practice of Law and the Intolerance of Certainty // University of New South Wales Law Journal. 2014. Vol. 37. № 3. P. 1198–1225.

[2] Fon V., Parisi F. Judicial Precedents in Civil Law Systems: A Dynamic Analyses // International Review of Law and Economics. 2006. Vol. 26. Iss. 4. P. 519–535.

[3] Gribnau H. Soft Law and Taxation: The Case of the Netherlands // Legisprudence. 2007. Vol. 1. № 3. P. 317.

В силу этого представляется важным оценить эффективность работы аналогии как средства формулирования отдельных относительно определенных правых норм, обеспечивающих генеральное следование законодателя и правоприменителей принципу правовой определенности.

Естественно полагать, что закон не должен быть расплывчатым, поскольку расплывчатый закон чаще всего плохо подходит для того, чтобы направлять поведение[1], и в большинстве случаев реалистично предположить, что закон должен иметь точное, поддающееся судебному распознанию значение, и что суды в должны быть состоянии обнаружить и объявить это значение посредством процесса юридического обоснования[2]. В условиях наблюдаемого ныне интенсивного увеличения количества частноправовых нормативных актов роль принципа правовой определенности существенно возрастает. Действительно, можно согласиться с тем, что исторически феномен правовой определенности всегда становился актуальным в судьбоносные, переходные моменты развития общества и государства[3]. Позволяя заранее прогнозировать поведение людей, правовая определенность придает общественной жизни заданность, скоординированность и порядок[4], максимизирует свободу человека и содействует общественному прогрессу, в том числе способствует введению в оборот новых экономических объектов, обеспечению субъектов новыми видами адекватных прав и правовых конструкций. В свою очередь, нарушение принципа правовой определенности дестабилизирует сложившиеся материальные правоотношения[5].

Исходя из идеи существования двух типов правовой неопределенности (иерархического и прикладного)[6], содержание принципа правовой определенности резонно представить как состоящее из двух элементов.

---

[1] Asgeirsson H. On the Instrumental Value of Vagueness in the Law // Ethics. 2015. Vol. 125. № 2. P. 425–448.

[2] Foy H. On Judicial Discretion in Statutory Interpretation // Administrative Law Review. 2009. Vol. 62. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1475297.

[3] Полищук Н.И. Аксиологическая сущность принципа правовой определенности // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2 (52). С. 72–82.

[4] Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. С. 11.

[5] Шайхеев Т.И. Правовые позиции судов по экономическим спорам в примерах из судебной практики // Арбитражные споры. 2022. № 3. С. 103–162.

[6] Yalnazov O. Two Types of Legal Uncertainty // SSRN Electronic Journal. 2017. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3036461.

Во-первых, принцип правовой определенности *в общем виде* (на высшем иерархическом уровне) можно понимать как системное обеспечение стабильности и предсказуемости правовых последствий человеческой активности (индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят[1]), что предполагает стремление к полноте, темпоральной непротиворечивости правового регулирования.

Во-вторых, поскольку нормы права выступают исходным элементом механизма правового регулирования, от их определенности зависит работа всего механизма[2], и учитывая, что общая оценка правовых систем как таковых требует оценки конкретности и надлежащей применимости норм, входящих в систему[3], достижение высшего уровня правовой определенности во всей его многоаспектности (правотворческой, интерпретационной, правореализационной, правоприменительной) невозможно без создания базового компонента (исходного, прикладного уровня), составляющего требование определенности конкретных правовых норм. Последнее, в свою очередь, предполагает:

- юридико-техническую определенность – формальную, логическую, языковую, семантическую четкость, ясность, недвусмысленность содержащихся в нормах предписаний;
- содержательную определенность – самодостаточность, автономность заложенного в норме предписания от дополнительной дискреции адресата правила и (или) правоприменителя.

Для большинства юристов само собой разумеется, что правовая определенность является системной целью[4], что видится безоговорочно верным применительно к высшему уровню данного принципа и юридико-техническому аспекту обеспечения определенности конкретных норм. Верно и то, что в целом

---

[1] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград. 1917. С. 91.
[2] Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности как требование определенности нормы права // Юридические исследования. 2017. № 2. С. 68–80.
[3] Kerhuel A.-J., Raynouard A. Measuring the Law: Legal Certainty as a Watermark // International Journal of Disclosure and Governance. 2011. Vol. 8. № 4. P. 360–379.
[4] Maxeiner J.R. Some Realism About Legal Certainty in the Globalization of the Rule of Law // Houston Journal of International Law. 2008. Vol. 31. № 1. P. 27–46.

частноправовое воздействие тяготеет к абсолютной определенности правовых предписаний. Каждый из равноправных, обладающих равнозначимыми и одинаково защищаемыми интересами субъектов должен четко знать вид и меру дозволенного либо обязательного поведения (кто, от кого, что и сколько может требовать и, соответственно, кто, кому, что и сколько должен).

Однако в отношении содержательной конкретности отдельных правовых норм представляется правильным, что закон всегда подвержен некоторой неопределенности *ex ante*[1], а настойчивые усилия создавать объективные правила, которые на основе идеальной предварительной антиципации заранее охватили бы все аспекты подлежащих правовой регламентации ситуаций, весьма часто оказываются тщетными[2]. Попытки прогнозировать и постпрогнозировать при формулировании норм права неизбежно приводят к различным видам неопределенности[3]. Более того, несмотря на естественное стремление частноправового регулирования к абсолютной определенности, установление исчерпывающе полных и четких рамок поведения в конкретной норме не только не всегда возможно, но и не всегда полезно. Излишняя определенность на (базовом) уровне конкретных норм способна привести к «нереалистичным ожиданиям» и возникновению общей неопределенности правовой системы в соответствующих сферах[4], т.е. гипертрофированное восприятие абсолютной правовой определенности как золотого правила (принципа) правотворчества может привести к разбалансировке всей правовой системы. Иными словами, последовательное стремление к точности в отдельных правилах может привести к «законодательной инфляции», положительному дисбалансу закона[5] и потенциально увеличить общую неточность системы правил[6].

---

[1] Dari-Mattiacci G., Deffains B. Uncertainty of Law and the Legal Process // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2007. Vol. 163. № 4. P. 627–656.

[2] Morrison A.S. The Law is a Fractal: The Attempt to Anticipate Everything // Loyola University Chicago Law Journal. 2013. Vol. 44. P. 649–681.

[3] Guttel E., Harel A. Uncertainty Revisited: Legal Prediction and Legal Postdiction // Michigan Law Review. 2008. Vol. 107. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1101480.

[4] Popelier P. Five Paradoxes on Legal Certainty and the Lawmaker // Legisprudence. 2008. Vol. 2. P. 47–66.

[5] Белоусов С.А. Отрицательный законодательный дисбаланс: понятие и пути устранения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 7. С. 91–94.

[6] Braithwaite J. Rules and Principles: A Theory of Legal Certainty // Australian Journal of Legal Philosophy. 2002. Vol. 27. P. 47–82.

Следует согласиться с тем, что неопределенность (расплывчатость) не всегда плоха и не только не противоречит идее создания правовой нормы, но и является одним из ординарных приемов формулирования нормативных текстов[1]. Действительно, расплывчатость нормы не всегда обусловливается дефектом законодательства, а в ряде случаев служит особым методом правотворческой деятельности, нацеленным на повышение гибкости правового воздействия[2] с учетом динамики экономического взаимодействия, когда правоприменитель получает повышенную степень свободы в казуальной адаптации общего правила к конкретному объекту регулирования. При этом с позиции субъекта регулируемого поведения неопределенность как неуверенность в законности конкретного действия изменяет сдерживание в противоположных направлениях и может повысить благосостояние[3]. Даже для публично-правовой сферы неопределенность может рассматриваться не только негативно, как дефект, но и позитивно, как совокупность специфических правовых технологий, целенаправленно используемых в качестве эффективного канала перехода от неопределенности к определенности, позволяющих сделать налоговое законодательство гибким, адекватным меняющимся реалиям повседневной жизни[4].

В теории права неполная (относительная) определенность правовых норм обычно связывается с зависимостью правового воздействия от усмотрения судьи (правоприменителя), которое в конкретной спорной ситуации восполняет заложенную в какой-либо элемент нормы долю неопределенности[5]. Это обстоятельство позволяет все относительно определенные нормы характеризовать в качестве дискреционных. Соответственно, в зависимости от способа организации содержания подобных норм и степени зависимости применимого варианта поведения от дискреции судьи теоретиками права принято выделять их виды:

---

[1] Endicott T. A. O. The Value of Vagueness. VAGUENESS IN NORMATIVE TEXTS. Vijay K. Bhatia, Jan Engberg, Maurizio Gotti and Dorothee Heller, eds. Peter Lang, Bern, 2005. P. 27–48.

[2] Нарутто С.В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине // Lex russica. 2018. № 10. С. 40–49.

[3] Lang M. Legal Uncertainty as a Welfare Enhancing Screen // European Economic Review. 2017. Vol. 91. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1969945.

[4] Demin A. Certainty and Uncertainty in Tax Law: Do Opposites Attract? // Laws. 2020. Vol. 9. № 4. P. 1–30.

[5] Шевцов С.Г. Усмотрение в гражданско-правовых нормах // Гражданское право. 2011. № 4. С. 11–12.

- *альтернативные* – содержат несколько возможных вариантов одного уровня;
- *факультативные* – содержат один или несколько дополнительных вариантов в качестве возможной замены основного варианта;
- *ситуационные* – не содержат конкретного варианта, а указывают на общую характеристику правовой ситуации либо ее отдельных элементов (в том числе с помощью оценочных понятий, диапазонов значений), оставляя ее конкретизацию на усмотрение суда[1].

Альтернативные и факультативные нормы, неполная определенность которых не вызывает особенных затруднений в практике их реализации, резонно не стали отдельных объектом специальных частноправовых исследований в рассматриваемом аспекте. В свою очередь, вызывающие наибольшие практические сложности и повышенный научный интерес ситуационные нормы, содержащие оценочные правовые категории (особенно центральную в регулировании экономических отношений категорию добросовестности), явились объектом достаточно пристального научного изучения[2], в том числе в контексте выяснения степени вероятного риска самоуправства и путаницы[3], возможного вреда в виде необоснованного оправдания судов за то, что не было сформулировано правило, которое они применяют[4].

Вместе с тем, едва ли можно согласиться с тем, что группа относительно определенных норм исчерпывается тремя указанными разновидностями. В этом срезе классификации обделенными научным вниманием оказались занимающие *отдельную позицию* нормы, в которых относительная определенность обусловлена целенаправленным (осознанным, намеренным) включением элемента аналогии. Речь идет об особой группе относительно определенных правил – норм с

---

[1] Нормы права: теоретико-правовое исследование: монография. Отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов; Рос. акад. правосудия. М.: РАП, 2014. С. 86–114.
[2] Голубцов В.Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex russica. 2019. № 8. С. 37–50.
[3] Аракелян А.А. Оценочные понятия гражданского права: исторический опыт становления и использования // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 111–117.
[4] Hesselink, Martijn W., The Concept of Good Faith. TOWARDS A EUROPEAN CIVIL CODE, A.S. Hartkamp, E.H. Hondius, M.W. Hesselink, C.E. du Perron & M. Veldman, eds. The Hague, Boston & London: Kluwer Law International, 2004. P. 471–498.

открытыми структурами, где отдельные элементы правила формулируются в виде незамкнутого множества с указанием на какой-либо признак одного из элементов данного множества и требованием об установлении сходства (аналогичности заданному эталону) иных его элементов. Такие нормы невозможно причислить ни к альтернативным, ни к факультативным, ни к ситуационным. Даже последние предполагают обращение к легальной аналогии лишь *de facto*, но не *de jure*[1]. Тем не менее правовой результат функционирования норм с аналогическими элементами все-таки зависит от усмотрения правоприменителя в том, что он самостоятельно, по внутреннему убеждению определяет, как именно понимать и использовать такие заключенные в структуру норм понятия как, например: «аналогичные организации», «аналогичная деятельность», «аналогичные договоры», «аналогичные товары», «аналогичные способы», «аналогичные права». Характерное для предписаний указанных норм слово «аналогичный» позволяет обобщенно назвать их как *нормы-аналогии*.

Нельзя сказать, что включение логического приема аналогии и соответствующего термина «аналогичный» в формулировку правовых норм оказалось вовсе не замеченным в науке. С опорой на констатацию наличия в тексте нормативных актов отсылок к поиску «аналогичных вещей», «аналогичных цен» была высказана идея о существовании формы легальной аналогии как средства законодательной техники, отличающейся от аналогии закона как способа оперативного преодоления правовых лакун. Такую аналогию предложено называть фактической аналогией (или аналогией факта), поскольку на основании сравнения обстоятельств и установления их сходства или различия, правоприменителю предлагается сделать заключение о наличии или отсутствии конкретного юридического факта[2]. В целом в рамках рассмотрения системы правоприменительных операций по вынесению судебного решения необходимость индивидуального регулирования связывается с относительной определенностью

[1] Бершицкий Э.Е. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2021. С. 99.
[2] Романенко Д.И. Аналогия права (цивилистическое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород. 2019. С. 12, 13.

именно юридических фактов (фактических обстоятельств), выраженных в нормах права с недостаточной отчетливостью[1]. Соответственно относительная определенность таких норм распознается в их конкретизируемых гипотезах[2]. Изучая проблемы преодоления пробелов и дефектов в конституционном праве, в отмеченном аспекте О.Е. Кутафин обратил внимание, что нельзя применить аналогию в тех случаях, когда с очевидностью можно установить норму, относящуюся к решаемому вопросу, уточнив, что ни о каком распространении нормы на сходные случае не может быть речи и тогда, когда в нормах содержатся выражения «и другие», «в аналогичных случаях» и т.д.[3].

Конечно, наличие элемента неопределенности в норме не позволяет говорить о действительном правовом пробеле и, соответственно, о его преодолении при помощи аналогии. Однако при таком механическом противопоставлении двух видов легальной аналогии (правовой и фактической) оценка аналогии факта вынужденно ограничивается констатацией включения элемента аналогии только в гипотезу нормы и при этом игнорируется сопряжение использования фактической аналогии с наделением правоприменителя некоторым уровнем дискреции.

Даже если не выделять нормы-аналогии в качестве особой группы, трудно отрицать их специфичность вследствие включения в их структуру аналогических элементов (словесных аналогий). Такие аналогические элементы, расширяющие действе правовых норм, требуют от их адресатов и правоприменителей осуществления умственных операций, схожих с теми, которые осуществляются при применении аналогии закона и аналогии права.

В свете изложенного видится необходимым доктринально осветить данные нормы целиком (включая гипотезу, диспозицию и санкцию) с учетом различных вариантов содержания нормативного воздействия (дозволения, обязывания, запрета) и одновременно в аспекте дискреционности, имея в виду, что их

---

[1] Поляков С.Б., Гилев И.А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3. С. 462–487.

[2] Потапенко Е.Г. Общие нормы в системе цивилистического процессуального права: элементарный срез // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 9. С. 3–6.

[3] Кутафин О.Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex Russica. Научные труды МГЮА. М.: Изд-во МГЮА. 2007. № 4. С. 610–622.

относительная определенность обусловлена включением в их структуру одного или нескольких элементов аналогии[1].

Таким образом, на нормативном уровне системы регулирования частноправовых отношений категория аналогии оказывается содержательно шире института аналогии (как совокупности аналогических инструментов – специализированных оперативно-распространительных установлений о применении аналогии закона и аналогии права) и наряду с таковым обозначает также группу аналогических инструментов – деяний (технологий):

- средство выработки нормотворческих решений и формирования нормативного массива,
- способ конструирования относительно определенных правовых норм-аналогий.

Аналогия на поднормативном уровне системы частноправового регулирования

Применительно к поднормативному уровню системы частноправового регулирования можно констатировать принципиальное единство мнений о том, что метод аналогии выступает логической основой правовосполнительного аналогического *применения* правовых норм, закрепленного правилами института *аналогии закона* и осуществляемого компетентными властными органами (как правило, судами). В свою очередь в отношении *аналогии права*, хотя и в соответствии с исторически сложившимся научным словоупотреблением и прямо названной в современном законодательстве именно исследуемым термином «аналогия», как ранее, так и сейчас аргументируется позиция о том, что таковая не имеет в качестве логического субстрата суждение по аналогии.

Основным доводом к непризнанию аналогии права аналогическим средством выступает *отсутствие мыслительной операции сравнения* (отношений, сходных с пробельными просто нет). В частности, как указывал С.И. Вильнянский, аналогия права, хотя и является основой юридической герменевтики, логических конструкций, дедукции, с аналогией «не имеет ничего общего», так как она не

[1] Соответствующий анализ представлен в § 3 главы 1 настоящей диссертации.

распространяет закон на сходный случай, а извлекает необходимую норму из общих принципов права, из общих начал законодательства[1]. Комментируя позиции дореволюционных отечественных правоведов, А.Н. Верещагин соглашается с мнением о фиктивности заключений, будто при применении аналогии права суд отыскивает то, что хотел сказать законодатель, и заключает, что в отличие от аналогии закона, непосредственно имеющей дело с буквой нормативного акта (с конкретной применимой в спорном случае нормой), аналогия права, полностью утрачивая связь с буквой закона, не является действительной аналогией, а представляет откровенное судебное правотворчество[2]. Схожим образом рассуждают В.А. Цихоцкий, констатируя, что логический прием аналогии не охватывает конструкцию, именуемую «аналогия права» по причине отсутствия в последней использования нормы по сходству[3] и М.Н. Шергина, не находя в механизме аналогии права информации, которую можно было бы перенести с одного отношения на другое, и не обнаруживая, таким образом, главный признак метода аналогии[4]. В данном аспекте В.М. Шафиров и вовсе называет аналогию права «неконструктивной, дезориентирующей практику фикцией», считая в целом некорректным использование термина «аналогия» применительно к принципам, поскольку «непонятно – какое сходство и с чем можно найти, руководствуясь смыслом законодательства»[5].

К подобным доводам примыкает утверждение, что извлечение регуляторной сущности из принципов права (аналогия права), «…в отличие от аналогии закона, сводится к обоснованию возможности использования в качестве большой посылки предписания, регулирующего разнородные, а не сходные отношения»[6].

В отношении категории «аналогия права» высказана критика также в том

---

[1] Вильнянский С.И. Значение логики в применении правовых норм // Ученые записки. Ученые записки Харьковского Юридического Института. Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1948. Вып. 3. С. 106.

[2] Верещагин А.Н. «Кассационные преступления»: Правительствующий Сенат и применение уголовного права по аналогии // Закон. 2022. № 5. С. 188–197.

[3] Цихоцкий А.В. Преодоление пробелов в праве посредством аналогии // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 83–87.

[4] Шергина М.Н. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юридическая наука: история и современность. 2011. № 3. С. 28–31.

[5] Шафиров В.М. Принцип права и типы правопонимания // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 355–359.

[6] Власенко В.Н. Логические основания юридической квалификации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.

смысле, что если пробельные отношения должны определяться, исходя из правовых принципов, то с позиции интегративного правопонимания и отнесения принципов российского права к самостоятельной форме национального права речь идет не о применении чего-то по аналогии с чем-то, а о непосредственном использовании принципов[1].

Имеет место и такое отграничение аналогии права от аналогических средств, при котором обнаруживается различие между недедуктивным и неиндуктивным (традуктивным) характером умозаключений по аналогии и фактическим сочетанием дедуктивных и индуктивных приемов при выведении применимого к пробельному отношению правила посредством аналогии права. Так, с позиции В.Н. Карташова, логическую основу аналогии права составляет совокупность различных приемов, образующих метод логического развития юридических норм, в связи с чем он утверждает об условном характере термина «аналогия права» (не призывая, однако, от него отказываться)[2]. По мнению А.Г. Карапетова, «…применяя аналогию права, мы сначала *индуктивно* поднимаемся от частных предписаний к реконструкции общего принципа (идеи, догматической конструкции) или отыскиваем уже индуцированный или даже признанный в законе принцип … а затем … начинаем применять их дедуктивно к отдельным спорным ситуациям, законом не урегулированным»[3]. Такое *индуцирование* В.А. Белов называет расширительным результатом толкования правовых норм, регулирующих *несколько* отношений, сходных с интересующим, а следующую часть механизма аналогии права (дедукцию конкретного правила из основных начал и смысла закона) признает конкретизацией норм-принципов к пробельному отношению[4].

---

[1] Ершов В.В. Правовая природа принципов российского права: теоретические и практические аспекты // Российский судья. 2009. № 6. С. 22. В этом аспекте предложено термин «аналогия права» заменить термином «аналогия на основе принципов права» (Дресвянкин В.Б. Пробелы в российском трудовом праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2001. С. 6).

[2] Карташов В.Н. Институт аналогии в советском праве. Вопросы теории: Учебное пособие. Под ред.: Матузов Н.И. Саратов, 1976. С. 16.

[3] Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 465. Автор комментария – А.Г. Карапетов.

[4] Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т.1 Введение в гражданское право: учебник. М.: Юрайт, 2011. С. 215.

Думается, что для способа преодоления таких эксклюзивных правовых пробелов, в отношении которых не оказывается возможность применить аналогию закона, термин «аналогия права» прижился совсем не случайно.

Прежде всего, следует указать, что умозаключение по аналогии отнюдь не предполагает сравнение однородных предметов (явлений или отношений). Напротив, зачастую достоверные и результативные аналогии возникают при сопоставлении, казалось бы, несравнимых объектов (так, познавательная практика уже давно положительно ответила на вопрос, есть ли что-то общее между игрой трех обезьян, соборной люстрой и часами, паяльной лампой и космическим кораблем[1]).

Далее, важно понимать, что взгляд на умозаключение по аналогии как на традукцию весьма распространен, но не является единственным. Как указал М.С. Строгович, понятие аналогии имеет и иное звучание – можно говорить о сходстве предметов или явлений в том смысле, что оба они подходят под общее для них положение таким образом, что из этого общего вытекают одинаковые следствия, т.е. речь идет о сходстве, обусловленном относимостью объектов сравнения к одному классу, а значит – подобная аналогия является недедуктивным умозаключением[2].

Не препятствует объединению норм аналогии закона в логически цельный правовой институт с правилами аналогии права утверждение об отсутствии (при применении аналогии права) норм, регулирующих сходные отношения и имеющих привычную формулу «если – то – иначе», поскольку имеются «нормы-цели, нормы-задачи, и, прежде всего, нормы-принципы, которые и являются базой для использования аналогии права»[3]. Так, О.А. Кузнецова рассматривает применение гражданского законодательства в порядке аналогии права именно как канал реализации указанных специализированных норм (норм-принципов)[4].

Наконец, с тем, что непосредственное применение правовых принципов в

---

[1] Буш Г.Я. Аналогия и техническое творчество. Рига: Авотс, 1981. С. 6–7.
[2] Строгович М.С. Логика: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.: Госполитиздат, 1949. С. 316.
[3] Шиндяпина Е. Д. Аналогия права в правоприменении. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 17.
[4] Кузнецова О.А. Проблемы правоприменения принципов гражданского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 3 (16). С. 23–32.

порядке преодоления пробела исключает логическую операцию сравнения, трудно согласиться хотя бы потому, что нормы-принципы, основополагающие правовые идеи изначально не нацелены на регулирование конкретного спорного (пробельного) отношения. Это означает, что при обращении к аналогии права суд сам моделирует абстрактное частное правоотношение, аналогичное спорному, и применяет общие нормативные установки, которые должны регулировать всякое сходное отношение согласно общему смыслу соответствующей сферы законодательства и отраслевым правовым принципам.

Таким образом, соглашаясь с тем, что аналогия права не являет собой исключительно логический прием (по выражению С.А. Муромцева, «любая юридическая аналогия, которую рекомендуют как средство, на самом деле не совпадает с аналогиею в смысле строго логическом»[1]), видится необходимым рассматривать данное средство как имеющее логический аналогический субстрат в одном ряду (через запятую) с аналогией закона, т.е. квалифицировать ее в качестве разновидности юридической аналогии. К слову, с опорой на такое понимание аналогии права в объективном смысле (в нормативном сегменте системы регулирования частноправовых отношений) структурирование института аналогии как сложного института может быть осуществлено не только путем выделения общих и специальных специализированных распространительных норм, но и путем выведения за пределы общих условий применения аналогии в праве (общего остатка) норм двух субинститутов (совокупностей норм об аналогии закона и об аналогии права[2]).

Аналогия как правовое средство восполнения недостатка правовой материи на уровне поднормативного регулирования частноправовых отношений находит место не только в сегменте правоприменения (в случае разрешения спора либо принятия властных актов), но в бесконфликтной правореализационной практике.

---

[1] Муромцев С.А. Суд и закон в гражданском праве // Юридический вестник: Ноябрь. Издание Московского Юридического Общества. 1880. № 11. С. 377–393.

[2] Важно при этом подчеркнуть, что вопреки представленному в доктрине ошибочному мнению субинститут аналогии права объединяет не нормы-принципы, которые одинаково применяются ко всем попадающим в сферу правового регулирования отношениям (Романенко Д.И. Аналогия права (цивилистическое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 55), а нормы, определяющие условия и порядок применения указанных норм-принципов в порядке преодоления правового пробела.

Как верно отметил В.Р. Шарифуллин, характерной чертой частноправового регулирования выступает то, что при взаимопроникновении субординационного воздействия (деятельности государства, носящей нормативный или индивидуально-правовой властный характер) и правовой саморегуляции (координации частных отношений самими носителями субъективных прав и обязанностей) последняя в сфере частного права играет ключевую роль[1]. Преимущественно диспозитивная и правонаделительная направленность гражданско-правовых норм[2] и объективно наблюдаемое стремление других отраслевых норм частного права (включая семейные и корпоративные) к усилению таких характеристик[3] ориентирует участников частноправового взаимодействия на самостоятельный выбор (из числа готовых) либо создание признаваемой правом эксклюзивной модели поведения.

Соответственно, осуществляя поиск индивидуализированных правил за пределами дефолтных нормативных рамок, индивиды естественным образом аналогизируют последние и заполняют правовую пустоту их собственными модификациями (аналогами). В результате *на уровне договорного регулирования* сторонами «изобретаются» непоименованные способы обеспечения обязательств, которые поразительно напоминают существующие обеспечительные конструкции и даже именуются по аналогии с терминами, уже имеющимися в законодательстве (например, «товарная неустойка», «фидуциарный залог», «условная продажа», и т.п.)[4], появляются эксклюзивные договорные конструкции, точечно вбирающие черты, схожие с условиями поименованных договоров (например, «дистрибьюторский договор», «риелторский договор», «брокерский договор» и т.д.)[5], реализуются схожие с корпоративными формы «юридической самодеятельности» при саморегулировании отношений субъектов общей

[1] Шарифуллин В.Р. Частноправовое регулирование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006. С. 19.
[2] Микрюков В.А., Микрюкова Г.А. Введение в гражданское право: Учебное пособие для бакалавров. М.: Статут, 2016. С. 17–18.
[3] См.: Багрова Н.В. Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов // Нотариус. 2014. № 3. С. 23–25; Бакаева И.В. Гражданское право как отрасль права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 93–102; Кузьмин А.И. Соотношение корпоративного и частного интереса // Юрист. 2014. № 7. С. 32–36.
[4] Гонгало Б.М. Избранное: в 5 т. Т.1 Гражданское право. М.: Статут, 2021. С. 36–62.
[5] Хугаева Д.И. О понятии коммерческого посредничества и его закреплении в праве // Юрист. 2023. № 6. С. 32–39.

собственности собственников помещений в нежилых зданиях[1]. Формирование таких договорных моделей формально исключает применение аналогии закона (отношения оказываются индивидуально ургулированными), однако в случае спора на почве различий в толковании эксклюзивных договорных условий поиск правильного варианта его разрешения незбежно потребует от правоприменителя воссоздать аналогический путь сторон для выявления их действительной воли.

В свою очередь, *в подсистеме автономного поднормативного регулирования* участники частноправовых отношений с опорой на аналогию совершают односторонние юридически значимые действия, правомерность которых не следует напрямую из буквы закона, т.е. действуют в условиях пробельности права.

В частности, почва для инициативного обращения к аналогии возникла ввиду излишне лаконичного характера норм об охране изображения гражданина. Согласно ст. 152.1 ГК РФ обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина допускаются лишь с его согласия. Данная норма выступила реакцией на участившиеся случаи вредоносного рекламного и прочего коммерческого использования изображений граждан (помимо их воли), неизбежно сопровождающие усиливающееся в условиях рыночной экономики стремление вовлекать в имущественный оборот все большее количество объектов, включая внешний облик человека и иные нематериальные блага.

Следует согласиться, что ст. 152.1 ГК РФ явилась принципиально важной новеллой, обеспечившей улучшение защиты личных неимущественных прав[2]. Однако ее формулировки, содержательно зафиксировавшие лишь общие ориентиры правового режима изображения, оставили лакунными вопросы о выборе наиболее эффективного варианта гармонизации интересов обладателей интеллектуальных объектов, фиксирующих изображение (фото, видеозаписи или произведения искусства), и интересов изображенных в них лиц, в том числе:

- допустимо ли выражение согласия гражданина на использование его

[1] Скуратовский М.Л. Совет собственников как возможная форма управления общим имуществом в офисном здании // Правовые вопросы недвижимости. 2019. № 1. С. 7–10.

[2] Медведев Д.А. Гражданский кодекс России–его роль в развитии рыночной экономики и создании правового государства (доклад 25 апреля 2007 г.) // Вестник ВАС. 2007. № 7. С. 5–15.

изображения дифференцированно (с указанием условий, способов, временных, территориальных или иных границ использования, с взиманием платы за отдельные способы использования и т.п.)?

- вправе ли разрешивший обнародование и использование своего запечатленного в объективной форме внешнего облика гражданин «передумать» и отозвать (отменить) выданное согласие?

Вопреки соображению о практической нецелесообразности допущения поэлементной реализации гражданином права на изображение в связи с возникновением почвы для злоупотребления правом со стороны данного гражданина[1] и высказанному теоретическому сомнению в допустимости вовлечения личного нематериального блага в договорное взаимодействие[2] практика показала наличие разумных устремлений и поддержанных судами актов выдачи дифференцированных согласий на использование внежнего образа физического лица[3].

Обрело практическое подтверждение научное утверждение, что ограничение прав личности бесповоротностью согласия на использование изображения недопустимо, и что изображенный в любой момент может отозвать (аннулировать) свое согласие, возместив возникшие при этом убытки[4]. Имея в виду, что в ст. 152.1 ГК РФ речь идет не о разовом бесповоротном акте распоряжения правом, а о длящемся состоянии добровольного претерпевания деформации нематериального блага, которое может окончиться, суды позитивно восприняли неединичные случаи, когда граждане в связи трансформировавшимся информационным или эмоциональным контекстом разрешенного использования изображения либо ввиду изменившихся личных обстоятельств в одностороннем порядке прекращали режим согласованности[5].

---

[1] Погуляев В., Тулубьева И. Право на изображение // Интеллектуальная собственность. Авторское и смежные права. 2003. № 1. С. 39–45.

[2] Кратенко М.В. Действия по «распоряжению» личными нематериальными благами: понятие, виды и пределы осуществления // Законы России: опыт анализ, практика. 2008. № 1. С. 60–65.

[3] См. подробнее: Микрюков В.А. О дифференцированном согласии гражданина на обнародование и использование его собственного изображения // Право и экономика. 2013. № 2. С. 47–51.

[4] Малеина М.Н. Использование в рекламе изображения гражданина: правовые основания и последствия // Закон. 2007. № 10. С. 21–26.

[5] См. подробнее: Микрюков В.А. О возможности отмены согласия гражданина на использование его изображения //

В настоящее время правомерность таких вариантов преодоления неполноты закона подтверждена Постановлением Пленума Верховного Суда РФ (ВС РФ) от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[1]: в п. 47 указано, что упомянутое в ст. 152.1 ГК РФ согласие может содержать ряд условий, определяющих порядок и пределы обнародования и использования изображения, например, о сроке, на который оно дается, а также о конкретном способе использования, а в п. 49 констатировано, что предоставленное согласие может быть отозвано гражданином в любое время, однако при этом приобретатель права на использование данного изображения может потребовать возмещения причиненных ему таким отзывом убытков.

Хотя данные разъяснения не снабжены ссылками на нормы института аналоги, их происхождение имеет *латентный аналогический* характер. Так, можно было бы попытаться оправдать дозволение односторонней отмены ранее выданного согласия ссылкой на норму п. 2 ст. 1 ГК РФ, в силу которой граждане приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своих интересах[2], однако это не устраняет сомнение в противоречии указанного дозволения ст. 310 ГК РФ, запрещающей односторонний отказ от обязательства[3] и не дает ответы на вопросы: «что же это за такое «субъективное гражданское право», которое в любой момент может быть произвольно уничтожено… и …что это за «односторонняя сделка», последствия которой можно в любое время отменить без согласия частного лица, за счет которого такая отмена осуществляется?»[4].

Думается, что если речь идет об отмене согласия, еще не реализованного адресатом, напрашивается аналогия с п. 1 ст. 1269 ГК РФ о праве автора произведения до его фактического обнародования отказаться от ранее принятого

Юрист. 2013. № 13. С. 36–39.

[1] Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8. Далее–Постановление № 25.

[2] Михеева Л.Ю. Объекты гражданских прав: правовые позиции, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Судья. 2015. № 10. С. 11–18.

[3] Гаврилов Э. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. № 10. С. 13–25.

[4] Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 53–90.

решения о его обнародовании при условии возмещения лицу, которому отчуждено исключительное право на произведение или предоставлено право его использования, причиненных таким решением убытков, тем более, что именно в порядке аналогии со ст. 1268 ГК РФ о праве на обнародование произведения в п. 43 Постановления № 25 разъяснено, что следует понимать под обнародованием изображения. Применительно к случаям, когда адресат приступил к разрешенному использованию изображения, с учетом отмечаемого в науке фидуциарного характера выдачи согласия[1], при том, что право на отказ от обязательства нередко связывается с лично-доверительным характером отношений сторон или же с особой значимостью субъективных качеств одной из них[2], право на отмену вполне может быть обосновано аналогией с отменой доверенности (к слову, некоторые авторы для обоснования возможности отмены согласия третьего лица, предоставленного сторонам сделки как согласие-полномочие на ее совершение, проводят именно такую аналогию, в том числе указывая на аналогию с доктриной видимости полномочий[3] либо прямо предлагая обращаться к правилам о представительстве по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ), поскольку выдача согласия-полномочия наделяет адресата правом действовать от собственного имени, а не от имени представляемого, что отличает ситуацию от подлинного представительства[4].

В свою очередь, практика дробления права на использование изображения путем дифференциации условий выдаваемого согласия, верно связываемая в науке с наблюдаемым процессом «товаризации» личных неимущественных отношений, которые приобретают экономическое содержание[5], явно опирается на аналогию с нормативной вариативностью распоряжения исключительными правами на

[1] Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование права на честь, достоинство и деловую репутацию и права на изображение гражданина // Гражданское право. 2023. № 2. С. 8–13.
[2] Крайнов А.В. Специфика принципа беспрепятственности осуществления гражданских прав в сфере обязательств // Современное право. 2023. № 4. С. 26–30.
[3] Громов А.А. Согласие третьего лица на совершение сделки // Опыты цивилистического исследования: Сб. ст. / Отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2019. С. 75.
[4] Петрановский И.А. К вопросу об отзыве согласия супруга на совершение сделки // Арбитражные споры. 2023. № 1. С. 144–155.
[5] Слипченко С.А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. 2011. № 2. С. 42–47.

объекты интеллектуальной собственности (ст. 1233 ГК РФ).

Интересно, что тяга юридического мышления к аналогиям подталкивает к еще более распространенному их использованию в регулировании пробельных частноправовых отношений в сфере использования нематериальных благ. В частности, представленные аналогические позиции о порядке выдачи и отмены согласия на использование *изображения* в науке предлагается *по аналогии* (по существу, речь идет о своего рода лестничной аналогии) распространить на согласия об использовании *имени* гражданина[1], а равно *по аналогии* с режимом охраны изображения смоделировать механизм охраны *голоса* гражданина[2].

Указанные подходы к казуальному заполнению пустот в правовом режиме изображения гражданина не только выступают ярким примером аналогического автономного регулирования, но и подчеркивают включенность аналогии как юридического средства преодоления пробельности в том числе в сферу специфических отношений по поводу нематериальных благ.

Сообразно представленному автономному аналогическому регулированию в науке моделируются и иные варианты совершения односторонних юридически значимых действий в порядке аналогии. Так, проводя аналогию с возможностью выдачи независимой гарантии путем одностороннего волеизъявления, некоторые авторы признают допустимость предоставления одностороннего поручительства[3].

Весьма рельефно *автономное аналогическое регулирование* частноправовых связей проявляется в практике инициативного (бездоговорного, внесудебного) распространения нормы об односторонней фиксации выполнения работ по договору строительного подряда за пределы данной договорной конструкции.

Аналогия в практике реализации п. 4 ст. 753 ГК РФ

В дополнение к общим нормам ст. 720 ГК РФ о порядке приемки заказчиком

---

[1] Останина Е.А. Право на использование имени как объект договора. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22 марта 2022 года № 43-КГ21-7-К6 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 4–22; Яценко Т.С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 118–144.

[2] См.: Проект Федерального закона № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ по состоянию на 16.09.2024) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/

[3] Курдюмов М.И. Актуальные вопросы правового регулирования института банковской гарантии // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 17–20.

результата выполненной работы применительно к договору строительного подряда в п. 4 ст. 753 ГК РФ установлено, что сдача и приемка результата строительных работ оформляются актом, подписанным заказчиком и подрядчиком, а на случай отказа одной из сторон от подписания такого акта[1] предусмотрено, что другая сторона делает в акте отметку об этом обстоятельстве и подписывает акт в одностороннем порядке. При этом в абз. 2 п. 4 ст. 573 ГК РФ уточнено, что односторонне оформленный акт сдачи-приемки результата работ может быть признан недействительным лишь в случае, если мотивы отказа от подписания акта признаны судом обоснованными, что может быть предопределено, в частности, тем, что: указанные в акте работы фактически не выполнены[2]; составленный подрядчиком и направленный заказчику односторонний акт не содержит достоверные сведения о наименовании, количестве и стоимости выполненных работ[3]; в акт включены работы, не предусмотренные договором[4]; подрядчик не извещал заказчика о завершении работ и не вызывал его для участия в приемке результата[5]. Кроме того, согласно п. 6 ст. 753 ГК РФ, заказчик вправе отказаться от приемки результата в случае обнаружения в нем недостатков, которые исключают возможность его использования для указанной в договоре цели и не могут быть устранены подрядчиком или заказчиком[6].

Порядок применения п. 4 ст. 573 ГК РФ разъяснен Президиумом Ввысшего Арбитражного Суда Российской Федерации (ВАС РФ) так, что односторонний акт сдачи-приемки не должен рассматриваться изолированно как автоматическое и абсолютное основание возникновения обязанности заказчика, уклонившегося от приемки работ и подписания акта, оплатить результат исполнения договора: во-первых, требование о признании недействительным одностороннего акта приемки должно рассматриваться одновременно с иском о взыскании стоимости работ, во-вторых, при отказе заказчика от оплаты суд обязан рассмотреть доводы заказчика,

[1] На практике в большинстве ситуаций неисправной стороной оказывается заказчик.
[2] Постановление АС Дальневосточного округа от 20.02.2017 № А73-8851/2016.
[3] Постановление АС Московского округа от 10.01.2017 № А40-1094/16.
[4] Постановление АС Дальневосточного округа от 27.02.2017 № А73-8996/2016.
[5] Постановление АС Дальневосточного округа от 15.05.2017 № А51-20215/2016.
[6] Постановление АС Волго-Вятского округа от 19.06.2017 № А43-18307/2016.

обосновывающие его отказ от подписания акта приемки[1]. С учетом данного разъяснения установленный п. 4 ст. 573 ГК РФ порядок оформления актов сдачи-приемки строительных работ представляется адекватным основным началам гражданского законодательства *автономным защитным механизмом*, позволяющим оперативно обеспечить правовую определенность и достичь баланса законных интересов во взаимодействии заказчика и подрядчика.

С одной стороны, уклонение заказчика от подписания двухстороннего акта сдачи-приемки наделяет подрядчика возможностью в одностороннем акте зафиксировать момент исполнения своей обязанности по передаче результата работ заказчику, а равно определить этим документом момент перехода к заказчику риска случайной гибели или повреждения результата работ и выступить основанием для проведения расчетов. Как отмечается в литературе, при приемке результатов подрядных работ различного рода акты имеют ключевое значение, при том, что акт приемки является многогранным, служа и расчетным документом, и основанием для перехода риска случайной гибели, и собственно актом приемки[2]. При этом акт, подписанный подрядчиком в одностороннем порядке, считается действительным, достоверным и подтверждает выполнение и передачу указанного в нем подрядчиком объема работ заказчику до тех пор, пока решением суда этот акт не будет признан недействительным полностью или в части по мотиву обоснованности отказа заказчика от его подписания (устанавливается презумпция действительности и достоверности одностороннего акта).

С другой стороны, составление подрядчиком одностороннего акта сдачи-приемки не лишает заказчика в споре о взыскании с него задолженности по оплате работ заявить о недействительности такого акта и доказать наличие законных оснований для отказа от его подписания (ввиду отнесения приемки работ к числу обязанностей заказчика именно на нем лежит бремя доказывания легитимности отказа в подписании акта). При этом суды исходят из того, что при рассмотрении

---

[1] Пункт 14 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 3.

[2] Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. Под ред. П.В. Крашенинникова. М: Статут, 2011. Т. 2. 421 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

соответствующих споров в любом случае подлежат установлению факт выполнения порученных подрядчику работ, их объем и стоимость, а также фактическое принятие результата работ заказчиком[1], что призвано исключить неосновательное обогащение подрядчика или заказчика.

Отмеченная эффективность и сбалансированность механизма автономного оформления актов сдачи-приемки строительных работ не могли не подтолкнуть цивилистическое мышление к вопросу об основаниях для возможной экстраполяции данного механизма за пределы строительного подряда в иные разновидности договорных связей по выполнению работ, а также при необходимости фиксации факта оказания услуг.

Специальные положения ГК РФ о договорах на выполнение отдельных разновидностей работ (кроме строительных) и оказании услуг норм, подобных правилу п. 4 ст. 753 ГК РФ, не содержат. При этом отсутствуют также законодательные отсылки к этому правилу (ст. 778 ГК РФ направляет лишь к статьям 708, 709 и 739 ГК РФ, а ст. 783 ГК РФ позволяет субсидиарно применять к соответствующим отношениям только общие положения о подряде (ст. 702–729 ГК РФ) и нормы о бытовом подряде (ст. 730–739 ГК РФ)). Иными словами, можно констатировать наличие правового пробела, и совершенно естественным представляется то, что участники договорного взаимодействия стали в массовом порядке прибегать к аналогии для его преодоления. Это подтверждается тем, что суды столкнулись с затруднениями при разрешении споров, возникающих при многочисленных попытках подрядчиков (исполнителей) зафиксировать в одностороннем акте факт исполнения обязанностей, составляющих предмет договоров подряда, подрядного типа и возмездного оказания услуг в сферах, не связанных со строительством.

В ряде случаев суды приходят выводу об узкоспециальном, исключительном характере механизма оформления односторонних актов, его предназначенности только для сферы строительного подряда, что выражается в следующих позициях:

- неприменение судом ст. 753 ГК РФ не может повлечь отмену решения,

[1] Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 24.04.2017 № А33-18799/2015.

поскольку данная норма относится к строительному подряду, а спорные правоотношения сторон относятся к договору бытового подряда[1];

- ст. 753 ГК РФ содержит специальные нормы, регулирующие сдачу и приемку работ *только* по договору строительного подряда, а потому они не подлежат применению к сдаче-приемке результата работ по договору на выполнение проектных и изыскательских работ[2];

- обращение заказчика к ст. 753 ГК РФ неправомерно, поскольку данная норма содержит специальные правила применительно к договору строительного подряда, в то время как отношения сторон по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ регулируются нормами § 4 гл. 37 ГК РФ[3];

- утверждения о доказанности исполнения обязательств по спорному договору возмездного оказания консультационных услуг направлением исполнителем в адрес заказчика односторорннего акта выполненных работ не могут быть приняты, поскольку применение к договору возмездного оказания услуг норм о строительном подряде законом не предусмотрено[4];

- норма ст. 753 ГК РФ является специальной и регулирует порядок сдачи и приемки работ, выполняемых во исполнение договора строительного подряда, поэтому к выполнению работ и оказанию услуг по техническому обслуживанию систем коллективного приема телевидения эта норма неприменима[5];

- закон допускает лишь ограниченное применение к договору возмездного оказания услуг общих положений о подряде и о бытовом подряде, а применение к такому договору норм о строительном подряде законом не допускается[6].

В то же время представлен и противоположный правоприменительный подход к оценке практики автономного аналогического преодоления умолчания законодателя о возможности одностороннего актирования выполнения работ и оказания услуг, не входящих непосредственно в сферу строительной деятельности.

---

[1] Определение Московского городского суда от 24.01.2013 № 11-2615/13.
[2] Постановление АС Московского округа от 04.05.2016 № А40-111169/2015.
[3] Постановление Девятого ААС от 26.06.2017 № А40-217424/16.
[4] Постановление АС Дальневосточного округа от 24.10.2016 № А51-26/2016.
[5] Постановление ФАС Московского округа от 14.02.2006 № А41-К1-7282/05.
[6] Постановление АС Московского округа от 11.11.2015 № А40-149775/14.

В некоторых ситуациях суды немотивированно заполняют законодательный пробел нормой ст. 753 ГК РФ, «просто» применяя ее и как бы «не замечая» ее принадлежность к институту строительного подряда и полагаясь, вероятно, лишь на житейскую мудрость и здравый смысл. Так, в одном из дел суды со ссылкой на п. 4 ст. 753 ГК РФ удовлетворили требование подрядчика о взыскании с заказчика подтвержденной односторонним актом стоимости работ по производству телевизионного видеоролика рекламного характера[1]. В другом деле суды с опорой на эту норму признали необоснованным отказ заказчика от оплаты услуг по визуально-измерительному контролю грузовых вагонов[2]. Имела место одновременная судебная квалификация спорных отношений как возмездное оказание услуг и прямое применение к ним положений ст. 753 ГК РФ[3].

Практикуется ничем не мотивированное прямое применение нормы п. 4 ст. 753 ГК РФ к отношениям по выполнению проектных и изыскательских работ[4], опытно-конструкторских и технологических работ[5], а также научно-исследовательских работ[6].

Встречаются судебные акты, из которых видно, что судьи осознают отсутствие оснований для прямого применения ст. 753 ГК РФ к отношениям, не связанным со строительным подрядом, однако считают такое применение правильным по *духу закона*[7].

Особый интерес в ряду судебных актов, распространяющих нормы об одностороннем актировании результатов выполнения строительных работ на сдачу-приемку иных работ и услуг, представляют решения, в которых суды аргументируют обращение к ст. 753 ГК РФ. В частности, при разрешении спора о взыскании задолженности по договору о технической поддержке электронной информационной системы суды всех инстанций дали единообразную правовую квалификацию правоотношений сторон как регулируемых главой 39 ГК РФ,

---

[1] Постановление АС Северо-Западного округа от 14.12.2015 № А56-2619/2015.
[2] Постановление АС Северо-Западного округа от 18.08.2015 № А56-5287/2014.
[3] Постановление АС Волго-Вятского округа от 21.11.2016 № А43-29968/2015.
[4] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 25.07.2014 № А56-40591/2013.
[5] Постановление АС Северо-Западного округа от 16.01.2017 № А56-5120/2016.
[6] Постановление АС Московского округа от 17.03.2017 № А40-8709/2016.
[7] Постановление ФАС Московского округа от 13.11.2013 № А40-155377/12-104-1116.

поскольку, исходя из условий договора, основные права и обязанности сторон соответствуют договору возмездного оказания услуг, не связанному с созданием какого-либо овеществленного результата. При этом апелляционный суд отметил, что субсидиарно к возмездному оказанию услуг применяются только общие положения о подряде (ст. 702–729 ГК РФ), а потому имеются основания рассмотреть норму ст. 720 ГК РФ, но не ст. 753 ГК РФ[1]. Однако суд кассационной инстанции отверг ссылку нижестоящего суда о неприменении п. 4 ст. 753 ГК РФ как ошибочную, поскольку указанное в нем правило об оформлении факта сдачи и приемки выполненных работ актом корреспондирует смыслу п. 2 ст. 720 ГК РФ (применимого к услугам в силу ст. 783 ГК РФ) и может применяться к правоотношениям по договору возмездного оказания услуг *по аналогии закона* как не противоречащее особенностям предмета данного договора и направленное на защиту прав кредитора. Суд при этом акцентировал внимание, что ст. 753 ГК РФ предусматривает правовой механизм защиты прав и законных интересов исполнителя (подрядчика) от необоснованного уклонения заказчика от принятия результата работ и его оплаты[2].

В ряде схожих дел суды также пришли к выводу о необходимости применения к договорам возмездного оказания услуг положений ст. 753 ГК РФ именно *через п. 1 ст. 6 ГК РФ*, поскольку порядок приемки услуг в случае отказа заказчика от подписания акта оказанных услуг действующим законодательством не урегулирован, и восполнение этого пробела с помощью аналогии и норм ст. 753 ГК РФ не противоречит существу и особенностям предмета договора возмездного оказания услуг[3]. Имеются также судебные акты, в которых ст. 753 ГК РФ *посредством аналогии* применена к подрядным отношениям, выходящим за пределы строительной сферы[4].

Думается, что в случае распространения норм об одностороннем составлении и подписании актов сдачи-приемки результатов строительных работ на отношения,

---

[1] Постановление Восьмого ААС от 18.10.2016 № А46-4522/2016.
[2] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 20.01.2017 № А46-4522/2016.
[3] Постановление Восьмого ААС от 26.11.2015 № А70-6015/2015; Постановление ФАС Центрального округа от 2507.2011 № А08-4861/2010-8.
[4] Постановление АС Волго-Вятского округа от 06.09.2016 № А43-19340/2015.

связанные с односторонним актированием сдачи-приемки результатов иных работ и односторонней фиксацией факта оказания услуг, опора на аналогию закона позволяет говорить о правильном (обоснованном, формально и по существу законном) *автономном аналогическом* преодолении правового пробела.

Во-первых, само по себе обращение к аналогии удерживает правоотношения в существующих нормативных рамках. В этом смысле в науке верно отмечено, что выделение отдельных видов гражданско-правовых договоров обусловлено, в конечном счете, необходимостью установления для модели того или иного договора специального правового режима, что, в свою очередь, предполагает при отсутствии прямых отсылок к такому режиму возможность применения норм, рассчитанных на иную договорную модель, не иначе как в порядке аналогии[1].

Во-вторых, использование аналогии в рассматриваемом аспекте позволяет не только технически преодолевать правовой пробел, но и использовать преимущества порядка составления односторонних актов сдачи-приемки строительных работ как сбалансированного охранительного механизма с подтвержденной практикой эффективностью. Это подсвечивает отмеченную в науке способность аналогии проявлять себя как действенное охранительное средство, расширяющее поле нормативного регулирования общественных отношений и позволяющее компенсировать недостаточность правовых способов для защиты частных прав[2].

В-третьих, правомерность распространения «строительной» ст. 753 ГК РФ на отношения по выполнению иных работ и оказанию услуг в порядке аналогии естественным образом следует из явной юридической схожести указанных отношений: подобие отдельных разновидностей единого типа подрядных отношений очевидна, как и бесспорна схожесть подрядных отношений и отношений, опосредуемых договорами, называемых «подрядоподобными»[3], равно как несомненна учтенная законодателем «аналогичность» родовых моделей

---

[1] Гришаев С.П. Договор возмездного оказания услуг: теория и практика применения // СПС КонсультантПлюс. 2017.
[2] Степин А.Б. Аналогия закона как нормативное средство защиты частного права // Современное право. 2014. № 3. С. 16–19.
[3] Накушнова Е.В. Особенности правового регулирования договоров возмездного оказания услуг // Нотариус. 2007. № 2. С. 13–16.

подряда и договора возмездного оказания услуг[1], имеющих одинаковое историческое основание[2].

Конечно, сомнения в правильности изложенного подхода могут возникнуть, если принять во внимание доктринальную и практическую неопределенность по вопросу о правовой природе односторонних актов сдачи-приемки выполненных работ, предусматриваемых ст. 753 ГК РФ. Так, нормативное упоминание о праве суда признать односторонний акт недействительным может быть воспринято как означающее его сделочную природу[3]. Иногда суды усматривают в односторонних актах признаки односторонних сделок[4], и если эта позиция верна, то в силу ст. 155 ГК РФ, согласно которой односторонняя сделка может создавать обязанности для других лиц лишь в случаях, установленных законом либо соглашением с этими лицами, применение ст. 753 ГК РФ по аналогии оказывается невозможным.

Однако в доктине приведены достаточно развернутые аргументы в пользу того, что, несмотря на волевой характер действия подрядчика по актированию сдачи результата работ, его направленность на прекращение обязательств подрядчика по договору и юридические последствия в виде наступления обязанности заказчика уплатить договорную цену работы, составление одностороннего акта не может квалифицироваться в качестве гражданско-правовой сделки. Акт, оформляемый по ст. 753 ГК РФ, является лишь документом, доказывающим факт сдачи результата работ[5], а заказчик, заявляя о недействительности этого документа, только опровергает факты, положенные в основу иска подрядчика, не заявляя при этом самостоятельного требования, которое могло бы составлять предмет встречного иска[6]. Правовые последствия относительно судьбы обязательства связаны не с актом, а с надлежащим

---

[1] Витрянский В.В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 26–59.

[2] Щуковская О.М. О соотношении обязательств по оказанию услуг и обязательств по выполнению работ (подряда) // Правоведение. 2002. № 2. С. 20.

[3] Пьянкова А. Акт выполненных работ как сделка // ЭЖ-Юрист. 2013. № 2. С. 12.

[4] Определение ВАС РФ от 20.02.2012 № А41-374/10.

[5] Андрианов Н.А. Правовая природа сдачи результата работ по договору строительного подряда. Продолжение дискуссии // Право и экономика. 2013. № 7. С. 33–36.

[6] Сухова Г.И. О практике разрешения споров по договору строительного подряда // Вестник ВАС РФ. 2000. № 6. С. 107.

исполнением, при этом подписание акта следует рассматривать в качестве элемента исполнения, но не самостоятельного юридического факта[1]. Значит, при оспаривании заказчиком одностороннего акта и признании судом такого акта недействительном речь идет об инвалидации не волеизъявления подрядчика, а достоверности зафиксированных в акте сведений. В судебной практике сделочная природа односторонних актов сдачи-приемки работ также преимущественно отрицается. Суды исходят из того, что таковые являются учетно-расчетными документами, удостоверяющими факт исполнения обязательств подрядчика, сами по себе не влекут возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, в силу чего сделками не являются, а потому оснований для признания указанных актов недействительными в гражданско-правовом смысле не имеется[2], и оспаривание актов сдачи-приемки работ по правилам о недействительности сделок не может предметом иска[3]. Поэтому отмеченное сомнение следует отвергнуть.

Несмотря на наличие приведенных выше весомых аргументов считать формально легитимной и научно обоснованной широкую автономную реализацию и субординационное применение п. 4 ст. 753 ГК РФ по аналогии во всех подрядных, подрядоподобных и аналогичных отношениях, в целях устранения неопределенности и окончательного решения обозначенной проблемы видится целесообразным осуществить законодательную генерализацию данной нормы.

Высказано мнение, что некоторые правила § 3 гл. 37 ГК РФ, включая ст. 753 ГК РФ, могли бы быть унифицированы для применения к любым подрядным работам повышенной сложности, поскольку такие правила не имеют строительной специфики[4]. Но думается, что норма п. 4 ст. 753 ГК РФ способна к еще большему обобщению. Представляется возможным переместить правила об односторонних актах в общие положения о порядке приемки заказчиком работы по договору подряда (ст. 720 ГК РФ) и добавить в ст. 778 ГК РФ прямую ссылку о применении

---

[1] Ершов О.Г. Подписание акта приемки результата строительных работ: сделка, сделкоподобные или фактические действия? // Право и экономика. 2012. № 7. С. 36–38.

[2] Определения ВАС РФ от 22.10.2010 № А47-8999/2009, от 11.05.2011 № А33-8059/2010; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.03.2010 № А27-9746/2009.

[3] Постановление АС Московского округа от 20.07.2017 № А40-137467/2016.

[4] Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 496 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ст. 720 ГК РФ к отношениям по выполнению научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ.

Изложенное в целом позволяет прийти к выводу, что на индивидуальном (поднормативном) уровне системы регулирования частноправовых отношений содержание категории аналогии сочетает:

- субординационный правоприменительный прием определения прав и обязанностей участников частноправовых отношений в условиях нормативного пробела (способ применения правовых норм по аналогии закона и аналогии права).
- координационное правореализационное средство установления, изменения или прекращения юридических прав и обязанностей путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий (метод автономного аналогического регулирования) и при помощи соглашения (способ договорного аналогического регулирования).

Определяя аналогию на поднормативном уровне системы регулирования частноправовых отношений в качестве средства реализации и применения правовых норм, следует понимать, что это средство не совпадает с другими частными аналогическими приемами юридического процесса. Иными словами, если соответствующий элемент системы правового регулирования частноправовых отношений раскладывается на подуровни (или стадии) аналогия пронизывает эти подуровни (или стадии) в той мере, в какой это необходимо для компенсации недостаточности правового материала (или знаний о нем).

Одним из таких сквозных аналогических приемов выступают правовые *метафоры*, в основе которых лежит сравнение предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего (переносимого) признака.

В настоящее время общее отношение юридической науки к использованию в правовом дискурсе (нормативно-правовом регулировании, индивидуальном правоприменительном воздействии, правовой доктрине и юридической коммуникации) эмоционально окрашиваемых, ассоциативных лексических средств неоднозначно.

Некоторые авторы призывают «не бояться» метафор, отмечая, что

современные юристы нечасто используют метафоры в своих исследованиях, хотя подобные «экспликации» могли бы служить наиболее глубокому проникновению в сущность правовых явлений[1]. Другие ученые, напротив, констатируют увлеченность правовой метафоризацией в современной юридической науке, обращая внимание, что это зачастую приводит к удвоению терминологии, и считая допустимым прибегать к метафоре в юриспруденции лишь по остаточному принципу, когда не хватает имеющегося технико-юридического арсенала[2].

В действительности применение в структуре правовых инструментов (терминов, норм, конструкций, доктринальных положений) слов или выражений, употребляемых в переносном значении, достаточно распространено.

Особенно заметен динамизм метафоризации сферы правового регулирования экономической деятельности, где можно не только констатировать использование «стертых» или «окаменевших» метафор (например: юридическое лицо, дочернее общество, бездокументарная ценная бумага, золотая акция), но и наблюдать интенсивное включение в правовой язык новых «живых» метафор (в частности: корпоративная вуаль, золотой парашют, бизнес-ангел).

Необходимо признать сильный когнитивный и иллюстративный эффект основанных на принципе аналогии правовых метафор. Рассуждение по аналогии позволяет получить доступ к абстрактной области, сделав ее более конкретной. Соответственно, применение метафоры «сводит когнитивные усилия адресата к минимуму»[3], поскольку доступ к неизвестному обеспечивается с помощью слов, специфичных для хорошо известного адресату, и понимание наступает интуитивно, как бы автоматически при определении признаков сходства. Это объясняет неизбежность активного использования метафор в правовой доктрине и профессиональном общении юристов. В этом аспекте можно согласиться с оценкой роли метафоры в праве как неотъемлемой черты юридического дискурса[4]. Более

---

[1] Лазарев В.В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 5–17.

[2] Баранов В.М., Власенко Н.А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11–19.

[3] Richard I. Metaphors in English for Law: Let Us Keep Them! // Lexis. 2014. Vol. 8. P. 2.

[4] Исупова М.М., Коптелова И.Е. Концептуальные метафоры в корпоративном праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 11. С. 59–67.

того, если речь идет о развитии права (нормативного массива, судебной и правореализационной практики), в науке выявлена способность метафор «обрамлять» и эффективно поддерживать (обосновывать и легитимизировать) стратегические изменения[1]. Действительно, изменяя способ восприятия и интерпретации ситуаций, связанных с людьми и событиями, лицами, принимающими решения, новые метафоры способны конкурировать с укоренившимися стереотипами и общепринятыми категориями[2]. В данном контексте понятным становится появление метафор в пояснительных записках к проектам нормативных актов[3].

Вместе с тем, поскольку аналогический прием, с помощью которого метафористически упрощается объяснение и понимание конкретного правового термина, является косвенным (через сопоставление), неизбежно страдает точность выраженных метафорами правовых норм и научных терминов, на которые таковые опираются. Как верно отмечено, юридические науки являются точными с точностью до термина, а метафоричность в науке приводит к ее мифологичности[4]. Восприятие правовых феноменов через метафору может оказаться ущербным также ввиду ее устаревания[5].

Кроме того, эмоциональный и ассоциативный элемент метафоры, влекущий обусловленную спецификой переносимого признака коннотацию (метафоры всегда «тянут» за собой ассоциативные комплексы, затрудняющие достижение когнитивных целей[6]), способен помешать адекватному и всестороннему восприятию денотата. Интерпретация обозначаемых метафорой юридических явлений может оказаться манипулятивной, поскольку ограничивается пониманием источника переносимого признака при том, что такой источник всегда отличен от

---

[1] Cornelissen J.P., Holt R., Zundel M. The Role of Analogy and Metaphor in the Framing and Legitimization of Strategic Change // Organization Studies. 2011. Vol. 32. Iss. 12. P. 1701–1716.

[2] Berger L. Metaphor and Analogy: The Sun and Moon of Legal Persuasion // Journal of Law and Policy. 2013. Vol. 22. Iss. 1. P. 147–195.

[3] См., например, Пояснительную записку к проекту ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», где для обозначения процедуры массовой отмены устаревших правовых актов использована метафора «регуляторная гильотина», прошедшая затем и в текст самого закона.

[4] Нестеров А.В. Еще раз о контенте: юридический аспект // Юрист. 2020. № 1. С. 46–52.

[5] Sloan A.E., Starger C.P. New Wine in Old Wineskins: Metaphor and Legal Research // Notre Dame Law Review. 2016. Vol. 92. Iss. 6. Online Supplement. P. 1.

[6] Гусев С.С. Наука и метафора. Л.: Наука, 1984. С. 28–29.

денотата (это разнородные, разнопорядковые сущности) и осуществляется перенос какого-то одного признака.

К примеру, использование метафоры «корпоративная вуаль» для обозначения практики структурирования бизнеса с помощью конструкции корпоративного юридического лица привело к презумпции восприятия такой практики в качестве средства или движущей силы для обмана контрагентов или уклонения от уплаты налогов, когда под юридически благозвучной «вуалью» скрываются недобросовестные намерения[1], в то время как совершенно иной оттенок имеет одинаково ярко и метко обозначающая указанную практику метафора «корпоративный щит».

Схожим образом негативную эмоциональную окраску и соответствующее ей нормативно-правовое и судебное противодействие обрела практика заключения соглашений о «золотых парашютах» – компенсационных выплатах при досрочном увольнении руководителей организаций в случаях, когда такое увольнение происходит при отсутствии виновного поведения работника в связи со сменой собственника имущества юридического лица или контролирующих организацию лиц[2]. Между тем, на однобокость такой метафоры указывает встречающееся в доктрине зеркальное обозначение подобных компенсаций как «золотых якорей»[3], нацеленных не на защиту руководителя от временной потери дохода до трудоустройства, а на удержание уволенного от конкурирования с организацией.

Едва ли можно назвать обеспечивающим должную правовую точность внедрение в сферу правового регулирования экономической деятельности метафористического термина «бизнес-ангел», вызывающего ассоциацию с волшебником, бескорыстно помогающим начинающему бизнесу, но на деле использующего жесткие корпоративные процедуры конвертируемого займа для обретения корпоративного контроля над бизнесом, добившимся успеха.

Таким образом, налицо способность правовых метафор ограничивать

---

[1] Постановление ЕСПЧ от 31.07.2014 «Дело «ОАО «Нефтяная компания «Юкос» против Российской Федерации», жалоба № 14902/04.
[2] Определение ВС РФ от 28.08.2023 № 305-ЭС22-28611.
[3] Булыга Н. «Золотые якоря и парашюты»: легко ли взыскать? // Трудовое право. 2011. № 11. С. 47–67.

объективную детализацию юридического восприятия. Метафоры могут не только затемнить, но и даже заменить точность и детализацию рассуждений, которые имеют решающее значение для развития права[1]. Выделяя одни аспекты какого-либо правового явления и подавляя другие, метафоры размывают нюансы, придают односторонний эмоциональный окрас оценки денотата. Поэтому напрямую или опосредованно (через науку) все это может сдержать или задать неправильный вектор развития права.

Соглашаясь с тем, что язык права, несмотря на достаточно высокую степень формализации, является языком естественным и не исключает использование метафор (особенно если речь идет о правовой риторике[2]), едва ли можно одобрить вывод о ведущей роли метафорического механизма в моделировании правового пространства нормативных актов[3]. В этом аспекте вполне адекватным выглядит одно из требований к порядку законопроектной работы исполнительной власти, которое состоит в воспрещении использования эмоционально-экспрессивных языковых средств, образных сравнений (эпитетов, метафор, гипербол и др.)[4].

Изложенное в целом не позволяет поддержать применение метафор на нормативном уровне системы частноправового регулирования (включая подуровень разработки пояснительных записок к законопроектам) и указывает на необходимость осторожного, аккуратного отношения к метафоризации правоприменительной деятельности.

§ 2. Функции аналогии в правотворческой деятельности и частноправовой практике

В функциональном аспекте метод аналогии в сфере частного права в частности наиболее полно изучен и активно используется именно как «средство

---

[1] Kahn J. Very Like a Whale: Analogy and the Law // Law, Culture and the Humanities. 2015. Vol. 1. № 3. P. 335–352.
[2] Smith M.R. Levels of Metaphor in Persuasive Legal Writing // Mercer Law Review. 2007. Vol. 58. № 3. P. 919–920.
[3] Ярощук И.А. Метафоры в праве: методологические основания исследования // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 596–610.
[4] Пункт 20 Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти, утв. Приказом Минюста РФ № 3, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ № 51 от 10.01.2001 // Бюллетень Минюста РФ. 2001. № 2.

казуального преодоления правовых пробелов»[1]. Аналогия воспринимается таким инструментом «логического самовосполнения права»[2], который хотя и соприкасается с расширением дискреции правоприменителя[3], в конечном счете результативно служит достижению правовой определенности, именуемой иногда в науке как «предсказуемость результатов в судебных спорах»[4]. Более того, иногда способность аналогического рассуждения восполнять правовые пробелы и прямое закрепление в законе материальных и процессуальных норм института аналогии именно как средства преодоления неполноты законодательства оценивается как то, что ныне с учетом потребностей правовой практики проблема аналогии и пробельности права фактически «сужается до проблемы принятия решения по конкретному делу в случае установления пробела в праве»[5].

Вместе с тем, едва ли могут быть сомнения в том, что аналогия в частном праве еще и *опосредует углубление эффекта частноправовой свободы*, выступая леагальной основой для возникновения и таких субъективных прав, которые в законе прямое не предусмотрены.

Аналогия как функциональное средство реализации и усиления дозволительных начал частноправового воздействия

Несмотря на то, что в системе частноправового регулировании используется весь спектр способов юридического воздействия (дозволения, запреты, обязывания), в том числе и допускается применение всех указанных разновидностей предписаний по аналогии, важнейшая роль в регламентации частноправовых отношений отводится дозволительным нормам. Аналогия способствует обеспечению автономности и инициативности поведения субъектов. Признание законодателем аналогии легальным правовым инструментом позволяет участникам частных правоотношений без опасений правового вакуума, совершать

[1] Петровский Н.А. Метод аналогии в юриспруденции // Современное право. 2009. № 5. С. 3.
[2] Savigny F.C. von. The System of Modern Roman Law. Vol. I. Madras. 1867. P. 234–236.
[3] Кириллова А.Д. Реализация дискреционных полномочий правоприменителей в системе способов преодоления правовой неопределенности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 26–32.
[4] Mak V. Standards in European Private Law: A Model for European Private Law Pluralism // Tilburg Law School Legal Studies Research Paper № 015/2013. 2013. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2302562.
[5] Щелокаева Т.А. Правовые основания применения права по аналогии // Арбитражная практика. 2007. № 1. С. 60–64.

порождающие права и обязанности действия или сохранять юридически значимое бездействия даже в случаях, непосредственно не упоминаемых законом. Именно на аналогию закона и аналогию права опирается такая отраслевая особенность гражданско-правовых юридических фактов как открытость их перечня (ст. 8 ГК РФ). Как отметил В.Ф. Яковлев, допускаемая гражданским законодательством аналогия объясняется не только тем, что невозможно предусмотреть заранее все потребности нормальной экономической жизни общества и правовые средства их удовлетворения, она «…служит еще и средством углубления правонаделительного характера гражданско-правового регулирования»[1]. Верно и то, что возможность использования аналогии при принятии юридических актов в гражданских отношениях, основанных, в том числе на договорной свободе, выступает «гарантией участникам гражданского оборота, что любой возбужденный спор … суд может, а значит, и должен решить, опираясь на действующее законодательство»[2]. Определяя сферу правовой свободы личности как сферу экономического творчества, О.Н. Ермолова правильно настаивает на необходимости творческого применения аналогии и проявление судейского усмотрения[3].

Ярким примером адекватного правонаделительного действия механизма аналогии выступило ставшее хрестоматийным для рассматриваемого института распространение п. 2 ст. 183 ГК РФ, согласно которому последующее одобрение представляемым заключенной неуполномоченным лицом сделки создает, изменяет и прекращает для представляемого права и обязанности по данной сделке, на не полностью урегулированные ст. 174 ГК РФ отношения, когда полномочия лица на совершение сделки ограничены договором (либо полномочия органа юридического лица – его учредительными документами по сравнению с тем, как они определены в доверенности, в законе либо как они могут считаться очевидными из обстановки), и при ее совершении такое лицо (или орган) вышли за

---

[1] Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006. С. 105.
[2] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд. М.: Статут, 2001. Кн. 1. С. 108.
[3] Ермолова О.Н. Ответственность в гражданском праве // Гражданское право. 2008. № 3. С. 20–25.

пределы этих ограничений. Пленум ВАС РФ разъяснил: поскольку ст. 174 ГК РФ не содержит правил одобрения сделок, в силу ст. 6 ГК РФ следует применять п. 2 ст. 183 ГК РФ, регулирующий сходные отношения, и допускать последующее одобрение порочной сделки лицом, в интересах которого установлены ограничения[1]. В литературе высказано мнение о небесспорности такой аналогии: в ст. 183 ГК РФ говорится об одобрении действительной сделки (неуполномоченного представителя), а применительно к ст. 174 ГК РФ – о возможности преобразования оспоримой сделки в действительную путем ее одобрения[2]. Однако применение норм закона через ст. 6 ГК РФ требует не тождества, а сходства квалифицируемых отношений. При этом видится вполне очевидным достаточное сходство (и по существу, и по направленности) последующего одобрения порочной сделки интересантом ограничения на ее совершение, и лицом, изначально не дававшим полномочия на совершение сделки от его имени. Подобное правоприменение справедливо признается «изящным» примером аналогии[3]. В настоящее время с обновлением § 2 гл. 9 ГК РФ, корректировкой ст. 174 ГК РФ и принятием Постановления № 25 указанное постановление не подлежит применению. Однако если по понятным причинам не должны работать устаревшие разъяснения, касающиеся изменившейся ст. 168 ГК РФ, а равно положения, воспроизведенные в новом постановлении (п.п. 22, 71), то не нашедшая формального выражения в обновленном виде позиция о возможности исцеления сделки, совершенной с упомянутыми в ст. 174 ГК РФ пороками, продолжает оставаться актуальной и, как верно отмечено, причины для ее «деактуализации» отсутствуют[4].

Достаточно наглядно правонаделительное действие механизма аналогии проявляется также в следующем примере. Несмотря на то, что понятие «товар в обороте» в гражданском законодательстве применительно к договорам

---

[1] Пункт 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.05.1998 № 9 «О некоторых вопросах применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 7.

[2] Будылин С.Л. Исправим ли порок? Обратимость сделок в российском праве // Современное право. 2007. № 2. С. 2–5.

[3] Лобанов Г.А. Применение законодательства по аналогии // Юрист. 1999. № 10. С. 2–4.

[4] Поваров Ю.С. Недействительность сделок, совершенных представителем в нарушение условий осуществления полномочий или интересов представляемого // Юридический мир. 2014. № 10. С. 20–25.

страхования отсутствует, суды считают возможным оценивать соответствующие взаимоотношения сторон договора страхования через призму аналогии закона и конструкцию «залог товаров в обороте», закрепленную в ст. 357 ГК РФ – оставление товара у залогодателя с предоставлением залогодателю права изменять состав и натуральную форму заложенного имущества при условии, что их общая стоимость не становится меньше согласованной. Следовательно, по мнению судов, обозначив застрахованное имущество как «товар в обороте», страховщик тем самым предоставил страхователю право изменять состав застрахованного имущества с тем, чтобы его стоимость оставалась неизменной[1].

Аналогия как инструмент, содействующий осуществлению и защите прав субъектов частноправовых отношений

Активное правонаделение в частном праве сопряжено с необходимостью обеспечения должного уровня защиты частных прав, и в этом смысле аналогия функционально проявляет себя как *эффективный защитный инструмент*. Нарушенное право должно быть защищено в том числе *посредством приспособления* имеющегося юридического инструментария к современным условиям и потребностям гражданского оборота путем применения норм законодательства *по аналогии*[2]. В этом контексте некоторые правоведы не без оснований акцентированно рассматривают аналогию именно в качестве «нормативного средства защиты частного права», настаивая, что ее применение способствует максимальному совокупному использованию существующей системы законодательства в вопросах восстановления нарушенных субъективных прав[3].

Подтверждением охранительного функционирования аналогии в частноправовой практике выступает использование с опорой на ст. 6 ГК РФ

---

[1] Постановление ФАС Поволжского округа от 2112.2006 № А65-10716/2005-СГ3-28; Постановление Восьмого ААС от 11.12.2014 № А75-1642/2014.

[2] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.12.2012 № А42-2283/2009.

[3] Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования при применении аналогии как способа защиты гражданских прав // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы V ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 21 мая 2016 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. С. 87–91; Степин А.Б. Аналогия закона как нормативное средство защиты частного права // Современное право. 2014. № 3. С. 16–19.

виндикационного иска в отношении бестелесного объекта – доли в праве собственности, которая формально не привязывается к физических границам (очертаниям) вещи и не может быть непосредственным объектом защитного правоотношения по ст. 301, 302 ГК РФ (доля в праве собственности хотя и относится к имуществу, индивидуально-определенной вещью не является, ею невозможно владеть, в т.ч. незаконно[1]). Суды исходят не из правовой природы доли в праве общей собственности, а из необходимости обеспечения участникам спора (включая добросовестных приобретателей) в отношении таких нематериальных объектов равные с остальными приобретателями права на защиту, а потому допускают применение положений ст. 301, 302 ГК РФ по аналогии для предоставления сособственникам возможности не только обратиться в суд, но и достичь искомого правового результата[2].

Подобным образом защитный эффект аналогии закона работал применительно к разрешению споров о восстановлении прав на незаконно утраченные бездокументарные ценные бумаги и доли в уставных капиталах, когда суды при отсутствии специальных мер защиты до принятия норм ст. 149.3. ГК РФ и п. 17 ст. 21 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[3], видели в соответствующих спорах «виндикационный характер» и применяли ст. 301, 302 ГК РФ в порядке аналогии[4]. Более того, в науке усматриваются предпосылки для еще более широкого аналогического применения указанных статей института вещных прав для защиты бестелесного (идеального) имущества, включая объекты интеллектуальной собственности[5], криптовалюту[6],

---

[1] Подшивалов Т.П. Арбитражная практика по спорам о виндикации доли в праве общей собственности // Право и экономика. 2013. № 4. С. 72–75.

[2] Постановление Президиума ВАС РФ от 09.02.2010 № 13944/09; п. 42 Постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

[3] СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785. Далее–Закон «Об ООО».

[4] Пункт 7 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 21.04.1998 № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 6; Постановление Президиума ВАС РФ от 20.03.2012 № 14989/11.

[5] Сагдеева Л.В. Виндикация интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 74–83; Сергеев А.П. Применение правил о виндикации к разрешению споров по поводу товарных знаков // Закон. 2017. № 1. С. 91–96.

[6] Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Криптовалюта как имущество–анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 91–135; Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права.

цифровые финансовые активы[1].

Заслуживает поддержки применение судами аналогии к не установленным законом правовым последствиям признания жилого многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу для собственников нежилых помещений в составе такого дома, норм, регулирующих порядок выплаты компенсаций собственникам жилых помещений[2].

Функция аналогии по вовлечению в имущественный оборот большего числа материальных благ

Далее, следует отметить способность аналогии не только помочь достижению большей вариативности экономической активности, но и функционально способствовать вовлечению в адекватно урегулированный имущественный оборот большего числа материальных благ. В частности, применительно к установлению правового режима не прикрепленных ко дну подводных зданий, одновременно выполняющих функцию передвижения, предлагается использовать по аналогии закона статус морских судов[3]. Проявление данной функции аналогии в правотворческой деятельности и частноправовой практике может быть продемонстрировано на конкретных примерах аналогического преодоления пробельности в частноправовом определении отдельных объектов оборота, как то: объектов аренды, субъективных прав по предварительному договору.

Дефиниция договора аренды указывает, что объектом, который арендодатель обязуется предоставить арендатору, выступает имущество (ст. 606 ГК РФ). Исходя из этой нормы, становится понятной такая юридически значимая характеристика имущества, выступающего объектом аренды, как его способность удовлетворить экономический интерес арендатора посредством извлечения им полезных свойств из данного имущества. В данном аспекте совершенно правильной видится судебная

2018. № 2. С. 30–74.

[1] Абрамова Е.Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. 2024. № 1. С. 10–13.

[2] Постановление АС Уральского округа от 24.04.2023 № А47-11501/2020.

[3] Малеина М.Н. Правовой режим зданий и сооружений, не прикрепленных к поверхности земли // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 33–42.

позиция о том, что не могут выступать объектами аренды полностью разрушенные здания, поскольку, исходя из своего ненадлежащего технического состояния, они утрачивают свое назначение[1]. Суды подчеркивают, что фактическое уничтожение объектов аренды является основаниями для исключения таких объектов из перечня арендуемого имущества[2]. В этом же ключе следует поддержать правоприменительный подход о состоятельности отношений аренды имущества, находящегося под арестом или под действием иных мер, ограничивающих собственника в определении юридической судьбы вещи, но не препятствующих его эксплуатации[3].

Вместе с тем, такой правовой оценки объекта аренды явно недостаточно для правильного понимания цели и существа выстраиваемого субъектами гражданского права договорного отношения[4]. Понятие «имущество» является широкой категорией, охватывающей в зависимости от области применения вещи, вещи и имущественные права, совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей[5], что в совокупности с идеями о существовании «бестелесных вещей»[6] и обусловленных повсеместной цифровизацией общественной жизни новых объектов «виртуальной собственности»[7], включая аватары и иное «игровое имущество»[8], усложняет квалификацию арендных отношений. Аналогически расширяя правовую реальность, коммерсанты демонстрируют стремление сдать в аренду все, что имеет какую-либо коммерческую ценность и может представлять экономический интерес для контрагента. Так, имели место случаи заключения договоров аренды маршрута (пути следования автобусов)[9], факты передачи в на

[1] Постановление АС Волго-Вятского округа от 10.07.2018 № А43-25952/2017.
[2] Постановление АС Волго-Вятского округа от 19.04.2019 № А43-26742/2018.
[3] Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 18.11.2018 № А19-16449/2017.
[4] Булаевский Б.А. Существенные условия договора: некоторые проблемы определения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 103–106.
[5] Шевцив О.С. Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 121–128.
[6] Федотов Д.В. К вопросу о включении бестелесного имущества в число объектов права собственности // Юрист. 2013. № 23. С. 39–42.
[7] Paaka P. Redefining 'Property' in the Digital Era: When Online, Do as the Romans Did // SSRN Electronic Journal. 2016. URL: https://ssrn.com/abstract=2749701.
[8] Lastowka G., Hunter D. The Laws of Virtual Worlds // California Law Review. 2004. Vol. 92. Iss. № 1. P. 30–50.
[9] Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30.07.2013 № А79-6738/2012.

условиях аренды программ ЭВМ[1] и интернет-сайтов[2]. Судебная практика столкнулась с попытками получения в аренду виртуальных предметов из компьютерных игр[3]. В силу изложенного понятие объекта аренды явно нуждается в нормативной конкретизации.

В отличие от ГК РСФСР 1964 г., специально не конкретизировавшего понятие «имущество» для целей применения нормы гл. 27 «Имущественный наем», действующий ГК РФ в ст. 607 содержит уточнение, в силу которого в рамках конструкции договора аренды под имуществом понимаются исключительно телесные вещи (осязаемые физические тела). Данное уточнение в текущих реалиях (отражающих стремление участников экономических отношений к максимальному и многовариантному использованию выгод от всяких принадлежащим им благ) представляется вполне естественным и принципиально важным. Детализация позволяет определенно отграничить от аренды похожие на арендные, но укладывающиеся в иные самостоятельные договорные формы отношения по предоставлению во временное пользование нематериальных активов.

В частности, воспринимая доменные имена как своеобразный *аналог объектов собственности*[4], субъекты делового оборота нередко пытаются использовать конструкцию договора аренды для целей извлечения выгоды от предоставления третьим лицам возможности временно использовать такие объекты[5]. В литературе отмечается, что доменное имя проявляет имущественную ценность, являясь объектом продажи или аренды и в этом качестве фактически участвуя в гражданском обороте[6]. Однако в силу бестелесности доменного имени, исключающей возможность физического обладания, общепризнана

---

[1] Постановление ФАС Поволжского округа от 26.04.2007 № А65-22625/06-СГ3-15.
[2] Постановление ФАС Московского округа от 06.11.2013 № А40-136634/12-140-976.
[3] Решение мирового суда судебного участка № 352 Басманного района г. Москвы от 01.02.2011 № 2-01/11, цит. по: Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.
[4] Lipton J.D. Bad Faith in Cyberspace: Grounding Domain Name Theory in Trademark, Property and Restitution // Case Legal Studies Research Paper № 09-28. 2009. URL: https://ssrn.com/abstract=1484763.
[5] Определение ВАС РФ от 06.03.2014 № А40-136427/2012; Определение Липецкого областного суда от 19.07.2017 № 33-2664/2017.
[6] Галифанов Р.Г. Особенности правовых взаимоотношений доменных имен и товарных знаков // ИС. Промышленная собственность. 2017. № 8. С. 33–48.

неправомерность аренды доменов[1]. Суды исходят из того, что домен не является вещью, не имеет собственников и не может быть передан по договору аренды, признавая такие договоры недействительными[2] и не относящимися к аренде[3].

Аналогичным образом в науке и правоприменении оцениваются распространенные в практике и даже имеющие упоминание в нормативных актах (ст. 76 Воздушного кодекса РФ) так называемые «договоры аренды каналов связи» или «договоры аренды радиочастотного спектра», которые, не предполагая динамику вещей (если, конечно, речь не идет об оборудовании, элементах инфраструктуры[4], в действительности представляют собой соглашения о возмездном оказании услуг[5], предметом которых выступает не предоставление в пользование имущества, а выполнение в интересах заказчика деятельности по передаче информации (сигналов)[6].

Поскольку доля в праве собственности не признается вещью (хотя и считается самостоятельным объектом гражданских правоотношений)[7], постольку следует отрицательно ответить на вопрос о допустимости передачи в аренду доли в общей собственности без выдела в натуре, что подтверждается судебной практикой (при попытках найма долей «договоры аренды» признаются незаключенными ввиду отсутствия надлежащего условия об объекте)[8].

Помимо того, что круг объектов аренды ограничен телесными вещами, в ст. 607 ГК РФ дан незакрытый перечень допустимых объектов найма и конкретизировано, что передаваемые в аренду вещи должны быть непотребляемыми. Это уточнение не видится таким понятным и правильным, как первое. Напротив, оно оставляет лакунными актуальные для современной договорной практики вопросы.

Прежде всего, обнаруживается *пробел в нормативно-правовом определении*

---

[1] Рожкова М.А. Права на доменное имя // Право в сфере Интернета: сборник статей. М.: Статут, 2018. С. 195–223.
[2] Постановление Девятого ААС от 26.11.2014 № А40-169281/2013.
[3] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.02.2017 № А40-206553/2015.
[4] Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 07.06.2012 № А63-5026/2011.
[5] Гузанов К.А. Особенности применения поименованных и не поименованных в ГК РФ договоров в сфере оказания услуг связи // Гражданское право. 2017. № 1. С. 37–41.
[6] Постановление ФАС Поволжского округа от 21.05.2008 № А12-14888/07-С14.
[7] Зарубин А.В. Природа доли в праве общей долевой собственности // Нотариус. 2018. № 7. С. 31–34.
[8] Определение ВАС РФ от 10.10.2013 № А33-16964/2012.

конкретных разновидностей допустимых объектов аренды.

Вызывает серьезные сомнения целесообразность нормативного акцента в общей норме ст. 607 ГК РФ на допустимость аренды земельных участков и других обособленных природных объектов, имущественных комплексов, зданий, сооружений, оборудования и транспортных средств. С одной стороны, едва ли вообще могут возникнуть сомнения в способности указанных вещей выступить объектом найма, тем более, что особенности аренды транспортных средств, зданий сооружений и предприятий раскрываются в специальных параграфах гл. 34 ГК РФ. С другой стороны, в приведенный перечень не попали некоторые объекты, достаточно востребованные для передачи (получения) в аренду, но неоднозначно оцениваемые в структуре арендных связей с точки зрения доктрины и практики.

Хотя многие признают результаты незавершенного строительства вполне способными к активному вовлечению в экономический оборот в составе предмета аренды[1], и можно заключить, что суды такую позицию в целом разделяют[2], известны случаи, когда суды отвергли юридическую возможность аренды объектов незавершенного строительства[3], что отражает высказанное в науке мнение о неспособности полноценного оборота подобных объектов, поскольку извлечение полезных свойств из еще не созданной вещи невозможно[4]. После принятия ФЗ от 30.12.2004 № 213-ФЗ[5] и включения в определяющую недвижимость как объект гражданских отношений норму слов «объекты незавершенного строительства» общий вопрос о принципиальной оборотоспособности такого рода вещей отпал. Однако в данном случае речь идет о частных сомнениях в пригодности незавершенного строительства удовлетворить экономический интерес в рамках конструкции договора аренды. Констатируемое в науке отсутствие четкого ответа

[1] Кабаков А.Ю. Аренда объектов незавершенного строительства // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2007. № 4. С. 84–88; Мельников Н. Сделки с объектами незавершенного строительства // Хозяйство и право. 2010. № 4. С. 58–63.

[2] Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24.07.2013 № А45-28338/2012; Определение ВАС РФ от 09.11.2012 № А40-106616/11-120-882.

[3] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 17.07. 2006 № А56-49787/04; Постановление ФАС Центрального округа от 27.01.2009 № А14-2630-2008/85/17.

[4] Яргина Е.А. Сравнительно-правовой анализ договора ренты и договора аренды // Нотариус. 2003. № 2. С. 8–12.

[5] СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 39.

на вопрос, допускается ли аренда объекта незавершенного строительства[1], влечет снижение степени правовой определенности регулирования имущественного оборота и ослабление коммерческой уверенности его участников, вызывает судебные конфликты. Представляется, что наиболее продуктивным было бы нормативно подтвердить правомерность имущественного найма именно этих «неочевидных» объектов, что полностью исключило бы правовой пробел в квалификации соответствующих отношений и расширило бы предпосылки для ускоренного вовлечения результатов неоконченной экономической деятельности в хозяйственный оборот.

Сложности возникают также с определением режима временного возмездного использования рабочих и торговых мест. Имеют место ситуации, когда суды, не обнаруживая согласованных условий о конкретном расположении и (или) площади и (или) требованиях к оборудованию рабочего места как объекта временного пользования, признают договоры аренды таких (недостаточно идентифицированных) рабочих мест незаключенными[2]. Некоторые суды исходят из того, что торговые места не обладают индивидуализирующими признаками и не являются вещами, которые могли бы быть предоставлены в аренду[3], и склонны квалифицировать такие отношения как возмездное оказание услуг[4]. Другие указывают на подчинение такого рода отношений номам гл. 34 ГК РФ об аренде[5], что находит теоретическое одобрение[6].

Думается, что если участники рассматриваемых отношений в действительности имеют намерение предоставить (получить) во временное пользование не помещение (здание, сооружение) как таковое (или его часть), а возможность использовать «пространственную зону», или «место на рынке»

---

[1] Кондратенко З.К. Проблемы судебной практики, связанные с рассмотрением споров, возникающих по договорам аренды объектов незавершенного строительства // Юрист. 2018. № 3. С. 30–34.

[2] Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18.08.2005 № А58-5177/04-Ф02-3991/05-С2; Постановление АС Московского округа от 13.12.2017 № А40-166616/2016; Постановление ФАС Уральского округа от 09.06.2008 № А07-14238/07.

[3] Постановление ФАС Поволжского округа от 03.03.2010 № А65-18040/2009.

[4] Постановление ФАС Уральского округа от 21.07.2009 № А60-40089/2008-С4; Постановление ФАС Центрального округа от 26.01.2010 № А14-3407/2009/81/32.

[5] Постановление Президиума ВАС РФ от 19.11.2013 № А82-3890/2012; Постановление АС Северо-Кавказского округа от 05.04.2018 № А63-16575/2016.

[6] Никитин А.В. О предмете договора аренды // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 11. С. 59–63.

(понятие торгового места закреплено в п.8) ст. 3 ФЗ от 30.12.2006 № 271-ФЗ «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»[1]), то нет причин отказывать им в использовании конструкции договора аренды с присущей ей правилами, обеспечивающими должную прочность и стабильность юридической связи контрагентов (ст. 610 ГК РФ о сроке аренды, п. 3 ст. 614 ГК РФ о сроках пересмотра размера арендной ставки, ст. 617 ГК РФ о сохранении договора аренды при переходе права на сданное в аренду имущество от арендодателя к другому лицу), что верно отражается в некоторых судебных актах[2]. Поэтому рабочие и торговые места, как и результаты незавершенного строительства, вполне заслуживают того, чтобы быть поименованными в ряду допустимых объектов аренды в ст. 607 ГК РФ.

Накопленная практика показывает, что суды адекватно воспринимают один из краеугольных для гражданско-правовой сферы принцип договорной свободы и, недвусмысленно ссылаясь на него[3], правильно идентифицируют вектор правового воздействия, заданный законодателем путем нормативного включения в хозяйственный оборот таких схожих с рабочими и торговыми местами по своей юридической невнятности объектов как машиноместа (в абз. 3 п. 1 ст. 130 ГК РФ, введенным ФЗ от 03.06.2016 № 315-ФЗ[4] специально уточнено, что к недвижимым вещам относятся части зданий или сооружений, предназначенные для размещения транспортных средств). Более того, ученые напоминают о таком антипробельном способе как *аналогия закона*, который при отсутствии специального регулирования позволяет в случае спора эффективно применять положения об аренде к возмездному использованию любых «нетипичных» объектов[5].

Далее, проявляется *пробел в законодательном закреплении юридических свойств допустимых объектов аренды*.

Двусмысленной и пробельной представляется нормативная конкретизация передаваемых в аренду вещей в качестве непотребляемых. Данное правило

---

[1] СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 34.
[2] Постановление АС Дальневосточного округа от 19.01.2015 № А24-2385/2014.
[3] Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 09.07.2014 № А28-15310/2013.
[4] СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4248.
[5] Кратенко М. Договор «аренды» нетипичных объектов // Хозяйство и право. 2007. № 6. С. 19–29.

воспринимается в доктрине как то, что объекты аренды во всех случаях – это вещи непотребляемые (неуничтожаемые и неизменяющие своих свойств в процессе пользования) и индивидуально-определенные[1]. Такое понимание заставляет усомниться, возможна ли аренда определенные родовым образом, но индивидуализированных потребляемых вещей, если цели их использования арендатором не связаны с уничтожением, к примеру, если осуществляется передача «пяти мешков яблок для создания декорации и съемок рекламы яблочного сока».

В рассматриваемом аспекте следует согласиться с мнением о необходимости признания того, что родовые вещи, в том числе потребляемые, могут быть объектом арендных правоотношений[2]. Представляется понятным, что, указывая на непотребляемость передаваемой в аренду вещи, законодатель намеревался четко отграничить аренду от товарного займа и лишь имел в виду, что объект аренды не должен быть употреблен (переработан, уничтожен) в результате использования арендатором, и что арендатор обязан по окончании срока аренды возвратить не такое же, а то же самое имущество. К примеру, если речь идет об аренде нескольких мешков яблок для целей выполнения фотосъемки, то арендатор вполне может быть обязанным к возврату тех же самых яблок. Чтобы прекратить дискуссии о допустимости отнесения родового имущества к объектам аренды и исключить судебные споры на почве согласованности индивидуальных признаков арендуемого имущества[3] видится целесообразным соответствующим образом уточнить нормативное понятие объекта аренды.

Соответствующее уточнение требуемых юридических свойств объекта аренды поможет также достичь полной определенности в нюансах предоставления во временное пользование животных – специфических объектов, выводимых законодателем в специальную категорию так называемых «одушевленных вещей»[4]. Особые качества животных (способность расти, изменяться, умирать) могут

---

[1] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского // СПС КонсультантПлюс. 2007.
[2] Белов В.А. Договор аренды: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Постановление Третьего ААС от 10.03.2015 № А33-22593/2013.
[4] Горохов Д.Б. Современное законотворчество в сфере содержания, использования и охраны животных // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 138–153.

вызвать сомнения в допустимости их аренды, поскольку имеются затруднения в индивидуализации каждого животного (в особенности, если речь идет об аренде стада, роя или семьи[1] и в определенном смысле арендатор просто не в состоянии возвратить арендатору такое же (то же самое) животное. К примеру, если в аренду предоставлены телята, то через несколько месяцев объект аренды превратится в имущество другого рода и качества – взрослых животных (коров), что, по мнению некоторых судов, исключит возможность их возврата в натуре[2].

Думается, что, указывая на непотребляемость и индивидуально-определенный характер имущества как объекта аренды, законодатель в действительности имел в виду недопустимость столкновения договорных конструкций аренды и товарного займа, но допустил одну из многочисленных терминологических погрешностей и нарушил требуемый, как это верно отмечено в науке[3], баланс между гибкостью регулирования и узкой концепцией правовой определенности.

Существенным следует признать *пробел в правовом определении части вещи в качестве возможного объекта арендных отношений*.

До настоящего момента формулировка ст. 607 ГК РФ не дает ответа на актуальный и весьма часто встречающийся на практике вопрос о применимости договорной конструкции аренды к отношениям, связанным с использованием отдельных частей (конструктивных элементов) движимых и недвижимых вещей.

Долгое время в доктрине и в судебной деятельности отсутствие законодательного уточнения относительно правового режима использования в обороте в порядке аренды некоторых элементов вещи расценивалось как молчание, равнозначное имплицитному запрету, который не подлежит преодолению в правореализационной и правоприменительной деятельности ни посредством толкования, ни через аналогию закона. Так, Президиум ВАС РФ усмотрел в правилах ст. 607 ГК РФ запрет на заключение договора аренды части вещи

---

[1] Постановление ФАС Уральского округа от 21.04.2010 № Ф09-2663/10-С3.
[2] Постановление ФАС Уральского округа от 14.07.2004 № Ф09-2113/04-ГК.
[3] Krajewski M. Balancing Legal Certainty with Regulatory Flexibility // WTO Domestic Regulation and Services Trade–Putting Principles into Practice, edited by Aik Hoe Lim and Bart De Meester. Cambridge. 2014. P. 79–94.

(конструктивный элемент здания не является самостоятельным объектом, способным к передаче в пользование отдельно от здания), хотя и признал допустимым договорное возмездное использование части вещи по какому-то иному (не названному в законе) договору[1].

Значительное распространение отношений возмездного использования третьими лицами отдельных элементов принадлежащей собственнику недвижимости при отсутствии специального механизма их регулирования подтолкнула суды к задействовнию института аренды как достаточно проработанного и наиболее подходящего существу соответствующих связей. Продолжая отвергать квалификацию спорных отношений в качестве аренды суды пришли к необходимости применения к такого рода не формализованных законом договорам норм аренде *по аналогии*. Соответствующее разъяснение дал Пленум ВАС РФ, который не только указал на аналогию закона как средство восполнения правовой лакуны, но и распространил действие большей части норм целого института (аренды) на пробельные отношения, включая норму об обременяющем свойстве прав арендатора (обременение правом использования отдельного элемента здания устанавливается на все здание в целом)[2]. В результате устремление обеспечить правовую определенность рассматриваемых отношений именно при помощи аналогии фактически привела к тому, что аналогия стала использоваться как инструмент конструирования вещных обременений. Поскольку Пленум ВАС РФ с помощью аналогии наделил права третьих лиц на элемент здания свойством следования, («прилипания» к вещи), постольку произошло явное внезаконное вторжение в принцип исчерпывающего нормативного перечня вещных прав *numerus clausus*[3]. Более того, применение норм об аренде к отношениям возмездного временного пользования частью здания не напрямую, а по аналогии, если не поставили под сомнение, то как минимум, ослабили

[1] Пункт 1 Информационного письма от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.
[2] Пункт 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.
[3] Merrill Th.W., Smith H.E. Optimal Standardization in the Law of Property: The Numerus Clausus Principle // Yale Law Journal. 2000. Vol. 110. P. 4.

состоятельность договорной формы аренды. В силу изложенного ожидаемым и необходимым явилось принятие внесшего определенность Постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды»[1], в п. 9 которого разъяснено: положение ст. 607 ГК РФ с учетом нормы ст. 606 ГК РФ не воспрещает заключение договора, по которому в аренду предоставляется только часть вещи.

Думается, что отмеченные изменения в судебных подходах препятствуют повышению общего уровня эффективности регулирования экономической деятельности, которая предполагает определенность, стабильность и предсказуемость. С учетом того, что даже после появления последнего разъяснения можно встретить акты нижестоящих судов, в которых реализуется прежние подходы[2], а значит, сохраняется опасность некорректного использования аналогии, видится необходимым законодательно указать на возможность аренды части вещи.

Нельзя не отметить наличный правовой *пробел в легальном определении допустимости договорных отношений аренды будущей вещи*.

Представляется понятным, что осуществление хозяйственного господства над вещью (владение) и извлечение ее полезных свойств (пользование) на условиях аренды возможно исключительно в случаях, когда речь идет о конкретной, существующей и имеющейся в наличии вещи. Вместе с тем, реально представить договор аренды вещи, которая будет приобретена или создана арендодателем и уже затем предоставлена арендатору. Однако ст. 607 ГК РФ, определяя объект арендных отношений, о таких ситуациях умалчивает. Более того, согласно ст. 608 ГК РФ право сдачи имущества в аренду принадлежит его собственнику, из чего путем буквального толкования можно вывести правило о запрете на заключение лицом договора о передаче в аренду вещи, которая еще не создава или в отношении которой у лица на момент заключения договора отсутствует право собственности (будущей вещи).

---

[1] Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.
[2] Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 18.11.2013 № А17-7144/2012.

Обозначенный пробел в совокупности с правилом ст. 608 ГК РФ приводил к тому, что некоторые суды констатировали недействительность договоров аренды, заключенных в момент, когда право арендодателя на объект аренды отсутствовало, отказывали во взыскании арендной платы за фактический период аренды[1] и приходили к выводу о возникновении обязательств из неосновательного обогащения[2]. Такая практика, будучи доктринально и экономически «неоправданной»[3], претерпела кардинальное изменение, когда Пленум ВАС РФ рекомендовал судам принимать во внимание, что по смыслу ст. 608 ГК РФ арендодатель должен обладать правом собственности на вещь не на дату совершения сделки, а на момент передачи вещи арендатору, а потому договор аренды будущей вещи не является недействительным (если, конечно, речь не идет о ничтожности договора в отношении недвижимости, застраиваемой самовольно)[4].

Указанные суждения формально не опираются на механизм аналогии закона, но явно сделаны с учетом схожего подхода законодателя к решению вопроса о заключении в отношении будущей вещи договора купли-продажи. Так, в соответствии с п. 2 ст. 455 ГК РФ при согласовании условия о товаре возможно предусмотреть куплю-продажу товара как имеющегося в наличии у продавца в момент заключения договора, так и товара, который будет создан или приобретен продавцом в будущем. В порядке реализации креативной функции аналогии, видится необходимым закрепить аналогичные нормы в ст. 607 ГК РФ, что позволит добиться полной правовой определенности в вопросе о допустимости заключения договоров аренды будущих вещей.

Изложенное показывает, что в настоящее время правовое определение объекта аренды является существенно пробельным, что не обеспечивает должный уровень договорной свободы и коммерческой уверенности участников арендных

---

[1] Постановление ФАС Дальневосточного округа от 20.03.2007 № А04-1536/06-4/63.
[2] Постановление Президиума ВАС РФ от 29.11.2011 № А73-10207/2010.
[3] Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9. С. 6–106.
[4] Пункт 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.01.2013 № 13 «О внесении дополнений в Постановление Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 года № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4.

отношений. При этом аналогия закона как инструмент преодоления правовых лакун хотя и позволяет оперативно реагировать на запросы спорящих, используется судами недостаточно последовательно, что указывает на необходимость совершенствования действующего закона. Поэтому видится возможным и целесообразным нуждающийся в нормативной конкретизации режим объекта аренды закрепить в тексте ГК РФ по-новому, в направлении расширения круга допустимых объектов аренды, в том числе окончательной легализации договоров аренды будущих вещей[1].

Применение аналогических средств *в механизме уступки права из предварительного договора* также способствуют расширению круга оборотоспособных объектов имущественных частноправовых отношений.

Большое значение для частноправовой практики имеет вопрос о допустимости уступки и последующего оборота субъективного права на заключение основного договора, возникающего из предварительного договора. Особый интерес этот лакунный вопрос приобрел в свете дозволения подобной уступки в рамках родственной договорной конструкции – опциона на заключение договора (п. 7 ст. 429.2 ГК РФ). Важно и то, что решение проблемы сингулярной цессии из предварительного договора (на основании сделки) с неизбежностью предопределит аналогичные подходы к условиям изменения сторон в предварительном обязательстве в порядке универсального правопреемства и выступит отправной точкой для традуктивного суждения о перемене лиц в других обязательствах, содержанием которых выступает деятельность по организации договорных связей.

Высказана точка зрения, согласно которой обязательство заключить договор неразрывно связано с личностью его сторон, ввиду чего передача другим лицам прав требования из предварительного договора неправомерна (ст. 383 ГК РФ). Исходя из того, что предварительным договором «никак не могут охватываться конкретные имущественные обязательства, например, по передаче имущества или

[1] Предлагаемые в данном контексте изменения и дополнения формулировок статей 606, 607, 608 ГК РФ представлены в заключении настоящей работы.

выполнению работ», К.И. Скловский указал, что он «…исключает правопреемство»[1]. П.А. Меньшенин связывает предполагаемую необходимость личного исполнения обязательства по заключению будущего договора с двумя последствиями: 1) исполнение такого обязательства не может быть возложено на третье лицо и 2) уступка права требования заключить договор не допускается[2]. Аналогичным образом предлагается ответить на вопрос о том, входят ли данные организационные права и обязанности в состав наследства: в силу ст. 1112 ГК РФ, исключающей из наследственной массы права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, таковые в состав наследственного имущества не входят[3].

Разделяя мнение, что право на заключение основного договора не может быть цедировано, В.В. Витрянский ввиду самостоятельности конструкций опциона и предварительного договора и отсутствия достаточной схожести между ними отрицает возможность применения к предварительному договору по аналогии закона нормы п. 7 ст. 429.2. ГК РФ, а само ее наличие расценивает как аргумент *a contrario*: «чтобы сделать возможной уступку права из предварительного договора, требуется специальное указание закона»[4].

Отрицание оборотоспособности прав из предварительного договора находит отражение в судебной практике. Например, контрагенту наследодателя со ссылкой на ст. 421 и 1112 ГК РФ было отказано в признании наследника стороной предварительного договора и обязании его исполнения, поскольку данное обязательство неразрывно связано с личностью умершего[5]. В аналогичном случае суды не сочли родственную связь истца со стороной предварительного договора

---

[1] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2008. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Меньшенин П.А. Понятие и предмет предварительного договора: основные подходы теории и практики // Вестник ВАС РФ. 2011. № 1. С. 34.

[3] Меньшенин П.А. Указ. Соч. С. 35. По всей видимости, автор имеет в виду прекращение соответствующих прав и обязанностей на основании ст. 418 ГК РФ. При этом примечательно, что, не находя аналога специальной нормы ст. 1112 ГК РФ для определения круга прав и обязанностей, переходящих к правопреемникам реорганизованных юридических лиц, и, очевидно, не усматривая оснований для применения ст. 1112 ГК РФ по аналогии, автор не видит препятствий для перехода права на заключение основного (будущего) договора в порядке универсального правопреемства при реорганизации юридических лиц.

[4] Витрянский В.В. Вопрос-ответ // СПС КонсультантПлюс. 2015.

[5] Определение Астраханского областного суда от 09.11.2011 №33-3436/2011.

купли-продажи основанием для понуждения к заключению основного договора, так как требование его заключения неразрывно связано с личностью умершего и в состав наследства войти не могло[1]. Отказывая в обязании наследника заключить основной договор продажи квартиры в связи с обязательствами наследодателя по предварительному договору в отношении этой квартиры, суд в схожем деле с опорой на ст. 218 ГК РФ уточнил, что право собственности на имущество, имеющее собственника, может быть приобретено другим лицом на основании сделки об отчуждении этого имущества, к которым предварительный договор не относится[2].

Однако возможен и иной подход. В частности, интересно мнение, что требования стороны предварительного договора заключить договор выступает *общегражданскими аналогами* прав, закрепляемых опционом эмитента, и по смыслу ст. 383 ГК РФ не привязаны к личности кредитора[3]. Подмечена также схожесть моделей опциона на заключение договора, опционного договора и предварительного договора, в том числе указывающая на возможность выработки практики применения соответствующего законодательства *по аналогии*[4]. В рассматриваемом аспекте не имеет значения констатация родового (материнского) характера предварительного договора по отношению к соглашению о предоставлении опциона, ибо заключение по аналогии предполагает принципиальное сходство сравниваемых конструкций и состоит в переходе к выводам той же степени общности, что и отправные (от общего к общему или от частного к частному). Иными словами, если одна юридическая оболочка организационных прав и обязанностей допускает замену носителей, то и сходные модели аналогичных по ключевым признакам связей не должны исключать этого.

В первом приближении, с учетом естественного для рыночной экономики процесса вовлечения в имущественный оборот максимального числа объектов и наблюдающейся тенденции к товаризации неимущественных отношений,

---

[1] Определение Верховного суда Республики Бурятия от 18.07.2012 № 33-1575.
[2] Определение Московского областного суда от 19.03.2013 № 33-6567.
[3] Клык Н.Л. Ценные бумаги как результат эволюции имущественных прав: монография // СПС КонсультантПлюс. 2010.
[4] Руденко Е.Ю. Правовая природа опционного договора // Власть Закона. 2015. № 3. С. 90–96.

приобретающих самостоятельное экономическое содержание[1], именно положительный ответ на поставленный вопрос видится предпочтительным. По верному замечанию А.С. Райникова, неимущественные права (требования) из организационно-предпосылочных договоров, включая предварительные, имеют внешний по отношению к их обладателям характер и наделены меновой стоимостью[2].

Думается, что выводу о возможности уступки основанного на предварительном договоре права на заключение будущего договора не препятствует неимущественная юридическая природа организационного обязательства. Отсутствие имущественного содержания правоотношения отнюдь не означает его личный характер. В частности, Е.Б. Подузова, хотя и подчеркивает особую важность конкретной личности контрагента в обязательствах по организации договорных связей (как и в иных неимущественных обязательствах), тем не менее не исключает цессию в таких обязательствах[3]. Соответственно, организационное обязательство по поводу заключения будущего договора должно принципиально квалифицироваться одновременно как неимущественное и неличное, способное отделяться от носителя. Так, по мнению С.Ю. Морозова, правильным шагом могло бы стать прямое закрепление в ст. 2 ГК РФ организационных отношений, которые одновременно являются неличными и неимущественными[4]. Иными словами, на оборотоспособность прав из предварительного договора характеристики самого неличного неимущественного организационного отношения напрямую не влияют[5].

Допустимость изменения кредитора в обязательстве из предварительного договора отражается в судебной практике. В ряде актов суды специально не

---

[1] В литературе отмечено, что развитие рыночных отношений вносит определенные коррективы в традиционное понимание даже таких вовлекаемых в экономический оборот личных нематериальных благ, как имя или облик гражданина, его голос, а также сведения частной жизни (Слипченко С.А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. 2011. № 2. С. 42–47).

[2] Райников А.С. Требование из организационного договора как объект гражданских прав: приглашение к дискуссии // Вестник арбитражной практики. 2019. № 1. С. 19–25.

[3] Подузова Е.Б. Организационные аспекты изменения договорных обязательств // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 76–81.

[4] Морозов С.Ю. Организация и управление в гражданском праве // Юридический мир. 2011. № 11. С. 38–39.

[5] Другое дело, что препятствием к уступке может стать предполагаемая неразрывная связь с личностью кредитора прав по основному (будущему) договору.

оценивали, но и не подвергли сомнению правомерность уступки права на заключение будущего договора[1]. Имело место суждение о том, что перемена лиц в предварительном договоре допускается в пределах, предусмотренных правилами гл. 24 ГК РФ[2] и еще более однозначное: каких-либо ограничений в отношении замены лиц применительно к предварительному договору, в том числе обязательств по предварительному договору аренды, законом не предусмотрено[3]. В некоторых решениях констатировался переход по наследству обязательств по предварительному договору в случае смерти одного из участников договора, поскольку обязательства, предусмотренные таким договором, не являются неразрывно связанными с личностью должника[4].

Надо признать, что заметная оборачиваемость прав по предварительным договорам (в особенности предусматривающим последующую куплю-продажу объектов недвижимости) стала объективной реальностью. В этой связи Минфин РФ был вынужден дать разъяснение по вопросу о возможности получения имущественного вычета при приобретении квартиры по договору уступки требований по предварительному договору купли-продажи[5]. В силу указанного от вывода о недопустимости уступки прав по предварительному договору следует отказаться хотя бы из аргумента *ad absurdum*.

Казалось бы, можно заключить, что уступка права требования в обязательстве из предварительного договора принципиально возможна. При этом для соответствующего заключения аналогия с п. 7 ст. 429.2 ГК РФ подчеркивает правильность данного вывода. Если легальна уступка прав из опциона на заключение договора, то *a fortiori* не исключается уступка прав на заключение будущего договора из обычного предварительного договора.

Следует иметь в виду, что общий положительный ответ на рассматриваемый вопрос не может быть сформулирован безоговорочно. Его необходимо увязывать с

---

[1] Постановление АС Северо-Западного округа от 08.05.2015 № А56-67921/2013; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 19.07.2006 № А19-7480/05-45-41.
[2] Постановление ФАС Поволжского округа от 2211.2012 № А55-6675/2011.
[3] Постановление Двадцатого ААС от 02.09.2014 № А23-743/2014.
[4] Определение Липецкого областного суда от 23.10.2013 № 33-2806/2013.
[5] Письмо Минфина России от 21.08.2014 № 03-04-05/41883.

универсальностью изменений, происходящих в обязательстве. По смыслу п. 1 ст. 429 ГК РФ основанное на предварительном договоре право на заключение будущего договора неразрывно связано с обязанностью носителя этого права заключить соответствующий договор. В этом аспекте, обратившись к подвопросу о допустимости правопреемства на стороне застройщика в предварительном договоре на строительство здания, О.Г. Ершов верно отметил, что если у сторон возникает обязанность заключить основной договор через совершение активных действий, то налицо признаки правоотношения, в котором обе стороны по отношению друг к другу обладают одновременно взаимными обязанностями заключить основной договор и взаимными правами требования заключения основного договора. При этом существующие права и обязанности охватываются совершением одного действия контрагента и не могут быть разделены, что фактически означает универсальное правопреемство, последствием которого является возникновение обязанности и одновременно права требования у нового застройщика заключения основного договора[1]. К такому же выводу пришла Е.В. Васильева применительно к перемене лиц в обязательстве из предварительного договора аренды[2]. Изложенное означает, что уступка организационного права всегда (неразрывно) сопряжена с передачей обязанности вступления в основное договорное правоотношение (в случае с предварительным договором изолированная уступка сущностно неотличима от перевода долга[3]), что, в свою очередь, требует согласия контрагента на перевод долга (п. 2 ст. 391 ГК РФ). Очевидно, в связи с конкретно этим аспектом В.В. Негодяев заключил, что (в сопоставлении с правами по опциону, оборотоспособными по умолчанию) уступка прав из предварительного договора, «как правило, невозможна»[4].

Аналогичный подход к вопросу о перемене лиц в отношениях из опциона на

---

[1] Ершов О.Г. Предварительный договор в строительстве // Право и экономика. 2010. № 11. С. 38–44.

[2] Васильева Е.В. Предварительный договор аренды: особенности налогообложения у будущих арендаторов и арендодателей // Бухучет в строительных организациях. 2011. № 8. С. 9–20.

[3] Бершицкий Э.Е. Оценочные ограничения сингулярного правопреемства в обязательственных правах на стороне кредитора: в поисках критериев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3. С. 72–120.

[4] Негодяев В.В. Опционы: актуальные вопросы судебной и нотариальной практики // Нотариальный вестник. 2021. № 3. С. 26–43.

заключение договора (основанный на идее о принципиальной допустимости уступки только с согласия контрагента) привел бы неоправданному ограничению оборотоспособности прав по опциону. Поэтому, думается, именно данное обстоятельство (а не предполагаемая слитность права на реализацию опциона с его носителем) и побудило законодателя к включению в текст ст. 429.2 ГК РФ особого указания на возможность уступки прав по опциону (если иное не предусмотрено этим соглашением или не вытекает из его существа).

Креативная функция аналогии в частном праве

Констатируя полифункциональность аналогии в правотворческой деятельности и частноправовой практике, видится необходимым обратить наиболее пристальное внимание на творческую компоненту функционирования данного метода в частном праве. Важно подчеркнуть, что потенциал аналогии в частноправовом регулировании не исчерпываются преодолением правовых пробелов персонифицированными правовыми актами, практическим подкреплением индивидуальных свобод и приспособлением имеющегося юридического инструментария к современным условиям и новым потребностям гражданского оборота в механизме защиты субъективных частных прав.

Будучи проявлением способности «видеть умом»[1] и отражая «человеческую интуицию»[2], рассматриваемый метод (хотя и не является источником права) выступает креативной основой правотворчества, полностью устраняющего наличные пробелы или предвосхищающего потенциальные лакуны. Законодатель не только воспринимает факты массового или особо заметоного и социально значимого применения аналогии как побудительную силу для принятия нормативного акта в направлении окончательного устранения раскрытой лакуны, но и активно пользуется содержательной (творческой, интуитивной) правоприменительной подсказкой выбора конкретного законодательного решения. Однако до настоящего времени данное проявление метода аналогии в частном праве должной научной оценки не получило.

---

[1] Манжосов С.А. Аналогия, взвешивание и дедукция в структуре следования прецеденту // Правоведение. 2018. № 2. С. 400–421.

[2] Lamond G. Analogical Reasoning in the Common Law. Oxford Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 34. № 3. P. 567–588.

Бесспорно, что от терминологических погрешностей и фрагментации в той или иной мере несвободна всякая законодательная область, причем одной из серьезных причин этого представляет недостаток доктринальной базы относительно того или иного явления, претендующего на статус правового, т.е. неспособность науки в конкретный момент предложить теоретически проработанные готовые варианты требуемой юридической конструкции[1].

На основе аргументов по аналогии право, казуально восполняя недостатки закона, постепенно развивается и расширяется «от случая к случаю» без острой необходимости на любом конкретном этапе формулировать выводимые из практики объединяющие правила[2]. При этом суды не только выявляют правовые пробелы и противоречия в действующем законодательстве[3], но и посредством аналогии способствуют формулированию и закреплению таких общих правил.

Логично предположить, что при отсутствии готовых проектов нормативных решений опытные *наработки, полученные в результате применения аналогии закона, вполне могут выступить креативной основой восполняющего пробелы и устраняющего противоречия правотворчества*. Для подтверждения и уточнения этого предположения следует отыскать и охарактеризовать наиболее показательные проявления отмеченной *креативной функции* феномена правовой аналогии, раскрыть обстоятельства, при которых данная функция наиболее эффективна и выявить условия перехода творческого аспекта применения законодательства по аналогии к конкретным нормотворческим решениям.

Пожалуй, наиболее заметным примером того, как формализованный результат аналогической практики выступил основой для принятия значимых изменений в ГК РФ, является аналогическое преодоление и нормотворческое устранение неопределенности режима общего имущества в нежилом здании.

Так, знаковым для институтов аналогии и права собственности явилась

---

[1] Голубцов В.Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 3. С. 396–419.

[2] Duarte d'Almeida L., Michelon C. The Structure of Arguments by Analogy in Law // Argumentation. 2017. Vol. 31. P. 359–393.

[3] Шуберт Т.Э. Влияние судебной практики на законотворческий процесс // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 160–170.

позиция, изложенная Пленумом ВАС РФ в п. 1 Постановления от 23.07.2009 № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания», суть которой – одобренная в науке[1] аналогическая экстраполяция норм ст. 289, 290 ГК РФ, ст. 36 ЖК РФ, регулирующих отношения по поводу общего имущества в многоквартирном жилом доме, к специально законом не регламентированным отношениям собственников помещений по поводу общего имущества в нежилом здании. В результате был сформулирован правовой подход признания за собственником отдельного помещения в любом (жилом или нежилом) здании доли в праве общей собственности на общее имущество здания. Данная позиция примечательна не только тем, что перевернула ранее сложившийся судебный подход, отрицающий использование указанных норм по аналогии[2], но и предвосхитило последующую более глубокую аналогию и нормативное воплощение. В п. 41 Постановления № 25 идея аналогичности правовых режимов общего имущества жилых домов и нежилых зданий была подтверждена, и дополнительно было указано на аналогическую на применимость норм ст. 44 – 48 ЖК РФ для определения порядка принятия решений сообществ сособственников общего имущества в нежилых зданиях. В результате практическая отработка указанного подхода привела к ликвидации отмечаемого большинством исследователей и практикующих юристов пробела нормами новой гл. 17.1. ГК РФ «Право собственности и другие вещные права на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места»[3] и нового § 2 гл. 16 «Общее имущество собственников недвижимых вещей»[4].

---

[1] Гонгало Б.М. Недвижимость (понятие, виды объектов): наши разногласия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 16–23.

[2] Отмечалось, что поскольку нежилые помещения в отличие от жилых используются в коммерческих целях, субъектами отношений по поводу пользования нежилыми помещениями являются в основном коммерческие организации, постольку применение к их отношениям норм, регулирующих отношения собственников квартир, противоречило бы существу спорных отношений и не соответствовало бы ст. 6 ГК РФ (см.: Постановление Третьего ААС от 07.11.2008 № А33-5618/2008; Постановление ФАС Поволжского округа от 21.11.2006 № А57-407/06; Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2002 № 3673/02).

[3] ФЗ от 21.12.2021 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8989.

[4] ФЗ от 24.07.2023 № 351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (часть III). Ст. 5777.

Креативное начало аналогии отчетливо просматривается *в механизме погашения требований по однородным обязательствам*.

Долгое время широко практиковалось аналогическое использование ст. 522 ГК РФ, определяющей порядок погашения однородных обязательств по нескольким договорам поставки в случаях, когда покупатель оплачивает поставщику одноименные товары, полученные по ряду договоров, и суммы оплаты недостаточно для погашения всех обязательств покупателя, к отношениям при зачете встречных требований. Обобщив практику, Президиум ВАС РФ указал, что гражданское законодательство не содержит норм, регулирующих случаи недостаточности суммы встречного требования должника для прекращения зачетом всех его обязательств по нескольким договорам (т.е. существует пробел в регулировании отношений, входящих в сферу частного права), а потому надлежит воспользоваться аналогией закона: схожесть надлежащего исполнения обязательства и его прекращения зачетом позволяет по аналогии применять к зачету п. 3 ст. 522 ГК РФ, согласно которому исполнение погашает обязательства по договору, срок исполнения которого наступил ранее, а в случае, когда срок исполнения обязательств по нескольким договорам наступил одновременно, предоставленное исполнение засчитывается пропорционально в погашение обязательств по всем договорам; соответственно, судам рекомендовано исходить из того, что при недостаточности суммы встречного требования для прекращения зачетом всех обязательств, возникших из нескольких договоров, прекращенным считается обязательство по договору, срок исполнения которого наступил ранее, если иное не указано в заявлении о зачете[1].

При этом пробел в регулировании порядка погашения однородных требований по нескольким договорам обнаружился не только при зачете. Распространение приобрело применение ст. 522 ГК РФ по принципу аналогии при разрешении споров из договоров аренды[2], возмездного оказании услуг[3],

---

[1] Пункт 19 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

[2] Постановление ФАС Уральского округа от 25.11.2009 № Ф09-9253/09-С6.

[3] Постановление ФАС Уральского округа от 08.11.2011 № Ф09-6399/11.

выполнения работ[1], займа[2], кредита[3], агентирования[4]. В итоге накопленный судами опыт дал повод генерализовать соответствующие правила и принять общую норму, рассчитанную на определение порядка погашения требований по любым однородным обязательствам. В силу п. 3 новой ст. 319.1 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон, в случаях, когда должник не указал, в счет какого из однородных обязательств осуществлено исполнение, преимущество имеет обязательство, срок исполнения которого наступил или наступит раньше, либо, когда обязательство не имеет срока исполнения, то обязательство, которое возникло раньше; если сроки исполнения обязательств наступили одновременно, исполненное засчитывается пропорционально в погашение всех однородных требований.

Думается, что применительно к функционированию указанных специального и общего правил можно согласиться и с обратным эффектом аналогии: опыт, накопленный по применению положений ст. 522 ГК РФ, в полной мере может быть аналогическом образом использован в процессе толкования и применения генеральных правил ст. 319.1 ГК РФ[5]. Интересно, что практика обнаружила необходимость еще большего аналогического расширения правил об очередности погашения обязательств, а именно – на случаи, когда речь идет о прекращении обязательства не исполнением, а прощением долга[6].

Созидательный эффект аналогии возможно подсветить и при определении *режима юридически значимых сообщений*.

До недавнего момента в практике остро ощущался недостаток в правовом регулировании порядка направления и получения юридически значимых

---

[1] Постановление ФАС Центрального округа от 15.04.2010 № Ф10-872/10.
[2] Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 27.03.2013 № А53-5344/2012.
[3] Пункт 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.
[4] Постановление ФАС Центрального округа от 27.12.2012 № А09-238/2012.
[5] Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации: общий комментарий новелл обязательственного права // Арбитражные споры. 2015. № 3. С. 145–166.
[6] Как разъяснил Верховный Суд РФ, применительно к ст. 319 ГК РФ устанавливается очередность прекращения требований, если прощена лишь часть долга и неясно, от уплаты каких именно сумм освобожден должник (см.: пункт 33 Постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. 2020. № 136).

сообщений, особенно в ситуациях, касающихся отправлений на имя организаций по адресу, содержащемуся в ЕГРЮЛ, иногда в бизнес-сленге[1] и даже в некоторых нормативных актах[2] называемому «юридический адрес», в то время как в действительности органы юридического лица располагаются по иному (фактическому) адресу. Само понятие юридически значимых сообщений, не будучи закрепленным в гражданском законодательстве, тем не менее, использовалось как обнимающее различные заявления, уведомления, извещения, требования или иные сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица[3]. При этом по аналогии с правилами, закрепленными в процессуальном законодательстве (в силу подп. 2 п. 4 ст. 123 АПК РФ лица, участвующие в деле, считаются надлежаще извещенными, если, несмотря на почтовое извещение, адресат не явился за получением судебного акта, направленным судом в установленном порядке, о чем организация почтовой связи уведомила суд), в практике сложился подход, что юридическое лицо несет риск последствий неполучения юридически значимых сообщений, поступивших по его адресу, указанному в ЕГРЮЛ, а также риск отсутствия там своего представителя. Такой подход был реализован судами в нескольких отдельных случаях[4] и обобщен Пленумом ВАС РФ[5]. В одном из дел суд прямо сослался на ст. 6 ГК РФ в следующей весьма характерной ситуации: истец направил ответчику акты о приемке выполненных работ и справки об их стоимости за спорный период, что подтвердил почтовой квитанцией и описью вложения в письмо, а ответчик, не подписав указанные документы, мотивированного отказа в их подписании не представил и заявил о неполучении вышеуказанных документов, поскольку согласно почтовому идентификатору на квитанции отправление возвращено истцу

---

[1] Чистова А. Как оспорить запись о недостоверности адреса в ЕГРЮЛ // Юридический справочник руководителя. 2021. № 6. С. 57–67.

[2] Статья 16 ФЗ от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

[3] Долинская В.В. Правовая природа юридически значимых сообщений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6. С. 10–19.

[4] Постановление ФАС Поволжского округа от 21.05.2013 № А55-23900/2012; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 30.04.2013 № Ф04-2006/13.

[5] Пункт 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 32.

по истечению срока хранения. Суд пришел к выводу, что неполучение ответчиком письма вследствие истечения срока хранения не свидетельствует о ненадлежащем направлении истцом документов и признал ответчика надлежащим образом извещенным о готовности результата работ и необходимости их приемки. Данный вывод суд основал на упомянутой процессуальной норме подп. 2 п. 4 ст. 123 АПК РФ, указав, что она применима к спорным отношениям в силу п. 1 ст. 6 ГК РФ[1]. Адекватно восприняв указанное использование механизма аналогии, законодатель дополнил ГК РФ новой ст. 165.1. согласно которой юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого (другого) лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю, при том, что сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило адресату, но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним[2].

Далее, можно привести еще один весьма показательный пример того, как конструктивная практика применения конкретной гражданско-правовой нормы по аналогии, получив научное одобрение, выступила творческой основой для развития существующего законодательства в частноправовой сфере, а именно – отправным материалом для *совершенствования норм о публичном договоре*.

Согласно ст. 426 ГК РФ в редакции, действовавшей до принятия ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»[3] публичным признавался договор, заключенный коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится. Как видно, указанная норма недвусмысленно определяла

---

[1] Постановление Двенадцатого ААС от 16.01.2013 № А12-19181/2012. Данная практика эмпирически подтверждает теоретическое предположение о принципиальной допустимости аналогического применения норм-презумпций (Фомина Л.А. Пробелы в гражданском праве России: понятие, сущность. Способы преодоления: Монография. Волгоград. 2008. С. 111).

[2] ФЗ от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

[3] СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

контрагентом потребителя в публичном договоре лишь коммерческое юридическое лицо, хотя понятно, что во многих случаях характер деятельности индивидуальных предпринимателей и некоммерческих организаций также предполагал (и предполагает) обязанность заключения соответствующих договоров на условиях, являющихся по общему правилу одинаковыми для всех потребителей. Если в отношении индивидуальных предпринимателей работает п. 3 ст. 23 ГК РФ о соответственном (т.е. не аналогическом, а прямом с необходимыми терминологическими подстановками и смысловыми уточнениями) применении к их деятельности правил ГК РФ, регулирующих деятельность коммерческих организаций, и, следовательно, положительный ответ на вопрос о распространении нормы ст. 426 ГК РФ к предпринимателям вытекает непосредственно из закона, о чем ученые высказываются вполне определенно и уверенно[1] (в этом аспекте литературе верно отмечено, что вопрос о способности конструкции публичного договора регулировать отношения с участием индивидуальных предпринимателей не составляет реальной научной проблемы[2]), то в отношении некоммерческих организаций такой вопрос оказывается пробельным. Некоторые суды при разрешении споров потребителей с оказывающими услуги некоммерческими организациями отказывались считать заключаемые последними договоры публичными, указывая на несостоятельность ссылок на аналогию поскольку применение по аналогии ст. 426 ГК РФ в отношении некоммерческих организаций противоречит не только положениям действующего законодательства, но и деятельности некоммерческой организации[3]. Вместе с тем, ощущая явную необоснованность формального сужения круга субъектов публичного договора по тексту ст. 426 ГК РФ, но не имея возможности применять к соответствующим (по существу) договорам, заключаемым некоммерческими организациями, норм о публичном договоре напрямую, суды сочли возможным прибегнуть к аналогии и применить правило ст. 426 ГК РФ о недопустимости отказа от заключения

[1] Закиров Р.Ю. Публичный договор и договор присоединения в проекте ГК РФ // Юрист. 2013. № 8. С. 22–25.
[2] Кузнецова О.А. Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 316–324.
[3] Постановление ФАС Центрального округа от 25.08.2008 № А23-424/08Г-15-16.

публичного договора через отсылку к ст. 6 ГК РФ[1].

В доктрине практика аналогического применения норм о публичном договоре к некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность, которая по своему характеру должна осуществляться в отношении любого обратившегося лица, была оценена в целом положительно. Едва ли можно помыслить о квалифицированном суждении законодателя, намеренно ограничившим круг субъектов публичного договора. В действительности имел место правовой пробел, вызванный дефектом законодательства (неполноты, неточностью нормы). Поэтому было отмечено, что направленность норм о публичном договоре на защиту слабой стороны предполагает зависимость возложения законодателем обязанности заключать публичный договор не от организационно-правовой формы, а от характера деятельности экономически сильного контрагента[2]. Отдельные авторы выразили абсолютную уверенность в том, что правила, содержащиеся в ст. 426 ГК РФ, могут и даже должны применяться по аналогии, в частности, к договорам по управлению правами на коллективной основе с некоммерческой организацией на активной стороне[3]. По мнению А.И. Савельева, в целом требования справедливости, идеи о необходимости защиты слабой стороны и предотвращение дискриминации в договорных связях требуют реализации аналогичных заложенным в ст. 426 ГК РФ принципов к некоммерческим организациям, осуществляющим общественно значимые виды деятельности[4]. Несмотря на то, что использование аналогии в рассматриваемой ситуации вступает в некоторое противоречие с требованием о недопустимости вторжения в свободу договора иначе как по основаниям, предусмотренным в законе (ст. 1 ГК РФ), такая аналогия не противоречит существу регулируемых отношений. Адекватность сформулированного посредством аналогии правоположения истинным целям законодателя предопределило

[1] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 05.11.2003 № А05-1936/03-72/24.
[2] Левченко О.С. К вопросу о сторонах публичного договора // Законодательство и экономика. 2008. № 6. С. 49–52.
[3] Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[4] Савельев А.И. Применение судами норм Гражданского кодекса РФ о публичных договорах // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 99–136.

корректировку положений ст. 426 ГК РФ. В настоящее время публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п.).

Думается, что схожим образом следует расценивать аналогическое правоприменительное (с отчетливой перспективой перерастания в нормативное) распространение на некоммерческих субъектов правила о возможности коррекции размера неустойки, не соразмерной последствиям нарушения обязательства лицом, которое осуществляет предпринимательскую деятельность, лишь при условии заявления такого должника – непредпринимателя[1].

Правовые рассуждения по аналогии со свойственной им креативностью[2] и способностью приводить к «редефиниции» (переопределению) существующих понятий (новые признаки расширяют обозначение аналога) или введению новых понятий (дается новое определение неявного функционала)[3], способствует как в целом успешному формированию законодательных новелл, так, в частности, и появлению новых легальных терминов. Пример такой функциональной креативности рассматриваемого инструмента составляет *аналогия безденежности и бестоварности займа*.

В настоящее время ученые и практикующие юристы не без оснований указывают на существенную распространенность случаев оформления безденежных займов, когда вопреки отметке в договоре или заемной расписке

---

[1] Пункт 71 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5. Далее–Постановление № 7.

[2] Mikryukov V.A. Creative Function of the Analogy method in Civil law Practice // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Vol. 12. Iss. 4. P. 272–289.

[3] Macagno F. Analogy and Redefinition. In: H. J. Ribeiro (ed.), Systematic Approaches to Argument by Analogy. Cham: Springer, 2014. P. 73–90.

деньги полностью или частично не были предоставлены займодавцем заемщику[1]. Это обусловливает потребность в четком нормативном закреплении и правильном правоприменительном толковании положений ГК РФ о порядке оспаривания займа по его безденежности.

Норма ст. 812 ГК РФ наделяет заемщика правом доказывать, что предмет договора займа в действительности не поступил в его распоряжение или поступил не полностью. Такое доказывание в порядке самостоятельного искового требования либо в виде встречного требования (возражения) на иск заимодавца законодатель прямо определил как «оспаривание займа по безденежности», причем в литературе легальное слово «безденежность» иногда заменяется синонимом «безвалютность»[2], с оглядкой, видимо, на ст. 217 ГК РСФСР 1922 года[3], где «безденежность» и «безвалютность» прямо отождествлялись.

Результатом успешного оспаривания займа по безденежности (безвалютности) п. 3 ст. 812 ГК РФ называет необходимость определения размера обязательств заемщика исходя из фактически переданных ему или указанному им третьему лицу сумм денежных средств или иного имущества.

Приведенные нормативные положения явно гарантируют всякому заемщику возможность доказать фактическое неполучение взаймы не только наличных денег или безналичных денежных средств, но и иного имущества (вещей, характеризующихся родовыми признаками, ценных бумаг), в то время как какой-либо специальный легальный термин для обозначения соответствующих ситуаций в ГК РФ отсутствует. Это заставляет усомниться в универсальности и беспробельности анализируемых правил для регулирования товарных займов, а также вызывает вопрос об их применимости к отношениям, возникающим при заключении договора товарного кредита (ст. 822 ГК РФ).

Одни ученые считают, что несмотря на использование законодателем

---

[1] Минаев А.В., Недвецкая Я.С. Особенности доказывания безденежности договора займа // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 6–9.

[2] Аминов Е.Р. Правовой режим новации долга в заемное обязательство // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 6. С. 91–94.

[3] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (с изм. от 02.02.1923) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

термина «безденежность» в норме об оспаривании займа по причине непредоставления займодавцем всего или части предмета исполнения применительно к ситуации, когда объектом заемных отношений выступают вещи (или ценные бумаги), заемщик также не лишен возможности оспаривать договор (товарного кредита) по данному основанию по аналогии, с опорой на ст. 6 ГК РФ[1].

Другие исследователи настаивают на необходимости расширительного толкования термина «безденежность»[2] и указывают на допустимость оспаривания вещных займов (и товарных кредитов) по правилам ст. 812 ГК РФ с *соответственным уточнением* (имея в виду, что под суммой займа (кредита) понимается стоимость передаваемых заемщику вещей)[3], т.е. не по аналогии, а напрямую. При этом примечательно, что представители второго подхода, подтверждая идею конкретности цивилистического мышления и его склонности к аналогиям[4], по аналогии с термином «безденежность» сами формулируют новый правовой термин – «бестоварность».

Думается, что не соответствующая целям ст. 812 ГК РФ узость термина «безденежность» не препятствует прямому (а не аналогическому) применению нормы ст. 812 ГК РФ для доказывания размера фактически переданных или не переданных заемщику вещей, поскольку в теле нормы законодатель оперирует широким понятием «предмет договора займа», включающим все виды заемного предоставления. В отличие от применения меры ответственности за нарушение обязательства в виде обязанности должника уплатить так называемую «товарную неустойку», которая похожа на неустойку, но таковой не является[5] и к которой нормы о неустойке ввиду исключительно денежного характера последней применимы лишь по аналогии, оспаривание займа по безденежности и по бестоварности в существенных признаках представляют собой не схожие, а

---

[1] Росиков А. Изучаем договор товарного кредита // Юридический справочник руководителя. 2021. № 3. С. 11–19.
[2] Гришаев С.П. Кредитный договор: содержание, виды, исполнение // СПС «КонсультантПлюс». 2010.
[3] Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807 - 860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, О.М. Иванов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[4] Гуляихин В.Н., Широ С.В. Правовое мышление как регулятор социального поведения // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 31–35.
[5] Гаврилов Э. О неустойке // Хозяйство и право. 2012. № 10. С. 30–35.

тождественные отношения, а потому ни о правовом пробеле, ни об аналогии закона в данном случае говорить нельзя.

Другое дело, что оспаривание *товарного* займа (кредита) по его *безденежности* с филологической точки зрения выглядит не совсем корректно, а потому цивилистическое мышление, связывая терминологические неточности с возможными правоприменительными проблемами, действительно естественным образом требует четкости и точности, а в рассматриваемом аспекте аналогического выведения нового легального термина. При этом состоятельность и востребованность термина «бестоварность», обозначающего отсутствие реального движения неденежных предметов (вещей или ценных бумаг) между контрагентами, подтверждается его активным использованием при квалификации «бестоварных операций»[1], «бестоварных накладных»[2], «бестоварных отношений»[3], «бестоварных сделок»[4] и в том числе при рассмотрении споров о взыскании долга по договору товарного кредита (займа)[5].

Изложенное приводит к выводу о необходимости дополнить положения гл. 42 ГК РФ новым правовым понятием «бестоварность», исключив при этом норму ст. 822 ГК РФ о товарном кредите, утратившую свое значение и смысл в связи с не просто общим сближением договорных типов займа и кредита[6], а с ее поглощением закрепленной в отредактированной ФЗ от 26.07.2017 № 212-ФЗ статье 807 ГК РФ конструкцией консенсуального товарного займа. Следует также откорректировать справедливо критикуемую[7] неудачную формулировку обновленного указанным законом п. 3 ст. 812 ГК РФ, необоснованно утратившего указание о признании безденежного (бестоварного) реального договора займа незаключенным[8].

Представленные казусы урепляют вывод, что аналогия, будучи имманентной

---

[1] Постановление ФАС Центрального округа от 24.10.2013 № А35-10981/2012.
[2] Определение ВС РФ от 27.04.2016 № А46-10270/2014.
[3] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 11.07.2018 № А03-16601/2017.
[4] Постановление АС Уральского округа от 19.12.2014 № А76-1070/2014.
[5] Определение ВАС РФ от 15.10.2008 № А63-12725/2007-С2-14.
[6] Соломина Н.Г. Договор займа: изменения действующего законодательства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 61.
[7] Витрянский В. Новеллы о договорах в сфере банковской и иной финансовой деятельности // Хозяйство и право. 2017. № 11. С. 3–29.
[8] Вариант реализации данного предложения путем переформулирования названия и текста ст. 812 ГК РФ представлен в заключении настоящей работы.

мышлению человека, играет в праве заметную роль в продвижении доктринальной стабильности и системной согласованности, обеспечивает принцип воспроизводимости пути достижения юридической цели[1]. При этом адекватное использование метода аналогии в практике применения частноправовых норм приводит к формированию устойчивых судебных позиций, которые становятся одновременно и стимулом, и творческим фундаментом новых законодательных решений, совершенствующих правовую систему.

Следует акцентировать, что случаи, когда возникшие на почве восполнения правовых лакун при помощи аналогии закона и аналогии права креативные судебные позиции, переросли в соответствующие по содержанию законодательные нормы и легальные термины отнюдь не исчерпываются представленными выше наиболее яркими, значимыми и типичными примерами.

В числе других весьма заметных проявлений креативной функции аналогии при совершенствовании законодательства можно упомянуть то, как благодаря аналогии трансформировалась норма п. 1 ст. 417 ГК РФ, которая в редакции, действовавшей более 20 лет, указывала, что гражданско-правовое обязательство прекращается (полностью или в части), если его исполнение оказывается невозможным (полностью или частично) в результате принятия акта государственного органа. Данная формулировка оставляла открытым вопрос о последствиях издания препятствующего исполнению обязательства акта органа местного самоуправления, не относящегося к системе государственных. Поэтому суды были вынуждены прибегнуть к аналогии закона и сформулировали позицию, в силу которой к рассматриваемым пробельным отношениям подлежит применению ст. 417 ГК РФ, которая рассчитана на сходные отношения[2]. Будучи доктринально одобренным[3], этот позитивный результат судебного творчества воплотился в то, что в 2015 году в ст. 417 ГК РФ были внесены изменения: слова

[1] O'Donnell P.S. Analogy & Metaphor: An Idiosyncratic Introduction. 2011. P. 9.
[2] Пункт 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 4.
[3] Долгов С.Г. Возмещение убытков в связи с прекращением обязательства на основании акта государственного органа // Гражданское право. 2015. № 3. С. 13–14.

«акта государственного органа» заменены на слова «акта органа государственной власти или органа местного самоуправления».

Более того, следует ожидать, что в ближайшей перспективе обретут нормативную форму (будут генерализованы) и другие креативные аналогические судебные подходы, ставшие хрестоматийными, как то: творческая оценка правила п. 3 ст. 551 ГК РФ о возможности принятия решения суда о государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость в случае уклонения одной из сторон от осуществления регистрационных мероприятий, и применение этого правила по аналогии к ситуациям, когда обязанность продавца по обеспечению государственной регистрации не может быть исполнена вследствие его смерти (если продавец – гражданин) или ликвидации (если речь идет об организации)[1] или когда имеет место уклонение от совершения соответствующих регистрационных действий со стороны товарища, обязанного внести вклад в общее дело на основании договора о совместной деятельности[2] или при уклонении залогодателя от исполнения обязанности зарегистрировать право собственности на правомерно возведенный объект недвижимого имущества, в отношении которого должен быть установлен залог на основании закона и возникли основания для обращения взыскания[3].

Весьма вероятно, что в скором времени в конкретное законотворческое решение также перерастёт новаторское (сформулированное на основе аналогии в процессе предварительного преодоления пробельности ст. 157.1. ГК РФ о режиме согласия на совершение сделки) разъяснение о наличии у лица, выразившего предварительное согласие на заключение сделки, права отозвать (отменить) предоставленное согласие при условии уведомления сторон данной сделки до момента ее совершения и о том, что при отсутствии законодательных правил о порядке реализации такого права по аналогии закона подлежат применению

[1] Постановление АС Центрального округа от 15.10.2015 № Ф10-3649/2015.
[2] Пункт 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9.
[3] Пункт 24 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Российская газета. 2023. № 149.

установленные в ст. 439 ГК РФ положения об отзыве акцепта[1].

Явно не терпит отлагательств перевод в правотворческий контекст судебных позиций о применении в порядке аналогии закона правил о недействительности сделок. В качестве актуального примера позиции, нацеленной не на поддержание, а на разрушение частноправовых связей, можно привести разъяснение о возможности признания (при наличии соответствующих оснований) недействительными «применительно к» сделкам (т.е. «по аналогии со» сделками) заверений об обстоятельствах, сформулированных по правилам ст. 431.2 ГК РФ, равно как и аналогическая позиция о недопустимости ссылок на свидетельские показания в подтверждение факта предоставления таких заверений через аналогию по п. 1 ст. 162 ГК РФ[2]. Едва ли оправдано продолжительное существование лишь в форме судебной позиции разъяснения, что для констатации ничтожности решения собрания срок исковой давности подлежит исчислению по аналогии с п. 5 ст. 181.4 ГК РФ для оспоримых актов (п. 112 Постановления № 25).

Анализ изложенных выше случаев включения созидательных (основанных аналогии) судебных подходов в нормотворчество позволяет выявить еще один важный аспект реализации креативной функции аналогии.

Поскольку ст. 6 ГК РФ требует при использовании аналогии исходить из требований добросовестности, разумности и справедливости, постольку именно аналогия служит поводом к творческой судейской конкретизации этих важнейших для сферы частного права относительно определенных категорий с неочевидным смыслом и выступает стимулом к поступательному продвижению идеи добрых нравов при осуществлении правовосполнительной деятельности[3]. В некоторых случаях суды предпринимают попытки четко определить содержание данных категорий в контексте реализации требований ст. 6 ГК РФ[4].

---

[1] В силу чего, в частности, отзыв согласия, сообщение о котором поступило сторонам сделки после ее фактического совершения, признается несостоявшимся (см.: пункт 57 Постановления № 25).

[2] Пункты 34, 37 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 2.

[3] Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 175–184.

[4] Добросовестности–как фактической честности в поведении, разумности–как осознания правомерности своего

Отмеченный аспект дополнительно убеждает в состоятельности суждения о социально позитивном (желательном) характере работы аналогии в частном праве. Более того, развитие этой идеи приводит некоторых правоведов к мысли о необходимости воспринимать всякий случай применения законодательных норм по аналогии как обнаружение пробела в действующем законодательстве, который требуется срочно восполнить путем уточнения (исправления) существующего нормативного акта или принятия дополнительных норм[1].

Однако вполне понятно, что молниеносная нормотворческая реакция на обнаружение в практике правового пробела не всегда возможна и, думается, едва ли целесообразна во всех случаях. Законодатель не может и не должен стремиться во что бы то ни стало формализовать каждую нетипичную (в том числе аномальную) ситуацию, с которой сталкивается практика. При слишком поспешном внедрении выработанной посредством аналогии позиции (адаптированного к нетипичной ситуации существующего нормативного правила) в законодательство правовой пробел рискует превратиться в правовое излишество либо его восполнение может привести к деструктивным последствиям и новой неопределенности.

К примеру, поскольку до недавнего времени акционерное законодательство содержало пробел относительного того, могут ли акционеры воспользоваться механизмом не увеличивающих уставный капитал вкладов в имущество[2], увидев научно обоснованное аналогическое применение существующих норм о порядке внесения таких вкладов в рамках конструкции обществ с ограниченной ответственностью, законодатель поспешил включить в ФЗ от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[3] новую ст. 32.2, нацеленную на прямое законодательное устранение данного пробела.

С одной стороны, можно говорить о том, что в очередной раз сработала

поведения, справедливости–как соответствия поведения морально-этическим (нравственным) нормам (см.: Постановление ФАС Центрального округа от 06.08.2007 № А14-1437/2006/37/12).

[1] Гаврилов Э. Действие во времени гражданского законодательства, касающегося интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2012. № 5. С. 76–86.

[2] См. подробнее: Микрюков В.А. Гражданско-правовые модели взаимного финансирования основных и дочерних хозяйственных обществ // Цивилист. 2011. № 2. С. 93–97.

[3] СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1. Далее–Закон «Об АО».

креативная функция юридической аналогии, что привело к расширению возможностей получения акционерными обществами экономической поддержки от акционеров и появлению дополнительного антикризисного механизма, способствующего добросовестной докапитализации акционерной корпорации[1]. С другой стороны, адаптируя конструируемые по аналогии нормы к акционерным отношениям, законодатель уточнил, что вносимое в качестве вклада имущество должно относиться к указанным в п. 1 ст. 66.1 ГК РФ видам, что можно расценивать как юридико-технический просчет законодателя, поскольку возникло необоснованное дублирование правовой нормы, одинаково рассчитанной на определение допустимого состава вкладов в имущество любых хозяйственных обществ, т.е. по существу случился *правовой плеоназм*.

Кроме того, из абз. 1,3 и 4 п. 1 новой ст. 32.2. Закона «Об АО» следует, что акционеры осуществляют право или исполняют обязанность по внесению вклада в имущество акционерного общества на основании заключаемого с обществом договора, в то время как для возникновения отношений по оказанию участниками имущественной помощи ООО достаточно соответствующего решения общего собрания участников, принятого на основании допускающих такое решение положений устава. При этом договор о внесении акционером добровольного вклада должен быть предварительно одобрен решением совета директоров общества. В части, ориентирующей на заключение договоров о добровольных вложениях акционеров в имущество акционерного общества, данное новшество возражений не вызывает (договор – естественный для гражданско-правового взаимодействия инструмент). Настораживает только отсутствие внятных нормативных ориентиров определения предмета и содержания таких договоров: так, неясно, конструируются ли они как реальные или консенсуальные, допустимо ли в рамках последних принятие акционером обязанности, подлежащей исполнению в принудительном порядке. Кроме того, весьма сомнительно требование об одобрении советом директоров договоров о внесении добровольных вкладов в имущество вне

[1] Миннуллина К.А. Недостаточная капитализация как злоупотребление корпоративной формой: к вопросу квалификации // Хозяйство и право. 2022. № 7. С. 31–38.

зависимости от формы вклада, ведь в случае изъявления акционером оказать обществу безвозмездную денежную помощь, трудно представить добросовестные мотивы отказа в принятии вклада. Наконец, если речь идет не об осуществлении права, а об исполнении обязанности внесения вклада в соответствии с п. 3 ст. 32.2. Закона «Об АО», то распространяющееся в равной степени на общество и его акционеров решение общего собрания акционеров о возложении на акционеров соответствующей обязанности, о порядке и условиях внесения вкладов исключает практическую надобность договора. Более правильным было бы в абз. 4 п. 1 ст. 32.2. Закона «Об АО» применительно к случаям внесения вкладов в имущество общества, предусмотренных п. 3 данной статьи (обязательных вкладов) исключить требование не об одобрении договора советом директоров, а вообще требование о заключении договора. Проводя обратную аналогию между механизмами вклада в имущество акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью, едва ли правильным можно называть противопоставление преимущественно договорной природы первого и исключительно корпоративного существа второго[1], при котором корпоративная акционерная воля считается лишь «обрамляющей договорный механизм»[2], и вклады в имущество акционерного общества рассматриваются как «квазидоговорная конструкция», выходящая за пределами корпоративного (акционерного) отношения[3]. На самом деле в обоих случаях порождающим обязательство юридическим фактом выступает корпоративный акт (решение собрания о внесении вкладов и одобрение советом директоров договора о внесении вкладов), а договор (обязательный для акционерных обществ и допустимый для обществ с ограниченной ответственностью) аналогичным образом определяет лишь порядок исполнения соответствующего обязательства[4].

В целом можно заключить, что если речь идет о распространенном, массовом

---

[1] Шиткина И.С. Вклады в имущество хозяйственного общества: вопросы квалификации и практического применения // Хозяйство и право. 2017. № 10. С. 22–41.

[2] Поваров Ю.С. Внесение вкладов в имущество акционерного общества: право и обязанность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 58–63.

[3] Цепов Г.В. О праве корпорации устанавливать размеры и порядок внесения имущественных взносов: контрактный подход // Закон. 2018. № 8. С. 114–121.

[4] Более подробно о просчетах законодателя, допущенных при аналогическом формировании механизма вкладов в имущество акционерного общества см: Микрюков В.А. Вклады в имущество АО и ООО: аналогии и различия // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 31–35.

применении аналогии к определенной группе отношений, либо если правоприменитель посредством аналогии стремится преодолеть обнаруженную лакуну в регулировании крайне важных вопросов (особенно в случаях, когда практика применения тех или иных норм объективировалась в правоположения высших судебных инстанций), несомненно, что внимание правотворцев к соответствующим ситуациям может и должно быть пристальным. Скорая реакция законодателя с опорой на креативное начало аналогии особенно необходима в ситуациях, когда аналогия используется как средство ограничения и обременения гражданских прав, а равно как способ воспрепятствования легальному, но нежелательному поведению.

Вместе с тем, следует учитывать, что аналогия должна диалектически сочетать не только креативное, но и консервативное, сдерживающее начало частноправового нормотворчества, ибо рост законодательных инициатив и кардинальное изменение действующего регулирования лишает гражданское законодательство необходимой стабильности[1].

Креативное аналогическое осмысление тех или иных норм (или групп норм) закона не должно приводить к деструктивным последствиям. Перевод позиций, сформулированных в правореализационной и правоприменительной аналогической практике, в плоскость совершенствования действующего законодательства следует осуществлять аккуратно и вдумчиво, не вторгаясь в потенциал правовой системы к самовосполнению и самосохранению.

§ 3. Нормы-аналогии в системе регулирования частноправовых отношений

Отбор нормативных документов с помощью справочно-информационных правовых систем при выбранном фильтре слова поиска «аналогичный» обнаруживает значительное количество различных по отраслевой сфере разноуровневых актов, формулировки норм которых указывают на незакрытые

[1] Синицын С.А. Прогноз развития имущественных отношений: правопонимание, гражданское законодательство // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1. С. 84–89.

множества элементов, каждый из которых должен быть аналогичен некоему эталонному элементу. Так, в ст. 8 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров[1] указано на толкование поведения одной стороны договора в соответствии с тем пониманием, которое имело бы разумное лицо, действующее в том же качестве, что и другая сторона «*при аналогичных обстоятельствах»,* а в статьях 28 и 94 данной конвенции упомянуты соответственно *«аналогичные договоры»* и *«аналогичные правовые нормы»*. Согласно ст. 41 Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ)[2] недействительно условие, в силу которого перевозчику уступаются права, предоставленные страхователю груза, или всякое *«аналогичное условие»*. В ст. 78 ФЗ от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»[3] отмеченра *«аналогичная ответственность»* за невыполнение нормы перевалки грузов, следующих в прямом смешанном железнодорожно-водном сообщении. В ст. 98 Земельного кодекса РФ состав земель рекреационного назначения определяется через категорию *«другие аналогичные объекты»* наряду с объектами физической культуры и спорта, туристическими базами, туристскими парками, детскими и спортивными лагерями. Норма ст. 46 ЖК РФ предусматривает особый контроль за деятельностью общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, если в течение трех месяцев подряд появляются два и более протоколов, содержащих решения *«по аналогичным вопросам повестки дня»*. Устанавливая размер ответственности перевозчика за утрату, недостачу или повреждение багажа, груза, а также ручной клади, ст. 119 Воздушного кодекса РФ привязывает его к средней цене на *«аналогичный товар»*, существовавшей в том месте, в котором багаж, груз или ручная кладь подлежали выдаче. Правила ст. 78 Закона «Об АО» формулируют легальное понятие крупной сделки общества через отвечающие определенным признакам сделки, которые заключает общество либо иные организации, осуществляющие *«аналогичные виды деятельности»*. Продолжая поиск, в формулировках различных предписаний можно обнаружить

[1] Заключена в г. Вене 11.04.1980 // Вестник ВАС РФ.1994. № 1.
[2] Заключена в г. Женеве 19.05.1956. // Документ не опубликован. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 170.

указание на *«аналогичные требования», «аналогичные права», «аналогичные способы», «аналогичные условия», «аналогичные обстоятельства»* и т.п.

С учетом указанного разнообразия исследование представляется целесообразным провести на примере логически широких частноправовых норм-аналогий, содержащихся в центральном для сферы регулирования экономической деятельности кодифицированном акте (ГК РФ), наиболее объемно и рельефно регламентирующем частные правоотношения.

(1) Норма ст. 152 ГК РФ о порядке защиты чести, достоинства и деловой репутации предусматривает, что в случае распространения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, пострадавший вправе требовать по суду их опровержения, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности, при этом опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим *аналогичным способом*.

Данная норма-аналогия интересна тем, что указание на незакрытое множество (в данном случае – способов опровержения) включено *не в гипотезу, а в санкцию* нормы, т.е. фиксирует не фактические обстоятельства, при которых норма права включается в действие, а определяет *параметры (вид) должного поведения обязанного лица (нарушителя)*.

Законодатель не конкретизировал квалифицирующий признак, по которому следует устанавливать сходство применяемого способа опровержения, если он не тождественен способу распространения порочащих сведений, достаточное для того, чтобы считать этот аналогичный способ допустимым.

С одной стороны, кажется понятным, что данную норму следует толковать по аналогии с тем, как в ст. 44 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»[1] аналогичность способа опровержения порочащих сведений, распространенных в средствах массовой информации (СМИ), прописана подробно для обеспечения максимально широкого сходства (в периодическом издании таковое должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под

[1] Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

заголовком «Опровержение», как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемое сообщение или материал; по радио и телевидению опровержение должно быть передано в то же время суток и, как правило, в той же передаче, что и опровергаемое сообщение или материал). Иными словами, опровержение по форме, объему, пространственному и временному расположению должно восприниматься максимально схоже со способом распространения.

С другой стороны, судебная практика обнаруживает некоторые затруднения в квалификации допустимых способов опровержения, не идентичным способу распространения. Так, в деле по требованию об опровержении недостоверной информации об истце, содержащейся в некоторых фрагментах печатной книги, суды первой и апелляционной инстанций признали данные фрагменты порочащими честь, достоинство и деловую репутацию истца. Однако, ощущая серьезную разницу между книгой (изданием, не имеющим периодического характера распространения и не относящимся к СМИ) и газетой (периодическим многотиражным изданием) суды не согласились с правомерностью требования об опровержении путем обязания ответчика опубликовать в газете тиражом не менее 1000 экземпляров сообщение о принятом по данному делу судебном решении с указанием, какие сведения не соответствуют действительности, когда и как они были распространены. Это требование было справедливо удовлетворено лишь на уровне кассации[1]. Думается, что такой подход соответствует доктринальной позиции о возможности применения норм Закона РФ «О средствах массовой информации» по аналогии в случае пробела (в данной ситуации – неполной определенности понятия «аналогичный способ») для защиты чести, достоинства, деловой репутации, умаленных без участия СМИ[2].

В другом схожем деле, когда речь шла о требовании опровергнуть не соответствующие действительности порочащие истца сведения, опубликованные ответчиком в социальной сети «Твиттер», суды признали допустимым способом опровержения опубликование на официально подтвержденном аккаунте ответчика

[1] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2021 № 88-14198/2021.
[2] Гаврилов Е.В. Опровержение не соответствующих действительности порочащих сведений как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2012. № 9. С. 46–51.

в данной сети фотографии с набранным текстом опровержения шрифтом «Times New Roman», размером 14, черными буквами на белом фоне. Хотя разница между непосредственным текстом (твитом) и выложенной фотографией текста довольно очевидна и воспринимается по-разному, суды адекватно восприняли возможность применения такого неидентичного, но вполне аналогичного способа, отметив, в том числе, некоторые технические ограничения, установленные для размещения информации в социальной сети «Твиттер»[1].

Представляется, что в целом рассматриваемая норма-аналогия обеспечивает правоприменителя уместным и понятным уровнем дискреции, позволяющим достичь ситуационно уточняемой правовой определенности. Некоторые сложности, возникающие в связи с поиском должной аналогичности способа опровержения, который может восстановить интерес опороченного человека, могут быть решены посредством накопления и обобщения судебной практики. В этом аспекте в доктрине верно отмечено, что формирование нормативной определенности тесно связано с практикой, которая вырабатывается путем казуального преодоления неопределенности высшими судебными органами[2].

(2) Правило ст. 393.1 ГК РФ о возмещении убытков при досрочном прекращении договора, обусловленного его неисполнением или ненадлежащим исполнением со стороны должника в общем виде (для договорных обязательств любого типа) определяет, что если кредитор заключил взамен прекращенного договора *аналогичный договор*, кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на *сопоставимые товары, работы или услуги* по условиям договора, заключенного взамен прекращенного договора. Аналогичным образом специальная *ст. 524 ГК РФ, конкретизирующая механизм взыскания конкретных и абстрактных убытков при прекращении договора поставки*, ставит в зависимость правомерность требования покупателя по нарушенному договору поставки о взыскании убытков в виде разницы между ценой товара, установленной

[1] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2020 № 8г-1545/2019(88-157/2020).
[2] Гук П.А. Судебная практика как средство обеспечения определенности правоприменения // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 35–38.

в первоначальном договоре, и ценой товара, приобретенного взамен (либо, если субститут не был приобретен – ценой, обычно взимавшейся при сравнимых обстоятельствах за *аналогичный товар*), от того, достаточно ли аналогичны товары, приобретенные по замещающему договору и непоставленные товары.

В данном примере использование понятий с открытой структурой *одновременно и в составе гипотезы, и в составе санкции* нормы, рассчитанной на *регулирование конфликтного отношения*, связанного с нарушением договора, выступает дополнительным подтверждением способности относительно определенных норм-аналогий становиться формой охранительных норм гражданского права[1]. Хотя обычно желательной считается максимальная предсказуемость всяких санкций, и наоборот, непредсказуемость осуждается как нарушение верховенства закона, в некоторых случаях при неизменности ожидаемой санкции правовое сдерживание нежелательного поведения усиливается, если размер санкции или вероятность того, что она будет применена, являются неопределенными[2]. В этом аспекте следует заключить, что рассматриваемый случай включения относительно определенного элемента (аналогии) в санкцию правовой нормы сам по себе не противоречит концепции эффективности правового воздействия на экономические отношения.

Поскольку законодатель не определил явный критерий аналогичности не состоявшегося исполнения по нарушенному договору и нового исполнения по замещающей сделке, в доктрине и в судебной практике единый подход в понимании категории «аналогичный товар» и поиске такого критерия не сложился.

Так, высказано мнение, что при замещении не состоявшейся поставки аналогичность товаров предполагает их идентичность первоначально оговоренным товарам[3]. Придерживаясь такого подхода, некоторые суды пытаются установить полное соответствие (тождество) всех характеристик не поставленного товара и товара, который фактически был (либо потенциально мог быть) приобретен

[1] Кархалев Д.Н. Охранительные нормы в гражданском праве // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 51–54.
[2] Baker T., Harel A., Kugler T. The Virtues of Uncertainty in Law: An Experimental Approach // Iowa Law Review. 2004. Vol. 89. P. 443.
[3] Тасалов Ф. Реформа ГК РФ и контрактная система: возможности и риски // Конкуренция и право. 2015. № 3. С. 43–47.

покупателем взамен[1] и даже категорично настаивают, что по смыслу нормы 524 ГК РФ замещающий товар должен быть не аналогичным, а идентичным, поскольку нормативно определено, что приобретается именно непоставленный товар[2].

Другой научный взгляд, напротив, предполагает исходить из того, что для покупателя важно получить не те же самые товары, а некоторое количество стандартных (имеющих одинаковые функциональные характеристики) вещей[3], а потому требование покупателя возместить убытки в виде разницы между установленной в нарушенному договоре ценой и ценой по совершенной взамен сделке должно признаваться правомерным, даже если приобретенный по новой сделке товар не является абсолютно таким же по ассортименту и иным характеристикам[4]. В практике такой подход также находит реализацию, и можно найти немало случаев, когда суды под аналогичным товаром понимают такой товар, который имеет характеристики близкие к не поставленному товару, но не обязательно полностью идентичные, и констатируют, что различия в качественных характеристиках непоставленных и альтернативных товаров не лишают покупателя права требовать возмещения убытка в виде разницы в их стоимости[5].

Важно понимать опасность излишне широкого использования дискреции при установлении сопоставимости (а не аналогичности) товаров, работ или услуг, как того требует общая норма ст. 393.1 ГК РФ. Суд может понять сопоставимость шире аналогичности и в результате предоставить кредитору необоснованную возможность получить с отнесением на должника разницу в цене не только аналогичный, но и вообще другой предмет исполнения, хотя и имеющий ту же функциональную направленность, но не охватывающийся первоначальным интересом кредитора. Ввиду этого можно порекомендовать законодателю скорректировать правила ст. 393.1 ГК РФ, отказавшись от термина

---

[1] Постановление АС Северо-Западного округа от 26.10.2015 № А13-13061/2014; Постановление АС Уральского округа от 27.11.2017 № Ф09-6961/17.

[2] Постановление Девятого ААС от 13.02.2008 № 09АП-578/2008-ГК.

[3] Васильев Г.С. Заменимость и индивидуальная определенность // Арбитражные споры. 2005. № 4 (32). С. 121–124.

[4] Панова А.С. Особенности возмещения убытков и взыскания неустойки за поставку товаров ненадлежащего качества // Право и экономика. 2015. № 1. С. 62–68.

[5] Постановление Девятого ААС от 05.10.2016 № 09АП-45898/2016-ГК; Постановление ФАС Московского округа от 20.06.2014 № Ф05-5428/2014.

«сопоставимый» и охарактеризовав субститут как «такой же или аналогичный», а также уточнить формулировку ст. 524 ГК РФ, обозначив субститут не просто как «аналогичный товар», а как «такой же либо аналогичный товар»[1].

(3) Правило ст. 424 ГК РФ о ценовом условии в возмездном договоре на случай, если сторонами договора такое условие не согласовано, гласит, что в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за *аналогичные товары, работы или услуги*.

Здесь обнаруживается включение логически широкого понятия в состав *диспозиции* нормы, которая определяет *меру должного поведения обязанного лица* (количество подлежащего передаче кредитору имущественного предоставления). При этом речь идет о нормативном содействии функционированию так называемого принципа валидности (*favor validitatis*), предполагающего необходимость отдавать приоритет такой оценки договора, которое приводит к выводу о состоятельности (заключенности, действительности) последнего. Фактически содержащаяся в ст. 424 ГК РФ норма-аналогия восполняет вероятный договорный недостаток ценового условия.

Думается, что вывод о наиболее адекватном подходе к пониманию категории «аналогичный» в контексте норм статей 393.1 и 524 ГК РФ применим и в данном случае. При этом видится возможным подвергнуть единообразной критике терминологическую погрешность, допущенную при формулировании всех общих норм, в которых признак аналогичности закреплен за «товарами, работами и услугами». Предоставляется недостаточной степень обобщения многообразия видов возможных предметов исполнения, которые явно не сводятся к товарам, работам и услугам. Действительно, если толковать положения статей 393.1 ГК РФ строго формально, упрощенным порядком исчисления убытков при прекращении договора не смогут воспользоваться, к примеру, кредиторы в обязательствах по лицензионным договорам, в заемных отношениях, а буквальное толкование

[1] Предлагаемые уточненный формулировки данных норм представлены в заключении настоящей работы.

положений ст. 424 ГК РФ не позволит восполнить не согласованное сторонами условие о цене в возмездных договорах аренды, кредита. Следовательно, в рассматриваемых положениях целесообразно использовать более широкое понятие «аналогичный предмет исполнения».

В формулировке ст. 424 ГК РФ обращает на себя внимание то, что для установления выпавшего из внимания сторон договора условия о цене требуется определить не только круг аналогичных товаров, работ, услуг или иных аналогичных предметов исполнения, но и выяснить обычно взимаемые за них цены «при сравнимых обстоятельствах». Это означает одновременное использование в конкретном элементе рассматриваемой правовой нормы двух относительно определенных понятий, что усложняет практику ее применения. Именно выяснение сравнимости (аналогичности) обстоятельств расчета цен на сопоставимые (аналогичные) предметы исполнения представляет наибольшую трудность. Для заинтересованной стороны договора (кредитора) такая аналогичность оказывается *ключевым предметом доказывания*[1], а для суда – вопросом, зачастую требующим привлечения *судебного эксперта*[2]. К слову, активное использование судебных экспертиз по соответствующей категории дел позволит удержать объем реализуемого судом усмотрения в разумных рамках и снизить опасность злоупотребления.

(4) Норма ст. 502 ГК РФ о порядке обмена товара надлежащего качества по договору розничной купли-продажи на аналогичный товар устанавливает право потребителя в течение 14 дней с момента приобретения обменять купленный непродовольственный товар *на аналогичный товар* других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации, произведя в случае разницы в цене необходимый перерасчет с продавцом (аналогичная норма зафиксирована в ст. 25 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»[3].

---

[1] Пункт 54 Постановления Пленума ВС РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.06.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 1996. № 9. Далее–Постановление № 6/8.

[2] Постановление АС Волго-Вятского округа от 24.08.2021 № Ф01-3265/2021; Постановление АС Московского округа от 06.06.2022 № Ф05-10000/2022.

[3] СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140. Далее–Закон «О ЗПП».

Анализ того, как именно законодатель применил логический прием аналогии и соответствующий ему термин «аналогичный» в структуре нормы, определяющей механизм обмена потребителем качественного товара на аналогичный, показывает, что на первой ступени данного механизма, фиксирующей само наличие субъективного права потребителя не позднее четырнадцати дней после приобретения обменять купленный непродовольственный товар надлежащего качества на аналогичный товар (если обмениваемый товар не был в употреблении, сохранены его товарный вид, потребительские свойства, пломбы, фабричные ярлыки), относительно определенная категория «аналогичный» использована при формулировании *диспозиции норм* (абз. 1 п. 1 ст. 502 ГК РФ, п. 1 ст. 25 Закона «О ЗПП»), *императивно* обеспечивающих *дополнительное право* потребителя как субъекта, обладающего признаками слабой стороны договора[1]. При этом нормы-аналогии очерчивают посредством отсылки к аналогичным товарам *вид допустимого поведения управомоченного лица*, не сопряженного с разрывом договорной связи и утратой обязанным лицом (продавцом) той экономической выгоды, на которую он рассчитывал при заключении договора.

Далее, на следующей ступени рассматриваемого механизма на случай отсутствия у продавца в продаже на день обращения потребителя аналогичного товара, подходящего потребителю, абз. 2 п. 1 ст. 502 ГК РФ и п. 2 ст. 25 Закона «О ЗПП» и соответственно закрепляют за потребителем право возвратить приобретенный товар продавцу и получить уплаченную за него денежную сумму. В данных *императивных* нормах аналогический элемент, перемещенный в *гипотезу*, позволил *в исключение из общего правила* о нерушимости договора наделить покупателя возможностью в одностороннем внесудебном порядке расторгнуть надлежаще исполненный контрагентом договор. Поскольку реализация потребителем указанного права влечет прекращение договорной связи и лишает продавца наценки, полученной в стоимости возвращаемого товара, в доктрине резонно подчеркивается, что продавец обязан произвести возврат

[1] Волос Е.П. Признаки слабой стороны в гражданском правоотношении в современных экономико-правовых условиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 94–101.

денежных средств только если потребитель потребовал обмена, но аналогичный товар в продаже отсутствует[1], что объектом обмена может быть не всякий, а только аналогичный товар[2], и что перечень оснований, по которым товар подлежит обмену на аналогичный, не подлежит расширительному толкованию[3]. В судебной практике позиция о том, что права потребителя в рамках указанных норм ограничены сроком и возможностью обмена *лишь на аналогичный товар* также находит отражение[4]. Обнаруживаются примеры отказа в удовлетворении требований потребителя, если оказывается, что истец предъявил противной стороне требование не об обмене, а о возврате качественного товара, то есть с требованием, не предусмотренным законом[5].

Однако столь широкий перечень параметров (форма, габариты, фасон, расцветка, размер, комплектация), по которым товар может «не подойти» покупателю в силу сугубо субъективных эстетических представлений покупателя делает понятие «аналогичный товар» настолько расплывчатым, что покупатель практически во всех случаях имеет возможность запросить у покупателя такой другой товар взамен приобретенного, который у покупателя отсутствует. Поэтому, несмотря на то, что юридико-технически реализации покупателем права на отказ от договора розничной купли-продажи должно предшествовать заявление об обмене товара на аналогичный, исследование реальной договорной практики показывает, что продавцы, осознавая фактически безграничную возможность потребителя выбрать невыполнимое требование к субституту, принимают требование потребителя об отказе от договора и о возврате цены товара, минуя процедуру попытки обмена товара на аналогичный[6]. В свою очередь, суды исходят из недопустимости отказа потребителю в праве на возврат товара только в связи с формальным непредъявлением предварительного письменного заявления об

---

[1] Чернокальцев Д. Вернуть товар в магазин без причины нельзя // ЭЖ-Юрист. 2012. № 37. С. 1.
[2] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право. 1208 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Гусятникова Д.Е. 10 основных ситуаций защиты прав потребителей при покупке товаров. М.: Омега-Л, 2008. 127 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[4] Определение Московского городского суда от 22.03.2019 № 4г-3891/2019.
[5] Определение Московского городского суда от 13.12.2011 № 4г/7-11042/11.
[6] Внуков Н.А. Особенности альтернативного порядка урегулирования гражданско-правовых споров по потребительским договорам // Цивилист. 2012. № 3. С. 47–55.

обмене и считают достаточным для этого совершение любых иных действий, указывающих на намерение обменять товар[1]. Действительно, признавая правильным утверждение, что потребитель не может заявить требование об обмене качественного товара на том основании, что в соседнем магазине (у другого продавца) такой же товар реализуется по более низкой цене[2], нельзя отрицать, что ничто не мешает покупателю при выявлении указанного обстоятельства заявить о том, что товар не подошел ему, к примеру, по цвету. Следует согласиться с тем, что это фактически открывает путь к произвольному возврату товара вместо обмена, создавая почву для злоупотребления правом и продвижения так называемого потребительского терроризма[3], в том числе путем фактического временного использования приобретенного товара и его последующего возврата под видом «не подошедшего» и не бывшего в употреблении[4].

В случае спора между продавцом, не желающим возвращать деньги и покупателем, требующим принять возвращаемый товар ввиду отсутствия подходящих аналогов, суд при отсутствии конкретизации степени аналогичности нового (искомого покупателем) товара оказывается наделенным такой дискрецией, которая в силу традиции признания покупателя по договору розничной купли-продажи слабой стороной будет, скорее всего, в большинстве случаев приводить к игнорированию разумного экономического интереса продавца. Пример обратного, правильного подхода, продемонстрированный судами при рассмотрении требования покупателя к магазину о возврате денежных средств, уплаченных за приобретенный у ответчика гидрокостюм (суды установили, что в магазине имелся аналогичный товар, как той же марки, так и других марок, широкого размерного ряда и в полном ассортименте, но истец, имея возможность выбрать аналогичный приобретенному гидрокостюм, подходящий по фасону и размеру, отказался от предложенной возможности, а потому суды посчитали требования потребителя

[1] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2019 № 88-2419/2019.
[2] Агафонова Н.Н., Белов В.Е., Солдатова В.И. Комментарий к Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей» (постатейный). М.: Проспект, 2017. 240 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Белов В.А. Виды требований потребителей: теоретико-практический анализ // Закон. 2021. № 9. С. 33–41.
[4] Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: постановка проблемы и поиск ее решения // Юрист. 2021. № 4. С. 41–45.

неправомерными[1]), может оказаться одним из немногих, если не единственным.

Поэтому, имея в виду недопустимость поощрения беспечности потребителей и усматривая истинную цель законодателя не в защите потребителя любой ценой, а в создании должного баланса интересов сторон[2], видится необходимым на уровне высших судебных инстанций сформулировать разъяснение о недопустимости формального подхода к оценке заявления покупателя о том, что приобретенный товар ему «не подошел» и обязательности выяснения разумности и добросовестности в действиях покупателя по поиску заменителя иного размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации, который соответствовал бы истинной его потребности.

(5) Правило ст. 106.5 ГК РФ об основаниях прекращения членства в производственном кооперативе предусматривает, что член кооператива, входящий в состав правления, может быть по решению общего собрания исключен из кооператива в связи с его членством *в аналогичном кооперативе*.

Данное правило представляет собой норму с относительно определенной *гипотезой*, предполагающей установление факта членства конкретного лица – члена производственного кооператива в другом аналогичном кооперативе, что может повлечь лишение данного лица первоначального корпоративного статуса. Если перефразировать, то получается, что анализируемая норма-аналогия воспрещает возможности одного лица являться одновременно членом двух (или нескольких) аналогичных производственных кооперативов, т.е. фактически ограничивает правоспособность гражданина.

С одной стороны, телеологическое толкование позволяет считать, что членство в аналогичном кооперативе как основание для лишения статуса в другом кооперативе вводится законодателем в целях предотвращения недобросовестной конкуренции[3], а потому под аналогичным кооперативом в контексте правила ст. 106.5 ГК РФ возможно понимать такой (второй и последующий) кооператив,

---

[1] Определение Московского городского суда от 23.01.2012 № 4г/6-10250.

[2] Вишневский А.А. О субъектах, пределах и принципах защиты потребителя // Закон. 2021. № 9. С. 25–32.

[3] Долинская В.В. Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 13–22.

который может выступить конкурентом первого кооператива (т.е. будут учтены обычные конкурентные параметры видов и территории деятельности).

С другой стороны, если речь идет о предотвращении недобросовестной конкуренции (в том числе с использованием инсайдерской информации), то неясным становится ограничение возможности участия лишь в аналогичных кооперативах, но не в аналогичных коммерческих корпорациях (товариществах, обществах, крестьянских фермерских хозяйствах).

Кроме того, при отсутствии нормативной либо наработанной судебной конкретизации возможно и такое толкование, при котором аналогичным кооперативом будет считаться такой кооператив, участие в котором снижает степень необходимого трудового участия в деятельности первого либо вообще любой кооператив, существующий в организационно-правовой форме производственного кооператива как коммерческой корпорации. Имея в виду распознанный в науке довольно распространенный феномен *norm supercompliance*[1], данная норма-аналогия с учетом заложенного в ней уровня дискреции суда может быть практически воспринята именно как ограничение от вступления во всякий кооператив.

Поэтому формулировка 106.5 ГК РФ в рассмотренном аспекте нуждается в нормативном уточнении. Законодателю не следует оставлять на усмотрение суда решение о том, о какой именно аналогичности кооперативов должна идти речь при выяснении возможности лишения гражданина корпоративно-правового статуса.

(6) Норма ст. 575 ГК РФ о недопустимых видах дарения запрещает дарение (кроме обычных подарков небольшой стоимости) работникам образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, и *аналогичных организаций*, в том числе организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, гражданами, находящимися в них на лечении, содержании или воспитании, супругами и родственниками этих граждан.

Как видно, в *диспозиции* данной нормы-аналогии незакрытый перечень лиц,

[1] Sheppard B. Norm Supercompliance and the Status of Soft Law // SSRN Electronic Journal. 2013. Vol. 62. № 4. P. 787–879.

в отношении которых не допускается дарение, описан с помощью прямого перечисления трех конкретных разновидностей таких субъектов (работники образовательных, медицинских и социальных организаций) и указанием на то, что признаются иными недопустимыми получателями подарков работники других организаций, аналогичных перечисленным.

Хотя ситуационное ограничение гражданских прав, основанное на относительно определенных нормах и усмотрении суда, само по себе не подвергается сомнению в своей целесообразности и общем соответствии принципу законности[1], необоснованное расширение сферы дискреционного вмешательства в гражданско-правовые отношения заслуживают критики.

В рассматриваемом случае весьма затруднительно выяснение критерия, по которому следует определять схожесть организаций, сотрудники которых лишаются права принимать подарки. Так, неясно, достаточно ли для применения запрета констатации некоммерческого статуса организации, чаще всего присущего образовательным, медицинским и социальным организациям, имел ли законодатель в виду схожесть в том, что все соответствующие организации вступают с вероятными дарителями в договорную связь по оказанию каких-либо услуг. Непонятно, необходимо ли устанавливать схожесть конкретных видов деятельности (близость к сфере образования, воспитания, реабилитации и восстановлению здоровья, улучшению социального положения), и если это так, то распространяется ли запрет на коммерческие организации, осуществляющие аналогичные виды деятельности.

Таким образом, формулировка ст. 575 ГК РФ в ее текущем виде создает почву для расширительного и вообще произвольного толкования установленного законом императивного запрета, а потому данная норма-аналогия нуждается в законодательной конкретизации.

(7) Правило ст. 582 ГК РФ об особенностях договора пожертвования указывает, что пожертвования могут делаться гражданам, медицинским,

[1] Микрюков В.А. О ситуационных судебных ограничениях гражданских прав // Российский судья. 2012. № 2. С. 24–29.

образовательным организациям, организациям социального обслуживания и другим *аналогичным организациям*, благотворительным и научным организациям, фондам, музеям и другим учреждениям культуры, общественным и религиозным организациям, иным некоммерческим организациям в соответствии с законом, а также Российской Федерации, ее субъектам и муниципальным образованиям.

Указанная норма-аналогия с относительно определенной *диспозицией* вносит элемент неопределенности в установление круга субъектов, способных принять пожертвование. При отсутствии реальной возможности исчерпывающим образом перечислить абсолютно все разновидности потенциальных благополучателей, фиксация в норме некоторых из них с уточнением, что все другие получатели пожертвования должны быть им аналогичны, выглядит вполне разумным.

В отличие от рассмотренной выше нормы ст. 575 ГК РФ, не позволяющей с достаточной степенью уверенности в разумности и логичности ответа разрешить вопрос о критериях схожести с медицинскими, образовательными и социальными организациями тех организаций, сотрудники которых не вправе принимать подарки стоимостью свыше трех тысяч рублей, представленное правило о пожертвовании дает такую возможность. Судя по присущей для медицинских, образовательных и социальных организаций нацеленности на удовлетворение общественно значимых интересов, сходство с ними потенциальных получателей пожертвований должно проявляться в определяемом объемом специальной правоспособности характере (направленности) их деятельности, которая должна быть так или иначе аналогично связана с благотворительностью, лечением, образованием, воспитанием, удовлетворением экологических, культурных, религиозных потребностей и достижением всеобщего блага.

Такое понимание категории «аналогичные организации» в контексте ст. 582 ГК РФ, сформулированной в форме правонаделительного (разрешительного) предписания (а не запрета, как это сделано в ст. 575 ГК РФ), указывает, что:

А) на стороне одаряемого в договоре пожертвования может выступить любая некоммерческая организация;

Б) если какое-либо коммерческое юридическое лицо наделено специальной

правоспособностью, содержание которой аналогично правоспособности организаций, перечисленных в ст. 582 ГК РФ, то оно не только может выступить получателем пожертвования, но и будет признаваться таковым при отсутствии указания в договоре пожертвования условия об использовании этого имущества по определенному назначению;

В) отсутствие признаков схожести правоспособности одаряемой коммерческой организации с правоспособностью эталонных благополучателей само по себе не уничтожает отношение пожертвования, но для сохранения выбранной сторонами конструкции договора пожертвования делает обязательным согласование особого назначения дара.

Представленному толкованию данной нормы-аналогии и сделанным выводам препятствует то, что законодатель поместил категорию «аналогичный» в середину открытого перечня допустимых получателей пожертвований и противопоставил организации, аналогичные медицинским, образовательным и социальным, таким (якобы) неаналогичным им благотворительным, научным организациям, фондам, музеям и другим учреждениям культуры, общественным и религиозным организациям. Такое необоснованное противопоставление в настоящее время приводит к тому, что высказывается мнение о недопустимости осуществления пожертвований в пользу всех коммерческих[1] и даже некоторых некоммерческих организаций, прямо не названных в ст. 582 ГК РФ (ассоциаций, союзов, некоммерческих партнерств, автономных некоммерческих организаций и др.)[2]. Пользуясь усмотрением при определении аналогичности вероятных благополучателей нормативному эталону, некоторые суды приходят к схожим выводам о необходимости ограничительного понимания такой аналогичности[3].

В силу изложенного, имея в виду, что согласно ст. 39 Конституции Российской Федерации создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность поощряются, а в соответствии со ст. 4 ФЗ от 11.08.1995 №

[1] Курбатова С.С. Правовое регулирование грантов в системе расходов бюджета // Закон. 2015. № 3. С. 141–149.
[2] Абросимова Е. Договор пожертвования между юридическими лицами // Корпоративный юрист. 2005. № 2. С. 39–41.
[3] Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 20.07.2006 № А43-46558/2005-27-1253/2-5-557; Постановление ФАС Уральского округа от 26.08.2009 № А76-26582/2008-17-542/89.

135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»[1] право граждан и юридических лиц беспрепятственно осуществлять благотворительную деятельность на основе добровольности и свободы выбора ее целей гарантировано, относительно определенную категорию «аналогичный» в тексте ст. 582 ГК РФ целесообразно переместить из середины в конец открытого перечня.

(8) Правило ст. 734 ГК РФ о порядке выполнения работ по договору подряда с использованием материалов заказчика предусматривает, что обязательная для таких случаев оценка стоимости материалов заказчика, указываемая в квитанции или ином *аналогичном документе*, может быть впоследствии оспорена заказчиком.

Данная норма представляет собой пример неудачного применения относительно определенной категории «аналогичный» при формулировании *гипотезы* правовой нормы. Представляется очевидным, что нет никаких адекватных правовых либо экономических оснований требовать, чтобы документ, фиксирующий оценочную стоимость принадлежащих заказчику материалов, был аналогичен квитанции, т.е. представлял собой некий аналог унифицированной формы первичного учетного (бухгалтерского) документа. Соответствующая оценка вполне может быть определена сторонами и в акте приема-передачи, и в товарной накладной, и непосредственно в тексте договора, и вообще в любом ином документе. Поэтому слово «аналогичный» из текста ст. 734 ГК РФ необходимо исключить.

(9) Формулировка ст. 1007 ГК РФ о возможных ограничениях прав принципала и агента по договору агентирования дозволяет ограничивать принципала обязательством не заключать *аналогичных агентских договоров* с другими агентами, действующими на определенной в договоре территории, либо воздерживаться от осуществления на этой территории самостоятельной активности, *аналогичной деятельности*, порученной агенту. В свою очередь, в отношении агента допускается ограничение в праве заключать с другими принципалами *аналогичных агентских договоров*, которые должны исполняться на

[1] СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

территории, полностью или частично совпадающей с договорной территорией.

В *диспозиции* указанных норм с помощью незакрытых перечней и аналогии законодатель задает глубину *ограничений прав* принципала и агента, допускаемых в порядке исключения из общего правила о недопустимости внезаконных (договорных) изъятий из гражданской правоспособности. Фактически речь идет о легализации так называемых *restrictive covenants* или *non-compete clauses*[1] в рамках конструкции договора агентирования.

Оценивая применение относительно определенных норм при установлении ограничений прав сторон агентского договора, следует учитывать, что в целом к такого рода рестриктивным условиям, вступающим в конфликт с некоторыми положениями публичного порядка и вторгающимся в сферу справедливости и добросовестности, во многих правовых системах проявляется если не негативное, то крайне настороженное отношение[2]. Необходимо также иметь в виду, что эти нормы допускают отнюдь не обычные шаблонные правила договора, а условия, включаемые в текст соглашения по причине повышенного недоверия сторон друг к другу и стремлением обеспечить максимальную полноту контракта[3].

В свете этих соображений для обеспечения механизма эксклюзивности в агентских отношениях применение категории «аналогичная деятельность» представляется оправданным. С одной стороны, едва ли вообще возможно исчерпывающим образом определить все возможные отрицательные обязательства принципала или агента. С другой стороны, в силу известной цели ограничения (создать договорное конкурентное преимущество) вполне понятно, что выступает критерием аналогичности деятельности принципала и агента – такое сходство, которое приводит к конкурентному столкновению.

В свою очередь, обязательство не заключать «аналогичные агентские

---

[1] Урчуков Р.М. Соглашение о неконкуренции как ограничение свободы труда работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 31–34.

[2] Полетаева А. Ликбез по юридической терминологии: договорное право // Юридический справочник руководителя. 2021. № 2. С. 75–85; Суворов Ю.А. «Соглашения об эксклюзивности» в свете антимонопольного законодательства // Конкурентное право. 2019. № 1. С. 27–30; Deepak G. Restrictive Covenants: The Lack of an Effective Remedy in India // Christ University Law Journal. 2017. Vol. 6. P. 33–43; Santos A.D. Non-Compete Clause in Franchise Contracts // FGV Direito SP Research Paper Series № BL001. 2017. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3025844.

[3] D'Acunto F. Xie J., YAO J. Trust and Contracts: Empirical Evidence // SSRN Electronic Journal. 2020. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3728808.

договоры» сомнительно в своей корректности, поскольку даже применение критерия недопущения взаимной конкуренции принципала, агента либо их других контрагентов не позволяет понять, подлежат ли учету признаки формы, срока действия, возмездности договора. Кроме того, остается непонятным, если запрещено заключение аналогичных агентских договоров, то является ли допустимым заключение не агентских договоров, а договоров иной юридической конструкции со схожей экономической направленностью (например, договоров комиссии, поручения, доверительного управления).

Думается, что более корректным вариантом было бы разрешить договорно ограничивать не заключение аналогичных агентских договоров, а предоставление аналогичных прав, как это сделано применительно к договорам коммерческой концессии. Так, согласно ст. 1033 ГК РФ права правообладателя по такому договору допускается ограничивать обязательством не предоставлять другим лицам аналогичные комплексы исключительных прав, а права пользователя могут быть ограничены его отказом от получения по договорам коммерческой концессии аналогичных прав у конкурентов (потенциальных конкурентов) правообладателя.

(10) Норма ст. 1037 ГК РФ о прекращении договора коммерческой концессии в числе одного из оснований для прекращения указанного договора называет прекращение входящего предмет договора и предоставленного пользователю права правообладателя на средство индивидуализации (товарный знак, знак обслуживания, коммерческое обозначение), когда правообладатель не заменяет прекратившееся право *новым аналогичным правом*.

Данная норма-аналогия примечательна тем, что *относительно определенная гипотеза* используется для формулирования правила, направленного не на создание нормального экономического правоотношения, а *на разрушение существующей договорной связи*.

Если само по себе относительно определенное основание для прекращения договора возражений не вызывает, то конкретная формулировка заслуживает критики. С учетом того, что по легальному определению предметом договора коммерческой концессии выступает предоставление правообладателем

пользователю комплекса исключительных прав (ст. 1027 ГК РФ), то никаких других (аналогичных) прав правообладатель в принципе в рамках данного договора предоставить не может. Практика применения судами рассматриваемой нормы[1] позволяет понять, что в действительности законодатель имел в виду не замену прекращенного права на аналогичное право, а предоставление пользователю *такого же (исключительного) права на аналогичный объект* (например, на другое средство индивидуализации, характеризующееся схожими признаками).

(11) Правило ст. 1273 ГК РФ об исключениях в перечне случаев легального свободного использования произведений в личных целях без согласия автора (правообладателя) и без выплаты вознаграждения в качестве одного из таких исключений указано воспроизведение произведений архитектуры в форме *зданий и аналогичных сооружений*.

Диспозиция представленной нормы представляет собой пример неудачного аналогического расширения перечня объектов, в форме которых не допускается свободное использование результата чужого интеллектуального труда. Буквальное толкование фразы «зданий и аналогичных сооружений» приводит к выводу об отнесении зданий к числу разновидностей сооружений и распространении на некоторые иные сооружения, которые не относятся к зданиям, но схожи с ними по каким-то не определенным рассматриваемой нормой признакам. При этом складывается впечатление, что под диспозицию нормы не попадают другие архитектурно-строительные объекты, которые не являются ни зданиями (ограждения, сараи, заборы), ни аналогичными им сооружениями (колодцы, скважины). Однако в действительности нормативно-техническая документация[2] однозначно определяет здания и сооружения как самостоятельные (не совпадающие) категории результатов строительной деятельности.

По указанной причине требуется исправить допущенную оплошность и расширить круг строительных объектов, в форме которых не допускается

---

[1] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 08.11.2013 № А56-43646/2011.

[2] ОК 013-2014 (СНС 2008). Общероссийский классификатор основных фондов, введенный в действие Приказом Росстандарта от 1212.2014 № 2018-ст; ФЗ от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5.

свободное использование произведений архитектуры, путем указания на «здания, сооружения и аналогичные архитектурно-строительные и инженерно-строительные объекты».

(12) Норма ст. 1474 ГК РФ о содержании исключительного права коммерческой организации на фирменное наименование и о порядке его защиты определяет, что использование юридическим лицом фирменного наименования, тождественного фирменному наименованию другого юридического лица или *сходного с ним до степени смешения* не допускается, если указанные юридические лица осуществляют *аналогичную деятельность* и фирменное наименование второго юридического лица было зарегистрировано ранее первого; при этом нарушитель указанного запрета обязан прекратить использование фирменного наименования, тождественного фирменному наименованию правообладателя, *в отношении видов деятельности, аналогичных видам деятельности, осуществляемым правообладателем*, или изменить свое фирменное наименование.

В данном случае относительно определенными оказались все три логических элемента нормы-аналогии: *гипотезы* (если юридические лица осуществляют *аналогичную деятельность*), *диспозиции* (то не допускается использование тождественного фирменного наименования или *сходного с ним до степени смешения*) и *санкции* (а иначе нарушитель будет обязан прекратить использование фирменного наименования правообладателя *в отношении видов деятельности, аналогичных видам деятельности правообладателя*).

В отношении примененной в гипотезе и санкции нормы категории «аналогичная деятельность» в практике судов могут возникать некоторые затруднения, требующие повышенного уровня дискреции (например, навскидку весьма сложно определить, следует ли считать аналогичными деятельность по изданию газет и выпуску книг). Однако в целом ясную направленность нормы (ее нацеленность на исключение возможности недобросовестного введения в заблуждение потребителей и (или) иных контрагентов) следует признать достаточным ориентиром, не позволяющим оправданную неполную определенность превращать в абсолютную неопределенность и произвол суда.

Разъясняя анализируемые положения, Суд по интеллектуальным правам подтвердил именно такое их телеологическое толкование и указал, что фактическое (не допускаемое законом) осуществление аналогичных видов деятельности создает реальную угрозу смешения различных производителей и поставщиков товаров (услуг) в глазах потребителя[1]. При этом предложено пользоваться опровержимой презумпцией того, что деятельность двух лиц является аналогичной, если охватывается одним подклассом видов экономической деятельности по ОКВЭД («ОК 029-2014. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности», утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст). Исходя из этих разъяснений, можно, в частности, прийти к выводу, что деятельность по изданию газет и деятельность выпуску книг, относимые к одному подклассу «деятельность полиграфическая и предоставление услуг в этой области», предполагаются аналогичными, однако в конкретном случае данная презумпция может быть опровергнута, если будет доказано отсутствие угрозы введения потребителей в заблуждение.

Использованное для определения глубины запрета понятие «сходство до степени смешения», иначе называемое в науке как «субстанциональное сходство»[2] нормативно не расшифровывается. Однако для современной практики это не составляет проблемы, поскольку суды в порядке аналогии успешно используют для оценки тождественности или сходства видов деятельности критерии, которые наработаны применительно к сопоставляемым товарным знакам[3].

Анализ сформулированных на уровне ГК РФ относительно определенных норм-аналогий показал, что сложности, связанные с реализацией и применением таких норм, вызваны именно наличием в них элементов аналогии, подтвердил универсальность и эффективность применения метода аналогии в качестве способа формулирования нормативных предписаний как в регулятивном, так и

---

[1] Справка о некоторых вопросах, возникающих при применении положений параграфа 1 главы 76 Гражданского кодекса Российской Федерации судом по интеллектуальным правам как судом кассационной инстанции, утв. Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 04.09.2015 № СП-23/25.

[2] Roy M. Substantial Similarity in Copyright Law // SSRN Electronic Journal. 2010. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1666910.

[3] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.02.2019 № С01-1205/2018.

охранительно-правовом аспекте, при реализации всех основных способов правового воздействия. Аналогические элементы были обнаружены в нормах разной направленности (в обязывающих, управомочивающих, запрещающих), в нормах, посвященных нормальным (неконфликтным) отношениям, в нормах об ответственности, в нормах, приводящих к разрушению нежелательных отношений, в нормах, ограничивающих субъективные гражданские права. Нормы-аналогии способны обеспечить адекватно уточняемое правонаделение, обязывание и воспрещение, опосредуя в необходимых случаях возникновение, изменение либо прекращение правоотношений.

В целом сделанная характеристика отмеченных норм-аналогий позволяет заключить, что намеренная неполная правовая определенность, в том числе обеспеченная относительно определенными нормами-аналогиями, может в ряде случаев иметь преимущества перед избыточной нормативной точностью и иметь больший позитивный эффект в сравнении с принципом «победитель получает все», когда правовое средство заранее определено регулирующим материальным правом[1]. Включение в арсенал законодателя норм-аналогий, диалектически сочетающих элемент расплывчатости и способность к конкретизации, позволяет наделить частноправовое регулирование экономической деятельности должным уровнем эластичности. В этом аспекте аналогия подтверждает качество правового средства, которое хотя и сопряжено с судебным активизмом, но в конечном счете обеспечивает и качественную (содержательную) и количественную определенность регулирования при всем многообразии и изменчивости экономического взаимодействия. При этом широкое использование норм-аналогий и связанная с этим повышенная сложность правоприменения актуализируют идею о том, что в центре внимания при подготовке юристов должна стать отработка навыка к преодолению правовой беспорядочности и неопределенности[2].

Вместе с тем, подтвердилось и то, что могут существовать некоторые

---

[1] Andreoni J., Madoff R.D. The Role of Judicial Discretion in Dispute Settlement // Boston College Law School Legal Studies Research Paper № 151. 2008. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1112894.

[2] Tang S., Foley T. The Practice of Law and the Intolerance of Certainty // University of New South Wales Law Journal. 2014. Vol. 37. № 3. P. 1198–1225.

недостатки, возникающие из-за подобной правовой неопределенности даже в тех ситуациях, когда элемент неопределенности считается желательным[1]. В условиях неопределенности права использование легальной аналогии в целом связывается процессом реализации дискреционных полномочий в правоприменительной деятельности[2]. Соответственно, и в данном случае, когда речь идет о формулировании относительно определенных норм-аналогий, у правоприменителя возникает право (в контексте принципа недопустимости отказа в правосудии – и обязанность) осуществлять конкретизацию заключенных в нормах понятий с открытыми структурами с опорой на рассуждения по аналогии и личные (дискреционные) представления о качестве аналогии и признаках аналогичности. Такое расширение дискреционных полномочий может приводить к неоднозначному применению норм и граничить с произволом суда.

Опасность превращения относительной (уточняемой) определенности при применении конкретных проанализированных норм-аналогий в абсолютную неопределенность[3] предопределяет необходимость выработки критериев, признаков, по которым должна устанавливаться аналогичность тех или иных элементов отрытых множеств, заключенных в правовом предписании. Как видно, в некоторых случаях суды с учетом понятного предназначения норм справляются с отысканием таких критериев, в отдельных ситуациях требуется накопление правоприменительного опыта и его обобщение на уровне высших судебных инстанций, а некоторые нормы нуждаются в прямом законодательном уточнении и исправлении формулировок.

Обнаружение случаев ошибочного, некорректного и терминологически неточного формулирования норм-аналогий, влекущего противоречивую судебную практику и неоднозначную доктринальную оценку, предопределяет необходимость продолжения исследования данной разновидности норм во всем частноправовом массиве.

---

[1] Feldman Y., Lifshitz S. Behind the Veil of Legal Uncertainty // Law and Contemporary Problems. 2011. Vol. 74. Iss. 2. P. 133–174.

[2] Кириллова А.Д. Реализация дискреционных полномочий правоприменителей в системе способов преодоления правовой неопределенности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 26–32.

[3] Батманов С.А. Понятие правовой неопределенности // Адвокат. 2015. № 11. С. 20–25.

§ 4. Обеспечение законности в практике аналогического регулирования частноправовых отношений

Частноправовая жизнь так многогранна и изменчива, что пробелы в ее нормативных рамках, моделях, конструкциях – явление неизбежное.

Невозможность беспробельного правового регулирования связей между находящимися в равном юридическом положении, наделенными автономной волей организационно и имущественно обособленными субъектами обусловливает необходимость использования аналогии как инструмента в реализации и применении норм гражданского законодательства – основной отрасли, отвечающей за нормативное обеспечение горизонтальных экономических отношений. Действительно, свобода и многовариантность экономического поведения участников гражданского оборота практически исключает возможность на публичном (субординационном) уровне правового регулирования заранее предусмотреть прямую нормативную регламентацию всего объема составляющих предмет гражданского права социальных связей. Субъекты таких связей в частном (координационном) порядке также не в состоянии гарантированно избежать возникновения вопросов, не урегулированных соглашением. В целом, как верно отмечено, пробелы в гражданском законодательстве имманентны его природе[1]. Поэтому с целью преодоления появляющихся правовых лакун объективно необходимо нормативное закрепление механизма применения гражданского законодательства по аналогии.

В то же время генетическое родство гражданско-правовых отношений с параллельными и сопутствующими экономическими связями, отличающимися существенной семейной, корпоративной и прочей предметной и функциональной спецификой, но все-таки входящими в орбиту опирающегося на личную свободу и диспозитивность частного права, предопределяет схожие причины пробельности нормативной регламентации указанных связей и обусловливает не меньшую

[1] Кодификация российского частного права / Под ред. Д.А. Медведева. М. 2008. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

востребованность института аналогии в соответствующих правовых отраслях.

Нельзя не признать, что при установлении дефектности или иной недостаточности в регулировании экономических отношений обращение к институту аналогии выступает естественным и наиболее эффективным, если не единственным[1] способом преодоления обнаруженных пробелов. Как указывал Е.В. Васьковский, восполняя пробелы с помощью аналогии из наличного материала законодательства, суды, во-первых, остаются в пределах действующего, т.е. надлежащим порядком санкционированного и обнародованного законодательства и, во-вторых, руководствуются приемами общечеловеческой логики, всеми людьми сознательно или бессознательно применяемыми[2]. Кроме того, если исходить из того, что всякий закон в руках суда должен способствовать социальному прогрессу, аналогию, которая в наибольшей степени требует проявления творческих усилий, судейского правосознания и правового чувства конкретного судьи[3], следует признать инструментом, обязательным к наличию в арсенале каждого правоприменителя.

Формальная легитимность института аналогии

В настоящее время с процессуальной точки зрения сфера законного использования аналогии в регламентации частноправовых отношений, не получивших должного нормативного эталона либо допустимого поднормативного регулятора, очерчена достаточно широко. Определяя круг нормативных актов, применяемых судом при разрешении гражданских дел, законодатель в п. 3 ст. 11 ГПК РФ на случай отсутствия норм права, регулирующих спорное отношение, предусмотрел применение норм, регулирующих сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таковых предписал разрешать дело, исходя из общих начал и смысла законодательства (аналогия права). Схожая, но более подробная норма закреплена в п. 6 ст. 13 АПК РФ, согласно которому в случаях, если спорные

---

[1] О таких подходах см.: Тихонравов Е.Ю. Способы восполнения пробелов в законодательстве: вопросы теории и истории. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 154, 155.

[2] Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. 1: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 208.

[3] Завадский А.В. К учению о толковании гражданских законов : Новейшие течения по этому вопросу в немецкой лит. (шк. свобод. права и др.). Казань., 1916. С. 117–121.

отношения прямо не урегулированы федеральным законом и другими нормативными правовыми актами или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, арбитражные суды применяют нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм рассматривают дела исходя из общих начал и смысла федеральных законов и иных нормативных правовых актов (аналогия права). Здесь, как видно, законодатель более точно охарактеризовал ситуацию правовой пробельности (учел возможность существования обычно-правового воздействия на частноправовые отношения и возможность их поднормативного договорного регулирования) и конкретизировал круг источников норм, способных быть примененными по аналогии (указал, не ограничиваясь законами, на любые нормативные акты).

В материально-правовом аспекте ст. 6 ГК РФ прямо предусматривает использование в гражданско-правовой сфере аналогии закона, а при невозможности ее реализации санкционирует аналогию права. Примечательно, что нормативное включение корпоративных отношений (отношений, связанных с участием в корпорациях или с управлением ими) в предмет гражданско-правового регулирования (ст. 2 ГК РФ) полностью исключило возможные ввиду сильной организационной и управленческой корпоративной составляющей сомнения в принципиальной способности аналогии выступить восполнительным инструментом регулирования корпоративных связей при недостаточности указаний закона, корпоративных обычаев, соглашений, односоронних корпоративных актов, учредительных и внутренних документов корпораций.

Похожие правила закреплены в кодифицированном акте жилищного права как отрасли, выступающей по существу (в частноправовом сегменте) функциональной подотраслью гражданского права (ст. 7 ЖК РФ).

В сущностно близкой гражданскому праву отрасли семейного права также предусматривается применение семейного законодательства и гражданского законодательства к фамилиарным отношениям по аналогии закона, а при невозможности обращения к таковой – указывается на определение прав и

обязанностей членов семьи с опорой на общие начала и принципы семейного или (соответственно) гражданского права, а также принципов гуманности, разумности и справедливости (ст. 5 СК РФ). Как можно заметить, указанные материальные нормы в сравнении со своими процессуальными «коллегами», ограничивают действие аналогии специфическими отраслевыми принципами, ориентируют на включение в основу правоприменения не столько смысла нормативных правовых актов, сколько общих начал и смысла каждой соответствующей отрасли.

В соотношении с принципом законности аналогию вполне можно было бы рассматривать как вытекающий из общего теоретического учения о применении права *легальный институт* в правоприменении независимо от того, отражена ли она в нормах процессуального или материального права (кроме случаев прямого запрета). По утверждению А.С. Пиголкина, для правовых норм, которые регулируют нормальные отношения (а большая часть частноправовых связей, входящих в зону регулятивных отраслей права, именно такие – *прим. авт.*), возможно применение аналогии и без специальных указаний закона, т.к. такое применение представляется само собой разумеющимся[1]. Более того, высказана точка зрения, что любой прямой запрет аналогии, как бы он ни был сформулирован, должен рассматриваться как установление пределов аналогии, но не как отказ от аналогии в целом[2].

Однако встречается и иной подход, согласно которому пробелы в праве могут восполняться путем аналогии лишь в том случае, если это прямо разрешено законом[3], что применение закона по аналогии по умолчанию не допускается и требует специального законодательного разрешения[4] и что законодатель не должен воспринимать пробелы в законодательстве как неизбежное, но неустранимое зло, а аналогию – как естественный и допустимый способ преодоления пробельности[5]. Поэтому отмеченное закрепление правил об аналогии не только в процессуальных,

---

[1] Пиголкин А.С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 56.
[2] Юзвак М.В. Недопустимость запрета аналогии в налоговом праве // Налоги. 2013. № 2. С. 43–46.
[3] См., например: Яковлева Т.В. О пробелах в объективном праве и способах их восполнения при решении вопроса о реализации субъективного права // Вопросы российского и международного права. 2011. № 3. С. 10.
[4] Смирнов А.В. Аналогия права и аналогия закона: критерии допустимости // СПС КонсультантПлюс. 2009.
[5] Портянова П.Д. Эффективность применения аналогии права и закона в условиях дискретности гражданского законодательства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. № 2. С. 70–73.

но и в материальных кодифицированных актах видится принципиально важным. Таким образом законодатель не только подчеркивает *формальную легитимность* и практическую значимость рассматриваемого института в каждой конкретной сфере правового воздействия, но и ориентирует правоприменителя и самих участников частноправового взаимодействия на его активное использование, и кроме того, акцентированно подчиняет порядок его реализации не абстрактным теоретическим представлениям, а конкретным отраслевым параметрам и особенностям, специальным отраслевым принципам, обеспечивая тем самым должную дифференциацию в регулировании сходных, но не тождественных частноправовых связей. Более того, достигается абсолютная нормативная определенность в вопросе об отношении конкретной правовой отрасли к институту аналогии.

Необходимо отметить, что нормы института аналогии подвергались конституционному оспариванию, но Конституционный Суд РФ сформулировал позицию: аналогия сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционные права, так как направлена на исключение пробелов в правовом регулировании (при реализации аналогии суд не подменяет законодателя и не создает новые правовые нормы, действуя в рамках закона) и в конечном итоге – на осуществление надлежащего правосудия и защиту интересов участников соответствующих правоотношений[1]. При этом пояснено, что закрепление права суда на применение законодательства по аналогии вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и является одним из проявлений дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия[2].

Частноправовое регулирование подразумевает не избегание пробелов, а их действенное преодоление. Поэтому в свете ст. 46 Конституции Российской Федерации можно утверждть не только о праве, но и об обязанности суда использовать механизм аналогии при отсутствии нормы, специально предназначенной для урегулирования спорного правоотношения, если на применении конкретной нормы по аналогии настаивает участник спорного

[1] Определения Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 № 815-О-О; от 20.11.2014 № 2718-О.
[2] Определение Конституционного Суда РФ от 16.03.2006 № 76-О.

правоотношения, установлены все необходимые для такого применения положительные условия и не обнаружены препятствия[1]. Следует согласиться с Г.А. Жилиным в том, что наличие пробелов в праве для судебной практики действительно отнюдь не редкость, при этом отсутствие закона, регулирующего спорные общественные отношения, не освобождает суды от вынесения решений о защите нарушенных прав соответствующих субъектов. Разрешение дела в этих случаях требует не ожидания восполнения пробела законодателем, а лишь дополнительных действий суда по применению права на основе аналогии закона, субсидиарного применения норм или аналогии права[2]. Иными словами, аналогия, будучи формально законным правовым инструментом, сама сущностно *участвует в обеспечении законности*.

Соотношение нормативной законности и востребованности аналогии как инструмента правоприменения

Может казаться, что естественное отставание проработанного и поступательно совершенствующегося законодательства от эволюционного развития частноправовых общественных связей требует довольно редкого обращения к аналогии или иными словами – что законность, обеспечиваемая разрастающимся нормативным массивом и нарабатываемой правореализационной и правоприменительной практикой, постепенно выдавливает аналогию из системы регулирования частноправовых отношений.

В 1985 году О.А. Красавчиков писал о потребности в аналогии закона в сфере наиболее благоприятствующего аналогии гражданского права: «В самое ближайшее время вряд ли можно ожидать появления таких отношений, которые окажутся за пределами гражданско-правового регулирования, и в связи с этим не возникает необходимости применения закона по аналогии»[3]. По мнению А.А.

---

[1] Представленное в науке предложение закрепить обязанность суда применять аналогию во всех случаях пробельности, т.е. в том числе при отсутствии заявления участника спорного правоотношения (Фомина Л.А. Пробелы в гражданском праве России: понятие, сущность, способы преодоления: Монография. Волгоград, 2008. 35–36), может вступить в противоречие с принципом недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (ст. 1 ГК РФ), в дела семьи (ст. 1 СК РФ).

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П. Мнение судьи Г.А. Жилина.

[3] Советское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Т.1. Под редакцией О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 64.

Малюшина, аналогия носит в деятельности суда достаточно редкий, почти случайный характер[1]. В публикации 2010 года В.В. Ровный указал, что аналогия актуальна лишь в условиях общей или частичной неразработанности и скудности законодательства, слабости (дефицита) договорного регулирования, неразвитости коммерческой практики, а поскольку всего этого (по мнению ученого) нельзя сказать о современном гражданском законодательстве и обороте, то и потребность в аналогии возникает нечасто[2]. Изучение арбитражной практики, складывавшейся до 2011 года, позволило Р.С. Бевзенко высказать представление о том, что суды «крайне редко» применяют аналогию закона; что же касается аналогии права, то автору вообще не удалось обнаружить случаев, когда суды задействовали бы этот прием восполнения пробелов в гражданском законодательстве[3]. Как указал В.А. Тархов, после принятия ГК РФ надобность прибегать к аналогии права «не испытывается»[4].

Однако едва ли могут быть сомнения в том, что наблюдавшийся до недавнего времени низкий уровень востребованности института аналогии в правоприменительной деятельности объясняется не столько высоким качеством отечественного законодательства и совершенством договорной практики, сколько распространенным среди юристов (включая судей) восприятием механизма аналогии как «исключительного инструмента»[5], «запасного и худшего регулятора»[6], «самого слабого источника»[7], подлежащего использованию лишь в крайних случаях, как исключение[8], и которое само по себе следует рассматривать как нежелательное явление, выходящее за пределы законности и свидетельствующее о «неполадках» в системе регулирования.

---

[1] Малюшин А.А. Судебное правотворчество в процессе правоприменения // Российский судья. 2007. № 6. С. 7–10.
[2] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практич. комментарий (постатейный) Под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Практика применения Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2010. С. 66, 67.
[4] Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. С. 84–85.
[5] Горлов В. Аналогия–исключительный инструмент // ЭЖ-Юрист. 2017. № 7–8. С. 9.
[6] Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. Под ред. А.П. Сергеева. М.: «РГ Пресс», 2011. С. 71.
[7] Савельев А.И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 62–99.
[8] Колесник И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии. Дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 206.

В частности, обращая внимание на достаточную редкость казусов применения аналогии, особенно аналогии права, ученые объясняют это «исключительностью» аналогии как средства праовоприменения (ее легитимностью лишь при исчерпании всех других средств урегулирования отношений), а также тем, что использование аналогии вызывает трудности у судей, влечет судебные ошибки. В аспекте последней мысли плохая эффективность и вероятная вредоносность аналогии как вариативного средства, зависящего от личности правоприменителя, иллюстрируется афоризмом: «Принцип аналогии – это такой прием познания, который хромает на обе ноги»[1]. С таким контекстом сочетается представление, что если суды и восполняют пробелы с помощью аналогии, то это делается, «…скорее, неупорядоченно и спорадически»[2].

Опасность аналогии как инструмента, дающего правоприменителям излишнюю (почти правотворческую) свободу Н.А. Тарабан определил как то, что заложенные в законодательстве принципы, связанные с аналогией закона и аналогией права, буквально позволяют судам выносить судебные постановления «на пустом месте»[3]. В этом контексте высказано мнение, что применение на практике механизма аналогии снижает степень определенности гражданско-правового воздействия, лишает участников гражданских отношений правовой определенности и уверенности в нерушимости обязательств[4].

Процитировав В.Д. Каткова, утверждавшего, что «нигде не злоупотребляют так аналогией, как в юриспруденции …нигде не дает она таких губительных результатов, как в политико-юридической жизни при неправильном ее применении», М.В. Юзвак заключил, что значительная доля субъективизма при использовании аналогии действительно ведет к высокому риску переступить грань между правовой и неправовой аналогией[5].

---

[1] Балашов А.Н., Мишутина Э.И. Вопросы применения аналогии закона и аналогии права в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 59–62.
[2] Панова И.В. Судопроизводство в контексте российской правовой культуры // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 74–84.
[3] Тарабан Н.А. Правовая природа судебного прецедента в России и его место в национальной правовой системе // Мировой судья. 2014. № 11. С. 29–33.
[4] Шеховцова А.С. Принцип защиты слабой стороны договора с участием субъектов предпринимательской деятельности // Власть Закона. 2018. № 4. С. 243–251.
[5] Юзвак М.В. Пределы аналогии в налоговом праве // Финансовое право. 2013. № 10. С. 36–40.

По наблюдению Н.В. Василенко, в регулировании нетипичных договоров и договоров, имеющих видовые различия, аналогия закона применяется в исключительных случаях, причем чаще всего лишь после соответствующего обобщения судебной практики[1].

Не без видимых всякому практикующему юристу оснований Т.А. Трубицына обратила внимание и на характерную особенность российского юридического мышления, проявляющуюся в склонности к нормативизму, стремлению решать дела, исходя из конкретных предписаний закона[2]. Данный нюанс отметил и В.А. Божок, назвав институт аналогии обреченным лишь на редкое применение, поскольку «средний судья» привык решать правовые вопросы, руководствуясь главным образом буквой закона[3]. Касаясь вопроса о законности аналогии права, отдельные авторы и вовсе обосновывают ошибочность и некоторую «вредность» соответствующей конструкции[4].

В целом в аспекте оценки соотношения юридической аналогии и законности, а также в восприятии востребованности рассматриваемого феномена в правоприменении можно констатировать сохранение среди теоретиков и практиков страха, что при отсутствии легальной возможности создавать правовые нормы в рамках правоприменительной деятельности[5] использование аналогии приведет к фактической бесконтрольной дискреции суда, близкой к внезаконному нормотворчеству, противоречащему «онтологии судебного решения»[6], и что судья сможет, прикрываясь сомнительными принципами, безнаказанно злоупотреблять своей властью[7]. Под таким углом зрения аналогия предстает как плохо сочетающееся с законностью и правовой определенностью явление, которое

---

[1] Василенко Н.В. Значение видовых и типовых отличий договоров для правового регулирования непоименованных соглашений // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.): избранные материалы. Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2015. С. 143.

[2] Трубицына Т.А. Институт аналогии в российском праве // Право и политика. 2007. № 1. С. 5–9.

[3] Божок В.А. Институт аналогии в гражданском и арбитражном процессуальном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 5.

[4] Рыженков А.Я. О соотношении норм и принципов в российском гражданском законодательстве // Юрист. 2016. № 15. С. 10–14.

[5] Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex russica. 2015. № 3. С. 28–42.

[6] Шматков Л.М. Онтология судебного решения и его соотношение с материально-правовой реальностью // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 137–156.

[7] Момотов В.В., Улетова Г.Д., Маркова-Мурашова С.А. Применение института аналогии в материальном и процессуальном праве России: история и современность // Современное право. 2011. № 10. С. 3–12.

следует стремиться искоренить.

Разумеется, следует учитывать, что аналогия в праве – это «искусство в том смысле, что она подразумевает выход мышления за рамки стандартизированного применения норм»[1], а потому требует особой юридической квалификации. Действительно, аналогия граничит с такими категориями, как «судебное усмотрение», «толкование норм права», «общая и специальная норма», «мнимые пробелы», соотнесение которых требует от судьи наличия определенных навыков и высокой степени профессионализма[2]. Однако риск выхода правоприменителя за пределы допусимой степени усмотрения[3] опасность превращения аналогии в неправовой инструмент в результате злоупотребления заключенной в нем дискреции следует ликвидировать не отказом от аналогии вовсе, а отработкой правил ее использования[4], ибо известно, что *abusus non tollit usum* (злоупотребление не отменяет употребления). Думается, именно недостаточность указанной квалификации и нехватка устоявшихся, отточенных правил применения аналогии предопределяет общее негативное отношение юристов к методу аналогии в праве, что в свою очередь, обусловлено недостатком внимания к рассматриваемому методу еще на стадии познания азов юриспруденции.

В современной учебной литературе, посвященной частноправовым аспектам регулирования экономической деятельности, институту аналогии уделяется весьма незначительное внимание. Так, в рамках дисциплины гражданского права, где внутриотраслевое значение аналогии максимально, авторы, как правило, ограничиваются кратким комментарием ст. 6 ГК РФ, разъясняя в гражданско-правовых казусах збучные сведения теории права об аналогии как способе преодоления законодательных пробелов и об отличиях аналогии закона и аналогии права. Учебники страдают недостатком конкретных примеров аналогии закона, не

---

[1] Белкин А.А. Аналогия в государственном праве // Правоведение. 1992. № 6. С. 18.

[2] Рехтина И.В. Аналогия в гражданском и арбитражном процессе: проблемы теории и практики применения // Современное право. 2009. № 11. С. 102–106.

[3] Пискунов Д.С. О соотношении понятий судебного усмотрения и аналогий закона и права // Вестник гражданского процесса. 2023. № 4. С. 190–207.

[4] Нельзя не согласиться с утверждением о том, что злоупотребление аналогией может быть лишь поводом, а не основанием для исключения ее из права, т.к. злоупотребление–дело факта, а не принципа. При правильном использовании аналогии на законной основе подобные факты могли бы быть предупреждены (см.: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М. 1960. С. 458).

говоря уже о реальных казусах аналогии права. Таковые отсутствуют в соответствующем параграфе упомянутого учебника под редакцией А.П. Сергеева[1], не обнаруживаются они и в учебнике под ред. Е.А. Суханова[2]. Даже в наиболее объемном и глубоком на сегодняшний день учебнике монографического характера В.А. Белов ограничился одним лишь хрестоматийным образцом аналогического применения ст. 183 ГК РФ (о последующем одобрении сделки, совершенной неуполномоченным лицом) к последствиям одобрения сделки, совершенной с пороками, указанными в ст. 174 ГК РФ[3]. В одном из современных учебников под ред. Б.М. Гонгало в соответствующем разделе такие примеры вообще не упомянуты[4], хотя уже к началу 2016 года были сформулированы судебные позиции, характеризующие позитивизацию отношения судейского сообщества к аналогии, в числе которых выделяется разъяснение о применении по аналогии закона ст. 249, 289 и 290 ГК РФ к отношениям собственников помещений, расположенных в нежилом здании, по поводу общего имущества в таком здании[5].

Примечательно, что в учебной литературе по предпринимательскому праву, способному вывести уяснение механизма аналогии в правовом регулировании экономической деятельности на обобщенный частно-публичный уровень, раскрыть реперные точки в применении разноотраслевых актов, регламентирующих экономическое поведение, аналогия, как правило, вовсе не рассматривается. В частности, не нашлось места материалу об аналогии в наиболее авторитетных учебниках «Российское предпринимательское право» под ред. И.В. Ершовой и Г.Д. Отнюковой[6] и «Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса» под ред. И.В. Ершовой[7].

Однако видится, что сохраняющаяся отрицательная оценка легитимности,

---

[1] Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. Под ред. А. П. Сергеева. М.: «РГ Пресс», 2011. С. 71–73.
[2] Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учебник. Под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 113–115.
[3] Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право: учебник М.: Юрайт, 2011. С. 213–215.
[4] Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. С. 74.
[5] Пункт 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64.
[6] Российское предпринимательское право: учебник. Отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. М.: Проспект, 2011.
[7] Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров. Отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017.

актуальности, востребованности и эффективности института аналогии в правовом регулировании частноправовых отношений, равно как недостаточность учебно-методического фундамента для его адекватного использования не отвечают реалиям сегодняшнего дня.

Действительная степень интенсивности использования аналогии как средства правоприменения

Прежде всего, следует отметить, что в действительности обращение правоприменителей к аналогии закона и аналогии права для разрешения частноправовых споров отнюдь не редки. В настоящее время в частноправовой сфере суды при принятии и аргументации решений достаточно интенсивно используют прием аналогии вне зависимости от того, являются ли рассматриваемые ими отношения абсолютными или относительными, связаны ли они с предпринимательской деятельностью или защитой прав потребителей, идет ли речь о применении запретов, обязываний или дозволений, выраженных в императивных или диспозитивных нормах. Суды опираются на аналогию как в силу доводов спорящих сторон, так и по собственной инициативе. Имеет место межинституциональное и межотраслевое применение частноправовых норм посредством аналогии[1]. При этом примечательно, что если ранее суды предпочитали, разрешая спор по аналогии (особенно – по аналогии права), не использовать термин «аналогия» (видимо, во многом именно в силу этого фактора некоторые ученые констатировали крайнюю редкость применения судами положений п. 1 ст. 6 ГК РФ и отсутствие реального использования в практике нормы п. 2 ст. 6 ГК РФ[2]), то ныне суды не манкируют прямыми ссылками на положения, допускающие аналогию закона и аналогию права как при разрешении конкретных дел, так и при формулирования высшими судебными инстанциями обобщений (обзоров) практики и руководящих разъяснений в постановлениях по отдельным вопросам правоприменения. В целом обращает на себя внимание то, что

[1] Разнообразные примеры применения аналогии в конкретных ситуациях см.: Микрюков В.А. О практике применения судами гражданского законодательства по аналогии // Вестник арбитражной практики. 2013. № 6. С. 5–13.

[2] Слепенкова О.А. Некоторые аспекты применения принципов гражданского права в судебной практике // Российская юстиция. 2011. № 9. С. 4–6.

Пленум ВС РФ сделал акцент на праве суда применять аналогию и прямо указал, что судебное решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права[1].

Наиболее острые вопросы, требующие принятия правоприменительных актов, но не имеющие непосредственной нормативной основы, прорабатываются высшими судебными органами. Можно согласиться с тем, что наработанные и формализованные ими судебные позиции, конкретизирующие правовые нормы на основе умозаключений по аналогии, богаче по содержанию по сравнению с конкретизируемыми нормами[2]. Уже в силу этого каждая из них, взятая в отдельности, представляет значительный научный интерес применительно к конкретному участку предмета правового регулирования.

Прямым подтверждением изложенного является то, что в последнее время Пленум ВС РФ участил прямое (открытое, мотивированное) обращение аналогии в применении норм частного права и сформулировал ряд разъяснений, из смысла которых следует не столько право, сколько обязанность нижестоящих судов прибегать к аналогии закона (права) в отдельных ситуациях. В этих описанных Пленумом ситуациях аналогия предстает как социально-позитивное средство, без которого не стремится, не может и не должна обойтись современная российская судебная практика.

В частности, обращает на себя внимание то, как в п. 6 Постановления от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»[3] Пленум дважды указал на необходимость применения аналогии, прямо сославшись на п. 1 ст. 6 ГК РФ. Во-первых, сформулировав разъяснения о порядке применения

---

[1] Пункт 2 Постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Бюллетень ВС РФ. 2004. № 2.

[2] Петровский Н.А. Аналогия и правоположения в методологии правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 18.

[3] Бюллетень ВС РФ. 2018. № 3.

специального правила п. 9 ст. 61.11 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1], согласно которому размер субсидиарной ответственности номинального руководителя может быть уменьшен, если благодаря раскрытой им информации были установлены фактический руководитель и (или) имущество должника либо фактического руководителя, скрывавшееся ими, за счет которого могут быть удовлетворены требования кредиторов, Пленум уточнил, что эти разъяснения распространяются как на случаи ответственности за неподачу должником заявления о собственном банкротстве, так и на случаи ответственности за невозможность погашения требований кредиторов. Во-вторых, Пленум постановил, что таким же образом (по аналогии) должны решаться вопросы, связанные с привлечением к субсидиарной ответственности номинальных и фактических членов органов должника, ликвидаторов и членов ликвидационных комиссий. Данные разъяснения примечательны тем, что Пленум не стал дожидаться появления конкретных споров, при разрешении которых судьи неизбежно столкнутся с неполнотой законодательных новелл (разъясняемые положения появились с принятием ФЗ от 29.07.2017 № 266-ФЗ[2], т.е. совсем незадолго до разъяснений), а с опорой на аналогию сработал на опережение, предвосхитил возможные проблемы правоприменения. Кроме того, вторая из упомянутых ссылок Пленума на аналогию закона, в действительности указывает на необходимость опосредованного аналогией применения не норм закона, а разъяснений самого Пленума. Иными словами, в представленных позициях Пленум просигнализировал о правомерности *расширения границ применения аналогии* и допустимости *предварительных аналогий*, не связанных с разрешением конкретного спора.

В качестве примера аналогичной позиции, когда высшие суды специально заранее ориентируют нижестоящие на необходимость применения тех или иных норм по аналогии, можно привести относящееся к сфере *наследственного права* положение подп. г) п. 31 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О

[1] СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
[2] СЗ РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4815.

судебной практике по делам о наследовании»[1], согласно которому нетрудоспособные иждивенцы наследодателя из числа лиц, указанных в п. 2 ст. 1142 ГК РФ, наследующих по праву представления, которые не призываются к наследованию в составе соответствующей очереди (внуки наследодателя и их потомки при жизни своих родителей – наследников по закону первой очереди), наследуют на основании п. 1 ст. 6 и п. 1 ст. 1148 ГК РФ, то есть независимо от совместного проживания с наследодателем. Еще один пример – применительно к *обеспечению исполнения обязательств* – позиция, что к отношениям в связи с выдачей государственных гарантий применяются не только ст. 115–117 Бюджетного кодекса РФ, устанавливающие особенности правового регулирования указанных правоотношений и обусловливаемые спецификой их субъектного состава, но и общие положения ГК РФ о способах обеспечения исполнения обязательств (ст. 329 ГК РФ), а также в силу сходства данных правоотношений с отношениями, урегулированными § 5 гл. 23 ГК РФ, – нормы ГК РФ о договоре поручительства посредством ст. 6 ГК РФ[2].

Применительно к подотрасли *вещного права* обращение к ст. 6 ГК РФ позволило судам сформулировать разъяснение о том, что по аналогии закона п. 2 ст. 223 ГК РФ подлежит применению при рассмотрении споров о правах на движимое имущество (право собственности на движимое имущество у добросовестного приобретателя возникает с момента возмездного приобретения имущества, за исключением предусмотренных ст. 302 ГК РФ случаев, когда собственник вправе истребовать такое имущество от добросовестного приобретателя)[3]. В свою очередь, Пленум ВС РФ обратил внимание, что при отсутствии в ЖК РФ норм о правовых последствиях признания в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу или реконструкции многоквартирного дома, в котором проживают не только собственники жилых помещений, но и

[1] Бюллетень ВС РФ. 2012. № 7.
[2] Пункт 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8.
[3] Пункт 13 Постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

наниматели по договору социального найма, при рассмотрении споров, связанных с обеспечением жилищных прав собственников жилых помещений в таком многоквартирном доме, возможно по аналогии применить к названным отношениям положения ч. 10 ст. 32 ЖК РФ об изъятии жилого помещения у собственника путем выкупа либо о предоставлении ему другого жилого помещения с зачетом его стоимости в выкупную цену[1].

В сфере *права интеллектуальной собственности* примечательно разъяснение Пленума о том, что при рассмотрении споров о предоставлении принудительной лицензии (ст. 1239, 1362, 1423 ГК РФ) судам следует, исходя из аналогии закона, применять п. 1 ст. 445 ГК РФ о порядке заключения договора в обязательном порядке[2].

Достаточно отчетливо принципиальная полезность аналогии как метода обеспечения системности, стабильности гражданского законодательства и способа применения новых правил демонстрируется в ситуации с законодательными новеллами о *заверениях об обстоятельствах* (ст. 431.2 ГК РФ). Так, сославшись на п. 1 ст. 162 ГК РФ во взаимосвязи с п. 1 ст. 6 ГК РФ, Пленум ВС РФ разъяснил, что подтверждение факта предоставления заверения и его содержания ссылками на свидетельские показания не допускается[3], чем не только обеспечил юридико-техническое преодоление пробела по вопросу о последствиях предоставления устных заверений, но и не приравнял заверения к сделкам, что противоречило бы их природе[4].

Не обошлось без обращения к аналогии закона при формулировании разъяснений по вопросам практики правоприменения *в области обязательного страхования гражданской ответственности* владельцев транспортных средств, а именно – нормы п. 3 ст. 16.1 ФЗ от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном

---

[1] Пункт 22 Постановления Пленума ВС РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2009. № 9.

[2] Пункт 43 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 7.

[3] Пункт 34 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 2.

[4] Лухманов М.И. Заверения об обстоятельствах: теоретические и практические проблемы в свете новых разъяснений ВС РФ // Закон. 2019. № 7. С. 153–168.

страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в силу которой при удовлетворении требований потерпевшего о страховой выплате суд также взыскивает со страховщика штраф за добровольное неисполнение требований потерпевшего: указанный штраф взыскивается в пользу потерпевшего, а если соответствующее требование заявлено общественными объединениями потребителей в защиту интересов конкретного потребителя, то 50 процентов определенного судом штрафа взыскивается в пользу указанных истцов независимо от того, заявлялось ли ими такое требование[1]. Данный вывод, прямо не вытекающий из закона, Пленум ВС РФ аргументировал отсылкой (через п. 1 ст. 6 ГК РФ) к правилу п. 6 ст. 13 Закона «О ЗПП», в котором подобный порядок специально предусмотрен для юридически схожих случаев, когда указанные объединения заявляют о взыскании штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя. Это разъяснение выделяется и потому, что нестандартным проявлением аналогии выступило усечение права потерпевшего на получение штрафа в полном размере, что входит в противоречие с постулируемыми гражданским законодательством недопустимостью произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и необходимостью осуществления физическими и юридическими лицами гражданских прав своей волей и в своем интересе. Видимо, Пленум посчитал, что при явной аналогичности (почти тождестве) урегулированных законом и пробельных отношений реализация идеи «сходные судебные дела должны решаться сходным образом»[2] в конкретном случае может оказаться весомее таких (кажущихся абстрактными) принципов.

Появление в разъясняющих актах высших судов указаний о применении *по аналогии семейного законодательства* высвечивает *наметившееся позитивное восприятие* судейского сообщества *аналогии в семейном праве*. Так, в силу того, что нормы абз. 3 п. 2 ст. 89 и абз. 2 п. 1 ст. 90 СК РФ наделяют жену (бывшую жену) правом требовать предоставления содержания от супруга (бывшего супруга) в

[1] Пункт 80 Постановления Пленума ВС РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень ВС РФ. 2023. № 1.

[2] Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; Ред. Л.Б. Макеева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 152.

период беременности и в течение трех лет со дня рождения их общего ребенка, но умалчивают о наличии или отсутствии аналогичного права у мужа (бывшего мужа), если именно он осуществлял уход за ребенком до достижения им возраста трех лет, а мать ребенка устранилась от его воспитания и содержания, Пленум ВС РФ разъяснил, что исходя из аналогии закона (ст. 5 СК РФ) указанный супруг (бывший супруг) вправе обратиться в суд с иском к супруге (бывшей супруге) о предоставлении содержания до достижения ребенком возраста трех лет[1].

Особый интерес в ряду актов, в которых Пленум так или иначе задействовал механизм применения частноправовых норм по аналогии, представляет Постановление № 25.

Обращает внимание то, как с юридико-технической стороны по-разному в тексте одного постановления Пленум обозначил обращение к аналогии закона: в п. 21 привел ссылку на п. 1 ст. 6 ГК РФ, но не использовал слово «аналогия», не констатировал схожесть урегулированных и пробельных отношений и не объяснил, в чем именно усматривается такая схожесть; в п. 41 также сослался на п. 1 ст. 6 ГК РФ и при этом подчеркнул, что в описываемых пробельных ситуациях подлежат применению нормы законодательства, регулирующие сходные отношения, но не определил то, как именно эти нормы должны звучать в адаптированном к спорным отношениям виде; в п. 43 разъяснил, как следует квалифицировать прямо не регламентированные законом действия, указав норму ГК РФ, которой надлежит пользоваться «по аналогии», но воздержался от упоминания правил ст. 6 ГК РФ; в п. 57 предварительно отметил наличие пробела, сослался на п. 1 ст. 6 ГК РФ и, задействовав понятие «аналогия закона», развернуто пояснил, каким образом следует толковать применимые нормы в контексте конкретного правового пробела; в п. 110 без вступлений и оговорок сформулировал правило, которого судам следует придерживаться при рассмотрении не урегулированного законом случая, обозначив в скобках п. 1 ст. 6 ГК РФ как основание формулирования этого правила и конкретные нормы ГК РФ,

[1] Пункт 44 Постановления от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 4.

регулирующие сходные со спорными отношения, как его материальный источник. Поскольку постановления Пленума ВС РФ нацелены на обеспечение единства судебной практики, постольку видится важным достичь единообразия в формулировках самих таких постановлений. И если указанная выше разноголосица не выглядят критичной, есть позиции, которые требуют отдельного упоминания.

Так, в п. 117 Постановления № 25 уточнен порядок применения п. 6 ст. 181.4 ГК РФ, в силу которого до момента вынесения судебного решения участники гражданско-правового сообщества вправе присоединиться к иску об оспаривании решения собрания, а неприсоединившиеся участники утрачивают право на обращение в суд с исками о признании недействительным оспоренного ранее решения, в том числе заявленными по другим основаниям, за исключением случаев, когда суд признает причины такого неприсоединения уважительными. Пленум указал, что при обращении неприсоединившегося участника с самостоятельным иском суд, учитывая необходимость установления причин неприсоединения участника, не вправе отказать в принятии заявления неприсоединившегося участника. При этом Пленум добавил: «аналогичные правила применяются к рассмотрению исков о признании недействительными ничтожных решений собраний». Остается лишь догадываться, что в действительности Пленум имел в виду не какие-то неизвестные «аналогичные правила», а необходимость применения вполне конкретных правил п. 6 ст. 181.4 ГК РФ по аналогии закона к случаям оспаривания решений собраний по основаниям ничтожности.

Далее, обнаружив, что законодатель при принятии нового для *корпоративно-правовой сферы* требования п. 3 ст. 67.1. ГК РФ об особом подтверждении актов высшего органа хозяйственных обществ оставил без внимания вопрос о последствиях нарушения данного порядка, а ст. 181.5 ГК РФ, определяющая исчерпывающий перечень оснований ничтожности решений собраний, не включает случаи отсутствия такого подтверждения, Пленум ВС РФ в п. 107 Постановления № 25 пришел к выводу, что решения очных собраний участников хозяйственных обществ, не удостоверенные нотариусом или лицом,

осуществляющим ведение реестра акционеров и выполняющим функции счетной комиссии … «являются ничтожными *применительно к* п. 3 ст. 163 ГК РФ». Хотя в данном случае очевидно, что речь идет именно об аналогии закона, неясно, почему оказалась не задействованной норма п. 1 ст. 6 ГК РФ и зачем давать разъяснения, требующие «перевода» (применительно – по аналогии)[1]. Схожим образом использование аналогии закона скрылось за выражением «применительно к» в разъяснении, что если *при прощении части долга* (ст. 415 ГК РФ) неясно, от уплаты каких именно сумм освобождается должник, порядок погашения долга устанавливается *применительно к* ст. 319 ГК РФ[2].

Отдельного внимания заслуживает разъяснение, представленное в п. 21 Постановления № 25, поскольку здесь речь идет о практике не единичной (предполагающей распространение регулятивного воздействия на пробельные общественные отношения какой-то одной нормы), а «оптовой» аналогии, представляющей применение к спорным отношениям не отдельного правила из законодательного режима, определяющего схожие отношения, а всего такого режима: если некоммерческая организация согласно уставу и не в противоречии с целями, ради которых она создана, осуществляет приносящую доход деятельность, на организацию в целом в соответствующей части по аналогии распространяются положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность (п. 1 ст. 6 ГК РФ). Схожим образом суды указали, что при назначении ликвидатора и определении порядка ликвидации юридического лица надлежит (оптом) применять по аналогии совокупность соответствующих норм банкротного закона (п. 24 Постановления № 6/8), что облегчает единичные аналогии в данной сфере, например, по вопросу о вознаграждении ликвидатору[3], о распределении имущества ликвидированного юридического лица[4]. Еще один пример аналогии правового режима – «оптовое»

---

[1] Так, переводя это «непривычное выражение» (суд вправе действовать «применительно к» такой-то статье), на язык ГК РФ, Э.П. Гаврилов получает разъяснение, что «такая-то статья применяется по аналогии» (см.: Гаврилов Э.П. О неустойке // Хозяйство и право. 2012. № 10. С. 30–35).

[2] Пункт 33 Постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств».

[3] Постановление АС Северо-Западного округа от 17.06.2019 № Ф07-5914/2019.

[4] Постановление АС Северо-Западного округа от 09.04.2024 № Ф07-22863/2023.

распространение на не признаваемые арендными[1] отношения между собственником (сособственниками общего имущества) здания и другим лицом об использовании последним отдельной конструкции этого здания (кровли, несущей стены, фасада), по аналогии (всех) норм о договоре аренды, включая п. 2 ст. 651 ГК РФ о необходимости государственной регистрации договора аренды здания или сооружения, заключенного на срок не менее года[2].

В доктрине подобная практика подвергнута критике как противоречащая буквальному толкованию норм, предусматривающих применение аналогии закона или аналогии права[3], как коллидирующая с идеей о применимости только единичных норм, но не нормативных актов[4] и как выходящая за пределы нормального и прикрывающая фактическое размещение правовых конструкций «договора» и «реципиента» на одной полке «пандектного шкафа», т.е. признание того, что речь идет об одной и той же юридической сущности, подпадающей под общий правовой режим или того, что одна сущность составляет часть (разновидность) другого[5]. Однако, как представляется, использование таких разных по объему аналогий не противоречит ни буквальному пониманию материальных правил, указывающих на допустимость применения по аналогии законодательства в целом (ст. 6 ГК РФ, ст. 7 ЖК РФ, ст. 5 СК РФ), ни логическим основам приема аналогии. Более того, аналогия правового режима позволяет при очевидной экономии нормотворческих усилий и сбережении объема правового массива подсвечивать особую юридическую природу отношений, подпадающий под определенную совокупность норм именно в порядке аналогии (в том числе подчеркивать, что приносящая доход деятельность некоммерческих организаций не является предпринимательской, что ликвидатор не приравнивается к

---

[1] Пункт 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой».

[2] Пункт 7 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания».

[3] Краснов А.В. К вопросу о роли судебной практики в преодолении и восполнении пробелов в праве // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 88–91.

[4] Карташов В.Н. Институт аналогии в советском праве. Вопросы теории: Учебное пособие. Под ред.: Матузов Н.И. Саратов, 1976. С. 24.

[5] Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 456. Автор комментария – А.Г. Карапетов.

арбитражному управляющему, а договор об использовании конструктивных частей здания не признается договором аренды). В дополнение следует указать: сами критики вынуждены признать полезный эффект «оптовых» аналогий в том, что фиксация в законе (когда речь идет о ранее отмеченных законных аналогиях или аналогиях в силу закона – прим. авт.) трансфера совокупности норм (с изъятиями, вытекающими из сущности конструкции-реципиента), упрощает аналогический процесс, задавая опровержимую презумпцию «трансферабельности» соответствующих норм[1], и едва ли резонно отрицать отсутствие такого эффекта в тех случаях, когда на допустимость (или необходимость) аналогии правового режима указывает правоприменитель. Наконец, в защиту «оптовых» аналогий можно привести пример такой уникально объемной аналогии, к которой были вынуждены прибегнуть власти Республики Южная Осетия в условиях острого дефицита собственных законодательных актов, а именно – указания предприятиям, учреждениям, организациям и гражданам Республики применять *по аналогии все нормы права России*, за исключением актов, определяющих порядок и размеры финансирования[2].

Общая оценка указанной аналогической практики высших судебных инстанций приводит к выводу, что аналогия закона и аналогия права в современных условиях оказывается *«живым», интенсивно функционирующим институтом, социально-позитивным, полезным и эффективным средством*, не только теоретически допустимым и формально законным, но и необходимым при наличии соответствующих условий к применению для обеспечения законности.

Можно также резюмировать, что произошло серьезное количественное накопление практического опыта использования аналогии закона и аналогии права в различных сферах частноправовой активности, что является сигналом о готовности отечественной правовой системы к качественным изменениям в данном аспекте. Думается, что в ближайшей перспективе комплекс теоретически сложных

---

[1] Там же. С. 455.

[2] Постановление Верховного Совета Республики Южная Осетия от 29.01.1992 «О применении аналогии законов России на территории Республики Южная Осетия» (см.: Кочиева О.А. Конституционно-правовые основы парламентского контроля в Республике Южная Осетия // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 191–201).

и практически актуальных вопросов о различных аспектах (сущностных, юридико-технических, материальных, процессуальных) аналогии закона и аналогии права в практике преодоления неопределенности частноправового регулирования не только «мог бы»[1], но и должен стать предметом специального постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Перспективы востребованности аналогии закона и аналогии права

В реформационные периоды жизни общества интенсивность применения и значение положений института аналогии неизбежно возрастает. Современные условия развития отечественного частного права (требующие творческой реакции правоприменителей на кризисные явления в экономике, не прекращающееся до текущего момента кардинальное, обширное обновление ГК РФ и ряда принятых в соответствии с ним федеральных законов, стремление законодателя обеспечить стабильность финансовой системы государства посредством принятия скорых и масштабных решений и др.) предопределили значительное увеличение количества практических ситуаций, требующих активного использования аналогии.

Одним из современных факторов, влекущих отставание нормотворчества регулирования от потребностей частноправового взаимодействия, выступает процесс сквозной цифровизации общественной жизни[2], и в первую очередь через институт аналогии ученые ищут пути разрешения возникающих пробельных ситуаций[3]. В частности, именно по аналогии выстраиваются концепции правосубъектности искусственного интеллекта[4]. Интенсивное совершенствование информационных технологий способствуют также росту совместного потребления

---

[1] Слесарев В.Л. Применение судами гражданского законодательства по аналогии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 10 (14). С. 23.

[2] Afonasova M., Panfilova E., Galichkina M., Ślusarczyk B. Digitalization in Economy and Innovation: The Effect on Social and Economic Processes // Polish Journal of Management Studies.2019. Vol. 19. P. 22–32.

[3] Василевская Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 105–117. Так, сама Л.Ю. Василевская не исключает подход, закрепленный в п. 3 ст. 307.1 ГК РФ и позволяющий использовать институт аналогии закона для применения общих положений об обязательствах к цифровым отношениям в информационной системе (см.: Василевская Л.Ю. Деликтная ответственность за нарушение цифровых прав: проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2024. № 2. С. 2–5). Е.Н. Абрамова обосновывает вывод о возможности применения по аналогии закона норм законодательства о рынке ценных бумаг, не противоречащих форме и сущности цифровых финансовых активов (см.: Абрамова Е.Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. 2024. № 1. С. 10–13).

[4] Кирилова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4. С. 76–80.

товаров и услуг[1] и активному вендрению концепции «sharing economy», в рамках которой в процессе коллективного потребления происходит максимизация экономического эффекта при снижении общих затрат[2], преодолеваются кризисные явлений в экономике и экологии[3]. В результате появляются новые экономические феномены, к примеру, *коворкинг* (в обобщенном представлении – совместное использование офисных помещений и социальных пространств рядом с офисом[4]), *каршеринг* (совместное использование транспортных средств путем краткосрочной аренды на основании поминутной тарификации) и *райдшеринг* (организация совместных поездок с использованием информационных платформ операторов сервиса поиска попутчиков[5]), что влечет потребность выработки адекватных подходов к правовой квалификации возникающих отношений с учетом их юридической специфики и влияния на сопутствующие отношения опять же при помощи аналогии. Так, коворкинг сравнивается с арендой, ссудой, возмездным оказанием услуг, подводится под модель непоименованного договора[6]. На каршеринг предлагается распространить по аналогии нормы ст. 626 ГК РФ о прокате[7]. В свою очередь, взаимоотношения попутчиков (в рамках райдшеринга), попадая в «легальную серую зону»[8], аналогизируются и с внеправовым бытовым взаимодействием, и с конструкцией совместной деятельности (договора простого товарищества), и с правовой моделью непубличного договора фрахтования[9].

Более того, в условиях количественного разрастания и качественного улучшения частноправового массива обеспечиваемая регуляторным материалом

---

[1] Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2015. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2271971.
[2] Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. HarperBusiness, 2010. P. 97–123.
[3] Богданова Е.Е. Правовое регулирование отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy) в условиях развития цифровых технологий: тенденции законодательства и судебной практики // Право и цифровая экономика. 2020. № 2 (08). С. 38.
[4] Bouncken R.B., Reuschl A.J. Coworking-spaces: How a phenomenon of the sharing economy builds a novel trend for the workplace and for entrepreneurship // Review of Managerial Science. 2018. Vol. 12. Iss. 1. P. 317–334.
[5] Бубновская Т.А. Райдшеринг как объект правового регулирования // Транспортное право. 2017. № 4. С. 10–13.
[6] См. подробнее: Mikryukov V.A. Analogy in the Civil Law Assessment of Co-working Agreements in Russia // Laws. 2022. Vol. 11. № 2:24.
[7] Вавилин В.Е. Договор каршеринга: разграничение видов в зависимости от круга участников // Цивилист. 2024. № 2. С. 20–25.
[8] Crespo Y. Uber v. Regulation: «Ride-Sharing» Creates a Legal Gray Area // University of Miami Business Law Review. 2016. Vol. 25. P. 79–110.
[9] См. подробнее: Mikryukov V.A. Civil Law Models and Analogies in the Legal Definition of the Ridesharing Agreements // Laplage Em Revista. 2021. Vol. 7. № 1. P. 602–608.

законность не вытесняет аналогию, а диалектически сочетается с повышением степени ее востребованности. Как минимум ясно то, что чем больше объем нормативного акта, тем вероятнее, что в нем окажется ошибка или противоречие (в этом аспекте в науке верно отмечно, что инфляция правовой материи сопровождается ухудшением качества принимаемых норм[1]). Кроме того, если проводить аналогию между соотношением знания и незнания в процессе познавательной деятельности людей и корреляции правовой определенности с нарастанием объема нормативного материала, то получается, что критикуемое представление вступает в противоречие с приписываемым Сократу принципом познавательной скромности: «мудрейший тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего-то по правде не стоит его мудрость»[2] или «я знаю только то, что ничего не знаю»[3]. Соответственно, если представить нормативный массив документов как внутренность шара, то можно заметить, что увеличение объема этого шара неизбежно увеличивает площадь его поверхности, а значит, и количество точек соприкосновения существующих норм (права) с неизвестными социальными связями (зоной «неправа», сферой «правовой пустоты»). Такой «перенос» логических приемов познания на правоотношения может быть обоснован диалектическим пониманием единства и аналогичности разнообразных явлений природы, права и логических построений: «Единство природы обнаруживается в *поразительной аналогичности* дифференциальных уравнений, *относящихся к разным областям* явлений … теми же самыми уравнениями можно решать вопросы гидродинамики и выражать теорию потенциалов … теория вихрей в жидкостях и теория трения газов обнаруживают *поразительную аналогию* с теорией электромагнетизма»[4].

В подтверждение данного сравнения и обнаруженного противоречия

---

[1] Пашенцев Д.А. Концептуальная роль юридической науки в развитии законодательства: от классических конструкций к новациям общества постмодерна // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 5–16.

[2] Платон. Сочинения: В 4 т. Т. 1: Апология Сократа / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. С. 92.

[3] Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии; общ. ред. и вступ. статья А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. С. 113.

[4] Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм: критические заметки об одной реакционной философии. М.: Звено, 1909. С. 346.

навскидку можно привести немало примеров, когда законодательные новшества, включающие новые сферы общественной жизни в частноправовое поле либо более детально регламентирующие те или иные вопросы, приводят к возникновению новых правовых пробелов и, как следствие, повышают значимость юридической аналогии. Так, скачкообразное и при этом широкое разрастание отечественного корпоративного законодательства заставляет искать в аналогии основу для разрешения корпоративных конфликтов в условиях правовой пустоты, соприкосновения с которой становятся тем неизбежнее и тем чаще, чем большее количество новых отношений попадает в сферу корпоративно-правового регулирования.

Чтобы оценить масштабы появляющихся правовых дыр и размеры области вероятного применения аналогии, можно привести пример с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, применительно к различным формам которых аналогия не только допускается[1], но и явно необходима.

В 2012 году § 2 гл. 4 ГК РФ дополнен разделом 3.1. с единственной ст. 86.1[2]. Немного позже законодатель обновил п. 2 ст. 50, ввел п. 1 ст. 65.1. ГК ГФ[3] и предоставил крестьянским (фермерским) хозяйствам собственное место в перечне коммерческих корпораций. Результатом указанных новелл явилось наделение граждан свободой выбора правовой модели занятия деятельностью в сфере сельского хозяйства: осуществлять ее не только индивидуально предпринимателем, единолично создавшим неправосубъектное хозяйство, либо коллективно без образования юридического лица на основе соглашения лиц, связанных родством и (или) свойством, заключенного в соответствии с ФЗ от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»[4], но и с использованием конструкции корпоративного юридического лица – крестьянского

---

[1] Лаптев В.А. Общее имущество крестьянского (фермерского) хозяйства–корпоративная собственность коллективного лица? // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 75–87.

[2] ФЗ от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

[3] ФЗ от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

[4] СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

(фермерского) хозяйства. Следует приветствовать стремление создать нормативную основу для решения насущных задач экономики посредством обеспечения широкого спектра удобных и подходящих для каждого конкретного случая форм экономической активности в аграрном секторе, в том числе за счет расширения использования преимуществ конструкции корпоративного юридического лица. Вместе с тем, определив в ст. 86.1. ГК РФ лишь основные черты юридической личности крестьянского (фермерского) хозяйства, закон оставил открытым ряд весьма важных правовых вопросов, без ответов на которые не представляется возможным говорить о сформированности корпоративной модели хозяйства как организации, в частности неясно: следует ли считать правоспособность хозяйства общей либо ограниченной рамками достижения целей производства, переработки, хранения, транспортировки и реализации сельскохозяйственной продукции; скованы ли участники, желающие передать долю корпоративного участия члену хозяйства либо третьему лицу, необходимостью получения согласия других членов или самого хозяйства, и др.[1].

Одним из пробелов, наиболее наглядно указывающих на незавершенность юридической модели этой новой формы корпораций, является вопрос о возможности исключения гражданина из хозяйства. С учетом имплементации в гражданское право принципа добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ) и явной тенденцией к его развитию и конкретизации в корпоративном праве недостижение нормативной определенности в наличии или отсутствии у участников хозяйства права на самостоятельное исключение недобросовестного участника (или права требовать исключения такого участника судом) выглядит особенно проблемным. Как следует из ст. 86.1. ГК РФ, особенности правового положения крестьянского (фермерского) хозяйства как юридического лица, должны быть сформулированы в отдельном законе. В связи с отсутствием соответствующего закона актуально определиться: можно ли при нехватке специальной нормы использовать естественный для гражданского права аналогический приема восполнения

[1] Ситуацию с отсутствием полноты правового обеспечения данной организационно-правовой формы Е.В. Ельникова метко определила как «вопросы без ответов» (см.: Ельникова Е.В. Крестьянское (фермерское) хозяйство в системе российских коммерческих корпораций: вопросы без ответов // Хозяйство и право. 2023. № 3. С. 27–42).

правовых пробелов[1], тем более, что именно в аналогии с механизмом исключения участников хозяйственных обществ практика находит варианты преодоления неопределенности динамики статуса членов некоммерческих корпораций[2].

Еще одним ярким примером того, как появление новых норм корпоративного законодательства вызывает столкновение с правовыми пробелами, можно назвать распространение на непубличные акционерные общества механизма исключения недобросовестного акционера (п. 1 ст. 67 ГК РФ). При отсутствии конкретизации именно для формы АО порядка выплаты исключенному акционеру действительной стоимости принадлежащих ему акций возникает естественная потребность в применении норм, регулирующих сходные отношения (в рамках ООО), по аналогии, что отмечается практикующими юристами[3], приветствуется в науке[4] и реализуется в судебной практике[5].

Вывод о возрастании роли аналогии на уровне поднормативного правовосполнительного использования может быть распространен на оценку значимости аналогии *в нормативной сфере частного права*. Стратегическая устремленность на формирование цифровой экономики на фоне возрастающих возможностей использования электронных технологий и робототехники влечет лавинообразное вовлечение в экономическую деятельность новых объектов, процессов и появление новых частноправовых отношений, (связанных с использованием технологии распределенных реестров, цифровых активов, криптовалют, виртуальных офисов, смарт-контрактов, юнитов искусственного интеллекта и т.п.), что повышает плотность сферы правовой пустоты, сдавливает «шар» нормативного массива и требует более частого обращения к аналогии как творческой основе нормотворчества и более интенсивному включению в нормативный массив относительно определенных норм-аналогий.

---

[1] О вариантах вероятных аналогий и аргументации вывода о недопустимости преодоления данного пробела при помощи аналогии закона см.: Микрюков В.А. Аналогия в механизме моделирования юридической личности крестьянского (фермерского) хозяйства / VI пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): Избранные материалы / Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 306–311.
[2] Постановление АС Московского округа от 17.05.2021 № Ф05-9709/2021.
[3] Краецкая Е. Исключение акционера из общества // Юридический справочник руководителя. 2023. № 1. С. 66–74.
[4] Абдулкадиров Т. Принудительное исключение участника из непубличной компании. М., 2021. С. 91.
[5] Постановление АС Северо-Западного округа от 14.06.2017 № А21-4475/2016.

Необходимость объемного частноправового нормотворчества при отсутствии у отечественного законодателя должного опыта и традиций в новых сферах предопределяет более активное использование *сравнительно-правовых аналогий*, включая аналогическое применение в российском праве известных иностранных юридических конструкций (институтов и инструментов) – так называемых «правовых трансплантантов»[1].

Конечно, при недостаточном внимании к особенностям российской цивилистической матрицы инициативы по внедрению в гражданское законодательство аналогов зарубежных конструкций могут потерпеть неудачу, как это имело место при воспринятой в доктрине не иначе как *юридический курьез*[2] попытке «пересадить» на российскую вещно-правовую «почву» характерный для англо-саксонской правовой семьи институт доверительной собственности (траста)[3]. Но в целом на сегодняшний день можно наблюдать немало удачных (с некоторыми оговорками[4]) «трансплантаций». Так, в 2008-2009 годах на базе опыта ряда иностранных государств[5] российский законодатель институционализировал корпоративные договоры (включая акционерные соглашения), а в 2015 году благодаря адаптации широко используемых за рубежом институтов *indemnity*[6], *warranties and representations*[7] обогатил ГК РФ востребованными в частноправовых отношениях механизмами возмещения потерь и заверений об обстоятельствах.

Одной из недавних долгожданных новелл, основанных на применении сравнительно-правовой аналогии и выявленных за рубежом преимуществ конструкции – донора (простота, удобство, автоматизм[8], содействие венчурным

---

[1] Watson A. Legal Transplants: an Approach to Comparative Law. (2 ed.). University of Georgia Press. 1993. P. 21–31.
[2] Казаков А. К вопросу о рецепции траста российским правом // Корпоративный юрист. 2006. № 7. С. 20–25.
[3] Указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 1. ст. 6. Утратил силу с принятием второй части ГК РФ.
[4] Василевская Л.Ю. Институты иностранного права в Гражданском кодексе Российской Федерации: новое регулирование–новые проблемы // Судья. 2016. № 10. С. 10–13.
[5] Kulms R.A. Shareholder's Freedom of Contract in Close Corporations–Shareholder Agreements in the USA and Germany // European Business Organization Law Review. 2001. Vol. 2. Iss. 3-4. P. 685–701.
[6] Courtney W.B. The Nature of Contractual Indemnities // Journal of Contract Law. 2001. Vol. 27. № 1. P. 1–17; Daniels M. Substantive and Procedural Aspects of Indemnity Practice: A Practical View for California Lawyers // Stanford Law Review. 1974. Vol. 26. № 3. P. 577–584.
[7] Adams K.A. A lesson in drafting contracts: What's up with «representations and warranties»? // Business Law Today. 2005. Vol. 15. № 2. P. 33.
[8] Feld B., Mendelson J. Venture Deals: Be Smarter than your Lawyer and Venture Capitalist. Third Edition. John Wiley & Sons, Inc. 2013. P. 108.

инвестициям[1]) явилось закрепление допустимой вариации взаимодействия венчурных инвесторов и предпринимателей, долгое время не находившей места в российском корпоративном законодательстве, в виде конвертируемого займа[2] – модели долгового финансирования непубличного общества, начинающего реализацию коммерческого проекта, с гарантированным специальными юридическими средствами условием о том, что к определенному сроку по усмотрению кредитора данное общество либо возвратит заем с оговоренными процентами либо передаст кредитору соразмерную долю корпоративного участия в капитале заемщика[3].

Указанные обстоятельства приводят к выводу, что нормативное закрепление и методика реализации алгоритма принятия и обоснования правовых актов с использованием аналогии нуждаются *не в противопоставлении принципу законности, а в постоянном уточнении* с учетом актуального состояния и перспектив развития системы общественных имущественных и неимущественных связей, подлежащих частноправовому регулированию. Только путем постепенного накопления опыта борьбы с неопределенностью, неполнотой, дефектностью и неадекватностью нормативно-правового и договорного регулирования, в том числе методом проб и ошибок, могло быть рождено новое апостериортное знание, новое конструктивное отношение к ясным, но слишком лаконичным законодательным правилам об аналогии закона и аналогии права. Поэтому для создания необходимого учебного и методического фундамента указанного процесса требуется, чтобы более глубокий и содержательный материал, выходящий за рамки азбучных сведений теории права об аналогии как способе преодоления законодательных пробелов и об отличиях аналогии закона и аналогии права, проиллюстрированный примерами аналогической правореализационной и правоприменительной практики, появился не только в учебниках по ключевым частноправовым дисциплинам (гражданского, семейного, корпоративного права),

---

[1] Ibrahim D.M. Debt as Venture Capital // University of Illinois Law Review. 2010. Vol. 4. P. 1169–2010.
[2] ФЗ от 02.07.2021 № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5182.
[3] См. подробнее: Mikryukov V.A. Russian Analogue of the Legal Structure of a Convertible Loan // Laplage Em Revista. 2021. Vol. 7. № 3. P. 634–644.

но и в частноправовых разделах учебных курсов комплексных предметно-функциональных и деятельностных отраслей. При этом сферой наивысшей концентрации учебных сведений по вопросам использования правовых аналогий может стать предпринимательское право, которое со свойственной разнохарактерностью элементов в структуре предмета предполагает комплексный подход к изучению аналогии как одного из не только формально легитимных, но и универсальных (сквозных) средств регулирования и горизонтальных, и вертикальных экономических связей частных лиц.

Уточнение условий применения аналогии закона и аналогии права в механизме регулирования частноправовых отношений

Буквальное толкование действующих материальных и процессуальных норм института аналогии в частном праве позволяет сформировать общий алгоритм рассуждений, удерживающий аналогическое правовосполнительное применение в рамках законности и обеспечивающей достижение баланса различных, но равнозначимых частных интересов.

Если представить этот алгоритм на примере положений ст. 6 ГК РФ об условиях и порядке применения по аналогии норм гражданского законодательства, то можно прийти к следующей последовательности обязательных шагов:

- удостовериться, что подлежащая правовой квалификации социальная связь входит в легально определенный круг отношений, регулируемых гражданским законодательством[1].
- установить, что оцениваемые правоприменителем отношения напрямую не урегулированы нормативно, соглашением их участников и отсутствует релевантный обычай, т.е. убедиться, что действительно имеется реальный (а не мнимый) гражданско-правовой пробел[2].

[1] В практике имеют место ситуации, когда суды констатируют публично-правовой характер спорных отношений и отклоняют доводы о применении норм гражданского законодательства по аналогии (см.: Постановление ФАС Уральского округа от 10.01.2007 № А60-13621/06-С7).

[2] Наличие «не замеченного» участниками спорного отношения распространяющегося на них нормативного материала является обычным, распространенным основанием для отказа в применении аналогии закона (см.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 21.10.2008 № А33-4723/08; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 18.09.2009 № А51-1285/2009; Постановление АС Северо-Кавказского округа от 07.08.2020 № Ф08-5934/2020).

- отыскать наличную гражданско-правовую норму, регулирующую сходные со спорным отношения при том, что степень аналогичности в определяющих признаках урегулированных и требующих регламентации социальных связей достаточна по широте (количеству признаков сходства) и глубине (существенности признаков сходства)[1].

- убедиться, что предполагаемая к применению норма, изначально рассчитанная лишь на сходное отношение, не противоречит правовой природе спорной (лакунной) ситуации[2].

- при обращении к аналогии права – также выявить невозможность использования аналогии закона (в силу уникальности спора и отсутствия сходных с пробельными отношений или нормы, регулирующей сходные отношения).

Можно заключить, что суды, как правило, без особых затруднений констатируют необходимость установления совокупности названных условий применения аналогии и не только прямо их перечисляют[3], но и надлежаще воспринимают с учетом базовых целей частноправового регулирования. Вместе с тем, при реализации представленного общего алгоритма следует принять во внимание некоторые уточнения.

Поскольку общепризнанным базовым условием законности применения норм права по аналогии традиционно признается наличие действительного правового пробела, постольку следует согласиться с тем, что, прежде всего,

---

[1] В этом аспекте интересно суждение о том, что вещные и обязательственные правоотношения различны по своей природе и не являются сходными, в силу чего нормы о вещного права неприменимы к обязательствам (см.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 22.06.2007 № А43-26762/2006-12-491). Иной пример: оценивая степень сходства урегулированных законом и спорных пробельных отношений, суды показательно отрицают необходимую аналогичность последствий перепланировки (переустройства) жилых и нежилых помещений и, констатируя существенное различие таковых, не соглашаются с доводом о применении по аналогии закона п. 4 ст. 29 ЖК РФ о допустимости сохранения жилого помещения в переустроенном и (или) перепланированном состоянии к случаям самовольного изменения технических (конструктивных) характеристик нежилых помещений (см.: Постановление АС Поволжского округа от 23.12.2014 № Ф06-17043/2013).

[2] К примеру, суды отвергают возможность применения норм об аффилированности лица по аналогии к России как к участнику акционерных правоотношений ввиду сущностной особенности России как публично-правового образования и в связи с особыми целями, преследуемыми государством при участии в акционерных обществах (см.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 20.02.2008 № А33-33865/05-Ф02-7411/06). Здесь целесообразно отметить, что непротиворечие существу отношений используемого по аналогии правила как условие законности аналогического правоприменения состоит, в том числе, в соответствии результата переноса нормы по аналогии целям регулирования, что высвечивает значимость преамбул и вводных статей нормативных актов в практике преодоления правовых пробелов.

[3] Постановление АС Северо-Западного округа от 26.04.2024 № Ф07-3858/2024.

принципиально важным является установление факта неурегулированности спорных отношений[1]. Однако в этом моменте положения института аналогии не отличаются четкостью и полнотой.

Так, в гражданско-правовой сфере критерий наличия требующего обращения к аналогии правового пробела определяется как если спорные отношения «не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай» (п. 1 ст. 6 ГК РФ). Как видно, отсутствует однозначность в том, возможно ли считать неурегулированными отношения, если имеется специальный индивидуальный регулятор, прямо не поименованный в тексте п. 1 ст. 6 ГК РФ, например, решение собрания, односторонняя сделка, решение единственного учредителя (участника), устав или внутренний документ юридического лица[2].

В свете того, что до настоящего времени нельзя назвать единообразными и устоявшимися доктринальные подходы к решению проблемы соотношения юридической природы указанных регуляторов (например, представлен взгляд, что решение единственного участника юридического лица не является сделкой[3] или что устав юридического лица, напротив, является таковой[4]), но с учетом их неоспоримой регуляторной способности, реализация которой явно исключает пробельность соответствующих гражданско-правовых отношений, видится необходимым образом уточнить (дополнить) в тексте ст. 6 ГК РФ в качестве условия применения норм гражданского права по аналогии отсутствие всех указанных регуляторов[5].

Прорабатывая необходимость установления действительного пробела как основного условия для законного применения правовых норм аналогии, нельзя не

---

[1] Абдуллаев Л.Ш. Аналогия закона и проблема источников гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 464–473.

[2] В практике имеют место казусы, когда суды отвергают доводы о применении аналогии закона, ссылаясь на урегулированность спорных отношений уставом организации (см.: Определение Московского городского суда от 24.11.2021 № 33-47266/2021; Постановление АС Волго-Вятского округа от 19.11.2019 № А28-1847/2019), что подтверждает практическую значимость обнаруженной неопределенности.

[3] Илюшина М.Н. Односторонние юридически значимые волеизъявления сторон как правомерные волевые акты, влияющие на гражданские правоотношения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 3–8.

[4] Дроздов П.В. О проблеме правовой природы устава юридического лица // Хозяйство и право. 2023. № 5. С. 3–10.

[5] Предлагаемая формулировка представлена в заключении настоящей работы.

обратить внимание на неединичные факты аналогического применения законодательства «contra legem», когда с формальной точки зрения нельзя говорить о пробеле в позитивном частном праве и отсутствует главный критерий законности использования аналогии как правоприменительного инструмента, однако существующее регулирование не способно адекватно отреагировать на некоторые «мутации» известных праву социальных связей, в результате которых у последних в конкретных социально-экономических условиях проявляются новые черты, игнорирование которых не позволяет должным образом сбалансировать частные интересы и соблюсти базовые частноправовые принципы – признания равенства субъектов частного права, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления субъективных частных прав, обеспечения восстановления и судебной защиты нарушенных прав.

К примеру, отмечено, что в практике разрешения споров в сфере подрядных отношений встречаются такие акты, в которых суды *contra legem* самостоятельно выстраивают генеральную иерархию способов защиты прав заказчика по п. 1 ст. 723 ГК РФ, предписывая заказчику во всяком случае сначала потребовать устранения недостатков от подрядчика и только затем претендовать на компенсацию расходов по их устранению своими силами, даже когда право заказчика предъявить именно такое (второе) требование прямо согласовано в договоре[1]. В подобных казусах суды не ссылаются прямо на аналогию, но исходят из того, что всякий заказчик, действуя добросовестно, соблюдая принцип сотрудничества и разумный баланс интересов сторона обязательства, должен предпринять меры по привлечению подрядчика к устранению недостатков[2], т.е. прибегают к аналогии права латентно. Все более частые случаи принятия решений вопреки имеющимся нормам закона (п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 5 ст. 16 ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»[3]) происходят в сфере семейных

[1] Лухманов М.И. Проблемные вопросы возникновения и реализации права заказчика на взыскание расходов на устранение недостатков результата работ / Проблемы строительного права: сборник статей. Сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2022. Вып. 1. С. 147–181.
[2] Постановление АС Центрального округа от 18.11.2019 № А68-9265/2018.
[3] СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

отношений, связанных с попытками одиноких матерей или одиноких отцов зарегистрировать факт рождения ребенка, выношенного суррогатной матерью, что объясняется (без опоры на аналогию) основополагающей семейно-правовой целью защиты интересов детей и их генетических родителей[1].

Имеет место практика правоприменения *contra legem*, в основание которой институт аналогии положен открыто и официально. К примеру, еще до принятия п. 1 ст. 308.3 ГК РФ о взыскании «судебной неустойки» при неисполнении ответчиком решения суда, именуемой в литературе как «астрент»[2], Пленум ВАС РФ обозначил позицию, *contra legem* предоставившую судам правомочие взимать с ответчика в пользу истца денежный штраф при неисполнении судебного акта по неденежному требованию в целях компенсации за ожидание истцом соответствующего исполнения (и одновременно для стимулирования к реальному исполнению)[3]. Пленум в обоснование данной позиции формально не сослался на аналогию права, но вряд ли возможно усомниться в том, что именно обращение к смыслу положений п. 2 ст. 6 ГК РФ позволило суду задействовать общемировые принципы и правила разрешения гражданских споров.

Далее, при отсутствии формальной нормативной квалификации кредитного договора в качестве договора присоединения и при наличии в п. 3 ст. 428 ГК РФ (в ред. до принятия ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ) указания, что требование о расторжении или изменении договора, предъявленное стороной, присоединившейся к договору в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, не подлежит удовлетворению, если присоединившаяся сторона знала или должна была знать, на каких условиях заключает договор, Президиум ВАС РФ с опорой на аналогию и прямо ссылаясь на ст. 6 ГК РФ предписал применение к кредитным договорам (в том числе заключенных предпринимателями на стороне заемщика с учетом согласованных с ними

---

[1] Алейникова В.В. Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Закон. 2022. № 6. С. 126–138.

[2] Петрова Е.С. О некоторых проблемных аспектах применения института астрента в российском праве // Российский судья. 2023. № 4. С. 53–56.

[3] Пункт 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6. Постановление утратило силу 23.03.2016.

индивидуальных договорных условий) п. 2 ст. 428 ГК РФ и признал необходимость судебного контроля за разумностью и добросовестностью действий по реализации предусмотренного кредитным договором права банка на одностороннее изменение условий кредитования[1]. Эта судебная позиция явно шла вразрез с буквой закона[2], однако волне отвечала идее обеспечения баланса частных интересов, а потому была в науке воспринята положительно и объяснена действием «сверхимперативного принципа справедливости»[3].

Наиболее ярким, ставшим по существу хрестоматийным примером судебного развития частного права через связку «аналогия права – *contra legem»*, явилась практика оценки через призму принципа добросовестности нормы п. 1 ст. 352 ГК РФ об безусловном сохранении за залогодержателем права залога при переходе права собственности на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу. Вопреки буквальному смыслу указанной нормы Пленум ВАС РФ указал, что, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права), не может быть обращено взыскание на движимый предмет залога, возмездно приобретенный у залогодателя лицом, которое не знало и не должно было знать о том, что приобретаемое им имущество заложено[4].

Можно сказать, что в приведенных примерах суды, применяя аналогию права, утвердительно ответили на известный вопрос: «Должен ли судья … применять закон даже тогда, когда это применение приводит *in concreto* к явной несправедливости? Или же, напротив, суду должно быть предоставлено … право более свободного истолкования, восполнения и даже исправления закона, сообразно требованиям справедливости и велениям судейской совести?»[5]. Иными словами, суды полагают, что аналогия вполне может выступать средством

---

[1] Пункты 2, 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре».

[2] В законе прямо и без оговорок указано, что процентные ставки по кредитам, а также срок кредитования могут быть изменены банком в одностороннем порядке в случае, если это предусмотрено договором (ст. 29 ФЗ от 02.12.1990 № 395-I «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492).

[3] Богданов Д.Е. Вопросы договорной справедливости в отечественной судебной практике // Российский судья. 2012. № 12. С. 33–36.

[4] Пункт 25 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4. Постановление утратило силу 27.06.2023.

[5] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград. 1917. С. 66.

казуального исправления закона сообразно представлениям правоприменителя о балансе частных интересов, добросовестности и справедливости.

Думается, что распространенное применение аналогии вопреки текущей воле законодателя (какой бы она ни была), подобное отмеченным «судьбоносным решениям, установившим регулирование общественных отношений еще до того, как в них вмешался законодатель»[1], а равно длительное воспроизводство аналогической судебной практики *contra legem* при отсутствии должной реакции законодателя, само по себе заслуживает критики как создающее угрозу законности и нормативной стабильности. В этом аспекте, в частности, становится понятным, почему несмотря на явную несправедливость отсутствия возможности дифференциации вторжения в объем дееспособности гражданина соразмерно степени нарушения способности понимать значение своих действий (руководить ими) при очевидной аналогичности последствий психического расстройства и пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, суды принимали во внимание специфику института ограничения дееспособности гражданина и не отваживались прибегать к аналогии, в результате чего Конституционный Суд РФ был вынужден указать федеральному законодателю на необходимость нормативно уточнить порядок гражданско-правового регулирования данной сферы в целях наиболее полной защиты субъективных частных прав и интересов граждан, страдающих психическими расстройствами (имеется в виду известное Постановление от 27.06.2012 № 15-П по жалобе И.Б. Деловой)[2]. Ясно, к примеру, и то, почему в ситуации, когда вследствие признания жилого дома аварийным, изъятия жилого помещения у собственника (с выплатой компенсации) формальное прекращение ранее сохранившегося при отказе от участия в приватизации права проживания бывшего члена семьи собственника выглядит очевидным (прекратил существование объект права), но несправедливым (гражданин, имеющий определенные жилищные гарантии, после признания жилого помещения непригодным для проживания оказывается

[1] Егоров А.В. Изменение закона как форма его аутентичного толкования // Закон. 2022. № 5. С. 14–36.
[2] Останина Е.А. Институт недееспособности с точки зрения защиты стабильности гражданского оборота // Закон. 2021. № 2. С. 150–161.

лишенным не только этих гарантий, но и какой-либо поддержки со стороны публичной власти), суды отказались от непосредственного применения принципов жилищного законодательства через аналогию права, что в итоге потребовало конституционно-правовой реакции и побуждения законодателя к прямому нормативному решению данного вопроса[1].

Общее отрицательное отношение к проявлениям такого рода «исправительного» применения аналогии вытекает и из того, что при его реализации вопреки текущей воле законодателя происходит существенная модификация (вплоть до устранения ключевых характеристик) устоявшихся частноправовых конструкций (как это имело место с конструкцией залога), устанавливаются новые виды гражданско-правовой ответственности (что нагляднее всего усматривается в ситуации с астрентом) и вводятся дополнительные основания недействительности как причины разрушения гражданско-правовых связей (как это происходило при внезаконной защите слабой стороны договора).

Другое дело, что стабильность – не единственная и не решающая ценность правового регулирования, а потому возможно искать оправдание точечному правоприменению *contra legem* как обеспечивающему целесообразность и справедливость при развитии законодательства[2].

Прежде всего, важно понять, как с юридико-технической стороны объяснить установление пробела (как условия аналогии) при наличии действующей нормы, прямо регулирующей спорное отношение. В этом вопросе представляется возможным квалифицировать обнаруживаемые судами ситуации, требующие применения частноправовых норм по аналогии *contra legem*, как *правовые аномалии* – нормативные пробелы особого рода, обусловленные отсутствием «истинной нормы права» – целесообразной и эффективной нормы[3], в которой к минимуму сведено «противоречиво-напряжённое отношение между сущей и должной деятельностью», когда должной с юридической точки зрения становится

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 21-П.
[2] Гамбарян А.С. Развитие права вопреки закону (contra legem) в Республике Армения // Государство и право. 2023. № 5. С. 145–157.
[3] Соловьева И.А. О возможности применения понятий «Истинный» и «Ложный» при исследовании норм права // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 22–26.

общепринятая, творческая, полезная, инициативная деятельность, т.е. нормы, имеющей свойство «отражать тип, вид, уровень либо элемент развития прогрессивной человеческой деятельности»[1], причем отражать её «правильно, адекватно и на перспективу»[2].

Как видно, реагируя на правовые аномалии, в некоторых ситуациях суды используют аналогию неаргументированно и латентно. Это не только умаляет ценность аналогии как эффективного и позитивного (желательного к применению) правового средства, но и лишает принимаемые акты должного юридического проводника к истинному источнику регулятивного воздействия, восполняющего (казуально заменяющего) ложные нормы права – правовым принципам, за которыми наука традиционно признает функцию исправления[3]. Поэтому для оправдания судебного активизма и решения суда «успокоить» правовую аномалию видится необходимым не только констатировать отсутствие истинной нормы, но и прямо, открыто и мотивированно опираться на механизм аналогии права.

Наконец, учитывая историческое «тесное соприкосновение» суда с материальным правом[4], соглашаясь с тем, что *субсидиарные* усилия судов в правообразовании действительно являются допустимыми и даже необходимыми[5], и поддерживая идею, что основанные на принципах добросовестности и справедливости судебные позиции должны участвовать в формировании правовых норм [6], важно уточнить, что речь должна идти исключительно об антиципации судом законодательных изменений, своего рода конклюдентной правотворческой инициативе[7]. Иными словами, с позиции законности отмеченная аналогическая практика *contra legem*, осуществляемая в устремлении добиться справедливости и

---

[1] Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. С. 349.
[2] Чернявский А.Г. Действительность, истинность, правомерность // Образование и право. 2021. № 2. С. 86.
[3] Зайцева Н.В. Поведенческие стандарты в системе частноправовых отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 1. С. 97–120.
[4] Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. М.: Книга по Требованию. 2012. С. 9.
[5] Прокопович Г.А. Судебное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Российский судья. 2015. № 5. С. 17–20.
[6] Шуберт Т.Э. Влияние судебной практики на законотворческий процесс // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 160–170.
[7] Именно так и произошло в упомянутых ситуациях, когда суд предвосхитил появление новой нормы подп. 2 п. 1 ст. 352 ГК (в ред. ФЗ от 21.12.2013 № 367-ФЗ), кардинальное изменение формулировки п. 3 ст. 428 ГК РФ (в ред. ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ), закрепление «судебной неустойки» в ст. 308.3 ГК РФ (введена ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ).

обеспечения баланса частных интересов, может оцениваться нейтрально или положительно лишь в аспекте поддержки развития права.

Изложенное позволяет сделать еще одно уточнение к алгоритму применения гражданско-правовых норм по аналогии, поддерживающее законность и обеспечивающее должную сбалансированность частных интересов: в случае обнаружения правовой аномалии (отсутствия истинной нормы частного права) при надлежащем обосновании не исключается возможность аналогического правоприменения *contra legem*.

Решение вопроса о соотношении частноправовой аналогии и законности традиционно затрагивает проблему определения правовой сущности *результата* применения правовых норм по аналогии.

Когда речь идет об устоявшейся, широко воспроизводимой при разрешении конкретных споров и (или) зафиксированной актами высших судебных инстанций *аналогической судебной практики,* принято рассуждать о наработанных «правоположениях» – искусственно созданной и умозрительно обоснованной видными отечественными теоретиками права (С.Н. Братусем и А.Б. Венгеровым[1], В.П. Реутовым[2]) научной категории («теоретической находке с перспективным значением», как ее охарактеризовал С.С. Алексеев[3]), обозначающей в общем виде результат судебной практики, типовое решение (образец, накопленный опыт) применения юридических норм.

Поскольку в правоположениях неизменно усматривается «известная степень нормативности, обобщенности и обязательности»[4], «общий характер, реальное относительно самостоятельное действие»[5], и внесение в правовое регулирование общественных отношений «элемента новизны»[6] постольку встает практический

---

[1] Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики. В кн.: Судебная практика в советской правовой системе, под ред. С.Н. Бртуся. М., «Юрид. лит». 1975. С. 16, 17.

[2] Реутов В.П. О понятии юридической практики: Ученые записки № 300 // Государство, право, законность: Ученые записки Пермского университета. Пермь. 1974. Вып. 5. С. 79–93.

[3] Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. С. 480.

[4] Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 26.

[5] Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 6. С. 7–15.

[6] Безина А.К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма. Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань. 1980. С. 38.

вопрос о законности такого рода судебного нормотворчества и доктринальная проблема соотнесения правоположений с источниками (норм) права.

В большинстве случаев ученые констатируют формальную недопустимость отнесения результатов деятельности судов к числу источников правовых норм, указывают, что суд может формулировать не положения права, а только положения, вытекающие из норм права, хотя и признают определенное влияние правоположений как на последующую правоприменительную практику, так и на нормотворчество[1].

Некоторые авторы полагают возможным причислить практику высших судов к правотворчеству «условно»[2]. В этом аспекте отмечено, что правоположения нередко становятся «прообразами» будущих юридических норм[3]. Схожим образом «правоположения» раскрываются через иные изначально неясные понятия, отграничивающие правоположения от строгого понимания «источник права»: «правовая позиция»[4], «судебное обыкновение»[5], «судебный обычай»[6], «деловое обыкновение, выработанное практикой применения норм и принципов»[7], «потенциальный»[8], «вспомогательный»[9] или «нетипичный»[10] источник права и др.). С учетом того, что у любого решения суда, принимаемого при дефектности (пробельности) нормативного регулирования, имеется более глубокая и широкая «связанность с правом», некоторые такие позиции дополняются суждением о явной

---

[1] Гумеров Л.А., Краснов А.В., Скоробогатов А.В. Преодоление пробелов в праве в процессе судебного правоприменения // Российское правосудие. 2022. Специальный выпуск: К X Всероссийскому съезду судей. С. 48–59; Туменова А.А. Позиции судов в России. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 39–47; Филимонова А.И., Кулакова О.С. Кто есть суд: правоинтерпретатор или правотворец? // Российский судья. 2021. № 7. С. 7–12.

[2] Пчелинцев А.В., Шепелев А.Н. Теория правотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2. С. 12–15.

[3] Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20–29.

[4] Гатауллин Р.А. Правоположения как элемент правовых позиций судебных органов в системе юридических гарантий // Российский судья. 2022. № 12. С. 35–40.

[5] Пронин К.В., Францифоров Ю.В. Применение аналогии в реализации судом дискреционных полномочий по уголовному делу // Современное право. 2009. № 9. С. 94–99.

[6] Кучин М.В. Формы судебного нормотворчества // Российский юридический журнал. 2018. № 3. С. 9–23.

[7] Карташов В.Н. Институт аналогии в советском праве. Вопросы теории: Учебное пособие. Под ред.: Матузов Н.И. Саратов, 1976. С. 32.

[8] Гончаров А.И., Квициния Н.В. Квазинормы Верховного Суда Российской Федерации как «потенциальный» источник гражданского права // Цивилист. 2022. № 4. С. 62–68.

[9] Иншакова А.О., Кагальницкова Н.В., Балтутите И.В. Аналогия закона, аналогия права и акты судебного толкования, как вспомогательные источники гражданского права // Современная научная мысль. 2016. № 3. С. 228–238.

[10] Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 5–27.

необходимости легализовать правоположения в системе официальных источников права[1] (и даже неизбежности таковой, поскольку «гибкое» судебное нормотворчество объективно существует[2]) или более сдержанно – хотя бы закрепить за ними силу «убеждающего прецедента»[3].

Другие, напротив, считают, что, восполняя пробелы, суд создает такие правоположения, которые «приравниваются в определенном смысле к законодательным установлениям»[4], полагают возможным использовать термин «источник» где содержится как норма, так и «подменяющее ее правоположение по преодолению пробелов в праве»[5], прямо признают деятельность по выработке правоположений общего характера судебным нормотворчеством[6], называют аналогию закона источником материального и процессуального права[7].

Имеют место попытки примирить указанные позиции, что приводит к некоторой противоречивости и выглядит довольно уклончиво. В частности, А.Н. Обыденнов приходит к выводу, что правоположения судебной практики подпадают под признаки нормы права и носят нормативный характер, но оговаривает, что в силу специфичности их (правоположения) правильнее было бы называть не нормами, а квазинормами права, что, тем не менее, не мешает ученому продолжать настаивать на признании за ними роли источников права[8]. В свою очередь, Ю.Ю. Надежин называет спор о формальных препятствиях для наделения судебной практики статусом источника права практически иррелевантным, признавая, что таковая имеет существенное влияние как непосредственно на

---

[1] Так, по мнению Л.А. Фоминой, судебная практика является источником права фактически, и *должна быть* признана таковым официально, поскольку объективно способствует преодолению неполноты права, выраженного в традиционных источниках (Фомина Л.А. Пробелы в гражданском праве России: понятие, сущность, способы преодоления: Монография. Волгоград, 2008. С. 163).

[2] Лаптев В. А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации. Дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 2018. С. 18, 298, 312.

[3] Анишина В.И. Правовая природа актов судебного правотворчества // Журнал российского права. 2006. № 10(118). С. 124–133.

[4] Лазарев В.В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 5–17.

[5] Лазарев В.В., Гаджиев Х.И. Основные источники (формы) судебного права // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 5–22.

[6] Гук П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex russica. 2016. № 7. С. 14–27; Чунина М.С. Роль судебного нормотворчества в совершенствовании законодательного регулирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 11–24.

[7] Попондопуло В.Ф. Источники и внешние формы выражения предпринимательского права // Российский юридический журнал. 2022. № 1. С. 120–129.

[8] Обыденнов А.Н. Правоположения судебной практики // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 115–117.

правоприменителей, так и опосредованно на общество в целом[1].

Думается, что при отсутствии нормативной квалификации попытки теоретически уместить сущность, обозначаемую понятием «правоположение», в какой-то конкретный элемент системы регулирования частноправовых отношений тщетны. С одной стороны, наработанные в результате использования аналогии судебные подходы ввиду отсутствия признаков официального властного признания и гарантированной силой государства общеобязательности явно не относятся к нормативному уровню системы правового регулирования (*de jure* не являются объективными источниками права). С другой стороны, в силу устойчивости, определенности и общего характера) правоположения явно выходят за рамки индивидуально-правового поднормативного сегмента правового воздействия, включая, помимо прочего, результаты внесудебной (бесконфликтной) аналогической правореализационной практики (выполняют функцию источников права *de facto*).

Разрешение данного противоречия видится в том, чтобы признать результаты аналогической частноправовой практики в качестве имеющей особую (самостоятельную) сущность, не укладывающейся в ряд официально признанных элементов объективного бытия права (ни в число нормативных, ни в разряд индивидуальных регуляторов), а находящейся и обретающей свойство нормативности исключительно в субъективной сфере правосознания – своего рода «узловые точки» правосознания, не выходящие за его пределы, то, о чем все знают, но не осязают, увидеть и назвать (обозначить) точно не могут. При таком подходе становится ясным, что созданное в безрезультатных поисках места аналогической практики в системе объективных регуляторов понятие «правоположение» оказалось на деле пустым, своего рода *теоретико-правовым плацебо*.

По аналогии с используемыми философией *идеальными конструктами* (аксиоматическими понятиями, устанавливаемыми по правилам логики и не предполагающими обязательного указания на конкретный денотат, обозначающими нечто недоступное непосредственному наблюдению, но

[1] Надежин Ю.Ю. Вопросы применения арбитражной практики // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 133–168.

выведенное логически на основе наблюдаемых признаков[1]) возможно обозначить указанную сущность новым правовым понятием – *правовой конструкт,* являющий собой *идеальный аналог реальной нормы* – формируемый в правосознании человека (группы людей, общества в целом) посредством аналогии правовой эталон, с помощью которого осуществляется восприятие и юридическая оценка входящих в сферу правового регулирования частных отношений, оказавшихся без должного нормативного либо индивидуального регулятора.

Признаками, логически выражающими сущность правового конструкта, выступают:

- сформированность при реализации или применении права в порядке аналогии в условиях отсутствия адекватного нормативного и индивидуального регулятора (что отличает субъективные правовые конструкты от так называемых прецедентов толкования, когда интерпретатор не выходит за пределы существующей нормы права);
- пригодность для неоднократного использования при схожих фактических обстоятельствах (общий характер);
- устойчивость (повторяемость, вопроизводимость, накопленность, либо предварительная зафиксированность судебным актом);
- прикрепленность к имеющемуся объективному регулятору, используемому в порядке аналогии.

Правовой конструкт образуется в результате использования аналогии как средства преодоления правового пробела (как творческой основы казуального правореализационного решения) и одновременно как интеллектуального инструмента распространения выработанного аналогического решения на схожие случаи, из чего следует, что аналогия выступает формой существования правового конструкта. К слову, такое представление укладывается в весьма точное философское (по Лейбницу) восприятие аналогии как универсального средства познания, играющего двоякую методологическую роль: «…как мощный

[1] Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2: Е - М. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В.С. Степин - пред. совета и др. М.: Мысль, 2010. С. 298.

эвристический источник идеальных конструктов и как стимул к их эвристическому совершенствованию»[1].

Следует отметить, что предварительная (не связанная с конкретным практическим затруднением при столконвании с пробелом) фиксация актами высших судебных инстанций аналогического правового конструкта, возникшего на уровне профессионального группового правосознания судейского и (или) научного сообщества (предписанная аналогия), равно как и последующее отражение в таких актах правового конструкта, образованного вследствие накопления массового правореализационного и правоприменительного опыта казуального преодоления правовой неопределенности (интуитивная аналогия), не превращает конструкт в норму права, а формализующие его акты не становятся источниками правовых норм. В этом аспекте корректно говорить не о том, что незакрепленные правовые принципы фиксируются в качестве элемента правосознания или в правоположениях судебной практики[2], а том, что таковые фиксируются в правосознании, включающем правовые конструкты.

Примечательно, что такое восприятие аналогической практики снимает вопрос о ее соотношении с законностью и объясняет способность правовых конструктов к «переконструированию»[3], их изменчивость и подвижность.

§ 5. Аналогия в реализации и применении правовых норм на поднормативном уровне системы регулирования частноправовых отношений

Распознавая аналогию на уровне индивидуального частноправового регулирования в качестве оперативно-распространительного средства реализации и применения правовых норм, следует понимать, что это средство не совпадает с другими аналогическими приемами юридического процесса (толкование по аналогии, аргументация по аналогии, доказывание по аналогии, обоснование по

[1] Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: А - Д. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В.С. Степин - пред. совета и др. М.: Мысль, 2010. С. 104.
[2] Азарова Е.С. Генезис судебной власти // Мировой судья. 2023. № 8. С. 2–6.
[3] Тарусина Н.Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 95–109.

аналогии), но и не противостоит таковым, имея с ними единую логическую основу. Иными словами, если соответствующий уровень системы раскладывается на подуровни (или стадии) аналогия пронизывает эти подуровни (или стадии) в той мере, в какой это необходимо для восполнения недостаточности правового материала (или знаний о нем).

Свойство аналогии пронизывать поднормативное частноправовое регулирование может быть наглядно продемонстрировано на примере преодоления словесно-цифровой неопределенности договора.

В случае договорного спора важнейшим вопросом для его разрешения является толкование текста договора, поскольку в большинстве случаев именно текст, зафиксированный на каком-либо материальном носителе, выступает «формой объективизации договорных условий»[1]. В свою очередь, в толковании текста ключевой становится проблема неопределенности слов и выражений[2], сам факт возникновения которой требует разрешения противоречия между определенностью или эффективностью, с одной стороны, и точностью или справедливостью, с другой[3], так как несмотря на характерное для права и правовых документов тяготение к точности, ни само по себе письменное закрепление правовых правил и решений, ни догматические правила их толкования не всегда обеспечивают достаточную ясность закрепляемого текстом правового результата[4].

Неоднозначность договора определяется многими факторами, в числе которых распространены описки, ошибки, опечатки и прочие технические дефекты, допущенные в процессе подготовки договора[5]. При этом наиболее ярким, можно сказать, рафинированным примером неопределенности договорных условий представляются ситуации, когда значения используемых в тексте

---

[1] Богданов Д.Е., Богданова С.Г. Способы толкования договора в судебной практике // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 48–56.

[2] Poscher R. Ambiguity and Vagueness in Legal Interpretation. OXFORD HANDBOOK ON LANGUAGE AND LAW, Lawrence Solan & Peter Tiersma, eds., Oxford University Press, 2011. P. 2–7.

[3] Byrne N. Contracting for ‘Contextualism’ – How can parties influence the interpretation method applied to their agreement? // QUT Law Review. 2013. Vol. 13. P. 52–72; Spigelman J.J. Contractual Interpretation: A Comparative Perspective // Australian Law Journal. 2011. Vol. 85. P. 412.

[4] Блинова О.В., Белов, С.А. Языковая неоднозначность и неопределённость в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 11(4). С. 774–812.

[5] Зардов Р.С. О толковании договоров // Вестник арбитражной практики. 2018. № 6. С. 56–64.

количественных величин, будучи продублированными словами и цифрами, расходятся между собой. Соответственно, поиск эффективного механизма установления содержания спорных договорных условий, осложненных словесно-цифровым противоречием, открывает путь к решению общих правовых интерпретационных проблем в аспекте неопределенности договора.

Действующее законодательство не содержит общего требования о дублировании прописью цифровых обозначений количественных величин, указываемых в тексте договора. Только если речь идет о соглашении, облекаемом в нотариальную форму, ст. 45.1. Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[1] указывает на обязательность обозначения относящихся к его содержанию сумм и сроков хотя бы один раз словами[2]. Однако традиция конкретизировать прописью цифры не только в расчетных и первичных документах (для некоторых из таковых соответствующая традиция легализована в подзаконных актах[3]), но и в договорах, исторически сложилось и широко применяется. К примеру, уже в XIX веке договорно-правовая конструкция личного найма применялась в России преимущественно в письменной форме, а рядная плата (ряда) обозначалась одновременно и цифрами, и прописью[4].

В настоящее время практикующие юристы, составители проформ различных гражданско-правовых документов активно предлагают во избежание «возможных разногласий» и «фальсификаций» указывать числа не только цифрами, но и прописью[5], отмечая, что это повышает «наглядность и определенность»[6] соответствующей записи и что вообще «так всегда делалось»[7]. Резон такой

---

[1] Утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

[2] Строго говоря, и здесь требование о расшифровке цифр буквами отсутствует, поскольку все числовые значения в тексте нотариального договора могут быть определены исключительно словами без использования цифр.

[3] Приложение № 1 к Положению Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» // Вестник Банка России. 2021. № 62; пункт 1.1. Положения Банка России от 03.07.2018 № 645-П «О сберегательных и депозитных сертификатах кредитных организаций» // Вестник Банка России. 2018. № 88; пункты 13–16 Приложения № 2 к Постановлению Правительства РФ от 01.10.2020 № 1586 «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» // СЗ РФ. 2020. № 41. Ст. 6428.

[4] Печников А.П., Печникова О.Г. Генезис и эволюция договора возмездного оказания медицинских услуг в российском гражданском праве // Гражданское право. 2012. № 6. С. 36–39.

[5] Чувашев Д.В. Цена договора: практический аспект // Юрист. 2012. № 18. С. 3–10.

[6] Wiggers W.J.H. Drafting contracts: techniques, best practice rules and recommendations related to contract drafting. 2011. URL: https://weagree.com/drafting-principles/the-online-book-drafting-contracts/.

[7] Gentry D. Writing Out Numbers in Contracts: Does it Make Sense? 2016. URL: https://www.gentrylawgroup.com/writing-

практики действительно можно усмотреть в том, что текст договор технически защизается от подделки (не согласованной сторонами допечатки, исправления цифр) или от повреждения (износа) того участка документа, где содержится цифровое обозначение.

Высокая степень компьютеризации и «шаблонизации» договорной работы приводит к тому, что зачастую цифровые и словесные обозначения количественных величин в тексте договора расходятся. Это происходит и по невнимательности специалистов (которые используют готовую «рыбу» договора с какими-то (старыми) суммами и сроками и забывают поменять буквенную расшифровку новых чисел), и вследствие недобросовестности стороны, готовящей текст договора к подписанию. В таких ситуациях в случае возникновения разногласий сторон о том, какому именно обозначению (цифровому или буквенному) следует отдавать приоритет, встает не имеющий однозначного доктринального и правоприменительного ответа вопрос: как преодолеть неопределенность соответствующего условия договора? Необходимо, конечно, оговорить, что сложность представляют именно сущностные разночтения, не связанные с обычными орфографическими ошибками составителей договора. К примеру, суд без труда квалифицировал отсутствие словесно-буквенного расхождения, указав, что фиксация суммы прописью «шесть десять пять тысяч» (с орфографической ошибкой) не свидетельствует о ее несоответствии сумме цифрами – 65 000 руб.[1].

В зарубежной литературе отмечено, что несмотря на существование большого числа научных исследований по контрактному праву, толкование контрактов, в отличие от вопросов, связанных с формированием, защитой, действительностью и средствами правовой защиты, довольно часто игнорируется либо носит абстрактный характер[2]. Аналогичное заключение можно сделать о степени научной проработанности проблем неопределенности и неоднозначности

---

out-numbers-in-contracts/.

[1] Постановление АС Дальневосточного округа от 26.05.2021 № А59-4940/2016.

[2] Posner R.A. The Law and Economics of Contract Interpretation // John M. Olin Law & Economics Working Paper № 229 (2D Series). 2004. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.610983.

в языке права и правовых документах. Вопрос, в какой степени неоднозначность и неопределенность являются помехами для правового документа, активно обсуждается. Соответствующие работы представлены достаточно широко[1]. Однако, будучи нацеленными на изучение, главным образом, лингвистической неоднозначности, обусловленной использованием юристами естественно неопределённого языка, сформировать чёткое представление о том, как следует разрешать словесно-цифровые противоречия именно договорного условия, указанные работы не дают. Соответственно, прикладная проблема восполнения договорных пробелов и преодоления неопределенности условий о величинах, выраженных в тексте договора противоречиво, оказывается лишенной необходимого для ее разрешения специального научного ключа.

Имея в виду, что при недостаточной реакции правовой системы пагубная двусмысленность договорных текстов может легко превратиться в мошенничество[2], доктринальную проработку адекватных средств противодействия такого рода неопределенности необходимо интенсифицировать. Поскольку старейшим[3], привычным и эффективным способом преодоления правовой неполноты частного права признается аналогия, постольку видится важным существлять поиск оптимальных вариантов решения отмеченной проблемы с опорой именно на аналогию, понимаемую при этом не только как аналогию *extra legem*, которая служит для восполнения правовых пробелов и приписывает юридические последствия фактам, не описанным в применимом правовом положении (в рассматриваемом контексте – в положении договора), но и как аналогию *intra legem*, в которой аналогические аргументы используются для толкования правовых правил[4].

Представляется возможным выделить несколько вариантов преодоления буквенно-цифровой неопределенности договорных условий.

---

[1] Asgeirsson H. On the Instrumental Value of Vagueness in the Law // Ethics. 2015. Vol. 125. Iss. 2. P. 425–448; Jónsson O.P. Vagueness, interpretation and the law // Legal Theory. 2009. Vol. 15. Iss. 3. P. 193–214; Torbert P. A Study of the Risks of Contract Ambiguity // Peking University Transnational law Review. 2014. Vol. 2. Iss. 1. P. 1–114.
[2] Solan L. Pernicious Ambiguity in Contracts and Statutes // Chicago-Kent Law Review. 2004. Vol 79. P. 859.
[3] Vida S. Analogies in the case law of the Court of Justice EU // Acta Juridica Hungarica. 2013. Vol. 54 Iss. 3. P. 286–295.
[4] Dajović G. Taking analogy seriously: Statutory analogy in creation and interpretation of law // Pravni zapisi. 2020. Vol. 11 (2). P. 461–503.

Вариант 1. Применение аналогии закона

Представляется вполне естественным то, что при отсутствии общего предписания расшифровывать словами числовые значения в условиях договора законодатель не предусмотрел общую норму о последствиях противоречия между числами, выраженными цифрами и буквами (словами). Лишь применительно к отдельным гражданско-правовым документам (а именно – к являющимся документарными ценными бумагами сберегательным и депозитным сертификатам и векселям) зафиксировано специальное правило о приоритете значения (суммы), указанного прописью[1].

Ощущая, что молчание законодателя по указанному вопросу едва ли намеренно, и квалифицируя данную ситуацию как действительный правовой пробел, некоторые юристы усматривают возможность применения специального правила к более широкому кругу схожих с урегулированным этим правилом отношений в порядке аналогии закона[2].

В ряде случаев суды определяют разногласия о приоритете расходящихся цифровых и буквенных обозначений в тексте векселя и в тексте гражданско-правовых договоров как схожие, придерживаются именно такого подхода при разрешении спорных ситуаций.

Так, в деле о взыскании долга по договору займа, подтвержденному распиской, районный суд взыскал задолженность в сумме 5 630 000 рублей, как она была указана в расписке цифрами, однако кассационная инстанция переоценила имеющееся деле доказательство получения заемных денежных средств, поскольку в расшифровке прописью была указана сумма займа «пять миллионов шестьсот тридцать» рублей. Применив по аналогии закона к спорному отношению норму п. 6 Положения о переводном и простом векселе, и приняв во внимание, что никаких иных дополнений или уточнений к указанной расписке относительно суммы займа

---

[1] См.: п. 10 Письма Банка России от 10.02.1992 № 14-3-20 «Положение «О сберегательных и депозитных сертификатах кредитных организаций» // Деньги и кредит. 1992. № 4; п. 6 Положения о переводном и простом векселе, утвержденного Постановлением ЦИК и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1937. № 52. Ст. 221.

[2] Петросов Р.К. Вопрос: В договоре поставки имеется противоречие между суммой, указанной прописью, и суммой, указанной цифрами. Какой сумме отдается приоритет? // Консультация эксперта. 2017. СПС «КонсультантПлюс».

сторонами не представлено, а представитель истца расхождения в написании указанных сумм в судебном заседании объяснить не смог, вышестоящий суд изменил решение суда в части размера взысканной суммы и взыскал с ответчика в пользу истца 5 000 630 рублей, как она была обозначена в расписке прописью[1].

В схожем деле, оценивая условие договора аренды об ответственности за просрочку внесения арендной платы с формулировкой «за нарушение сроков оплаты аренды арендодатель вправе взыскать с арендатора неустойку в размере 0,01% (ноль целых одна десятая процента) от суммы неоплаты за каждый день просрочки», городской суд удовлетворил требование арендодателя о взыскании с неисправного арендатора суммы неустойки, начисленной на просроченные арендные платежи, исходя из ее размера, обозначенного прописью. Апелляционный суд поддержал данное решение, с одной стороны, отметив, что поскольку в рассматриваемом случае написание в договоре размера неустойки, указанного прописью, не совпадает с размером неустойки, указанного цифрами, с опорой на п. 6 Положения о переводном и простом векселе по аналогии закона противоречия между указанными суммами следует устранять, признавая приоритета прописной суммы, а с другой стороны – сославшись на ст. 431 ГК РФ, которая требует при толковании условий договора принимать во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, неясность которого надлежит устанавливать путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом, и пояснив, что процентная ставка равная 0,01% явно не позволила бы компенсировать истцу потери, которые он понес в связи с неоплатой ответчиком суммы долга в течение длительного срока[2].

Еще в одном деле, когда под сомнением в своей определенности оказалось условие об ограничении максимального размера ответственности сторон по договору (не более 5 (пятнадцати) процентов), суд для подтверждения приоритета словесного выражения спорной величины не только сослался на аналогию закона, но и привел несколько судебных актов по схожим делам, в которых другие суды

[1] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2021 № 2-379/2020.
[2] Постановление Тринадцатого ААС от 01.04.2019 № А56-114097/2018.

поступили схожим образом, т.е. обратился к толкованию по аналогии[1].

Приведенные судебные дела обнаруживают достаточно широкое распространение правоприменительной позиции о возможности восполнения неопределенности условий договора при расхождении словесного и цифрового обозначения количественных величин с помощью аналогии закона (что подтверждает положительную доктринальную репутацию аналогии как удобного и эффективного средства восполнения неполноты права. Кроме того, представленная практика наглядно показывает наиболее типичные случаи появления соответствующих словесно-цифровых расхождений: а) выпадает словесное обозначение разряда числа (тысяч, миллионов и т.п.); б) ошибочно распознается и обозначается прописью разряд десятичной дроби после запятой (десятая, сотая и т.п.); в) не пропечатывается одна из цифр в цифровом обозначении многозначного числа (не 15, а 5, не 50, а 5 и т.п.).

Вариант № 2. Применение обычая

В доктрине представлен подход, тождественный изложенному по итоговому выводу (в случае расхождения числового и словесного значения количественной величины в тексте договора приоритет при толковании соответствующего договорного условия следует отдавать словесному), но обоснуемый тем, что речь идет о действии обычая (ст. 5 ГК РФ) – давно сложившегося и широко применяемого правила поведения[2], при том, что в целом именно в сфере документооборота обычай используется достаточно широко[3]. В некоторых источниках правило «words prevail over numbers or symbols» приводится в числе других не закрепленных в законе общепризнанных правил толкования контрактов, как то: «прямое упоминание чего-то одного исключает все остальные», «конкретное преобладает над общим»[4].

Проявления такого подхода видны и в судебной практике. Так, в деле о взыскании неустойки на основании условия договора, сформулированного как

[1] Постановление Девятого ААС от 07.12.2016 № А40-159569/16.
[2] Оробинский В. Энциклопедия обычаев // ЭЖ-Юрист. 2013. № 41. С. 8.
[3] Панарина М.М. Роль правовых обычаев в современной судебной практике: правовое исследование // Адвокатская практика. 2018. № 3. С. 18–24.
[4] Orsinger R.R. The Law of Interpreting Contracts. 2007. Chapter 8. P. 25.

«поставщик вправе потребовать уплаты пеней в размере 0,05 % (ноль целых одна десятая процента) от суммы просроченного платежа за каждый день просрочки», суды исходили из того, что размер неустойки истцом и ответчиком не согласован, поскольку указанная формулировка договора исключает возможность выяснить действительную волю сторон, в то время как приоритет буквенного выражения над символьно-цифровым из смысла ст. 431 ГК РФ не следует, и отказали в иске. Однако кассация посчитала отказ в иске по указанному мотиву неправомерным, указав, что воля на установление в договорах гражданско-правовой ответственности в виде неустойки является очевидной, а признание приоритета значения сумм и чисел, указанных в договоре прописью, над теми же значениями, указанными в цифрах, является общеизвестным и широко применяемым обычаем[1].

В аналогичном деле, когда речь шла о взыскании неустойки, зафиксированной в тексте договора цифрами как «0,01%», а словами как «один процент» от суммы договора, суд не просто согласился с выводом суда первой инстанции о том, что соответствует действительности и подлежит применению отражение размера неустойки именно словами, поскольку это соответствует обычаю делового оборота (п. 1 ст. 5 ГК РФ), но и подробно объяснил, что это за обычай и почему ему необходимо следовать: а) в данном случае налицо хотя и не закрепленное в законе, но сложившееся, достаточно определенное в своем содержании, широко применяемое правило поведения при установлении и осуществлении гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей, которое в силу ст. 5 ГК РФ может быть применено судом при разрешении гражданско-правового спора вне зависимости от объективизации в каком-либо документе; б) преимущественное значение сумм и чисел, указанных прописью в договоре, над теми же значениямив в цифрах является общеизвестным и широко применяемым обычаем, которое по правилам п. 1 ст. 69 АПК РФ выступает общеизвестным обстоятельством, не нуждающимся в доказывании; в) обычай указывать в документах сумму прописью сложился из известных исторических предпосылок при распространении арабских цифр в X-XV вв., т.е. возник более 700

[1] Постановление АС Северо-Западного округа от 13.10.2021 № А26-10554/2020.

лет назад в связи с необходимостью затруднения ошибки/обмана/подделки, с использованием арабских цифр и повсеместно укоренился во всех сферах, связанных с документооборотом[1].

Следование правилу «слова преобладают над цифрами» обнаруживается и в зарубежной судебной практике. Так, в деле Fetch Interactive Television, LLC v. Touchstream Technologies, Inc., C.A. No. 2017-0637-SG (Del. Ch. Jan. 2, 2019) суд был вынужден интерпретировать условие о сроке в виде «пятнадцать (30)». Констатировав очевидность, что письменные и числовые условия противоречат друг другу до такой степени, что текст «лишен доказательств, позволяющих разрешить эту двусмысленность», суд рассудил, что менее вероятно, что редакционная ошибка возникнет в письменном выражении, а не в числовом, признав приоритет первого[2].

Явно примыкают к позиции о необходимости считать обычным, соответствующим житейской логике и здравому смыслу приоритет прописных значений над цифровыми (причем не только в договорах, но и в иных юридически значимых документах) те суды, которые разрешают спорные ситуации с опорой на ничем не аргументируемую констатацию такого первенства, считая, видимо, что это и так все знают[3].

Исходя из п. 1 ст. 6 ГК РФ, обнаружение судом релевантного ситуации обычая формально исключает применение законодательства по аналогии. Однако, как видно, общий аналогический метод не чужд и этому варианту преодоления неопределенности договорного условия. Фактически речь идет о применении правила, наработанного в результате многократного разрешения аналогичных спорных ситуаций, и суды принимают решения, основываясь на толковании по сходству с тем, как это принято делать, и воспринимая *аргументацию по аналогии*.

Вариант № 3. Буквальное толкование текста договора

---

[1] Постановление Девятого ААС от 30.10.2019 № А40-95283/2019.

[2] Pileggi F. Words Prevail Over Conflicting Numbers in Contract // Delaware Corporate & Commercial Litigation Blog. 2019. URL: https://www.delawarelitigation.com/2019/01/articles/chancery-court-updates/words-prevail-over-conflicting-numbers-in-contract/.

[3] Постановление АС Уральского округа от 16.11.2017 № А47-45/2017; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.03.2004 № А70-8184/18-2003.

От двух изложенных кардинальным образом отличается подход, согласно которому в случае расхождения литерального и цифрового обозначения в тексте количественной величины соответствующее договорное условие следует считать несогласованным и, соответственно, если такое условие по природе конкретного договора является существенным – признавать договор незаключенным. Если речь идет о цене, то некоторые авторы полагают, что практика в подавляющем большинстве случаев исходит из существенности такой опечатки как несоответствие цены, указанной цифрами и прописью, и признает подобное указание на цену неопределенным ввиду невозможности установить действительную волю сторон[1]. Можно привести примеры, основанные именно на таком подходе в контексте п. 1 ст. 431 ГК РФ. Так, в деле по иску о взыскании договорной неустойки за просрочку оплаты результатов подрядных работ суды, проанализировав пункт спорного договора об обязанности заказчика уплатить неустойку «в размере 0,01% (ноль целых одна десятая процента) от суммы неоплаченных работ за каждый день просрочки», указали, что размер неустойки в данном пункте не определен ввиду несовпадения цифрового его значения с указанной в скобках словесной расшифровкой, и при этом отвергли доводы истца, обращавшегося к ст. 5 ГК РФ[2]. К схожему выводу суды пришли при разрешении спора в рамках договора продажи недвижимости, когда цифрами записана цена объекта «2 820 000 руб.», а прописью указано «два миллиона двести восемьдесят тысяч руб.», признав договор незаключенным, поскольку он не содержит существенного условия – цены объекта продажи[3]. К слову, в последнем примере демонстрируется еще один типичный случай буквенно-цифрового расхождения – так называемые «перевертыши» пар чисел типа 12-21, 696-969, 2255-2525 и т.п.

Приведенные примеры в контексте рассматриваемого вопроса о толковании текстуально расходящихся договорных величин подтверждают общее наблюдение, что суды, следуя ст. 431 ГК РФ, часто отдают предпочтение доктрине литерализма,

---

[1] Бычков А. Несоответствие цены, указанной цифрами и прописью // Финансовая газета. Региональный выпуск. 2011. № 37. С. 5.
[2] Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 26.04.2017 № А33-19268/2016.
[3] Постановление ФАС Дальневосточного округа от 18.01.2005 № Ф03-А73/04-1/3852.

ограничивая толкование договора «четырьмя углами страниц документа»[1]. По всей видимости, придерживающиеся такого подхода суды опираются на идею «контракты должны заключаться сторонами, а не судами» и считают словесно-цифровую противоречивость договорного условия неопределённостью такого уровня, который делает соглашение юридически не имеющим силы[2].

Формалистический подход к интерпретации базируется на предполагаемой способности языка идеально выражать намерения сторон, определенные с точки зрения объективного третьего лица, и идее, что строгий формализм ведет к желаемой для договорного права предсказуемости, однако его реальное применение может привести к игнорированию фактического намерения сторон[3]. Действительно, при таком толковании спорных условий договора несовпадение значения словесных и цифровых записей количественных величин воспринимается не как неясность соответствующих условий (наоборот, в представлении каждой из спорящих сторон они видятся совершенно понятными, только одна указывает на согласование цифрового обозначения, а другая – словесного), а как отсутствие юридически значимого продукта непротивления сторон. Данный вариант преодоления буквенно-цифровой неопределенности фактически оказывается деструктивным, приводящим к отрицанию согласования воль и к критическому отношению суда к тексту соответствующих документов[4].

Метод аналогии в представленном варианте решения исследуемой проблемы оказывается по объективным причинам невостребованным. Он может подключаться к решению спорной ситуации только когда признанное несогласованным договорное условие не является существенным для конкретного вида договора и может быть компенсировано диспозитивными нормами закона. К примеру, если речь идет о неопределенности цены возмездного договора, то согласно п. 3 ст. 424 ГК РФ она приравнивается к цене, которая при сравнимых

---

[1] Богданов Д.Е., Богданова С.Г. Способы толкования договора в судебной практике // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 48–56.
[2] Ben-Shahar O. 'Agreeing to Disagree': Filling Gaps in Deliberately Incomplete Contracts // Wisconsin Law Review. 2004. № 2. P. 389–428.
[3] Dubroff H. The Implied Covenant of Good Faith in Contract Interpretation and Gap-Filling: Reviling a Revered Relic // St. John's Law Review. 2006. Vol. 80. Iss. 2. P. 559–619.
[4] Постановление Шестнадцатого ААС от 28.10.2021 № А63-21011/2019.

обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги. Соответственно, перед судом встает вопрос о критериях сопоставления аналогичных обстоятельств и аналогичных предметов исполнения.

Вариант № 4. Установление значения спорного условия путем его сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом, а также выяснение действительной общей воли сторон с учетом цели договора и сопутствующих обстоятельств

Изолированное буквальное толкование договорного условия, содержащего не различающиеся между собой цифровые и словесные обозначения одной и той же количественной величины, действительно не позволяет выявить суть достигнутой сторонами договоренности. Однако п. 1 ст. 431 ГК РФ определяет, что буквальное значение условия договора в случае неясности устанавливается путем сопоставления с другими его условиями и смыслом договора в целом. Более того, в отличие от ст. 1132 ГК РФ, не предоставляющей возможности при толковании завещания устанавливать предполагаемую волю завещателя с использованием внешних доказательств (индивидуальные особенности жизни завещателя, письменные документы, высказывания) и не обязывающей интерпретатора «узнавать завещателя и смотреть его глазами»[1], применительно к толкованию договора п. 2 ст. 431 ГК РФ устанавливает, что если соотнесения спорного условия с иными условиями договора и его общим смыслом ясности не добавило, следует выяснить действительную общую волю сторон с учетом цели договора и всех соответствующих обстоятельств, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, их обычаи и последующее поведение.

Иными словами, данная норма ГК РФ подтверждает, что академический спор вокруг того, лучше ли текстуальный подход (простой смысл и подход с четырьмя углами документа) или контекстуальный подход (использование внешних доказательств), является ложной дихотомией[2], поскольку в действительности

[1] Петров Е.Ю. Толкование завещания. Перспективы развития российского наследственного права // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 147–157.

[2] White N.J. The Contract Interpretation Two-Step: Step One, Ambiguity Determination and Step Two, the Battle of the Two

подлежат использованию оба варианта на разных этапах толкования.

Такой «метаинтерпретационный»[1] подход не предполагает выяснения, какому из расходящихся значений (словесному либо цифровому) следует отдавать приоритет изначально, поскольку соответствующим реальной воле (предпочтениям) сторон может (в зависимости от обстоятельств) оказаться любое из них. Например, сомнение в размере неустойки, обозначенной по-разному словами и цифрами одной стороне, можно устранить через сравнение с размером неустойки, предполагаемой к начислению другой стороне, поскольку в большинстве случаем такая мера договорной ответственности носит симметричный характер[2]. В этом смысле примечательным является использование аналогии, предполагающей аналогичное отношение к схожим ситуациям. В практике имел место казус, когда спор о размере продаваемой доли в уставном капитале общества, обозначенной цифрами как 20%, а словами продублированной как «десять процентов», был разрешен исходя из того, что помимо процентной величины стороны зафиксировали номинальную стоимость доли в сумме 2000 руб. Зная размер зарегистрированного уставного капитала данного общества (20000 руб.), суд без труда определил правильную величину в условии о процентном размере продаваемой доли и отказал в иске о признании договора незаключенным[3].

Интересно, что преодоление неопределенности договорного условия о какой-либо количественной величине путем выяснения действительной общей воли сторон, хотя и не предполагает применения норм права по аналогии, не исключает использование судом аналогии как правового средства. В частности, столкнувшись с невозможностью выявления общего намерения сторон, суд может обратиться к значению, которое *аналогичные сторонам* разумные лица придавали бы договорному условию в сравнимых обстоятельствах[4]. В этом случае должное

Reasonable Meanings // Journal of Management Policy and Practice. 2020. Vol. 21 (4). URL: https://ssrn.com/abstract=3830692.

[1] Bayern S.J. Contract Meta-Interpretation // UC Davis Law Review. 2016. Vol. 49. P. 1097.

[2] Кирпичев А.Е., Кондратьев В.А. Буквальное толкование договора судом и квалификация опечаток в тексте договора // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 31–38.

[3] Постановление ФАС Уральского округа от 25.03.2009 № А50-12404/2007-Г13.

[4] Пункт 4.1. Принципов международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА), 1994 год // Закон. 1995. № 12.

владение судом методом аналогии поспособствует правильному определению применимых признаков аналогичности участников договорных связей и сравнимых обстоятельств.

Наилучший вариант

В силу ряда обстоятельств комбинирование, а точнее – последовательное сочетание текстуального и контекстуального толкования видится наиболее адекватным вариантом решения поставленной правоприменительной проблемы.

Во-первых, несмотря на известную склонность цивилистического мышления к аналогиям, следует признать, что распространение в порядке аналогии закона на словесно-цифровую неопределенность договора специальных норм о приоритете значения (суммы), указанного прописью в ценных бумагах, не является универсальным и правильным решением. Такое специальное правило установлено к неопределённости текста именно ценных бумаг, в основе легальности и повышенной оборотоспособности которых лежит строгий формализм[1], в то время как механическое применение подобного формализма к договорам противоречило бы юридической природе последних. Иными словами, в некоторых случаях применение аналогии закона может привести к толкованию, которое не будет соответствовать истинной согласованной воле договаривающихся сторон.

Во-вторых, метаинтерпретация словесно-цифровых противоречий договора в полной мере соответствует отмечаемой в науке исторической эволюции правил восполнения пробелов, характеризующейся смещением акцента со строгого буквализма и защиты частной воли каждой стороны на реализацию справедливого смысла договора, раскрывающего разумные ожидания обеих сторон[2].

В-третьих, такой подход содействует функционированию так называемого принципа валидности (*favor validitatis*), предполагающего необходимость отдавать приоритет такому толкованию договорного условия, которое приводит к выводу о его состоятельности (действительности). Разъясняя правила ст. 431 ГК РФ о толковании в контексте этого принципа, Пленум ВС РФ указал, что если

---

[1] Malkawi B.H. Contradictory Terms in Cheques: Formalism and Practice // Banking Law Journal. 2018. Vol. 31. P. 32.

[2] Lu S. Gap-filling and Freedom of Contract // LLM Theses and Essays. 2000. № 29. URL: https://digitalcommons.law.uga.edu/stu_llm/29.

договорное условие допускает несколько вариантов толкования, один из которых влечет вывод о недействительности договора или признании его незаключенным, а из другого варианта такого не следует, то по общему правилу приоритет имеет тот вариант, при котором договор сохраняет силу[1].

В-четвертых, данный вариант толкования позволяет обеспечить прямое действие закрепленного в ст. 1 ГК РФ принципа добросовестности. Последняя рассматривается здесь в качестве критерия толкования, предполагающего необходимость основываться на «реальном смысле» соглашения, а не буквальном значении текста[2]. Действительно, именно с добросовестностью (подразумеваемым *bona fides*), используемой для обеспечения дополнительных стандартов справедливости, связывается развитие современных законов о правилах заполнения пробелов в договорах[3]. Применяемый к оценке договорных условий критерий добросовестности не только обеспечивает гибкость толкования и предотвращает паралич контрактов, но и наполняет их дополнительной ценностью в том смысле, что юридические переговоры сторон должны нести не только права и обязанности, но и человеческие ценности[4]. В этом контексте следует упомянуть случай, когда суд, преодолевая неопределённость записи о размере неустойки, налагаемой на одну из сторон (размер неустойки цифрами и прописью расходился), посчитал, что неустойка как мера договорной ответственности должна носить симметричный характер и иметь тот же размер, что и в отношении другой стороны, применительно к которой словесное дублирование соответствовало цифре[5].

В-пятых, отход от следования исключительно буквальному толкованию текста договора открывает путь к использованию судами дополнительного (вспомогательного) приема толкования, обеспечивающего предотвращение нечестной деловой практики, и выравниванию переговорных возможностей

---

[1] Пункт 44 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».
[2] Зайцева Н. В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 476–501.
[3] Weiskopf N.R. Wood v. Lucy: The Overlap between Interpretation and Gap-Filling to Achieve Minimum Decencies // Pace Law Review. 2008. Vol. 28. Iss. 2. P. 219–233.
[4] Ikonomi E. The importance of the Interpretation of the Contract and the Good Faith // The Macrotheme Review. 2014. Vol 3 (5). P. 105–112.
[5] Постановление АС Московского округа от 02.06.2019 № А40-161960/2018.

контрагентов в соответствии с принципом *contra proferentem* (толкование неопределенного (противоречивого) условия договора в пользу стороны, подготовившей проект договора), что предоставляет защиту слабого участника договорного взаимодействия[1] и обеспечивает требуемый частноправовой баланс интересов равноправных субъектов.

Таким образом, подтверждается известный фразеологизм о наличии двух сторон у каждой медали. В стремлении технически защитить текст договора дублирование условия о количественой величине словами и цифрами может привести к противоположному результату – неоднозначности, влекущей опасность признания данного условия несогласованным. Поэтому все большую состоятельность обретает идея о том, что двусмысленность не имеет шансов опорочить договор, когда цифры записываются только как слова или только цифры, но не как то и другое одновременно, в то время как удвоение текста само по себе создает вероятность того, что появится опечатка[2].

Вместе с тем, до тех пор, пока дублирование количественных величин в документах словами и цифрами сильно как традиция и даже предписывается в некоторых случаях нормативно, наилучшим вариантом преодоления буквенно-цифровой неопределенности договорных условий представляется включающее правовую аналогию сочетание текстуального и контекстуального толкования.

Изложенное не только демонстрирует важность решения интерпретационных проблем в аспекте неопределенности условий договора, подсвечивая существенную роль аналогии в преодолении недостаточности договорно-правовой материи, но и убеждает в корректности широкого доктринального восприятия аналогии как сквозной правовой категории, пронизывающей все уровни системы регулирования частноправовых отношений и выступающей логической основой отдельных стадий правотворческого, правореализационного и правоприменительного процесса.

---

[1] Кузьмина А.В. Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 698–727.

[2] Schrack A.B. Five (5) Reasons to Stop Writing Numbers Like This // ACC TN Q2 Newsletter. June 2020. URL: https://www.butlersnow.com/2020/04/five-5-reasons-to-stop-writing-numbers-like-this/.

Глава 2. Современные проявления аналогии в практике применения законодательства, регулирующего частноправовые отношения

§ 1. Пределы аналогии в регулировании частноправовых охранительных отношений

Важнейшим условием законности юридической ответственности, рассматривающимся в науке в качестве сущностного признака и даже принципа таковой, считается формальная определенность (четкость, детализированность, однозначность определения элементов состава правонарушения)[1]. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ, правовая ответственность может считаться законно установленной только при условии, что и отдельные санкции, и все ее общие положения ясно и непротиворечиво изложены в законе[2], и что в целом публичная власть может быть уполномочена к принятию лишь таких нормативных актов, которые отвечают принципам правовой определенности и разумной стабильности правового регулирования[3]. Более того, предполагая, что в современных условиях, обусловливающих «проверку на прочность» и модификацию устоявшихся правовых категорий, применительно к норме права может претерпеть изменение признак формальной определенности, ученые особо оговаривают, что в сфере, связанной с установлением и порядком привлечения к ответственности, конкретность и четкость правовых норм, не допускающая различного понимания, должна быть сохранена[4].

Такая общая оценка норм об ответственности в праве естественным образом ограничивает, а в некоторых случаях исключает использование аналогии как средства создания и реализации охранительно-правовых конструкций. Некоторые суды прямо объявляют, что, будучи способом восполнения пробела в праве,

---

[1] Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА, 2009. 432 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против // Право и политика. 2005. № 11. С. 9–18.

[2] Постановления Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П; от 27.02.2020 № 10-П, от 16.10.2020 № 42-П.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2020 № 19-П.

[4] Носов С.И. Изменение пределов и предмета правового регулирования в эпоху цифровизации // Юрист. 2021. № 12. С. 63–69.

аналогия в сфере охранительных отношений недопустима[1]. Однако выявленный и отмеченный универсальный, всепроникающий характер аналогии как правового (в том числе защитного) средства едва ли позволит помыслить о ее полной неспособности к эффективному применению в охранительном регулировании частноправового взаимодействия в современных условиях.

Вне зависимости от того, о какой правовой системе идет речь, возмещение убытков справедливо считается наиболее характерной формой гражданско-правовой ответственности, применяемой в случае нарушения субъективных гражданских прав в договорных отношениях[2], что само по себе требует от цивилистов повышенного внимания к обозначеннной проблеме. В условиях реформирования гражданского законодательства, происходящего ныне в России, проблемы эффективного и справедливого возмещения убытков выходят на первый план. В частности, в связи с введением в действие применительно к широкому спектру договорных отношений новой ст. 393.1. ГК РФ о возмещении конкретных и абстрактных убытков при прекращении договора вопросы о том, насколько адекватно и эффективно в новых правилах отражена компенсационная функция частного права, еще больше актуализируются.

Исследование механизма возмещения потерь в виде разницы между ценой расторгнутого договора и ценой сделки, заключенной взамен, представляет интерес не только в разрезе охранительного гражданско-правового воздействия, но и в аспекте работы метода аналогии, на основе и посредством которого рассматриваемый механизм образован. В силу того, что общие правила ст. 393.1 ГК РФ явно созданы по аналогии со специальным порядком определения убытков при расторжении договора поставки (ст. 524 ГК РФ) и поскольку сам механизм сконструирован на основе относительно определенных юридических категорий «аналогичный товар», «аналогичный договор», «аналогичная цена», постольку исследование именно такого (нового, непривычного) модуса (проявления) не только поможет продвинуться в направлении формирования цельного института

[1] Постановление Одиннадцатого ААС от 05.07.2016 № А55-930/2016.
[2] Василевская Л.Ю. Возмещение убытков в российском и англо-американском праве: различие концептуальных подходов // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 51–62.

применения гражданско-правовой ответственности, о необходимости разработки которого утверждается в современной цивилистике[1], но и позволит применительно к конкретной сфере частного права оценить метод аналогии в составе относительно определенных норм (норм-аналогий), форму которых (как это видно в данном случае) могут принимать охранительные положения гражданского права, и создать предпосылки к совершенствованию нормативного регулирования охранительных отношений с опорой на этот метод.

В большинстве правовых систем главная цель возмещения убытков подразумевается в удовлетворении интереса пострадавшего кредитора путем предоставления ему заменяющего средства в виде выгоды от нарушенной должником сделки в денежном выражении, что, как правило, предполагает включает компенсацию фактических потерь, понесенных в результате нарушения, а также потенциал, от которого кредитор был отстранен из-за действий неисправного должника[2].

Если речь идет об убытках, вызванных прекращением договора в результате неправомерного поведения должника, то важнейшим инструментом, позволяющим самостоятельно либо в совокупности с иными гражданско-правовыми мерами воздействия добиться наиболее полного восстановления того положения, которое существовало до нарушения прав и законных интересов кредитора, считается взыскание убытков в виде разницы между ценой нарушенного и расторгнутого договора и ценой договора, заключенного (или могущего быть заключенным) взамен[3]. Исчисление убытков при прекращении договора именно таким особым образом известно зарубежным правопорядкам[4], обнаруживаясь непосредственно в законодательстве либо получая фактическое применение в судебной практике[5].

---

[1] Кузнецова О.А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4. С. 92–104.

[2] Gotanda J.Y., Damages in Lieu of Performance Because of Breach of Contract // Villanova Law/Public Policy Research Paper № 2006-8. 2006. URL: https://ssrn.com/abstract=917424.

[3] Кархалев Д.Н. Возмещение убытков при прекращении договора // Нотариус. 2017. № 5. С. 7–9.

[4] McCormick C.T. Handbook on the Law of Damages. St. Paul, Minn.: West Publishing Co, 1935. P. 165; Principles of European Contract Law. Part I and II / Prepared by the Commission on European Contract Law; Edited by O. Lando and H. Beale. The Hague: Kluwer Law Int., 2000. P. 449, 450.

[5] Овсянникова А.О. Абстрактный и конкретный методы исчисления убытков // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 9–61.

Применение указанного типа компенсаторных убытков, получивших в цивилистике (в рамках поставочных отношений) обозначение «конкретных» (когда в разумный срок после расторжения договора вследствие нарушения обязательства контрагентом добросовестная сторона приобретает соответствующие товары у другого продавца по более высокой цене либо продает их другому покупателю по более низкой цене, чем было предусмотрено нарушенным договором, и требует от нарушителя возмещения убытков в виде разницы между ценой договора и ценой субститута) и «абстрактных» (если субститут нарушенного договора отсутствует, а для расчета убытков потерпевшего используется текущая цена на соответствующий товар, взимавшаяся при сравнимых обстоятельствах за аналогичный товар в месте, где должна была быть осуществлена передача товара)[1] позволяет ослабить режим доказывания убытков пострадавшей стороной, перескочить «барьер, препятствующий более активному взысканию убытков»[2], обеспечить «эффективность защиты прав добросовестной стороны»[3] и в целом «повысить действенность гражданско-правовой защиты субъективных гражданских прав»[4]. Более того, по словам практиков, норма, закрепляющая такой механизм расчета убытков, призвана не столько «стимулировать», сколько «реанимировать» практику взыскания убытков в российском праве[5].

Поскольку в большинстве случаев нормальный контрагент при заключении договора стремится получить конкретное имущественное предоставление, а не его абстрактный финансовый эквивалент этого[6], постольку вполне логичным выглядит то, что в случае расторжения договора размер ущерба потерпевшего (всякий раз, когда для последнего разумно настаивать на получении замены исполнения) должен определяться, исходя из действительной или предполагаемой стоимости

---

[1] Kotz H. European Contract Law, 2nd. ed., 2017. P. 276,277; Богданова Е.Е. Проблемы возмещения убытков // Современное право. 2005. № 9. С. 2–6.

[2] Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 24–80; № 12. С. 24–73.

[3] Булыгина М.А. Способы защиты прав добросовестной стороны при нарушении договора мены // Юрист. 2015. № 2. С. 4–8.

[4] Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. 976 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Полозов Н. Ответственность за нарушения обязательств // ЭЖ-Юрист. 2016. № 1. С. 8.

[6] Tettenborn A., Clarke M., Andrews N., Virgo G. Contractual Duties: Performance, Breach, Termination and Remedies, 2nd edition. 2017. P. 427.

субститута. В таких случаях типичным способом определения убытков считается рыночное вычисление: суд сравнивает рыночную стоимость, какую товары/услуги имели бы, если бы договор был выполнен, с рыночной стоимостью товара/услуги после неисполнения, с тем, чтобы предоставить потерпевшей стороне ту же самую сумма богатства или чистой стоимости, как было обещано в соглашении[1]. Здесь потерпевшей стороне достаточно (с помощью независимой оценки, экспертизы или иных доказательств) обосновать негативную для него разницу в цене неполученного (непереданного) имущественного предоставления.

В российском гражданском праве полное возмещение причиненных убытков находится в ряду ключевых принципов, функций и задач, что требует учета при всякой модернизации гражданского законодательства[2]. Применительно к конкретным и абстрактным убыткам потребность в усилении гарантий полного возмещения выразилась в том, что в рамках реформы, предпринятой сообразно Концепции развития гражданского законодательства РФ[3], правила ст. 524 ГК РФ об особой методике расчета убытков при прекращении договора поставки генерализовались в новой ст. 393.1 ГК РФ о порядке определения убытков при досрочном прекращении всякого договора (при неисправности должника), если кредитор заключил вместо него аналогичный договор, либо если в отношении предусмотренного прекращенным договором исполнения существует цена на сопоставимый субститут.

Легальное расширение сферы применения механизма исчисления конкретных и абстрактных убытков ставит насущную задачу научной оценки адекватности нового общего защитного механизма как самого по себе, так и в сравнении с его прообразом из сферы отношений при расторжении нарушенного договора поставки товаров. По мнению цивилистов, именно институты возмещения (конкретных) убытков в виде ценовой разницы и абстрактных убытков

---

[1] Nehf J.P., Contract Damages as a Substitute for Full Performance // Indiana Law Review. 1999. Vol. 32, P. 767.

[2] Кузнецова О.А. Полнота возмещения убытков по российскому гражданскому праву // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16 - 17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. 448 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009.

должны явиться самыми актуальными из числа новых институтов, внедренных в тело ГК РФ в ходе реформы российского договорного права[1].

Думается, что ключевым аспектом доктринальной оценки рассматриваемых институтов может и должна стать работа пронизывающего их метода аналогии. Этот аспект недостаточно проработан в литературе, но, между тем, видится важным определить, правильные ли точки схожести выбраны при универсализации ст. 524 ГК РФ, верные ли относительно определенные правовые термины использованы в составе норм-аналогий для конструирования новых механизмов. При этом требуется учесть перспективу вполне вероятного[2] переноса (по аналогии) накопленного опыта применения специальной ст. 524 ГК РФ на практику реализации общей ст. 393.1 ГК РФ. Институт аналогии объединяет нормы-принципы, которые применяются ко всем отношениям, охватываемым гражданским правом[3], а потому в научном поиске следует также обратить внимание на неизбежную связанность метода аналогии, примененного в механизме возмещения убытков при прекращении договора, со сквозными гражданско-правовыми категориями «разумность» и «добросовестность».

Прежде всего, необходимо обратиться к проблеме правоприменительного распространения нормы ст. 524 ГК РФ за пределы отношений поставки посредством аналогии закона.

До включения в общую часть обязательственного права новой ст. 393.1 ГК РФ правила об исчислении конкретных и абстрактных убытков, связанных с расторжением нарушенного договора, прямо предусматривались в ст. 524 ГК РФ лишь для отношений поставки. Но некоторые ученые, очевидно следуя в русле совершенно естественных для сферы права рассуждений о необходимости аналогичных подходов к решению сходных задач усматривали принципиальную возможность применять правила, установленные в ст. 524 ГК РФ, и к иным видам

---

[1] Новак Д., Белов В., Рыбалов А., Степанов Д., Балаян О., Каплоухий М., Глухов Е., Распутин М., Слыщенков В. Реформа договорного права: некоторые итоги // Закон. 2015. № 6. С. 22–33.

[2] Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации: общий комментарий новелл обязательственного права // Арбитражные споры. 2015. № 3. С. 145–166.

[3] Романенко Д.И. Аналогия в системе российского гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 76–80.

договорных обязательств в порядке аналогии закона[1].

В ряде случаев суды, включая высшие инстанции, с одобрением воспринимали такую идею, допуская исчисление (конкретных или абстрактных) убытков на основе условий совершенной взамен расторгнутой сделки или текущей цены за пределами отношений поставки. В частности, Пленум ВАС РФ сориентировал суды на необходимость исходить из позиции, согласно которой при отсутствии у продавца недвижимого имущества, подлежащего передаче в собственность покупателя, последний вправе потребовать не только возврата уплаченной суммы с процентами, но и возмещения причиненных убытков, включая убытки в виде разницы между ценой недвижимого имущества, указанной в договоре, и текущей рыночной стоимостью такого имущества[2]. Схожим образом Пленум ВС РФ указал, что правило о возмещении разницы между ценой товара, установленной нарушенным договором, и ценой аналогичного товара, работает не только в рамках предпринимательских поставок, но и в потребительских отношениях розничной купли-продажи[3]. Имело место применение нормы ст. 524 ГК РФ к арендным отношениям[4].

Учитывая, что при использовании в правоприменении механизма аналогии непосредственно реализуются основные начала гражданского законодательства, достигают значимости принципов гражданского права требования разумности и справедливости[5], и имея в виду, что не привязанные к специфике предмета договора поставки правила (к каковым, очевидно, относятся и нормы ст. 524 ГК РФ) вполне применимы по аналогии за пределами поставочных отношений[6], такой доктринальный и судебный подход можно было бы поддержать.

---

[1] Витрянский В.В. Особенности ответственности за нарушение «предпринимательского» договора // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 20–26; Горлов В.А. Ответственность за нарушения условий договора международной купли-продажи товаров // Право и экономика. 2000. № 6. С. 12–14.

[2] Пункт 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем».

[3] Пункт 31 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 9.

[4] Определение ВС РФ от 02.03.2016 № А40-70250/2015.

[5] Виниченко Ю.В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3. С. 98–115.

[6] Романец Ю.В. Обязательство поставки в системе гражданских договоров // Вестник ВАС РФ. 2000. № 12. С. 70–82.

Однако, если принять во внимание, что речь фактически идет об использовании по аналогии (при отсутствии прямого указания закона) правила, рассчитанного не на координацию нормальных позитивных экономических связей, а на упрощение порядка определения размера ответственности, в чем можно усмотреть нарушение принципа *nullum poena sine lege*, то уверенность в правомерности обращения к ст. 6 ГК РФ заметно убавляется. Некоторые суды твердо стоят на позиции о том, что аналогия закона, предусмотренная ст. 6 ГК РФ, не является допустимой постольку, поскольку нормы, устанавливающие меры ответственности за нарушение обязательств, не могут применяться по аналогии[1].

Как верно отмечается в науке, ущемление прав со стороны государства (в рассматриваемом аспекте речь идет именно об обеспеченном силой государственного принуждения вторжении в имущественную сферу нарушителя договора) может опираться только на законодательную базу, а не на применение аналогии закона, в сфере компетенции законодателя суд не вправе расширять свои полномочия путем аналогии[2]. Усомниться в допустимости аналогии закона в данном случае заставляет также то, что правила ст. 524 ГК РФ, представляя часть поставки как классического предпринимательского института, ориентированы на сугубо коммерческие отношения, что требует серьезных оснований для их применения к связям, лишенным предпринимательской специфики.

Еще больше поводов для сомнений в состоятельности распространения ст. 524 ГК РФ за пределы поставки по аналогии на сходные отношения дает такой нюанс, как приверженность российских правоприменителей к нормативизму и их обычное стремление решать дала, исходя из конкретных указаний закона[3]. Это означает, что востребование убытков в виде разницы цен как особый (упрощенный более удобный) способ определения понесенных потерь без внесения соответствующих дополнений в нормы ГК РФ не способен получить широкое

---

[1] Постановление Десятого ААС от 11.01.2022 № А41-58189/2021. Впрочем, имеет место и заслуживающее критики распространение норм об ответственности по аналогии закона, когда сходство правового статуса региональных отделений ДОСААФ России со статусом учреждений позволил применить к первым по аналогии п. 2 ст. 123.23 ГК РФ о субсидиарной ответственности собственника имущества частного учреждения (Постановление АС Московского округа от 14.06.2024 № Ф05-3812/2024).

[2] Langenbucher K. Argument by Analogy In European Law // The Cambridge Law Journal. 1998. Vol. 57(3). P. 486.

[3] Трубицына Т.А. Институт аналогии в российском праве // Право и политика. 2007. № 1. С. 5–9.

применение и обрести поддержку судов первой инстанции, предпочитающих опираться не на аналогию закона, а на текст норм законодательства[1].

Действительно, некоторые суды, ссылаясь на специальный характер норм ст. 524 ГК РФ и их исключительную предназначенность для урегулирования вопросов ответственности за нарушение обязательств по договору поставки, отказывали в применении данных норм по аналогии при попытках взыскания такого рода убытков в случае расторжения иных видов договоров, включая иные разновидности договора купли-продажи[2].

Даже если иметь в виду, что такие случаи оказались единичными, а практика расширения функционала ст. 524 ГК РФ посредством аналогии вполне устоялась, само по себе то обстоятельство, что суды были вынуждены прибегать к аналогии, требующей особых навыков правоприменения и чувства меры в дискреции, причем в столь важном вопросе как привлечение к ответственности, негативно характеризует состояние законодательства.

Поэтому вполне логичным и естественным является то, что законодатель, надлежаще оценив поддержанную наукой практику, внес полную определенность в порядок определения конкретных и абстрактных убытков, возникающих в случае изменения цен на предмет не полученного кредитором исполнения по договору, расторгнутому вследствие неисправности должника.

В этом смысле можно констатировать, что адекватно ситуации сработал институт изменения законодательства, продемонстрировав функционирование в направлении укрепления единства, внутренней пропорциональности и непротиворечивости законодательного массива, приведения его в соответствие с потребностями социальной практики[3]. При этом аналогия в очередной раз проявила себя как креативное начало правотворчества.

Следующим шагом надлежит оценить общую норму ст. 393.1 ГК РФ в сопоставлении с ее специальным аналогом (ст. 524 ГК РФ).

---

[1] Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М., 2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Постановление ФАС Поволжского округа от 26.08.2011 № А65-28882/2010; Постановление ФАС Центрального округа от 18.02.2005 № А35-351/03-С9.
[3] Гущев М.Е. Изменение законодательства России (проблемы теории и практики). Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 3.

Основанную на идее «аналогичные дела должны решаться аналогичным образом»[1] попытку законодателя генерализовать правила об исчислении абстрактных и конкретных убытков при досрочном прекращении нарушенного договора следует поприветствовать и согласиться с тем, что введение в действие ст. 393.1 ГК РФ является важным обстоятельством, свидетельствующим о развитии российского обязательственного права в нужном направлении[2]. Вместе с тем, изучение текста новой ст. 393.1. ГК РФ в сопоставлении с положениями явившейся ее прообразом ст. 524 ГК РФ позволяет усомниться в том, что законодатель корректно реализовал креативный потенциал метода аналогии.

Во-первых, едва ли правильно и полезно, что при генерализации общая норма получила отличие от специальной в существенном признаке.

Так, ст. 524 ГК РФ связывает расчет размера убытков либо с ценой товара по замещающей сделке, которая отличается от цены товара по расторгнутому договору, но является разумной, либо с текущей ценой, взимаемой при сравнимых обстоятельствах за аналогичный товар. Иными словами, применительно к исчислению убытков при расторжении договора поставки законодатель акцентированно ориентирует кредитора на разумное и добросовестное поведение, обращает внимание на необходимость учета сравнимых обстоятельств. Это можно расценивать как одно из проявлений стремления закнодателя «направить контрагентов по пути сотрудничества и взаимной добросовестности»[3].

В судебной практике данное правило трактуется достаточно широко и применяется вполне последовательно. В частности, в ситуациях, когда в результате неисполнения покупателем договора купли-продажи продавец осуществил реализацию предмета договора другому покупателю по заниженной цене в отсутствие разумной деловой цели, суды отказывают во взыскании с нарушителя ценовой разницы[4]. Более того, суды не считают возможным требовать убытки в

---

[1] Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л.Б. Макеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 152.
[2] Кархалев Д.Н. Возмещение убытков при прекращении договора // Нотариус. 2017. № 5. С. 7–9.
[3] Голубцов В.Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 3. С. 396–419.
[4] Постановление ФАС Поволжского округа от 26.08.2011 № А65-28882/2010.

виде разницы в цене расторгнутого и заключенного взамен договора поставки, если цена товара в расторгнутом договоре была ниже рыночной, а цена субститута соответствовала рыночной[1].

Норма ст. 393.1 ГК РФ подобного требования не содержит и просто указывает на обязанность неисправного должника возместить убытки кредитора в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой, определенной в заключенном взамен договоре (или текущей ценой, если аналогичный договор кредитором не заключался). Понятно, что данное отличие ст. 524 и ст. 393.1 ГК РФ сугубо формально, ибо добросовестность и разумность в поведении всегда вменяется кредитору (п. 3 ст. 307 ГК РФ) и предполагается (ст. 10 ГК РФ). Но то, что Пленум ВС РФ в п. 12 Постановления № 7 был вынужден напомнить о праве должника обосновывать, что контрагент при совершении замещающей сделки действовал недобросовестно или неразумно, либо (с учетом сопоставимых обстоятельств) доказывать чрезмерное расхождение цены замены с текущей ценой, определяемой по п. 2 ст. 393.1 ГК РФ, подтверждает некоторую ущербность новой ст. 393.1 ГК РФ в сравнении со своим аналогом из параграфа о договоре поставки.

В свете обозначенной в науке потребности в дальнейшем «поступательном внедрении» принципа добросовестности в специальные нормы ГК РФ[2], усиления значения этого принципа при регулировании гражданских отношений[3], видится целесообразным и необходимым законодательно акцентировать внимание участников экономических отношений на действие этих принципов в положениях ст. 393.1 ГК РФ.

Во-вторых, заслуживает критики то, что в отличие от ст. 524 ГК РФ, которая для целей определения размера убытков кредитора предполагает сравнение цены товара по расторгнутому договору поставки с ценой таких же или аналогичных

---

[1] Постановление ФАС Уральского округа от 22.05.2006 № Ф09-1350/06-С3.

[2] Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 175–184.

[3] Богданов Д.Е. Новеллы Гражданского кодекса РФ с позиции концепции добросовестной последовательности в действиях и заявлениях // Законодательство и экономика. 2016. № 2. С. 44–49.

товаров по сделке, совершенной взамен, без уточнения, о какой именно замещающей сделке может идти речь (т.е. квалифицирующим признаком субститута является именно замещающий характер, но не сходство с объектом замещения), новая общая норма говорит о возмещении убытков при прекращении договора, если взамен был (п. 1 ст. 393.1 ГК РФ) или мог быть (п. 2 ст. 393.1 ГК РФ) заключен не какой-нибудь, а аналогичный договор.

Данное уточнение заставляет более пристальное внимание обратить на слова «купил у другого лица» и «продал другому лицу» в формулировке самой ст. 524 ГК РФ (ибо могут возникнуть сомнения, допустимы ли в контексте данной нормы в качестве замещающих какие-либо иные договоры, кроме договоров купли-продажи) которые усложняют непростой вопрос о том, что именно следует понимать под аналогичным договором по тексту ст. 393.1 ГК РФ.

С одной стороны, нельзя согласиться с мнением, будто право на возмещение убытков по ст. 393.1 ГК РФ имеет кредитор, заключивший «идентичный договор»[1], поскольку это не только означает допущение, что кредитор никогда не сможет воспользоваться механизмом расчета убытков, предусмотренным ст. 393.1 ГК РФ (действительно, весьма трудно представить ситуацию, когда кредитор расторгнутого договора стал бы уговаривать нового потенциального контрагента заключить замещающий договор строго на условиях расторгнутого)[2], но и противоречит общепринятому значению термина «аналогичный», предполагающему сходство (подобие) сравниваемых явлений в каких-либо свойствах, но не их тождественность. В этом аспекте нельзя поддержать такую трактовку ст. 524 ГК РФ, будто сама ее конструкция предполагает, что заменяющая сделка должна быть того же рода, что и заменяемая (как минимум купля-продажа при первоначальном договоре поставки)[3]. Напротив, правильно считать, что под субститутом следует понимать сделку, «способную и предназначенную

[1] Тасалов Ф. Реформа ГК РФ и контрактная система: возможности и риски // Конкуренция и право. 2015. № 3. С. 43–47.
[2] Соломин С.К., Соломина Н.Г. К вопросу о достоверности «нового» механизма возмещения убытков при прекращении договора // Закон. 2017. № 2. С. 114–120.
[3] Жуков А.В., Скворцов А.В. Договор поставки и ответственность по нему // Судебно–арбитражная практика московского региона. Вопросы правоприменения. 2008. № 3. С. 32.

удовлетворить интересы кредитора, реализацию которых он связывал с исполнением расторгнутого договора» и что идентичности условий расторгнутого и нового договоров не требуется[1].

С другой стороны, дозволение кредитору заключить взамен расторгнутого другой, но не любой, а аналогичный договор, вызывает неопределенность в определении границ аналогичности и в установлении того, в каких именно признаках новый договор должен быть подобным расторгнутому. К примеру, становится непонятным, должны ли эти договоры обязательно иметь одну родовую или видовую принадлежность. С учетом сформулированного Пленумом ВС РФ в п. 12 Постановления № 7 разъяснения, что кредитором могут быть заключены несколько сделок или «сеть договоров»[2], которые замещают прекращенный договор, а также принимая во внимание, что в п. 11 Постановления применительно к сделке характеристика «аналогичная» и «замещающая» прямо (через скобки) использованы как синонимы, скорее всего, по тексту ст. 393.1 ГК РФ под «аналогичным договором» имеется в виду всякая замещающая сделка, предусматривающая передачу в собственность или пользование аналогичного имущества, выполнение аналогичных работ (оказание аналогичных услуг), т.е. добросовестно заключенная сделка, не обязательно относящаяся к сделкам того же вида или рода, что и расторгнутый вследствие нарушения договор. Но если это действительно так, то при наличии требования к аналогичности предмета исполнения по замещающей сделке удвоение этого требования в нормативном определении самой (замещающей) сделке явно излишне.

Таким образом, в конструкции общих правил ст. 393.1 ГК РФ о конкретных и абстрактных убытках необходимо отказаться от конкретизации вида субститута, а в ст. 524 ГК РФ исключить такие слова, которые могут косвенно указать на обязательное родовое соответствие прекращенной и замещающей сделок.

В-третьих, вряд ли стоит с одобрением воспринимать примененный вариант

---

[1] Макаров П.Н. Обзор новелл гражданского законодательства, упрощающих взыскание убытков кредитором (с учетом позиций Пленума ВС РФ) // Закон. 2016. № 12. С. 149–160.

[2] Кирпичев А.Е. Неклассические теории договора (договор-обещание, дискретные, реляционные и сетевые договоры) в контексте новой редакции ГК России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 51–58.

генерализации признаков предмета исполнения по замещающему договору.

Если ст. 524 ГК РФ оперирует конструкцией «аналогичный товар», в ст. 393.1 ГК РФ указывается на «сопоставимые товары, работы и услуги». Нельзя не согласиться с тем, что терминологические погрешности в той или иной мере сопровождают любую законодательную область[1], а потому неудивительно, что и в рассматриваемой сфере законодателю не удалось избежать неточности.

С одной стороны, предоставляется очевидной недостаточная степень обобщения многообразия видов возможных предметов исполнения, которые по смыслу п. 1 ст. 307 ГК РФ не сводятся к товарам, работам и услугам. Действительно, если толковать положения ст. 393.1 ГК РФ строго формально, упрощенным порядком исчисления убытков при прекращении договора не смогут воспользоваться, к примеру, кредиторы в обязательствах по лицензионным договорам, в заемных отношениях. Однако судебная практика явно обнаруживает потребность участников таких отношений в механизме возмещения конкретных и абстрактных убытков[2].

С другой стороны, видится чрезмерным смягчение требования к схожести предмета исполнения по замещающему договору путем замены признака «аналогичный» на характеристику «сопоставимый».

Недостаточная определенность категории «аналогичный товар» приводила к тому, что некоторые суды отказывали во взыскании убытков по ст. 524 ГК РФ в случае установления неидентичности (нетождественности в силу различий в комплектации, качественных и технических характеристиках) товаров по нарушенному договору поставки и замещающей сделке, следуя в русле рассуждений типа «приобретение не такого же, а аналогичного по назначению более дорогого (в силу лучшего качества и иных подобных обстоятельств) товара не влечет возникновение убытков, так как покупатель приобретает товар по цене, соответствующей его потребительским свойствам»[3].

---

[1] Голубцов В.Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 3. С. 396–419.

[2] Постановление ФАС Московского округа от 03.11.2009 № КГ-А40/8319-09.

[3] Постановление АС Северо-Западного округа от 26.10.2015 № А13-13061/2014; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.10.2008 № А32-648/2007.

Осознавая порочность такой практики, законодатель по всей видимости стремился ее искоренить и нормативно поддержать правильный судебный подход, в силу которого под аналогичным товаром понимается товар, имеющий характеристики близкие к не поставленному неисправным должником, но не обязательно полностью такой же товар. Такие (верные) судебные позиции, основанные на рассуждениях типа «из смысла ст. 524 ГК РФ не следует, что товар, приобретенный у третьего лица взамен непоставленного, должен быть полным аналогом товара, предусмотренного договором с ответчиком» и «требование убытков в виде разницы между установленной в договоре ценой и ценой по совершенной взамен сделке может быть удовлетворено, даже если приобретенный по новой сделке товар не идентичен по ассортименту и иным качественным характеристикам товару, предусмотренному расторгнутым договором» достаточно распространены[1]. Примечательно, что правильность именно такого подхода подтверждается новейшей практикой применения общей нормы ст. 393.1 ГК РФ. Суды, в частности, указывают, что для целей возмещения конкретных убытков в связи с расторжением нарушенного договора аренды не имеют значения различные сроки действия первоначального и замещающих договоров, а также передача по замещающим сделкам в аренду помещений в ином техническом состоянии, чем по первоначальному договору. По мнению судов, это обстоятельство подлежит учету в целях исследования соразмерности цены в этих договорах и определения размера убытков, подлежащих взысканию, но не опровергает тот факт, что сделки являлись замещающими, поскольку закон не содержит необходимого критерия об идентичности всех их условий[2].

Но указанная замена терминологии в законе привела к тому, что в п. 12 Постановления № 7 это истолковано таким образом, что кредитором могут быть приобретены не только аналогичные товары, но и их заменители. Фактически для кредитора создана необоснованная возможность получить с отнесением на должника разницы в цене не только аналогичный, но и вообще другой предмет

[1] Постановление ФАС Московского округа от 20.06.2014 № Ф05-5428/2014; Постановление Пятнадцатого ААС от 09.01.2014 № 15АП-13391/2013.
[2] Определение ВС РФ от 04.10.2018 № А50-14983/2017.

исполнения, хотя и имеющий тот же функционал, но не охватывающийся первоначальным интересом кредитора (к примеру, хотел приобрести сахар, а купил мед или рассчитывал на закупку шифера, а приобрел гибкую черепицу).

Имея ввиду, что в правотворческой работе принципиально важно применять термины только в прямом, непосредственном и общеизвестном значении[1], при закреплении общего (ст. 393.1 ГК РФ) и специального (ст. 524 ГК РФ) механизмов возмещения конкретных и абстрактных убытков при прекращении нарушенного договора термин «аналогичный» необходимо применять в устоявшемся, общепринятом значении, обозначающем сходство (подобие) сравниваемых явлений в каких-либо свойствах, но не их тождественность.

С учетом изложенного, думается, что в целях оптимальной универсализации механизма по ст. 524 ГК РФ, законодателю следовало остановиться на термине «аналогичный предмет исполнения» (или «аналогичное исполнение») и подчеркнуть, что характеристика «аналогичный» по определению не предполагает тождественность (идентичность). Для определения субститута (договора, заключенного, либо могущего быть заключенным взамен расторгнутого) целесообразно отказаться от термина «аналогичный договор», избавиться от косвенного требования аналогичности или однородности субститута с расторгнутым договорам, заменив узкие термины «купил» и «продал» на широкие «приобрел» и «реализовал».

При этом в тексте обеих статей более акцентированно должны быть продвинуты важнейшие для гражданско-правового регулирования экономической деятельности принципы разумности и добросовестности[2].

Изложенное подтверждает позитивный и универсальный характер аналогии как нормативного и применительного правового средства в охранительном регулировании экономической деятельности, подсвечивает его способность выступать в этой специфической сфере и в качестве эффективного способа

---

[1] Научные основы советского правотворчества / Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Пиголкин А.С., Поленина С.В., и др.; Отв. ред.: Халфина Р.О. М.: Наука, 1981. С. 302.

[2] Учитывающий сформулированные Пленумом ВС РФ разъяснения вариант конструктивного восприятия указанной критики как предложение по совершенствованию текста статей 393.1 и 524 ГК РФ представлен в заключении настоящей работы.

восполнения правовых пробелов, и как метода моделирования новых норм, и в роли средства формулирования относительно определенных норм-аналогий.

Одной из наиболее универсальных, эффективных, удобных и востребованных на практике имущественных санкций, устанавливаемых на случай нарушения обязательств в частноправовой сфере, является неустойка.

Неустойка способна обеспечивать любые (имущественные и неимущественные, положительные и отрицательные, разовые и длящиеся, предварительные и основные) обязательства должника вне зависимости от предметной и подотраслевой характеристики обязательственного отношения. Важно и то, что по требованию об уплате неустойки кредитор не обязан обосновывать причинение ему убытков вследствие нарушения обеспеченного данной санкцией обязательства, для успешного применения к неисправному должнику этой санкции достаточно доказать лишь сам факт нарушения (что позволяет говорить об облегченных условиях привлечения должника к такому виду ответственности[1]).

Законная свобода установления неустойки и договорного определения ее величины в сочетании с отсутствием нормативного максимума и оторванностью неустойки от наличия и (или) размера причиненных кредитору убытков еще больше повышает степень распространенности реальных неустоечных отношений и в то же время актуализирует проблему поиска разумных и справедливых границ имущественного обременения проштрафившихся должников.

При наличии достаточно отработанных на практике частных нормативных конструкций, позволяющих судам вторгаться в определение размера неустойки, остро встает вопрос о пределах допустимого применения аналогии в механизме работы схожих санкций.

В ст. 333 ГК РФ предусмотрен специальный механизм судебного контроля за адекватностью размера неустойки: «если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить

[1] Краснова С.А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 68–110.

неустойку». Несмотря на то, что это сформулированное достаточно четко и емко правило не является необдуманной новеллой, а строится на историческом фундаменте (уменьшение судом чрезмерно больших неустоек допускалось по ст. 142 ГК РСФСР 1922 года и по ст. 190 ГК РСФСР 1964 года) и имеет конституционно-правовое обоснование[1], осмысление и реализация ст. 333 ГК РФ, наделяющей суд изрядной дискрецией в оценке и корректировке взыскиваемой с неисправного должника неустойки, представляет известную юридическую проблему.

Право суда на снижение неустойки ввиду ее несоразмерности часто становится краеугольным камнем при согласовании договорных условий и рассмотрении в судах споров, связанных с нарушением обязательств одной из сторон. В науке отмечается, что подавляющая часть дискуссионных вопросов института неустойки в целом связана именно с применением правил о снижении размера санкции[2], а в судебной практике вопрос о пределах действия ст. 333 ГК РФ традиционно относится к числу «извечных»[3].

Сфера применения нормы ст. 333 ГК РФ

Некоторые правоведы обращают внимание на вторжение ст. 333 ГК РФ в действие основных начал гражданского законодательства[4] и принципов гражданского процесса[5], высказываются о «попрании» при ее применении гражданско-правового принципа свободы договора[6] и с учетом признания государством свободной воли участников гражданского оборота настаивают на последовательном отказе от предоставления суду полномочий по фактическому осуществлению гражданских прав за таких участников, в том числе, путем

---

[1] Определения Конституционного Суда РФ от 15.01.2015 № 7-О, от 24.01.2006 № 9-О.

[2] Диденко А.А. Защита прав и интересов должника при применении статьи 333 Гражданского кодекса России: теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1. С. 52–56.

[3] Лаптев В.А. Решения судов в составе судебной практики: применение закона и принципа справедливости // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 10. С. 28–33.

[4] Бондаренко Н.Л. Снижение неустойки судом: понятие и значение // Журнал российского права. 2013. № 11. С. 67–74.

[5] Алексеев А.А. Уменьшение неустойки судом как способ защиты прав должника // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 34–37.

[6] Софонов И.Ю. Снижение неустойки судом: способы противодействия судейскому усмотрению // Право и экономика. 2014. № 12. С. 59–66.

устранения правил о снижении неустойки[1].

Однако в целом в отечественной науке признается практическая полезность и социально-позитивная сущность ст. 333 ГК РФ, позволяющая, в частности, добиться равновесия сил должника и кредитора в договорных отношениях[2]. Некоторые авторы считают заложенный в ст. 333 ГК РФ потенциал эффективным для обеспечения взаимной добросовестности контрагентов, видя в ней «букет принципов добросовестности»[3]. Не осталась не замеченной способность правила о снижении излишне высоких неустоек противодействовать выходу за пределы осуществления права, в связи с чем непосредственная реализация судом этого правила квалифицируется иногда в качестве специфической санкции за злоупотребление правом, целью которой является устранение необоснованного преимущества управомоченного субъекта[4]. Часто норма о праве суда на уменьшение неустойки воспринимается цивилистами как средство защиты экономически слабой или просто нерадивой стороны, которая либо из-за экономического неравенства с контрагентом не может предотвратить[5], либо в силу отдаленности и неочевидности последствий вероятного нарушения неразумно недооценивает риск применения неустойки. Наконец, одним из важнейших позитивных проявлений рассматриваемого правила считается достижение договорной справедливости и противодействия внеэкономическому обогащению кредитора[6], если, конечно, конкретное судебное решение отвечает требованию мотивированности.

На сегодняшний день можно констатировать, что ст. 333 ГК РФ применяется российскими судами очень широко. Хотя точная формулировка диспозиции этой нормы указывает лишь на соответствующее правомочие (а не на обязанность) суда

---

[1] Лысова Ю.В. Устранение фундаментальной судебной ошибки как право суда выйти за пределы исковых требований // Право и экономика. 2015. № 6. С. 72–79.

[2] Комашко М.Н. Уменьшать или не уменьшать? К вопросу о применении статьи 333 ГК РФ // Закон. 2006. № 12. С. 23–31.

[3] Гаврилов Э.П. О введении в Гражданский кодекс РФ общих норм, устанавливающих принцип добросовестности // Хозяйство и право. 2013. № 8. С. 3–9.

[4] Матанцев Д.А. Злоупотребление правом в гражданско-правовых обязательствах // Бюллетень нотариальной практики. 2011. № 4. С. 4–5.

[5] Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. 1996. P. 106, 107.

[6] Access to Civil Procedure Abroad / Ed. by Snijders Henk J. London: Sweet & Maxwell Ltd., 1996. P. 25.

(именно такое, буквальное толкование было представлено в Постановлении Президиума ВАС РФ от 31.05.2005 № 16697/04 и тиражируется нижестоящими судами[1]) и предполагает допустимость реализации этого правомочия лишь в исключительных ситуациях, особенно когда речь идет о случаях взыскания неустойки с предпринимателя или в пользу потребителя[2], распространенная практика применения этой статьи свидетельствует об обратном. Суды считают уменьшение неустойки возможным даже в таких особенно чувствительных для граждан обязательствах как связанных с осуществлением в их пользу выплат по программе обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и с передачей им объектов долевого строительства[3].

Интересно, что в судебной практике некоторых европейских государств наблюдается аналогичная тенденция в сторону увеличения возможностей по сужению объема штрафных санкций судами, которые могут уменьшать сумму, если они находят ее чрезмерной[4]. Более того, в случае очевидного отсутствия негативных последствий у кредитора из-зи неисправности должника суд может снизить размер неустойки до символичной суммы, к примеру, до 1 евро[5], или полностью воспретить эту санкцию как несправедливую[6]. При этом, как отмечается в литературе, суды при принятии таких решений исходят не только из соотношения неустойки с наличием или величиной убытков кредитора, но и учитывают соотношение переговорных возможностей сторон, степень их добросовестности, финансовое состояние нарушителя[7], т.е. реализуют преимущества института контроля за размером санкций полиаспектно.

---

[1] Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 03.06.2022 № А78-9283/2021; Постановление АС Московского округа от 07.02.2023 № А40-179975/2020.

[2] В пункте 34 Постановления от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» Пленум ВС РФ подчеркнул, что при рассмотрении дел о защите прав потребителей ст. 333 ГК РФ применима только в исключительных случаях, при том, что суд обязан указать мотивы, по которым уменьшение размера неустойки признается допустимым.

[3] Пункт 85 Постановления Пленума ВС РФ от 08.11.2022 № 31; Определение ВС РФ от 31.01.2023 № 18-КГ22-139-К4.

[4] Vitkus S. Penalty clauses within different legal systems // Social Transformations in Contemporary Society. 2013. Vol. 1. P. 157.

[5] Marsh P.D.V. Comparative Contract Law. England, France, Germany. 1996. P. 331.

[6] Mattei U. The Comparative Law and Economics of Penalty Clauses in Contracts // The American Journal of Comparative Law. 1995. Vol. 43. P. 427–444.

[7] Miller L. Penalty Clauses In England And France: A Comparative Study // International and Comparative Law Quarterly. 2004. Vol. 53(1). P. 79–106.

В большинстве случаев российские правоприменители *de-facto* относятся к праву, предоставленному ст. 333 ГК РФ, как к своему правовому и этическому долгу. Ссылки на данную норму «повторяются как мантра в тысячах судебных актов»[1]. Суды с опорой на нее практикуют усечение не только договорной, но и законной неустойки[2], несмотря на критику такой практики в доктрине (законная неустойка отличается от меры договорной ответственности именно тем, что определена непосредственно законом в редакции правовой нормы, являющейся общеобязательной к применению[3]). Имеет место также разъяснение о праве суда, разрешающего спор, уменьшить законную неустойку *по собственной инициативе*[4].

Кроме того, суды констатируют, что неисправный должник не лишен права ставить вопрос о применении ст. 333 ГК РФ после того, как неустойка по требованию кредитора списана со счета должника, либо она зачтена кредитором в счет суммы основного долга (п. 79 Постановления № 7), либо кредитор удержал (зачел) сумму неустойки в счет погашения своего обязательства перед должником[5].

Следует отметить и то, что при рассмотрении особенностей штрафной неустойки как «сверхкомпенсационной» санкции в науке со ссылкой на ее частно-публичную природу непосредственное применение к ней классических цивилистических условий уменьшения размера неустойки по ст. 333 ГК хотя и определяется как «невозможное», право суда на контроль ее соразмерности принципиально не отрицается[6].

Можно заключить, что наблюдается устойчивая тенденция к интенсивному

---

[1] Гаврилов Э.П. О неустойке и процентах за неисполнение денежного обязательства после принятия изменений в общую часть обязательственного права // Хозяйство и право. 2015. № 6. С. 3–13.

[2] Пункты 69, 78 Постановления № 7; пункт 7 «Обзора судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции», утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2017 // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 10.

[3] Синицын С.А. Право суда на снижение взыскиваемой неустойки: правовая природа, условия и область практического применения в современных условиях // Адвокат. 2015. № 4. С. 18–29.

[4] Пункт 39 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 8.

[5] Постановление Президиума ВАС РФ от 10.07.2012 № 2241/12; Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг, утв. Президиумом ВС РФ 27.09.2017 // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 10. Интересно, что в ряде случаев суды реализуют право на вмешательство в определение размера неустойки даже в случае согласования ее размера и признания верным расчета конкретной величины после состоявшегося нарушения (см.: Постановление ФАС Московского округа от 19.05.2004 № КГ-А41/3051-04).

[6] Слесарев В.Л., Кравец В.Д. Штрафная неустойка как «сверхкомпенсационная» санкция и особенности ее применения в делах с участием потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 59–64.

применению ст. 333 ГК РФ в целях обеспечения адекватности размера всякой неустойки вне зависимости от ее разновидности, способа и сферы начисления.

Пути применения ст. 333 ГК РФ к иным имущественным санкциям

С учетом отмеченной тенденции при общей положительной частноправовой оценке рассматриваемого правила возникает серьезный повод задуматься о возможности применения механизма судебного уменьшения неустойки за пределами собственно неустоечных отношений. Наблюдаемая социализация гражданско-правового воздействия[1] побуждает к принятию судами решений не только формально законных, но и отвечающих социально-экономической справедливости[2]. Суды отходят от рассмотрения споров *stricto jure* и стремятся предотвратить злоупотребление правом[3], воспрепятствовать внеэкономическому обогащению кредитора[4]. Соответственно, не мог не встать вопрос о праве (или даже об обязанности) суда осуществлять контроль за размером иных аналогичных экономических санкций, а равно схожих с неустойкой выплат, не связанных с нарушением, если такие санкции (выплаты) оказываются несоразмерными наступившим или грозящим кредитору вредным последствиям.

Поскольку в большинстве случаев нормативно очерченные конструкции таких (иных) санкций (процентов, удержаний, штрафов, компенсаций) не предусматривают самостоятельных механизмов контроля за их величиной, постольку указанный вопрос по существу вполне можно поставить как вопрос о пределах применения к ним положений ст. 333 ГК РФ.

С юридико-технической стороны положительный ответ на данный вопрос можно попытаться обосновать двумя способами: первый – попробовать раздвинуть внешние границы действия нормы ст. 333 ГК РФ путём квалификации отношений, похожих на неустоечные, в качестве таковых, т.е. расширительно истолковав

---

[1] Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 175–184.

[2] Лаптев В.А. Решения судов в составе судебной практики: применение закона и принципа справедливости // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 10. С. 28–33.

[3] Матанцев Д.А. Злоупотребление правом в гражданско-правовых обязательствах // Бюллетень нотариальной практики. 2011. № 4. С. 4–5.

[4] Богданов Д.Е. Справедливые начала договора и договорной ответственности // Адвокат. 2012. № 11. С. 38–49.

положения закона о понятии неустойки и возможности ее уменьшения судом; второй – воспользоваться опервтивно-распространительной силой норм института аналогии.

Негативное отношение к расширительному толкованию, приводящему к ущемлению гражданских прав (в данном случае – права кредитора на получение суммы неустойки в установленном договором или законом размере), можно считать устоявшимся и в науке[1], и в судебной практике (Конституционный Суд РФ в Постановлении от 30.10.2003 № 15-П подчеркнул, что при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями, чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования). Более того, представляется очевидной недопустимость принудительной судебной переквалификации в неустоечные отношений, для которых участники конкретного обязательства намеренно (и добросовестно) выбрали иной (обособленный от неустойки) нормативный механизм, либо с опорой на принцип свободы договора сформулировали непоименованный механизм, напоминающий неустойку, но отличающийся от нее в существенных признаках.

Что касается допустимости применения ст. 333 ГК РФ к отношениям, сходным с истребованием неустойки, по аналогии закона, то категорически отрицательного отношения к этому ни в доктрине, ни в правоприменительной практике не наблюдается. Напротив, тяга цивилистического мышления к аналогиям[2] и четкое понимание, что «безграничная свобода одних может превратиться в произвол по отношению к другим участникам гражданского оборота»[3], предопределило традуктивное суждение о коррекции любых экономических обременений неисправного должника. Конечно, в зависимости от

[1] Федотова Ю.Г. Правовые принципы ограничения прав и свобод человека и гражданина в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства // Современное право. 2015. № 7. С. 19–28.
[2] Гуляихин В.Н., Широ С.В. Правовое мышление как регулятор социального поведения // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 31–35.
[3] Камышанский В.П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3. С. 16.

специфики каждого конкретного объекта судебной рестрикции параметры допустимости применения аналогии и пределы судейского усмотрения могут определяться неодинаково. Но если цели экономических санкций и цели их судебного усечения являются когерентными, то использование судами метода аналогии выглядит, по крайней мере, логичным и соответствующим «принципу универсальности права», требующему, чтобы аналогичные правовые случаи разрешались схожим образом[1].

Практика уменьшения имущественных санкций по аналогии с уменьшением неустойки

В пользу допустимости применения ст. 333 ГК РФ по аналогии обозначенный вопрос решается в нескольких типичных случаях.

Во-первых, долгое время считалось возможным уменьшать проценты за пользование чужими денежными средствами, начисленные по ст. 395 ГК РФ[2], хотя в науке не оспаривалось, что эти проценты при внешней схожести с неустойкой не могут квалифицироваться в качестве таковой ни формально, ни по существу[3]. Ключевым аргументом в пользу использования по аналогии норм о неустойке к процентам выступал довод о сходной компенсационной направленности данных санкций.

Во-вторых, несмотря на то, что используемые в договорном взаимодействии неденежные («вещные», «товарные») неустойки в силу легального определения неустойки (как денежной суммы) не являются неустойками[4] и потому чаще всего конструируются сторонами именно в расчете, что не будут уменьшены судом в случае спора[5], в доктрине и в правоприменении сложилась позиция о

---

[1] Maris C.W. Milking the Meter. In: Legal Knowledge and Analogy. Edited by P.J. Nerhot. Kluwer academic publishers, Dordrecht, Netherlands. 1991. P. 73, 74.

[2] Пункт 7 Постановления Пленума ВС РФ № 13, Пленума ВАС РФ № 14 от 08.10.1998 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» // Бюллетень ВС РФ. 1998. № 12. Данный пункт ныне утратил силу.

[3] Курбатов А.Я. Соотношение неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами // Гражданское право. 2020. № 4. С. 3–6.

[4] Как верно подмечено, использование для обозначения изобретаемого способа обеспечения обязательств термина «неустойка» обусловлено ассоциативностью мышления, подбирающего термин, аналогичный уже имеющемуся (см.: Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. С. 48).

[5] Новикова А.А. Неденежная неустойка: теоретические и практические проблемы применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2. С. 69–73.

правомерности аналогического использования ст. 333 ГК РФ для устранения возможной диспропорции между негативными последствиями нарушения обязательства, обеспеченного таким непоименованным способом, и размером налагаемой на нарушителя санкции. То, что «вещная неустойка» не является видом неустойки, а представляет собой непоименованный способ обеспечения, отнюдь не помешало выводу о возможности применения к отношениям, связанным с ее начислением, правил, относящихся к истинной неустойке по аналогии закона ввиду сходства отношений, складывающихся при уплате обеих санкций[1]. Как уточнил Ю.В. Романец, соглашение о «товарной» неустойке характеризуется родовым качеством неустойки и не имеет специального признака, а потому к таковой должны применяться все правила о неустойке (включая ст. 333 ГК РФ), на которые не влияет денежная специфика[2]. Действительно, уже в п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»[3] было разъяснено, что если в качестве меры ответственности неисправный должник обязуется передать кредитору вещи, суд вправе уменьшить их количество «применительно к ст. 333 ГК РФ». Ныне этот пункт утратил силу, но его содержание воспроизведено в п. 60 Постановления № 7, причем, если первоначальную формулировку «применительно к ст. 333 ГК РФ» приходилось «переводить на более понятный язык, применяемый в ГК РФ»[4], чтобы уяснить, что речь идет об аналогии закона, то действующее прямо, «без переводчика» отсылает к ст. 333 ГК РФ через п. 1 ст. 6 ГК РФ, т.е. предписывает обращаться к аналогии.

В-третьих, хотя между неустойкой и задатком обнаруживается ряд значимых отличий в юридической природе и сущностных характеристиках[5], а фиксированный размер задатка называется с точки зрения эффективности обеспечения обязательства в числе его немногочисленных, но весомых

[1] Бычков А.И. Практические аспекты использования конструкции «вещная неустойка» // Юрист. 2012. № 12. С. 18–23.
[2] Романец Ю.В. Непоименованные обязательства в системе гражданских договоров // Закон. 2013. № 5. С. 174–179.
[3] Вестник ВАС РФ. 2012. № 2.
[4] Гаврилов Э. О неустойке // Хозяйство и право. 2012. № 10. С. 30–35.
[5] Полдников Д.Ю. Задаток в частном праве (история и современность) // Нотариус. 2006. № 3. С. 30–37.

преимуществ[1], идея о возможности усечения задатка, остающегося у его получателя, или суммы двойного задатка, взыскиваемого с последнего, если размер накладываемого на нарушителя имущественного бремени несоразмерен последствиям нарушения, получила доктринальное обоснование и практическую легализацию. Так, А.Г. Карапетов считает применимость ст. 333 ГК РФ к задатку очевидной, а доводы против этого критикует как противоречащие логике и справедливости[2]. Высказано мнение, что неиспользование механизма уменьшения санкции виде задатка может привести к ситуации, в которой произойдет необоснованное обогащение контрагента, не понесшего никаких убытков[3]. В свою очередь, именно такая логика придания справедливости и сбалансированности обеспечительному механизму задатка была воспринята в судебной практике: в п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 судам предписано учитывать, что ст. 333 ГК РФ по аналогии применяется к предусмотренным п. 2 ст. 381 ГК РФ мерам ответственности за неисполнение договора, обеспеченного задатком, то есть что при взыскании двойной суммы задатка возможно по заявлению ответчика снизить чрезмерный размер половины указанной суммы и что сторона, давшая задаток, также вправе ставить вопрос об аналогическом применении к сумме задатка, оставшегося у другой стороны, ст. 333 ГК РФ[4].

В-четвертых, квалификация штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя (п. 6 ст. 13 Закона «О ЗПП») в качестве гражданско-правовой меры (а не публичной санкции)[5], привела к формированию подхода о допустимости уменьшения размера такого штрафа по ст. 333 ГК РФ[6]. При этом важно подчеркнуть, что отличное от неустойки происхождение данного

---

[1] Ермошкина М.Ф. Задаток: проблемы и новые возможности // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: Сб. статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2010. С. 155–172.

[2] Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Соломкина Д.Я. Задаток по российскому гражданскому праву. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 11.

[4] Примечательно, что такой подход не только уменьшает привлекательность задатка в договорном взаимодействии, но и заставляет правоведов ставить вопрос, не относится ли он и к суммам отступного (см.: Монастырский Ю.Э. Задаток в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 133–165).

[5] Пункт 10 Письма Роспотребнадзора от 23.07.2012 № 01/8179-12-32 «О постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».

[6] Определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.08.2016 № 2-767/20154.

штрафа, предполагающее существенную роль суда в инициировании его взыскания и несущего помимо частно-обеспечительного весомый карательный эффект[1], предопределило практику использования ст. 333 ГК РФ для его уменьшения именно по аналогии, а не напрямую. Как указал А.С. Кусков, поскольку законодательством допускается снижение размера лишь неустойки, единственно возможным путем применения ст. 333 ГК РФ в отношении штрафа является аналогия[2]. Необходимо также обратить внимание, что несмотря на четкое указание Пленума ВС РФ прибегать к снижению размера штрафа строго в исключительных случаях[3], практикующие юристы констатируют противоположную тенденцию – суды под тем или иным предлогом «проявляют милосердие» к проштрафившимся предпринимателям в большинстве ситуаций[4].

В-пятых, констатируя, что в настоящее время отсутствует сформировавшийся подход к оценке применимости ст. 333 ГК РФ к такой новой самостоятельной (перечисляемой в законе «через запятую» с неустойкой) разновидности санкций как компенсация за нарушение акционерного соглашения[5], едва ли возможно априори исключить идею о принципиальной допустимости судебного контроля над определением размера такой компенсации по аналогии с приведением к разумному, сбалансированному размеру обычных неустоек. С одной стороны, в силу того, что в п. 7 ст. 32.1 Закона «Об АО» компенсация определена (изолированно от неустойки) как твердая денежная сумма или сумма, подлежащая определению в порядке, указанном в акционерном соглашении, высказано мнение, что ее размер не может быть снижен судом[6]. С другой стороны,

---

[1] Богдан В.В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики: Дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2015. С. 135.

[2] Кусков А.С. Снижение судом штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя: анализ правовых позиций судов высших инстанций // Право и экономика. 2019. № 5. С. 68–73.

[3] Данная позиция был выражена в п. 45 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 8.

[4] Байдаров А.Д. Особенности правового регулирования финансовой основы деятельности общественных объединений потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 62–67; Кратенко М.В. К вопросу о реформе законодательства о защите прав потребителей // Судья. 2014. № 1. С. 18–23.

[5] Как верно отмечено, ее судебная апробация еще не состоялась (см.: Мальбин Д.А. Уменьшение размера имущественной ответственности: постановка проблемы // Гражданское право. 2021. № 1. С. 18–21).

[6] Иноземцев М.И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств: Монография / МГИМО МИД России. М.: Статут, 2020. 176 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Масляев А.И. Акционерное соглашение в международном частном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 145; Петров И.В. Тенденции развития корпоративного договора в гражданском праве Российской Федерации //

следует согласиться, что тезис о невозможности уменьшения компенсации лишь по причине, что ее следует отличать от неустойки, оказывается «поверхностным и уязвимым»[1], и предположить, что суды все-таки будут вторгаться в определение ее величины. При этом вероятно использование для подобного вторжения именно аналогии со ст. 333 ГК РФ, так как, текстуально отделив компенсацию от неустойки в ряду мер ответственности, законодатель не лишил компенсацию характерного для неустойки восстановительного характера и не определил внятных отличий этой меры от твердого штрафа[2].

Уместно напомнить, что первоначально проект законодательных изменений в части регулирования акционерных соглашений не содержал указания на компенсацию, а предполагал особый запрет на снижение судом неустойки за нарушение акционерного соглашения. Однако перспектива введения неснижаемой неустойки была отвергнута Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства как открывающая неприемлемую возможность для «перелива» значительных средств без какого-либо судебного контроля[3]. В итоге законодатель поступил осторожно, хотя и сделав намек на повышенную прочность санкции за нарушение акционерного соглашения, но воздержавшись от разъяснения юридической природы этой санкции и фактически оставив вопрос о применении к ней ст. 333 ГК РФ лакунным.

В-шестых, не являются редкими и экзотическими результативные попытки аналогического уменьшения размера астрента, начисляемого в соответствии со ст. 308.3 ГК РФ[4], что находит научную поддержку[5].

В-седьмых, обращает на себя внимание практика аналогической

Юридический мир. 2016. № 12. С. 50–53.

[1] Поваров Ю.С. Последствия нарушения акционерного соглашения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 51–58.

[2] В этом отношении верно указано, что в представленном нормативном виде компенсация мало отличается от неустойки (см.: Гутников О.В. Особые меры гражданско-правовой ответственности в корпоративном праве как базисная характеристика корпоративной ответственности // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 72–84).

[3] Из практики Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2008. № 1.

[4] Постановление АС Московского округа от 04.04.2023 № Ф05-3615/2023; Постановление АС Дальневосточного округа от 15.06.2023 № Ф03-2076/2023.

[5] Манохин О.Г. Особенности применения положений ст. 333 ГК РФ при определении размера судебной неустойки // Гражданское право. 2023. № 6. С. 43–45; Петрова Е.С. О некоторых проблемных аспектах применения института астрента в российском праве // Российский судья. 2023. № 4. С. 53–56.

корректировки судами суммы заранее оцененных убытков (liquidated damages) как особого средства восстановления имущественной сферы кредитора, широко применяемого в странах англо-американской системы и ныне активно по образцу с зарубежным аналогом конструируемого в отечественной договорной практике.

С одной стороны, принимая во внимание ряд преимуществ конструкции заранее оцененных убытков (способность обеспечить определенность юридических последствий тех или иных действий стороны договора[1], гарантировать простоту оценки коммерческого риска при принятии решения о том, какие ресурсы следует использовать для исполнения договорных обязательств[2], оптимально распределить риски неисполнения обязательств в условиях двусмысленности и интерпретационной неоднозначности условий договора[3]), российские правоведы ориентируются, прежде всего, на строгое отграничение liquidated damages от неустойки. Уже по определению заранее оцененные убытки являются экономическим суррогатом, денежной компенсацией кредитору не полученного им реального исполнения, которая нацелена не на наказание должника, а на обеспечение кредитору того имущественного положения, к которому он должен были прийти, если бы контрагент оказался исправным[4]. При этом данный суррогат представляет разумно рассчитанную сторонами сумму, способную покрыть предвидимые потери должника, доказывание наличия и размера которых в будущем может стать затруднительным. В таком понимании, если суд придет к выводу, что стороны имели в виду не наказание (штраф), а компенсацию последствий нарушения договора, должник не вправе требовать присуждения ему иной (отличной от оговоренной) суммы. То есть вмешательство суда в определение суммы предвидимых убытков, установленных сторонами добросовестно, разумно и достоверно, невозможно как с позиций англо-

[1] Manly QC. R. The Benefits of Clauses that Liquidate, Stipulate, Pre-Estimate or Agree Damages // Building and Construction Law Journal. 2012. Vol. 28. № 4. P. 246–266.
[2] Wood M. Delay Damages // Sloan Plumb Wood Legal Article. London, 2014. P. 1 –10.
[3] Grant S., Kline J., Quiggin J. A matter of interpretation: Ambiguous contracts and liquidated damages // Games and Economic Behavior. 2014. Vol. 85. Iss. C. P. 180–187.
[4] Friedmann D. The Performance Interest in Contract Damages // Law Quarterly Review. 1995. Vol. 111. P. 628–654; Webb C. Performance and compensation: an analysis of contract damages and contractual obligation // Oxford Journal of Legal Studies 2006. Vol. 26 (1). P. 41–71.

американского права, так и по логике отечественного законодательства.

С другой стороны, отсутствие прямого нормативного закрепления данного механизма в отечественном праве или хотя бы легализующего его законодательного упоминания породило серьезные сложности в договорной работе и правоприменении и предопределило *аналогическое подведение* заранее оцененных убытков под неустойку. Упоминая заранее оцененные убытки в сравнении с возмещением потерь, А.В. Томсинов проводит аналогию не с убытками, а с неустойкой[1]. По мнению А.Г. Карапетова, при обнаружении в договоре условия о взыскании с должника в связи с нарушением им обязательств точной суммы, которое стороны обозначили как заранее оцененные убытки, суды должны квалифицировать такое условие в качестве неустойки, поскольку в российском праве нет оснований для выделения заранее оцененных убытков в качестве некой самостоятельной экономической санкции[2]. Именно так преимущественно стали поступать российские суды, видимо, рассуждая в духе «как ты неустойку ни назови, она не перестает быть неустойкой»[3].

Отмеченные позиции позволяют сделать вывод о фактическом господстве в судебной практике общей логики о возможности снижения размера всякой санкции в случае ее несоразмерности последствиям нарушения гражданско-правового обязательства. Более того, обнаруживается стремление признать право суда на вмешательство в определение размера выплат, похожих на неустойку, но не связанных с нарушением. Так, распространены споры, в которых аналогической корректировке по ст. 333 ГК РФ подвергаются повышенные арендные платежи за фактическое пользование имуществом после прекращения действия договора аренды[4]. Высказано мнение, что возможность применения ст. 333 ГК РФ по аналогии должна признаваться для контроля за ставкой процентов, начисляемых

---

[1] Томсинов А.В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 91–111.

[2] Карапетов А.Г. Комментарий к статьям 330 - 333 Гражданского кодекса РФ о неустойке в сфере последней судебной практики // Защита гражданских прав. М.: Статут, 2017. С. 177–201.

[3] Постановление ФАС Московского округа от 13.03.2009 № А40-28523/08-37-246.

[4] Постановление ФАС Московского округа от 05.04.2011 № КГ-А40/475-11; Постановление АС Северо-Западного округа от 30.06.2015 № Ф07-3579/2015.

по ст. 317.1 ГК РФ[1], хотя такие проценты и не являются мерой ответственности.

По всей видимости, осознание указанной парадигмы вынудило законодателя упредить попытки судебного снижения размера согласованного по ст. 406.1 ГК РФ возмещения потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств, не связанных с нарушением обязательства его стороной, а Пленум ВС РФ подтолкнуло к формулированию разъяснения, что правила ст. 333 ГК РФ при взыскании процентов, начисляемых по ст. 317.1 ГК РФ, применяться не должны (п. 76 Постановления № 7).

Предпринимаются также попытки применить механизм уменьшения неустойки за пределами гражданского (и вообще частного) права, к примеру, для корректировки пеней за нарушение налоговых и таможенных обязательств[2]. Хотя этот подход не получил распространения, некоторые ученые признали его «впечатляющим»[3] и поддержали, считая, что применение к отношениям по уплате пени за несвоевременное внесение налогов по аналогии закона ст. 333 ГК РФ было бы разумным и справедливым, повышающим авторитет судебной системы[4].

Причины нежелательности применения ст. 333 ГК РФ по аналогии

Формально ст. 6 ГК РФ ни прямо, ни косвенно не запрещает аналогическое распротстранение ст. 333 ГК РФ. Более того, ее использование по аналогии к отношениям по взысканию непоименованных имущественных санкций, конструируемых на основании признаваемой законом свободы договора, с принятием ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ обрело дополнительную опору в обновленном п. 2 ст. 421 ГК РФ, в котором появилось уточнение, что возможность применения аналогии закона к отдельным отношениям сторон по договору, не предусмотренному законом или иными правовыми актами (при отсутствии в нем признаков смешанного договора), не исключается.

---

[1] Егорова М.А., Арсланов К.М. Проценты по денежному обязательству: краткий комментарий статьи 317.1 ГК РФ // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1. С. 15–21.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 1999 года, утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 05.04.2000 // Бюллетень ВС РФ. 2000. № 7.

[3] Дрыга М.А. К вопросу о применении к налоговым правоотношениям положений гражданского законодательства // Финансовое право. 2016. № 6. С. 32–36.

[4] Садиков О.Н. Гражданско-правовые категории в публичном праве // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 19–28.

Однако к повсеместной экстраполяции права судебной корректировки неустойки по аналогии за пределы неустоечных отношений видится необходимым отнестись критически.

Во-первых, следует крайне осторожно действовать при реализации межотраслевых аналогий. Таковые могут иметь место только в тех случаях, когда это не приводит к столкновению разноотраслевых методов, принципов и целей правового воздействия. Согласно п. 3 ст. 2 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Поэтому, несмотря на схожесть налоговых пеней с неустойкой за нарушение денежного обязательства, суды в большинстве случаев обосновывают недопустимость снижения размера налоговых пеней на основании ст. 333 ГК РФ[1]. Аналогичным образом (имея в виду отрицание возможности использования ст. 333 ГК РФ в публично-правовой сфере) суды разрешают споры о размере пеней за несвоевременное перечисление страховых пенсионных взносов[2].

Во-вторых, строго отрицательно к идее об использовании нормы ст. 333 ГК РФ по аналогии необходимо относиться в случаях, когда речь идет об оценке таких схожих с неустойкой по компенсационному частноправовому характеру мер ответственности как компенсация морального вреда (ст. 151 ГК РФ, Определение Конституционного Суда РФ от 07.10.1999 № 137-О) и компенсация за нарушение исключительных прав (п. 3 ст. 1252, п. 4 ст. 1515 ГК РФ, Постановление Президиума ВАС РФ от 04.02.2014 № 9189/13). В этих случаях размер санкции изначально определяется не законом или соглашением сторон, как размер неустойки, а судом с учетом обстоятельств конкретного дела. Это означает, что аналогия закона здесь неуместна не только по существу, но и по формальной причине, ввиду существования специального регулирования – при оценке

[1] Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 27.10.2008 № А78-972/08-С3-11/43-Ф02-4860/08; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 25.10.2004 № А56-14763/03; Постановление Президиума Томского областного суда от 21.03.2012 № 44г-8/2012.

[2] Постановление Президиума ВАС РФ от 17.06.1997 № 777/97.

соразмерности совершенного нарушения и ответственности суду изначально предоставлена возможность определения конкретной суммы компенсации в пределах, установленных законом[1].

В силу этой же логики можно признать несостоятельными попытки использования ст. 333 ГК РФ для уменьшения размера судебной неустойки, присуждаемой по ст. 308.3 ГК РФ: ее размер уже на момент принятия решения определяется на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения, исходя из степени сопротивления должника исполнению обязательства[2].

Здесь необходимо также отметить мнение, что денежная компенсация за нарушение акционерного соглашения как самостоятельная мера ответственности, отличная от убытков и неустойки, была введена в п. 7 ст. 32.1 Закона «Об АО» *по аналогии* со схожим институтом, встречаемым в п. 3 ст. 1252 ГК РФ, когда лицо, исключительное право которого нарушено, не обязано доказывать размер убытков, ограничившись лишь доказыванием факта нарушения, причем размер компенсации может не коррелировать с размером ущерба от нарушения[3]. Если отталкиваться от такой аналогии, то идея о невозможности определения размера компенсации за нарушение акционерного соглашения по правилам ст. 333 ГК РФ через аналогию получает дополнительный довод.

Более того, если из обстоятельств конкретного дела последует, что установленная в акционерном соглашении на случай его нарушения компенсация нацеливается на полное восстановление имущественной сферы потерпевшего, как это свойственно для закрепленного в новой ст. 406.1. ГК РФ механизма возмещения потерь, то применение по аналогии нормы п. 2 ст. 406.1. ГК РФ, согласно которой суд не может уменьшить возмещение потерь, добавляет выводу о невозможности уменьшения компенсации еще больший вес.

---

[1] Постановление Восьмого ААС от 14.09.2022 № А46-22200/2021.
[2] Определение ВС РФ от 05.06.2018 № 305-ЭС15-9591.
[3] Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10. С. 22–69.

Для того, чтобы формально легализовать публичное вмешательство в сферу частных интересов (усечение ответственности должника и ограничение прав кредитора), видится необходимым обеспечить максимальную полноту и определенность правовых норм, в рамках которых происходят соответствующие ограничения. Поэтому, следует, отказавшись от идеи использования ст. 333 ГК РФ по аналогии, нормативно предусмотреть специальный механизм такого вторжения. Реализацию данного предложения целесообразно осуществить одновременно с выведением нормы о способах судебной защиты прав сторон акционерного соглашения (п. 7 ст. 32.1. Закона «Об АО») на уровень общих правил о корпоративном договоре, что позволит ликвидировать аналогичный пробел в механизме судебной защиты и контроля за адекватностью санкций, применяемых при нарушении договора об осуществлении корпоративных прав участниками обществ с ограниченной ответственностью[1].

В-третьих, заслуживает поддержки судебный подход, предполагающий отрицание права суда на уменьшение по аналогии с неустойкой таких денежных предоставлений, которые похожи на неустойку порядком исчисления и связанностью с определенным законом или договором поведением должника, но не представляют собой меры имущественной ответственности. Иной подход означал бы, по существу, не достижение адекватности наказания тяжести нарушения, а вторжение в рыночный процесс формирования цены объектов экономического обмена. В частности, Пленум ВАС РФ разъяснил, что именно по этой причине суды не могут применять правила о праве суда на уменьшение размера неустойки при рассмотрении споров, связанных с взысканием с грузоотправителей сборов за непредъявление грузов для перевозки[2]. В русле именно такой логики следует практика, согласно которой не могут быть уменьшены по ст. 333 ГК РФ проценты по договору беспроцентного займа, предусмотренные к начислению и уплате при неуплате суммы займа в

[1] Вариант дополнения п. 6 ст. 67.7 ГК РФ, сформулированного по аналогии с нормой п. 2 ст. 406.1 ГК РФ и с опорой на смысл ст. 10 ГК РФ, представлен в заключении настоящей работы.
[2] Пункт 8 Постановления от 06.10.2005 № 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 1.

установленный договором срок[1].

В-четвертых, важно осознавать, что субъективное право на неустойку представляет собой гарантированную законом возможность кредитора требовать полного восстановления его имущественного положения. Соответственно, изменить размер охранительной обязанности могут только сами стороны неустоечного обязательства, поскольку суд не является его стороной[2]. В силу этого, снижая размер неустойки, суд ситуационно ограничивает право кредитора[3]. Поэтому вывод о недопустимости применения заложенного в ст. 333 ГК РФ ограничения по аналогии к иным экономическим санкциям, как минимум, следует из упомянутого общеправового принципа *nullum poena sine lege*. В этом смысле следует согласиться с тем, что объемы свободы и произвола должны устанавливаться только законодателем[4].

В-пятых, следует помнить о формальных условиях применения частноправовой аналогии (содержание применяемой нормативной конструкции не должно противоречить юридической природе подлежащего регламентации пробельного отношения; применение к спорному отношению по аналогии такой конструкции, которая не способна урегулировать это отношение напрямую, не должно делать ее саму внутренне противоречивой[5]).

Думается, что использование правил уменьшения неустойки по аналогии для корректировки иных санкций нелегитимно в каждом из отмеченных аспектов. Урезаемые судом предоставления во многом теряют заложенные в них преимущества и смысл, а ст. 333 ГК РФ из сугубо частного средства благодаря аналогии необоснованно превращается в мегарегулятор, всеобщее мерило добросовестности и экономической сбалансированности. При этом отсутствие в правовых моделях иных экономических санкций механизма судебной рестрикции

---

[1] Определение ВС РФ от 29.03.2016 № 83-КГ16-2.
[2] Кархалев Д.Н. Договорная ответственность в гражданском праве // Российская юстиция. 2015. № 8. С. 14–18.
[3] Микрюков В. А. Пределы ограничения судами прав кредитора на основании ст. 333 ГК РФ // Российский судья. 2014. № 4. С. 16–19.
[4] Богданов Е.В. Свобода и произвол как элементы договорного регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 41–53.
[5] Кузнецова О.А. Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 316–317.

должно расцениваться как квалифицированное молчание законодателя, эквивалентное запрету, который суд не вправе игнорировать даже со ссылкой на разумную аналогию.

В-шестых, едва ли правильно считать, что суд повсеместно должен заботиться о нерадивых участниках частноправовых отношений, которые, будучи при вступлении в обязательства излишне оптимистичными, не проявляют должной заботливости и осмотрительности, забывают о возможности и необходимости осуществления своих прав своей волей и в своем интересе, не оценивают адекватно свои текущие и будущие финансовые возможности. Патерналистская опека судом нарушителя обязательства видится уместной только тогда, когда она опирается на волю законодателя, который объяснил, почему он в конкретных ситуациях считает правильным в большей степени защищать интересы неисправного должника, а не кредитора. Иной подход к определению пределов применения ст. 333 ГК РФ по аналогии означал бы использование аналогии для нехарактерных целей и ее превращение из средства преодоления правовой неопределенности в дискреционный инструмент ситуационного блокирования формально правомерного, но нежелательного экономического поведения.

В-седьмых, интенсификация и расширение сферы аналогического применения ст. 333 ГК РФ буквально подталкивает к продвижению идеи об осуществлении «правовой трансплантации»[1] и прямом законодательном закреплении конструкции liquidated damages путем соответствующего дополнения положений ст. 393 ГК РФ[2].

Думается, что включение в ст. 393 ГК РФ норм о праве участников договорных обязательств согласовать размер предвидимых убытков на случай нарушения обязательства вызовет вопрос о значимости установленных в п. 5 этой статьи положений, согласно которым размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности и суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков только на

---

[1] Watson A. Legal Transplants: an Approach to Comparative Law. (2 ed.). University of Georgia Press, 1993. P. 95–101.
[2] Сятчихин А.В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 15.

том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В свете этой нормы принципиальные преимущества договорной оценки предвидимых убытков оказываются неясными, поскольку п. 5 ст. 393 ГК РФ и так позволяет кредитору во всяком случае получить возмещение убытков в разумном и справедливом размере.

Кроме того, сама по себе легализация liquidated damages не даст однозначного ответа на принципиальный в рассматриваемом контексте вопрос о праве (обязанности) суда взыскать убытки в меньшем, чем обусловлено сторонами, размере. В этом видится главное уязвимое место конструкции заранее оцененных убытков. Нерешенность именно этого вопроса практически сводит на нет перспективы законодательного закрепления этой конструкции в российском праве. Избавившись от бремени доказывания размера фактических убытков, участники договорных связей обретут новое бремя – доказывания предвидимости той суммы убытков, о которой они обусловились, а также обоснования проявленной ими разумности и добросовестности при осуществлении ее расчета. Но еще в советской правовой науке возможность корректного расчета потенциальных убытков вполне логично воспринималась как «нагромождение фикций», ведь если трудно определить убытки после нарушения договора, то в момент его заключения это сделать просто невозможно[1].

Если исходить из того, что отличия liquidated damages от штрафа заключаются, прежде всего, в добросовестной предварительной оценке имущественных потерь кредитора вследствие нарушения должника[2], и принять во внимание, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным по инициативе суда (п. 1 Постановления № 25), становится понятным: легализация особой разновидности убытков неизбежно запустит долгий и болезненный процесс наработки критериев оценки добросовестности в соответствующей ситуации и формирования практики отграничения твердых (не подлежащих судебному усечению) убытков от поддающейся судебному воздействию неустойки.

---

[1] Райхер В.К. Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 164, 165.
[2] Богданова Е.Е. Актуальные проблемы возмещения убытков в договорных обязательствах // Гражданское право. 2015. № 3. С. 6–9.

Легко представить, что вооружившись идеей о недопустимости превращения «заранее оцениваемых» убытков в «произвольно устанавливаемые», суды станут повсеместно, как это имеет место с неустойками, вторгаться в определение размера взыскиваемых убытков. Принцип добросовестности как мера контроля за размером убытков может стать средством произвольного вмешательства судов в частные дела, вызвать общую угрозу коммерческой уверенности субъектов договорных обязательств, связываемых некими прямо нигде не предусмотренными, но вытекающими из требования о добросовестности условиями[1]. Следует иметь в виду и такой важный момент, негативно влияющий на перспективы внедрения liquidated damages в российское право, как то, что согласованная сумма убытков во многих случаях может оказаться причиной сознательного нарушения обязательства, если должник видит в этом большую экономическую выгоду, т.е. не исключен эффект снижения устойчивости контрагентов к нарушению тех договоров, в которых предусмотрено возмещение заранее оцененных убытков[2].

Как видно, введение liquidated damages в российское законодательство создаст лишь видимое расширение числа инструментов защиты нарушенных прав, устойчивых к активно используемому российскими судами по аналогии со ст. 333 ГК РФ «праву редукции», но в действительности создаст почву для новых форм злоупотребления правом.

Наконец, необходимо учитывать, что помимо ст. 333 ГК РФ закон имеет ряд иных конструкций, при помощи которых суды могут *pleno jure* контролировать адекватность размеров применяемых экономических санкций, вторгаться в договорную свободу и ограничивать конкретные гражданские права: применение к договорам, содержащим несправедливые условия, положений п. 2 ст. 428 ГК РФ о договорах присоединения (слабая сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если он хотя и не противоречит законодательству, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида);

---

[1] Carlin T.M., Chau L. Good Faith–Time to Put the Genie Back in the Bottle // Journal of Law and Financial Management. 2004. Vol. 3. № 2. P. 22–30.

[2] Wilkinson-Ryan T. Do Liquidated Damages Encourage Breach? A Psychological Experiment // Michigan Law Review. 2010. Vol. 108. P. 633.

неприменение как ничтожных по ст. 169 ГК РФ условий договора, позволяющих сильной стороне извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения, признание недействительными сделок, совершенных с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности; инвалидация по правилам ст. 179 ГК РФ кабальных сделок.

В ряду подобных инструментов, пригодных для использования напрямую, а не по аналогии, наиболее универсальной видится заложенная в ст. 10 ГК РФ конструкция противодействия осуществлению гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, борьбы с действиями в обход закона с противоправной целью, а также с иным заведомо недобросовестным осуществлением гражданских прав. Как отмечено, ст. 10 ГК РФ в контексте обеспечения гражданско-правового принципа соразмерности ответственности имеет и взаимосвязь со ст. 333 ГК РФ, и самостоятельное применение (в том числе при невозможности обращения к механизму редукции по ст. 333 ГК РФ)[1]. Действительно, при установлении злоупотребительного поведения суды с опорой на ст. 10 ГК РФ могут отказывать лицу, требующему выплаты неустойки, в защите принадлежащего ему права полностью или частично, причем это правомочие может быть эффективно реализовано судами не только в случае объективной пробельности спорных отношений, но и в случае, когда стороны, злоупотребляя свободой договора, не применяют неустойку, а формулируют обеспечительно-карательную конструкцию, похожую на неустойку.

Примером адекватного подхода к выбору нормативного основания вмешательства в определение размера санкции, призванной минимизировать кредитору негативные последствия поведения должника, выступает то, как разъяснены особенности взыскания сходной с неустойкой компенсации за реализацию стороной обязательства права на односторонний отказ от его исполнения, предусмотренной п. 3 ст. 310 ГК РФ: если будет доказано, что размер указанной платы очевидно не соответствует неблагоприятным последствиям,

[1] Зайков Д.Е. Взыскание неустойки и злоупотребление правом: проблемы соотношения и толкования // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 64–73; Слесарев В.Л., Кравец В.Д. Принцип соразмерности и применение судами ст. 333 ГК РФ // Lex russica. 2017. № 5. С. 116–125.

вызванным отказом, а также обнаружится заведомо недобросовестное осуществление права требовать ее уплаты в этом размере, то в таком исключительном случае суд вправе отказать в ее взыскании полностью или частично именно по п. 2 ст. 10 ГК РФ, *а не через аналогию со ст. 333 ГК РФ*[1].

Иной не менее показательный пример резонного отказа от аналогического использования ст. 333 ГК РФ обнаруживается в п. 11 Постановления Пленума ВС РФ от 02.06.2015 № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации»[2] в котором сформулирована позиция, что при рассмотрении требований членов исполнительных органов организаций о взыскании выходных пособий, компенсаций и (или) иных выплат в связи с досрочным прекращением трудового договора (так называемых «золотых парашютов») судам следует проверять, не вступают ли соответствующие выплаты в противоречие с принципом недопустимости злоупотребления правом, не нарушают ли законные интересы организации, других работников и иных лиц (бенефициара организации, ее кредиторов). При установлении таких обстоятельств суды могут отказать в удовлетворении иска о взыскании с работодателя выплат в связи с прекращением трудового договора или уменьшить их размер.

§ 2. Аналогия в практике ограничения и обременения субъективных частных прав

Действующее российское законодательство содержит всего две специальных нормы, полностью воспрещающих использование аналогии как способа преодоления правовых пробелов в определенной сфере. Во-первых, в обеспечение принципа уголовно-правовой законности (преступность и наказуемость деяния, иные уголовно-правовые последствия могут определяться только УК РФ) не

[1] Пункт 16 Постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 1.
[2] Бюллетень ВС РФ. 2015. № 7.

допускается аналогия уголовного закона (п. 2 ст. 3 УК РФ). Во-вторых, в контексте того же принципа п. 2 ст. 5 ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» указывает на запрет применения по аналогии обязательных требований.

В отличие ряда гражданско-правовых кодексов стран ближнего зарубежья, закрепивших общий режим дозволения аналогии закона и аналогии права, но при этом установивших запрет на применение по аналогии норм, ограничивающих субъективные права и устанавливающие ответственность[1], действующий ГК РФ подобного правила не закрепляет. Применительно к частноправовым отношениям, складывающимся в семейной и жилищной сфере, где законодатель на принципиально разрешает применение законодательства по аналогии, каких-либо уточнений о пределах использования рассматриваемого приема при решении вопросов ограничения субъективных частных прав и возложении ответственности также не обнаруживается. Отсутствуют такие уточнения и в процессуальных нормах института аналогии.

Некоторые правоведы воспринимают в качестве примера запрета аналогии закона в гражданско-правовых отношениях (и даже как аннулирование принципа аналогии прав) норму п. 3 ст. 1227 ГК РФ о неприменении положений норм о вещных правах к интеллектуальным правам[2]. Однако суть аналогии как раз в том и состоит, что к пробельному отношению применяется норма, изначально на него не нацеленная, и даже те авторы, которые настаивают на квалификации п. 3 ст. 1227 ГК РФ именно в качестве запрета аналогии, в той части, в какой этот запрет не позволяет обеспечить должную правовую охрану интеллектуальной собственности, видят нарушение ст. 44 Конституции Российской Федерации[3].

Поскольку в науке высказана и последовательно проводится идея о несовпадающем, самостоятельном значении правовых категорий «ограничение» и

---

[1] См.: п. 3 ст. 5 ГК Республики Беларусь, п. 3 ст. 5 ГК Республики Молдова, п. 4 ст. 6 ГК Туркменистана, ст. 5 Республики Узбекистан.

[2] Алейников Б.Н. Интеллектуальные права: понятие, соотношение с вещными правами // Адвокат. 2016. № 7. С. 15–19; Гаврилов Э.П. Анализ статьи 1227 ГК РФ // Патенты и лицензии. 2021. № 10. С. 22–23.

[3] Гаврилов Е.В. Неприменение к интеллектуальным правам положений о вещных правах как пример запрета аналогии закона в гражданско-правовых отношениях // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 12. С. 25–34.

«обременение», обозначающих стеснения (ущемления) субъективных частных прав, различающиеся по существу, основаниям, возникновения, видам и пределам[1], постольку важно подчеркнуть, что в составе института аналогии в частном праве отсутствует норма, которая определяла бы возможность или недопустимость (либо условия того или иного варианта) применения аналогии при установлении и прекращении обременений. Данное обстоятельство указывает на существенную неопределенность в вопросе о пределах использования механизма аналогии при ограничении, обременении субъективных частных прав, а также при аналогическом применении норм об ответственности.

Аналогия в практике ограничения субъективных частных прав

При отсутствии нормативной ясности можно утверждать о формировании в правосознании российских правоведов, участников процесса реализации и применения права правового конструкта, согласно которому ни ограничение, ни обременение субъективных частных прав, ни установлении частноправовой ответственности в аналогическом порядке не допускается.

Довольно прочной является теоретическая позиция о невозможности применения по аналогии норм, устанавливающих изъятия из общих правил[2] (к числу которых нормы об ограничениях, обременениях и ответственности безусловно относятся). Аргументирован подход, согласно которому ограничения субъективных гражданских прав, хотя и не вытекают в большинстве случаев непосредственно из норм права, могут основываться только на основании нормативных и принятых в соответствии с ними индивидуальных актов, при том, что договорное конструирование ограничений по аналогии с существующими моделями неправомерно[3]. Некоторые авторы высказываются о неприменимости

---

[1] См. подробнее о проблеме соотношения данных понятий: Микрюков В.А. Содержание ограничений и обременений права собственности // Вестник Пермского университета. Серия юридические науки. 2011. № 2 (12). С. 125–129; Микрюков В.А. О свойстве эластичности права собственности при его ограничении и обременении // Вестник Пермского университета. Серия юридические науки. 2011. Выпуск 4 (14). С. 100–106; Микрюков В.А. Конструирование понятия гражданско-правового обременения в законодательстве // Законодательство и экономика. 2012. № 5. С. 39–45.

[2] См.: Алиэскеров М. Процессуальная аналогия в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 18–20; Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. 1: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 274; Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. С.-Пб., Киев: Н.Я. Оглоблин, 1913. С. 109.

[3] Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. М.: Статут, 2007. С. 53–66.

аналогии права и аналогии закона к юридической ответственности как об общеизвестном факте[1]. На уровне учебников утверждается, что меры юридической ответственности могут избираться только из установленного законом перечня и только в пределах санкции действующей статьи нормативного акта, предусматривающей ответственность за конкретное правонарушение, а применение наказания по аналогии не допускается[2]. Высказаны замечания о необходимости подходить к применению запретов (выступающих одной из форм ограничения) по аналогии «крайне осторожно»[3]. Имеются суждения о неправомерности использования аналогии с целью ограничения конкретных субъективных прав. В частности, в рамках критики применения к наименованию места происхождения товара правила об исчерпании права по аналогии закона отмечается, что любые ограничения гражданских прав должны быть закреплены непосредственно в законе[4]. Обращает на себя внимание взгляд, что не может быть ограничено по аналогии с неустойкой право на обеспечительный депозит, имеющий с указанной мерой ответственности различную правовую природу[5].

Следуя такому конструкту, суды во многих ситуациях отвергают аналогию закона в качестве инструмента преодоления неопределенности ограничения конкретных субъективных частных прав. К примеру, Президиум ВАС РФ указал, что к не урегулированным законом отношениям по выходу членов из состава некоммерческого партнерства не могут быть применены по аналогии нормы п. 2 ст. 123 ГК РФ и п. 2 ст. 12 ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»[6], определяющие режим выхода из ассоциации (союза) и (в ред. на 04.10.2011) устанавливающие, что член вправе по своему усмотрению выйти из ассоциации (союза) лишь по окончании финансового года и, соответственно, при

---

[1] Загидуллин М.Р. Концептуальные основы юридической ответственности в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 107–126.

[2] Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др.; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Автор главы – М.С. Студеникина.

[3] Муранов А.И. Иностранное юридическое лицо как единственный участник российского хозяйственного общества // Законодательство. 2007. № 11. С. 46–53.

[4] Еременко В.И. О правовой охране наименований мест происхождения товаров в России // Законодательство и экономика. 2012. № 5. С. 16–38.

[5] Бычков А. Стимулирование недобросовестных должников // Финансовая газета. 2011. № 44. С. 2.

[6] СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

подаче заявления о выходе в текущем году ограничен в возможности истребовать уплаченные (не доплатить начисленные) до конца этого года членские взносы: Президиум пояснил, что поскольку правовой статус ассоциаций (союзов) существенно отличается от статуса некоммерческого партнерства, основания для возложения на членов партнерства дополнительного финансового бремени в силу применения названных норм по аналогии закона отсутствуют, а обязанность по уплате членского взноса (при отсутствии прямо регулирующих указанный вопрос положений устава) должна быть поставлена в зависимость от периода нахождения участника в партнерстве с учетом даты получения партнерством заявления общества о своем выходе из состава членов партнерства[1].

Образец адекватного понимания ст. 333 ГК РФ в аспекте невозможности ее применения по аналогии продемонстрировал Президиум ВАС РФ, который при наличии специального регулирования порядка определения размера и взыскания компенсации за нарушение прав на товарный знак признал, что суды не могут применять к соответствующим отношениям норму об уменьшении неустойки и не вправе взыскивать компенсацию ниже минимального[2].

Обращает на себя внимание разъяснение, что нельзя применять по аналогии п. 5 ст. 250 ГК РФ, согласно которому правила этой статьи о преимущественном праве покупки доли в праве общей собственности действуют также при отчуждении доли по договору мены, к отношениям по отчуждению акций акционерного общества, поскольку установление преимущественного права приобретения акций является исключением из общего правила о допустимости свободного отчуждения акционерами своих акций (ограничением права на распоряжение акциями), которое не может толковаться расширительно[3]. Схожим образом воспрещается применение нормы о преимущественном праве покупки по аналогии к операциям по внесению сособственником доли в праве собственности

---

[1] Постановление Президиума ВАС РФ от 04.10.2011 № 7073/11.

[2] Пункт 14 Информационного письма от 13.12.2007 № 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности» // Вестник ВАС РФ. 2008. № 2.

[3] Пункт 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.06.2009 № 131 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

на недвижимое имущество в уставный капитал хозяйственного общества[1].

Интерес представляет мотивировка, приведенная при разрешении спора о предоставлении корпоративной информации представителю участника хозяйственного общества: возможность реализации прав на ознакомление с документами общества через представительство, основанное на доверенности, гражданским законодательством не ограничена, в связи с чем п. 2 ст. 388 ГК РФ об ограничении уступки права по кругу субъектов использованию по аналогии закона не подлежит[2].

Весьма ярко аналогия как эффективное средство преодоления нормативной недостаточности и как недопустимый инструмент применения мер государственно-властного принуждения (мер ограничения и ответственности) отразилась в казусе, когда при отсутствии прямого законодательного указания о прекращении лицензии на недропользование в связи со смертью индивидуального предпринимателя – пользователя недрами уполномоченный государственный орган принял решение о досрочном прекращении лицензии в связи со смертью лицензиата по аналогии с нормой п. 6 ст. 20 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»[3], которой предусмотрено, что основанием для досрочного прекращения права пользования недрами является ликвидация субъекта, которому недра были предоставлены в пользование. Удовлетворяя требование наследника (супруги) умершего предпринимателя о признании решения госоргана недействительным, суд не только указал, что право пользования участком недр может быть приобретено наследником предпринимателя в порядке универсального правопреемства даже в отсутствие законодательной регламентации такой процедуры (т.е. фактически обратился к аналогии права), но и оценил довод госоргана о применении аналогии закона. Суд пояснил, что применение по аналогии закона положений указанной нормы Закона РФ «О недрах» о досрочном прекращении лицензии на пользование недрами в условиях, когда прекращение

[1] Пункт 1 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за январь–июль 2014 года», утв. Президиумом ВС РФ 01.09.2014 // Бюллетень ВС РФ. 2014. № 11.
[2] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 05.08.2005 № А42-9596/04-18.
[3] СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

деятельности предпринимателя связано с его смертью и допустимо универсальное правопреемство, приводит к необоснованному применению по аналогии мер властного принуждения и нарушению принципа равенства различных категорий недропользователей, заключив, что применение по аналогии ограничительных мер (включая ответственность) не допускается. Более того, по мнению суда, применение закона по аналогии в целом не допускается, если это может привести к нарушению прав и законных интересов слабой стороны в правоотношениях[1].

Довольно четко и недвусмысленно выглядит следующее высказывание суда: «…аналогия закона, предусмотренная статьей 6 ГК РФ, … не является допустимой, поскольку нормы, устанавливающие меры ответственности за нарушение обязательств, не могут применяться по аналогии»[2]. В ситуации, когда речь шла о попытке признания обязательств бенефициара по независимой гарантии возместить принципалу убытки, которые были причинены вследствие необоснованного предъявления требования гаранту, регрессными по аналогии с нормой п. 1 ст. 379 ГК РФ, что повлекло бы применение специальной нормы, п. 3 ст. 200 ГК РФ о начале срока течения исковой давности по таким требованиям, суд не менее определенно указал: «…применение по аналогии специальных норм, ограничительных норм не допускается»[3].

Дополнительное частное подтверждение состоятельности конструкта недопустимости использования аналогии при ущемлении законных возможностей правообладателей усматривается в том, что при отсутствии достаточной определенности в вопросе об обязательности осуществления государственной регистрации договоров ссуды недвижимости[4], суды при установлении факта заключенности договора ссуды и существования права пользования в целом опираются на идею об отсутствии законных оснований к выводу об аналогическом введении такого препятствия в реализации гражданских прав как необходимость

[1] Постановление АС Уральского округа от 04.03.2022 № А76-14896/2021.
[2] Постановление Десятого ААС от 11.01.2022 № А41-58189/2021.
[3] Постановление АС Уральского округа от 06.02.2019 № А60-56701/2017.
[4] О выявлении правового пробела в данном вопросе см. подробнее: Микрюков В.А. О государственной регистрации обременения недвижимого имущества договором ссуды // Закон и право. 2012. № 12. С. 44–47.

государственной регистрации договора[1] и подчеркивают, что аналогия с регистрацией договоров аренды в этом вопросе неуместна[2].

Новый модус аналогии в рассматриваемом аспекте усматривается в том, что правовой конструкт недопустимости использования данного инструмента при ограничении субъективных прав и возложении ответственности не только казуально объективируется в судебных актах по конкретным спорам, но и получает фиксацию на уровне высших судов. Так, согласно п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»[3] аналогия не может применяться, если этим ограничиваются права, свободы граждан и организаций, в том числе предусматриваются новые обязанности или ответственность, усиливаются применяемые к лицам меры принуждения. Думается, что формализованный таким образом конструкт может, должен и, скорее всего, будет применяться судами по аналогии не только при применении КоАП РФ, но и при рассмотрении частноправовых споров.

Вместе с тем, ввиду субъективного характера правовых конструктов, не обладающих признаком объективной нормативной обязательности, на сегодняшний день наблюдается возрастание числа споров, при разрешении которых суды применяют аналогию, принципиально допуская установление посредством данного инструмента различных частноправовых ограничений при отсутствии прямого волеизъявления законодателя.

В частности, в этом контексте обращают на себя внимание отмеченные ранее позиции высших судебных инстанций об аналогическом распространении ограничительного потенциала ст. 333 ГК РФ в отношении требований, схожих с неустойкой, но таковыми не являющихся.

Явное аналогиченское распространение ограничения права собственности

---

[1] См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 05.08.2008 № Ф04-4239/2008(7906-А46-9); примеры судебных актов, демонстрирующих такой подход, см. также: Практика применения Гражданского кодекса РФ частей второй и третьей. Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2009. С. 316, 317.

[2] Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.09.2010 № А63-1805/2010.

[3] Бюллетень ВС РФ.2022. № 9.

состоит в том, что правило, согласно которому обязанность по приведению жилого помещения в прежнее состояние, не осуществленная прежним собственником, переходит к новому собственнику (п. 6 ст. 29 ЖК РФ) по аналогии должно применяться и в отношении собственников нежилых помещений[1].

Весьма наглядные примеры ограничения гражданских прав как в силу аналогии закона, так и посредством аналогии права, продемонстрировал Президиум ВАС РФ применительно к спорам в рамках кредитного договора: указал на право судов применять к кредитному договору по аналогии закона положения п. 2 ст. 428 ГК РФ, и, хотя и не упомянув по тексту аналогию права, но явно имея в виду именно эту разновидность аналоги, предписал при оценке действий банка по реализации договорного права в одностороннем порядке изменять условия кредитования руководствоваться принципами разумности и добросовестности[2].

Особое внимание в рассматриваемом аспекте привлекает применявшаяся до принятия соответствующих законодательных уточнений в ст. 353 ГК РФ (до выхода ФЗ от 21.12.2013 № 367-ФЗ[3]) практика ограничения прав залогодержателей движимого имущества в силу реализации механизма аналогии права[4].

Идея о принципиальной возможности ограничения частных прав и свобод, в том числе свободы предпринимательской деятельности, в силу аналогии закона встречается и в научных источниках[5].

Думается, что установление ограничений частных прав вследствие применения законодательства по аналогии все-таки недопустимо, и соответствующий такому выводу правовой конструкт необходимо продвигать в направлении нормативной объективизации. Указанное вытекает, в частности, из положений п. 2 ст. 1 ГК РФ, абз. 2 п. 4 ст. 1 СК РФ, п. 3 ст. 1 ЖК РФ, согласно которым гражданские, семейные, жилищные права (соответственно) могут быть

---

[1] Определение ВС РФ от 02.08.2016 № 36-КГ16-8.

[2] Пункты 2,3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре».

[3] СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.

[4] Пункт 25 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге».

[5] Ермолова О.Н. Обязательные требования к предпринимательской деятельности: вопросы дефиниции понятия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 11. С. 59–69.

ограничены лишь в силу указания федерального закона. Применительно к аналогии закона иное толкование этих норм противоречило бы закрепленным в п. 1 ст. 1 ГК РФ основным началам гражданского законодательства, предполагающим, в частности, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, нарушало бы семейно-правовые принципы недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи и обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав (п. 1 ст. 1 СК РФ), ставило бы под сомнение свободу частных лиц в установлении и реализации своих жилищных прав (п. 2 ст. 1 ЖК РФ). Использование аналогии права вопреки указанным принципиальным положениям частного права и вовсе тянет на квалификацию в качестве недопустимого вторжения суда в процесс нормотворчества.

Даже если учесть, что по опыту ряда стран прямое воспрещение аналогии специальных норм и ограничений мешает восполнению даже самых очевидных пробелов[1], и признать отмеченные судебные позиции правильными по существу (к примеру, едва ли можно критиковать применение по аналогии ограничения права на подтверждение свидетельскими показаниями условий сделки, совершенной с нарушением письменной формы, к юридически значимым действиям по исполнению сделки[2], явно взвешенной и справедливой можно назвать поддержанную в науке[3] практику применения ограничительного действия положений ст. 426 ГК РФ о публичном договоре к некоммерческим организациям[4]), соответствующие этим позициям ограничения должны основываться на букве закона. В целом механизм аналогии не должен служить инструментом сдерживания нежелательного (хотя и законного) поведения. Нормы института аналогии не могут использоваться для оправдания превышения разумно

---

[1] Кациоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право–пример для Европы? // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 227–288.

[2] Постановление ФАС Московского округа от 12.04.2012 № А40-12554/11-142-103.

[3] Закиров Р.Ю. Публичный договор и договор присоединения в проекте ГК РФ // Юрист. 2013. № 8. С. 22–25; Савельев А.И. Применение судами норм Гражданского кодекса РФ о публичных договорах // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 99–136.

[4] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 05.11.2003 № А05-1936/03-72/24. Принципиальное одобрение такой рестриктивной аналогии возможно еще и ввиду того, что фактически она предвосхитила соответствующее законодательное уточнение, согласно которому понятие «коммерческая организация» в конструкции публичного договора заменена на категорию «лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность», т.е. в том числе некоммерческие организации (ст. 426 ГК РФ в ред. ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ)

необходимого судейского усмотрения.

В целях достижения нормативной четкости в вопросе о применении гражданского законодательства по аналогии и исключения поводов к наработке практики необоснованного внезаконного ограничения гражданских прав видится целесообразным дополнить ст. 6 ГК РФ нормой, прямо запрещающей использование механизма аналогии с целью ограничения гражданских прав и установлению ответственности[1]. Одновременно с этим аналогичные уточнения следует сделать в соответствующих статьях иных кодифицированных актов, материально и процессуально цементирующих институт аналогии.

Здесь следует упомянуть, что довольно продолжительное время в России ведется разработка федерального (а возможно – федерального конституционного[2]) закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Проект такого закона, подготовленный Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ[3], предусматривает норму, отражающую осознание наличия рассмотренной проблемы и нацеленной на ее общее решение: «Аналогия не может применяться, если этим ограничиваются права и свободы физических и юридических лиц, либо для них предусматриваются новые обязательства или ответственность, либо усиливаются применяемые к лицам меры принуждения и порядок их применения, порядок уплаты налогов и сборов, иных обязательных платежей, условия и порядок осуществления контроля и надзора в отношении их деятельности». При принятии такого закона включение указанного положения необходимо решительно поддержать.

Важно уточнить, что воздержание от рестриктивных аналогий не должно становиться препятствием к достижению целей частноправового регулирования. В тех случаях, когда при формальном отсутствии действительного правового пробела в целях введения в действие предполагаемых (желаемых), но не принятых законодательных велений, сдерживающих поведение, формально не запрещенное

---

[1] Предлагаемая формулировка представлена в заключении настоящей работы.

[2] Черепанов В.А. О проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 105–111.

[3] См.: О проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 84–99.

законом, следует пользоваться специально предназначенным для этого механизмом противодействия злоупотреблению правом, а не прибегать к нецелевому использованию аналогии. В подобных ситуациях аналогия может использоваться в качестве дополнительного объяснения правоприменительного акта, но не как элемент его нормативной основы.

Изложенный подход демонстрируется, в частности, в практике разрешения дел о нарушении исключительного права некоммерческой организации на её наименование, обнаруживающей усилия судов по отысканию способов защиты этого права, не сопряженных с применением по аналогии ограничивающих гражданские права правил о фирменных наименованиях.

Пределы аналогии при ограничении права на использование наименования некоммерческой организации

Всем юридическим лицам в целях их индивидуализации как самостоятельных участников гражданского оборота и публичных правотношений предписано иметь наименование (п. 1,5 ст. 54 ГК РФ).

Наименование коммерческих организаций названо «фирменным» (п. 4 ст. 54 ГК РФ), в отношении которого у его носителей в соответствии с разд. VII ГК РФ возникает исключительное право. Согласно п. 1 ст. 1474 ГК РФ в содержание этого права входит возможность использовать фирменное наименование в качестве средства индивидуализации любым не противоречащим закону способом, в том числе путем его указания на вывесках, бланках, в счетах и иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках, в сети «Интернет». Законодатель не исключает создание и параллельное существование коммерческих организаций с одинаковыми (тождественными или сходными до степени смешения) обозначениями, но воспрещает использование повторяющегося фирменного наименования при осуществлении аналогичной деятельности, отдавая приоритет тому, кто внесcвое фирменное наименование в ЕГРЮЛ ранее остальных. Правообладатель может потребовать от нарушителя либо прекратить использование наименования в отношении деятельности, аналогичных видам деятельности, осуществляемым им самим, либо изменить фирменное

наименование нарушителя (п. 4 ст. 1474 ГК РФ).

Наименование некоммерческих организаций (НКО), которое ни при каких обстоятельствах не может быть квалифицировано в качестве фирменного[1], также признается объектом исключительного права (п. 1.1. ст. 4 ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»). Однако поскольку в исчерпывающий перечень средств индивидуализации, приравненных к результатам интеллектуальной деятельности (ст. 1225 ГК РФ), входит только фирменное наименование (п. 4 ст. 54, п. 1 ст. 1473 ГК РФ) ВС РФ разъяснил, что наименования НКО не являются средством индивидуализации в смысле положений части IV ГК РФ, на них не распространяется правовая охрана, установленная в § 1 гл. 76 разд. VII ГК РФ[2]. Иными словами, исключительное право на фирменное наименование коммерческого юридического лица и исключительное право на «нефирменное» наименование НКО представляют собой пример многозначности юридического термина – *правовой полисемии*[3].

При отсутствии в законе применительно к наименованиям НКО специальных аналогов правил, сопоставимых с нормами ст. 1474 ГК РФ, встает вопрос о путях преодоления возникающей правовой неопределенности.

Высказано мнение, что правовой режим наименований НКО может быть определен по правилам, регулирующим сходные отношения, связанные с фирменными наименованиями коммерческих организаций в порядке п. 1 ст. 6 ГК РФ[4]. Указано, что сфера действия права НКО на наименование определяется аналогичным образом с тем, как это происходит для фирменных наименований, и применение по аналогии норм, устанавливающих режим последних, является оправданным[5]. Практикующие юристы констатируют наличие в ГК РФ пробела в части правовой охраны наименования НКО, а потому предлагают либо закрепить в

---

[1] Болдырев В.А. О коммерческих и некоммерческих организациях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 95–99.

[2] Пункт 147 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

[3] Белоусов А.А. О смысловой и терминологической множественности правовых понятий // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4 (25). С. 50–57.

[4] Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019. 735 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Гаврилов Э.П. О наименовании юридического лица // Хозяйство и право. 2011. № 12. С. 3–11.

законе нормы, аналогичные ст. 1474 ГК РФ (т.е. усматривают право законодателя воспользоваться аналогией как творческим источником при формулировании новых правил), либо, руководствуясь аналогией закона, доказывать применимость указанных пунктов при судебной защите наименования некоммерческой организации, т.е. указывают на применимость аналогии в традиционном (правовоспоолнительном) качестве[1]. Более того, представлен взгляд, что отказ в применении по аналогии норм о фирменном наименовании в данном случае является неоправданным и даже фатальным[2].

Отталкиваясь от того, что сущность и функционал фирменных и «нефирменных» средств индивидуализации принципиально едины[3], принимая во внимание возможность осуществления коммерческими и некоммерческими организациями аналогичных видов деятельности, идея распространения норм о фирменных наименованиях на «нефирменные» через аналогию сама по себе выглядит логичной, соответствующей и общему принципу равного правового обращения[4], и наблюдаемой практике восполнения пробелов в регулировании корпоративных отношений в НКО посредством аналогического распространения на возникающие конфликты норм о коммерческих корпорациях[5].

Думается, что аналогическое применение правил о фирменных наименованиях к «нефирменным» обозначениям может быть поддержано в той мере, в какой это соответствует усилению правонаделительного апсекта частного права. Поскольку п. 1.1. ст. 4 ФЗ «О некоммерческих организациях» не определяет позитивное содержание исключительного права, едва ли могут быть сомнения в том, что по аналогии с тем, как это указано в абз. 1 п. 1 ст. 1474 ГК РФ, НКО имеют возможность использовать свое «нефирменное» обозначение подобно

---

[1] Шувалова М. Имеет ли НКО право на защиту своего наименования? URL: https://www.garant.ru/article/1131200/.

[2] Григорьев В.И. Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 188–229.

[3] И те, и другие представляют собой словесные идентификаторы, выделяющие юридические лица в частном обороте и публичных отношениях.

[4] Если законодатель нормативно определил, как относиться к одному из схожих дел, то из этого следует, что и другое дело требует аналогичного разрешения (См.: Langenbucher K. Argument by Analogy in European Law // Cambridge Law Journal. 1998. Vol. 57. Iss. 3. P. 481–521).

[5] Батрова Т.А. Корпоративные конфликты в некоммерческих организациях: особенности, виды и способы предотвращения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 8. С. 8–12.

коммерческому средству индивидуализации любым законным способом (на вывесках, бланках, в счетах и иной документации, в объявлениях и рекламе и т.п.). При этом, если речь идет о конкретных способах использования такого наименования в рамках осуществления деятельности, приносящей доход, правильность данного вывода подтверждается разъяснением п. 21 Постановления № 25, распространившим (со ссылкой на аналогию и п. 1. ст. 6 ГК РФ) в этой части на некоммерческие организации нормативные положения, применимые к лицам, ведущим предпринимательскую деятельность.

Вместе с тем, несмотря на видимую логичность (некоммерческие организации, как и коммерческие, явно нуждаются в сопоставимой защите от недобросовестного поведения конкурентов[1]), попытка применения по аналогии п. 3 ст. 1474 ГК РФ, запрещающего использование дублирующего (максимально сохожего) фирменного наименования при осуществлении аналогичной деятельности, а равно п. 4. ст. 1474 ГК РФ, устанавливающего меры ответственности за нарушение указанного запрета, вступила бы в коллизию не только с устоявшимся правовым конструктом невозможности применения по аналогии норм, устанавливающих изъятия из общих правил (ограничения), но и с положениями п. 2 ст. 1 ГК РФ. Кроме того, препятствием к использованию аналогии закона в данном случае выступает то, что нормативно закреплено применение части IV ГК РФ только к конкретным (прямо поименованным) средствам индивидуализации, в числе которых наименования некоммерческих организаций не названы (п. 1 ст. 1225 ГК РФ). Учитывая изложенное и, вероятно, считая умолчание законодателя о содержании исключительного права на наименование некоммерческих организаций квалифицированным, Президиум суда по интеллектуальным правам разъяснил, что применение по аналогии положений § 1 гл. 76 ГК РФ к наименованиям некоммерческих организаций не допускается[2].

До недавнего времени строгое разграничение правовых режимов

[1] Камышанский В.П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3. С. 15–25.

[2] Пункт 10 «Справки о некоторых вопросах, возникающих при применении положений параграфа 1 гл. 76 ГК РФ судом по интеллектуальным правам как судом кассационной инстанции», утв. Постановлением от 04.09.2015 № СП-23/25.

фирменного и «нефирменного» наименований при осознанном воздержании от применения аналогии закона во многих случаях являлось основанием к отказу в защите права на наименование тех НКО, наименование которых вопреки п. 1.1. ст. 4 ФЗ «О некоммерческих организациях» об «исключительности» права на него оказалось использованным другими организациями в тождественном или сходном до степени смешения виде[1].

Однако на сегодняшний день преобладающей оказалась позиция, согласно которой недопустимость защиты наименований НКО нормами § 1 гл. 76 ГК РФ не означает общего отрицания права обладателя «нефирменного» наименования на защиту. В знаковом для рассматриваемого вопроса судебном акте указано, что возможность обладания уникальным наименованием является неимущественным правом некоммерческой организации и при отсутствии специальных способов его защиты следует прибегнуть к общим положениям ГК РФ, а именно – ст. 10 ГК РФ о недопустимости гражданско-правовых злоупотреблений и ст. 12 ГК РФ, где в числе способов защиты установлена такая мера, как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения[2]. Иными словами, суд не допустил существования права на некоммерческое средство индивидуализации в качестве *nudum jus* (голого права). При этом, как верно отмечено, принципиально важно, что суд признал возможность квалификации нарушения неимущественного права НКО на наименование не только в случае, когда ответчик намеренно использует тождество (или сходство) наименований для введения в заблуждение третьих лиц, что определяет вредные последствия для носителя дублируемого обозначения, но и вообще в случае установления противоречия поведения ответчика принципу добросовестности[3].

Имея в виду, что поведение одной из сторон (лица, дублирующего ранее зарегистрированное наименование) может быть признано недобросовестным не

---

[1] Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 06.06.2012 № А19-15965/2011; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 09.02.2012 № А32-9696/2011; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.03.2012 № А46-9631/2011.

[2] Определение ВС РФ от 11.07.2017 № 53-КГ17-12.

[3] Некеров Е.А. Защита неимущественного права на наименование некоммерческой организации. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 11 июля 2017 года № 53-КГ17-12 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 4–7.

только при наличии заявления правообладателя, но и по инициативе суда (п. 1 Постановления № 25), на первый взгляд, возможно считать, что укрепленный высшей судебной инстанцией подход в целом представляет надлежащий вариант решения проблемы правового режима наименований НКО: праву на наименование обеспечивается защита, недопустимого применения исключительных норм, ограничений и ответственности в порядке аналогии формально не происходит. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что необходимость выявления вредных последствий для правообладателя и вероятности введения в заблуждение третьих лиц отнюдь не делает защищаемое право условным (отличающимся от безусловного права на фирменное наименование[1]), а указывает на скрытую аналогию с п. 3 ст. 1474 ГК РФ об ограничении возможности использовать тождественные фирменные наименования не вообще, а только при осуществлении аналогичных видов деятельности. Использование сторонним лицом наименования НКО в рамках схожей деятельности в судебном представлении автоматически означает фиксацию вторжения в сферу интересов данной организации. В аргументационном контексте аналогии[2], прибегая к аналогии не как к средству преодоления правовой неопределенности и адаптации имеющихся защитных средств к оголенному праву, а как к мыслительному приему, суды презюмируют, что создание на одной территории второй НКО со сходным до степени смешения наименованием и полностью аналогичным видом деятельности является злоупотреблением правом или актом недобросовестной конкуренции[3]. Рассуждая, по всей видимости, именно по аналогии с п. 3 ст. 1474 ГК РФ, суды выясняют, какая из спорящих организаций была зарегистрирована ранее другой, а с учетом отсутствия специального правового регулирования по вопросу установления сходства (до степени смешения) используемых НКО различных, но подобных наименований, считают возможным в порядке аналогии прибегнуть к

[1] Черничкина Г.Н. Современное понимание индивидуализации юридического лица в гражданском обороте, или Об исключительном праве на наименование и фирменное наименование юридического лица // Современное право. 2017. № 3. С. 56–66.
[2] Macagno F. Analogy and Redefinition. In: H. J. Ribeiro (ed.), Systematic Approaches to Argument by Analogy. Cham: Springer, 2014. P. 73–90.
[3] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.02.2020 № С01-14/2020.

наработанным критериям оценки сходства обозначений, заявленных на регистрацию в качестве товарных знаков[1].

Изложенное указывает на необходимость нормативным путем ликвидировать пробельность механизма защиты права на наименование некоммерческих организаций. При этом едва ли целесообразно для «нефирменных» наименований конструировать параллельные правовые конструкции по аналогии с фирменным наименованием, как это предлагают некоторые авторы[2]. Таковые явно не будут существенно различаться содержательно, а потому представят очередной пример *правового плеоназма*. Думается, что оптимальным решением рассматриваемой проблемы могли бы стать отказ от использования слова «фирменное» применительно к наименованиям коммерческих организаций и генерализация существующего правового режима фирменных наименований (как объектов интеллектуальной собственности, на которые в силу положения части IV ГК РФ возникает исключительное право) на наименования любых юридических лиц.

В контексте рассматриваемого модуса аналогии важно также обратить внимание на пределы ее использования для ограничения договорной свободы.

Применение рестриктивных аналогий к отношениям сторон по не предусмотренному законом договору

Реформирование гражданского законодательства применительно к общим положениям о договоре отметилось появлением в п. 2 ст. 421 ГК РФ уточнения об использования аналогии закона при определении последствий заключения непоименованных договоров, не являющихся смешанными. Отрицая допустимость непосредственного применения к таким договорам правил об отдельных видах поименованных договоров, законодатель вместе с тем указал на соответствующую косвенную возможность, опосредованную аналогией закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

Формально данная новелла не привносит какой-либо существенной новизны в подходе к оценке роли аналогии закона в практике преодоления пробелов в

[1] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.06.2018 № СИП-461/2017.
[2] Рябчикова А.С. Правовое регулирование средств индивидуализации некоммерческих организаций. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 14–16.

регулировании договорных связей, поскольку общие нормы об источниках права и индивидуального воздействия на частные отношения не дают оснований сомневаться в универсальности правил о применении гражданского законодательства по аналогии. Формулировка п. 2 ст. 421 ГК РФ в обновленном виде сама по себе воспринимается лишь как напоминание правоприменителю о существовании п. 1 ст. 6 ГК РФ и не отменяет принципиального положения о недопустимости ограничения гражданских прав иначе, как в силу прямого указания закона (п. 2 ст. 1 ГК РФ) и вытекающего из него правила о невозможности использования для этих целей аналогии закона. Действительно, если речь не идет о внезаконном вторжении в частные дела сторон непоименованного договора, допущение аналогии закона и применение к пробельным отношениям известных правил о сходных договорных связях является вполне естественным, правомерным и действительно может снять вероятные недоразумения[1].

Однако буквальное толкование новой нормы вступает в противоречие изложенной в п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»[2] рекомендацией использовать аналогию закона для применения к непоименованным договорам императивных норм об отдельных видах поименованных договоров в качестве средства ограничения свобода договора для защиты охраняемых законом интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов или недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон. В стремлении искоренить идущую вразрез с принципом свободы договора и не имеющую нормативных оснований практику переквалификации судами непоименованных договоров в поименованные или смешанные[3] Пленум не ограничился выводом о недопустимости такой прямой переквалификации (что могло бы способствовать более либеральному подходу к выбору договорных условий), а указал на аналогию как на законный правоприменительный инструмент противодействия выходу сторон за пределы договорной свободы и судебного

[1] Хохлов В.А. Нормы права и формирование условий договора // Гражданское право. 2015. № 1. С. 30–34.
[2] Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
[3] Российское обязательственное право стало значительно более гибким и удобным для бизнеса [Интервью с И.В. Цветковым] // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 3. С. 6–11.

«заталкивания» (легальной опосредованной переквалификации) непоименованных договорных связей в имеющиеся (поименованные) договорные конструкции. Поэтому совсем не случайно данная судебная позиция подсвечивается в науке именно в контексте исследования пределов гражданско-правовых ограничений свободы договора[1]. То, что легализация непоименованных договоров направлено на реализацию принципа свободы договора, а рекомендуемая Пленумом возможность применения по аналогии императивных норм, наоборот, ограничивает эту свободу, оценивается Т.В. Дерюгиной как «несколко парадоксальная ситуация»[2]. Фактически аналогия закона предстала здесь не как механизм углубления диспозитивных и дозволительных начал гражданско-правового регулирования, а как средство достижения политико-правовой справедливости.

В такой интерпретации уточнение функционала аналогии закона обретает признаки действительной новизны, но не может быть признано заслуживающим доктринального одобрения. При этом дело не только и не столько в том, что «пристегнутая» к обновленному тексту п. 2 ст. 421 ГК РФ «добавка» о не исключенной возможности рассмотрения отдельных отношений сторон по непоименованному договору через призму аналогии закона перечеркнула (если следовать разъяснению Пленума) основной смысл нововведения, который, видимо, состоял в том, чтобы замкнуть регулирование соответствующих отношений на условиях самого заключенного договора и сделать применение к ним правил об известных договорах полностью недопустимым[3].

Главная причина для критики рассматриваемой новеллы в ее трактовке Пленумом ВАС РФ усматривается в том, что если стороны непоименованного договора стремятся выйти за рамки предусмотренной законом договорной конструкции, специально созданной для достижения искомой экономической цели, и создают непоименованную договорную модель, близкую «до степени смешения»

---

[1] Степкин С.П. Гражданско-правовые ограничения свободы договора // Юрист. 2018. № 3. С. 19–23.
[2] Дерюгина Т.В. О дихотомии конструкции смешанного договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 3. С. 467–478.
[3] Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

с поименованной, исключительно с целью избавления от императивных помех типизированной договорной формы (т.е. пытаются обойти закон)[1], то едва ли возможно говорить о наличии правового пробела, требующего (или позволяющего) прибегнуть к аналогии закона. Думается, что в таких ситуациях попросту отсутствует базовое условие применения гражданского законодательства по аналогии, и фактически с опорой на п. 2 ст. 421 ГК РФ предполагается использование правил п. 1 ст. 6 ГК РФ не по назначению.

Вероятно, стремясь сгладить негативный эффект опосредованного аналогией судебного вторжения в принцип свободы договора, Пленум ВАС РФ пояснил, что применение к непоименованным договорам по аналогии закона императивных норм об отдельных поименованных видах договоров возможно лишь в исключительных случаях. Но и это пояснение с научной точки зрения не оправдывает новеллу в обозначенном интерпретационном аспекте.

Учитывая, что заключение непоименованного договора уже само по себе представляет «исключительную ситуацию»[2], указание на «исключительность» случаев аналогического усечения договорной свободы едва ли возможно считать серьезным фактором, способным изменить общее настороженное отношение судов к непоименованным договорам и сдержать наблюдаемое принудительное «втискивание» нетипичных отношений в содержание нормативно очерченных договорных конструкций[3].

Далее, на характерную для метода аналогии связанность с дискрецией правоприменителя[4] накладывается еще большее расширение границ судебного усмотрения, вызываемого необходимостью толкования «исключительного случая» как оценочного понятия, содержание которого отдано на усмотрение управомоченного субъекта вследствие невозможности определения четких

---

[1] Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник ВАС РФ. 2012. № 4. С. 12–56.

[2] Соломина Н.Г. Договор на передачу части имущества во временное пользование в практике хозяйствующих субъектов: вопросы квалификации // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6. С. 55–62.

[3] Давлетова А.Р., Лескова Ю.Г. К вопросу о пределах свободы заключения непоименованного договора // Власть Закона. 2014. № 2. С. 34–43.

[4] Кириллова А.Д. Реализация дискреционных полномочий правоприменителей в системе способов преодоления правовой неопределенности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 26–32.

законодательных критериев[1]. Иными словами, к обязанности суда осуществлять поиск применимых правил, проводить сравнение спорных (пробельных) и нормативно урегулированных отношений, проверять непротиворечие применяемых по аналогии норм существу спорных связей и следить за выполнением основных начал гражданского законодательства с учетом личных представлений об аналогии и аналогичности, добавится необходимость дискреционно устанавливать признаки исключительности спорной ситуации. Представляется, что такое расширение дискреционных возможностей и обязанностей суда в рамках обновленного п. 2 ст. 421 ГК РФ в истолковании Пленума вступает в диссонанс с необходимостью обеспечения в регулировании гражданско-правовых отношений максимальной определенности.

Кроме того, Пленум ВАС РФ создал предпосылки к ошибочному представлению, что применение всяких императивных норм допустимо лишь в экстраординарных ситуациях, в то время как в действительности императивные нормы правонаделительного (дозволительного) содержания, а также императивные нормы, содержание которых не противоречит специфике непоименованного договора, могут и должны применяться в порядке аналогии для преодоления пробелов в спорных случаях.

Думается, что для борьбы с игнорированием участниками договорного взаимодействия системных юридических признаков поименованных договоров и пресечения попыток обхода закона через создание эксклюзивных договорных конструкций следует задействовать не аналогию закона, а пользоваться специально предназначенными для этого положениями п. 3, 4 ст.1, и ст. 10 ГК РФ.

Содержащееся в п. 2 ст. 421 ГК РФ напоминание законодателю о существовании института аналогии закона целесообразно просто удалить, либо заменить на адресованное участникам договорных связей напоминание о запрете обхода закона и недопустимости злоупотребления договорной свободой.

Аналогия в практике конструирования частноправовых обременений

[1] Суменков С.Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58–67.

Как было отмечено, ни материальные, ни процессуальные нормы частноправового института аналогии не позволяют однозначно ответить на вопрос о возможности использования аналогии с целью установления или прекращения гражданско-правовых обременений – особых субъективных прав на чужие объекты, устойчивых к смене обладателя основного права, ключевым признаком которых выступает свойство следования за объектом (прикрепления к нему)[1]. К примеру, неясно, допустимо ли конструировать договором обременение рентой движимого имущества по аналогии с п. 1 ст. 586 ГК РФ; правомерно ли наделять права покупателя по предварительному договору свойством прикрепления к объекту будущей сделки, аналогичным признаку следования за вещью залогового обременения; следует ли считать обременением недвижимости задолженность ее прежнего собственника по оплате коммунальных расходов подобно тому, как в силу ст. 617 ГК РФ обеменениями признаются права арендаторов; обременяет ли по аналогии со ст. 274, 275, 277 ГК РФ о сервитуте общеполезная цель использования пожертвованного имущества? Как видно, легитимность многих юридических действий, основанных на реализации механизма аналогии в рассматриваемом аспекте, может быть поставлена под сомнение.

Несмотря на предостережения классиков отечественной цивилистики, не находивших для аналогии места за пределами сферы обязательственного права[2], и аргументы современных авторов, указывающих на недопустимость формирования в результате реализации механизма аналогии прямо не поименованных в законе вещных обременений[3], на сегодняшний день известен ряд случаев, когда в основу принятых судебных актов была положена идея о принципиальной допустимости установления и прекращения обременений различных видов субъективных гражданских прав применительно к ст. 6 ГК РФ.

Примеры использования аналогии закона в целях установления гражданско-

---

[1] Микрюков В.А. Формирование понятия «гражданско-правовое обременение» в судебной практике // Цивилист. 2012. № 4. С. 36–40; Микрюков В.А. Обременения недвижимого имущества по договору ренты // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 113–120.

[2] Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. СПб., 2004. Т. II: Советское гражданское право. С. 88.

[3] Микрюков В.А. О недопустимости установления и прекращения обременений гражданских прав по аналогии // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 69–71.

правовых обременений обнаруживаются в сфере отношений, похожих на арендные. Так, в одном из казусов сложившиеся между спорящими сторонами отношения суд квалифицировал как «соседские» (когда разные субъекты заявляют определенные права в отношении одного объекта) и пришел к выводу, что смена собственника земельного участка сама по себе не может прекращать действие договора (спорным оказался договор подряда на рекультивацию карьерных выработок), заключенного между ответчиком и третьим лицом, по аналогии с договором аренды (ст. 617 ГК РФ), в силу чего отказал в иске[1].

По мнению Президиума ВАС РФ, изложенному в п. 1 Информационного письма от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» договор между собственником здания и другим лицом, на основании которого последнее использует отдельный конструктивный элемент этого здания для рекламных целей, не является договором аренды. В то же время само по себе заключение таких договоров признается не противоречащим ГК РФ и согласно п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» к ним применяются по аналогии нормы о договоре аренды. При этом Пленум ВАС РФ указал, что соответствующие договоры подлежат государственной регистрации *применительно к* п. 2 ст. 651 ГК РФ и обременение (вытекающее вследствие применения нормы ст. 617 ГК РФ о сохранении аренды при изменении сторон) устанавливается на все здание в целом. В русле данных разъяснений суды при разрешении конкретных споров исходят из того, что автоматически договор на установку рекламной конструкции с момента перехода к иному лицу права собственности на сооружение, на котором соответствующая конструкция размещена, не прекращается[2].

Интерес представляет практика применения по аналогии норм ст. 275, 277 ГК РФ об обременении имущества сервитутом. Так, в ситуации, когда лицо приобрело квартиру с условием о получении согласованным третьим лицом права

[1] Постановление Десятого ААС от 30.03.2010 № А41-36794/09.
[2] Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 15.05.2015 № А19-13919/2013.

бессрочного проживания и постоянной регистрации в данной квартире и впоследствии перепродало эту квартиру другому покупателю, последний предъявил иск о прекращении права пользования квартирой и снятии третьего лица с регистрационного учета. Поскольку ответчик не являлся и не является членом семьи бывшего и настоящего собственника жилого помещения, суд пришел к выводу, что к рассматриваемым правоотношениям ст. 292 ГК РФ и ст. 31 ЖК РФ применению не подлежат. Суд определил, что приобретая спорную квартиру, приобретатель в соответствии с п. 2 ст. 209 ГК РФ обременил жилье правом бессрочного пользования (проживания) и основания для прекращения данного обременения отсутствуют. При этом суд пояснил, что *по аналогии* со ст. 275, 277 ГК РФ (об обременении земельных участков, задний и сооружений сервитутом) обременение спорной квартиры правом проживания охранилось при передаче квартиры истцу[1].

В другом деле суд согласился с доводом о недействительности торгов в виде аукциона по продаже права на заключение договора аренды земельного участка по той причине, что в аукционной документации отсутствовали сведения о прохождении по земельному участку инженерных коммуникаций (газопровода высокого давления). Несмотря на отсутствие в ЕГРП записей о каких-либо обременениях объекта аукциона, суд признал указанные инженерные коммуникации обременением (похожим на сервитут), указав, что при отсутствии в законодательстве самого понятия «обременение» на момент введения инженерных коммуникаций в эксплуатацию, в отношении этого объекта необходимо руководствоваться в соответствии с п. 2 ст. 6 ГК РФ аналогией права с учетом требований добросовестности, разумности и справедливости[2].

Схожим образом, явно имея в виду аналогию права, ВС РФ сконструировал непоименованное вещное обременение активного типа[3] в ситуации, когда на приобретателя недвижимости была переложена обязанность по ее приведению в

---

[1] Определение Московского городского суда от 24.02.2012 № 33-3374.
[2] Постановление Двадцатого ААС от 26.08.2010 № 20АП-3368/10.
[3] О соответствующей типологии обременений см. подробнее: Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. М.: Статут, 2007. С. 131–133.

надлежащее состояние (путем демонтажа самовольно возведенного балкона), возникшей на основании судебного предписания, выданного прежнему собственнику. Суд усмотрел в поведении продавца и покупателя признаки злоупотребления правом и отверг выводы нижестоящей инстанции, что смена собственника имущества (если таковое приобретено новым собственником без обременения) сама по себе не влечет переход к новому собственнику этого имущества обязанностей, возложенных решением суда на бывшего собственника[1].

В ряду примеров применения по аналогии норм об обременениях частных прав наиболее ярким случаем выступает отмеченная в контексте проблемы аналогического установления гражданско-правовых ограничений практика прекращения обременений в виде прав залогодержателей движимого имущества в силу реализации механизма аналогии права. Лишив право залогодержателя свойства следования за вещью, Пленум ВАС РФ не только ввел внезаконное ограничение субъективного частного права, но и по существу создал конструкт прекращения залогового обременения при отчуждении залогодателем предмета залога в ситуации, когда приобретатель заложенного, но остающегося во владении залогодателя движимого имущества, не будучи осведомленным о наличии прикрепленного к приобретаемому имуществу залогового обременения, является добросовестным приобретателем. Такое использование аналогии фактически привело к разрушению конструкции залога как обременения: как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, сохранение залога при переходе права на заложенное имущество к другому лицу составляет конституирующий элемент этого института, без которого он не может выполнять свои функции[2].

Думается, что аналогическое установление и прекращение обременений частных прав недопустимо. Хотя в действующей редакции ст. 6 ГК РФ соответствующая оговорка отсутствует, положение о неправомерности применения по аналогии норм о гражданско-правовых обременениях основывается

[1] Определение ВС РФ от 25.04.2017 № 4-КГ17-10. Думается, что в данном случае правильнее было рассуждать не об обременении имущества, а о последствиях несоблюдения границ права собственности, распространяющихся на всякого собственника.

[2] Определения Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 319-О-О, от 15.07.2010 № 942-О-О, от 11.05.2012 № 741-О.

на общих положениях теории права и может быть выведено непосредственно из других действующих норм.

Поскольку нормы о гражданско-правовых обременениях являются исключительными, специально вводимыми законодателем для каждой разновидности обременений, постольку их применение в порядке аналогии неправомерно в силу ранее отмеченной доктринальной позиции. С нормативной точки зрения договорное наделение субъективных гражданских прав конституирующим их в качестве обременений свойством прикрепления к объекту (свойством следования), при отсутствии прямого указания закона вступает в противоречие с правилом п. 3 ст. 308 ГК РФ, согласно которому обязательство не порождает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон.

В практической плоскости вывод об отрицании использования аналогии к режиму обременений верно используется судами при оценке степени устойчивости прав залогодержателя по договору ипотеки, не подвергнутому государственной регистрации. Суды исходят из того, что факт продажи недвижимости, в отношении которой заключен договор залога, применительно к обязанности подачи документов для регистрации данного договора не может быть оценен через аналогию с п. 1 ст. 617 ГК РФ о сохранении прав арендатора при смене собственника арендованного имущества, поскольку закон не связывает переход права собственности на спорное имущество с возложением на нового собственника, не являющегося стороной договора залога, обязанности по регистрации договора залога, подписанных предыдущим собственником[1].

Заслуживает одобрения то, к какому варианту ответа склоняется практика при решении вопроса о вероятном аналогическом обременении имущества правами будущего приобретателя (или арендатора) по предварительному договору. Суды указывают, что правило об автоматическом переходе обязанности собственника отчуждаемого имущества исполнить предварительный договор и заключить основной договор к новому собственнику вещи при ее продаже третьему лицу непосредственно законом не предусматривается (такой переход может

[1] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 19.11.2010 № А56-50654/2009.

состояться вследствие перевода долга по правилам ст. 391 ГК РФ), а потому делают вывод: неисполненное обязательство по предварительному договору не влечет возникновение аналогичных обязанностей у нового собственника имущества, не являющегося стороной предварительного договора[1].

Следует поддержать сформировавшуюся в практике устойчивую позицию, отвергающую аналогическое расширение круга субъектов сервитутного обременения, не поименованных в п. 1 и п. 4 ст. 274 ГК РФ, в частности, путем включения в него арендаторов[2]. Хотя эта позиция критикуется в науке за непоследовательность (в частности, в том, что в сходном вопросе суды *contra legem* признают за арендаторами право самостоятельно обращаться в суд с иском о признании права на самовольную постройку, возведенную на арендованном земельном участке)[3], исключение возможности внезаконного умножения обременений не только позволяет обеспечить чистоту права собственности, но и не лишает арендаторов возможности обеспечить свой интерес путем направления соответствующего требования в адрес своего контрагента (арендодателя).

Достаточно четко позиция о недопустимости применения по аналогии нормы п. 1 ст. 700 ГК РФ об обременении имущества договором безвозмездного пользования выражена в ситуации, когда участники долевого строительства со ссылкой на указанную норму и аналогию закона попытались заявить о переходе обязанностей застройщика, исключенного из ЕГРЮЛ по решению налогового органа, на агента, которого указанный застройщик привлекал к осуществлению финансовых операций, связанных со строительством многоэтажного жилого дома и совершению сделок по реализации жилых помещений в указанном доме[4].

С точки зрения доктрины в контексте особой юридической природы вещных обременений (обременений права собственности и других вещных прав), являющихся ограниченными вещными правами, и принимая во внимание идею о том, что в действительности система обременений – это система ограниченных

---

[1] Постановление ФАС Поволжского округа от 31.03.2014 № А57-1753/2012.
[2] Определение ВАС РФ от 29.05.2013 № ВАС-6097/13; Определение ВС РФ от 15.01.2015 № 308-ЭС14-7676.
[3] Краснова Т.С. Установление сервитута по требованию арендатора земельного участка. По мотивам одного определения ВС РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 46–64.
[4] Постановление АС Уральского округа от 10.12.2021 № А76-51674/2020.

вещных прав и никаких «невещных» обременений вещных прав не существует[1], можно обратить внимание и на то, что в вещно-правовой сфере создание не предусмотренных законом обременений права собственности приводит к нарушению принципа *numerus clausus* в вопросе определения перечня ограниченных вещных прав[2], считающегося в западной правовой традиции стержнем классического права собственности[3] и «фирменным знаком» института вещных прав[4]. Даже те правоведы, которые подвергают критике приравнивание прикрепляющихся к вещи обременений к ограниченным вещным правам, вынуждены констатировать, что перечень конкретных субъективных прав, обладающих свойством следования, определяется только законодателем и исключительно исчерпывающим образом[5]. В частности, нельзя поддержать распространяющуюся вопреки указанному принципу практику конструирования по аналогии с рентой непоименованного вещного обременения жилых помещений на основании договора дарения правом пожизненного проживания дарителя[6]. Хотя соответствующее договорное условие действительно не противоречит природе договора дарения в том, что обязанность одаряемого обеспечить дарителю возможность пожизненно проживать в квартире не является встречным обязательством по смыслу п. 1 ст. 572 ГК РФ, в таких случаях при отсутствии прямого дозволения закона воля сторон договора дарения вторгается в интересы будущего правообладателя жилого помещения, который не был стороной первоначального соглашения[7], а значит происходит нарушение принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1

---

[1] Аргументацию данного взгляда на обременения вещных прав см.: Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. М.: Статут, 2007. С. 131–148.

[2] См.: Гражданское право: в 4 т. Т. 2: учеб. 3-е изд. перераб. и доп. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 143, 144.

[3] Mezzanotte F. The interrelation between intellectual property licenses and the doctrine of numerus clausus. A comparative legal and economic analysis // Comparative law review. 2012. Vol. 3. P. 19; Chang Y.-C., Smith H.E. The Numerus Clausus Principle, Property Customs, and the Emergence of New Property Forms // Iowa Law Review. 2015. Vol. 100. P. 2298–2299.

[4] Рыбалов А.О. Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 144–162.

[5] Алексеев В.А. Свойство следования, обременение недвижимой вещи и система прав на недвижимость // Закон. 2022. № 8. С. 82–92.

[6] Определение Московского городского суда от 12.01.2017 № 33-1137/2017.

[7] Сазанова И.В. Дарение жилого помещения с оговоркой о сохранении права пожизненного пользования // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 40–43.

ГК РФ) и ключевого положения обязательственного права о том, что обязательство не создает обязанностей для третьих лиц (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

В целях достижения предельной нормативной четкости в вопросе о применении гражданского законодательства по аналогии и исключения поводов к необоснованному внезаконному установлению и прекращению обременений гражданских прав видится целесообразным дополнить ст. 6 ГК РФ прямой оговоркой о невозможности использования механизма аналогии для определения режима гражданско-правовых обременений.

Необходимо также отметить, что в упомянутом Проекте закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» положение, исключающее применение аналогии при ограничении прав и свободы физических и юридических лиц, установлении для них новых обязательств или ответственности (ст. 59 Проекта), не содержит термин «обременение», что видится явным упущением. Такой же недостаток характерен аналогичным нормам соответствующих законов, принятых в некоторых странах ближнего зарубежья[1], и можно предположить, что факт его существования в проекте отечественного закона обусловлен некачественной сравнительно-правовой аналогией. Поэтому при формулировании окончательной редакции текста данного закона следует акцентировать внимание на недопустимость применения аналогии при установлении, изменении или прекращении обременений субъективных прав.

§ 3. Расширение круга источников правил, применяемых по аналогии в сфере частного права

В силу п. 2 ст. 3 ГК РФ гражданское законодательство состоит из ГК РФ и принятых в соответствии с ним федеральных законов, регулирующих отношения, составляющие предмет гражданско-правового воздействия, очерченный в п. 1 и п. 2 ст. 2 ГК РФ. Из этого следует, что термин «гражданское законодательство»

[1] См.: Закон Республики Казахстан от 06.04.2016 № 480-V «О правовых актах» // URL: https://www.gov.kz/.; Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» // URL: https://pravo.by.

охватывает только нормативные акты федерального уровня, причем только законы, принятые по указанию ГК РФ. Такое понимание основывается как на буквальной трактовке фразы «принятых в соответствии с ним», так и на положении абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ, согласно которому нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ. Последнее дополнительно подтверждает, что ГК РФ различает законы, принятие которых им предусмотрено (гражданское законодательство), и другие законы, включающие нормы гражданского права.

Схожим (узким) образом определяется семейное законодательство, в составе которого п. 2 ст. 3 СК РФ обозначает сам кодекс и принимаемые в соответствии с ним федеральные законы, а также (с учетом нахождения семейного законодательства в совместном федеральном и региональном ведении) законы субъектов РФ. Предусматривая случаи, когда на основании и во исполнение СК РФ и других законов, а также указов Президента РФ Правительство РФ вправе принимать нормативные правовые акты по предмету семейно-правового регулирования (п. 3 ст. 3 СК РФ), законодатель также подчеркивает различие семейно-правовых норм семейного законодательства и иных нормативных актов.

Иной (широкий) подход наблюдается при установлении состава жилищного законодательства, к которому п. 2 ст. 5 ЖК РФ причисляет не только непосредственно ЖК РФ, принятые в соответствии с ним другие федеральные и региональные законы, но и указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, иные (не относящиеся к числу законов) нормативные правовые актов субъектов РФ, нормативные акты органов местного самоуправления.

Из изложенного следует, что в жилищно-правовой сфере нормы для аналогического правоприменения могут находиться в любом из допустимых источников жилищного права. Далее, с учетом того, что ст. 5 СК РФ, формально (судя по ее заглавию) нацеленная на применение к семейным отношениям по аналогии семейного и (или) гражданского *законодательства,* в действительности (в «теле» статьи) указывает на преодоление семейно-правовых пробелов существующими нормами семейного и (или) гражданского *права* (а не

законодательства), можно допустить аналогию не только законодательства (в узком смысле), но и иных источников, содержащих подходящие к пробельным отношениям нормы.

В свою очередь, поскольку и название, и текст ст. 6 ГК РФ указывает на применение по аналогии лишь гражданского законодательства, которое нормативно определено узко, значительный практический интерес и теоретическую сложность представляет вопрос о допустимости использования иных источников норм гражданского права в механизме аналогии.

Буквальное толкование ст. 6 ГК РФ позволяет ученым формулировать отрицательный ответ на этот вопрос. В частности, указано, что аналогия закона при регулировании гражданских отношений допускается только при применении норм гражданского и только законодательства, но не норм какого-либо другого законодательства, тем более – норм другого источника права (автор приметил различие в формулировке ст. 6 ГК РФ, указывающей на аналогию закона как на применение по аналогии гражданского законодательства, и ст. 5 СК РФ, называющей аналогией закона применение по аналогии норм семейного и (или) гражданского права, но не законодательства); подходя формально к разграничению права и законодательства и, видимо, считая различие в описании круга источников аналогического правоприменения в ст. 6 ГК РФ и ст. 5 СК РФ квалифицированным, В.В. Ровный предположил, что первая исключает аналогию норм из других источников, тогда как вторая оставляет для аналогии больший простор[1]. Схожим образом Е.А. Суханов уточнил, что правила об аналогии закона и аналогии права могут использоваться в гражданском праве только при применении законодательства в строгом смысле слова, и не могут распространяться на действие подзаконных нормативных актов[2]. Аналогичного мнения придерживался В.П. Мозолин, указывая, что указы Президента РФ и постановления Правительства РФ по аналогии закона применятся не должны[3]. В одном из частных случаев В.Т.

[1] Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. Под ред. А.П. Сергеева. М.: «РГ Пресс», 2011. С. 72. Автор главы – В.В. Ровный.
[2] Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учебник. Под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 115. Автор главы – Е.А. Суханов.
[3] Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный).

Гульбин хотя и признал применение к спорному отношению по аналогии приказа Роспатента логичным и допустимым, но отметил условность такой аналогии поскольку в силу ст. 6 ГК РФ по аналогии применяется лишь «гражданское законодательство», а потому применение подзаконного акта, регулирующего сходные правоотношений, «проблематично»[1].

В отмеченных позициях явно не выражено отношение к возможности или недопустимости применения по аналогии частноправовых норм из комплексных федеральных законов, не входящих в систему гражданского законодательства, но продемонстрированный узкий подход к толкованию ст. 6 ГК РФ позволяет предположить, что в данном аспекте имелся в виду также отрицательный ответ.

Формальное понимание ст. 6 ГК РФ находит отражение в отдельных судебных актах. К примеру, рассматривая дело о взыскании задолженности по оплате потребленной сверх договорной величины электрической мощности (при том, что порядок расчета превышения не предусмотрен ни действующим законодательством, ни условиями договора истца и ответчика), суд отклонил довод о необходимости применения к спорным правоотношениям по аналогии Методических указаний по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке, утв. Приказом ФСТ от 06.08.2004 № 20-э/2, со ссылкой, что данный акт не является законом[2].

Видится, что достаточные основания для общего вывода о невозможности применения по аналогии источников, не относящихся к числу федеральных гражданско-правовых законов, отсутствуют. Поставленный вопрос следует решать дифференцированно в зависимости от конкретного вида источника, с точки зрения буквы закона, не попадающего в сферу действия ст. 6 ГК РФ.

Прежде всего, с большой уверенностью можно утверждать о правомерности применения по аналогии норм гражданского права, содержащихся публично-правовых и комплексных федеральных законах наряду с правилами иной

Под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малеиной. М.: НОРМА, 2004. 848 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Автор комментария – В.П. Мозолин.

[1] Протокол судебного заседания Суда по интеллектуальным правам от 28.04.2018 № 20.

[2] Постановление ФАС Уральского округа от 01.09.2009 № Ф09-6292/09-С5.

отраслевой принадлежности. В частности, поскольку действующее законодательство в сфере водоотведения не содержит норм о порядке пересмотра границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности в случае смены собственника объектов водоотведения, постольку суды считают правомерным применение к таким лакунным отношениям в порядке аналогии п. 4 ст. 26 ФЗ от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»[1], определяющей сходные правоотношения в случае смены собственника энергопринимающих устройств[2].

Далее, следует сделать уточнение о региональных законах. Формально ст. 71 Конституции Российской Федерации относит гражданское законодательство к федеральному ведению. Учет ст. 3 ГК РФ, не упоминающей о законах субъектов РФ как об источниках гражданско-правовых норм, означает, что региональные законы не входят не только в состав гражданского законодательства, но и в число допустимых форм гражданского права. Вместе с тем, по предметам совместного ведения могут издаваться не противоречащие федеральному законодательству нормативные правовые акты субъектов РФ, нацеленные на регулирование частных отношений в соответствующей сфере. Кроме того, статус источников гражданского права сохраняют конституционно релевантные акты субъектов РФ, изданные до принятия Конституции[3]. Представляется, что такие нормативные акты вполне возможно рассматривать в качестве источника правил, применяемых для регулирования пробельных гражданско-правовых отношений в порядке аналогии.

Важно отметить, что по рассматриваемой проблеме в литературе высказана и противоположная точка зрения. С опорой на допустимость использования термина «гражданское законодательство» в разных по объему значениях и ссылкой на восполнительную функцию аналогии предложено применительно к ст. 6 ГК РФ толковать указанный термин в широком смысле (как совокупность федеральных законов и иных правовых актов, кроме ведомственных, границы сферы регулирования которых определены в п. 7 ст. 3 ГК РФ императивно)[4]. Более того,

---

[1] СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
[2] Постановление АС Волго-Вятского округа от 25.11.2019 № А39-2176/2019.
[3] Пункт 3 Постановления № 6/8.
[4] Рузанова В.Д. Третейское разбирательство: нормативно-правовые основы разрешения споров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 8. С. 41–47.

представлен взгляд, что для целей реализации аналогии закона понятие «гражданское законодательство» следует понимать еще шире и не исключать применение по аналогии не только актов Президента РФ и Правительства РФ, но и актов министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, так как узкое понимание гражданского законодательства в контексте аналогии привело бы к невозможности справедливого разрешения многих возникающих споров[1].

Думается, что именно такая позиция заслуживает поддержки и углубления.

Во-первых, для ограничения регулятивного потенциала механизма аналогии содержательные основания отсутствуют. При установлении достаточной схожести подлежащих регламентации отношений с отношениями, урегулированными нормами действующего указа Президента РФ, постановления Правительства РФ или иного подзаконного акта, преодоление пробела посредством аналогического применения данных норм будет соответствовать сущности координирующего и гармонизирующего гражданско-правового воздействия.

Во-вторых, обращение к аналогии удерживает правоприменителя в рамках легитимных нормативных (хотя и подзаконных) конструкций, избавляет от суд необходимости исполнять роль «законодателя ad hoc» и обеспечивает принятым им актам дополнительную формальную прочность.

В-третьих, формальное и узкое толкование ст. 6 ГК РФ может привести к затруднениям в процессе восполнения правовых пробелов, ослаблению защитного эффекта действия механизма аналогии, возрастанию нехарактерной для гражданско-правового воздействия правовой неопределенности.

В-четвертых, узко-предметный характер некоторых подзаконных актов отнюдь не исключает принципиальной юридической (оторванной от предметной сферы) схожести регулируемых ими отношений с другими (пробельными) отношениями.

В-пятых, подтверждением правильности именно такого (широкого) подхода свидетельствуют положения о материально-правовых аналогиях, содержащиеся в

---

[1] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). Под ред. О.Н. Садикова. 3-е изд., испр., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2005. 1062 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Автор комментария – О.Н. Садиков.

процессуальных законах. Уже из названий ст. 11 ГПК РФ и ст. 13 АПК РФ следует, что при разрешении гражданских, арбитражных дел суды применяют не «законодательство», а «нормативные акты». При этом в тексте обеих статей указано, что при обнаружении пробельного (т.е. не урегулированного федеральным законом и другими нормативными правовыми актами или соглашением сторон, или обычаем) отношения суды применяют «нормы права, регулирующие сходные отношения». Хотя нормы ст. 11 ГПК и ст. 13 АПК РФ адресованы судам, а положения ст. 6 ГК РФ ориентирует на использование аналогии не только судами, но и иными правоприменителями и самими участниками гражданских правоотношений, подход к определению круга источников норм, допустимых к аналогическому использованию в различных сферах частного права, явно должен быть унифицированным.

В-шестых, распространительное понимание термина «гражданское законодательство», использованного в диспозиции нормы ст. 6 ГК РФ будет соответствовать принятой в науке и практике широкой трактовке этого же понятия, содержащегося в гипотезе указанной нормы. Действительно, едва ли могут быть сомнения, что правовым пробелом является ситуация, когда отношения оказываются не урегулированными не только федеральными законами, но и иными актами, содержащими нормы гражданского права[1]. Примечательно, что несмотря на очевидность адекватности именно такого толкования, Пленум ВС РФ счел целесообразным в отношении применения КАС РФ подчеркнуть, что посредством применения аналогии судом могут быть преодолены пробелы, связанные с отсутствием подзаконных актов (абз. 4 п. 20 Постановления от 28.06.2022 № 21).

Наконец, следует отметить, что наблюдаемое фактическое применение по аналогии норм подзаконных актов (а не законодательства), формально выглядящее в качестве аналогии права (поскольку буквально по тексту ст. 6 ГК РФ по аналогии закона допустимо применять лишь нормы законодательства в строгом смысле слова), в действительности представляет собой аналогию закона, так как речь идет о применении конкретных объективированных правил, а не принципов права и

[1] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 1998. С. 102.

основных начал законодательства.

Обращение к практике обнаруживает распространенное и стремящееся к интенсификации аналогическое применение судами подзаконных актов. В частности, Суд по интеллектуальным правам отметил, что в отсутствие регулирования способов установления тождественности фирменных наименований, применительно к п. 1 ст. 6 ГК РФ для анализа установления тождественности этих объектов возможно в порядке аналогии применять нормы Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания (утв. Приказом Роспатента от 05.03.2003 № 32)[1].

Иной пример: поскольку законодательство не регулирует вопросы, связанные с проведением работ в районе канализационных коммуникаций, суд в соответствии со ст. 6 ГК РФ правомерно применил к спорным правоотношениям регулирующие сходные отношения нормы Приказа Минстроя РФ от 17.08.1992 № 197 «О типовых правилах охраны коммунальных тепловых сетей»[2]. Аналогичным образом схожесть процессов учета поставки газа и электроэнергии позволила в условиях неопределенности порядка исчисления периода неисправности средств измерения объемов газа использовать по аналогии нормы п. 187 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утв. Постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442, о фиксации дат безучетного потребления электрической энергии[3].

Далее, до появления Приказа Минфина РФ от 28.08.2014 № 84н «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов», распространяющегося не только на акционерные общества, но и на ряд других коммерческих организаций, судами была наработана устойчивая практика, в соответствии с которой при расчете чистых активов иных (кроме акционерных) хозяйственных корпораций по аналогии надлежит руководствоваться ранее действовавшим (рассчитанным только на акционерные общества) совместным приказом Минфина РФ № 10н и ФКЦБ РФ № 03-6/пз от 29.01.2003 «Об

[1] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.11.2013 № С01-142/2013.
[2] Постановление Третьего ААС от 15.05.2013 № 03АП-1467/13.
[3] Постановление АС Северо-Западного округа от 03.06.2024 № Ф07-2514/2024.

утверждении порядка оценки стоимости чистых активов акционерных обществ»[1]. Примечательно, что в аспекте установления пределов функционирования института аналогии в различных формах реализации права В.В. Фидаров справедливо отмечал, что данную аналогию целесообразно допускать к использованию в неюрисдикционном порядке самими хозяйственными обществами (а не только судами), поскольку ежегодное обращение всех существующих ООО в суд для определения стоимости чистых активов и подготовки годового отчета, как минимум, нерационально, и аналогия закона в этом отдельном сегменте позволяет полно обеспечить достижение цели правового регулирования[2].

Интересный пример применения подзаконного акта по аналогии продемонстрирован при оценке пробельных отношений по очистке лесов от порубочных остатков как гражданско-правовых и применении к ним через ст. 6 ГК РФ норм Постановления Правительства РФ от 08.05.2007 № 273, рассчитанных на последствия неисполнения обязанностей по уборке в лесах коммунально-бытовых, промышленных отходов, бытового и строительного мусора[3].

В другом деле суд пришел к выводу, что на не завершенный строительством жилой дом распространяются по аналогии правила о гарантийном сроке для жилых зданий, установленные Положением о планово-предупредительном ремонте жилых и общественных зданий[4].

Еще один казус адекватного аналогического применения подзаконного акта проявился в ситуации, когда при оспаривании решения общего собрания членов кооператива встал вопрос о сроке хранения кооперативом документов, фиксирующих присутствовавших на собрании лиц (листы регистрации, бюллетени голосования, доверенности представителей и т.д.), но специальной нормы, которая

---

[1] Постановление Одиннадцатого ААС от 24.12.2012 № 11АП-14827/12; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26.06.2007 № А42-8832/2006; Постановление ФАС Московского округа от 14.07.2008 № КГ-А40/3905-08-П.

[2] Фидаров В.В. О допустимости использования института аналогии закона и аналогии права в различных формах реализации права // Юридическое образование и наука. 2007. № 3. С. 41–43.

[3] Суды пояснили, что загрязнение порубочными остатками имеют сходный характер с захламлением строительным мусором, так как древесный строительный мусор по своему происхождению и физическому состоянию сходен с порубочными остатками (см.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 15.06.2011 № А33-7537/2010).

[4] Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.04.1999 № Ф04/752-125/А70-99.

определяла бы такой срок, не обнаружилась. Преодолевая пробел, суд пришел к выводу, что в порядке ст. 6 ГК РФ возможно применить к спорным отношениям по аналогии п. 2.1. Положения о порядке и сроках хранения документов акционерных обществ, утв. Постановлением ФКЦБ РФ от 16.07.2003 № 03-33/пс, согласно которому акционерное общество обязано хранить аналогичные документы постоянно[1].

Думается, в силу тех же оснований следует поддержать идею о возможности аналогического применения обычаев делового оборота, которые (вопреки мнению автора такой идеи[2] и встречающимся судебных подходов[3]) являются вполне традиционными источниками гражданско-правовых норм.

Если исходить из принципиальной допустимости применения по аналогии норм, содержащихся в любых источниках гражданского права, необходимо также оговорить нюанс с актами конституционного правосудия. С одной стороны, Конституционный Суд РФ не является правотворческим органом и не вправе устанавливать общеобязательные правила поведения. Но с другой стороны, реализация предусмотренного ст. 3 ФКЗ от 21.08.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[4] полномочия разрешать дела о соответствии Конституции РФ нормативных актов может согласно при отсутствии формальной отмены или изменения оцененной Конституционным Судом РФ нормы привести к ее «умерщвлению» (утрате юридической силы). Несмотря на имеющиеся споры и возражения[5], в большинстве случаев этот юридический эффект расценивается в доктрине как то, что постановления Конституционного Суда РФ не только мотивируют законодателя к совершенствованию нормативного

---

[1] Определение Московского городского суда от 18.05.2015 № 33-12529.

[2] Фомина Л.А. Пробелы в гражданском праве России: понятие, сущность. Способы преодоления: Монография. Волгоград. 2008. С. 115.

[3] См.: Постановление АС Северо-Западного округа от 26.04.2024 № Ф07-3858/2024, где подчеркнуто, что источником нормы. регулирующей сходное правоотношение, может быть законодательство, но не обычай.

[4] СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[5] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4 (84). С. 4–23; Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права. - М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. С. 34–41; Петрушев В.А. О юридической природе постановлений Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11. С. 27–30.

массива, но и, будучи *аналогичными нормативным актам*[1], выступают формальным (хотя и особым, исключительным) источником гражданского права[2], как минимум, в широком смысле «истока» права[3]. По мнению некоторых правоведов, такие постановления должны признаваться источниками материального, в том числе гражданского права *безусловно*[4].

Признание постановлений Конституционного Суда РФ в качестве источника частноправовых норм логически подталкивает к суждению, что таковые могут источником аналогического правоприменения. В частности, как указал Верховный суд Карачаево-Черкесской Республики, постановление как итоговое решение Конституционного Суда РФ имеют общеобязательное значение, применяются самостоятельно и неоднократно, в том числе по правилам аналогии[5].

Действительно, аргументация позиций конфликтующих сторон и мотивировка судебных актов с отсылкой на аналогию к позициям, сформулированным Конституционным Судом РФ, встречаются нередко.

Так, в деле об обязании принять в собственность муниципального поселения имущество муниципального района ВАС РФ обратился по аналогии к правовому суждению, высказанному Конституционным Судом РФ (Определение от 04.12.2007 № 828-О-П; Постановление от 30.06.2006 № 8-П) применительно к отношениям по передаче в региональную или муниципальную собственность федерального имущества, если нахождение такого имущества в федеральной собственности не допускается, согласно которому предполагается необходимость учета волеизъявления органа местного самоуправления на соответствующую передачу и недопустимость игнорирования такого волеизъявления[6].

---

[1] Лозовская С.В. Постановления Конституционного Суда РФ как источник права // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 8–12.

[2] Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75–85; Гражданское право: учебник в 2 т. Под ред. Е.Е. Богдановой. М.: Проспект. 2020. С. 52. Авторы параграфа – В.А. Микрюков, Г.А. Микрюкова; Долинская В.В. Судебные акты в праве России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 1. С. 3–13; Лазарев В.В., Гаджиев Х.И. Основные источники (формы) судебного права // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 5–22.

[3] Шиткина И.С. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в корпоративном праве: значение и развитие // Предпринимательское право. 2021. № 1. С. 3–23.

[4] Поян Н.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник гражданского права // Администратор суда. 2022. № 3. С. 24–28.

[5] Определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 02.03.2011 № 33-101/11.

[6] Определение ВАС РФ от 18.11.2011 № ВАС-14236/11.

Рассматривая спор о взыскании неосновательного обогащения в виде стоимости потребленной энергии с автономного учреждения, суд отверг довод о невозможности привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам автономного учреждения собственника его имущества (Минобороны РФ), сославшись в порядке аналогии закона на правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 12.05.2020 № 23-П, касающуюся возможности привлечения к ответственности собственника (учредителя) ликвидированного бюджетного учреждения по его обязательствам, вытекающим из публичного договора энергоснабжения. Суд раскрыл суть конституционно-правового суждения и пояснил, что по смыслу применяемой правовой позиции нарушение баланса прав и законных интересов возникает не в связи с ликвидацией учреждения, а в силу обязанности кредитора автономного учреждения на основании положений ст. 426 ГК РФ вступить в правоотношения по поставке ресурса с лицом, исполнение которым встречной обязанности по оплате этого ресурса в случае финансовых затруднений не обеспечено эффективным инструментарием защиты прав поставщика, в том числе возможностью взыскания задолженности с собственника имущества учреждения[1].

Далее, в ситуации, когда при оспаривании торгов и заключенных государственных контрактов один из ответчиков был ликвидирован и в соответствующей части производство по делу было прекращено, суд хотя и не отреагировал на довод истца о необходимости применения по аналогии правовой позиции, отраженной в Постановлении Конституционного Суда РФ[2], сам по себе приведенный истцом аналогический аргумент в очередной раз подсветил склонность частноправового мышления к аналогиям и подтвердил актуальность требующих положительного ответа вопросов, сформулированных при доктринальном разборе указанного постановления: допустимо ли применение по аналогии соответствующей конституционно-правовой практики в корреляции с известными конструкциями аналогии права и аналогии закона, в том числе

[1] Постановление АС Западного округа от 17.05.2023 № А56-44181/2022.
[2] Постановление АС Дальневосточного округа от 26.06.2017 № А73-5467/2015.

возможно ли отмеченную позицию применять по аналогии к сходным случаям, когда подобные попытки оспаривания предпринимает не конкурсный управляющий, а председатель ликвидационной комиссии?[1].

Конечно, следует иметь в виду отраженную в ряде судебных актов позицию о принципиальной невозможности аналогического применения постановлений Конституционного Суда РФ, поскольку результатом такого рода аналогии выступило бы признание неконституционной другой (непосредственно не оцененной органом конституционного правосудия) нормы[2]. Поддерживая такой взгляд, П.Д. Блохин называет судебные акты, допускающие экстраполяцию постановлений Конституционного Суда РФ по аналогии «диссидентскими»[3]. Однако, как минимум, нельзя отрицать состоятельность рассматриваемых аналогий в значении инструмента квалификации правовой ситуации и толкования применимых норм права, в том смысле, что решения органа конституционного контроля не зацикливаются на непосредственном предмете и не могут не влиять изменение правового пространства косвенно, в том числе в форме доктрины[4]. Так, известно, что вне зависимости от сферы знаний аналогии весьма полезны при анализе в неисследованных областях и при помощи аналогий неизвестная система (в рассматриваемом аспекте – система норм или спорного правоотношения) может быть сравнена с ранее изученной системой, в которой взаимодействие элементов видно нагляднее[5]. Кроме того, важно понимать, что аналогическое применение актов конституционного правосудия не только возможно, но и необходимо для обеспечения обусловленной системообразующими связями между различными нормами законодательства объективной потребностью в развитии правовых позиций посредством их универсализации и распространения аналогичных норм,

---

[1] Телюкина М.В. Легитимация судебной практикой уступки требований к ликвидированному должнику / Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020). Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. 480 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление ФАС Уральского округа от 10.07.2003 № А07-16114/02; Определение Томского областного суда от 08.11.2011 № 33-3439/2011.

[3] Блохин П.Д. Проблема аналогии в конституционном судопроизводстве в контексте дискуссии о прецедентной природе решений Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 19–30.

[4] Григорьев К.Е. Решения Конституционного Суда РФ как источник российского права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 56–61.

[5] Ольсон Г. Динамические аналогии. Перевод с англ. Б.Л. Коробочкина. Под ред. М.А. Айзермана. М. 1947. С. 9.

регулирующие схожие по характеру общественные отношения (при том, что вопреки отмеченному подходу отказ от применения судом таких аналогичных норм отнюдь не означает признание их неконституционными и лишение юридической силы по аналогии)[1]. Как отметил В.Д. Зорькин, если определенная норма отраслевого законодательства признана неконституционной, то она утрачивает юридическую силу, но при этом не только она, но и подобные ей по содержанию нормы других нормативных актов не могут применяться судами[2].

Изложенное позволяет утверждать о формировании такого нового модуса аналогии как расширение круга источников норм для аналогического правоприменения (и более широко – для аналогической реализации права) в сфере частноправового взаимодействия, в котором все более интенсивно используются не только кодифицированные акты и принятые в соответствие с ними федеральные законы, но и иные законы и подзаконные акты, содержащие частноправовые нормы, а также постановления Конституционного Суда РФ.

Несмотря на приведенные весомые аргументы формальной легитимности и научной обоснованности применения по аналогии гражданско-правовых норм вне зависимости от источника их закрепления, в целях устранения отмеченной неопределенности положений ст. 6 ГК РФ целесообразно соответствующим образом исправить текст названия и формулировки «тела» ст. 6 ГК РФ, расширить параметры обнаружения правовых пробелов и предусмотреть применение по аналогии не «гражданского законодательства», а норм гражданского права (аналогичное уточнение следует сделать и в ст. 7 ЖК РФ).

Более того, именно в рамках данного модуса видится целесообразным оценивать состоятельность идеи о применении *в порядке аналогии разъяснений (правовых конструктов)*, формализованных в актах высших судебных инстанций.

С одной стороны, в силу правоприменительной (а не нормативной) природы судебных актов кажется очевидной недопустимость такого рода правоприменения.

---

[1] Брежнев О.В. Универсализация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации при осуществлении правосудия судами общей юрисдикции // Российский судья. 2017. № 3. С. 50–54.

[2] Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–9.

По мнению некоторых правоведов, применение разъяснений (правовой позиции) высших судебных инстанций по аналогии «никем не разрешено» ... оно «абсурдно, поскольку каждое разъяснение дается по конкретной ситуации»[1]. Представлен достаточно категоричный частный взгляд, что об аналогии закона применительно к разъяснениям, представленным Пленумом ВС РФ (анализируется Постановление от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции»), ввиду своеобразия их положения в российской системе права «речь идти не может»[2]. С точки зрения В.А. Алексеева, применение разъяснений высших судебных органов по «аналогии» (ставится вопрос о применимости п. 62 Постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 о переходе обязанностей продавца по договору купли-продажи к универсальным правопреемникам по аналогии к обязанностям по иным возмездным сделкам отчуждения, а также при дарении) вряд ли является нормальной ситуацией[3]. Высказано суждение, что для применения в порядке аналогии непосредственно разъяснений, содержащихся Постановлениях Пленума и информационных письмах Президиума ВАС РФ, нет правовых оснований ввиду того, что в ст. 6 ГК РФ (как и в ст. 7 ЖК РФ) речь идет о применении законодательства, а п. 6 ст. 13 АПК РФ (как и в ст. 5 СК РФ) используется более широкое понятие – «нормы права», в то время как разъяснения высших судов не содержат норм права, несмотря свой нормативный характер. При этом обнаруженную практику разрешения споров с обращением к разъяснениям высших судов по аналогии[4] предложено квалифицировать как расширительное (а не аналогическое) толкование соответствующих разъяснений, хотя и такой подход

[1] Кальгина А.А., Ильин Б.В. Жив ли исполнительский иммунитет единственного жилья гражданина-должника? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 55–66.

[2] Вольфсон В.Л. Ответственность авиаперевозчика за просрочку доставки пассажира: единые принципы и специальные нормы // Транспортное право. 2023. № 1. С. 13–17.

[3] Алексеев В.А. Наследование недвижимости и государственная регистрация прав // Наследственное право. 2011. № 2. С. 20–24. К слову, практика демонстрирует положительный ответ на данный вопрос применительно к соглашению об отступном (Определение ВС РФ от 25.09.2020 № 307-ЭС20-13049) и к обязанностям по договору уступки прав требования (Постановление АС Московского округа от 22.12.2021 № А41-33747/2021).

[4] Постановление ФАС Уральского округа от 11.07.2014 № А60-2190/2014; Постановление ФАС Московского округа от 24.04.2014 № А40-123855/13-3-736).

подвергнут критике как излишне расширяющий рамки судебной дискреции[1].

Отрицание применимости судебных позиций в порядке аналогии встречается в ряде конкретных дел. В частности, суд отказал в применении к действиям пенсионного фонда по бесспорному взысканию страховых взносов с организации, находящейся в стадии ликвидации, по аналогии Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 25 «О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве»[2]. В другом деле суд отклонил довод о применении позиции, изложенной в Постановлении Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» применительно к купле-продаже, по аналогии к правоотношениям, вытекающим из договора аренды[3]. Суд констатировал также недопустимость при оспаривании решений собраний кредиторов о выборе арбитражного управляющего основываться на аналогии с разъяснением п. 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» о последствиях принятия решения общего собрания акционеров при отсутствии кворума[4].

С другой стороны, едва ли правильно с точки зрения эффективного и оперативного достижения целей частноправового регулирования принципиально исключать использование по аналогии таких судебных конструктов, которые явно соответствуют общим началам и смыслу законодательства. При этом и в юридико-техническом аспекте, если разъяснения высших судов могут и должны не просто учитываться, а именно применяться нижестоящими судами напрямую[5], то нет оснований не допускать и их аналогическое применение.

В частности, может быть поддержан подход, согласно которому разъяснения,

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5. Под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Автор комментария – Л.В. Санникова.
[2] Постановление ФАС Поволжского округа от 26.02.2008 № А65-9846/2007-СА1-7.
[3] Постановление ФАС Дальневосточного округа от 14.05.2012 № А59-3046/2011.
[4] Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 11.01.2013 № А32-8988/2011.
[5] Соловьева Т.В. Направления реализации постановлений Пленума ВС РФ // Юрист. 2013. № 8. С. 43–46.

сформулированные в п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»[1] в отношении действий унитарного предприятия, приводящих к невозможности использования имущества собственника по целевому назначению, применимы и к близким по юридической природе отношениям, возникающим при таком изъятии собственником имущества, ранее закрепленного за учреждением, при котором возникает невозможность осуществления учреждением уставных функций.

Заслуживает одобрения позиция, согласно которой в порядке аналогии к широкому кругу отношений допустимо применять выработанный судами конструкт о последствиях пропуска досудебных претензионных сроков в рамках договора железнодорожной перевозки груза. Так, в сфере перевозок действует п. 42 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.10.2005 № 30 «О некоторых вопросах практики применения ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»[2], согласно которому предъявление претензий к перевозчику за пределами установленных сроков (при соблюдения порядка), не является основанием к возвращению искового заявления. Это положение распространяется судами и на другие категории гражданско-правовых споров[3], что поддерживается в науке[4]. Действительно, право должника на получение претензии в определенные сроки не должно превращаться в ограничение права кредитора на предъявление претензии за их пределами. Придание пресекательного характера претензионным срокам недопустимо ослабит право на судебную защиту.

Примером адекватного использования правового конструкта в порядке аналогии можно назвать аналогическое применение разъяснения о взаимосвязанности сделок в контексте признания их крупными (п. 8

---

[1] Вестник ВАС РФ. 1998. № 10. В связи с принятием Постановления Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 № 23 данное Постановление утратило силу, но примененное по аналогии разъяснение своей актуальности не лишилось.
[2] Вестник ВАС РФ. 2006. № 1.
[3] Постановление ФАС Поволжского округа от 01.08.2008 № А65-13804/06; Постановление ФАС Московского округа от 19.03.2013 № А40-63883/12-50-656.
[4] Горохов Б.А., Кнышев В.П., Потапенко С.В. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Практ. пособие / Под ред. В.Н. Соловьева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2009. 674 с. Доступ из СПС «Гарант».

Постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью») к сделкам, оспариваемым конкурсным управляющим как сделок должника, влекущих оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими[1].

Едва ли могут быть сомнения в соответствии основным началам гражданского законодательства аналогическое распространение на сходные (длящиеся) договорные отношения позиции, изложенной в п. 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой», согласно которой ретрооговорка не означает, что непосредственная обязанность сторон по исполнению договора возникла ранее его заключения[2].

В рассматриваемом контексте интерес представляет то, как члены Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа при решении вопроса о применении разъяснения Постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» в делах об оспаривании экстраординарных сделок унитарных предприятий, кооперативов, автономных учреждений и иных некоммерческих организаций, не обсуждали принципиальную способность ненормативного акта выступить источником аналогии закона, а выясняли, насколько такая аналогия адекватна существу дела[3].

Продолжение изучения практики в целом позволяет обнаружить возрастание количества ситуаций, в которых источниками аналогического преодоления правовых пробелов становятся акты высших судов, в числе которых:

- п. 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»[4];
- п. 17 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ,

[1] Постановление АС Дальневосточного округа от 13.04.2015 № А51-5732/2013.
[2] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 31.01.2023 № А03-7497/2022.
[3] В поддержку возможности применения одобной аналогии высказались А.В. Габов и В.А. Лаптев (См.: Протокол заседания Научно-консультативного совета при АС Московского округа от 03.07.2020 № 19).
[4] Постановление Второго ААС от 19.05.2017 № А28-11077/2016.

услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом ВС РФ 28.06.2017)[1];

- п.п. 2, 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящим в состав органов юридического лица»[2];
- п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»[3], а также п. 24 и п. 60 данного акта[4];
- п. 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ»[5];
- п. 13 Постановлениея Пленума ВС РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»[6];
- Постановление Президиума ВАС РФ от 16.11.2010 № 8263/10[7].

Оценивая редкие случаи отрицания аналогии правовых конструктов как обусловленные лишь недостаточной аналогичностью рассматриваемых споров и отношений с устоявшейся судебной оценкой и в целом поддерживая модус расширения не только объективных, но и субъективных источников аналогического преодоления правовых пробелов, следует уточнить, что применение судами последних к отношениям, не имеющим прямого или аналогического нормативного регулятора, не является ни расширительным толкованием судебных позиций, ни аналогией закона. С технико-правовой точки зрения подобная практика действительно выглядит как адаптация готового (существующего, сформулированного в виде абстрактного правила, рассчитанного на неоднократное применение) квазинормативного регулятора к аналогичному

[1] Постановление Первого ААС от 15.11.2019 № А79-3026/2019.
[2] Постановление АС Волго-Вятского округа от 09.03.2023 № А11-619/2021.
[3] Постановление ФАС Московского округа от 25.05.2012 № А40-91564/11-153-816.
[4] Постановление ФАС Московского округа от 25.09.2013 № А40-109277/12-6-1021.
[5] Постановление Четырнадцатого ААС от 03.06.2014 № А52-2395/2013.
[6] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28.05.2024 № Ф04-1142/2024.
[7] Постановление ФАС Поволжского округа от 05.09.2013 № А65-924/2013.

отношению (путем его растяжения либо экстраполяции), однако на самом деле происходит выработка индивидуального решения для эксклюзивного лакунного казуса при непосредственном действии основных начал и смысла законодательства в конкретном ситуационном преломлении требований справедливости, гуманности, разумности и добросовестности. Иными словами, сущностно (как и при аналогии *contra legem*) речь идет о применении аналогии права при том, что сформированные аналогические правовые конструкты выступают творческим источником выработки соответствующего решения.

§ 4. Аналогия закона и аналогия права в практике нотариальной защиты прав и законных интересов участников частноправовых отношений

Нормативное закрепление материальной и процессуальной допустимости использования аналогии в практике осуществления и защиты субъективных частных прав способствует реализации общедозволительного характера частноправового регулирования, обеспечивающего индивидуальные свободы и возможности распоряжаться правами по своему усмотрению в собственных интересах, а также отражает его преимущественную диспозитивность в целом применительно к гражданско-правовой сфере либо стремление к таковой в отдельных его сегментах (включая семейный и корпоративный).

Некоторые юристы прицельно рассматривают аналогию в качестве нормативного средства защиты частного права, указывая, что ее применение способствует максимальному использованию всей существующей системы законодательства в вопросах восстановления нарушенного права[1]. С этим можно согласиться. Защитный эффект аналогии действительно находит отражение в судебных позициях. К примеру, если доля в праве общей собственности возмездно приобретена у лица, которое не имело права ее отчуждать, о чем приобретатель не знал и не должен был знать, суды признают за лицом, утратившим долю, вправо

[1] Степин А.Б. Аналогия закона как нормативное средство защиты частного права // Современное право. 2014. № 3. С. 16–19.

требовать восстановления права на нее через аналогию со ст. 301, 302 ГК РФ, формально предназначенными для виндикации лишь телесных вещей[1].

Высокая социально-позитивная оценка аналогии как эффективного правонаделительного и защитного средства в сфере частноправового регулирования заставляет задуматься о том, какое место она занимает в функционале нотариата, который согласно ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами нотариальных действий. Иными словами, могут ли (должны ли) нотариусы в каких-либо случаях и при каких-либо условиях применять законодательство по аналогии при реализации закрепленных за ними прав (ст. 15 Основ) и исполнении возложенных на них обязанностей (ст. 16 Основ).

Устанавливая нормативные ориентиры нотариальной деятельности, законодатель в ст. 5 Основ исчерпывающе предписал нотариусам руководствоваться: Конституцией РФ, конституциями (уставами) субъектов РФ, Основами, иными нормативными правовыми актами РФ и субъектов РФ принятыми в пределах их компетенции, международными договорами. При этом законодатель умолчал о том, как нотариусам следует поступать, если подлежащие нотариальной оценке (нотариальному оформлению) отношения прямо не урегулированы в перечисленных источниках. Иными словами, вопрос о возможности либо невозможности использования нотариусами института аналогии закона или аналогии права в процессе нотариальной деятельности на уровне Основ не решен.

Профессиональный кодекс нотариусов Российской Федерации[2], приобретший вследствие включения в Основы ст. 6.1. юридическую опору[3], об аналогии как о правомерном или недопустимом методе нотариальной практики

---

[1] Пункт 42 Постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

[2] Принят Собранием представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации 18 апреля 2001 года (с изм. от 31.03.2006 года) // http://old.notariat.ru. Далее–Кодекс.

[3] Пункт 8 ст. 1 ФЗ от 29.12.2014 № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 10.

также не упоминал, при этом в числе принципов профессиональной деятельности нотариусов называл ряд профессиональных и морально-этических постулатов, требующих от нотариусов действовать *stricto jure*:

- совершай нотариальное действие, если ты уверен, что действуешь в рамках закона,
- разрешай сомнения до совершения действия,
- воздерживайся от действия даже при малейшем сомнении в его законности и правильности,
- действуй осмотрительно,
- ограничивайся законом,
- помни, что твоя миссия состоит в том, чтобы не допускать гражданско-правовых споров (подпункты 2.2., 2.4., 2.8., 2.10. разд. II Кодекса).

Кроме того, Кодекс указывал на обязанность нотариуса отказать в совершении нотариального действия, если требования обратившихся к нему физических и юридических лиц выходят за пределы закона (п. 1 разд. III Кодекса).

Принятый в соответствии с ФЗ от 2912.2014 № 457-ФЗ и вступивший в силу с 01.01.2016 новый Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации[1] в целом сохранил такие же требования к профессиональному поведению нотариусов (см., в частности, пункты 2.1.3, 2.1.5. 2.1.9, 2.1.11), хотя и не закрепил обязанность нотариусов отказывать в совершении действия, просьба о котором формально не укладывается в рамки закона.

В науке не только применительно к нотариусам, но в целом вопрос о субъектах, способных легально восполнять правовые пробелы посредством аналогии, однозначного ответа не получил: если в отношении судов такое правомочие общепризнано, то за иными участниками правоотношений – несудебными органами, частными лицами – такое право, как правило, не признается[2]. Указывая на аналогию как на средство преодоления пробелов в праве,

[1] URL: https://notariat.ru.

[2] Демин А.В. Принцип определенности налогообложения: монография. М.: Статут, 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

С.С. Алексеев уточнял, что речь идет только о судах, которые правомочны от имени государства «судить о праве», и использовать аналогию могут только органы правосудия с соблюдением процессуальных норм и гарантий[1].

В свете изложенного может сложиться общее представление, будто нотариусы избавлены от необходимости и лишены возможности прибегать к методу аналогии при обнаружении правовых пробелов. Такой подход приводит, к тому, что «излишне осторожные» нотариусы в отсутствие соответствующей конкретному случаю утвержденной формы удостоверительной надписи или свидетельства уклоняются от совершения нотариальных действий, ссылаясь на отсутствие у нотариусов права «сочинять» удостоверительные надписи, совмещать несколько утвержденных надписей в одну или придумывать новые по аналогии, к примеру, в ситуациях, когда за совершением нотариального действия обращается одновременно неграмотный и глухонемой гражданин[2].

Думается, однако, что для подтверждения такого представления достаточные основания отсутствуют. Как верно отмечено в науке, негативное отношение к аналогии приводит к игнорированию огромного правоприменительного потенциала принципов гражданского права[3]. Можно добавить, что уход от непосредственного применения основных начал гражданского законодательства с помощью аналогии в нотариальной практике явно снижает эффективность правозащитной функции нотариата.

Представляется очевидным, что нотариусы имеют и право, и обязанность, как минимум, осуществлять опосредованное применение выводов по аналогии, сформированных судами. Поскольку происходит интенсификация фиксации таких конструктов в актах высших судебных инстанций, постольку новым модусом аналогии в частноправовом регулировании можно назвать более активное включение аналогии в арсенал правоприменительных приемов нотариусов. Иными словами, нотариусы во всяком случае должны опираться на правовые конструкты,

---

[1] Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплекс. исслед. М.: Статут, 1999. С. 126–169.
[2] Васильева Л. Глухонемые и неграмотные на приеме у нотариуса // Право каждого. 2012. № 6 (38). С. 5.
[3] Кузнецова О.А. Прямое (непосредственное) действие принципов гражданского права // Нотариус. 2006. № 1. С. 37–39.

наработанные судами на основе аналогии.

Так, согласно разъяснению Пленума ВС РФ лицо, давшее предварительное согласие на совершение сделки, вправе отозвать его, уведомив стороны сделки до момента ее совершения и возместив им убытки, вызванные таким отзывом (п. 57 Постановления № 25, ст. 15 ГК РФ). Пленум обратил внимание, что поскольку гражданским законодательством не установлены правила об отзыве согласия на совершение сделки, в таком случае по аналогии закона подлежат применению положения об отзыве акцепта (п. 1 ст. 6, ст. 439 ГК РФ). Это означает, что если извещение об отзыве согласия поступило сторонам сделки ранее самого согласия или одновременно с ним, согласие признается не выданным. Напротив, отзыв согласия, сообщение о котором поступило сторонам сделки после ее совершения, считается несостоявшимся. Хотя указанные разъяснения ориентированы на обеспечения единства судебной практики, думается, нотариусы могут и должны ориентироваться на них при удостоверении сделок. Если для совершения подлежащей нотариальному оформлению сделки требуется согласие третьего лица и к моменту обращения к нотариусу обнаружился отзыв ранее выданного согласия, в совершении нотариального действия следует отказать.

Аналогичным образом должен поступить нотариус при оценке полномочий обратившегося за совершением нотариального действия руководителя хозяйственного общества, избранного решением единственного участника общества, не прошедшим процедуру специального укрепления актов общих собраний, в то время как имеется разъяснение, что требование о нотариальном удостоверении, установленное подп. 3 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ по аналогии распространяется и на решение единственного участника[1], а в силу п. 107 Постановления № 25 не подтвержденные должным образом решения являются ничтожными по аналогии с ничтожностью при несоблюдении нотариальной формы сделки (п. 3 ст. 163 ГК РФ)[2].

При оформлении наследственных прав едва ли нотариус вправе не

[1] Пункт 3 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019 // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 5.
[2] Письмом ФНП от 15.01.2020 № 121/03-16-3 специально обращено внимание нотариусов на указанные конструкты.

руководствоваться разъяснением о том, что по аналогии с указанными в п. 1 ст. 1148 ГК РФ наследниками «скользящей» очереди (нетрудоспособными ко дню открытия наследства лицами, не менее года до смерти наследодателя находившимися на его иждивении независимо от факта совместного проживания с наследодателем) из числа лиц, наследующих по праву представления, которые не призываются к наследованию в соответствующей очереди (внуки наследодателя и их потомки при жизни своих родителей – наследников по закону первой очереди), наследственные права обретают нетрудоспособные иждивенцы наследодателя также независимо от совместного проживания с наследодателем[1]. Аналогичным образом (принимая к действию) нотариусам надлежит относиться к зафиксированному Пленумом ВС РФ (с прямой ссылкой на п. 1 ст. 6 ГК РФ) аналогическому конструкту недопустимости правопреемства (включая наследственное) в отношении требования о компенсации морального вреда[2].

Более того, обращение к разработанным ФНП методическим материалам обнаруживает некоторое количество конкретных ситуаций, в которых непосредственно самим нотариусам рекомендовано прямое использование метода аналогии при совершении нотариальных действий.В частности, включенная ФЗ от 29.12.2014 № 457-ФЗ в Основы новая норма ст. 103.10 о совершении такого нотариального действия как удостоверение решения органа управления юридического лица предписывает нотариусам в целях подтверждения состава членов органа управления, присутствовавших при принятии решения, устанавливать их личность, полномочия и право на участие в собрании или заседании, но не раскрывает конкретные требования к объему и порядку проверочных мероприятий. При таких обстоятельствах ФНП допустила использование нотариусами по аналогии ст. 42 Основ, рассчитанной на установление личности гражданина, обратившегося за совершением нотариального действия (личность устанавливается по паспорту или иному

[1] Подп. г) п. 31 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».
[2] Пункт 8 Постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень ВС РФ. 2023. № 2.

документу, исключающему сомнения относительно личности его владельца)[1].

Далее, ФНП обозначила подход нотариусов к удостоверению согласий, оформляемых законными представителями на поездку (сопровождение в поездке) несовершеннолетнего лица по территории России: несмотря на то, что обязательная нотариальная форма установлена только для согласия, оформляемого законными представителями на выезд несовершеннолетнего из страны (ст. 20 ФЗ от 15.08.1996 № 114-ФЗ) иные волеизъявления законных представителей, касающихся находящихся на их попечении несовершеннолетних детей, могут быть оформлены нотариусом, соответственно, при намерении законных представителей оформить нотариальное согласие на поездку (сопровождение в поездке) несовершеннолетнего по территории России нотариус может удостоверить такое согласие по аналогии с согласием на его выезд из Российской Федерации[2].

Внимание нотариусов заострено и на том, что при подаче наследником заявления о принятии им наследства непосредственно нотариусу по месту открытия наследства нотариального свидетельствования подлинности его подписи не требуется, и при этом вопрос об оформлении заявления об отказе от наследства, передаваемого нотариусу по месту открытия наследства, нотариусам предложено решать по аналогии[3].

Еще одно указание о правомерности осуществления нотариальной практики с применением аналогии закона содержится в п. 35 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав, утв. Правлением ФНП 28.02.2006[4]. Поскольку применительно к ситуациям, указанным в п. 23 и 34 данных рекомендаций (при отправлении нотариусу заявления наследника (законного представителя малолетних наследников, лиц, признанных в установленном порядке недееспособными), а также письменного согласия законных представителей несовершеннолетних наследников либо попечителей наследников,

---

[1] Пункт 5.5. Письма ФНП от 01.09.2014 № 2405/03-16-3 «О направлении пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии».
[2] Письмо ФНП от 27.12.2012 № 2782/06-12 «О ряде вопросов, возникающих в практике нотариусов».
[3] Письмо ФНП от 09.07.2010 № 1448/07-17 «О применении бланка единого образца для совершения нотариальных действий».
[4] Нотариальный вестник. 2006. № 5.

признанных ограниченно недееспособными, на принятие наследства по почте такое заявление (согласие) считается поданным в срок, установленный для принятия наследства, и в том случае, если оно направлено почтой (сдано оператору почтовой связи) своевременно, но к нотариусу поступило по по истечении установленного срока, в гражданском законодательстве отсутствуют прямые нормы о судьбе ранее выданных нотариусом свидетельство о праве на наследство, ФНП рекомендовала нотариусам в подобных случаях решать вопрос об аннулировании таких свидетельств, исходя из требований разумности и справедливости (ст. 6 ГК РФ), в целях защиты прав и законных интересов наследников, по аналогии с нормой закона, предусмотренной в п. 2 ст. 1155 ГК РФ, с согласия наследников, получивших свидетельства о праве на наследство.

Выводу о признании за аналогией легального места в нотариальной практике не должен препятствовать «повисший» в науке вопрос о субъектах, управомоченных применять нормы права по аналогии. Так, высказана точка зрения, что использование приемов (имеется в виду именно аналогия – прим авт.), допустимых в ходе применения права, не может быть прерогативой одних лишь судов и что таковое желательно и во внесудебных решениях, если это способствует выполнению правом своих задач[1]. Более того, в юридической литературе представлен взгляд, согласно которому (при условии соблюдения законных и общетеоретических правил и ограничений использования института аналогии) субъектами, реализующими инструмент аналогии, могут выступать любые лица, применяющее нормы права, а также сами участники соответствующих правоотношений[2]. Также приводятся мнения о целесообразности и даже необходимости применения метода аналогии в некоторых конкретных казусах нотариальной практики, как то:

- при выдаче свидетельств о принятии закрытых завещаний (по аналогии с

[1] Белкин А.А. Аналогия в государственном праве // Правоведение. 1992. № 6. С. 14.

[2] Рехтина И.В. Аналогия в гражданском и арбитражном процессе: проблемы теории и практики применения // Современное право. 2009. № 11. С. 102–106; Фидаров В.В. О допустимости использования института аналогии закона и аналогии права в различных формах реализации права // Юридическое образование и наука. 2007. № 3. С. 41–43.

подтверждением выдаваемым свидетельством принятия на хранение документов)[1];

- при воздержании от оглашения (с составлением соответствующего протокола) в случае обнаружения в конверте с закрытым завещанием не завещания, а иного документа, содержащего сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию какого-либо лица, либо нецензурную лексику (по аналогии с оставлением без оглашения обнаруженного в соответствующем конверте документа не на государственном языке)[2];
- при подтверждении бесспорности требований взыскателя (по аналогии с процедурой такого подтверждения для совершения исполнительной надписи лишь в отношении заложенного имущества)[3];
- при проведении нотариального действия по назначению досудебной (внесудебной) экспертизы (по аналогии с нормами ГПК РФ о назначении судебной экспертизы, а также по аналогии с Приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237[4] при выборе вида экспертизы)[5];
- при решении вопроса о возможности (и даже обязанности нотариуса) возврата должнику не востребованных кредитором денежных средств, внесенных на депозит нотариуса (в порядке аналогии права, исходя из справедливости предоставления приоритета интересам титульного владельца имущества, а не его хранителя)[6].

Отмечается также значимость метода рассуждений по аналогии в составе логического инструментария формулирования нотариусами суждений и выводов в

---

[1] Абраменков М.С. Формальная действительность завещаний // Наследственное право. 2013. № 4. С. 10–16.
[2] Терехова М.В. Закрытое завещание в России: миф или реальность // Нотариус. 2015. № 2. С. 33–37.
[3] Сучкова Н.В. Исполнительная надпись нотариуса: Методическое пособие. М.: Статут, 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[4] В настоящее время–по аналогии с заменившим указанный акт Приказом Минюста России от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».
[5] Малешин Д.Я. Процессуальные гарантии назначения нотариусом экспертизы // Нотариальный вестник. 2023. № 1. С. 5–20.
[6] Станкевич А.В. Правовая природа денежных средств, внесенных на депозит нотариуса: вопросы теории и практики // Закон. 2014. № 8. С. 125–130. В настоящее время с введением п. 3 ст. 327 ГК РФ о праве должника во всякое время до получения кредитором денег или ценных бумаг из депозита нотариуса потребовать возврата ему таких денег или ценных бумаг, а также дохода по ним (ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ) пробел нормативно устранен именно так, как это предлагалось с опорой на аналогию права.

процессе профессиональной коммуникации[1].

В любом случае трудно отрицать наличие в деятельности суда и нотариата, выполняющего свои правовые функции от имени государства, большого количества общих признаков и черт[2], указывающих на правильность схожего подхода к решению вопроса об использовании аналогии.

Одним из весьма востребованных в нотариальной сфере видов практики, наглядно отражающим обусловленные наличием пробелов в частноправовом регулировании теоретические проблемы и правореализационные трудности, выступает деятельность по обеспечению перехода по наследству ценностей, помещённых в индивидуальный банковский сейф.

Пробелы и аналогии в практике наследования ценностей, помещенных в индивидуальный банковский сейф

Согласно ст. 922 ГК РФ договором хранения ценностей в банке может быть предусмотрено их хранение с использованием клиентом или с предоставлением ему охраняемого банком индивидуального банковского сейфа (ячейки).

Если соответствующий договор предусматривает использование клиентом индивидуального сейфа, банк осуществляет контроль за помещением ценностей в сейф и их изъятием из сейфа. В случае заключения договора с предоставлением клиенту сейфа банк обеспечивает клиенту возможность помещения ценностей в сейф и изъятия оттуда вне чьего-либо контроля, в том числе банка. Обе конструкции подразумевают сохранение за клиентом статуса владельца ценностей, размещаемых в сейфе (банк выступает их фактическим держателем), что само по себе ставит вопрос об определении судьбы содержимого сейфа в случае смерти клиента. Действительно, ст. 1112 ГК РФ из состава наследственного имущества помещенные в ячейку ценности, равно как права и обязанности по договору с банком, не исключает.

Оказание услуг, нацеленных на сохранение ценностей клиента в банковском сейфе, считается одной из традиционных, классических разновидностей

[1] Кряжева С.Г., Москвитина М.М. Об особенностях речевой коммуникации в профессиональной деятельности нотариуса // Нотариус. 2023. № 1. С. 2–5.
[2] Мизинцев Е.Н. О соотношении нотариальной и судебной деятельности // Российский судья. 2012. № 4. С. 28–31.

банковской деятельности[1] и в настоящее время занимает устойчивое место в структуре банковских услуг, приносящих кредитным организациям комиссионный доход[2]. Востребованность доступа к сейфам как к банковскому продукту, не снижающаяся в том числе в наступившую электронно-цифровую эпоху[3], предопределило начало наследственных процессов, в которых фигурирует содержимое банковских ячеек[4]. Наследники все чаще стали претендовать на такое содержимое в составе наследства, и при реализации этого права проблемы, которые связаны с недостаточной нормативной определенностью данного института, возникают именно в нотариальной деятельности[5].

Очевидна специфика отношений, связанных с наследованием имущества, помещенного в банковский сейф, поскольку речь идет о переходе по наследству движимых малогабаритных предметов, отличающихся, как правило, повышенной оборотоспособностью и особой ценностью. В большинстве случаев доказывание принадлежности таких вещей наследодателю затруднительно. Кроме того, процесс оформления наследственных прав и фактической передачи имущества наследникам неизбежно осложняется участием банка. Последний физически исключает доступ к наследственному имуществу, помещенному в сейф[6], препятствует проведению экспертной оценки содержимого ячейки для целей расчета нотариального тарифа[7], что затрудняет установление состава и нотариального оформления наследства в этой части.

Несмотря на явную потребность в четком нормативном регулировании таких специфичных наследственных отношений, приходится констатировать пробельность в вопросах наследования содержимого банковских сейфов. Ни в § 3

---

[1] Москвичев А.А. Технология работы с индивидуальными банковскими сейфами // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. 2013. № 6. С. 53–65.
[2] Гаряева Е.Ю. Правовое регулирование отношений, возникающих при помещении ценностей в банковскую ячейку. Дис. … канд. юрид. наук. М. 2014. С. 3.
[3] Артамонникова С.В. Банковская ячейка, аккредитив и депозит нотариуса как правовые механизмы минимизации рисков в электронных сделках // Нотариальный вестник. 2024. № 5. С. 46–52.
[4] Чашина О.Ю. Вступление в наследство на имущество, хранящееся в банковской (сейфовой) ячейке // Советник юриста. 2012. № 7. С. 63–75.
[5] Углицких Д.В. Некоторые аспекты наследования содержимого банковской ячейки в нотариальной деятельности // Нотариус. 2021. № 1. С. 41–44.
[6] Решение Московского районного суда города Калининграда от 05.12.2012 № 2-2221/2012~М-2141/2012.
[7] Решение Ленинского районного суда города Смоленска от 20.06.2013 № 2-1960/2013~М-1418/2013.

гл. 47 о специальных видах хранения, ни в гл. 65 ГК РФ, посвященной наследованию отдельных видов имущества, не раскрываются нормативные нюансы взаимодействия соответствующих участников наследственного процесса (банка, хранящего ценности клиента в сейфе, наследников умершего клиента, нотариуса, ведущего наследственное дело).

Появление специального указания ФНП о праве нотариуса в соответствии со ст. 1172 ГК РФ производить опись наследственного имущества, находящегося в банковском сейфе, и выдавать свидетельство о праве на наследство в отношении такого имущество с определением долей наследников по общим правилам раздела наследственного имущества[1], не позволяет говорить об успешном преодолении пробельности закона. Фактически ФНП лишь подтвердила в целом бесспорный вывод, что вне зависимости от места нахождения принадлежавшего умершему имущества таковое в силу ст. 1112 ГК РФ входит в наследственную массу.

Нормативные пробелы влекут серьезные трудности в реализации прав наследников, банков и создают препятствия в деятельности нотариусов и судов.

Прежде всего, наследники и нотариусы, осуществляющие розыск наследственного имущества, сталкиваются с тем, что банки, сообщая по запросу нотариуса сведения об открытых на имя клиента (наследодателя) счетах или вкладах, скрывают информацию о размещении последним ценностей в предоставленном банком сейфе и в большинстве случаев отказываются производить и предоставлять опись содержимого банковской ячейки[2]. Пробел состоит в том, что п. 3 ст. 1171 ГК РФ может быть истолкован таким образом, что банки обязаны по запросу нотариуса сообщать ему имеющиеся сведения исключительно об имуществе, принадлежность которого наследодателю абсолютно установлена, в то время как в отношении действительного собственника помещенных в ячейку ценностей достоверных сведений у банков, как правило, не имеется. В одном из споров нашла отражение именно такая ситуация, когда из

[1] Письмо ФНП от 06.06.2013 № 1284/06-09 «Об оформлении наследственного имущества, находящегося в индивидуальном банковском сейфе».
[2] Кириллова Е.А. Наследование содержимого банковской ячейки: проблемы нотариальной и судебной практики // Нотариус. 2016. № 2. С. 15–18.

ответа банка на первый запрос нотариуса следовало, что индивидуальной сейфовой ячейки на имя наследодателя не обнаружено, и лишь в результате прокурорской проверки, на основании повторного запроса банк подтвердил наличие индивидуального сейфа на имя наследодателя, хотя и указал, что ценности, находящиеся в нем, в наследственную массу не входят[1].

Думается, что по общему смыслу действующего гражданского законодательства банки должны демонстрировать противоположное понимание проблемы и сообщать нотариусу сведениях о всяком имуществе, которое является наследственным или может быть впоследствии установлено в качестве такового. Такой подход получил некоторое распространение. Так, рассматривая требования об исключении из наследственной массы принадлежащего истцам имущества, находящегося в шкатулке, хранящейся в банковском сейфе, арендованном наследодателем, суды установили, что на основании запроса нотариуса, ведущего наследственное дело, банк не только предоставил информацию об отношениях с клиентом по поводу аренды ячейки, но и сообщил, что комиссией банка было произведено вскрытие сумки с ценностями, изъятыми из сейфа, в присутствии свидетелей, о чем были составлены соответствующие акты и опись обнаруженных предметов вложения из арендованной ячейки. Более того, банк предоставил все соответствующие документы нотариусу. Суды пришли к выводу, что при таких обстоятельствах нотариус правомерно выдал свидетельство о праве на наследство в отношении поименованных в описи ценностей[2]. В схожем деле, когда банк по запросу нотариуса сообщил об обнаруженных ценностях на момент вскрытия индивидуального сейфа, арендованного наследодателем, суд удовлетворил иск наследника о признании за ним (в порядке наследования по завещанию) субъективных прав и обязанностей, возникших из договора аренды сейфа[3].

Подобную практику следует поддержать, имея в виду, что ее нормативным обоснованием может послужить использование *аналогии права* с применением общих начал и смысла гражданского законодательства и требований

[1] Определение Новосибирского областного суда от 21.10.2014 № 33-9043/2014.
[2] Определение Московского городского суда от 16.10.2012 № 11-14347/12.
[3] Решение Ленинского районного суда города Воронежа от 16.05.2022 № 2-2716/2022.

добросовестности, разумности и справедливости. Данная практика в полной мере отвечает идее обеспечения максимальной гражданско-правовой определенности, стремлению недопущения юридического «замораживания» бесхозяйного имущества, появления бессубъектных прав и обязанностей.

Еще один пробел, препятствующий нормальному процессу наследования содержимого банковских сейфов, составляет умолчание законодателя об обязанности нотариуса участвовать в процедуре вскрытия ячейки наследодателя и производить опись ее содержимого[1].

Содержание п.п. 1,2,4 ст. 1171 и п. 1 ст. 1172 ГК РФ в соответствии с его буквальным смыслом указывает, что нотариус вправе, но не обязан совершать такие действия. Действительно, как разъяснила ФНП, право решать вопрос о возможности принятия мер по охране наследственного имущества с учетом характера и ценности наследства предоставлено нотариусу. При этом нотариус должен убедиться, что имущество, в отношении которого планируется установить меры по охране, входит в состав наследства, то есть принадлежало наследодателю на определенном вещном праве[2]. Суды также подтверждают, что обязанность нотариуса участвовать в процедуре вскрытия ячейки, предоставленной банком наследодателю, и производить опись ее содержимого законом не закреплена[3].

На практике это провидит к тому, что нотариусы, не обладая подтверждением принадлежности вещей, размещенных наследодателем в банке, уклоняются от совершения мер по их охране в режиме охраны наследства, причем попытки обжалования отказа нотариуса в совершении соответствующего нотариального действия оказываются безрезультатными. Отказ в проведении описи содержимого ячейки логически влечет неизбежный отказ от включения этого имущества в состав наследственной массы и выдаче свидетельства о праве на наследство[4]. Нотариусы рекомендуют наследникам обращаться в суд с исками об определении

---

[1] Опись наследственного имущества не является самостоятельным нотариальным действием, а производится только в порядке принятия мер к охране наследственного имущества (см.: Лазаренкова О.Г. К вопросу о наследовании содержимого банковского сейфа (ячейки сейфа) // Наследственное право. 2018. № 3. С. 18–20.).

[2] Письмо ФНП от 26.07.2013 № 1605/06-09 «О принятии нотариусом мер по охране наследственного имущества».

[3] Решение Промышленного районного суда города Ставрополя от 03.12.2018 № 2-5734/2018~М-5397/18.

[4] Решение Промышленного районного суда города Ставрополя от 05.12.2013 № 2-7836/13.

действительного собственника спорного имущества даже при наличии подтверждения банком факта предоставления наследодателю ячейки и банковской описи ее содержимого[1]. В одном из дел, связанных с оспариванием наследниками отказа нотариуса во включении содержимого ячейки в состав наследства, суды указали: ссылка нотариуса, что только при наличии описи имущества, хранящегося в банковском сейфе, составленной комиссией банка при оценке содержимого в ней имущества, а также документов, подтверждающих право собственности умершего на это имущество, может быть выдано свидетельство о праве на наследство по закону, основана на законе[2]. Иногда в аналогичных ситуациях образуется замкнутый круг: нотариус отказывается производить опись наследственного имущества, находящегося на хранении в банке, а банк не предоставляет доступ наследнику, не имеющему свидетельству о праве на наследство, к указанному имущество без присутствия нотариуса[3].

Интересно, что ФНП предложила решать проблему отсутствия нотариальной описи хранимых в банке ценностей выдачей наследнику свидетельства о праве на наследство в отношении прав и обязанностей, вытекающих из договора аренды банковского сейфа, если срок действия такого договора не истек[4]. Однако такой вариант преодоления обнаруженного пробела видится сомнительным: может сложиться мнение, будто считается возможным наследование прав и обязанностей по договору о предоставлении банковской ячейки, только если нотариус не производил опись ее содержимого, и что по истечении срока договора аренды ячейки вытекавшие из него права и обязанности, способные к переходу по наследству, исчезают.

Представляется, что рассматриваемая проблема пробельности регулирования наследования содержимого банковский сейфов также может быть решена *с помощью аналогии права*.

Имея в виду, что в силу ст. 1 Основ нотариат призван обеспечивать защиту

---

[1] Решение Привокзального районного суда города Тулы от 20.05.2014 № 2-535/2014~М-598/2014.
[2] Определение Московского городского суда от 20.03.2012 № 11-1326.
[3] Решение Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 15.02.2023 № 2-892/2023(2-7036/2022).
[4] Письмо ФНП от 06.06.2013 № 1284/06-09.

прав и законных интересов граждан путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий, нотариусы могут и должны при ведении наследственных дел руководствоваться принципами гражданского законодательства и с учетом требований добросовестности, разумности и справедливости составлять опись наследственного имущества, размещенного в банковских ячейках, во всех случаях. Будучи описанным нотариусом, имущество обретает статус наследственного, а наследники получают юридическую защиту от возможных недобросовестных действий банков. При этом, несмотря на включение в свидетельство о праве на наследство объектов основного интереса наследников (содержимого сейфа), следует оформлять в качестве наследства права и обязанности наследодателя по договору с банком, если договор не прекратился, или права и обязанности наследодателя, возникшие в связи с прекращением соответствующего договора.

Пожалуй, главной брешью в регламентации наследования содержимого банковских сейфов, во многом предопределяющей рассмотренные проблемы, является отсутствие законодательно установленной презумпции его принадлежности клиенту банка (наследодателю). Именно отсутствие таковой дает банкам повод не допускать наследников к ячейке наследодателя, а нотариусам позволяет отказывать в принятии мер по охране помещенных в сейф ценностей. Более того, как отмечено, фактически чрезмерно опасливые нотариусы при молчании закона выработали «презумпцию принадлежности содержимого ячейки наследодателя *не ему*, если не доказано иное»[1]. Действительно, в практике обнаруживается немало споров, отражающих такую позицию нотариусов[2]. При этом в ряде случаев суды поддерживают мысль, что сам по себе договор наследодателя с банком о предоставлении ячейки принадлежность помещенных в нее ценностей именно наследодателю не доказывает[3]. Все это приводит к неизбежному выводу, что невозможность подтвердить принадлежность конкретно

[1] Определение Курского областного суда от 13.10.2021 № 33-3346/2021, 2-1460/16/2021; Решение Кировского районного суда города Астрахани от 20.12.2022 № 2-5402/2022.
[2] Решение Ленинского районного суда города Воронежа от 14.07.2015 № 2-5322/2015~М-4523/2015; Решение Таганского районного суда города Москвы от 23.10.2014 № 2-2379/2014~М-2675/2014.
[3] Определение Ленинского районного суда города Воронежа от 25.07.2011 № 2-2622/2011~М-2108/2011.

взятого актива данному наследодателю сводит его шансы на наследование актива к нулю[1]. Между тем, в ситуациях, когда гражданин настолько бережно относится вещам, что для обеспечения их сохранности обращается к услугам банка, то вполне резонно предположить, что это вещи его собственные.

В науке обоснован подход, согласно которому применение презумпций для восполнения недостающих правовых норм должно исключаться[2]. Поэтому до прямого закрепления презумпции принадлежности имущества, помещенного в банковский сейф, клиенту банка (наследодателю) должный порядок в процессе наследования этого имущества следует обеспечивать *через аналогию права*: исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, презюмировать такие ценности собственностью лица, разместившего их в банке, пока не доказано иное, и соответственно, в случае смерти данного лица считать их входящими в наследственную массу на общих основаниях. В судебной практике такой (верный) подход имеет некоторое распространение[3]. В ряде случаев для признания находящегося в ячейке имущества наследственным суду оказывается достаточным подтверждение заключения соответствующего договора аренды наследодателем[4].

Представляется, что если речь идет о бесконфликтных отношениях (когда кроме наследников иных претендентов на хранимое в банке имущество не обнаруживается) практика аналогии права может и должна быть повсеместно воспринята не только судами, но и нотариусами. Последним следует, включая в область непосредственного применения начала разумности и справедливости, участвовать в составлении описи наследственного имущества, находящегося в банковских сейфах и выдавать на это имущество свидетельство о праве на наследство в общем порядке.

Таким образом, важно прийти к единому мнению о принципиальной

---

[1] Корючина И.А. Наследственная трансмиссия: проблемы правового регулирования // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 3. С. 253–266.

[2] Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М., 2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Решение Ленинградского районного суда города Калининграда от 04.06.2013 № 2-1918/13; Решение Калужского районного суда Калужской области от 29.07.2014 № 2-7022/2014~М-6206/2014; Решение Заводского районного суда города Орла от 18.09.2014 № 2-1465/2014~М-1182/2014.

[4] Решение Абаканского городского суда Республики Хакасия от 23.03.2022 № 2-1734/2022.

возможности, целесообразности и необходимости активного использования метода аналогии в нотариальной практике, способного придать профессиональную, этическую и юридическую гибкость в работе нотариусов, включить в область непосредственного применения нотариусами основные принципы добросовестности, разумности, гуманности и справедливости.

Разумеется, нотариальная практика в сравнении с судебной и иной правоприменительной деятельностью в целом имеет значимые особенности, к числу которых относится работа нотариуса в несостязательной сфере[1]. С учетом таких особенностей нотариальному сообществу целесообразно, имея в виду общий посыл о легитимности и полезности метода аналогии в нотариальной практике, выработать методические рекомендации, направленные на уточнение общего алгоритма его применения в сфере компетенции нотариусов.

§ 5. Активизация применения аналогии права в практике разрешения частноправовых споров

При оценке степени востребованности аналогии как средства преодоления правовых пробелов наибольшим сомнениям в науке подвергается аналогия права, допустимая только при отсутствии возможности использовать аналогию закона. Поскольку правоприменение с помощью аналогии права осуществляется не по конкретным нормам, а исходя из общих начал и смысла законодательства, постольку *analogia iuris* в сопоставлении с *analogia legis* расценивается как нечто «более таинственное и озадачивающее»[2]. Соответственно, в большинстве случаев аналогия права доктринально воспринимается как «последняя возможность»[3], «исключительный инструмент»[4], находящийся в иерархии легальных источников

[1] Ярков В.В. Эволюция роли нотариуса в современном мире: взаимоотношения с обществом и государством // Закон. 2012. № 5. С. 111–118.
[2] Koszowski M. Analogical Reasoning in Statutory Law // Journal of Forensic Research. 2017. Vol. 8. P. 1–10.
[3] Романец Ю.В. Непоименованные обязательства в системе гражданских договоров // Закон. 2013. № 5. С. 174–179.
[4] Балашов А.Н. Аналогия закона в механизме юридической техники (на примере норм гражданского процессуального права) // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 25–28; Агешкина Н.А., Баринов Н.А. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2014.

гражданско-правовых регуляторов ниже последней из ступеней (и потому, в частности, в сфере договорного права в его развитии не усматривается серьезных перспектив[1]). Отмечается, что неоднозначность понятий, которыми необходимо оперировать при применении аналогии права, делает этот институт скорее гипотетическим, нежели активно используемым[2], или схожими словами, что при переходе теоретических рассуждений об аналогии права в практическую плоскость определенной отрасли, ее применение приобретает характер «весьма спорного и трудно реализуемого»[3]. При этом сами жизненные ситуации, которые могли бы потребовать обращения основным началам и смыслу действующего законодательства посредством аналогии права, определяются как «необычные и редчайшие»[4]. Констатируется, что «довольно редкое» применение аналогии права судами обусловлено ее предназначенностью для урегулирования «ненормальных» ситуаций, которые в правопорядке «встречаться, по идее, не должны»[5].

Некоторые авторы, выражая одобрение практики преодоления правовых пробелов через аналогию конкретных норм, указывали на невозможность или, по крайней мере, нежелательность аналогии права, поскольку последняя в меньшей степени соответствует требованиям укрепления законности и создает почву для проявления злоупотреблений при использовании неизбежных в рамках аналогии права дискреционных возможностей должностных лиц[6]. В этом ракурсе встречаются замечания об «опасности» и даже «разрушительном характере» аналогии права, дающей суду возможность «варить кашу из топора»[7]. Более того, высказано мнение о наличии оснований для полного исключения из законодательства положений об аналогии права[8]. Дополнительный барьер,

---

[1] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд. М.: Статут, 2001. Кн. 1. С. 58.
[2] Любарская Т. Аналогичное применение // ЭЖ-Юрист. 2008. № 27. С. 2
[3] Игнатьев А.С. Соотношение судебного усмотрения и законности: общетеоретический подход (на примере практики Конституционного Суда РФ) // Закон. 2013. № 7. С. 132–141.
[4] Гаврилов Э.П. О неустойке // Хозяйство и право. 2012. № 10. С. 30–35.
[5] Махиня Е.А. Аналогия права в российском гражданском праве // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 24 апреля 2015 года / Омская юридическая академия; Отв. ред. Н.А. Резина. Омск: Омская юридическая академия, 2015. С. 92–96.
[6] Сабо И. Социалистическое право. Перевод с венгерского; Под ред.: Туманов В.А. (Вступ. ст.); Пер.: Гейгер Б.Я., Проняков И.В., Сикачев Н.Н. М.: Прогресс, 1964. С. 278–279.
[7] Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[8] Шафиров В.М. Установление смысла законодательства и аналогия права // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 2–3.

затрудняющий позитивное восприятие рассматриваемого механизма, создается упомянутыми попытками оспорить существование аналогии права как одной из разновидностей метода аналогии[1]. По мнению В.В. Ершова, преодоление пробелов права по «аналогии права» сомнительно в связи с отсутствием общенаучных и теоретических аргументов их (пробелов) объективного существования (когда дело доходит до аналогии права – прим. авт.), поскольку принципы права – не «аналог» права …, а «центр» права, его фундаментальные правовые регуляторы, которые применяются не по аналогии, а непосредственно, а значит (если есть принцип) – пробела в праве нет[2].

Вместе с тем, в настоящее время на фоне общего возрастания цивилистического интереса к частноправовой аналогии (подтверждением чего служит факт недавней защиты нескольких кандидатских диссертаций, посвященных цивилистической проработке проблем аналогии права[3]) можно наблюдать активизацию работы «второй ступени» применения норм частного права по аналогии как законного и эффективного инструмента преодоления судами таких «эксклюзивных» правовых пробелов, для которых не только не нашлось подходящего нормативного или индивидуального правового (договорного или автономного) регулятора, но и не оказалось возможной аналогия закона.

Как минимум, о важной позитивной роли рассматриваемого механизма и новом модусе его значимости в правовом регулировании частных отношений позволяет помыслить прямое законодательное закрепление аналогии права в качестве допустимого способа преодоления правовых лакун (ее состоятельность как основы (аргумента) законности судебных актов). Еще больше убеждает в реальной применимости аналогии права ее способность задействовать положительный субъективный потенциал правоприменителя (его личный опыт и мировоззрение) для разрешения самых сложных ситуаций[4], способствовать

---

[1] Альбов А.П. Нормы культуры как источник и форма права // Современный юрист. 2013. № 4. С. 54–65.
[2] Ершов В.В. Пробелы в национальных правовых актах и праве // Российское правосудие. 2023. № S1. С. 20–31.
[3] Романенко Д.И. Аналогия права (цивилистическое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019; Фомина Л.А. Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Шиндяпина Е.Д. Аналогия права в правоприменении. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
[4] Шиндяпина Е.Д., Бошно С.В. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юрист. 2006. № 7. С. 6–9.

отысканию духа закона[1] и обеспечивать непосредственное действие основных начал и смысла законодательства[2], выступая их проводником[3] и поддерживая получивший законодательное закрепление принцип добросовестности[4]. Как отметил А.С. Пиголкин, аналогия права представляет собой «аккумуляцию общих начал (принципов) соответствующего института или отрасли права и их преломление в конкретном деле»[5]. Некоторые ученые вовсе исходят из того, что аналогию права *составляют* правовые принципы[6]. Поэтому в свете наблюдаемого возрастания значимости гражданско-правовых принципов в воздействии на общественные отношения и с учетом справедливых призывов к их еще более масштабному влиянию не только на процесс создания юридических норм, но и на практику правоприменения[7], регулятивную роль аналогии права нельзя недооценивать ни в доктринальном, ни в практическом аспектах. Обеспечивая частноправовое воздействие на социальные связи в рамках требований добросовестности, разумности и справедливости, аналогия права становится не только способом преодоления пробельности, но и эффективным средством борьбы с попытками обхода закона[8] и прочего злоупотребления правом[9].

Более того, несмотря на то, что использование аналогии права в принятии юридических решений сопряжено с максимальным уровнем свободы усмотрения правоприменителя, граничащей с нормотворчеством[10], а потому привносит в механизм правового воздействия известную долю неопределенности, аналогия права вполне обоснованно может претендовать на включение в число наиболее

---

[1] Анисимов В.Ф. Маленькое мнение в большой дискуссии // Российский судья. 2016. № 6. С. 56–57.
[2] Кузнецова О.А. Прямое (непосредственное) действие принципов гражданского права // Нотариус. 2006. № 1. С. 37–39.
[3] Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 185–192.
[4] Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 133–140.
[5] Пиголкин А.С. Обнаружение и преодоление пробелов в праве // Советское государство и право. 1970. № 3.С. 49–57.
[6] Сиземова О.Б. О нормативных источниках в механизме правового регулирования межбанковских расчетов // Банковское право. 2015. № 4. С. 35–41 ; № 5. С. 30–36.
[7] Бондаренко Н.Л. Современный методологический подход к исследованию принципов гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 305–309.
[8] Ветер Н.Ю. К вопросу о понятии «обход закона» // Власть Закона. 2015. № 1. С. 155–165.
[9] Волков А.В. Формализм против субъективизма в гражданском праве // Современное право. 2010. № 1. С. 35–39.
[10] Schauer F., Spellman B.A. Analogy, Expertise, and Experience // University of Chicago Law Review. 2017. Vol. 84. № 1. P. 249–268.

действенных способов диалектического достижения правовой определенности. Так, некоторые авторы верно подмечают, что определенность, о которой заботятся юристы, нередко лучше достигается с помощью расплывчатых и неопределенных правовых стандартов, которые зачастую правильнее отслеживают реальные ожидания и прогнозы людей[1]. По мнению М.В. Преснякова, аналогия права входит в число тех юридических средств, которые «вручаются» правоприменителю для обеспечения правовой определенности путем использования дискреционных полномочий[2]. Следовательно, поскольку тенденция к увеличению неопределенности в законе (как и возрастание энтропии в естественных процессах – прим авт.) «неумолима»[3], постольку роль *analogia iuris* в правовом регулировании также должна возрастать.

В данном аспекте интересно обратить внимание, что в период действия ст. 4 ГПК РСФСР 1923 года вплоть до принятия сменившего основной процессуальный закон ГПК РСФСР 1964 года суды не обладали в своем правоприменительном арсенале аналогией закона и в случае правового пробела (за недостатком узаконений для решения какого-либо дела) обращались непосредственно к аналогии права (суд решает дело, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства). Рассматривая норму ст. 4 ГПК РСФСР 1923 года именно в качестве распознаваемой в теории аналогией права, И.Б. Новицкий видел такое положение исключительно правильным и, приводя примеры «сомнительного» применения аналогии закона, полагал вредным прямую легализацию последней как более «опасной» и сложной в сравнении с аналогией права (по мнению ученого, операция по выведению «общих начал» законодательства и советской политики более легка, чем решение вопроса о сходстве обстоятельств спорного дела с теми, какие имеются в виду той отдельной нормой, которую вероятно применить по аналогии)[4]. Конечно, следует

---

[1] Raban O. The Fallacy of Legal Certainty: Why Vague Legal Standards May Be Better for Capitalism and Liberalism // Boston University Public Interest Law Journal. 2010. Vol. 19. № 175. P. 1–20.

[2] Пресняков М.В. Позитивные юридические средства обеспечения правовой определенности // Современное право. 2023. № 5. С. 27–32.

[3] D'Amato A. Legal Uncertainty. Northwestern Public Law Research Paper № 10-79. 2010 URL: https://ssrn.com/abstract=1707826.

[4] Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. М.: Юр.лит., 1959. С. 120, 121.

согласиться с тем, что такие юридические конструкции, как «общие начала гражданского законодательства», упоминаемые в п. 2 ст. 6 ГК РФ применительно к аналогии права, и «основные начала гражданского законодательства», закрепленные в ст. 1 ГК РФ, не совпадают в словесно-смысловом значении указанных выражений[1]; верно и то, что аналогия права как способ получения необходимого правового регулирования не совпадает с требованием соблюдения основополагающих правовых принципов[2]. Однако едва ли следует считать, что при применении аналогии закона основные начала гражданского законодательства не имеют силы. Напротив, они подлежат применению не только сами по себе (когда речь идет об эксклюзивном случае), но и вместе с существующими нормами, рассчитанными на сходные со спорными правоотношения, т.е. влияют, в том числе и на выбор таких норм, на определение их пригодности к аналогическому применению. Обостряя эту мысль, В.В. Ершов полагает более корректным говорить не об «аналогии закона», а об «аналогии принципов и норм права, содержащихся в национальных правовых актах»[3].

Изложенный советскими правоведами и безоговорочно воспринятый в цивилистической науке 1990-х и начала 2000-х годов подход, согласно которому реальная востребованность аналогии права в практике разрешения гражданско-правовых споров стремится к нулю (а в обозримом будущем, возможно, вообще отпадет) по причине принципиальной ограниченности числа случаев потребности в аналогии права[4], маловероятности появления в ближайшее время таких социальных связей, которые окажутся за рамками гражданско-правового воздействия[5], а также ввиду разработанности, обширности гражданского

---

[1] Бублик В.А., Семякин М.Н. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ: общая характеристика, онтологические и гносеологические основания, отдельные виды // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 705–737.

[2] Нам К.В. Принцип добросовестности как норма-правило // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 56–67.

[3] Ершов В.В. Эволюция и эманация права: сравнительный анализ // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 65–74. Верный в главном, такой подход, однако, приводит к смешиванию аналогии закона и аналогии права и не позволяет подсветить, что при осуществлении аналогии права дух закона, его основные начала выводятся правоприменителем вне связи с конкретными нормами, близкими к регулированию спорного отношения, и применяются без таких нормативных посредников.

[4] Леушин В.И. Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 12.

[5] Советское гражданское право: Учебник: В 2 т. / Под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985. Т. 1. С.

законодательства[1] и наличия сильного договорного регулирования и развитости коммерческой практики[2], в современных реалиях не оправдывается.

Ранее действительно иллюстрация реального функционирования механизма аналогии права действительно сводилась к единственному ставшему хрестоматийным решению, принятому в 1940 году Верховным Судом СССР (когда, обнаружив отсутствие норм о последствиях возникновения вреда у лица, по своей инициативе осуществлявшего спасание социалистического имущества, суд с опорой на аналогию права признал правомерными требования гражданина Марцинюка о возмещении ущерба от увечий, полученных им при защите государственного имущества от огня)[3]. При этом отмеченные И.Б. Новицким случаи аналогического правоприменения со ссылкой на ст. 4 ГПК РСФСР 1923 года (которая, как было упомянуто, определяет в качестве средства компенсации неполноты нормативного материала лишь аналогию права) фактически представляли собой аналогию закона, поскольку имели в качестве основы для принятия судебных актов не только общие начала советского законодательства и политику Рабоче-Крестьянского Правительства, но и конкретные нормативные акты, регламентирующие ситуации, сходные со спорными[4]. В связи с этим ученые объяснимо констатировали фактическое неиспользование правоприменителями п. 2 ст. 6 ГК РФ с момента ее появления[5], указывали, что применение аналогии права в материальных и процессуальных вопросах хотя и не исключается, но на практике встречается «относительно редко»[6], «достаточно редко»[7], «редко»[8], «крайне

64.

[1] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 1997. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учеб.-практ. комментарий (постатейный) / Под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. II. Советское гражданское право. СПб. 2004. С. 88.

[4] Новицкий И.Б. Указ соч. С. 117, 118.

[5] Голубцов В.Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 142–150.

[6] Слепенкова О.А. Некоторые аспекты применения принципов гражданского права в судебной практике // Российская юстиция. 2011. № 9. С. 4–6.

[7] Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество (правоустановление) в Российской Федерации как особая форма современного правотворчества // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 6–8.

[8] Кулаков В.В. Указ. соч. С. 185–192.

редко»[1], что суды аналогию права применяют «спорадически»[2], «крайне незначительно»[3]. При таких обстоятельствах естественным выглядит то, что авторам упомянутых выше диссертаций не удалось привести примеров нелатентного и мотивированного применения аналогии права «в чистом виде».

Однако на сегодняшний день теоретики права и цивилисты не испытывают недостатка в эмпирическом материале для исследования аналогии права как реально работающего, «живого» юридического инструмента, применяемого, в том числе при *аналогии правовых конструктов* и *аналогии contra legem*. Можно констатировать низкую степень научной проработки и учебно-методического освещения казусов использования аналогии права в практике разрешения частноправовых споров, но не отсутствие или нехватку самих таких казусов.

Помимо получившей известность (и проанализированной в контексте пределов применения аналогии при ограничении и обременении субъективных частных прав) позиции Пленума ВАС РФ, согласно которой судам надлежит через аналогию права обеспечивать прямое действие начал справедливости и добросовестности в залоговых отношениях, можно привести еще немало интересных судебных актов, при принятии которых судьи, оперируя аналогией права (пользуясь ею и ссылаясь на нее), принимали решение, находясь *intra ius*, но *extra legem* или даже *contra legem*.

В одном из дел суды столкнулись с тем, что антимонопольный орган квалифицировал как причиняющее ущерб конкуренции на рынке финансовых услуг действия администрации субъекта РФ, совершенные в ходе конкурсного отбора на право осуществления обязательного медицинского страхования неработающего населения, поскольку победителями конкурса были признаны сразу две медицинские организации. Установив, что спорные отношения не урегулированы нормами права (объявление двух лиц победителями конкурса не

---

[1] Гринь О.С., Гринь Е.С. Системы учета прав по различным договорным отношениям // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 95–104.

[2] Панова И.В. Судопроизводство в контексте российской правовой культуры // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 74–84.

[3] Поляков Д.Н. Общие способы преодоления пробелов в гражданском праве // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 2 (23). С. 54.

предусмотрено обязательными правилами), обычаями делового оборота и невозможно использовать аналогию закона, суды пришли к необходимости разрешения конфликта исходя из требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ) и признали правомерным решение антимонопольного органа[1].

ВС РФ в Определении от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(1) констатировал, что банкротное законодательство не содержит указаний о понижении очередности удовлетворения требований аффилированных кредиторов по гражданским обязательствам, не входящим в группу корпоративных. Вместе с тем, исходя из того, что к числу обязательств, вытекающих из факта корпоративного участия, относятся не только такие, существование которых прямо предусмотрено корпоративным законодательством (выплата дивидендов, действительной стоимости доли и т.д.), но также и обязательства, которые, хотя формально и имеют гражданско-правовую природу, в действительности таковыми не являются (если их возникновение и существование было бы невозможно, если бы заимодавец не участвовал в капитале должника), Суд пришел к выводу, что в случае последующей неплатежеспособности должника в силу требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ) на участника должника, который негативно повлиял на его деятельность, подлежит распределению риск банкротства посредством запрета выдвигать свои требования против требований иных (неаффилированных) кредиторов.

Отсутствие законодательного закрепления понятия «криптовалюта» вызвало спор, могут ли фактически используемые в экономической деятельности цифровые инструменты идентифицироваться в системе объектов гражданских прав и, в частности, подлежат ли имеющиеся у субъекта цифровые активы (криптовалюта) включению в конкурсную массу при его банкротстве. Разрешая спор, когда финансовый управляющий в рамках банкротного дела выявил такой актив должника как «содержимое криптокошелька», суд отказал управляющему в ходатайстве о включении этого актива в конкурсную массу, сославшись на то, что

[1] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31.05.2007 № А44-3016/2006-7.

исходя из прямого толкования норм права, «криптовалюта» не входит в перечень объектов гражданских прав, находится вне российского правового поля, и транзакции такой «валюты» не обеспечиваются принудительной силой государства. Суд пояснил: ввиду отсутствия в законодательстве спорного понятия невозможно однозначно определить к какой категории обозначаемый им феномен относится («имущество», «актив», «информация» или «суррогат»), а потому неясное праву существо отношений, связанных с оборотом криптовалют, не позволяет применить к таким цифровым «ценностям» по аналогии нормы, регулирующие сходные отношения. Однако апелляционная инстанция отменила этот акт и обязала должника передать управляющему пароль от криптокошелька, указав, что в силу диспозитивности норм гражданского права перечень определенных в ГК РФ объектов гражданских прав не является закрытым, а значит, с учетом современных экономических реалий и уровня развития цифровых технологий допустимо максимально широкое толкование понятия «иное имущество» в контексте ст. 128 ГК РФ[1]. Более того, суд отверг довод о невозможности применения к отношениям по созданию и обороту криптовалют аналогии, так как иное противоречило бы положениям ст. 6 ГК РФ, согласно которым при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются (в порядке аналогии права), исходя из принципов гражданского законодательства, требований добросовестности, разумности и справедливости. Действительно, отказ от аналогии права и изъятие цифрового имущества из конкурсной массы должника по не предусмотренным законом основаниям повлекло бы лишение конкурсных кредиторов возможности получить максимальное удовлетворение требований в рамках процедур банкротства, а недобросовестные должники в виде явного пробела регулирования оборота криптовалюты как объекта взыскания[2] получили бы лазейку для увода активов из конкурсной массы в неправовую цифровую среду.

Схожим образом со ссылкой аналогию права и основные начала

---

[1] Постановление Девятого ААС от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018.

[2] Шишмарева Т.П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 41.

гражданского законодательства суд разрешил дело о возврате неосновательного обогащения лицом, получившим денежные средства в оплату биткоинов[1].

Следующий наглядный результат преодоления правовой неопределенности посредством аналогии права продемонстрировал ВС РФ в Определении от 20.09.2016 № 20-КГ16-5 при рассмотрении требования собственника земельного участка и расположенного на нем жилого дома к собственнику соседнего домовладения об обязании снести часть спорного домовладения, которое было возведено ответчиком самовольно вплотную к дому истца, чем нарушило инсоляцию и противопожарный разрыв между домами. В ходе разбирательства экспертным путем было установлено, что домовладение истицы, хотя и было узаконено решением суда, так же, как и строение ответчицы, изначально построено с нарушением строительных норм и правил, без должного отступа от границы участка ответчицы, в связи с чем нижестоящие инстанции отказали в удовлетворении исковых требований. Однако не урегулированное законом обстоятельство не помешало прийти к выводу, что в случае отказа в удовлетворении иска оказались бы сохраненными два строения, одновременное существование которых в связи с явным и существенным нарушением градостроительных норм и правил невозможно, а потому направить дело на новое рассмотрение, обратив внимание нижестоящих судов на необходимость определять права и обязанности участников спорных отношений по аналогии права, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства.

В рассматриваемом аспекте интересно дело, завершившееся принятием Президиумом ВАС РФ Постановления от 27.04.2010 № 67/10. Причиной спора послужило то, что большинством голосов мажоритариев было утверждено положение о совете директоров акционерного общества, в котором (при отсутствии особых указаний закона) порядок осуществления полномочий членами совета, в

[1] Суд указал, что на момент возникновения спорных правоотношений цифровая валюта де-факто существовала, имела некую экономическую ценность, с ней могли совершаться операции по покупке и продаже, а значит неосновательное обогащение отсутствует (Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 № 88-10336/2021). При этом в науке высказано предположение, что подобный (основанный на аналогии) подход может быть в будущем реализован в спорах по поводу иных цифровых активов (см.: Волос А.А. Свобода договора и ее пределы в цифровой среде // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2. С. 254–273).

том числе процедура получения ими корпоративной информации, были сконструированы по аналогии с режимом общих собраний таким образом, что возможности каждого члена оказались суженными, а реализация их права на участие в принятии решений и получении информации фактически затруднена. В частности, по правилам утвержденного документа: решение по вопросу о форме принятия решений советом директоров определяет председатель совета, исходя из важности выносимых на рассмотрение совета вопросов; материалы к заседанию, повестка дня и бюллетени для голосования могут быть предоставлены директорам только лично под расписку по месту проведения заседания; для получения информации о деятельности общества член совета директоров обязан направить письменный запрос; членам совета запрещено делать копии материалов, содержащих конфиденциальную информацию, без письменного разрешения председателя. Посчитав свои интересы ущемленными, миноритарные акционеры предъявили иск о признании указанных правил недействительными. Рассматривая спор, суды, прежде всего, выявили пробел в регулировании вопроса о порядке организации деятельности совета директоров акционерного общества, затем установили невозможность применения к спорным отношениям по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) правил об общих собраниях акционеров, поскольку совет директоров является специальным органом, выполняющим отличные от общего собрания функции, и подобная аналогия противоречила бы существу (в частности, функциональной природе) пробельных отношений. Наконец, разрешая спор в пользу истцов и признавая оспариваемые положения недействительными, суды указали, что отсутствие специальных норм закона о порядке организации деятельности совета директоров отнюдь не означает, что нет необходимости соблюдать требования добросовестности, разумности и справедливости, как того требует аналогия права. Приведенный судебный акт примечателен не только тем, что суды установили и зафиксировали последовательность условий, необходимых для применения аналогии права, но и тем, что суды использовали данный вид аналогии одновременно и как оперативный способ преодоления гражданско-правовой неопределенности, и как средство борьбы со злоупотреблением правом.

В рамках другого дела Президиум ВАС РФ Постановлением от 21.02.2012 № 12499/11 с опорой на п. 2 ст. 6 ГК РФ акцентировал внимание нижестоящих судов на обязанность участников гражданского оборота действовать добросовестно. Потому в указанном споре, связанном с предоставлением ответчиком в пользование истцу формально соответствующего требованиям договора имущества, но не пригодного к выполнению необходимых истцу операций, Президиум поддержал требования истца, который вместо извлечения выгоды от использования полученного в аренду имущества понес убытки, связанные с устранением последствий неправомерного поведения ответчика, не проявившего должный уровень осмотрительности и разумности.

Ярким проявлением способности аналогии права выступить эффективным защитным средством частноправовых интересов выступает практика наделения участника хозяйственного общества (при умолчании законодателя и отсутствии схожих урегулированных отношений) правом на предъявление (косвенного) иска о признании недобросовестной конкуренцией действий юридического лица, в котором истец участником не является[1].

Достаточно акцентированно действие основных начал гражданского закоодательсва через механизм аналогии права и прямую ссылку на п. 2 ст. 6 ГК РФ продемонстрировал Суд по интеллектуальным правам, обратив внимание, что при отсутствии в ст. 1491 ГК РФ о пресекательных сроках прав на продление действия товарного знака правил в отношении ситуаций юридической невозможности подачи документов в Роспатент надлежит применять аналогию права и учитывать наличие, период и причины соответствующей юридической невозможности, а также разумность срока совершения действий при ее отпадении[2].

Существенное распространение практика применения аналогии права получила при рассмотрении споров в сфере частноправовых жилищных отношений. В частности, в делах по оспариванию решений общего собрания собственников помещений многоквартирного жилого дома суды сталкиваются с

[1] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.04.2022 № СИП-4/2020.
[2] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.02.2024 № СИП-703/2023.

неопределенностью вопроса о возможности продления сроков голосования на собрании, проводимом заочным способом, и отсутствием схожих отношений, урегулированных законом. Исходя из того, что сам по себе факт неурегулированности данного вопроса не свидетельствует о противоречии фактически осуществленных инициаторами собрания действий по увеличению продолжительности сбора бюллетеней закону, суды считают необходимым применить к возникшему спору положения п. 2 ст. 7 ЖК РФ и разрешить спор, исходя из общих начал и смысла жилищного законодательства, требований добросовестности, гуманности, разумности и справедливости: поскольку продление срока голосования способствует определению действительной воли собственников помещений многоквартирного дома, постольку оно соответствует указанным правовым принципам и не порочит результаты голосования[1].

Еще один пример способности аналогии права обеспечивать преодоление правовых пробелов и содействовать функционированию принципиальных отраслевых установок проявился в споре о выселении инвалида из занимаемого им по договору поднайма помещения (без предоставления другого жилья) в связи истечением срока договора. Московский городской суд не согласился с нижестоящими инстанциями в том, что наличие у ответчика инвалидности и нахождение его на жилищном учете не могут служить основанием для отказа в удовлетворении требований о его выселении, и что права на первоочередное предоставление жилого помещения у ответчика не имеется. Суд отметил, что отношения по обеспечению жильем граждан, состоящих на жилищном учете и лишившихся права пользования помещением, в котором они проживают, законом прямо не урегулированы, а потому, сославшись на аналогию права (п. 2 ст. 7 ЖК РФ), пришел к выводу, что решение о выселении без предоставления другого жилого помещения инвалида, состоящего на жилищном учете и не имеющего прав пользования каким-либо другим жилым помещением, входит в противоречие с требованиями гуманности и справедливости[2].

---

[1] Определение Свердловского областного суда от 06.07.2018 № 33-11324/2018; Определение Московского городского суда от 04.02.2021 № 33-4242/2021.

[2] Определение Московского городского суда от 20.10.2011 № 33-34080.

Особый интерес представляет оценка судами через аналогию права нормы ст. 82 ЖК РФ о праве граждан, проживающих в одной квартире на основании отдельных договоров социального найма, требовать заключения с кем-либо из них одного договора найма всех занимаемых ими помещений в связи с объединением данных граждан в одну семью, в той мере, в какой эта норма умалчивает о возможности гражданина, являющегося членом семьи нанимателя, требовать заключения с ним отдельного договора на изолированное помещение в квартире в случае распада семьи. Эта норма приводится в науке как пример такой запутанности, которая может иметь следствием добросовестное непризнание субъективного права[1], а отсутствие четкого законодательного регулирования допустимости или невозможности разделения единого договора социального найма на несколько самостоятельных считается явным правовым пробелом[2]. Несмотря на то, что определение судом порядка пользования жилым помещением за пределами ст. 82 ЖК РФ необходимо для более удобного раздельного проживания в одной квартире рассорившихся сторон и с учетом конкретных обстоятельств вполне может соответствовать принципу свободы граждан в установлении и реализации жилищных прав, отвечать требованиям добросовестности, гуманности, разумности и справедливости (особенно когда все жильцы согласны на разделение договора найма), суды, считая молчание законодателя квалифицированным, отказывают в аналогическом правоприменении, о котором настойчиво просят заявители[3]. Понимая причину такого судебного подхода (стремление уйти от практики коммунальных квартир[4]), нельзя исключать, что аналогия права в какой-то момент изменит вектор правовой политики в данном аспекте в сторону большей гибкости и нацеленности на максимальную защиту частных интересов.

---

[1] Богданова Е.Е. Отдельные проблемы признания права как способа защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 103–112.

[2] Шишкин В.В. Жилищное законодательство–проблемы реализации // Семейное и жилищное право. 2011. № 1. С. 47–48; Пальцева Е.С. Реализация права на определение порядка пользования жилым помещением собственником и нанимателем: от закона к практике // Семейное и жилищное право. 2020. № 1. С. 39–41.

[3] Определение Пензенского областного суда от 24.04.2012 № 33-950; Определение Московского городского суда от 22.04.2014 № 4г/2-3738/14.

[4] Васькин В.В., Мустафин Р.Р. Изменение договора найма жилого помещения по требованию члена семьи нанимателя // Жилищное право. 2009. № 4. С. 33–38.

Следует иметь в виду также существование казусов латентного применения аналогии права, когда суды приходят к справедливым и адекватным целям частноправового воздействия выводам, не имеющим ни опоры (прямой или аналогической) на наличные нормы законов, подзаконных актов, обычаи или соглашения участников спорных отношений, ни отсылок к положениям института аналогии, но явно основанным на креативном потенциале *analogia iuris* как инструмента такого казуального правовосполнения, которое представляет непосредственное соприкосновение с юридическим творчеством[1] и при его реализации способно привести к развитию (уточнению или изменению) существующего нормативного порядка. Так, действуя за пределами буквы закона, суды полагают возможным изымать из конкурсной массы должника нормативно не признаваемые жилыми апартаменты (когда они технически отвечают признакам пригодности для проживания граждан) как единственное жилье должника, хотя и без ссылок на п. 2 ст. 7 ЖК РФ, но указывая, что такой подход в исключительных случаях обоснован в целях защиты конституционного права должника и членов его семьи на жилище, обеспечения условий нормального существования гражданина (т.е. с опорой на основные начала жилищного законодательства, а значит – аналогию права)[2].

Еще один пробел, до настоящего времени не имеющий ни прямого, ни адекватного аналогического регулятора, и дающий повод обратиться к аналогии права, составляет неопределенность последствий истечения срока полномочий исполнительного органа хозяйственных обществ.

Пределы аналогии в правовой квалификации последствий истечения срока полномочий исполнительного органа хозяйственного общества

Закон «Об ООО» устанавливает, что единоличный исполнительный орган общества избирается общим собранием участников либо советом директоров общества (если это входит в его компетенцию) *на срок, определенный уставом общества* (п. 1 ст. 40). Хотя в науке отмечено, что указанная норма не должна

[1] Taylor G., Law and Creativity. PHILOSOPHY AND AMERICAN LAW, Francis J. Mootz, III ed., Cambridge University Press, 2009. URL: https://ssrn.com/abstract=1392968.
[2] Постановление АС Северо-Западного округа от 11.04.2024 № Ф07-2824/2024.

считаться императивным предписанием устанавливать срок во всяком случае, что означает допустимость существования обществ с исполнительными органами, полномочия которых уставным периодом не ограничены[1], на практике приведенная формулировка обычно воспринимается как закрепляющая принцип срочности управленческих полномочий и в большинстве случаев уставы ООО закрепляют конкретные сроки полномочий руководителя. К слову, традиция определять такие сроки нашла отражение и в типовых уставах, на основании которых могут действовать такие организации[2].

В отличие от Закона «Об ООО», акционерный закон в сопоставимой по содержанию и назначению норме п. 1 ст. 69 не упоминает об ограничении полномочий исполнительного органа акционерного общества какими-либо сроками. В то же время указание о возможном «досрочном прекращении» полномочий (п. 3 ст. 69 Закона «Об АО») определяет, как минимум, допустимость фиксации уставом общества временных рамок полномочий руководителя, причем, по мнению некоторых авторов, вывод о возможности ограничения срока полномочий руководителя акционерного общества может быть сделан еще и в результате применения п. 1 ст. 40 Закона об ООО в порядке аналогии[3]. Поэтому практика корпоративного управления показывает активное использование данной возможности и обнаруживает, что в уставах большинства акционерных обществ срок полномочий исполнительного органа присутствует. В науке такое положение дел объясняется и корпоративными традициями, и потребностью в ориентирах для ротации руководящего состава, и стремлением соответствовать лучшим зарубежным практикам корпоративного управления[4].

Буквальное толкование принятых в рамках п. 1 ст. 40 Закона «Об ООО» и п. 1 ст. 69 Закона «Об АО» формулировок уставов типа «директор общества избирается общим собранием участников общества сроком на 3 года» или

---

[1] Шиткина И.С. Отдельные проблемы правового регулирования образования и деятельности единоличного исполнительного органа // Хозяйство и право. 2011. № 4. С. 3–17.
[2] Приказ Минэкономразвития РФ от 01.08.2018 № 411.
[3] Кузнецова В.В. Значение и особенности предварительных процедур при регулировании трудовых отношений с руководителем организации // Право и экономика. 2013. № 10. С. 51–55.
[4] Лалетина А.С., Косякин И.А. Срок полномочий единоличного исполнительного органа акционерного общества // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 2. С. 114–136.

«полномочия директора общества действуют в течение 3 лет с момента его избрания» (или иные аналогичные фразы, определяющие срок функционирования директора) недвусмысленно указывает, что за пределами установленного срока (до его начала и после окончания) полномочия не существуют. Собственно, в этом и состоит смысл правила срочности полномочий исполнительного органа, и никакого дополнительного нормативного указания о последствиях истечения срока не требуется. Именно так, к примеру, рассуждают банкиры, блокируя операции по счету клиентов, не подтвердивших надлежащим образом продление срока полномочий руководителя, уполномоченного распоряжаться счетом[1]. Имеющиеся в практике споры, связанные с оспариванием подобных действий банков, пусть и разрешаемые в итоге в пользу клиентов[2], подтверждают распространенную среди юристов квалификацию положений уставов хозяйственных обществ о сроке, на который избирается исполнительный орган, в качестве временных границ существования полномочий последнего. Обнаруживаются отдельные примеры судебных актов, в которых при разрешении спора о полномочиях лица, срок избрания которого на должность руководителя хозяйственного общества истек, суды прямо признают полномочия такого лица прекратившимися[3].

В науке подобный подход, препятствующий неуполномоченному лицу выступать от имени корпорации в гражданском обороте при отсутствии необходимого волеизъявления участников (акционеров), нашел заметную поддержку[4]. Думается, что дополнительную аргументацию в пользу его обоснованности можно найти в аналогии с тем, как без сомнений считаются прекратившимися полномочия поверенного по доверенности с истекшим сроком (ст. 186 ГК РФ), а также *a contrario*[5] с тем, что для автоматического продления

---

[1] Беспалова С. Действия банка можно оспорить // ЭЖ-Юрист. 2016. № 26. С. 15.

[2] Постановление ФАС Уральского округа от 04.06.2009 № А07-11172/2008-Г-СИЗ; Определение ВАС РФ от 17.10.2012 № ВАС-13633/12.

[3] Постановление ФАС Московского округа от 23.10.2006 № А41-К1-9510/05.

[4] Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. 421 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Медведев Р. Когда директор уже не директор... // ЭЖ-Юрист. 2011. № 13. С. 9.

[5] Онищенко В.В. Вывод a contrario как одно из логических средств толкования положений гражданского законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 147–155.

(возобновления) каких-либо (ограниченных сроком) договорных прав и обязанностей законодатель всякий раз делает соответствующее уточнение (см., напрмер, ст. 540, 621, 684, 837, 1016 ГК РФ).

Однако наибольшее распространение в судебной практике получил прямо противоположный подход к квалификации последствий окончания уставного периода полномочий единоличного исполнительного органа как обществ с ограниченной ответственностью, так и акционерных обществ. Суды в большинстве случаев отклоняют доводы об отсутствии полномочий ввиду истечения срока, на который их носитель был избран, и указывают, что истечение рассматриваемого срока автоматически не влечет за собой прекращение полномочий единоличного исполнительного органа со ссылкой, что руководитель утрачивает полномочия в связи только с принятием решения о досрочном прекращении его полномочий либо в связи с избранием нового руководителя[1] и что *по смыслу* ст. 69 Закона «Об АО» (ст. 40 Закона «Об ООО») прекращение полномочий исполнительного органа общества должно быть сопряжено с назначением на данную должность иного лица[2]. Основным аргументом в обоснование такой позиции служит констатация отсутствия в законе указания на какие-либо юридические последствия, связанные с истечением срока полномочий руководителя общества[3]. В отдельных судебных актах встречается дополнительное объяснение: такое сохранение отвечает *принципу разумности* и способствует надлежащему развитию гражданского оборота (и наоборот, что ситуация, при которой у общества отсутствует исполнительный орган, будет противоречить принципу разумности, целям существования юридического лица и может повлечь причинение значительных убытков обществу вплоть до приостановления либо прекращения его хозяйственной деятельности)[4]. Имеется пример судебного суждения не только о *неразумности*, но и о *недопустимости* (с корпоративной точки зрения) ситуации,

[1] Постановление ФАС Уральского округа от 26.04.2011 № А34-3780/2010.
[2] Постановление АС Поволжского округа от 19.08.2014 № А55-6230/2013; Постановление ФАС Московского округа от 22.02.2012 № А40-85018/11-48-705.
[3] Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 20.06.2012 № А53-15902/2011; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.08.2013 № А11-8974/2012.
[4] Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 09.09.2008 № А67-565/2008; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 20.06.2012 № А53-15902/2011.

при которой у общества отсутствует единоличный исполнительный орган[1].

Указанная практика, как и ее противоположность, также нашла в науке объяснение и поддержку. Высказано мнение, что законодатель намеренно не указал о прекращении полномочий единоличного исполнительного органа с истечением срока, на который тот избран, так как в противном случае это привело бы к остановке деятельности общества и дестабилизации хозяйственного оборота[2]. Отмечено, что причиной такого подхода явились: стремление к обеспечению стабильности имущественного оборота и защите публичного интереса[3], нацеленность на поддержание стабильного существования юридического лица[4], защиту коммерческой корпорации как участника предпринимательских отношений, на предотвращение ситуации невозможности реализации ею своих прав и обязанностей[5]. Думается, что подобное объяснение вытекает не из толкования п. 1 ст. 40 Закона «Об ООО» и п. 1 ст. 69 Закона «Об АО», из смысла которых автоматическое продление просроченных полномочий до момента избрания нового руководителя отнюдь не следует (сама по себе фраза «истечение ограничивающего полномочия срока юридических последствий не влечет» внутренне противоречива (что это за ограничение, которое ничего не ограничивает?) и весьма похожа на оксюморон), а зиждется на *аналогии права*, позволяющей при недостаточности имеющегося нормативного материала прибегать к прямому применению основных начал гражданского законодательства. Аргументация соответствующего подхода ссылками на этот прием преодоления правовой неопределенности обеспечила бы его не только сущностный, но и формальный нормативный фундамент. Вероятно, последовательное обращение к аналогии права при разрешении соответствующих споров исключило бы попытки

[1] Постановление АС Московского округа от 12.07.2019 № А40-200158/2018.
[2] Добровольский В.И. Правовые последствия истечения срока полномочий генерального директора // Современное право. 2008. № 12. С. 100–102.
[3] Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Т. 2. 486 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[4] Шайхеев Т.И. Сочетание публичных и частных начал в судебной практике // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 171–211.
[5] Власова А.С., Удалова Н.М., Кочкурова К.С. Становление личности коммерческой корпоративной организации: теоретические и практические аспекты // Право и экономика. 2015. № 9. С. 43–52.

конституционно-правового оспаривания ст. 40 Закона «Об ООО» в той мере, в какой она фактически допускает возможность продления полномочий исполнительного органа общества без изъявления высшей корпоративной воли[1].

В 2015 году п. 3 ст. 69 Закона «Об АО» был дополнен правилом, что если по истечении срока, фиксирующего временные границы существования полномочий исполнительных органов общества, не принято решение об образовании новых органов, полномочия ранее избранного руководства (просроченные полномочия) автоматически продлеваются и действуют до принятия соответствующих решений (ст. 3 ФЗ от 29.06.2015 № 210-ФЗ[2]). С принятием данного положения неоднозначный вопрос о правовой квалификации последствий истечения уставного срока полномочий руководителя акционерного общества оказался нормативно решенным. При этом конкретный вариант решения в очередной раз проиллюстрировал реальное действие креативной функции аналогии права[3] и подтвердил правоту судов, которые (хотя и не упоминали аналогию права и не ссылались на ст. 6 ГК РФ) принимали разумные и справедливые судебные акты, антиципируя нормативные новеллы, предвосхищая их, опираясь на то, каким в свете основных начал гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) *должен быть закон*, отсутствующий на момент разрешения спора.

Вместе с тем, поскольку можно помыслить, что законодатель намеренно ограничился изменением лишь Закона «Об АО», появление указанной новеллы осложнило рассматриваемый вопрос применительно к ООО. Некоторые суды осложнения не заметили и продолжили обосновывать сохранение полномочий руководителя всякого хозяйственного общества за пределами срока избрания (до тех пор, пока не избран другой руководитель) ссылкой на отсутствие в законе императивного указания об их прекращении[4]. Но характерная для цивилистов конкретность мышления[5] в поиске нормативной определенности привела к

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 576-О.
[2] СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 4001.
[3] Mikryukov V.A. Creative Function of the Analogy method in Civil law Practice // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Vol. 12. Iss. 4. P. 272–289.
[4] Постановление АС Дальневосточного округа от 07.05.2018 № А59-3787/2017; Постановление АС Западно-Сибирского округа от 01.02.2017 № А46-3752/2016.
[5] Гуляихин В.Н., Широ С.В. Правовое мышление как регулятор социального поведения // Юридическое образование

активной наработке практики применения нового п. 3 ст. 69 Закона «Об АО» к просроченным полномочиям руководителей ООО в порядке аналогии закона[1]. Суды стали квалифицировать отсутствие в Законе «Об ООО» положений о последствиях истечения уставного срока полномочий руководителя как действительный правовой пробел и начали использовать в качестве нормативной основы для разрешения спорных ситуаций правило, урегулировавшее сходные ситуации в акционерных обществах как в организациях, нормативные параметры юридической личности (и корпоративные черты) которых во многом аналогичны[2].

В целом поддерживая аналогическое применение новой нормы п. 3 ст. 69 Закона «Об АО», нельзя не признать, что эта практика не позволяет с уверенностью отвергнуть сомнения, что речь не идет о квалифицированном молчании законодателя и что Закон «Об ООО» не обзавелся аналогичной нормой исключительно вследствие упущения (бездействия законодателя[3]), который не считает различие в регулировании сходных отношений в рамках двух разных организационно-правовых корпоративных форм принципиальным, необходимым для обеспечения их прочности и самостоятельности.

Соответствие идеи сохранения полномочий исполнительного органа после истечения их срока до избрания нового руководителя разумной потребности обеспечения стабильности хозяйственной деятельности юридических лиц, гарантирования прав кредиторов и защиты публичного интереса не исключает аргументированные в науке сомнения в справедливости такой не регламентированной специальным указанием закона практики как нарушающей право участников юридического лица самостоятельно выбирать руководителя (отдельная группа участников может обрести ничем не обоснованное преимущество в том, что их кандидат может сохранять полномочия бесконечно долго при условии, что остальные участники не обладают необходимым

и наука. 2015. № 3. С. 31–35.

[1] Постановление Одиннадцатого ААС от 05.12.2018 № А55-7553/2018; Постановление Девятого ААС от 1812.2020 № А40-69805/2020.

[2] Постановление АС Северо-Западного округа от 19.06.2024 № Ф07-6044/2024.

[3] Блещик А.В. Выявление искажений в законодательстве и коммуникативный подход к праву: опыты правовой экспертизы нормативных актов // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 101–114.

большинством голосов для продвижения другого кандидата[1]). При этом не решается четко вопрос о том, как следует расценивать формулировки уставов обществ с ограниченной ответственностью типа «полномочия директора общества возникают с момента его избрания общим собранием участников общества и прекращаются по истечении 3 лет», которые однозначно указывают на судьбу полномочий с истекшим сроком. Более того, возникают новые сомнения: допустимо ли использовать аналогию закона таким образом, что лицо, осуществлявшее функции исполнительного органа на срочной основе, оказывается не только правомочным, но и обязанным продолжать руководить обществом до момента избрания другого руководителя, что предопределяет сохранение его ответственности за надлежащее исполнение управленческих функций и «подвешивает» вопрос о трудо-правовых условиях его работы.

Данные обстоятельства сигнализируют о необходимости законодательного решения исследуемого вопроса применительно к ООО. Действительно, в то время как квалифицированное молчание негативного типа проявляется, если прямое и явно выраженное нормативное предписание требуется в силу специфики объекта правового регулирования[2], подобной корпоративно-правовой специфики модели управления в обществах с ограниченной ответственностью на уровне исполнительного органа явно не наблюдается и транзитное сохранение окончившихся сроком полномочий руководителя последних по аналогии с тем, как это происходит в акционерных обществах, не имеет очевидных противопоказаний и не подрывает устойчивость или самостоятельность корпоративной конструкции.

Более того, если обратить внимание, что применительно к иным организационно-правовым формам коммерческих и некоммерческих корпораий закон предписывает или дозволяет[3] ограничение полномочия исполнительных

---

[1] Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 4–31.

[2] Демин А.В. Квалифицированное молчание закона в механизме налогово-правового регулирования // Закон. 2012. № 2. С. 129–138.

[3] См., например: ст. 149 ЖК РФ, п. 3 ст. 17 ФЗ от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» // СЗ РФ. 1996. № 20. Ст. 2321; п. 2 ст. 19 Закона РФ от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 139; п. 3 ст. 18 ФЗ от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7058.

органов временным отрезком, но за отдельными исключениями[1] не уточняет специальных последствий его истечения, становится понятным, что в силу корпоративной специфики формирования воли при назначении (избрании) единоличного исполнительного органа проблема правовой квалификации последствий окончания срока его полномочий актуальна не только для хозяйственных обществ, но и (что демонстрирует наличие вызванных этой проблемой споров[2]) вообще для всех корпоративных организаций[3].

Хотя суды в подобных ситуациях не ссылаются на п. 2 ст. 6 ГК РФ в обоснование формулируемой позиции, едва ли можно сомневаться, что именно обращение к аналогии права позволяет им обратиться к духу закона. Следует поддержать стремление судей не дожидаться законотворческого решения, а самостоятельно задавать новый вектор развития гражданского права, не только сигнализируя о необходимости создания новых разновидностей правоотношений, но и непосредственно участвуя в их формировании. Вместе с тем, представляется необходимым подчеркнуть: при осуществлении оправданной меры судебного творчества правоприменителям следует в обязательном порядке обосновывать решения, выходящие за пределы буквы закона, прямым обращением к аналогии права (с надлежащими ссылками на нормы данного института), поскольку неаргументированное и латентное использование не только девальвирует аналогию как эффективное и позитивное правовое средство, но и создает опасность оценки деятельности суда в качестве судебного нормотворчества, подрывающего нормативно-правовую стабильность.

Изложенное в целом подтверждает *новый модус аналогии* – происходящую ныне и неизбежную в будущем активизацию применения аналогии права как средства оперативного преодоления нормативных пробелов. Становится понятным, что во взаимодействии частных лиц известный принцип познавательной скромности соответственным образом применим к сфере действия аналогии права.

---

[1] Пункт 6.1 ст. 31 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

[2] Постановление АС Северо-Западного округа от 27.05.2020 № А56-12653/2018.

[3] Предлагаемый вариант генерализации соответствующего правила представлен заключении настоящей работы.

Приведенные нестандартные казусы, разрешенные на основе аналогии права, можно считать показательными и имеющими потенциал стать фундаментом для формирования судебной практики при еще более широком использовании данного антипробельного механизма, а также весьма полезными для обогащения и развития положений цивилистической теории о сущности аналогии права.

Работа по отысканию, изучению и обобщению примеров непосредственного применения основных начал (принципов) законодательства с помощью аналогии права должна быть энергично продолжена. Увеличение числа споров, предполагающих обращение к аналогии права, обусловленное, в том числе, появлением новых факторов и видов частноправового взаимодействия (к примеру: недостаточно урегулированных на сегодняшний день отношений, связанных с применением геномных технологий[1], роботов[2], систем искусственного интеллекта[3], а также с развитием цифровой экономики в целом[4]) требует адекватного учета в исследованиях правотворческой деятельности и образовательном процессе.

Думается, что в случае использования механизма аналогии права в судебном акте объективно отражается потребность в изменении или дополнении действующего законодательства (фактически звучит сигнал о работе суда за пределами «шара» права). Поэтому судам, вынужденным прибегнуть к такому способу преодоления правовой лакуны при разрешении конкретного спора, необходимо порекомендовать не только специально аргументировать необходимость его применения (в том числе путем ссылок на п. 2 ст. 6 ГК РФ, п. 2 ст. 7 ЖК РФ, абз. 2 ст. 5 СК РФ), но и давать законодателю четкий и недвусмысленный посыл (побудительный совет) о необходимости внесения конкретных законодательных изменений. Важно добиться максимальной аккуратности и осторожности при использовании креативной (исправительной)

---

[1] Малеина М.Н. Роль правовых принципов в устранении и минимизации рисков применения геномных технологий // Lex russica (Русский закон). 2019. № 8. С. 121–128.

[2] Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.

[3] Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79–102.

[4] Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5–18.

аналогии права с тем, чтобы не обесценить такие фундаментальные черты гражданско-правового воздействия как обеспечение свободы и правовой определенности. При этом поскольку разрешение споров только на основе общих правовых принципов всегда представляет определенную сложность, и принимая во внимание, что использование аналогии права требует от правоприменителя нестандартной квалификации, при отсутствии должного уровня которой применение этого вида аналогии чревато ошибками, промежуточным итогом соответствующей работы может и должен стать комплекс разъяснений на уровне постановления Пленума ВС РФ об аналогии в практике разрешения частноправовых споров, которые помогут судьям справиться с тем существенным объемом дискреции, который сопрягается с реализацией аналогии права.

Один из сложных вопросов, который мог бы найти отражение в таком постановлении, состоит в том, как подходить к установлению невозможности применения аналогии закона как к условию применения аналогии права. Видится полезным рассмотреть данный вопрос на одной из конкретных правовых лакун, состоящей в неопределенности правовых последствий осуществления улучшений имущества при исполнении договора ссуды.

Аналогия закона и аналогия права в практике определения судьбы улучшений имущества, переданного в безвозмездное пользование

Согласно п. 2 ст. 689 ГК РФ для целей определения судьбы улучшений имущества, переданного в безвозмездное пользование (как самих улучшений, так их стоимости), соответственно применяются положения п. 1 и п. 3 ст. 623 ГК РФ. В отношении отделимых улучшений это означает, что при умолчании сторон об ином таковые принадлежат ссудополучателю. В свою очередь, стоимость неотделимых улучшений, если они произведены без согласия ссудодателя, ссудополучателю не возмещаются.

Несмотря на то, что п. 3 ст. 623 ГК РФ снабжен оговоркой «если иное не предусмотрено законом» и может сложиться представление об его императивности, следует поддержать высказанную в науке идею об отсутствии каких-либо серьезных политико-правовых оснований не допускать изменения

данного правила по соглашению сторон (и допускать, к примеру, условия о возмещении стоимости заранее не согласованных улучшений в пределах определенной суммы)[1]. Такое диспозитивное прочтение указанного правила применительно к отношениям ссуды приводит к выводу, что к аналогичному соглашению (об обязательности возмещения ссудополучателю расходов на осуществление произвольных неотделимых улучшений) могут прийти и стороны договора ссуды и что объема их договорной свободы *a fortiori* достаточно для того, чтобы считать правомерными условия о возникновении у ссудополучателя права на компенсацию стоимости улучшений, выполненных с предварительного согласия ссудодателя. Последнее подтверждается судебной практикой, которая и формально, и по существу опирается на принцип свободы договора[2].

Поскольку п. 2 ст. 689 ГК РФ указывает на соответственное применение к договору безвозмездного пользования именно п. 1 и п. 3 ст. 623 ГК РФ и не упоминает п. 2 в контексте юридической судьбы улучшений имущества, переданного в безвозмездное пользование, остается открытым вопрос, возникает ли у ссудополучателя, осуществившего согласованные ссудодателем улучшения объекта ссуды, право на компенсацию их стоимости, если соответствующее условие договором не предусмотрено[3].

С одной стороны, едва ли можно заподозрить законодателя в случайном невключении п. 2 ст. 623 ГК РФ в число соответственно применимых к ссуде. В отличие от ГК РСФСР, который применительно к безвозмездному пользованию (ст. 342) отсылал ко всем частям ст. 293, в том числе к генеральной норме о праве нанимателя на возмещение произведенных для цели улучшения используемого по договору имущественного найма имущества необходимых расходов, если улучшения осуществлялись с разрешения наймодателя, современный ГК РФ

---

[1] Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9. С. 6–106.

[2] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 13.08.2014 № А46-29816/2012; Постановление АС Волго-Вятского округа от 22.01.2021 № Ф01-15132/2020.

[3] Простое рассуждение «если при отсутствии согласия ссудодателя на улучшения их стоимость не возмещается, то, следовательно, при наличии такого согласия–возмещается» было бы логической ошибкой *non sequitur* (не следует, не вытекает).

намеренно изъял из числа применимых к договору суды арендных правил норму о возникновении у ссудополучателя аналогичного права на компенсацию. Соответственно, вполне можно помыслить, что законодатель прозрачно намекнул на презюмируемое отсутствие такого права, что означает отсутствие пробела и недопустимость применения п. 2 ст. 623 ГК РФ по аналогии. Отказывая ссудополучателям в иске о компенсации стоимости неотделимых улучшений объекта ссуды, суды акцентируют внимание, что для подтверждения права на компенсацию ссудополучатель должен доказать факт принятия ссудодателем на себя обязательства по ее выплате[1]. В судебной практике обнаруживается позиция, при которой констатируется невозможность применения к ссудным отношениям нормы п. 2 ст. 623 ГК РФ по аналогии, поскольку эта норма регулирует арендные отношения, имеющие возмездный характер, в то время как спор возник при использовании имущества на безвозмездной основе[2].

С другой стороны, невозможность соответственного (т.е. прямого) применения п. 2 ст. 623 ГК РФ к ссуде сама по себе автоматически не исключает ее использования для преодоления пробела через аналогию закона. Поэтому не исключено и то, что законодатель осознанно оставил рассматриваемый вопрос неопределенным, имея в виду необходимость включения для его разрешения аналогии, известной своей способностью активизировать правоприменительный потенциал основных начал гражданского законодательства (когда конкретные обстоятельства частных отношений действующими нормативными актами не охватываются и нормы «не включаются» в работу[3]). Некоторые суды придерживаются именно такого подхода, считая отношения при улучшении объектов аренды и объектов ссуды, достаточно схожими, что позволяет применять п. 2 ст. 623 ГК РФ в порядке аналогии и указывать, что стоимость неотделимых улучшений, произведенных ссудополучателем за свой счет с согласия ссудодателя, после прекращения договора подлежит возмещению ссудодателем[4].

---

[1] Постановление АС Московского округа от 09.12.2019 № Ф05-19341/2019.
[2] Постановление ФАС Уральского округа от 26.03.2009 № Ф09-574/09-С6.
[3] Фетисов А.К. Справедливость–принцип отправления правосудия. Часть первая: справедливость в ординарном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 4. С. 31–35.
[4] Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 21.09.2010 № А03-10658/2009; Определение ВС РФ от

Имея в виду, что ст. 695 ГК РФ по умолчанию возлагает на ссудополучателя обязанность осуществлять все виды ремонта вещи, полученной в безвозмездное пользование, включая капитальный ремонт, что объективно (вне зависимости от его воли) подталкивает его к осуществлению неотделимых улучшений, было бы несправедливым автоматически лишать ссудополучателя права на возмещение понесенных расходов, а потому аналогическое применение п. 2 ст. 623 ГК РФ представляется принципиально допустимым, чему явное различие аренды и ссуды по признаку возмездности не противоречит.

Другое дело, что аналогия хотя и является естественным средством пытливого ума, но может привести как истинным, так и ошибочным результатам[1]. Поэтому в конкретной ситуации применение аналогии закона и внедоговорное возложение денежного обязательства на ссудодателя, облагодетельствовавшего ссудополучателя безвозмездным имущественным предоставлением, с учетом существа, качества произведенных улучшений, а также с учетом обстоятельств, обусловивших передачу вещи именно в безвозмездное пользование, может оказаться несправедливым (справедливость выражается не просто в имущественном, а в нравственно обоснованном равновесии[2]).

Изложенное приводит к общему выводу, что сама по себе безвозмездность договора ссуды не препятствует применению к возникающим из него отношениям норм о возмездном договоре аренды в порядке аналогии и что намеренно созданная законодателем неопределенность может быть преодолена при помощи аналогии закона, но если установленные судом фактические обстоятельства дела укажут на противоречие правила п. 2 ст. 623 ГК РФ существу конкретного спора видится необходимым прибегнуть к аналогии права (п. 2 ст. 6 ГК РФ) определив права и обязанности ссудодателя и ссудополучателя с опорой на общие начал и смысл гражданского законодательства.

Последовательное применение данного вывода позволит, в частности,

---

26.11.2019 № 32-КГ19-38, 2-245/2018.

[1] Steven R.E. Limitations of the Analogy // The International Journal of Electrical Engineering & Education. 1976. Vol. 13. Iss. 3. P. 197–201.

[2] Романец Ю.В. Возмещение стоимости неотделимых улучшений арендованного имущества (по материалам судебной практики) // Гражданское право. 2017. № 3. С. 26–28.

справедливым и разумным образом казуально восполнить еще один пробел в правовом регулировании ссудных отношений, который заключается в умолчании законодателя о том, обязана ли сторона, получившая в безвозмездное пользование недвижимость, оплачивать использование земельного участка, на котором располагается объект ссуды. В судебной практике можно встретить акты, отвергающие применение для преодоления данной неопределенности в порядке аналогии закона нормы п. 2 ст. 654 ГК РФ, презюмирующей включение в установленную в договоре аренды плату за пользование арендованным зданием или сооружением платы за пользование земельным участком, на котором оно расположено, или передаваемой вместе с ним частью участка[1]. Формально ссылаясь на принцип платности землепользоания, придерживающиеся такой позиции суды, по всей видимости, усматривают противоречие п. 2 ст. 654 ГК РФ безвозмездности договора ссуды и принципиальному отсутствию в нем условия о плате за использование вещи. Однако с таким подходом, лишающим договор безвозмездного пользования недвижимостью признака безвозмездности и не позволяющим ссудополучателю получить именно то, на что он мог бы рассчитывать как всякий добросовестный ссудополучатель, согласиться нельзя. Думается, что возможное и необходимое аналогическое применение п. 2 ст. 654 ГК РФ к соответствующим ситуациям позволяет сформулировать ситуационное правило, согласно которому безвозмездность использования недвижимости (при отсутствии договоренности об ином) включает и отсутствие обязанности вносить плату за пользование земельным участком, на котором она расположена.

Таким образом, под невозможностью использования аналогии закона как условия применения аналогии права необходимо считать не только отсутствие аналогичных спорным отношений и регулирующих их норм, но и случаи, когда использование аналогии закона не позволит обеспечить следование основным началам частноправового регулирования.

[1] Постановление АС Уральского округа от 16.01.2019 № Ф09-7850/18.

Глава 3. Аналогия в правовом регулировании частноправовых отношений, складывающихся в семейной сфере

§ 1. Аналогия закона и аналогия права в практике преодоления неопределенности основных категорий семейного права

Вполне естественно, что для семейного права одной из ключевых считается категория семьи, которая пронизывает семейно-правовое регулирование и используется в формулировках многих норм СК РФ[1]. Однако семейное законодательство не только не содержит легальной дефиниции понятия «семья», но и не позволяет считать в полной мере нормативно решенным вопрос о круге попадающих в состав семьи родственников и иных близких лиц.

Если в отношении возможности и необходимости законодательного закрепления понятия «семья» ученые однозначного ответа не дают (одни считают, что оно востребовано как практически, так и теоретически, полагают его введение «логичным»[2], «целесообразным»[3] и призывают внедрить в понятийный ряд СК РФ «сей же час»[4]; другие указывают, что понятие «семья» не может иметь четкого и незыблемого содержания[5], видят «логичным» отсутствие его легальной дефиниции, поскольку семья неправосубъектна[6], и сомневаются в способности законодателя сформулировать такое «интуитивное» понятие[7]), то едва ли могут быть сомнения в том, что семейное законодательство не только может, но и должно обеспечить четкое представление о том, кто такие члены семьи и родственники,

---

[1] Касаткина А.Ю. Семья в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 5. С. 7–9.

[2] Шершень Т.В. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 14–17.

[3] Левушкин А.Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57.

[4] Тарусина Н.Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex russica. 2020. № 4. С. 21–33.

[5] Крашенинников П.В., Бадулина Е.В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 19–24.

[6] Трофимец И.А. К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 20–23.

[7] Семейное право: Учебник / Под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Автор главы – Б.М. Гонгало.

путем закрепления системы соответствующих критериев[1] или создания перечня.

Аналогия в практике правовой квалификации семьи и членов семьи

Особое значение достижение семейно-правовой однозначности в этом вопросе обретает в случаях, когда установление юридической связи гражданина с семьей предопределяет его правовой статус в иных отраслях. В подтверждение этого можно привести следующий пример.

Д. обратился в суд с заявлением о признании его и Л. членами семьи. Установление данного факта имело для Д. юридическое значение, поскольку давало ему право на льготу по налогу на доходы, полученные в дар от членов семьи. Заявление мотивировано тем, что Л. (даритель) состоит в браке с матерью заявителя (одаряемого) и является его (Д.) отчимом, все трое длительное время совместно проживали в двухкомнатной квартире, оставшейся у матери заявителя после расторжения первого брака, отношения поддерживали ровные, доброжелательные, характерные для хороших семей, отчим, хотя и не усыновил ребенка супруги, воспитывал его как сына. Однокомнатную квартиру, выступившую объектом дарения, Л. приобрел по договору участия в долевом строительстве. Решение о подарке было принято на семейном совете и видится разумным для обеспечения Д. условий создания новой семьи.

Предоставляя налоговую льготу по доходам, полученным в порядке дарения между членами семьи и (или) близкими родственниками, п. 18.1 ст. 217 НК РФ, устанавливает, что круг этих лиц определяется в соответствии с СК РФ. При этом необходимая родственная близость налоговой нормой очерчивается, а вопрос о том, кого, кроме ближайших родных, в целях налогообложения следует признавать членами семьи, остался открытым, причем в семейном законодательстве определение понятия члена семьи также отсутствует.

Для преодоления обнаруженного правового пробела возникла потребность поиске сходных отношений, урегулированных законом, для применения аналогии.

Поскольку Л. постоянно проживал в приватизированной женой и ее сыном

[1] Лебедева О.Ю. Юридическая категория «родство» в современном семейном праве // Семейное и жилищное право. 2013. № 3. С. 21–24.

квартире, суд усмотрел сходство спорных отношений с жилищными отношениями собственников и членов их семей. Соответственно, суд обратился к легальному определению члена семьи, которое в ЖК РФ дифференцировано применительно к собственнику (ст. 31) и нанимателю (ст. 69) жилого помещения. Согласно ст. 31 ЖК РФ лица, не являющиеся супругами, детьми или родителями собственника жилого помещения, могут быть признаны членами его семьи, если они вселены собственником именно в этом качестве. На основании объяснений заявителя и свидетельских показаний суд установил, что Л., вступивший в брак с матерью Д., поселился в квартире, сособственником которой является Д., как член семьи Л., жил в ней на протяжении многих лет и фактически стал вторым отцом заявителя, и в результате Д. и Л. были признаны судом членами семьи[1].

Разделяя мнение, что вне зависимости от того, какое бы содержание ни вкладывалось в понятие «семья», в любом случае речь идет о некоей общности[2], что при разной степени длительности и постоянства семейных отношений главное, чтобы в них имело место соединение имущества и (или) личных усилий[3], и осознавая, что предоставляемая налоговым законом льгота по доходам, полученным в дар от членов семьи, предопределяется презумпцией той самой общности экономической базы семьи (включая совместное проживание и ведение общего хозяйства), указанное судебное решение и примененную судом аналогию следует поддержать. При этом подкрепление правомерности проанализированного судебного акта можно усмотреть в том, что СК РФ хотя и не определяет понятие «отчим»[4], расположение нормы об обязанности пасынков и падчериц содержать отчима и мачеху (ст. 97) в гл. «Алиментные обязательства других членов семьи» прямо указывает, что отчим, мачеха, пасынки и падчерицы входят в состав семьи (являются «другими» членами семьи помимо супругов, родителей, детей, усыновителей и усыновленных).

---

[1] Решение Тогучинского районного суда Новосибирской области от 26.01.2010 № 2-194.

[2] Зыков С.В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 189–208.

[3] Иванов А.А. Переосмысливая отношения между родителями и детьми // Закон. 2023. № 2. С. 110–119.

[4] Считается, что это было бы «излишним» (см.: Телегин Р.Е. Правовое положение отчима и мачехи по законодательству Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 36–39).

Вместе с тем, в практике встречается иной, строго формальный подход, не допускающий аналогию закона к определению круга членов семьи и (или) близких родственников в контексте налогообложения.

В частности, в схожем деле было отказано в признании членами семьи прабабушки и родного правнука по прямой линии, несмотря на то, что они проживают вместе одной семьей, сообща ведут домашнее хозяйство, совместно оплачивают коммунальные услуги, заботятся друг о друге. Опираясь на ст. 14 СК РФ, в которой понятие «близкие родственники» для целей недопущения кровосмесительных браков истолковано исчерпывающе как «родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушки, бабушки и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры», и учитывая то, что это толкование не упоминает прабабушек, прадедушек (правнуков и правнучек), суд заключил, что прабабушка и правнук не являются близкими родственниками. При этом, сославшись на ст. 2 и 93 – 97 СК РФ, суд ограничил перечень членов семьи супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а других членов семьи – сестрами, братьями, внуками, дедушками, бабушками, пасынками и падчерицами, отчимом и мачехой, отвергнув для признания заинтересованных лиц членами семьи их родство (хотя и не близкое в трактовке данного суда), совместное проживание, взаимную заботу и уважение, доверительные отношения, ведение общего бюджета[1].

Такую ограничительную позицию поддержать нельзя. С одной стороны, отрицание близкой степени родства правнуков (правнучек) с прадедушками (прабабушками) создает видимость допустимости браков между такими «неблизкими» родственниками, что само по себе абсурдно. С другой стороны, ограничение (недопущение налоговой льготы в стремлении пополнить бюджет) обессмысливается тем, что легко и правомерно преодолевается применением «ступенчатого» дарения: правнуком бабушке, а затем ею прабабушке.

Следует отметить, что аналогический поиск судом нормативных «подсказок» выявления юридического смысла отсутствующего в семейном законодательстве

[1] Определение Алтайского краевого суда от 30.05.2017 № 33-5780/2017.

понятия «семья» оказывается необходим не только для определения правового статуса членов семьи, но и для выбора режима семейного имущества. В этом контексте интерес представляет ситуация, когда неясность семейно-правовых категорий «семья» и «член семьи» была казуально восполнена судом именно с применением аналогии: суд признал сходство спорных отношений с отношениями, урегулированными в ст. 1 ФЗ от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»[1], согласно которой «семья – это лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство»). Суд счел очевидным, что ведение совместного хозяйства членами семьи предполагает не только общее жилое пространство, взаимоуважение и заботу друг о друге, но и совместное (в большей степени в интересах малолетних детей и престарелых родителей) распределение материальных благ, кому бы из членов семьи они юридически не принадлежали[2]. Поскольку осуществление семьей экономической функции так или иначе включается практически в каждый вариант дефиниции семьи[3], постольку обращение суда по аналогии к легальному понятию, определяющему семью для целей установления среднедушевого семейного дохода и формирования условий и порядка оказания социальной поддержки малоимущим семьям, видится обоснованным.

Попытки сглаживания с использованием аналогии справедливо критикуемого в науке несовершенства семейного законодательства в части неопределения семьи как базовой отраслевой категории[4], в том числе для признания либо непризнания лица членом семьи, суды, как правило, сопровождают отслеживанием отраслевой принадлежности спора. В качестве иллюстрации можно привести пример адекватного отказа судом в применении ст. 5 СК РФ для признания несовершеннолетнего иждивенца членом семьи по аналогии закона.

Гражданка обратилась в суд с иском к Пенсионному фонду РФ о признании

---

[1] СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.

[2] Решение Ловозерского районного суда Мурманской области от … (данные изъяты) № 2-№ … (данные изъяты).

[3] Мананкова Р.П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 26–41.

[4] Мерзлякова И.С. К вопросу о несовершенстве семейного законодательства Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 10–16.

ее несовершеннолетнего сына С. членом семьи умершего Б. и взыскании пенсии по утрате кормильца. Истица указала, что состояла в фактических брачных отношениях с Б., проживала с ним и своим ребенком от первого брака С., а также с родившимся позднее совместным сыном И., вела общее хозяйство с фактическим супругом, содержавшим и воспитывавшим обоих детей. После смерти Б. его родному сыну И. была назначена пенсия по случаю утраты кормильца, а в назначении такой пенсии С. отказано по причине отсутствия семейных отношений с умершим. Истица посчитала отказ необоснованным, полагая необходимым применить аналогию закона для признания С. как нетрудоспособного иждивенца членом семьи умершего. По мнению истицы, понятие «иждивенец» гораздо более емкое и широкое, чем понятие «член семьи», поскольку в правовом смысле подразумевает больше прав и обязанностей.

Ответчик исковые требования не признал, пояснив, что на основании ФЗ от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»[1] право на пенсию по случаю потери кормильца наравне с родными детьми имеют пасынок и падчерица, если они находились на воспитании и содержании умершего отчима или мачехи, но этот вид семейных отношений предполагает наличие зарегистрированного брака между супругами, имеющими в семье не являющихся общими неусыновленных детей.

Суд согласился, что юридическим фактом, в силу которого возникают правовые статусы «отчим», «мачеха», «пасынок», «падчерица», выступает регистрация брака. Поскольку истица и Б. в зарегистрированном браке не состояли, С. не считается пасынком умершего и у него, независимо от нахождения на иждивении умершего, не может возникнуть право на назначение пенсии по потере кормильца наравне с родным ребенком умершего. В результате суд пришел к выводу, что ст. 5 СК РФ не подлежит применению при рассмотрении заявленных требований. Возникшие между сторонами отношения урегулированы нормами пенсионного, а не семейного законодательства[2].

В данном случае суд верно установил, что спорные отношения не входят в

[1] СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6965.
[2] Решение Суда района им. Лазо Хабаровского края от 14.07.2015 № 2-164/2016.

предмет семейного права, в силу чего пришел к обоснованному выводу об отсутствии необходимого условия для применения семейного законодательства по аналогии. Положительной оценки заслуживает и то, что суд не просто отверг ссылку на ст. 5 СК РФ, а раскрыл фактическое стремление заявителя использовать семейно-правовые начала гуманности, разумности и справедливости для недопустимого расширительного толкования понятий «отчим», «мачеха», «пасынок» и «падчерица». Поскольку пенсионное законодательство исчерпывающе определяет круг иждивенцев, имеющих право на обеспечение при потере кормильца, ставя возникновение соответствующего права в зависимость от наличия названной в законе связи иждивенца и умершего, постольку исключительно при реализации законодателем идеи переосмыслить текущий подход и нормативно гарантировать пенсионную поддержку каждому потерявшему кормильца лицу, не связывая эту гарантию с обязательным наличием родственных (или брачных) отношений иждивенца и кормильца[1], станет возможным признание субъектом спорного права ребенка женщины, состоящей в фактических брачных отношениях с участвовавшим в содержании ребенка лицом.

Аналогия в практике преодоления неопределенности понятия свойства

Очерчивая круг субъектов регулируемых семейным законодательством отношений, СК РФ указывает на три основные группы: члены семьи, другие родственники и иные лица. К числу последних доктрина традиционно относит свойственников. Однако в отличие от кодифицированных актов ряда стран ближнего зарубежья, зафиксировавших понятие и признаки свойства (ст. 3.136 ГК Литвы, ст. 59 СК Узбекистана)[2] российское семейное законодательство не регламентирует достаточно четко ни понятие, ни перечень, ни статус свойственников[3], что можно считать еще одним значимым пробелом в нормативно-правовой квалификации основных категорий семейного права.

---

[1] Азарова Е.Г. Пенсионное обеспечение детей, потерявших кормильца: особенности правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 112–127.

[2] См. подробнее: Рабец А.М. Правовое регулирование отношений свойства на постсоветском пространстве // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 19–21.

[3] Каймакова Е.В. Актуальные вопросы правового положения свойственников в семейных отношениях // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 14–17.

Имел место случай, когда, столкнувшись с указанной правовой пробельностью, суд посчитал, что отношения родства и свойства могут быть раскрыты с использованием аналогии закона.

Инспекция ФНС РФ обратилась в суд с иском о взыскании с Х. суммы неосновательного обогащения, котроую Х. получила из бюджета, воспользовавшись правом на вычет НДФЛ. По мнению истца, договор купли-продажи квартиры, явившийся основанием для вычета, был заключен между взаимозависимыми лицами, поскольку продавцом выступила У. – мать супруга Х. Согласно ст. 20 НК РФ взаимозависимыми для целей налогообложения признаются лица, отношения между которыми могут оказывать влияние на условия или экономические результаты их деятельности, в том числе если они состоят в соответствии с семейным законодательством в брачных отношениях, отношениях родства или свойства, усыновителя и усыновленного, а также попечителя и опекаемого.

В отсутствие легального определения понятия свойства суд признал сходство спорных налоговых отношений с отношениями, возникающими в связи с государственной гражданской службой, поскольку ее несение не должно быть искажено стремлением «порадеть родному человечку». В целях противодействия протекционизму, основанному на семейных связях, п. 5 ч. 1 ст. 16 ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[1] устанавливает, что в отношениях близкого родства или свойства состоят родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей. При этом суд не просто сослался на наличие свойства невестки Х. и ее свекрови У., но показал влияние этой семейной связи на определение цены сделки. Последняя была существенно завышена по сравнению с рыночными ценами, что и позволило Х. претендовать на возврат из бюджета значительной суммы денег. В результате иск инспекции был удовлетворен[2].

Несмотря на то, что действительно можно утверждать о наличии семейно-

[1] СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
[2] Решение Октябрьского районного суда города Красноярска от 22.08.2013 № 2-1165/2013.

правового пробела определении свойства и круга свойственников, в данном случае установить нахождение невестки Х. и ее свекрови У. в свойстве можно было бы и без обращения к аналогии закона. Так, невестки и свекрови прямо поименованы в разд. 11 «Родство, свойство» Общероссийского классификатора информации о населении ОК 018-2014 (принят Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2019-ст). Другое дело, что отыскание судом схожего со спорным отношения и выявление прямо регулирующей его нормы позволило раскрыть цель нормативного воздействия (воспрепятствование установлению цены сделки «по-свойски» исключительно для завышения суммы налогового вычета) и при помощи аналогии, обладающей существенным потенциалом правовой аргументации и объяснения правовых явлений[1], обеспечить принятому решению дополнительную мотивированность и обоснованность.

Практика аналогической квалификации понятия неполной семьи

Семейное законодательство не содержит определения понятия «неполная семья», а по тому при применении нормативных актов налоговой[2] либо социальной[3] поддержки семей с особыми потребностями (включая молодых и неполных) возникают затруднения. В частности, Положение о порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия на ребенка, утв. Постановлением Администрации Кемеровской области от 23.12.2004 № 270, устанавливает повышенный размер пособия на детей из неполных семей, но не определяет понятия неполной семьи. Это явилось поводом к следующему спору.

Гражданка обратилась в суд с иском о признании незаконным решения об отказе в назначении ежемесячного пособия на ребенка из неполной семьи. Требования мотивированы тем, что истица проживает в квартире своих знакомых с двумя несовершеннолетними детьми без мужа, брак с которым расторгнут. В свою очередь, возражение ответчика основывалось на отсутствии подтверждения о снятии бывшего мужа с регистрационного учета по адресу, по которому

[1] Juthe A. Argument by analogy // Argumentation. 2005. 19 (1). P. 1.
[2] Журавлева О.О. Налогово-правовые меры поддержки семей // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 92–105.
[3] Корсаненкова Ю.Б. Право социального обеспечения и семейное право: межотраслевые связи // Социальное и пенсионное право. 2020. № 4. С. 22–27.

зарегистрированы как постоянно проживающие истица и ее дети.

В целях преодоления пробела в части отсутствия нормативного определения неполной семьи суд признал отношения, возникающие в связи с социальной защитой молодых семей, сходными с анализируемыми по предмету спора. Это позволило сослаться на Типовое положение о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам, проживающим в сельской местности, по ФЦП «Социальное развитие села до 2013 года»[1], и на ст. 1 Закона Кемеровской области от 28.01.2010 № 13-ОЗ «О займах молодым семьям в 2010 – 2015 годах». Указанные акты определяют как неполную семью, которая состоит из одного родителя и совместно проживающих с ним его детей. Суд установил, что семья истицы на момент подачи заявления о назначении пособия может быть признана неполной, поскольку брак истицы расторгнут, совместно с бывшим мужем она не проживала, одна воспитывала детей и осуществляла уход за ними, в связи с чем иск был удовлетворен[2].

Данный казус примечателен тем, какие акты выступили источниками норм для аналогического правоприменения. Так, если буквальное прочтение п. 2 ст. 3 и п. 1 ст. 6 ГК РФ вызывает сложность в решении вопроса о допустимости использования по аналогии источников, не относящихся к числу федеральных законов[3], то ссылка на ст. 5 СК РФ, которая более корректно регламентирует применение в порядке аналогии не семейного и (или) гражданского законодательства, а норм семейного и (или) гражданского права, оправдывает суд в том, что фактически по аналогии оказались примененными Постановление Правительства РФ и Закон Кемеровской области.

Другое дело, что спорные отношения, рассмотренные судом, как и примененные нормативные акты не являются частными, и семейное право тут не при чем. Возможно, суду следовало обратиться к ГОСТу Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание

---

[1] Постановление Правительства РФ от 03.12.2002 № 858 // СЗ РФ. 2002. № 49. Ст. 4887.
[2] Решение Юргинского городского суда Кемеровской области от 14.07.2015 № 2-1712/2015.
[3] Микрюков В.А. Проблема применения по аналогии подзаконных актов, содержащих нормы гражданского права // Восьмой пермский конгресс ученых-юристов: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова; Перм. Гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 106–109.

населения. Термины и определения (утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст), в п. 2.4.2 которого неполная семья определена как семья, в которой детей или ребенка воспитывает один из родителей. Учитывая, что данная дефиниция закреплена стандартом в разделе 2.4 о категориях клиентов социальной службы, такой признак неполной семьи, как неучастие одного из родителей в воспитании ребенка, вполне соответствует цели включения неполной семьи в сферу внимания подразделений социальной защиты населения, а примененная судом формулировка оказывается адекватной сути спора.

Практика преодоления неопределенности основных семейно-правовых понятий посредством аналогии права

В стремлении удовлетворить экономический интерес граждане при отсутствии легального семейно-правового понятия семьи стремятся не только причислить себя к семье, но и отмежеваться от семей своих близких. В таких ситуациях в случае спора суд может столкнуться с тем, что применение аналогии закона невозможно и требуется прибегнуть к более сложной и творческой аналогической стадии правоприменения – аналогии права.

В качестве наиболее показательного можно привести дело, в котором суд на основе ст. 5 СК РФ счел возможным определить понятие члена семьи исходя из общих принципов семейного, гражданского и жилищного законодательства.

М.М. обратилась в суд с иском к А.В. (своей дочери) о признании ее (истицы) отдельной семьей от семьи ответчицы и несовершеннолетнего ребенка последней (внука истицы). К участию в деле в качестве третьего лица привлечено Управление Министерства социального развития по г. Перми. Установление статуса отдельной семьи необходимо истице для получения субсидии на оплату коммунальных услуг. Третье лицо отказало М.М. в предоставлении субсидии, поскольку в принадлежащей ей на праве собственности квартире зарегистрированы в качестве постоянно проживающих ответчица и ее сын, а субсидия назначается исходя из дохода собственника квартиры с учетом доходов членов его семьи. Однако М.М. настаивала на том, что дочь и внук в ее квартире фактически не проживают, совместное хозяйство с ней не ведут, оплату жилищно-коммунальных услуг не

производят, постоянно проживают с мужем ответчицы в его квартире, в которой зарегистрированы по месту пребывания.

Постановлением Правительства РФ от 14.12.2005 № 761 «О предоставлении субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг»[1], предусматривающее условия субсидирования, не разъясняет, кого следует признавать членами семьи претендующего на субсидию собственника.

При отсутствии в нормативно-семейного определения можно было бы обратиться в порядке аналогии к жилищному законодательству (легальное определение понятия членов семьи собственника жилого помещения имеется в ст. 31 ЖК РФ, где требования ведения совместного хозяйства для установления состава семьи не содержится). Однако суд не применил положения ст. 31 ЖК РФ в буквальном истолковании. Исходя из общих принципов семейного, гражданского и жилищного законодательства суд посчитал, что независимо от характера хозяйствования членами семьи должны бесспорно признаваться только супруг и несовершеннолетние дети собственника жилого помещения. Для отнесения к членам семьи других граждан надо учитывать внутрисемейные отношения: наличие совместного хозяйства, общего бюджета, своевременной и непосредственной взаимопомощи и взаимной поддержки. Констатировав отсутствие указанных признаков в отношениях истицы и ответчицы, суд вынес решение о признании истицы и ответчицы с сыном отдельными семьями.

Как видно, суд отказался от применения формального подхода к разрешению спора, обеспечив при помощи аналогии прямое действие правовых принципов, которые позволяют воспринимать частное законодательство фактически «беспробельным»[2]. Установив отсутствие характерной для понимания семьи экономической общности и взаимной материальной поддержки членов спорной социальной группы, суд справедливо допустил, что соответствующая материальная поддержка истицы как самостоятельной семьи со стороны

[1] СЗ РФ. 2005. № 51. Ст. 5547.
[2] Кожокарь И.П. Неполнота правовой регламентации как дефект системы российского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 82–87.

государства может быть оказана путем субсидирования[1].

Способность аналогии права выступать каналом прямого действия гражданско-правового принципа добросовестности и семейно-правового принципа гуманности наглядно проявляется в ситуации, связанной с выяснением наличия или отсутствия права пользования жилым помещением лицами, утратившими семейные узы: действия бывшего мужа, обратившегося в суд с иском к бывшей жене о вселении в приватизированную ею квартиру без намерения реализовать свое право на проживание в ней, а с целью получения компенсации за отказ от этого права, суд расценил как злоупотребление правом и в иске отказал[2].

Подсвечивая признаваемую в науке значимость соблюдения пределов реализации семейно-правовых возможностей и их осуществления в соответствии с определенным законом предназначением[3], суд оценил исковое требование как нарушающее указанный предел. При разрешении дела суд прямо опирался на принципы гуманности, разумности, справедливости и добросовестности, на основании которых со ссылкой на ст. 5 СК РФ определил права и обязанности спорящих[4]. Думается, что это решение отражает правильное положение, что принцип добросовестности имеет общеправовое значение и должен работать не только в гражданско-правовой сфере, но и при регулировании жилищных и семейных отношений[5], особенно когда спор возникает на стыке данных отраслей права. В этом смысле подтверждается идея о том, что отсутствие добросовестности среди принципов, перечисленных в ст. 1 СК РФ, отнюдь не означает невозможность его применения к семейно-правовым отношениям[6].

В некоторых случаях обращение суда к аналогии выглядит неуместным

---

[1] Решение Ленинского районного суда города Перми от 17.01.2018 № 2-501/18 (2-5649/17).
[2] Решение Ленинского районного суда города Кирова от 24.01.2017 № 2-350/2018.
[3] Ульянова М.В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 658–682.
[4] К слову, такое непосредственное применение судом принципов гражданского и семейного права в порядке аналогии права соответствует современному толкованию норм ЖК РФ, согласно которому гражданин, отказавшийся от участия в приватизации квартиры, хотя и сохраняет бессрочное право пользования этим жилым помещением, может его утратить в случае выезда в другое место жительства, т.е. в случае фактического отказа от пользования жилым помещением (см.: Определение Московского городского суда от 30.07.2019 № 33-29146/2019).
[5] Пискунова Н.И., Беляева Т.А. Принцип добросовестности действий участников в гражданских, семейных и жилищных правоотношениях в рамках исполнения обязательств // Современный юрист. 2019. № 3. С. 53–61.
[6] Алейникова В.В. Принцип добросовестности в семейном праве: сфера применения и пути толкования // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 3–7.

ввиду достаточного объема дискреции, предоставляемого нормами семейного законодательства напрямую, однако в действительности оно подтверждает идею о функционировании основных начал отраслевого законодательства не только при столкновении правоприменителя с эксклюзивным правовым пробелом, но и одновременно с существующими законодательными нормами. В качестве примера использования аналогии права как инструмента обоснования применения правовых принципов можно привести спор об установлении размера алиментов, когда несмотря на трудоустройстово бывшего мужа, обязанного выплачивать алименты на детей, суды удовлеторили требования жены о взысканиии алиментов в твердой денежной сумме, сославшись именно на на ст. 5 СК РФ[1].

Оценивая такую практику, следует указать, что семейное законодательство устанавливает достаточно широкие рамки судебного усмотрения в целях регулирования алиментных отношений и, в частности, предусматривает право суда отступить от правила об исчислении алиментов на детей в долях от заработка или иного дохода родителей и (если взыскание алиментов в долевом отношении невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон) определить размер алиментов в твердой денежной сумме (п. 1 ст. 83 СК РФ). Кроме того, в силу п. 2 ст. 83 СК РФ сам размер твердой денежной суммы определяется судом (по его усмотрению) исходя из максимально возможного сохранения ребенку уровня его обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств. При наличии таких правил обращение суда к аналогии может показаться необоснованным. Однако четкие критерии для выявления возможности назначения алиментов в твердой денежной сумме и для определения размера этой суммы в семейном законодательстве отсутствуют, что все-таки позволяет оправдать появление в приведенной практике ссылок на ст. 5 СК РФ. По всей видимости, именно испытывая потребность в аргументировании того, почему рассматриваемый случай следует расценивать как тот самый «другой случай», нарушающий интересы одной из сторон алиментного отношения, и того, что является основанием для выбора

[1] Определение Высокогорского районного суда Республики Татарстан от 25.09.2015 № 11-12/2015.

конкретного размера алиментов, суды обращаются к ст. 5 СК РФ, указывающей на необходимость придерживаться принципов гуманности, разумности и справедливости. Фактически данная статья обеспечила доступ к непосредственно применяемым принципам семейного права.

В целом поскольку одна из основных задач семейного права состоит в том, чтобы продолжать создавать более эффективные способы обслуживания семей, находящихся в состоянии конфликта[1], использование аналогии права как креативного приема, в котором можно усмотреть прямо не вытекающие из закона защитные механизмы, необходимо поддержать.

Яркий пример определения применимого правила поведения не по конкретным нормам (ввиду отсутствия таковых), а по общему принципу права[2], что позволяет осуществлять защиту семейных прав даже в тех случаях, когда семейное законодательство не предусматривает специальных защитных средств[3], продемонстрировано при разрешении спора о семейном захоронении.

Столкнувшись с действительно уникальной жизненной ситуацией, суд смог избежать «скатывания» к формализму и, опираясь на аналогию права, принял решение, соответствующее отстаиваемой в науке идее о том, что в применении семейного законодательства приоритетной должна быть защита «слабых» субъектов, в интересах которых возможно некое «игнорирование» других принципов[4]. Так, гражданка обратилась с иском к своему сыну о перерегистрации с него на себя родственного захоронения умершего мужа (отца ответчика), что позволило бы истице принять решение о погребении своего тела в могилу мужа. Исковые требования мотивированы наличием между сторонами конфликта, связанного с фактом уголовного преследования ответчика, его письменным отказом на просьбу сестры оформить захоронение на мать, а также с несением истицей расходов на уход за захоронением (установка новой ограды).

---

[1] Lande J. The Revolution in Family Law Dispute Resolution // Journal of the American Academy of Matrimonial Lawyers. 2012. Vol. 24. P. 411.

[2] Damele G. Analogia Legis and Analogia Iuris: An Overview from a Rhetorical Perspective // Ribeiro H. (eds.). Systematic Approaches to Argument by Analogy. Argumentation Library. 2014. Vol. 25. P. 243–256.

[3] Елисеева А.А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 82–89.

[4] Кулаков В.В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 16–20.

Хотя семейное законодательство и законы о похоронном деле оставляют рассматриваемую практику без опорных правовых категорий, не регулируют указанные личные неимущественные отношения членов семьи, суд не нашел разумных объяснений отказу ответчика в перерегистрации захоронения на мать и для обеспечения права последней на случай ее смерти быть похороненной с мужем удовлетворил ее иск[1], продемонстрировав прямое включение принципов обеспечения приоритетной защиты прав и интересов нетрудоспособных членов семьи, гуманности и справедливости в регулирование семейных отношений.

§ 2. Пределы аналогии в правовой квалификации имущественных последствий фактических брачных отношений и определении правового режима имущества супругов

В настоящее время юридическая практика обнаруживает активное отклонение от традиционного консервативного подхода к правовому восприятию брачно-семейных отношений[2]. Во всем мире семьи становятся все более «текучими», а семейное поведение все чаще происходят вне формально-правовых структур[3]. В России также возрастает число мужчин и женщин, предпочитающих совместную семейную жизнь без регистрации брака и «лишних формальностей»[4].

Недопустимость аналогии законного режима имущества супругов и немаритальных сожителей

В доктрине установлено, что фактическим брачным отношениям свойственны «практически все» характеристики брака, закрепленные в СК РФ, за исключением государственной регистрации[5]. Считается, что по содержанию отношений и распределению ответственности данный тип союзов «практически не

[1] Решение Химкинского городского суда Московской области от 22.03.2018 № … (данные изъяты).
[2] Черных А.В. Актуальные вопросы правового регулирования форм совместного проживания // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 30–32.
[3] Fineman M.A. Progress and Progression in Family Law // The University of Chicago Legal Forum. 2004. P. 1–25.
[4] Альбиков И.Р. Взаимоотношения совместно проживающих лиц // Семейное и жилищное право. 2010. № 4. С. 6–8.
[5] Левушкин А.Н. Фактические брачные правоотношения: объективная реальность и необходимость правового регулирования // Современное право. 2014. № 3. С. 65–67.

отличим» от брака[1]. Более того, если речь идет о добровольном долговременном сожительстве достигших брачного возраста разнополых дееспособных лиц, которые не относятся к числу граждан, браки между которыми не допускаются (ст. 14 СК РФ), и при этом такое социальное партнерство сопряжено с объединением материальных и духовных ресурсов, основано на чувствах взаимного уважения и любви, нацелено на ведение семейной жизни и рождение детей, то, не беря в расчет формальный признак государственной фиксации, следует признать полную аналогичность подобного союза с законными брачными отношениями.

Однако для российского семейного права установка на юридическое признание только зарегистрированных браков является принципиальной. Формулировки п. 2 ст. 1 и п. 2 ст. 10 СК РФ исключают сомнения, что даже максимально широкое и глубокое сходство брака и «бракообразных» фактических союзов сожителей не допускает применение к последним режима брака. Законодатель не просто «не видит»[2] отношения в рамках не зарегистрированных браков, а осознанно не желает их видеть и намерено квалифицирует как внебрачные. В силу этого пробел в нормативной идентификации «бракоподобных» союзов как условие для применения к ним норм института брака по аналогии отсутствует. Более того, отсутствие специального семейно-правового механизма, регулирующего фактические брачные отношения (в частности, их имущественную составляющую), не приводит к пробельности отношений, возникающих в спорах об имуществе, нажитом квазисупругам. Существующий гражданско-правовой режим общей долевой собственности, применимый к экономическому взаимодействию сожителей, позволяет судам законным и справедливым образом определить их права и обязанности. При этом обращение субъектов таких споров к ст. 5 СК РФ и использование ими аналогии в качестве средства обоснования позиции по делу хотя и подтверждает идею о том, что доводы по аналогии весьма характерны именно для правовой аргументации в ходе конфликта[3], и что

[1] Смышляева О.В. Фактические брачные отношения как альтернатива браку в Российской Федерации: теория и практика применения // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 23–27.
[2] Ламейкина Е.Ю. Проблемы правового регулирования фактических брачных отношений // Семейное и жилищное право. 2013. № 1. С. 5–8.
[3] Lamond G. Precedent and Analogy in Legal Reasoning // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2016 Edition)

обращение к аналогии закона выступает одним из существенных факторов эффективности судебной риторики[1], фактически являются ненадлежащей попыткой «включить» для себя выгодный в контексте спора режим совместной собственности супругов обходным путем.

В качестве подтверждения изложенного можно привести казус, в котором суд счел аналогическое применение положений семейного законодательства к отношениям сожительства противоречащим закону.

М.Н.Т. обратилась с иском к Р.Р.Г. о компенсации расходов на оплату коммунальных услуг. Иск мотивирован тем, что стороны в течение продолжительного времени сожительствовали, но расходы на содержание жилья несла только истица. Судья удовлетворил иск в полном объеме. Однако Р.Р.Г. подал апелляционную жалобу, в которой просил решение отменить, поскольку сложившиеся между сторонами фактические брачные отношения подразумевали совместное ведение хозяйства, т.е. приобретение на общие средства питания, одежды, оплату услуг и содержание жилья. Ответчик утверждал, что он ежемесячно выделял деньги на нужды семьи, а истица, производя коммунальные платежи, просто ставила в квитанции свою подпись. За счет личных средств по причине их недостаточности она вообще не смогла бы оплачивать проживание в квартире. По мнению ответчика, в силу ст. 5 СК РФ на возникшие между ним и истицей правоотношения должны быть распространены по аналогии нормы семейного права, и поэтому понесенные расходы следует рассматривать как совместные, т.е. произведенные за счет средств общего имущества.

Апелляционный суд исходил из того, что применение аналогии по ст. 5 СК РФ допустимо только при отсутствии норм семейного и гражданского права, прямо регулирующих спорные отношения. При этом гражданское право устанавливает для имущественных отношений сожителей режим общей долевой собственности. Не найдя подтверждения в судебном заседании передачи истице ответчиком денежных средств, суд признал взыскание с ответчика расходов на содержание

/ Edward N. Zalta (ed.). URL: https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/legal-reas-prec/.

[1] Седелиус Н.Н. О некоторых социально-психологических и организационных аспектах судебной риторики // Мировой судья. 2024. № 6. С. 33–37.

жилья и оплату коммунальных услуг правомерным[1].

В науке аргументирована позиция, что в случае фактического супружества *de-facto* образуется семья, а потому право не может относиться безразлично к объективно существующим жизненным реалиям и должно предоставлять защиту и адекватное правовое регулирование фактических семейных отношений[2]. Более того, поскольку немаритальное сожительство (особенно молодежи) приобретает все большее распространение, ученые указывают на целесообразность специального (семейного) регулирования такой формы организации совместного проживания[3] и, следуя известному принципу «не можешь одолеть врага – возглавь его», высказывают идею, что неспособное противостоять стремительному вытеснению брака сожительством общество обязано легализовать последнее, нормативно наделив его свойствами брака[4].

Исходя из того, что «плюралистическое» семейное право, по-видимому, дает определенные преимущества (больше режимов, чем просто брак, и больше возможностей для выбора в рамках каждого режима)[5], а также учитывая опыт ряда зарубежных стран, в том или ином объеме обеспечивших признание имущественных и неимущественных семейно-правовых последствий фактических брачных союзов[6], принципиальную возможность создания специального института фактического брака в отечественном семейном праве исключать нельзя. Однако следует согласиться, что с конструированием такого института не следует спешить, так как есть серьезные опасения, что подобные меры не поспособствуют укреплению института семьи и создадут деструктивную конкуренцию в наследственных, жилищных, земельных и других отношениях[7].

---

[1] Определение Кумертауского городского суда Республики Башкортостан от 06.12.2010 № 11-93/2010.

[2] Шершень Т.В. О праве на семью и принципе приоритета семейного воспитания детей // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 7–13.

[3] Черных А.В. Актуальные вопросы правового регулирования форм совместного проживания // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 30–32.

[4] Паничкин В.Б., Паничкина Е.В. Предпосылки и способы институционализации сожительства в брак в российском праве // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 15–18.

[5] Aloni E. The Puzzle of Family Law Pluralism // Harvard Journal of Law and Gender. 2016. Vol. 39. P. 102–152.

[6] Выборнова М.М. Современное законодательство европейских стран о фактических брачных отношениях разнополых лиц // Семейное и жилищное право. 2011. № 3. С. 7–9.

[7] Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.

В частности, при тесной связи семейных и жилищных отношений подобную конкуренцию составили бы нормы приватизационного законодательства, что может быть проиллюстрировано примером, когда З.В. обратился в суд с иском к А.С. о признании квартиры общей совместной собственностью.

В обоснование иска приведены следующие обстоятельства. Истец З.В. и ответчица А.С. с 1987 до 2010 года состояли в фактических брачных отношениях, проживали одной семьей совместно с общей дочерью и дочерью А.С. от первого брака, вели общее хозяйство, имели совместный бюджет. В 1992 году стороны совершили обмен занимаемого ими по договору социального найма жилого помещения на спорную квартиру, при этом истец неофициально уплатил бывшему нанимателю обмениваемой квартиры значительную сумму денег из личных средств (А.С. на тот момент не работала и своих денег не имела). Нанимателем квартиры в ордере была указана А.С. Истец в данном жилом помещении не зарегистрировался, но произвел его ремонт на собственные средства. В 2011 году истцу стало известно, что квартира приватизирована ответчицей и она намереваются ее продать, в связи с чем истец заявил требование о признании права пользования спорной квартирой, который был удовлетворен. По мнению З.В., изложенное позволяет ему требовать признания спорной квартиры совместным имуществом, что и явилось предметом его второго иска, отклоненного решением суда первой инстанции.

В кассационной жалобе З.В. указал на неправомерное неприменение судом ст. 5 СК РФ, однако кассационный суд пришел к выводу об отсутствии правового пробела, требующего обращения к этой норме для разрешения спора, поскольку отношения участников дела прямо урегулированы ст. 218 и 244 ГК РФ, а также Законом РФ от 04.07.1991 № 1541-I «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»[1]. Суд констатировал, что основания возникновения права общей собственности, предусмотренные указанными актами гражданского законодательства, в спорных отношениях не обнаруживаются. В результате в

[1] Бюллетень нормативных актов. 1992. № 1.

удовлетворении жалобы было отказано[1].

Примечательно, что в представленном деле семейно-правовой аспект (фактическое существование семьи на основе незарегистрированного брака) не потребовал особого учета и не помешал суду разрешить сугубо имущественный спор на основе имеющегося гражданско-правового инструментария, обеспечив защиту права истца на жилище.

Популярность фактических браков при их объективной конечности (со смертью одного из сожителей) влекут сложности при попытках реализации и защиты всегда или почти всегда возникающего интереса пережившего фактического супруга к участию в распределении наследства умершего. Устранение таких сложностей считается одной из основных специально не урегулированных законодателем проблем бракоподобных союзов, в связи с чем появляются призывы создать для фактических супругов благоприятные условия определения судьбы имущества после смерти одного из них[2]. Встречаются и более радикальные предложения по обеспечению справедливости в данном вопросе – включать в круг наследников по закону не только близких и дальних родственников (кровно связанных с наследодателем), но также и лиц, связанных с наследодателем фактическими супружескими отношениями[3]. Однако в российских реалиях исключительно верным представляется то, что к миру, в котором немаритальные семьи не маргинализируются, а брак не является определяющим институтом семейной жизни, следует тщательно подготовиться[4].

Опора на квалифицируемые законодательством семейно-правовые связи наследодателя и потенциальных наследников считается традицией отечественного наследственного права и законодательства[5]. В науке подчеркивается, что развитие наследственного права исторически находится в тесной взаимосвязи с семейным

---

[1] Определение Томского областного суда от 18.10.2011 № 33-3142/2011.

[2] Рудьман Д.С. К вопросу об очередности при наследовании по закону через призму семейного законодательства // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 13–15.

[3] Альбиков И.Р. К вопросу об общетеоретической характеристике наследственных прав фактических супругов // Семейное и жилищное право. 2012. № 1. С. 3–5.

[4] Huntington C. Postmarital Family Law: A Legal Structure for Nonmarital Families // Stanford Law Review. 2014. Vol. 67. P. 167.

[5] Ильина О.Ю. О значении некоторых семейно-правовых связей в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2018. № 1. С. 9–12.

правом[1]. Как верно указал Б.А. Булаевский, возможность внешнего воздействия со стороны семейного права на институты наследования являет собой пример их сущностной связи[2]. Поэтому «превратиться» в наследницу по закону может лишь супруга наследодателя, состоявшая с умершим в зарегистрированном браке[3]. Как следует из п. 2 ст. 1, п. 2 ст. 10 СК РФ и п. 1 ст. 1142 ГК РФ, не признаваемые семейным и гражданским законодательством квазибрачные союзы сами по себе не порождают ни семейных (брачное правоотношение не возникнет, даже если при исключительных обстоятельствах за лицом, состоящим в отношениях сожительства с титульным владельцем жилого помещения, признано право на жилплощадь как за нетрудоспособным иждивенцем фактического супруга[4]), ни наследственных отношений.

В контексте таких нормативных и доктринальных постулатов не вызывает сомнений правильность сложившегося судебного подхода считать несостоятельным, что признание одного из сожителей членом семьи умершего сожителя в связи с их фактическими брачными отношениями дает основание для признания его наследником. Применение аналогии закона для установления режима совместной собственности имущество сожителей в таких случаях неправомерно, так как их имущественные отношения прямо регулируются нормами гражданского законодательства об общей долевой собственности.

В целом можно согласиться, что резкая легализация процессов трансформации семьи может оказать негативное воздействие на традиционный институт наследования, на его морально-нравственные устои и привести к юридической деформации этой социально-правовой категории[5]. Для сферы семьи неподготовленный отказ от признания только зарегистрированных браков как

---

[1] Мигачева А.Ю. Семейный интерес в наследственном праве: постановка проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 7. С. 105–107.

[2] Булаевский Б.А. К вопросу о связи норм семейного и наследственного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 36–40.

[3] Мыскин А.В. Добросовестный супруг как участник наследственных правоотношений // Нотариус. 2019. № 7. С. 20–23.

[4] Строгонова Т.П. Основные права и обязанности членов семьи собственника жилого помещения // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. № 4. С. 700–721.

[5] Смышляева О.В. Нравственно-правовые основы наследования в контексте брачно-семейных отношений в России: теория и практика применения // Наследственное право. 2018. № 4. С. 18–23.

одного из стержневых законодательных положений и вовсе способен повлечь тектонические сдвиги в платформе семейных ценностей, в том числе открыть дорогу к легализации полигамных и однополых бракоподобных союзов. Даже те авторы, которые предлагают узаконить фактические брачные отношения и перейти к партнерским семейным союзам, обращают внимание на необходимость учета всех аспектов, касающиеся данной стороны жизни общества: истории, религии, проблем морали и нравственности[1].

Несмотря на имеющиеся научные возражения[2], вероятно, в перспективе можно будет вести речь о закреплении для фактических брачных отношений (при доказанности и подтверждении судом существования таковых) некоторых законодательных презумпций личного неимущественного характера, а также отдельных социальных льгот. Возможно и то, что именно через механизм аналогии со свойственной ему креативной функцией, способностью обеспечивать прямое действие правовых принципов, а через них – предопределять законодательные изменения[3], семейное право в результате судебной аналогической идентификации и проработки фактических брачных отношений постепенно обретет новый институт, определяющий имущественный режим фактического брака.

При этом не следует толковать данную мысль как то, что переживший фактического супруга сожитель вообще лишен каких-либо нормативно закрепленных вариантов правовой защиты. Ему недоступны лишь механизмы, гарантирующие прочность официального брачного союза. Но следует помнить, что при этом существуют и иные, как общие, так и специальные, средства обеспечения имущественных интересов выжившего после смерти одного из сожителей. Так, выживший внебрачный сожитель может войти в число наследников по закону в порядке ст. 1148 ГК РФ как нетрудоспособный иждивенец наследодателя, если ко дню открытия наследства являлся нетрудоспособным и не менее года до смерти

---

[1] Черных А.В. Актуальные вопросы правового регулирования форм совместного проживания // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 30–32.

[2] Долгов С.Г. Наследование после смерти сожителя/сожительницы: вопросы правоприменения // Наследственное право. 2021. № 4. С. 8–12.

[3] Mikryukov V. Creative Function of the Analogy Method in Civil Law Practice // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Vol. 12. Iss. 4. P. 272–289.

наследодателя находился на его иждивении и проживал совместно с ним.

Думая о будущем и помня о смерти, каждый из квазисупругов вправе заранее позаботиться об удовлетворении наследственных интересов другого с помощью завещательного распоряжения. Расширению экономических свобод и обеспечению многовариантности в определении правового режима и судьбы имущества, приобретаемого фактическими супругами, способствует появление конструкции наследственного договора (ст. 1140.1 ГК РФ). Заключение такого договора при внебрачном сожительстве действительно способно во многом избавить пережившего сожителя от необходимости доказывать в суде свое участие в приобретении имущества, оформленного на имя умершего[1].

Даже не обретая статус наследника, переживший фактический супруг может воспользоваться гражданско-правовыми средствами защиты своих имущественных интересов, а именно – при наличии доказательств совместного приобретения того или иного имущества требовать присуждения соответствующей доли в праве собственности.

Проживая совместно без регистрации брака, фактические супруги могут не осознавать многообразие и непредсказуемость экономических последствий, которые могут быть автоматически предусмотрены законом для участников семейных отношений, основанных на зарегистрированном браке. Они в состоянии компенсировать отсутствие некоторых «включаемых» для законных супругов правовых общих режимов и статусов (законный режим общего имущества, презумпции в механизме установления происхождения детей, возникновение юридической возможности пережившего супруга оказаться в числе наследников по закону), и самостоятельно (не рассчитывая на законодателя) позаботиться об удовлетворении наследственных интересов друг друга.

Однако такими общеизвестными «традиционными» юридическими последствиями заключение брака отнюдь не исчерпывается. В частности, в одной из пробельных ситуаций оказались близкие люди (сожители), которые не только не

[1] Рудик И.Е. Совместное завещание и наследственный договор как инструменты планирования наследства супругами // Наследственное право. 2019. № 2. С. 22–25.

имели реальной возможности заранее предвидеть влияние воздержания от регистрации их брачных отношений на участие фактических членов семьи в программе на получение государственного жилищного сертификата, но и не могли договорным или иным способом использовать не включенные по причине отсутствия зарегистрированного брака нормативные механизмы.

З.Н.И. обратился в суд с иском к Администрации г. Северобайкальска о признании членами своей семьи дочери Х., внучки А.А.Х. и зятя С.А.М.

Установление правового статуса указанных граждан как членов семьи необходимо истцу для приобретения права на получение жилищного сертификата по целевой программе выезда из районов Крайнего Севера. Иск мотивирован тем, что дочь, внучка и зять З.Н.И. проживают с ним в одном жилом помещении, ведут совместное хозяйство, оплату жилищно-коммунальных услуг производят за четырех. Ответчик против признания членами семьи З.Н.И. его дочери и внучки не возражал, но в отношении С.А.М. просил в иске отказать, ссылаясь, что он не состоит в зарегистрированном браке с Х. и юридически не является зятем З.Н.И..

Правила выпуска и реализации жилищных сертификатов на обеспечение жильем граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера, предусматривают, что членами семьи таких граждан признаются постоянно проживающие совместно с ними супруг или супруга, дети, родители, усыновленные и усыновители. Другие родственники признаются членами их семьи, если они вселены ими в качестве таковых и ведут с ними общее хозяйство.

Суд пришел к следующему выводу: из смысла ст. 5 СК РФ следует, что фактические брачные отношения, какими бы длительными они не были, без регистрации не позволяют признать С.А.М. и дочь истца супругами. Поэтому для отнесения С.А.М. к членам семьи истца помимо совместного проживания и ведения общего хозяйства необходимо установить факт вселения данного гражданина в жилое помещение истца именно в указанном качестве. Поскольку суду не были представлены доказательства того, что С.А.М. был вселен истцом в жилое помещение последнего в качестве члена семьи, а также учитывая временный характер регистрации С.А.М. в данном помещении, суд в удовлетворении иска в

этой части отказал. Суд обратил внимание на подтвержденную документами и свидетельскими показаниями продолжительность сожительства как на один из ключевых признаков брачных отношений, отметил факт оплаты коммунальных услуг, начисленных на всех заявленных в иске членов семьи, включая «гражданского мужа» дочери З.Н.И., и признал существенное сходство спорных отношений с такими, как если бы дочь З.Н.И. и его «фактический зять» зарегистрировали брак, но отказал в квалификации последнего в качестве действительного члена семьи истца посредством аналогии закона с формальной отсылкой к отсутствию правового пробела[1].

Признавая правильным *неприменение* судом нормы ст. 5 СК РФ об *аналогии закона*, следует отметить недостаточную глубину судебного акта и усомниться в правомерности его по существу. Обстоятельства дела и рассуждения суда наводят на мысль о необходимости применения свойства транзитивности: если С.А.М. совместно проживает и ведет общее хозяйство с дочерью истца Х., его внучкой А.А.Х. и если при этом суд признает внучку надлежащим (в рассматриваемом судом контексте) членом семьи, то и «квазизять» должен считаться членом семьи истца. Иными словами, в данном случае усматриваются основания для того, чтобы прибегнуть к *аналогии права* и, опираясь на принципы гуманности, разумности и справедливости, допустить расширительное понимание категории «другие родственники», примененной в норме ст. 5 ФЗ от 25.10.2002 № 125-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей»[2].

При всей вариативности экономической подоплеки спорных ситуаций, возникающих по поводу имущественных последствий немаритального сожительства наиболее значимыми являются вопросы определения правовой судьбы приобретаемого не зарегистрировавшими брачные узы сожителями имущества и установлении порядка несения квазисупругами общих расходов.

Как уже было отмечено, суды сформировали устойчивую практику,

[1] Решение Северобайкальского городского суда Республики Бурятия от 14.05.2012 № 2-489/12.
[2] СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4188.

основанную на принципиальной невозможности аналогического распространения режима имущества законных супругов на имущественный аспект немаритального сожительства и применимости к экономическим отношениям сожителей гражданско-правовых правил о долевой собственности. Образцом именно такой практики выступает следующее дело.

Г.В.К. (истица) обратилась в суд с иском к В.Д.П. (ответчик) о признании права на долю в общем имуществе и взыскании денежных средств, указав, что с 1998 по 2009 год истица и ответчик проживали совместно, вели общее хозяйство, воспитывали его и ее детей, оказывали им материальную поддержку, строили взаимоотношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, проводили отпуска вместе, отмечали крупные события в семье и юбилейные даты. По общему с ответчиком решению, основанному на взаимном доверии, истица на свои средства вела домашнее хозяйство, несла текущие семейные расходы, обеспечивая содержание и питание супруга и детей, а ответчик приобретал крупное имущество (машину, гараж, квартиру) как их общее семейное.

Стороны официально не зарегистрировали брак, не видя в этом смысла, поскольку в семье были любовь и полное доверие. Поэтому истица полагает, что к сложившимся за 11 лет отношениям между нею и ответчиком подлежат применению в силу аналогии закона нормы семейного права о режиме общей совместной собственности на нажитое за время фактического брака имущество.

Суд не нашел оснований для удовлетворения иска: поскольку юридически значимым является только зарегистрированный брак, на общее имущество у фактических супругов может возникнуть лишь право долевой собственности (п. 3 ст. 244 ГК РФ). При наличии непосредственного урегулирования данных отношений гражданско-правовыми нормами применение режима общей совместной собственности по аналогии закона исключено. Истица не представила суду допустимых доказательств существования соглашения с ответчиком о приобретении имущества (квартиры, машины, гаража) в общую собственность, а также не доказала факта и размера своих вложений в его приобретение[1].

[1] Решение Череповецкого городского суда Вологодской области от 13.04.2010 № 02-1565/2010.

Данный казус является еще одним подтверждением того, что нельзя считать прочной и разумной опору на чувства любви при определении режима приобретаемого не зарегистрировавшими брачные узы сожителями имущества и установлении порядка несения квазисупругами общих расходов. Несмотря на приведенные истицей доводы, высвечивающие глубокое сходство ее отношений с ответчиком и классических брачных отношений, суд не поддался логической силе аналогии как средства аргументации активной (наступательной) позиции и отказал в применении семейно-правовых норм, специально не рассчитанных на регулирование спорных правоотношений, отметив наличие достаточного гражданско-правового инструментария.

Примечательно, что суд не ограничился констатацией невозможности квалификации имущественных отношений сожителей по аналогии с брачными. Он проверил возможность определения доли каждого сожителя в общем имуществе при наличии доказательств его совместного приобретения и размера понесенных каждым расходов и отказал в иске, убедившись в отсутствии таковых. Данное обстоятельство видится особенно важным в свете появления новой судебной позиции ВС РФ в деле со схожими обстоятельствами.

Л. и П. на протяжении нескольких лет, совместно проживая и воспитывая общего ребенка, состояли в фактическом браке. В этот период на земельном участке П. общими усилиями было осуществлено строительство жилого дома. В связи с семейным разладом и прекращением брачных отношений между сторонами возник спор о распределении затрат, понесенных при строительстве.

Л., полагая, что возведение дома было осуществлено именно его силами и средствами, обратился с иском о взыскании с П. стоимости понесенных затрат как неосновательного обогащения, представив в подтверждение его размера платежные документы об оплате приобретения материалов и строительных работ.

Суд первой инстанции иск удовлетворил в части взыскания затрат, размер которых был подтвержден экспертным заключением. Однако ВС РФ усмотрел в представленном судебном подходе нарушение п. 4 ст. 1109 ГК РФ, согласно которому не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения

денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства. Установив, что между сторонами спора отсутствовало письменное соглашение о возведении жилого дома как их общего имущества, Суд квалифицировал поведение Л. как участие строительстве жилья в собственных интересах в целях создания необходимых условий проживания своей (на тот момент) фактической семьи, в связи с чем он добровольно, безвозмездно и без встречного предоставления нес соответствующие расходы. Акты нижестоящих судов были отменены[1].

В науке данный судебный акт был воспринят как то, что высшая судебная инстанция провозгласила заведомую безвозмездность взаимных предоставлений фактических супругов, в связи с чем был подвергнут критике. Взамен предложено определять имущественные параметры фактической брачной связи по аналогии с нормами о простом товариществе[2], что коррелирует высказанной в науке общей идее сопоставления семейно-правовой категории семьи с конструкцией гражданско-правового договора о совместной деятельности[3]. Думается, однако, что дело здесь не в оценке романтических отношений как априори безвозмездных, а в отсутствии доказательств обобществления сожителями конкретного имущества или затрат: как видно из судебных актов, последовавших в русле указанной позиции, попытка применить правовой режим общей долевой собственности к имущественным отношениям, возникшим при сожительстве, буквально утыкается в отсутствие возможности доказывания намерений сторон на обобществление их имущества[4].

Приведенная судебная практика наглядно демонстрирует членам неманитальных союзов необходимость осознавать отсутствие их семейно-правового признания (а точнее – наличие непризнания), следить за состоянием своих гражданских прав и обязанностей в отношениях с сожителем как с обычным

[1] Определение ВС РФ от 20.07.2021 № 55-КГ21-2-К8, 2-28/2020.
[2] Османова Д.О. Правовой режим имущества фактических супругов // Юрист. 2023. № 3. С. 48–54.
[3] Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 14–17.
[4] Определение Московского областного суда от 02.03.2022 № 33-3943/2022.

контрагентом и сознательно применять существующие инициативные (договор о сожительстве, соглашение о предоставлении содержания) и институциональные (режим общей долевой собственности) гражданско-правовые средства построения семьи на основе фактических брачных отношений[1]. В свою очередь, законодатель получает сигнал, который в науке верно понят так, что оптимизацию и структурирование норм о правах и обязанностях супругов нужно проводить не в русле их наполнения декларативными нормами-предписаниями о любви и верности, а в устранении тех противоречий, которые имеют место на практике[2].

Одним из средств, способных восполнить недостаток режима общего имущества супругов, помочь реализовать договоренности о порядке совместного хозяйствования и облегчить доказывание каждым из супругов факта и размера своих вложений в приобретение семейного имущества, является новый для отечественного гражданского законодательства договор совместного банковского счета (п. 5 ст. 845 ГК РФ). Действительно, этот доступный в том числе и фактическим супругам инструмент[3] позволяет фиксировать размер доходов, вносимых каждым из сожителей на семейные нужды, и контролировать направления расходования общих средств. Кроме того, интересным (хотя и требующим нормативного воплощения) выглядит высказанное в науке предложение воспользоваться аналогией со ст. 429 ГК РФ о предварительном договоре и рассмотреть возможность заключения предварительного брачного соглашения (что особенно актуально в тех случаях, когда немаритальное сожительство рассматривается как проверка отношений перед их государственной регистрацией в качестве брака)[4].

Констатируя, что признание только зарегистрированного брака является одним из принципиальных положений семейного законодательства (п. 2 ст.1, п. 2

---

[1] Филиппова С.Ю. Гражданско-правовые средства достижения цели построения семьи путем фактических брачных отношений // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 3–7.

[2] Хужин А.М. Проблемы и перспективы реализации личных прав и обязанностей супругов // Семейное и жилищное право. 2023. № 1. С. 19–21.

[3] Рычкова Н.Ю. Договор совместного счета: некоторые аспекты правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6. С. 40–44.

[4] Левушкин А.Н. Фактические брачные правоотношения: объективная реальность и необходимость правового регулирования // Современное право. 2014. № 3. С. 65–67.

ст. 10 СК РФ), в силу чего имущество лиц, приобретенное в период их фактического проживания без регистрации брака, не подпадает под режим супружеского имущества, а споры об общем имуществе таких лиц должны разрешаться на основании норм гражданского законодательства о долевой собственности (что действительно находит достаточно последовательное судебное восприятие[1]) нельзя не указать те редкие случаи, когда на основании аналогии закона суды все-таки посчитали возможным применить к отношениям фактических супругов правила СК РФ о создании общей совместной собственности на имущество, нажитое в период зарегистрированного брака.

В.А.М. (истец) обратился в суд с иском к Е.А.К. (ответчица) о взыскании денежных средств. Требования основаны на том, что им было приобретено сантехническое оборудование, которое установлено в доме ответчицы в период их сожительства и которое она отказывается возвращать либо компенсировать его стоимость деньгами. Ответчица иск не признала и, не отрицая фактического брака с истцом, утверждала, что спорное имущество приобретено на ее личные средства.

Суд установил следующее: за время совместной жизни обе стороны имели доход, вели общее хозяйство, проживали как фактические супруги; ни истцом, ни ответчицей не представлено достоверных доказательств того, что спорное оборудование было приобретено исключительно на личные средства одного из них, поскольку свидетелям неизвестно, чьими деньгами (личными истца, ответчицы или совместными) истец расплачивался в хозяйственном магазине.

С отсылкой к аналогии закона и к ст. 34, 38, 39 СК РФ иск был удовлетворен частично в сумме половины стоимости совместно нажитого имущества[2].

Справедливость в данном случае явно не пострадала, подлежащие применению к спорным отношениям нормы ГК РФ об основаниях возникновения долевой собственности и определении долей в праве собственности привели бы в этом конкретном случае к такому же результату. Но если бы Е.А.К. не работала или

---

[1] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.04.2020 № 88-5777/2020; Определение Верховного суда Республики Башкортостан от 13.05.2020 № 33-7136/2020.

[2] Решение Брюховецкого районного суда Краснодарского края от 16.02.2011 № 2/75/2011. Схожим образом с применением п. 2 ст. 34, п. 3 ст. 39 СК РФ по аналогии закона принято Решение Кировского районного суда города Омска от 25.12.2017 № 2-5815/2017.

В.А.М. не был непосредственным покупателем спорного имущества, то неправильный подход суда к аналогии закона оставил бы кого-то ни с чем.

Участники фактических брачных отношений сталкиваются с неполнотой семейно-правового регулирования не только при изначальном решении об отказе от государственной регистрации брака, но и в случаях фиктивного развода – расторжения брака без намерения разрушать семью и прекращать брачный союз.

Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода

На брачные статусы (брака либо развода) влияют многие факторы, включая генетические и экологические[1]. Однако вне зависимости от страны решения о заключении брака, о продолжении оставаться в нем либо о его расторжении предопределяют зачастую исключительно экономические выгоды[2]. Именно экономия за счет проживания в паре создает стимул к вступлению в брак и наоборот, проблемы, связанные со свободным оборотом в сфере обеспечения домашних коллективных благ, могут привести к разводу[3]. При этом довольно распространены ситуации, когда супруги пытаются посредством расторжения брака достичь соответствующих имущественных улучшений, не отказываясь от преимуществ ведения совместного супружеского хозяйства и не прекращая вести основанную на зарегистрированном браке семейную жизнь.

В частности, в Китае оформление фиктивного развода, нацеленного на избежание высоких ставок по ипотечным кредитам и налогообложению, является «негласным правилом» рынка недвижимости городов, которые имеют ограничения на покупку недвижимости, таких как Шанхай и Пекин[4]. Для России также характерно стремление фиктивно прекращающих брак супругов решить считающийся в таких случаях «типичным» жилищный вопрос, в том числе путем

---

[1] Jerskey B.A., Panizzon M.S., Jacobson K.C., Neale M.C., Grant M.D., Schultz M., Eisen S.A., Tsuang M.T., Lyons M. J. Marriage and divorce: A genetic perspective // Personality and Individual Differences. 2010. Vol. 49, Iss. 5. P. 473–478.

[2] Weiss Y. Family Theory: Economics of Marriage and Divorce // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. P. 829–834.

[3] Barham V., Devlin R., Yang J. A theory of rational marriage and divorce // European Economic Review. 2009. Vol. 53. P. 93–106.

[4] Caiyu L. Fake marriages and divorces are damaging traditional values: experts // URL: https://www.globaltimes.cn/page/201707/1054531.shtml.

доступа к участию в государственных жилищных программах, улучшения места в очереди на получение социального жилья[1].

Нередко целью формального расторжения брака выступает обретение доступа к социальным льготам и пособиям. Так, в США известность обрела серия судебных разбирательств, связанных с тем, что авиакомпании увольняли работников за то, что они осуществили фиктивные разводы со своими супругами с целью получения доступа к пенсионным пособиям пилотов (бывшие супруги вели себя не так, как подобает при расторжении брака, продолжали сожительствовать, вступали в повторный брак вскоре после получения единовременной выплаты и вели себя так, как будто развода никогда не было)[2].

Весьма распространенным поводом для фиктивного расторжения брака считается сокрытие доходов, нажитых противоправными способами, и предотвращения утраты имущества, используемого одним из супругов в предпринимательской деятельности[3]. Известны случаи фиктивных разводов с целью защититься от силовых структур[4], завуалировать коррупционные доходы[5].

Можно сказать, что фиктивные разводы наряду с фиктивными браками стали одним из классических способов решения обусловленных, в основном, экономическими причинами, миграционных проблем, своего рода юридической технологией повседневного пересечения границ[6].

Интересно, что зачастую решение одних экономических проблем супругов путем фиктивного «выключения» правовых последствий брака и «включения» юридического состояния фактических брачных отношений вызывает побочные эффекты и приводит к попыткам «откатить» фиктивный развод назад к правовому режиму зарегистрированного брака (например, когда только после смерти одного из фиктивно разведенных обнаруживаются «отрицательные последствия» развода,

---

[1] Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 78–84.
[2] Willick M.S. «Sham divorces», civil rights and family law experts // Nevada Family Law Report. 2010. Vol. 23. Iss. 2. P. 16.
[3] Коголовский И.Р. Фиктивные состояния в семейном праве // Юрист. 2008. № 5. С. 20–23.
[4] Решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 07.03.2013 № 2-1959/2013.
[5] Определение Верховного суда Республики Башкортостан от 25.04.2019 № 33-8482/19.
[6] Wemyss G., Yuval-Davis N., Cassidy K. «Beauty and the beast»: Everyday bordering and «sham marriage» discourse // Political Geography. 2017. Vol. 66. URL: https://repository.uel.ac.uk/item/84706.

как то: невозможность оформить пенсию по случаю потери кормильца, другие материальные выплаты[1]).

Серьезность экономических и неясность правовых последствий фиктивного прекращения брака может наглядно проявляется в следующем казусе.

Л.П.Б. обратилась в суд с иском к А.Г.М. об определении супружеской доли и признании права собственности в порядке наследования на квартиру. В обоснование иска были представлены следующие сведения. Мужем Л.П.Б. – Г.Э.Б. – в период брака была приобретена квартира. Длительное время супруги пытались получить вид на жительство в США, где постоянно проживает родной брат истицы – П., являющийся учеником Г.Э.Б. Однако в предоставлении вида на жительство супругам постоянно отказывали по причине отсутствия у мужа близких родственников в США. По настоянию мужа супруги оформили развод, чтобы истица как одинокая бывшая гражданка Молдовы, имеющая родственника в США, могла получить статус беженки и гражданство США, а затем вновь зарегистрировать брак с Г.Э.Б., что дало бы ему право на проживание в США. После формального расторжения брака «супруги» продолжали жить одной семьей, вести совместное хозяйство, Г.Э.Б. по-прежнему содержал истицу, а также посвятил ей написанную им книгу. Через некоторое время Г.Э.Б. скоропостижно скончался. В установленный срок Л.П.Б. обратилась к нотариусу с заявлением о принятии наследства после смерти Г.Э.Б. и о выделе ей супружеской доли, но ей было отказано в приеме этих заявлений, так как на момент смерти наследодателя их брак был расторгнут. Истица полагает, что поскольку развод был фиктивным, она является наследницей наряду с дочерью наследодателя от первого брака – А.Г.М. Поскольку последняя наследство после смерти отца не принимала, то Л.П.Б. должна быть признана единственной собственницей квартиры ($^1/_2$ принадлежит ей в качестве супружеской доли и $^1/_2$ переходит к ней как наследнице первой очереди).

Разрешая данный спор, суд исходил из того, что семейное законодательство не содержит правил о возможности признания фиктивным расторжения брака, однако счел, что правовые нормы СК РФ о фиктивном браке применены судом по

[1] Определение Верховного суда Удмуртской Республики от 15.11.2010 № 33-3726.

аналогии закона к признанию расторжения брака недействительным.

Суд усмотрел сходство спорных отношений с отношениями по признанию брака недействительным по причине фиктивности – регистрации брака без намерения создать семью (ст. 27 СК РФ) и наступлению последствий такой недействительности (ст. 30 СК РФ), в том числе нераспространение на общее имущество фиктивных супругов режима совместной собственности.

Проанализировав указанные нормы семейного закона, суд пришел к выводу, что расторжение брака может быть признано судом недействительным как фиктивное, если супруги или один из них расторгли брак без намерения разрушить семью. Поскольку отсутствие у Л.П.Б. и Г.Э.Б. действительного намерения прекратить семейные отношения, а также их фактическое продолжение нашли подтверждение в судебном заседании надлежащими доказательствами, иск удовлетворен в полном объеме[1].

Действительно, в российских юридических реалиях доводы о фиктивности расторжения брака по аналогии с недействительностью фиктивно заключенных брачных союзов приводятся нередко. Действительные супруги, не прекращая вести прежнюю семейную жизнь, пытаются посредством государственной регистрации расторжения брака создать условия для решения конкретных проблем, а затем сталкиваются с другими проблемами, вызванными «выключением» режима брака и «включением» режима фактических брачных отношений.

Вместе с тем, как отмечается в литературе, практика по семейным спорам показывает, что суды занимают весьма уклончивую позицию по вопросу о квалификации расторжения брака без прекращения брачных отношений, избегая юридической оценки аргументов о фиктивности развода по аналогии с фиктивностью брака, указывая на отсутствие нормативно-правового механизма признания расторжения брака недействительным[2] и отмечая, в частности, что «необходимость увеличения размера дохода не может служить основанием для признания расторжения брака недействительным», а «последующее совместное

[1] Решение Центрального районного суда г. Тольятти от … (данные изъяты) № … (данные изъяты).
[2] Ульбашев А.Х. О фиктивном разводе // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 18–21.

проживание не свидетельствует о незаконности расторжения брака»[1].

В качестве примера можно привести казус, когда при оценке искового требования гражданина признать его наследником умершего отца и признать за ним право на квартиру, приобретенную наследодателем в период фиктивного развода с супругой на имя последней (по мнению истца, развод между его отцом и ответчицей был фиктивным, поскольку его оформление и покупка в период развода квартиры являлись лишь способом вывести указанную квартиру от возможного раздела с другими родственниками), суд указал, что порядок и основания для признания расторжения брака фиктивным законодательство не предусматривает, а поэтому учесть указанные утверждения истца суд не вправе[2].

Практикующие юристы констатируют, что в силу «неизвестности» термина «фиктивный развод» российскому семейному законодательству доказать фиктивный характер прекращения брачных отношений «почти невозможно»[3]. Ученые обнаруживают лишь редкие, необычные случаи, когда суды соглашаются с тем, что по аналогии со ст. 27 СК РФ расторжение брака может быть признано недействительным, если установлено, что брак был расторгнут фиктивно[4]. Вероятно, сказывается такая тенденция к абсолютизации права на развод, при которой приоритетным (в сравнении с другими началами семейного законодательства) становится принцип свободы брачного союза, а «фиктивный образ», напротив, обретает вид принципа укрепления семьи, основанной на браке[5]. Проводится также мысль, что доводы о фиктивности расторжения брака в защиту семейных прав противоречат п. 2 ст. 7 СК РФ[6]. В некоторых случаях суды отвергают аналогию между недействительностью фиктивного заключения брака, ничтожностью мнимой сделки и недействительностью фиктивного прекращения

---

[1] Зыков С.В. Расторжение брака: взаимосвязь правового и социального аспектов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 92–102.
[2] Решение Пущинского городского суда Московской области от 26.05.2015 № 2-114/2015~М-94/2015.
[3] URL: https://rb.ru/article/kak-grajdane-obmanyvayut-gosudarstvo-s-pomoshhyu-fiktivnogo-razvoda/7386767.html.
[4] Ильина О.Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 13–17.
[5] Беспалов Ю.Ф. Право справедливости и российская семья: социально-правовой аспект // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 6–11.
[6] Решение Черемушкинского районного суда города Москвы от 05.04.2016 № 2-2661/2016.

брака с уточнением, что развод не является сделкой[1]. Активному использованию аналогии в данной сфере, по всей видимости, препятствует и отмеченная в доктрине ограниченность возможностей аналогического переноса норм о недействительности фиктивного брака в контексте необходимости дифференцированной «санации» имущественных и личных неимущественных компонентов брачных отношений[2].

Поскольку право исторически «ощущает необходимость в формировании теоретически и практически аргументированных способов борьбы с фиктивными фактами, идущими вразрез с законом»[3], а фиктивные разводы всегда или почти всегда «полукриминальные и противозаконные»[4], сопряжены с нарушением публичного интереса[5] и законных интересов третьих лиц (включая кредиторов), постольку в контексте общеправового принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом, а также согласно п. 2 ст. 7 СК РФ о предоставлении гарантий охраны семейных прав только при их осуществлении в соответствии с их назначением, нельзя исключать судебное аннулирование тех последствий (льгот, выгод и преимуществ), на которые нацеливались недобросовестные супруги при осуществлении фиктивного развода, а также игнорирование фиктивности прекращения брака при определении правового режима сопутствующих разводу последствий. Действительно, одно дело, к примеру, планировать налоговые последствия развода, что можно считать нормальной практикой[6], и совсем другое – пытаться минимизировать (агрессивно оптимизировать) семейные налоги посредством фиктивного расторжения брака.

Представленное выше дело, в котором суд прочвел аналогию фиктивности брака и фиктивности развода, являясь подтверждением идеи о том, что именно

---

[1] Постановление Семнадцатого ААС от 25.02.2020 № А60-46823/2016.
[2] Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 78–84.
[3] Танимов О.В. Развитие фикций в Новейшее время (опыт России) // История государства и права. 2014. № 16. С. 52–56.
[4] Коголовский И.Р. Фиктивные состояния в семейном праве // Юрист. 2008. № 5. С. 20–23.
[5] Marhesinis B., Unberath H., Johnson A. The German Law of Contract. A Comparative Treatise / Forewords by Lord Bingham, G. Hirsch. 2nd ed. Oxford, 2006. P. 259.
[6] Willis S.J. Family Law Economics, Child Support and Alimony Ruminations on Income: Part One // Florida Bar Journal. 2004. Vol. 78. № 5. P. 34.

экономическая подоплека семейно-правовых связей вызывает столкновение с пробельностью, примечателен тем, что спорная ситуация оказалась не связанной напрямую с целями фиктивного прекращения брачных отношений, и вдвойне интересен тем, что суд счел возможным провести аналогию между недействительностью фиктивного брака и фиктивного развода, обнулив лишь побочный негативный результат формального (видимого) изменения семейно-правового статуса одного из супругов. Думается, суд в этом деле отнюдь не стремился отклониться от общего устремления правовой системы к противодействию недобросовестному фиктивному поведению. Решающую роль в определении правоприменительной позиции сыграло не столько установление существенного сходства фиктивных браков и фиктивных разводов по ширине (количеству признаков) и глубине (качеству сходства), сколько признание иска ответчицей (дочерью умершего супруга, фиктивно прекратившего брак с истицей). Иными словами, суд попытался поддержать семейные узы, оставшиеся за рамками зарегистрированного брака, и фактически легализовал состоявшееся внутрисемейное урегулирование имущественного вопроса. Именно поэтому вполне естественным выглядит то, что суд не сделал никакого суждения о возможности применения режима совместной собственности к имуществу, нажитому фиктивно разведенными супругами.

Схожим образом возможно оценивать практику признания юридического значения брачной связи при формальном разводе даже в тех случаях, когда имеется внутрисемейный конфликт. В частности, можно поддержать решение об отказе в признании незаконным подзахоронения к мужу его бывшей супруги, брак с которой был расторгнут формально с целью получения от государства квартиры большей площади (супруги не прекращали совместное проживание, вели общее хозяйство, любили друг друга, жена фамилию после фиктивного развода не меняла, хоронила мужа)[1], поскольку фактически речь идет о применении аналогии права и прямом действии принципов гуманности, разумности и справедливости.

Пределы аналогии в практике распределения совместных долгов супругов

[1] Определение Пензенского областного суда от 13.12.2016 № 33-4472.

Вне зависимости от юрисдикции одним из ключевых при определении правового режима имущества супругов признается вопрос о распределении супружеских долгов в период брака и после его прекращения[1], в том числе в таком кажущемся пробельном и требующем обращения к ст. 5 СК РФ случае как прекращение брака в связи с изменением одним из супругов пола[2]. Между тем в российском семейном законодательстве этот вопрос урегулирован неполно.

С одной стороны, п. 3 ст. 39 и п. 2 ст. 45 СК РФ дают четкое представление о том, что: а) долги супругов могут быть как общими (если они возникли из совместных обязательств либо если имущество, полученное супругом – титульным должником, использовано на нужды семьи[3]), так и личными, подлежащими погашению непосредственно тем супругом, который числится в качестве должника (если они появились до заключения брака, либо использованы для удовлетворения исключительно личных потребностей одного из супругов); б) при разделе имущества не производится раздел общих долгов (по крайней мере, без учета правил гражданского законодательства о переводе долга), но определяются доли каждого супруга в таких долгах[4], т.е. экономическое бремя их погашения может быть учтено и добровольно или принудительно распределено между супругами[5].

С другой стороны, отсутствие нормативной презумпции общности супружеских долгов и размытость понятия семейных нужд, для удовлетворения которых возникают общие обязательства супругов[6], приводят к тому, что суды при попытках одного из супругов признать лежащее на нем обязательство общим приходят к противоположным решениям при максимальной схожести

---

[1] Cooke E., Barlow A., Callus T. Community of Property: A Regime for England and Wales? L., 2006. P. 3; Ratner J.R. Creditor and Debtor Windfalls from Divorce // Estate Planning and Community Property Law Journal. 2011. Vol. 3. P. 211–240.

[2] Чашкова С.Ю. Имущественные последствия прекращения брака в связи с изменением одним из супругов пола // Семейное и жилищное право. 2024. № 2. С. 13–16.

[3] В литературе отмечается терминологическая некорректность обозначения данной разновидности обязательств общими и указано на предпочтительность использования характеристики «совместные» (см.: Ломакина П.А. Совместные обязательства супругов. Проблемы доказывания // Закон. 2018. № 12. С. 144–154).

[4] Пыхтин С.В. Судьба кредитных обязательств при разделе имущества супругов // Судья. 2019. № 8. С. 34–41.

[5] Косова О.Ю. Общие долги супругов: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 17–20.

[6] Чефранова Е.А. Долги супругов: научная дискуссия и практические последствия // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 24–27.

обстоятельств[1] и сталкиваются с нехваткой нормативных параметров: а) отхода от принципа равенства долей супругов в общем имуществе с учетом общих долгов и (или) б) механизма компенсации супругу-должнику другим супругом фактически понесенных (или предстоящих) расходов для погашения общего долга[2].

С отмеченной правовой неопределенностью суд столкнулся при разрешении следующего спора.

Р.Н. (истец) обратился в суд с иском к бывшей жене Р.М. (ответчица) о разделе совместно нажитого имущества, в том числе обязательств по кредитному договору. В этой части исковые требования обосновывались тем, что кредитный договор был заключен истцом с ведома и согласия ответчицы, полученные денежные средства израсходованы на нужды семьи, но семейные отношения стороны прекратили до полного погашения кредита и истец исполнял обязанности по уплате долга в период раздельного проживания за счет личных средств.

Ответчица иск в указанной части не признала, ссылаясь на то, что кредит был полностью погашен во время нахождения сторон в зарегистрированном браке.

Решением суда с ответчицы Р.М в пользу истца Р.Н. была взыскана половина денежных средств, уплаченных по оформленному на него кредитному договору. Суд, опираясь на ст. 5 СК РФ и п. 2 ст. 45 СК РФ, сделал вывод, что если кредит, полученный одним из супругов во время брака, был потрачен на общие (семейные) нужды, но погашен этим супругом исключительно за счет личных средств после фактического прекращения брачных отношений, хотя и до регистрации прекращения брака, то второй супруг должен компенсировать половину от потраченных на погашение кредита средств[3].

Видится, что в данном деле суд верно квалифицировал спорные отношения как прямо не урегулированные семейным законодательством, которое действительно не содержит специальной нормы о последствиях исполнения одним из супругов общего супружеского обязательства за счет личного его имущества в

---

[1] Мазовка Е.Н. Признание долговых обязательств общими обязательствами супругов: анализ судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 82–89.

[2] Кратенко М.В. Раздел общих обязательств (долгов) супругов: некоторые проблемы теории и практики // Адвокат. 2011. № 9. С. 21–28.

[3] Определение Московского городского суда от 06.08.2012 № 11/16658.

условиях распада семьи и фактического прекращения брачных отношений.

Юридическое сходство спорных и урегулированных законом отношений позволило суду сделать вывод о том, что в погашении потраченного на общие нужды кредита, в том числе в условиях распада семьи, должны участвовать оба супруга, и при доказанности факта исполнения возникшего в период совместной жизни кредитного обязательства одним из супругов за счет личных средств в отсутствие общего бюджета другой супруг обязан выплатить компенсацию.

Прибегнув к аналогии, суд распространил на спорные отношения п. 2 ст. 45 СК РФ таким образом, что если при неисполнении общего долга вопрос о распределении бремени ответственности между супругами решается на основе солидарного участия супругов (сначала в погашение общего долга направляется общее их имущество, а затем – личное), то и при исполнении общего обязательства одним из супругов за счет личных средств другой супруг обязан принять соответствующее участие (путем уменьшения его доли в общем неразделенном имуществе либо путем выплаты компенсации из личных средств).

Думается, что этот подход вполне соответствует принципу равенства супругов, который, как справедливо отмечается в литературе, распространяется и на их имущественные отношения[1].

В схожем случае суд исходя из требований ст. 5 СК РФ аналогически применил к спорным правоотношениям, возникшим в связи с разделом общих долгов бывших супругов, положения ч. 2 ст. 34 и ч. 3 ст. 39 СК РФ.

Д.Н. (истица) обратилась в суд с иском к бывшему мужу Д.В. (ответчик) о разделе долгового обязательств по кредитному договору и взыскании денежных средств. Исковые требования мотивированы тем, что кредитный договор был заключен истицей в период брака, полученные денежные средства направлены на приобретение квартиры для совместного проживания, но семейные отношения сторон сначала фактически прекратились, а затем их брак был расторгнут юридически. С момента фактического прекращения брачных отношений по день

[1] Добровинский А.А. Проблемы толкования пункта 2 статьи 35 Семейного кодекса РФ в российской правовой науке и судебной практике // Lex russica. 2020. № 3. С. 9–19; Рыженков А.Я. Принцип равенства прав супругов в семье: вопросы теории // Юрист. 2019. № 12. С. 13–19.

рассмотрения дела в суде обязанности по кредиту исполняет только истица за счет личных средств. Поскольку принятым ранее решением суда денежные средства, внесенные в оплату стоимости квартиры, признаны совместно нажитым имуществом супругов и разделены поровну, то с ответчика подлежит взысканию половина внесенных истицей в погашение долга платежей, а остаток задолженности по кредитному обязательству должен быть признан общим по ½ долга за каждым из бывших супругов.

Суд усмотрел сходство спорных отношений с урегулированными отношениями по образованию общей совместной собственности супругов (п. 2 ст. 34 СК РФ) и разделу их общего имущества (п. 3 ст. 39 СК РФ) и, применив указанные нормы по аналогии, удовлетворил иск[1].

Несмотря на то, что общее супружеское имущество – это не только благо, но и бремя супругов, широкое юридическое понятие брачного имущества действительно может включать не только вещи, имущественные права, но и обязательства (долги)[2], буквальное толкование ст. 34 СК РФ приводит к выводу об использовании законодателем данного термина в семейно-правовом контексте в более узком смысле – для обозначения совокупности супружеских материальных активов. Аналогия с положениями наследственного права, где принято говорить об имущественном активе и пассиве применительно к наследству, здесь неуместна[3]. В силу этого, если и допускать применение правил о разделе имущества к распределению бремени погашения общих долгов (осуществляя рассмотрение вопросов раздела активов и пассивов одновременно, как на этом настаивают некоторые авторы[4]), то только в порядке аналогии, как это сделал суд в указанном деле. Действительно, механическое включение долгов в состав супружеского имущества, предназначенного к разделу, приведет к тому, что любые долги

[1] Решение Фокинского районного суда города Брянска от 24.04.2013 № 2/510/13.
[2] Пчелинцева Л.М. Семейное право России: Учебник. 5-е изд., перераб. М.: Норма, 2008. С. 205; Моисеева Т.М. Совместная собственность супругов и (или) общее имущество супругов: анализ современного семейного и гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 131–136.
[3] Косова О.Ю. Общие долги супругов: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 17–20.
[4] Савельева М.В. Разграничение ответственности супругов по общим обязательствам при разделе совместно нажитого имущества // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 23–26.

супругов будут предполагаться общими, в то время как внезаконное введение такой презумпции не соответствует СК РФ и вызывает опасения, связанные с риском возложения обязательств на супруга, находящегося в добросовестном неведении[1].

Для закрепления такой презумпции, равно как и для определения порядка и последствий раздела общих долгов (а не их учета при определении долей в общих активах), требуется воля законодателя, опирающаяся на детальную доктринальную проработку вопросов квалификации перевода долга при его разделе[2], распределения бремени доказывания общего характера долга, влияния раздела на права кредитора и др.

До тех пор, пока соответствующее законодательное решение не принято (оно может так и не состоятся в обозримом будущем виду серьезной критики появившегося проекта за явный прокредиторский дисбаланс и рассогласование с презумпцией согласия супруга на совершение сделок по распоряжению общим имуществом[3]), имея в виду необходимость обеспечивать единство (взаимообусловленность) судьбы супружеских активов и пассивов, более уместным представляется аналогическое применение в соответствующих случаях правил п. 2 ст. 45 СК РФ.

Не менее лакунным, переопределяющим поводы к обходу закона и существенные риски попыток злоупотребления правами супругов признается текущее состояние правового регулирования соглашений о разделе общего имущества супругов[4]. Это представляется тем самым случаем, когда усиление диспозитивных начал семейно-правового регулирования[5] и повсеместное проникновение договорных элементов в правовой режим семейного имущества[6] способствуют появлению все большего числа уникальных правоотношений,

---

[1] Нестерова Т.И. Об обеспечении баланса интересов супругов и добросовестных приобретателей супружеского имущества // Хозяйство и право. 2023. № 6. С. 111.

[2] Долинская В.В. Проблемы правового режима объектов экономической деятельности при разводе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 40–46.

[3] Шершень Т. В. Проблемы применения гражданского законодательства России к семейным отношениям: теория, законодательство и правоприменительная практика // Ex jure. 2020. № 1. С. 61–72.

[4] Елисеева А.А. Соглашение о разделе общего имущества супругов: юридическая сущность и содержание // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 8–12.

[5] Муратова С.А. Семейное право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 7.

[6] Холоденко Ю.В., Бердников С.С. Изменение режима имущества супругов в процедурах банкротства // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 34–38.

попадающих в зону правовых пробелов.

Практика аналогического преодоления неопределенности механизма договорного раздела имущества супругов

Одним из основных пробелов в данной сфере в науке справедливо считается отсутствие правил, которые препятствовали бы выводу активов из обладания одного из супругов с целью уклонения от погашения долгов перед кредиторами[1], расцениваемой некоторыми правоведами как естественный путь спасения имущества от кредиторов[2].

Допустив возможность изменения законного режима имущества супругов, законодатель установил гарантии прав кредиторов сторон брачного договора. В силу п. 1 ст. 46 СК РФ супруг обязан уведомлять своего кредитора о заключении, изменении или расторжении брачного договора. При невыполнении этой обязанности супруг отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора. Соответственно, очевидная схожесть возможных негативных последствий неосведомления кредиторов супругов о заключении ими брачного договора и соглашения о разделе общего имущества[3], близость этих договорных конструкций[4], одинаково нацеленных на изменение законного режима имущества супругов (различие в «ретроспективности» соглашения о разделе и «проспективности» брачного договора[5] лишь незначительно сужает сферу сходства), буквально наталкивает на идею об аналогическом применении к отношениям по разделу супружеского имущества правил о брачном договоре.

Действительно, умолчание законодателя об обязанности супруга уведомлять своих кредиторов о заключении, изменении или о расторжении им с другим супругом соглашения о разделе имущества, равно как и умолчание о последствиях неосуществления такого уведомления, явно не может рассматриваться как

---

[1] Рузанова В.Д. Влияние соглашений супругов на законный режим их имущества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 18–24.

[2] Радченко Т., Головкин С., Никуличев А., Хохлов А., Соколов Д. Как жена должника спасла квартиру от кредиторов // Жилищное право. 2021. № 6. С. 67–75.

[3] Цветков А.С. Актуальные вопросы практики применения брачного договора в нотариальной деятельности // Современное право. 2017. № 1. С. 27–31.

[4] Альбиков И.Р. Особенности правовой природы и содержания брачного договора // Юрист. 2010. № 8. С. 44–47.

[5] Степкин С.П. Правовая природа брачного договора // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 25–28.

квалифицированное (едва ли законодатель желал специально игнорировать интересы кредиторов и предоставлять супругам возможность выводить имущество из-под вероятного обращения взыскания по долгам одного из них). Следовательно, налицо действительный семейно-правовой пробел, предполагающий обращение к аналогии и аналогическое применение к спорным отношениям ст. 46 СК РФ.

Вывод о недопустимости нарушения прав и интересов кредиторов при заключении супругом-должником соглашения о разделе имущества и необходимости применения имеющихся защитных правил о брачном договоре может быть покреплен резонной идеей о целесообразности применения ко всем семейно-правовым соглашениям супругов, которые изменяют законный режим их имущества, положений ст. 1, 10 ГК РФ, запрещающих злоупотребление правом и извлечение выгоды из недобросовестного поведения[1].

С позиции юридической методологии, требующей при формулировании заключения по аналогии устанавливать класс, к которому относится спорное отношение (оно должно быть сходно по существенным признакам с другими отношениями этого класса), и убеждаться в том, что имеющаяся в законе (подлежащая применению) норма обусловлена таким признаком, который присущ всем отношениям данного класса[2], аналогическое правовое суждение в рассматриваемом случае выглядит вполне обоснованным. Соглашение о разделе имущества и брачный договор (в части, определяющей судьбу наличного имущества) приводят к сопоставимому правовому результату (изменение законного режима имущества), оба соглашения подлежат заключению в нотариальной форме (законодатель схожим образом оценивает необходимость участия нотариуса в оформлении этих равно значимых для режима имущества супругов актов), и главное – заключение каждого их этих соглашений может повлечь сходные негативные последствия для кредиторов одного из супругов (того, в пользу которого распределяются неликвидные активы либо несоразмерно

[1] Богданова Е.Е. Спорные вопросы раздела имущества супругов // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 116.
[2] Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. 1: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 252, 269, 270.

малая их часть). Существенное сходство рассматриваемых соглашений и наличие норм ст. 46 СК РФ, обусловленных такими свойствами брачного договора, которые присущи и соглашению о разделе имущества супругов, указывают на логическую правильность их аналогического распространения.

Подобный подход нашел отражение в судебной практике, когда суд на основании ст. 5 СК РФ и ст. 6 ГК РФ пришел к выводу, что положения ст. 46 СК РФ о защите прав кредиторов супругов, заключающих брачный договор, по аналогии должны применяться и к совершаемым супругами согласно п. 2 ст. 38 СК РФ соглашениям о разделе совместно нажитого имущества.

В деле по иску кредитора к супругам об определении доли одного из супругов (должника) в праве собственности на земельный участок и находящийся на нем моечный цех, и об обращении взыскания на выделенную долю в целях обеспечения исполнения решений суда о взыскании с должника неосновательного обогащения за счет истца суд, руководствуясь ст. 5 СК РФ и ст. 6 ГК РФ, усмотрел сходство отношений по разделу общего имущества супругов на основании их соглашения в порядке п. 2 ст. 38 СК РФ с подробно урегулированными семейным правом отношениями по заключению брачного договора, предполагающего изменение законного режима имущества супругов.

По мнению суда, п. 1 ст. 46 СК РФ должен применяться не только к брачному договору, но и в силу схожести отношений и наступления аналогичных последствий к соглашению о разделе общего имущества супругов. В противном случае кредитор должника, разделившего со своим супругом (супругой) совместно нажитое имущество путем заключения соглашения о его разделе, ставится в неравное положение с кредитором должника, совершившим такое же действие путем заключения брачного договора.

Установив, что на момент заключения ответчиками (супругами) соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругу-должнику было известно о наличии у него долгового обязательства, вместо его исполнения, действуя недобросовестно, он произвел отчуждение принадлежавшего ему недвижимого имущества, о заключении соглашения истец как кредитор уведомлен не был, суд

применил по аналогии п. 1 ст. 46 СК РФ и иск удовлетворил: в спорном супружеском имуществе была выделена доля должника и на нее обращено взыскание в целях исполнения обязательства перед истцом[1].

В целом поддерживая такую аналогическую практику, необходимо обратить внимание, что п. 1 ст. 46 СК РФ возлагает на супруга-должника, заключающего (изменяющего или расторгающего) брачный договор, дополнительную обязанность, при исполнении которой у его кредиторов возникает предусмотренное в п. 2 ст. 46 СК РФ право требовать изменения условий или расторжения заключенного между ними договора, а при неисполнении обязывает супруга отвечать перед своими кредиторами независимо от содержания брачного договора. В свете принципиального положения п. 4 ст. 1 СК РФ о недопустимости ограничения права граждан в семье иначе, как на основании федерального закона и с учетом довольно прочной общетеоретической позиции, согласно которой невозможно применение по аналогии норм, устанавливающих изъятия из общих правил и предусматривающих неблагоприятные для субъектов права последствия их действий (бездействия)[2], применение указанных норм в порядке аналогии приводит к ограничению семейных прав, а значит, недопустимо.

В связи с изложенным, разделяя идею, что основанная на принципах справедливости судебная практика должна влиять на формирование правовых норм[3], рассматриваемое решение как акт о применении ограничения по аналогии ради справедливости представляется возможным одобрить, но опираясь исключительно на общие начала семейного законодательства (аналогия права) и только в аспекте поддержки развития права. При этом использованную судом аналогию закона целесообразно распознать как креативное начало для устраняющего пробел акта законодателя, который мог бы по аналогии с нормами о

---

[1] Определение Верховного суда Удмуртской Республики от 14.01.2016 № 33-6/2016.

[2] Грось Л.А. Производство в судах кассационной инстанции–основная форма проверки законности судебных актов, вступивших в законную силу // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 9. С. 33–37; Микрюков В.А. О недопустимости установления и прекращения обременений гражданских прав по аналогии // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 69–71; Ренненкампф Н.К. Очерки юридической энциклопедии. Киев; СПб.: Изд. Н.Я. Оглоблина, 1880. С. 109.

[3] Шуберт Т.Э. Влияние судебной практики на законотворческий процесс // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 160–170.

брачном договоре предусмотреть отдельные правила об обязательности уведомления кредиторов о заключении соглашения о разделе имущества и о правомочии кредиторов требовать в судебном порядке изменения, расторжения или признания недействительным соглашения, нарушающего их права[1], либо распространить гарантии, предоставляемые СК РФ кредиторам супругов, заключивших, изменивших или расторгнувших брачный договор, на случаи заключения супругами соглашения о разделе имущества[2].

Сложным ввиду существенной семейно-правовой пробельности в доктрине считается вопрос о возможности признания соглашения супругов о разделе имущества недействительным[3].

Для преодоления своего рода «дискриминации» соглашений о разделе имущества, «обделенных» правилами о последствиях злоупотребления супругами договорной свободой и заключения таких определяющих режим раздельной собственности супругов на конкретные объекты имущества сделок, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства, до внесения необходимых дополнений в СК РФ предлагается применять в порядке аналогии закона нормы п. 3 ст. 42 и п. 2 ст. 44 СК РФ[4]. Высказано мнение о возможности комплексного аналогического распространения на соглашения о разделе имущества супругов норм, регулирующих изменение, расторжение и признание брачного договора недействительным[5], в том числе единообразного (по аналогии) разрешения вопроса о применимости или неприменимости исковой давности к требованию о признании брачного договора недействительным и к такому же требованию в отношении соглашения о разделе общего имущества супругов[6]. В этом контексте можно

---

[1] Рузанова В.Д. Влияние соглашений супругов на законный режим их имущества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 18–24.

[2] Ломакина П.А. Добровольный раздел общих долгов супругов по российскому праву // Вестник гражданского права. 2015. № 4. С. 36–53.

[3] Левушкин А.Н. Правовая природа соглашения супругов о разделе общего имущества // Юридический мир. 2011. № 3. С. 30–33.

[4] Звенигородская Н.Ф. Проблемы признания недействительным соглашения о разделе имущества супругов // Юрист. 2009. № 5. С. 55–62.

[5] Низамиева О.Н. Соглашение об определении долей в общем имуществе и соглашение о разделе общего имущества супругов: особенности правового регулирования // Нотариус. 2005. № 4. С. 36.

[6] Ксенофонтова Д.С. Исковая давность в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 4–8.

привести следующий спор, разрешенный судом в соответствующих доктринальных рамках с аналогическим применением ст. 42 и 44 СК РФ о брачном договоре к соглашениям о разделе общего имущества супругов.

Е.Л.Ф. (истица) заявила исковые требования к М.В.Ф. (ответчик) о расторжении соглашения о разделе общего имущества супругов. Ответчик обратился со встречным иском о признании этого соглашения недействительным и разделе приобретенного во время брака имущества. Основанием требований Е.Л.Ф. явилось нарушение бывшим супругом условия соглашения о передаче определенной ему этим соглашением доли в праве собственности на квартиру несовершеннолетнему сыну в счет уплаты алиментов. Встречный иск был мотивирован тем, что соглашение ставит М.В.Ф. в крайне неблагоприятное положение, что противоречит основным началам семейного законодательства.

Суд пришел к выводу, что соглашение о разделе общего имущества супругов, выступающее основанием для возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей супругов в отношении их совместной собственности, имеет сходство с брачным договором и к такому соглашению по аналогии закона применимы положения о брачном договоре, содержащиеся в ст. 42, 44 СК РФ, а именно положения о том, что такой договор не может содержать условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречащие основным началам семейного законодательства (п. 3 ст. 42 СК РФ), а также что при наличии таких условий суд вправе признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов (п. 2 ст. 44 СК РФ).

Установив, что при заключении сторонами соглашения о разделе совместно нажитого имущества как общее было учтено личное имущество истицы, т.е. условия оспариваемого соглашения не ущемляли интересы другого супруга и не нарушали требований ст. 42, 44 СК РФ, применяемых по аналогии, суд удовлетворил иск и расторг соглашение, а во встречном иске о признании соглашения недействительным отказал, определив доли бывших супругов в соответствии с действующим законодательством[1].

[1] Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 02.02.2016 № 2-780/2016.

Конечно, могут возникнуть сомнения в адекватности объема дискреции, которым суды вынуждены пользоваться, применяя подобную аналогию. С одной стороны, при отсутствии адекватных правил, призванных специально урегулировать экономические отношения, усмотрение правоприменителей, вынужденных восполнять пробел, необходимо и (привнося в правовой процесс долю неопределенности) в конечном счете служит достижению определенности в правовой квалификации конкретного казуса. Но с другой стороны, принципиально важно, чтобы усмотрение не привело к произволу, который (как и само отсутствие правовых норм) порождает социальную несправедливость[1]. В этом контексте такое использование аналогии закона, которое при отсутствии четких нормативных оснований для признания сделки недействительной приводит к внезаконному разрушению порожденных соответствующей сделкой юридических связей, может быть оценено как чрезмерное расширение дискреции.

Несмотря на то, что эти сомнения могут быть резонно отвергнуты ссылкой на необремененность семейного права (в отличие от гражданского) необходимостью обеспечения максимальной определенности и на его генетическую тягу к ситуационности, видится целесообразным минимизировать использование в правоприменении разрушительных (хотя и ситуационно справедливых) аналогий. Иными словами, проблема распространения на соглашения о разделе имущества супругов защитных (но при этом ограничительных, деструктивных) правил о брачном договоре все-таки требует законодательного решения.

Нормативное устранение обнаруженного пробела возможно осуществить путем составления специального перечня оснований недействительности соглашения о разделе общего имущества супругов (по аналогии с соответствующими правилами о недействительности брачного договора)[2]. Но такое умножение нормативного материала едва ли целесообразно. Иной путь –

---

[1] Вайпан В.А. Пробелы в праве как фактор искажения принципа социальной справедливости в судебной практике // Вестник арбитражной практики. 2018. № 5. С. 3–6.

[2] Матвеева Н.А. Нотариальное удостоверение соглашения о разделе общего совместного имущества супругов // Нотариус. 2016. № 5. С. 20–21; Рузанова В.Д., Рузанова Е.В. Гражданско-правовые и семейно-правовые механизмы защиты имущественных прав детей // Власть Закона. 2018. № 3. С. 69–77.

законодательная отсылка, что к соглашению супругов или бывших супругов о разделе нажитого в период брака имущества подлежат применению положения п. 3 ст. 42 и ст. 44 СК РФ о брачном договоре (ст. 4 Проекта федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в редакции, принятой в первом чтении 15.07.2020). Несмотря на то, что по действующим нормам в сравнении с брачным договором соглашения о разделе общего имущества супругов имеют некоторую специфику (они распространяются на имеющееся имущество, но не определяют режим будущего имущества, их могут заключить не только супруги, но и бывшие супруги), трудно отрицать, что при отсутствии различий в требуемой законом форме и при распространении на соглашения о разделе норм о порядке изменения, расторжения и признания брачного договора недействительным, брачный договор фактически поглощает соглашение о разделе имущества, т.к. разницы между ними (в соответствии Проектом) практически не остается[1]. В частности, уже сейчас суды допускают раздел личных вещей каждого из супругов[2]. Поэтому не исключено, что наиболее верно нормативно включить соглашение о разделе имущества супругов как частность в общий режим брачного договора[3].

Судебная практика показывает, что условия брачного договора имеют потенциал к более широкому аналогическому применению. В частности, можно помыслить, что содержащееся в брачном договоре условие о передаче мужем его личного имущества в собственность жены по аналогии закона после его смерти приравнено к завещательному распоряжению и на основании аналогии права на соответствующее имущество признано право собственности жены. Именно к такому выводу пришел суд, рассматривая следующее дело.

Истица (вдова) обратилась в суд с иском к наследнику умершего мужа (ответчик) о признании права собственности на квартиру. Иск мотивирован тем, что данная квартира, приватизированная супругами в равных долях, по условиям

---

[1] Михеева Л.Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.
[2] Определение ВС РФ от 10.09.2019 № 18-КГ19-82.
[3] Предложение по нормативному воплощению такого варианта представлено в заключении настоящей работы.

заключенного ими брачного договора передана в собственность жены (истицы). Однако, при жизни мужа переход права собственности на квартиру к истице зарегистрирован не был, а после его смерти в регистрации было отказано. Истица настаивала, что брачный договор был не только добровольным, но и справедливым, поскольку защищал интересы обоих супругов: мужу в собственность передавались совместно нажитые земельный участок и дом в садовом товариществе, гараж, однокомнатная квартира и автомобиль. Этим имуществом муж распорядился еще при жизни: автомобиль и дачу продал, квартиру подарил внучке.

Ответчик исковые требования не признал, ссылаясь на их противоречие ст. 36 СК РФ, согласно которой доля в праве на приватизированную квартиру, полученную его умершим отцом безвозмездно, является его личной собственностью. На момент смерти супруга переход доли к истице не зарегистрирован, значит, эта доля входит в наследственную массу, на часть которой он вправе претендовать как наследник первой очереди.

Поскольку брачный договор нотариально удостоверен и в нем определено, что в случае смерти кого-либо из супругов правовой режим имущества должен соответствовать положениям законодательства и этого договора, а также принимая во внимание, что на момент смерти супруга брак не был расторгнут, брачный договор истицей в отношении супруга исполнен, последний при жизни совершил действия, обеспечивающие переход его имущества конкретным лицам, суд согласился с доводом, что к условию брачного договора о передаче жене принадлежащей мужу доли в квартире подлежат применению нормы наследственного права о завещательном распоряжении.

Суд признал за истицей долю в праве собственности на спорную квартиру как перешедшую к ней в силу наследования по завещанию путем фактического принятия наследства. Удовлетворяя иск, суд сослался на принципы гуманности, разумности и справедливости, указав, что отказ в иске привел бы истицу в крайне неблагоприятное положение, когда квартира, в которой она имела бы право на долю как супруга и как наследница, не может быть ей возвращена, а доли в спорной

квартире она лишится[1].

Анализируя данный казус, следует указать, что согласно п. 1 ст. 1118 ГК РФ распорядиться имуществом на случай смерти можно путем совершения завещания или заключения наследственного договора. Эта норма чаще всего признается как исключающая возможность использования брачного договора для определения юридической судьбы имущества супругов на случай смерти одного из них[2]. Вместе с тем, отмечается существенная похожесть условия совместного завещания о том, какое имущество (какая его доля) будет входить в наследственную массу каждого из супругов, на соглашение супругов о разделе общего имущества и на условие брачного договора[3]. Более того, высказывается мнение об отсутствии препятствий к тому, чтобы одним из условий брачного договора было положение о передаче имущества супругу в случае смерти другого (по крайней мере, если речь идет об имущественном распоряжении в пользу именно супруга, а не третьего лица)[4].

С учетом изложенного и в свете новой формулировки абз. 2 п. 4 ст. 256 ГК РФ, которая может быть истолкована как исключение из правила о правоустанавливающем значении государственной регистрации применительно к супружеской доле пережившего супруга[5], приведенное судебное решение возражений не вызывает.

Для дополнительного обоснования правомерности рассматриваемого подхода можно привести аналогию с тем, как Пленум ВС РФ дал разъяснение о недопустимости отказа в удовлетворении требования наследника о включении в наследственную массу жилого помещения, в отношении которого наследодатель выразил при жизни волю на приватизацию, не отозвал свое заявление, но по не зависящим от него причинам (в силу смерти) был лишен возможности соблюсти

---

[1] Решение Бежицкого районного суда города Брянска от … (данные изъяты) № 743/2011.

[2] Акимова И.Ю. Брачный договор: проблемы реализации // Нотариус. 2016. № 8. С. 26–29; Чашкова С.Ю. Выделение супружеской доли при наследовании в свете изменений законодательства Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 23–27.

[3] Гонгало Б.М. Определение наследственной массы супругов в совместном завещании // Семейное и жилищное право. 2019. № 6. С. 13–17.

[4] Ходырева Е.А. «Estate planning» и выбор супругами вида наследственного распоряжения // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2020. № 2. С. 364–387.

[5] Арсланов К.М. О государственной регистрации права: на примере права пережившего супруга на долю в общей совместной собственности согласно абз. 2 п. 4 ст. 256 ГК РФ // Наследственное право. 2020. № 3. С. 44–47.

все правила оформления документов на приватизацию, в которой ему не могло быть отказано[1]. Эта позитивно оцениваемая в науке «гуманистическая позиция»[2] суда о восполнении законодательного разрыва в пользу наследников приобретателя приватизируемого жилого помещения явно должна работать и в обратном направлении – против наследников лица, совершившего акт отчуждения недвижимого имущества своему супругу на условиях брачного договора, но не успевшего до смерти обеспечить регистрацию перехода права собственности.

Поскольку одним из ключевых спорных объектов в составе супружеского имущества является жилая недвижимость, постольку в практике не мог не возникнуть вопрос о праве супругов на совместное проживание и соответствующие ему попытки предъявления одним из супругов требования о вселении в жилое помещение, в котором проживает другой супруг.

Аналогия при квалификации права супругов на совместное проживание

Для анализа данного вопроса целесообразно привести конкретный случай, когда суд не применил аналогию для признания права супругов на совместное проживание и отказал во вселении жены в жилое помещение.

Истцы – Х.С. и Х.А. (супруги) обратились в суд с иском к Х.М. (жена сына истцов, невестка) и ОУФМС (ответчики) с требованием обязать Х.М. не препятствовать истице Х.С. во вселении в жилое помещение, а ОУФМС – зарегистрировать ее в нем. Исковые требования мотивированы следующим: спорное жилое помещение было предоставлено истице Х.С. по договору социального найма. В качестве членов семьи Х.С. в это помещение были вселены муж Х.А. (соистец), сын, его жена Х.М. (ответчица) и внук. Позднее истица добровольно выбыла из квартиры, снялась с регистрационного учета по этому адресу, вселилась в квартиру своей матери, зарегистрировалась в ней и приватизировала. После выбытия истицы нанимателем стал ее муж Х.А., в помещении остались проживать невестка с внуком. Сын, не снявшийся с

[1] Пункт 8 Постановления Пленум ВС РФ от 24.08.1993 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 1993. № 11.

[2] Зайцев О.В. Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 105–136.

регистрационного учета, фактически в спорной квартире не живет.

Соистец Х.А. как наниматель квартиры выразил намерение вселить и зарегистрировать по месту жительства в этой квартире свою жену Х.С., которая подала соответствующее заявление в ОУФМС. В приеме документов на оформление регистрации было отказано по причине отсутствия согласия ответчицы Х.М. на вселение свекрови. Истцы сообщили, что от каких-либо объяснений мотивов своего поведения ответчица отказывается и что по их мнению, права и законные интересы ее не нарушаются: жилая площадь на одного члена семьи после вселения Х.С. останется в пределах учетной нормы, возможность ответчицы проживать в отдельной комнате с сыном не утрачивается.

Истцы полагают, что ответчица, препятствующая вселению Х.С. и дальнейшему совместному проживанию семьи истцов, формально опираясь на свое право дачи согласия на вселение (п. 1 ст. 70 ЖК РФ), в действительности использует это право во зло и фактически вмешивается в семейную жизнь супругов, мешает им реализовывать право на совместное проживание и ведение общего хозяйства, чем посягает на основополагающие семейные ценности.

Истцы просят суд в отсутствие семейно-правовых норм, прямо регулирующих возникшие правоотношения, применить нормы гражданского права о недопустимости злоупотребления субъективными правами, а также такие принципы семейного законодательства, как обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав и их судебной защиты.

Суд не согласился с доводами о необходимости поиска сходных отношений, урегулированных законом, для применения по аналогии ст. 10 ГК РФ, поскольку спорные отношения непосредственно урегулированы нормами жилищного права с учетом принадлежности помещения муниципальному жилищному фонду (ст. 70 ЖК РФ). В удовлетворении иска отказано[1].

Гарантируя в п. 1 ст. 31 СК РФ свободу каждого из супругов в выборе мест пребывания и жительства, законодатель определяет равенство возможностей супругов в решении этого вопроса исключительно по отношению друг к другу, т.е.

[1] Решение Тимирязевского районного суда города Москвы от 10.04.2012 № 2-759/2012.

разрешает раздельное проживание супругов, но не предоставляет им право противопоставить желание проживать совместно правам и интересам третьих лиц.

Исходя из того, что в отличие от супругов несовершеннолетние дети прямо наделены правом жить и воспитываться в семье (п. 2 ст. 54 СК РФ), а местом жительства детей, не достигших 14 лет, признается место жительства их родителей, усыновителей или опекунов, п. 1 ст. 70 ЖК РФ позволяет нанимателю вселять в занимаемое им жилое помещение по договору социального найма своих несовершеннолетних детей (либо несовершеннолетних детей других членов семьи) без получения согласия наймодателя и остальных членов семьи. Аналогичного исключения из правила о необходимости получения письменного согласия всех членов семьи на вселение супруга нанимателя ст. 70 ЖК РФ не содержит, что в силу системного толкования указанных норм должно рассматриваться как «квалифицированное молчание закона», так как по общему правилу все находящееся за рамками исчерпывающего перечня (списка) воспринимается как находящееся под «запретом по умолчанию»[1]. В свою очередь, осознанное умолчание законодателя о праве супругов на совместное проживание исключает восполнение соответствующего условия беспрепятственного вселения по аналогии, поскольку спорное правоотношение оказывается урегулированным нормой ст. 70 ЖК РФ. Поэтому, думается, что в рассматриваемом случае суд пришел к обоснованному выводу об отсутствии реального правового пробела и правомерно отказался прибегать к аналогии.

Верным следует признать и то, что суд не принял во внимание ссылку истцов на злоупотребительный характер отказа ответчицы от дачи согласия на вселение свекрови. Поскольку причины, по которым члены семьи нанимателя отказывают в даче согласия на вселение в жилое помещение других лиц (в том числе супруга одного из проживающих в этом помещении членов семьи) не имеют правового значения[2], постольку такой отказ не может быть признан судом неправомерным.

---

[1] Германов А.В. Молчание законодателя и пробел в гражданском процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 7. С. 2–5.

[2] Пункт 26 Постановления Пленума ВС РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации».

§ 3. Пределы аналогии в практике установления прав и обязанностей родителей и детей

Согласно ст. 47 СК РФ права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке. Поэтому ключевым элементом семейно-правового статуса ребенка является система гарантий установления его происхождения от конкретных лиц.

Ввиду существования непосредственной связи между семейно-правовым статусом и эффективностью осуществления прав ребенка[1] максимально четкое и полное нормативное закрепление механизма установления происхождения ребенка видится принципиально важным. Можно согласиться, что возникновение семейных прав ребенка «ассоциируется» с установлением отцовства[2]. Верно и то, что в результате неполного урегулирования порядка установления происхождения детей их права и интересы остаются незащищенными[3].

Особое значение механизм установления происхождения детей имеет для не состоящих в браке родителей и рожденных вне брака детей, поскольку в отношении них не работает установленная в п. 2 ст. 48 СК РФ презумпция отцовства супруга матери в отношении рожденного ею ребенка. При этом провозглашенное в ст. 53 СК РФ равенство прав и обязанностей внебрачных детей и детей, родившихся от состоящих в браке между собой лиц, обеспечивается только при установлении отцовства в порядке, предусмотренном ст. 48–50 СК РФ.

На случай рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке между собой, в п. 3 ст. 48 и ст. 49 СК РФ предусмотрены процедуры добровольного и принудительного установления отцовства. Особым образом решен вопрос об установлении отцовства лица, не состоявшего в браке с матерью ребенка, после

---

[1] Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11–15.

[2] Ильина О.Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 13–17.

[3] Бахарева О.А. Некоторые аспекты процессуального положения лиц, участвующих в делах, связанных с установлением происхождения детей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 7–10.

смерти предполагаемого отца. Согласно ст. 50 СК РФ в случае смерти лица, которое при жизни признавало себя отцом ребенка, в судебном порядке по правилам особого производства может быть установлен факт признания отцовства. Кроме того, Пленумом ВС РФ разъяснено, что суд вправе также в порядке особого производства установить факт отцовства лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, в случае смерти этого лица, при наличии доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребенка от данного лица[1].

Указанные правила в целом обеспечивают достаточно надежные процедуры установления происхождения детей, позволяя сформировать семейно-правовой статус ребенка и защитить его интересы вне зависимости от противоречий в намерениях конкретных родителей при отсутствии заключенного между родителями брака, а также в случае смерти одного из родителей. Однако реалии многообразных и сложных семейных взаимоотношений обнаруживают пробелы в правовом регулировании столь чувствительной сферы.

Аналогия в практике преодоления неопределенности правового механизма установления отцовства

Буквальное толкование ст. 50 СК РФ указывает на возможность установления судом факта признания отцовства лицом, которое признавало себя отцом ребенка, лишь в случае смерти такого лица. Поэтому открытым, непосредственно не урегулированным остается вопрос о порядке установления аналогичного факта, если считавший себя родителем гражданин признан безвестно отсутствующим и в текущее время место его нахождения неизвестно.

Некоторые суды дают отрицательную оценку попыткам выйти за пределы буквы закона и через аналогию установить факт признания отцовства безвестно отсутствующим лицом в особом порядке по ст. 50 СК РФ: признание лица безвестно отсутствующим по правовой природе не тождественно установлению факта смерти, в силу чего ссылка на ст. 50 СК РФ неправомерна[2].

---

[1] Пункт 23 Постановления Пленума ВС РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 7.

[2] Судебная практика Верховного суда Республики Татарстан. II квартал 2002 года // Документ не опубликован. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Однако имеется и противоположный судебный подход, допускающий применение ст. 50 СК РФ по аналогии закона.

Так, ЯНС обратилась в суд с заявлением об установлении факта признания отцовства. Требование мотивировано тем, что ЯНС около полутора лет жила с КДВ в съемной квартире и вела с ним общее хозяйство, в период совместного проживания забеременела, чему КДВ был рад, в дальнейшем они хотели пожениться. Однако еще до рождения ребенка КДВ бесследно исчез и с того времени о нем ничего неизвестно. Родители КДВ забирали ЯНС из роддома, покупали вещи для ребенка. Поскольку брак не был зарегистрирован, в свидетельстве о рождении сына в графе отец стоит прочерк. В сложившихся обстоятельствах добровольное признание отцовства невозможно. Установление факта признания отцовства необходимо для внесения сведений об отце в документы сына для обеспечения его права знать своих родителей, общаться с дедушкой и бабушкой и другими родственниками, а также на государственную поддержку в связи с потерей кормильца.

Суд констатировал, что нормами семейного законодательства порядок установления факта признания отцовства лицом, не умершим, но признанным в установленном законом порядке безвестно отсутствующим, не регламентирован. Руководствуясь ст. 5 СК РФ, суд указал на сходство рассматриваемых отношений с урегулированными ст. 50 СК РФ отношениями по установлению факта признания отцовства лицом в случае его смерти, в связи счем зявление удовлетворил: факт признания отцовства КДВ в отношении сына ЯНС был установлен[1].

Думается, что такой подход к оценке возможности применения ст. 50 СК РФ по аналогии к случаям, когда лицо, признававшее себя отцом, оказалось безвестно отсутствующим (а не умерло или не объявлено умершим), в большей степени отвечает принципиальной семейно-правовой установке первостепенной защиты интересов несовершеннолетних. Это правильная, гуманная аналогия, позволяющая защитить законные неимущественные интересы ребенка и обеспечить реальное

[1] Решение Тындинского районного суда Амурской области от … (данные изъяты) № … (данные изъяты). Опубликовано на сайте суда 10 сентября 2010 года.

осуществление гарантированного ст. 7 Конвенции о правах ребенка[1] и ст. 54 СК РФ права ребенка знать своих родителей, а также установленного в ст. 55 СК РФ права на общение с дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками (по линии отца). Немаловажно и то, что реализация норм ст. 50 СК РФ в отношении безвестно отсутствующих граждан сопрягается с возможностью обеспечения имущественных прав ребенка за счет принадлежащего таким гражданам имущества, переданного в доверительное управление[2].

Поскольку ни смерть, ни безвестное отсутствие предполагаемого отца ребенка не только не мешают отбору свидетельских показаний об отношениях этого лица с матерью ребенка и об указывавших на признание отцовства обстоятельствах, но и не являются препятствием к проведению судебной экспертизы, допускающей взятие образцов ДНК для сравнительного исследования у родственников предполагаемого отца (если речь идет об установлении факта отцовства), постольку при применении ст. 50 СК РФ возможно минимизировать риск признания отцом лица, не являющегося биологическим родителем.

Примечательно, что в представленном акте суд в качестве нормативного основания применения аналогии закона обратился не только к положениям ст. 5 СК РФ, но и к соответствующим правилам п. 3 ст. 11 и ст. 264 ГПК РФ, чем подчеркнул недопустимость отказа в правосудии и судебной защите семейных прав в случаях правовой пробельности.

В целях устранения законодательной лакуны и достижения полной правовой определенности в столь чувствительной сфере видится целесообразным, опираясь на сформулированные в результате применения аналогии закона конструкт, соответствующим образом уточнить ст. 50 СК РФ[3].

Применительно к пределам использования аналогии в правовом механизме установления отцовства интерес представляет следующий казус.

Ю.В.Б. (истица), действующая в интересах своего несовершеннолетнего

---

[1] Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[2] Кузнецова И.Ю. Установление отцовства в судебном порядке // Вестник Саратовской гос. юрид. академии. 2016. № 3 (110). С. 76.

[3] Предлагаемая обновленная формулировка ст. 50 СК РФ представлена в заключении настоящей работы.

сына, обратилась в суд с заявлением о признании незаконным бездействия управления образования (ответчик) – непринятия необходимых мер по защите прав и интересов несовершеннолетнего, выразившегося в отказе предъявить в его интересах иск к Х. об установлении отцовства и взыскании алиментов на ребенка, о возложении обязанности на ответчика подать соответствующее исковое заявление с указанными требованиями.

В обоснование иска Ю.В.Б. указала, что уже пыталась установить отцовство Х. в отношении своего сына и взыскать на него алименты, но суд в удовлетворении ее требований отказал. На тот момент истица не знала о возможности ходатайствовать о назначении судебной молекулярно-генетической экспертизы, и именно по этой причине ей не удалось доказать отцовство, а сейчас она не вправе повторно обращаться в суд с иском к тому же ответчику по тому же предмету и по тем же основаниям. Истица обратилась за содействием к управлению образования, просила подать иск к Х. в интересах ее ребенка, но управление отказало, сославшись на формальные основания (отсутствие полномочий).

Истица полагает, что в данном случае подлежит применению п. 3 ст. 56 СК РФ, из толкования которого следует обязанность органа опеки и попечительства реагировать на любые случаи нарушения прав детей.

Ответчик иск не признал, пояснив, что в силу ст. 49 СК РФ круг субъектов, наделенных правом обращения с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов, строго определен, и орган опеки не вправе подавать подобных исков без заявления и согласия самого отца ребенка.

Суд указал, что п. 3 ст. 56 СК РФ предусматривает обязанность органа опеки и попечительства принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка при получении сведений от должностных лиц, организаций и иных граждан о существующей (реальной) угрозе жизни или здоровью ребенка либо о нарушении его прав и законных интересов, однако в указанной норме не идет речь о возможности этого органа действовать от имени родителей для установления отцовства и взыскания алиментов. Отказывая в иске, суд выразил убежденность, что применение к спорной ситуации п. 3 ст. 56 СК РФ по аналогии

также невозможно, поскольку противоречит существу отношений сторон и приведет к нарушению принципов гуманности, разумности и справедливости[1].

Нет сомнений, что вопросы семейного права не могут и не должны быть только частным делом конкретного человека, как и в том, что государство обязано оказывать влияние на эти частные отношения[2]. Но несмотря на то, что семейное законодательство в целом действительно предоставляет государственным и муниципальным органам достаточно широкие возможности в сфере защиты семейных прав[3], непосредственные защитные действия могут осуществляться органами опеки и попечительства только в ситуациях, прямо предусмотренных законом[4]. Кроме того, важно учитывать, что в ряде случаев закон ограничивает круг лиц, которые могут обращаться в суд с теми или иными исками[5].

Ввиду применения в семейном законодательстве принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (ст. 1 СК РФ), перечень лиц, обладающих правом на обращение в суд с иском об установлении отцовства (ст. 49 СК РФ), как и субъектов, способных оспаривать запись о родителях в книге записей рождений[6], необходимо считать исчерпывающим[7]. Исходя из этого норму ст. 49 СК РФ в контексте п. 2 ст. 123 СК РФ следует понимать так, что возбуждение дела об установлении отцовства по исковому заявлению органа опеки возможно лишь при исполнении этим органом обязанностей законного представителя ребенка.

Таким образом, в рассматриваемой ситуации отсутствовало главное условие для включения в правоприменительный процесс аналогии закона – отсутствовал действительный правовой пробел, что верно констатировал суд. Правильным и

---

[1] Решение Центрального районного суда города Прокопьевска Кемеровской области от 30.03.2017 № А-480/2017.
[2] Cvejić Jančić O. Privacy and Autonomy in Serbian Family Law // International Journal of the Jurisprudence of the Family. 2013. Vol. 59. URL: https://ssrn.com/abstract=2349639.
[3] Астахова М.А. Способы защиты семейных прав: вопросы теории // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 7–11.
[4] Сабитова Э.Н. Формы и способы защиты семейных прав по законодательству Российской Федерации // Современное право. 2015. № 11. С. 64–67.
[5] Шеменева О.Н. Юридический интерес в гражданском судопроизводстве: развитие взглядов и современное значение // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2. С. 27–43.
[6] Пункт 1 ст. 52 СК РФ, п. 25 Постановления Пленума ВС РФ от 16.05.2017 № 16.
[7] Как верно отмечено, для вмешательства (или попытки «вмешаться») в семейные отношения, в том числе при необходимости гармонизации интересов членов разных семей, должны быть правовые основания (см.: Ильина О.Ю. Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2(70). С. 23–31).

необходимым для полной аргументации решения по данному делу видится также суждение суда о противоречии нормы п. 3 ст. 56 СК РФ существу рассматриваемых спорных отношений и об опасности нарушения основных начал семейного законодательства в случае ее применения по аналогии в данной ситуации. Действительно, п. 3 ст. 56 СК РФ об обязанности органа опеки и попечительства принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка явно не нацелено на подмену защитных полномочий родителей. Наделение органа опеки и попечительства правом на обращение в суд с иском об установлении отцовства привело бы к завуалированному преодолению принципа *res judicata*[1] и обходу неоднократно подтвержденного Конституционным Судом РФ в контексте ст. 49 СК РФ правила о недопустимости повторного рассмотрения судами споров между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям[2].

Аналогия закона и аналогия права в правовом механизме установления материнства

Распространено представление, что установление материнства обычно не составляет проблемы, поскольку «мать всегда известна, даже если она зачала вне брака»[3]. Более того, высказывается мнение, будто законодатель автоматически признает материнство из факта рождения ребенка[4]. Поэтому основное внимание ученых нацелено на отработку правовых процедур установления отцовства.

Однако основания возникновения материнских прав и обязанностей образует не отдельный юридический факт, а единый фактический состав: кровное родство и его государственное признание[5]. В действительности мать известна и может быть признана таковой органом ЗАГС в отношении ребенка, только когда достоверно установлено, что его родила именно эта (конкретная) женщина. Иногда (как в случае суррогатного материнства) необходимый для установления материнства юридический состав является более сложным (п. 4 ст. 51 СК РФ) и включает

---

[1] Терехов В.В. Понятие и содержание категории «res judicata» в российском и зарубежном гражданском процессе // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 203–209.
[2] Определения Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 2386-О; от 27.02.2020 № 433-О.
[3] Никиташина Н.А. Классификация презумпций в семейном праве // Lex russica. 2018. № 3. С. 34–51.
[4] Токмашова Н.Ю. К вопросу о необходимости получения генетическими родителями согласия суррогатной матери для приобретения родительских прав на ребенка // Семейное и жилищное право. 2013. № 4. С. 15–18.
[5] Нечаева А.М. Семейное право. Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2002. С. 139.

согласие суррогатной матери на запись в качестве действительных родителей (матери) ребенка потенциальных родителей (одинокой женщины), чей биоматериал использовался для оплодотворения[1].

В п. 1 ст. 48 СК РФ определено, что происхождение ребенка от матери устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка в медицинской организации, а в случае рождения ребенка вне такой организации на основании медицинских документов, свидетельских показаний или на основании иных доказательств. На случай отсутствия указанных документов (доказательств) при отсутствии спора о праве п. 4 ст. 14 ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» предусматривает механизм регистрации рождения ребенка на основании принимаемого в порядке особого производства решения суда об установлении факта рождения ребенка определенной женщиной.

В свете изложенного обращает на себя внимание отсутствие законодательных положений об установлении материнства в судебном порядке, в том числе на принудительной основе. Соответственно, пробельным оказывается вопрос о принципиальной возможности и (если таковая действительно имеется) о порядке первоначального (принудительного) установления материнства в случаях, когда предполагаемая мать умерла, либо отказывается признать факт рождения ею ребенка, либо когда имеется несколько претенденток на материнство, либо если орган ЗАГС отказывает в совершении записи о матери при в связи с сомнениями в достоверности документов (доказательств) подтверждающих материнство (т.е. в связи с возникновением спорной ситуации).

Поскольку наиболее правильным способом восполнения правовых пробелов традиционно считается аналогия, постольку совершенно естественным является то, что в науке была высказана точка зрения, согласно которой установление материнства в судебном порядке (против воли женщины), несмотря на отсутствие в СК РФ специальных правил об этом, принципиально допустимо, при этом в качестве нормативной основы для этого возможно использовать в порядке

[1] Митрякова Е.С. Юридическое значение согласия суррогатной матери на запись заказчиков родителями ребенка в свете Постановления Пленума ВС РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Российский судья. 2021. № 3. С. 11–17.

аналогии закона положения о принудительном судебном установлении отцовства[1], каковые закреплены в ст. 48 СК РФ.

Исходя из закрепленных в п. 38 Конституции РФ гарантий защиты материнства, детства, семьи, с учетом провозглашения права и обязанности родителей равным образом заботиться о детях, принимая во внимание нормативно обеспеченное в п. 2 ст. 54 СК РФ основополагающее для семейных отношений право каждого ребенка знать своих родителей и получать их заботу, с указанным подходом в целом можно согласиться.

Практическое подтверждение допустимости применения судами аналогии закона в механизме установления материнства обнаруживается в том, что подлежащие разрешению судами споры, связанные с установлением происхождения детей, прямо определены как споры по вопросам материнства (отцовства), включая вопросы об установлении отцовства (материнства) и об установлении факта рождения ребенка конкретной женщиной, и при этом судам предписано с опорой на процессуальную аналогию закона к искам об установлении материнства применять правила п. 3 ст. 29 ГПК РФ об альтернативной подсудности исков о взыскании алиментов и об установлении отцовства[2].

Вместе с тем, важно отметить, что применительно к решению о наличии самой возможности принудительного установления материнства речь идет, скорее, о прямой работе семейно-правовых принципов, т.е. о применении аналогии права (а не аналогии закона), и уточнить, какие именно правила об условиях и о порядке судебного установления отцовства пригодны и необходимы к применению по аналогии к отношениям, связанным с принудительной фиксацией юридической связи ребенка с матерью. Более того, представляется целесообразным вести речь о более широкой аналогии, т.е. о применении к не урегулированным отношениям по установлению материнства не только некоторых правил ст. 49 СК РФ, но и иных норм, определяющих параметры механизма установления происхождения ребенка

---

[1] Бахарева О.А. Некоторые аспекты процессуального положения лиц, участвующих в делах, связанных с установлением происхождения детей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 7–10.

[2] Пункты 3,4 Постановления Пленума ВС РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».

от конкретного мужчины (отцовства), и содержащихся в ст. 48, 50, 52 и 53 СК РФ. Фактически можно помыслить об *аналогии правового режима* установления отцовства к порядку установления материнства.

Во-первых, из п. 2 ст. 48 СК РФ следует признаваемая классической и в целом положительно оцениваемая[1] презумпция, в силу которой отцом ребенка предполагается (если не доказано иное) супруг (муж) матери этого ребенка. Думается, что нет железных оснований полностью отказываться от применения аналогичной презумпции в обратных ситуациях. Когда достоверно установлено происхождение ребенка от конкретного мужчины, разумно предполагать, что матерью соответствующего ребенка является женщина, которая в момент рождения ребенка являлась супругой данного мужчины (отца ребенка).

Во-вторых, норма п. 4 ст. 48 СК РФ не допускает установление отцовства в отношении лица, достигшего возраста совершеннолетия, без его согласия, и требует получения согласия опекуна или органа опеки и попечительства, если речь идет об установлении отцовства в отношении гражданина, признанного недееспособным. Несмотря на то, что фактически указанная норма ограничивает субъективное право родителя зафиксировать семейно-правовую связь и с учетом п. 4 ст. 1 СК РФ ее аналогическое распространение на материнство выглядит формально неправомерным, в действительности соответствующие ограничения в процессе установления материнства в отношении совершеннолетних и (или) недееспособных лиц естественным образом вытекают из семейно-правового принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. Примечательно, что Пленум ВС РФ, напоминая о необходимости не упускать из внимания норму п. 4 ст. 48 СК РФ и иметь в виду требование о ее применении в делах об установлении происхождения эмансипированных несовершеннолетних (п. 18 Постановления от 16.05.2017 № 16), к сочетанию «установление отцовства» последовательно добавил в скобках слово «материнство».

В-третьих, ст. 49 СК РФ закрепляет исковой порядок установления отцовства,

[1] Краснова Т.В., Алексеева Е.В. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 4. С. 426–439.

который подлежит реализации, если ребенок родился у мужчины и женщины, которые не состоят в браке между собой, отсутствует совместное заявление родителей или заявления отца ребенка, подаваемого в орган ЗАГС в порядке п. 3 ст. 48 СК РФ. Данная норма уточняет, что заявление в суд об установлении отцовства подается одним из родителей, опекуном (попечителем) ребенка или лицом, на иждивении которого находится ребенок, либо самим ребенком, если он достиг совершеннолетия, и что при рассмотрении дела судом должны быть приняты во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица.

С учетом указанных положений применительно к судебному установлению происхождения ребенка от женщины представляется возможным установление в судебном порядке материнства женщины в отношении ребенка, отец которого как не состоит в браке с указанной женщиной, так и является ее супругом. Во втором варианте, если отец и предполагаемая мать состояли в браке на момент рождения ребенка, доказывание материнства может быть упрощено презумпцией материнства супруги.

Как и при установлении отцовства, в ограниченное число лиц, способных обратиться в суд с заявлением об установлении материнства, должны входить отец ребенка, опекун (попечитель) ребенка или лицо, на иждивении которого находится ребенок, либо сам ребенок, если он достиг совершеннолетия. Соответственно, при рассмотрении вопроса о материнстве суд в порядке аналогии с порядком формирования доказательственной базы в отношении предполагаемого отца может и должен принять во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретной женщины[1]. Важно уточнить, что если при установлении отцовства исследование нацелено на проверку и подтверждение генетического родства отца и ребенка, то при установлении материнства речь должна идти о доказывании факта рождения

[1] В пункте 19 Постановления Пленума ВС РФ от 16.05.2017 № 16 разъяснено, что необходимые доказательства могут быть получены, в частности, в результате исследования медицинских документов, свидетельствующих о факте рождения ребенка, истории родов, объяснений лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, в том числе лиц, присутствовавших при родах, происходивших вне медицинской организации, заключения экспертов.

ребенка женщиной (и обнаружение генетического родства может выступить лишь одним из указывающих на этот факт обстоятельств).

В-четвертых, представляется, что отмеченная выше адекватная и гуманная аналогия, когда суды квалифицируют умолчание законодателя о порядке (и о самой возможности) установления факта признания отцовства лицом, признававшим себя отцом ребенка, но в настоящее время признанным безвестно отсутствующим, в качестве пробела и в соответствующих спорных ситуациях прибегают к ст. 50 СК РФ через аналогию закона, вполне применима (*по аналогии конструкта*, своего рода двойной аналогии) и к ситуациям, когда объявленной безвестно отсутствующей оказывается женщина, ранее определенно признававшая себя матерью конкретного ребенка.

В рассматриваемом аспекте нельзя не обратить внимание на проблему фиксации правовой связи ребенка и матери в случае суррогатного материнства, нормативно определяемого как вынашивание и рождение ребенка суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) на основании заключаемого ею договора с потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям[1].

С одной стороны, как верно отмечено в литературе, при определении матери ребенка, появившегося с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), закон (п. 1 ст. 48 СК РФ) вполне однозначно предписывает считать таковой женщину, родившую ребенка, не связывая возникновение семейно-правовой связи с наличием или отсутствием генетического родства[2]. При этом норма п. 4 ст. 51 СК РФ, последовательно признаваемая соответствующей Конституции РФ и находящейся в пределах правотворческих полномочий федерального законодателя[3], допускает возникновение родительских прав у

[1] Пункт 9 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
[2] Ашуха В.М., Невзгодина Е.Л. Пункт 4 ст. 51 семейного кодекса Российской Федерации–гарантия защиты материнских прав, повод для злоупотребления правом, анахронизм? // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 3 (52). С. 111.
[3] Определения Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О; от 27.05.2021 № 1083-О.

женщины, предоставившей биологический материал и доверившей суррогатной матери вынашивание ребенка, только с согласия суррогатной матери (которое, как это следует из буквального толкования данной нормы, не может быть выражено заранее, до рождения ребенка[1]). Такое законодательное решение обычно объясняется возникновением между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком особой биологической и психоэмоциональной связи[2].

С другой стороны, ничем не ограниченное право суррогатной матери немотивированно и безусловно определять судьбу ребенка, игнорируя разумные и конституционно значимые интересы потенциальных родителей (биологических источников ребенка), многими рассматривается как удар по благополучию ребенка и его генетических родителей, как посягательство на основополагающие принципы семейного права[3]. В связи с этим предлагается изменить формулировку п. 4 ст. 51 СК РФ как излишне категоричную[4], трансформировать имеющиеся предписания, императивно сформулированные в пользу суррогатной матери, в новые диспозитивные правила, основанные на активизме суда[5], или вовсе полностью исключить доступ суррогатной матери к материнству[6].

Такое положение дел, когда при неизменности п. 1 ст. 48 и п. 4 ст. 51 СК РФ семейное право оказывается лишенным свойственной ему ситуационности, а суды вынуждены буквально следовать нормативно закрепленному приоритету суррогатной матери и отказывать в защите прав генетических родителей ребенка вне зависимости от конкретных жизненных обстоятельств (например, явной недобросовестности суррогатной матери) и без учета интересов ребенка, следует признать аномальным. Именно поэтому вполне закономерным видится появление

---

[1] Богданова Е.Е., Белова Д.А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 66–75.

[2] Черных И.И. Особенности рассмотрения в суде дел об оспаривании отцовства (материнства) в правоотношениях суррогатного материнства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 67–76.

[3] Пирогова Е.Е. Проблемы правового регулирования при установлении происхождения детей, рожденных суррогатной матерью // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 24–26.

[4] Корнакова С.В., Полетаева Е.Л., Чигрина Е.В. Суррогатное материнство: проблемы правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 10–13.

[5] Тарусина Н.Н. Семейное законодательство: медицинские аспекты правового регулирования отношений с семейным элементом // Медицинское право. 2019. № 3. С. 20–26.

[6] Анисимов А.П., Мограбян А.С. Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 117–125.

в п. 31 Постановления Пленума ВС РФ от 16.05.2017 № 16 указания нижестоящим судам иметь в виду, что если суррогатная мать не согласилась на запись родителями указанных выше лиц (потенциальных родителей), то это не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями и передаче им ребенка на воспитание. Хотя данное разъяснение справедливо критикуется как сомнительное в его формальной согласованности с действующими нормами закона[1] и даже балансирующее «на грани правотворчества»[2], его принятие необходимо поддержать. Думается, что это тот самый случай семейно-правовой аналогиии *contra legem*, когда на ее реальное применение сориентированы все, а не только «продвинутые» судьи, которые знают законодательство и «имеют сердце»[3]. Предписывая нижестоящим судам при рассмотрении споров по искам генетических родителей к суррогатной матери проверять, заключался ли договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого договора (если он заключался), являются ли истцы действительными генетическими родителями ребенка, выяснять, по каким причинам суррогатная мать не дала согласия на их запись в качестве родителей ребенка, и разрешать спор с учетом установленных по делу обстоятельств в интересах ребенка, Пленум явно имел в виду необходимость непосредственного применения основных начал семейного законодательства (т.е. аналогию права).

Аналогия в практике разрешения споров о праве родителей и детей на общение

На вопрос о том, возможно ли принудительно определить порядок общения взрослого сына с престарелым отцом, проживающим отдельно с другими родственниками, которые этому препятствуют, большинство практикующих юристов дают отрицательный ответ, указывая, что ст. 66 СК РФ рассчитана исключительно на регламентацию осуществления родительских прав родителем,

[1] Жирикова К.А. Опыт стран СНГ в правовом регулировании суррогатного материнства // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 13–16.
[2] Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex russica. 2019. № 5. С. 40–48.
[3] Боннер А.Т. Законодательство об искусственном оплодотворении и практика его применения судами нуждаются в усовершенствовании // Закон. 2015. № 7. С. 134–151.

проживающим отдельно от ребенка, не достигшего возраста 18 лет, а аналогичных норм о порядке реализации возможности общаться взрослых родителей и их взрослых детей «просто не существует», так как считается, что они сами могут решать, когда, с кем и где общаться[1].

Между тем этот вопрос отнюдь не является надуманным и исключительно теоретическим, а имеет место в реальной жизни, что указывает на несостоятельность поверхностных выводов о юридической необеспеченности естественного семейного интереса человека любого возраста (а не только несовершеннолетнего) в общении с родителями. В подтверждение следует привести следующий казус.

А.В.П. (истец) обратился в суд с иском к Е.В.Н. (ответчица) об устранении препятствий к общению с его недееспособным родителем В.М.П. и об установлении порядка такого общения. Иск обоснован тем, что между сторонами имеют место личные неприязненные отношения, на почве которых ответчица (опекун В.М.П.) чинит препятствия в общении истца с недееспособным отцом, не дает возможности встречаться с ним по месту жительства последнего и даже разговаривать по телефону.

Свидетели показали, что отношения истца с отцом всегда были хорошими, до установления над ним опеки он проживал с сыном в благоприятной обстановке. Специалист врач-психиатр пояснила, что имеющееся у В.М.П. расстройство психики прямо не влияет на его возможность общения с другими людьми, сына он знает и помнит их хорошие отношения и сыновнюю заботу о нем. В целом доводы ответчицы о негативном влиянии общения истца с отцом на его здоровье в судебном заседании подтверждения не нашли.

Суд установил, что вопрос о возможности и порядке общения совершеннолетних детей со своими недееспособными родителями при возникновении споров по данному поводу между детьми и опекунами прямо семейным законодательством не урегулирован. Преодолевая данный пробел, в соответствии со ст. 5 СК РФ суд признал правомерным применить к спорным

[1] URL: https://www.9111.ru/questions/17797506/.

отношениям по аналогии положения п. 2 ст. 66 СК РФ, устанавливающие возможность разрешения в судебном порядке споров о реализации родителями права на общение со своими детьми. В результате суд удовлетворил иск и установил порядок общения истца с отцом с учетом медицинских рекомендаций[1].

С одной стороны, в силу п. 2 ст. 61 СК РФ родительские права, предусмотренные нормами о правах и обязанностей родителей, действительно прекращаются по достижении детьми возраста 18 лет, а также в установленных законом случаях приобретения детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия, т.е. право совершеннолетних детей на общение с престарелыми родителями формально (по крайней мере, в этом разделе СК РФ) не закреплено.

С другой стороны, в литературе верно подчеркивается, что взаимосвязь «родитель – совершеннолетний ребенок» на практике не ограничивается лишь теми законодательными нормами, которые действуют в российском праве на сегодняшний день[2], а внутрисемейное общение выступает важнейшим компонентом отношений всех членов семьи и необходимым средством поддержания семейных связей[3]. При этом если припомнить, что в развитие отражающей одну из ключевых семейных ценностей российского общества[4] нормы п. 3 ст. 38 Конституции РФ о долге трудоспособных детей, достигших 18 лет, заботиться о нетрудоспособных родителях ст. 87 СК РФ наделяет этот долг характером юридической обязанности по осуществлению материальной поддержки, становится понятным, что взрослые дети, будучи обязанными участвовать в обеспечении имущественных интересов их нетрудоспособных родителей, не могут не иметь права на общение с ними.

Таким образом, в силу отсутствия относящегося к предмету семейно-правового воздействия порядка реализации права взрослых детей на общение с отдельно от них проживающими нетрудоспособными родителями можно

---

[1] Определение Пермского краевого суда от 02.05.2012 № 33-2703.
[2] Трофимова Г.А. Совершеннолетний ребенок: пробелы в правовом статусе // Адвокат. 2014. № 8. С. 67–72.
[3] Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. К вопросу о субъектном составе споров об определении порядка общения с ребенком // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7. С. 72–77.
[4] Таева Н.Е. Нормы Конституции РФ как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 2–4.

констатировать наличие действительного правового пробела. Потому обращение суда к аналогии закона является правомерным и необходимым.

Недаром в народе говорят «старый, что малый». Соответственно, применяя в спорной ситуации п. 2 ст. 66 СК РФ, суд исходил из того, что семейные связи, для которых эта норма предназначена, существенно схожи с не урегулированными законом спорными отношениями. Через призму основных начал семейного законодательств признанный недееспособным родитель, утративший известную часть самостоятельности и независимости от посторонней помощи, становится подобным несовершеннолетнему ребенку, не достигшему должного уровня развития личности, способности в полной мере адекватно понимать значение своих действий и руководить ими и не получившему полный объем дееспособности. Это верная аналогия, позволившая суду казуально преодолеть реально существующий правовой пробел, осуществить защиту законного интереса при отсутствии специально рассчитанной на это нормы и поспособствовать решению семейно-правовой задачи укрепления семьи.

Следует, конечно, иметь в виду, что правильное аналогическое применение ст. 66 СК РФ отнюдь не означает автоматического удовлетворения требования об устранении препятствий к общению взрослого ребенка с нетрудоспособным родителем. Этот нюанс хорошо подсвечивается в следующей спорной ситуации.

Т.В.К. и С.В.Н. (истцы, брат и сестра) обратились в суд с иском к С.В.М. (ответчица, их родная сестра) об устранении препятствий к общению с их матерью Т.Н.Н. Исковые требования мотивированы следующим. Мать истцов и ответчицы проживала одна в своем доме, истцы регулярно навещали ее, помогали ей по хозяйству и ухаживали за ней в связи с ухудшением ее здоровья после перенесенного инсульта. Однако неожиданно для истцов ответчица забрала мать проживать к себе в квартиру и сообщила, что видеться с матерью она им не позволит. Истцы многократно пытались дозвониться и пообщаться с матерью, но ответчица всякий раз была рядом и диктовала матери, что ей нужно говорить. Истцы, не зная, в каких условиях в действительности живет мать, беспокоятся о ее физическом и эмоциональном состоянии.

Ответчица иск не признала и пояснила, что она не чинит препятствий для встреч и общения истцов с матерью, но мать обижена на истцов и не желает общаться с ними. В свою очередь сама Т.Н.Н., привлеченная в качестве третьего лица, факты препятствия истцам общению с ней отрицала, заявив, что ощущает себя ненужной истцам и что хочет жить с ответчицей.

На основании ст. 5 СК РФ суд признал сходство спорных пробельных отношений с урегулированными семейным правом отношениями по установлению порядка общения родителей с ребенком и устранению препятствий в таком общении. Вместе с тем суд, опираясь на право граждан осуществлять семейные права по своему усмотрению и на то, что Т.Н.Н. дееспособна, учел ее личное желание проживать с семьей ответчицы и в удовлетворении иска отказал[1].

Думается, что в данной ситуации ситуации суд верно расценил, что наличие у престарелого (болеющего, требующего повышенного внимания и заботы) родителя полного объема дееспособности не исключает существенного сходства его правового положения во взаимоотношениях с взрослыми детьми с семейно-правовым статусом несовершеннолетнего ребенка, а потому в случае возникновения спора о праве взрослого ребенка на общение с не проживающим с ним родителем (в том числе путем посещения, переписки, телефонной связи) и о порядке совершения действий, направленных на оказание ему медицинской, психологической, хозяйственно-бытовой и материальной поддержки, по аналогии закона следует прибегать к нормам ст. 66 СК РФ об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка.

Другое дело, что как при осуществлении родительских прав, предметом основной заботы родителей и главной целью их юридической защиты является обеспечение интересов детей (согласно п. 1 ст. 65 СК РФ родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей, а в силу считающегося «гуманным и хорошим»[2] правила абз. 2 п. 1 ст. 66 СК РФ родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим

---

[1] Решение Сенгилеевского районного суда Ульяновской области от 21.03.2011 № 2-74/2011.

[2] Нечаева А.М. Общение как разновидность права родителя на семейное воспитание ребенка // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 10–12.

родителем, проживающим отдельно, только в том случае, если такое общение не причиняет вред здоровью ребенка, его нравственному развитию), так и при исполнении сыновнего долга в первую очередь необходимо позаботиться об интересах «слабого» – престарелого нетрудоспособного (хотя и полностью дееспособного) родителя. Соответственно, если из обстоятельств конкретной спорной ситуации следует, что интересам нетрудоспособного родителя отвечает удовлетворение его желания проживать изолированно от претендующих на общение с ним детей, как это имело место в рассматриваемом деле, то в иске об устранении препятствий к общению надлежит отказать. Заложенная в ст. 66 СК РФ дискреция, позволяющая суду разрешать споры об определении порядка коммуникации родителей и несовершеннолетних детей ситуационно, с учетом особенностей взаимоотношений в конкретной семье, не допуская противопоставления абсолютного родительского права воле самого ребенка[1], в равной мере должна работать и при применении данных правил в порядке аналогии, что и произошло в представленном казусе.

Необходимо отметить, что в судебной практике имеет место и иной подход, основанный на строго формальном прочтении положений СК РФ, регулирующих отношения родителей с несовершеннолетними детьми, не обладающими гражданской дееспособностью, и отказе от аналогии между общением родителей с несовершеннолетними и взрослыми детьми.

Так, К.Г. (истец) обратился в суд с иском к К.А.Н. (ответчик, брат истца) и К.В.Е. (соответчица, жена брата) об обязании их не препятствовать общению К.Г. с К.А.И. (матерью), исполнению К.Г. обязанности по содержанию К.А.И. и заботе о ней. Исковые требования мотивированы следующим: К.А.И. имеет в собственности квартиру, но проживает с ответчиками, является инвалидом и нуждается в постороннем уходе; ответчики препятствуют истцу общаться с матерью, не пускают его в свою квартиру, не дают возможности заботиться о ней.

Ответчики иск не признали и пояснили суду, что К.А.И. дееспособна,

[1] Михеева Л.Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.

полностью контролирует свое поведение, общается со всеми своими родственниками и знакомыми, сама решает, с кем поддерживать отношения, а с кем нет. Они не отрицают права истца на общение с матерью, но предлагают ему встречаться с ней не в их квартире, поскольку присутствие в ней истца мешает осуществлению их жилищных прав и часто заканчивается ссорами.

Привлеченная к участию в деле в качестве третьего лица К.А.И. сообщила суду, что получает пенсию, из которой производит расходы на приобретение вещей первой необходимости, продуктов питания, лекарств, содержание своей квартиры, в семью младшего сына (ответчика) переехала без принуждения, может разговаривать с истцом по телефону, согласна приехать к нему в гости.

Поскольку семейным законодательством порядок устранения препятствий для общения детей с престарелыми родителями не установлен, истец просил применить по аналогии ст. 55 СК РФ о праве ребенка на общение с родителями и ст. 66 СК РФ о праве родителя, проживающего отдельно от ребенка, на общение с ним. В этой аналогии истец усматривал основание для реализации права общаться со своей матерью и обязанности ответчиков не чинить этому препятствий.

Суд не нашел оснований для применения аналогии закона, указав, что спорные отношения с участием в них полностью дееспособных граждан, имеющих право по своему усмотрению осуществлять свои семейные права, не могут быть признаны сходными с урегулированными семейным правом отношениями по установлению порядка общения с несовершеннолетним ребенком и устранению препятствий к общению с ним. В удовлетворении иска было отказано[1].

Особенностью данного случая является то, что истец сам обратил внимание на отсутствие специальной нормы семейного законодательства, на которую следует опереться при формулировании искового требования, и попросил о применении судом норм ст. 55 и 66 СК РФ в порядке аналогии, т.е. квалификация правового пробела и поиск урегулированных законом отношений, схожих с пробельными, явились в данном деле не столько элементами деятельности суда по казуальному преодолению правового пробела для обеспечения права гражданина

[1] Решение Павловского городского суда Нижегородской области от 17.06.2014 № 2-779/2014-М-483/2014.

на судебную защиту, сколько *способами обоснования исковых требований и одними из предметов доказывания*.

Едва ли можно согласиться с суждением суда об отсутствии сходства правоотношений, складывающихся при осуществлении родителями прав и исполнении обязанностей в отношении несовершеннолетнего, проживающего отдельно (с другим родителем), с отношениями, в рамках которых взрослые дети стремятся выполнить конституционно-правовую и моральную установку о необходимости взаимной заботы родителей и детей друг о друге. Напротив, в обоих случаях речь идет о том, что именно близкие члены семьи несут главную ответственность за заботу о зависимых и уязвимых людях в нашем обществе, хотя и регулирование отношений между родителями и их несовершеннолетними детьми лучше всего демонстрирует то, как именно должна обеспечиваться реализация соответствующих фидуциарных семейно-правовых принципов[1]. Иными словами, урегулированные семейным законодательством отношения по установлению порядка общения с несовершеннолетним ребенком и устранению препятствий к общению с ним могут и должны быть модельными для схожих отношений. Поэтому суду следовало бы согласиться с необходимостью применения по аналогии норм ст. 55 и 66 СК РФ, но отказать в удовлетворении исковых требований в силу их несоответствия интересам лица (нетрудоспособной матери истца), подлежащим защите в приоритетном порядке.

В ряду схожих судебных дел, в которых суды оценивали условия применения в порядке аналогии норм семейного законодательства для разрешения спора о реализации права на общение с взрослых детей с престарелыми нетрудоспособными родителями, особенно выделяется следующее.

Г.Е. (истица) обратилась в суд с иском к своей родной сестре Г.Т. (ответчица) о предоставлении доступа в квартиру для общения с матерью и заботы о ней в соответствии с предложенным графиком. В обоснование иска Г.Е. сослалась, что ответчица из-за конфликтных отношений с истицей не пускает ее к престарелой

[1] Scott E.S., Chen, B. Fiduciary Principles in Family Law. Oxford Handbook of Fiduciary Law (E. Criddle, P. Miller and R. Sitkoff, ed.) // Columbia Public Law Research Paper № 14-577. 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3118349.

матери, лишенной в силу болезни и возраста возможности самостоятельно передвигаться, а также по причине нарушения слуха общаться по телефону.

Ответчица иск не признала, но предложила свой вариант общения истицы с матерью, пояснив суду, что обязание ее впускать истицу в принадлежащую ей квартиру способно нарушить ее право собственности, предоставлять сестре или кому-либо другому ключи от квартиры она не намерена.

В ходе выездного судебного заседания были подтверждены сведения о состоянии здоровья престарелой матери сторон и установлено ее желание общаться со старшей дочерью (истицей).

Суд пришел к выводу, что ни положениями СК РФ, ни нормами ГК РФ дееспособному гражданину не гарантировано право на общение со своими нетрудоспособными родителями.

Исходя из общих начал, закрепленных в ст. 7, 38 Конституции РФ, ст. 1 СК РФ, а также из принципов гуманности, разумности и справедливости, суд посчитал, что отстаиваемое в споре право истицы подлежит признанию со стороны государства, в том числе путем применения института судебной защиты. Кроме того, суд признал несостоятельными доводы ответчицы о том, что понуждение к обеспечению доступа истицы в ее квартиру может привести к нарушению прав и законных интересов ответчицы как собственника квартиры. В силу п. 2 ст. 209 ГК РФ собственник, совершая в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам, не должен нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц, в данном случае – право истицы на общение со своей матерью.

Суд удовлетворил иск, возложив на ответчицу обязанность предоставлять истице доступ в квартиру для общения с матерью по утвержденному графику, учитывающему заслуживающие внимания интересы ответчицы в покое[1].

Данный казус примечателен двумя интересными моментами.

Во-первых, суд не умолчал о более глобальном правовом пробеле в сравнении с тем, что нормы семейного законодательства с технической точки зрения не

[1] Решение Центрального районного суда города Челябинска от 28.06.2013 № 2-1150/2013.

устанавливают порядок устранения препятствий к общению совершеннолетних детей со своими родителями, равно как и наоборот – родителей с их совершеннолетними, но недееспособными или нетрудоспособными детьми. Суд не просто интуитивно исходил из аксиомы существования такого права, а фактически сначала применил *аналогию права* для признания за истицей подлежащего судебной защите права на общение с матерью как такового, а затем воспользовался аналогией закона для определения порядка его реализации. Такой верный судебный подход выглядел бы еще более обоснованным и правомерным, если бы суд прямо сослался на норму ст. 5 СК РФ и заявил бы о том, что обращается к основным началам семейного законодательства с помощью аналогии права.

Во-вторых, ответчица (сестра истицы) попыталась противопоставить предъявленное требование о предоставлении возможности навещать мать своему такому значимому, конституционно охраняемому «священному» праву – праву собственности (на жилое помещение, в котором она проживала с матерью). Однако и в этом моменте суд проявил взвешенный и грамотный подход. Обратившись к норме п. 2 ст. 209 ГК РФ, определяющей содержание права собственности, суд пришел к имеющему серьезное доктринальное подкрепление выводу о небезграничности данного субъективного права, поскольку известно; в действительности все законодательства ограничивают пределы воли собственника[1]; свобода усмотрения всякого правообладателя небезгранична[2].

Нормы семейного права, регулирующие порядок общения с несовершеннолетним ребенком не проживающего с ним родителя и устранения препятствий к такому общению, применимы и к отношениям, связанным с требованием родителя об общении с взрослым недееспособным ребенком.

Ю.Р. (истица) обратилась в суд с иском к Ю.М. (ответчица, жена сына Ю.Р.) об устранении препятствий к общению с сыном Ю.У. и установлении порядка такого общения. Исковые требования мотивированы тем, что ответчица на почве личных неприязненных отношений с истицей (свекровью) не позволяет ей

[1] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. С. 166.
[2] Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. М.: Статут, 2007. С. 6.

общаться с больным сыном, который после черепно-мозговой травмы признан недееспособным, проживает с ответчицей, не встает с кровати.

Ответчица против иска категорически возражала, утверждая, что после визитов матери Ю.У. очень расстраивается, кричит, кроме того, истица угрожает ей и ее несовершеннолетней дочери.

Специалист-психолог в судебном заседании пояснил, что обследованный ею недееспособный Ю.У. живет в отдельной комнате, в спокойной обстановке, ухожен, желает проживать с женой, против общения с матерью не возражает; допрошенные судом свидетели показали, что периодические ссоры имеют место между истицей и ответчицей, но не между сыном и матерью.

На основании ст. 5 СК РФ суд признал спорные отношения сходными с урегулированными семейным правом отношениями по установлению порядка общения с ребенком родителя, проживающего отдельно от ребенка, и устранению препятствий к такому общению. Опираясь на принцип обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав и возможности их судебной защиты и исходя из интересов матери и сына, суд иск удовлетворил, а именно: обязал ответчицу не препятствовать истице общаться с сыном в месте его проживания во второй и четвертый четверг каждого месяца с 14.00 до 15.00 и ежегодно в день рождения с 14.00 до 15.00[1].

Думается, что в данном случае аналогическое применение норм ст. 55 и 66 СК РФ о праве на общение с ребенком к проблеме определения порядка общения родителя со взрослым недееспособным ребенком, в отношении которого родительские права уже прекращены (п. 2 ст. 61 СК РФ), основывается на еще большем сходстве пробельных и урегулированных семейных связей в сравнении с тем, когда речь идет о применении указанных норм к порядку устранения препятствий к общению взрослых детей с престарелыми родителями. При этом дополнительное подтверждение правильности реализованного судом подхода можно усмотреть не только в общей семейно-правовой установке о приоритетной защите прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи

[1] Решение Кинель-Черкасского районного суда Самарской области от 27.02.2014 № 2-110/2014-М-27/2014.

(ст. 1 СК РФ), но и в специальной норме п. 1 ст. 85 СК РФ, в соответствии с которой нуждающиеся в помощи нетрудоспособные совершеннолетние дети имеют право на получение необходимого содержания от родителей.

Рассмотренная ранее практика обеспечения права на общение детей с нетрудоспособными родителями в совокупности с представленной в данном деле позицией о необходимости судебной защиты права родителей на общение с совершеннолетними недееспособными детьми не только указывают на верное направление высказанной в науке идеи о закреплении среди основных родительских прав права на личную заботу о ребенке[1], но и позволяют говорить о целесообразности более широкого подхода к нормативной защите интереса членов семьи в осуществлении семейной заботы.

По аналогии с тем, как ст. 4 ФЗ от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» провозглашает право граждан свободно и беспрепятственно осуществлять благотворительную деятельность, в СК РФ целесообразно прямо гарантировать право каждого члена семьи на свободное и беспрепятственное осуществление семейной заботы. Законодательное закрепление такой гарантии естественным образом приведет к более активному аналогическому применению норм ст. 55 и 66 СК РФ в целях определения порядка реализации соответствующего права и позволит в будущем генерализовать данные нормы.

§ 4. Аналогия закона в практике применения семейного законодательства об алиментных обязательствах

В настоящее время с учетом снижения законного размера неустойки, определяемого по п. 2 ст. 115 СК РФ, с 0,5 до 0,1 % от невыплаченной суммы алиментов за каждый день просрочки и в свете дополнения п. 2 ст. 115 СК РФ правилом, что размер неустойки за несвоевременную уплату алиментов может

[1] Краснова Т.В. Содержание родительских прав: перспективы укрепления правового положения родителей в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 102–106.

быть уменьшен судом с учетом материального и (или) семейного положения лица, обязанного уплачивать алименты, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства по уплате алиментов[1], нормативно устранен пробел, с которым сталкивались участники алиментных правоотношений и суды при определении пределов ответственности за просрочку уплаты алиментов.

Однако это обстоятельство отнюдь не снижает интерес к противоположным позициям, изложенным различными судебными инстанциями в отношении возможности или недопустимости использования аналогии при определении размера законной неустойки за нарушение алиментной обязанности.

Аналогия в практике уменьшения законной неустойки за несвоевременную уплату алиментов

В ситуации, когда истица обратилась с иском к бывшему мужу (ответчику) о взыскании неустойки на сумму алиментов, не выплаченных на содержание их общего несовершеннолетнего ребенка, указав на нарушение прав ребенка по вине ответчика, мировой судья на основании ст. 115 СК РФ взыскал в пользу получателя алиментов сумму неустойки в размере более 4 млн. руб. за период просрочки с июля 2005 по январь 2010 года из расчета 0,5 % от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки. При этом, несмотря на существенный размер взыскания, суд счел невозможным снизить его по ст. 333 ГК РФ. Определением районного суда решение мирового судьи оставлено без изменения, что послужило поводом для предъявления ответчиком надзорной жалобы.

На момент рассмотрения спора законодатель, закрепляя в п. 2 ст. 115 СК РФ обязанность лица, виновного в невыплате алиментов, уплачивать законную неустойку в весьма внушительном размере (182,5 % в пересчете на годовые), не предусматривал специального механизма судебного контроля за соразмерностью суммы взыскиваемой неустойки последствиям нарушения обязательства по уплате алиментов и не давало нормативных оснований для учета материального и (или)

[1] ФЗ от 29.07.2018 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 114 и 115 Семейного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4813.

семейного положения плательщика алиментов.

В отличие от нижестоящих судов, расценивших отсутствие нормы о праве суда корректировать оказавшийся в конкретном случае чрезмерным и несправедливым размер законной неустойки, начисляемой по п. 2 ст. 115 СК РФ, как квалифицированное молчание закона (отсутствие права редукции), Московский городской суд воспринял это как правовой пробел, затрудняющий обеспечение справедливости при осуществлении правосудия и требующий обращения к аналогии. Суд усмотрел аналогию с тем, как высшие судебные инстанции допустили применение ст. 333 ГК РФ к отношениям по взысканию процентов за пользование чужими денежными средствами, что предполагает возможность уменьшения определенного в соответствии со ст. 395 ГК РФ законного размера процентов, уплачиваемых при просрочке исполнения денежного обязательства, если он явно несоразмерен последствиям просрочки.

Такая аналогия позволила суду прийти к выводу, что исходя из общей правовой природы и единого существа законной неустойки независимо от того, каким законодательным актом (ГК РФ или СК РФ) предусматривается ее уплата, должник вправе требовать снижения размера неустойки при явной ее несоразмерности последствиям нарушения обязательства, что применительно к снижению неустойки согласно п. 2 ст. 115 СК РФ не может рассматриваться как снижение степени защиты такого специфического блага, как право несовершеннолетних детей на получение содержания от родителей, так как неустойка предусматривается законом в качестве способа обеспечения обязательства и носит лишь компенсационный характер[1].

Прежде всего заслуживает внимания то, что обращение к аналогии суд увязал с доводом о невозможности в ином случае добиться справедливости, т.е. суд через аналогию обеспечил применение семейно-правового принципа справедливости, что в очередной раз продемонстрировало отмеченную в науке способность аналогии выступать каналом непосредственного действия основных начал соответствующей отрасли законодательства.

---

[1] Постановление Президиума Московского городского суда от 08.10.2010 № 44г-167/10.

Если обратиться к истории вопроса, то до 2012 года наряду с приведенным судебным актом в практике можно было обнаружить и другие споры о размере неустойки, определяемом по п. 2 ст. 115 СК РФ, при рассмотрении которых суды, используя аналогию со ст. 333 ГК РФ, уменьшали суммы неустойки, если их размер в абсолютном исчислении оказывался неадекватным ситуации, не учитывающим реальные финансовые возможности плательщика. Такой судебный подход находил научную поддержку. Вывод о том, что вне зависимости от семейно-правовой специфики обеспечиваемого неустойкой (алиментного) обязательства применение данной санкции не может и не должно приводить к последствиям, на борьбу с которыми нацелена ст. 333 ГК РФ, опирался на общую идею о построении семейного законодательства по принципу аналогии с гражданским законодательством[1]. Некоторые авторы, указывая на сугубо гражданско-правовой характер неустойки как меры ответственности, к которой привлекается плательщик алиментов[2], фактически устраняли главный аргумент противников применения ст. 333 ГК РФ к неустойке за нарушение алиментного обязательства (о якобы особой семейной-правовой природе меры ответственности, предусмотренной п. 2 ст. 115 СК РФ). Действительно, хотя нет никаких сомнений в том, что сама обязанность по уплате алиментов специфична, бесспорно и то, что неустойка за просрочку уплаты алиментов не обретает автоматически особых свойств обеспечиваемого ею алиментного обязательства. Если бы законодатель счел необходимым закрепить в п. 2 ст. 115 СК РФ принципиально не подлежащую редукции особую семейно-правовую меру ответственности, то он был бы вынужден либо отказаться от использования категории «неустойка», либо прямо указать на невозможность уменьшения судом ввиду ее особого назначения.

Таким образом, приведенное суждение Московского городского суда укладывалось в правильный семейно-правовой «тренд». Более того, примененная аналогия (если дозволено уменьшать применительно к ст. 333 ГК РФ законно

[1] Хужин А.М. О нормативных пределах невиновного поведения в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2011. № 5. С. 36–38.

[2] Карпов М.В. О некоторых вопросах применения мер ответственности в семейно-правовых отношениях // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 24–29; Шершень Т.В. Проблемы ответственности в современном российском семейном праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 3–6.

установленные проценты за пользование чужими денежными средствами, то можно изменить аналогичную санкцию за просрочку алиментного обязательства) фактически предвосхитила дальнейшее развитие идеи о допустимости уменьшения судом размера всякой законной неустойки, в том числе нацеленной на защиту наименее защищенных (слабых) участников обязательственных правоотношений – потребителей[1].

Вместе с тем серьезная доктринальная подпитка имелась и у «исправленной» позиции нижестоящих судебных инстанций. Некоторые правоведы высказывали мнение об исключительно приоритетном применении к ответственности в семейном праве именно семейного, а не гражданского законодательства, и, ссылаясь на умолчание законодателя о допустимости или неправомерности судебного уменьшения санкции за просрочку уплаты алиментов, указывали на невозможность использования в отношении такой санкции ст. 333 ГК РФ[2]. Утверждалось, что, позаимствовав из гражданского права категорию «неустойка», семейное право придало ей иное содержание со своей спецификой[3]. Аргументировалось, что ст. 115 СК РФ вовсе не содержит пробела в части снижения законной неустойки, так как она такого «просто не допускает», что полностью согласуется с задачами семейного права, отвечает целям защиты прав и охраняемых законом интересов в алиментном механизме[4]. Дополнительный довод в пользу недопустимости вторжения суда в право на получение законной неустойки можно было усмотреть в том, что речь идет о семейной сфере, где лишенные товарообменного и взаимооценочного характера алиментные отношения изначально предполагают безвозмездное содержание без каких-либо встречных предоставлений, а потому ст. 333 ГК РФ, будучи нацеленной на воспрепятствование экономически безэквивалентному обогащению кредитора, неприменима к этим охранительным семейным отношениям по сути.

---

[1] Пункт 78 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7.

[2] Косова О.Ю. Об ответственности за просрочку уплаты алиментов // Нотариус. 2007. № 3. С. 5–6.

[3] Звенигородская Н.Ф. Гражданско-правовая категория неустойки в семейном праве: общее и частное // Нотариус. 2010. № 6. С. 25–27.

[4] Левушкин А.Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах–участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: Учебно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Восприятие указанных подходов (и особенно пронизывающей их идеи отраслевой самостоятельности семейного права[1]) предопределило появление в конце 2012 года позиции ВС РФ, что алиментные обязательства преследуют цель предоставления содержания нуждающимся членам семьи, которые являются таковыми в силу обстоятельств, признаваемых законодательством социально уважительными, в связи с чем неустойка, установленная п. 2 ст. 115 СК РФ в виде фиксированного размера процентов, является специальной мерой, гарантирующей осуществление прав указанных лиц на получение содержания, и ее уменьшение не предусмотрено[2]. Как следствие, начиная с 2013 года, в судебной практике стал преобладать подход о недопустимости судебного вмешательства в определение конкретного размера взыскиваемой при просрочке уплаты алиментов неустойки[3].

Однако некоторые суды не перестали искать разумный баланс интересов плательщиков и получателей алиментов и в ряде случаев, ссылаясь на ст. 333 ГК РФ, продолжили допускать удовлетворение требований о снижении размера неустойки по мотиву ее явной несоразмерности последствиям просрочке уплаты алиментов[4]. В этом аспекте правоприменители лишний раз продемонстрировали наблюдаемую в науке пониженную степень статичности правоположений (конструктов), сформулированных в персонифицированных актах судов (в отличие от позиций высших судебных инстанций)[5]. Как указал Конституционный Суд РФ[6] и подтвердил законодатель, в отмеченном устремлении суды оказались правы.

Таким образом, высказанная в 2010 году с опорой на аналогию судебная позиция прошла испытание научной критикой, выдержала попытку опровержения разъяснением высшей инстанции и фактически явилась креативной основой для

---

[1] Вихарев А.А. Последствия доктринальных дискуссий о самостоятельности семейного права как отрасли права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 1. С. 64–71.

[2] Обзор судебной практики за третий квартал 2012 года, утв. Президиумом ВС РФ 26.12.2012 // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 4.

[3] Определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 20.01.2016 № 33-306/2016; Постановление Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 17.09.2015 № 44г-35/2015 и др.

[4] Пункт X Обзора судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утв. Президиумом ВС РФ 13.05.2015 // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 7.

[5] Сакулин Р.А. Регулятивное воздействие индивидуально-правовых актов судов общей юрисдикции Российской Федерации на имущественные отношения супругов // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 148–157.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 06.10.2017 № 23-П.

формулирования новых норм семейного законодательства.

При этом следует оговорить: несмотря на то, что в целом пробел в вопросе о ситуационном уменьшении законной санкции за нарушение алиментной обязанности устранен, потребность в использовании аналогии как правоприменительного средства в этой сфере не отпала. Поскольку закрепленные в п. 2 ст. 115 СК РФ основания для снижения неустойки (материальное или семейное положение алиментообязанного и несоразмерность неустойки последствиям нарушения обязательства по уплате алиментов) не отличаются определенностью, постольку следует согласиться с тем, что образцом для установления несоразмерности выступят конструкты, наработанные при применении ст. 333 ГК РФ, а особенности материального или семейного положения плательщика алиментов могут быть найдены в аналогии с положениями п. 8 Постановления от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», определившими подобные ориентиры применительно к установлению размера алиментов, подлежащих взысканию в твердой денежной сумме[1].

Еще одним пробельным в сфере действия ст. 115 СК РФ оказался дискутируемый в науке и неоднозначно решаемый в судебной практике вопрос о применении аналогии при определении последствий просрочки исполнения соглашения об уплате алиментов.

Пределы аналогии закона в практике взыскания неустойки за просрочку исполнения соглашения об уплате алиментов

Семейно-правовой принцип взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов ставит насущные задачи обеспечения реального исполнения обязательств по уплате алиментов и создание механизма привлечения нарушителей таких обязательств к адекватной ответственности. Действительно, негативные последствия уклонения от уплаты алиментов не ограничиваются рамками распавшихся семей с несовершеннолетними детьми, а имеют

[1] Зайков Д.Е. Уменьшение неустойки за несвоевременную уплату алиментов // Гражданин и право. 2022. № 10. С. 40–46.

общегосударственный масштаб[1].

Для решения указанных задач наиболее удобным правовым средством, генетически сочетающим черты способа обеспечения обязательства и меры ответственности за его нарушение, выступает неустойка. Как верно подчеркивается в литературе, неустойка в семейном праве эффективно выполняет одновременно стимулирующую, превентивную и компенсационную функции[2].

Если алиментная обязанность устанавливается соглашением сторон, то в силу п. 1 ст. 115 СК РФ при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты, виновник несет ответственность в порядке, предусмотренном этим соглашением (то, что в соглашении об уплате алиментов стороны в качестве меры ответственности за просрочку уплаты алиментов предусматривают именно неустойку, признается в науке само собой разумеющимся[3]). На случай образования задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты *по решению суда*, в п. 2 ст. 115 СК РФ предусмотрена законная неустойка, которую виновное лицо уплачивает получателю алиментов из расчета 0,1 % от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки.

Приведенные нормы п. 1 и 2 ст. 115 СК РФ о начислении неустойки за несвоевременную уплату договорных и судебных алиментов сами по себе выглядят четкими и однозначными, однако их осмысление в совокупности обнаруживает правовую пробельность применительно к ситуациям, когда соглашением об уплате алиментов (ни основным, ни дополнительным) стороны не предусматривают конкретные меры ответственности за просрочку исполнения алиментной обязанности. Именно эта правовая неопределенность вызывает сложности в рассмотрении судами споров и принятии справедливых решений.

Поскольку известным, специально названным законом способом казуального преодоления пробелов в сфере частного права является применение

---

[1] Шиловская А.Л. Семейно-правовая ответственность в рамках алиментных обязательств // Современное право. 2017. № 6. С. 46–50.

[2] Звенигородская Н.Ф. Договорная неустойка как форма ответственности в семейном праве // Нотариус. 2010. № 1. С. 38–41.

[3] Шиловская А.Л. Повышение эффективности осуществления родительских прав и обязанностей с помощью соглашения об уплате алиментов // Исполнительное право. 2015. № 2. С. 25–30.

законодательства по аналогии, постольку в соответствующих казусах решение проблемы дефицита нормативного материала не обходится без аналогии, как это имело место, в частности, в следующем деле.

К.М. (истица) обратилась в суд с иском к К.А. (ответчик) о взыскании неустойки за несвоевременное исполнение соглашения об уплате алиментов на содержание их несовершеннолетней дочери К.К., несмотря на отсутствие в указанном соглашении условия об ответственности за его нарушение.

Решением мирового судьи исковые требования К.М. были удовлетворены: с К.А. на основании п. 2 ст. 115 СК РФ взыскана неустойка в размере 0,5 %[1] от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки.

Ответчиком подана апелляционная жалоба, в которой он ссылался на неправильное применение к отношениям, связанным с уплатой алиментов по соглашению сторон, п. 2 ст. 115 СК РФ, устанавливающего последствия просрочки исполнения решения суда о взыскании алиментов. Заявитель указал, что применение норм семейного права к семейным отношениям по аналогии допускается при отсутствии их регулирования семейным законодательством или соглашением сторон, а также при отсутствии соответствующих гражданско-правовых норм. По его мнению, санкция за несвоевременную уплату алиментов должна исчисляться по правилам ст. 395 ГК РФ о процентах за пользование чужими денежными средствами.

Апелляционный суд согласился с выводами мирового судьи и на основании ст. 5 СК РФ усмотрел сходство спорных отношений с отношениями по исполнению решения суда о взыскании алиментов, обеспеченному законной неустойкой, предусмотренной п. 2 ст. 115 СК РФ. Суд отметил: семейное законодательство может быть применено по аналогии при отсутствии норм гражданского права, прямо регулирующих семейные отношения, а нормы ст. 395 ГК РФ к таковым не относятся, в связи с чем в удовлетворении жалобы отказал[2].

Утверждая, что неустойку, исчисляемую при образовании задолженности по

---

[1] На момент рассмотрения спора редакция п. 2 ст. 115 СК РФ предусматривала именно такой размер законной неустойки, ныне–0,1%.

[2] Определение Свердловского районного суда города Иркутска от 05.04.2016 № 11-39/2016.

уплате алиментов, назначенных судом, неправомерно применять к случаям просрочки договорных алиментов, ответчик, по всей видимости, опирался на высказанное в науке мнение, что при отсутствии в соглашении об уплате алиментов условия о договорной неустойке следует применять *в порядке аналогии* норму ст. 395 ГК РФ об ответственности за неисполнение денежного обязательства в виде взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами[1].

С учетом того, что в ряде случаев суды придерживаются именно такой позиции, отказывая в применении п. 2 ст. 115 СК РФ при просрочке уплаты договорных алиментов[2], а Конституционный Суд РФ не нашел оснований считать нормы п. 1 и 2 ст. 115 СК РФ ставящими лиц, получающих алименты на основании решения суда, и лиц, получающих алименты по соглашению, в неравное положение, отметив, что в силу специфики добровольной и принудительной форм реализации алиментных обязательств законодатель вправе предусмотреть различные правила об определении ответственности за их нарушение[3], позиция ответчика не выглядела заведомо проигрышной[4].

В данном случае суд, обращаясь к ст. 5 СК РФ, посчитал невозможным аналогическое применение нормы гражданского права (ст. 395 ГК РФ) как нормы, прямо не регулирующей указанные отношения, и выбрал иную аналогию, указав на необходимость использования нормы семейного права, регулирующей сходные с пробельными отношения (п. 2 ст. 115 СК РФ). Эта судебная позиция имеет прямую доктринальную поддержку[5], расценивается как не только законная, но и наиболее справедливая аналогия, поскольку применение ст. 395 ГК РФ не будет способствовать реализации основных функций семейно-правовой

---

[1] Чичерова Л.Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 22.

[2] Пункт 6 Обзора судебной практики Челябинского областного суда за четвертый квартал 2014 года (утв. Постановлением президиума Челябинского областного суда от 25.02.2015).

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 № 1452-О.

[4] В целом нельзя обосновать соображениями справедливости, что правительство, использовавшее некоторое средство для достижения определенной цели, обязательно должно использовать то же средство или даже следовать той же самой цели всякий раз, как возникает аналогичная ситуация (см.: Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л.Б. Макеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 163).

[5] Звенигородская Н.Ф. Возможные основания классификации семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2010. № 4. С. 21–24.

ответственности[1], и находит опору в идее, что особая правовая природа семейных (алиментных) отношений вообще исключает применение положений ГК РФ об ответственности[2]. Подобную точку зрения разделяют некоторые правоприменители, отмечающие, что если при заключении соглашения стороны не предусмотрели меры ответственности на данный случай, то в силу аналогии к лицу, виновному в ненадлежащем исполнении соглашения, могут быть применены нормы п. 2 ст. 115 СК РФ, равно как если речь идет об ответственности за просрочку уплаты алиментов, взыскиваемых не по решению суда, в силу иного принудительного основания[3].

Осуществленное судом аналогическое применение п. 2 ст. 115 СК РФ в приведенном казусе не представляется возможным поддержать не только потому, что суд не аргументировал, почему посчитал спорные отношения (просрочка алиментообязанным уплаты денежных средств получателю алиментов) несходными с обычными денежными отношениями. Думается, что для преодоления обнаруженной правовой неопределенности следует отталкиваться от общей нормы ст. 4 СК РФ, согласно которой к названным в ст. 2 СК РФ имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяются гражданское законодательство (постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений) и специального правила п. 1 ст. 101 СК РФ, устанавливающего, что к заключению, исполнению, расторжению и признанию недействительным соглашения об уплате алиментов применяются нормы ГК РФ, регулирующие заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок. При наличии таких прямых и недвусмысленных указаний законодателя нет повода ни к обсуждению различий функций ответственности за семейные и гражданско-правовые нарушения, ни к выяснению

---

[1] Низамиева О.Н. Актуальные вопросы судебной практики по применению мер ответственности за ненадлежащее исполнение алиментных обязанностей // Ученые записки Казанского ун-та. Серия Гуманитарные науки. Вып. № 6. Т. 157. 2015. С. 209.

[2] Беспалов Ю.Ф. Применение семейного законодательства РФ к алиментным отношениям: некоторые теоретические и практические аспекты // Нотариус. 2017. № 7. С. 19–23.

[3] Решение Псковского районного суда Псковской области от 18.12.2015 № 2-953/2015~М-857/2015; Решение Балашихинского городского суда Московской области № 11-24/2011 (опубликовано на сайте суда 28.06.2011).

возможности или целесообразности применения аналогии закона.

Стоит согласиться с тем, что к неисправному плательщику алиментов, определенных соглашением с их получателем, необходимо непосредственно (а не по аналогии) применять нормы о гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств, содержащиеся в гл. 25 ГК РФ[1], в том числе и правила ст. 395 ГК РФ об ответственности за неисполнение денежного обязательства, поскольку алиментное обязательство является денежным[2]. Речь здесь идет о разновидности прямого, а не субсидиарного применения гражданского законодательства к семейным отношениям[3]. Иными словами, следует отказаться от теоретических обоснований выбора между внешней аналогией (из гражданского законодательства) и внутренней аналогией (семейного закона)[4] и внимательнее присмотреться к имеющимся нормам.

Аргумент в пользу такого решения вытекает также из ст. 5 СК РФ, в силу которой нормы семейного и (или) гражданского права, регулирующие сходные отношения по аналогии закона, могут применяться к пробельным семейным отношениям только при условии, если они не урегулированы семейным законодательством или соглашением сторон и при этом отсутствуют нормы гражданского права, прямо регулирующие указанные отношения. Видится, что ст. 395 ГК РФ прямо регулирует спорные отношения и для запуска механизма аналогии в данном случае условие о пробельности в закона отсутствует.

В рассматриваемом контексте следует привести еще один интересный казус, в котором при отсутствии в соглашении об уплате алиментов условия о начислении неустойки суд применил по аналогии норму п. 2 ст. 115 СК РФ о законной неустойке за неисполнение решения суда о взыскании алиментов и отказал в применении к спорным отношениям нормы ст. 395 ГК РФ.

Решением мирового судьи с ответчика на основании п. 2 ст. 115 СК РФ

---

[1] Пчелинцева Л.М. Семейное право России: Учебник. 5-е изд., перераб. М.: Норма, 2008. С. 472.

[2] Карпов М.В. О некоторых вопросах применения мер ответственности в семейно-правовых отношениях // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 24–29.

[3] Некрасова Е.В. Проблемы субсидиарного применения гражданского законодательства к регулированию семейных отношений // Власть Закона. 2015. № 2. С. 70–76.

[4] Усачева Е.А. Ответственность плательщика алиментов за ненадлежащее исполнение алиментного соглашения: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 112–117.

взыскана неустойка, несмотря на отсутствие в соглашении об уплате алимнтов условия об ответственности за его нарушение.

Ответчиком подана апелляционная жалоба, в которой он ссылался на неправильное применение к отношениям, связанным с уплатой алиментов по соглашению сторон, п. 2 ст. 115 СК РФ, устанавливающего последствия просрочки исполнения решения суда о взыскании алиментов. Апеллянт настаивал на необходимости расчета неустойки в соответствии с п. 1 ст. 395 ГК РФ.

Апелляционный суд согласился с решением мирового судьи и усмотрел сходство спорных отношений с отношениями по исполнению решения суда о взыскании алиментов, обеспеченному законной неустойкой: с момента заключения соглашения об уплате алиментов получатель утрачивает право на взыскание алиментов в судебном порядке, защита его интересов осуществляется путем предъявления к исполнению алиментного соглашения, поскольку оно уже является исполнительным документом. Несмотря на то, что в п. 2 ст. 115 СК РФ речь идет об ответственности за просрочку уплаты алиментов, взыскиваемых только по решению суда, а иные судебные акты не упоминаются, суд посчитал, что в данном случае подлежат применению правила ст. 5 СК РФ об аналогии[1].

Данное дело по существенным признакам аналогично предыдущему, а потому выводы, сделанные при его анализе, адекватны и в этом случае. Вместо применения п. 2 ст. 115 СК РФ по аналогии суду следовало бы встать на позицию заявителя и признать необходимым расчет санкции в согласно п. 1 ст. 395 ГК РФ.

Вместе с тем рассматриваемый судебный акт примечателен особым доводом суда в обоснование способности нормы п. 2 ст. 115 СК РФ выступить (через ст. 5 СК РФ) регулятором отношений, прямо не укладывающихся в ее гипотезу. Суд указал, что просрочка уплаты алиментов, взыскиваемых по решению суда, и задержка в перечислении алиментов, определенных соглашением, представляют «один и тот же вид правонарушений в тождественных по своей сущности правовых связях». Фактически суд воспользовался отточенной формулировкой научной

[1] Определение Пушкинского городского суда от 31.03.2016 № 11-10/2016.

аргументации допустимости более широкого применения п. 2 ст. 115 СК РФ[1]. Однако важно уточнить, что данная доктринальная позиция указывает лишь на сущностное тождество нарушений алиментной обязанности вне зависимости от конкретного вида судебного акта, являющегося источником принудительного возникновения соответствующей обязанности (решение, судебный приказ, определение о временном взыскании алиментов), но не дает оснований считать одинаково подпадающим под действие п. 2 ст. 115 СК РФ неисправное поведение алиментообязанного как стороны добровольного соглашения об уплате алиментов.

В контексте рассматриваемой ситуации важно обратить внимание еще на одно обстоятельство, оказавшееся проигнорированным. Применение п. 2 ст. 115 СК РФ о законной неустойке за просрочку уплаты судебных алиментов по аналогии к сходным отношениям, возникающим при нарушении алиментного соглашения, видится невозможным не только из-за отсутствия правового пробела как одного из условий использования аналогии, но и в силу общеправовой максимы *nullum poena sine lege*. Специальные меры ответственности, равно как их конкретные параметры, должны быть закреплены в законе (например, в ст. 105 СК РФ сформулировано весьма похожее на норму п. 1 ст. 115 СК РФ правило: индексация размера алиментов, уплачиваемых по соглашению об уплате алиментов, производится в соответствии с этим соглашением, хотя здесь оно уточнено: если в соглашении не предусматривается порядок индексации, таковая производится в соответствии со ст. 117 СК РФ).

Несмотря на остроту и широкую распространенность проблемы пробельности механизма привлечения к ответственности лиц, просрочивших уплату договорных алиментов, законодатель «не спешит» уточнять ст. 115 СК РФ для окончательного решения[2]. Суды вынуждены выбирать между субсидиарным применением гражданского права к спорным семейным отношениям и аналогией семейного закона и, (с учетом подчеркиваемой в доктрине отраслевой

[1] Звенигородская Н.Ф. Договорные семейно-правовые санкции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 2 (8). С. 114; Капитова О.В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации: Монография. М.: Юриспруденция, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Юдина Ю.В., Бузина М.В. Алиментные обязательства второй очереди: проблемы и механизмы совершенствования правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 27–30.

самостоятельности, неповторимой специфичности семейного права, допускающего субсидиарное применение гражданского законодательства только при определенных условиях[1]) склоняясь к последней, оказываются правыми с позиций основных начал и целей семейного законодательства, но фактически принимают решения, не соответствующие теории юридической ответственности.

Для законного и обоснованного взыскания нормативной неустойки на случай просрочки уплаты алиментов, определенных в соглашении, следует отказаться от применения п. 2 ст. 115 СК РФ по аналогии закона, а использовать креативную силу аналогии для формулирования соответствующего специального указания закона[2].

Аналогия закона в практике освобождения лица от уплаты алиментов

Пробельность семейного законодательства об алиментных обязательствах, требующая обращения аналогии, обнаруживается применительно к вопросу об освобождении алиментообязанного лица от уплаты алиментов в связи с аннулированием сведений о нем как об отце в записи акта гражданского состояния, как это произошло в следующем случае.

Х. (истец) обратился в суд с иском к Б.М. (ответчица) об оспаривании отцовства и освобождении от уплаты алиментов. Исковые требования мотивированы тем, что в 2002 года он вступил с ответчицей в фактические брачные отношения, они оба хотели иметь детей, лечились от бесплодия, обсуждали вопросы искусственного оплодотворения, и в 2005 году у них родился ребенок, после чего в 2006 году стороны зарегистрировали брак, но семейные отношения не сложились и брак был расторгнут.

После развода с ответчицей в 2008 году истец уплачивал алименты на содержание сына, но затем стало известно, что он не является биологическим отцом ребенка, который оказался, по мнению истца, зачатым женой в 2004 году от другого мужчины. Ответчица иск не признала, утверждая, что истец знал о рождении сына с использованием метода искусственного оплодотворения и по

---

[1] Филиппова Т.А., Маньковский И.Ю., Титаренко Е.П. Практическое значение определения отраслевой самостоятельности семейного права // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 19–22.

[2] Сконструированный по подобию с правилом ст. 105 СК РФ вариант дополнения п. 1 ст. 115 СК РФ представлен в заключении настоящей работы.

этой причине не вправе оспаривать признанное им отцовство. В ходе рассмотрения дела выяснилось, что письменного согласия на применение указанного метода истец не давал, рождение ребенка объяснял результатами лечения от бесплодия, в связи с чем считал его своим сыном. Поскольку ответчица уклонилась от предоставления ребенка для взятия материалов и проведения назначенной судом экспертизы, суд признал установленным факт, что истец не является отцом ребенка, рожденного ответчицей, и что запись об установлении отцовства истца является недействительной. Однако в семейном законодательстве освобождение лица от уплаты алиментов в связи с аннулированием записи об отцовстве конкретного лица в акте гражданского состояния не предусмотрено.

Суд пришел к выводу, что к спорным отношениям следует применить по аналогии п. 1 ст. 119 СК РФ, дающую суду возможность в случае изменения семейного положения любой из сторон, а также при учете всякого заслуживающего внимания интереса изменить установленный размер алиментов или освободить обязанное лицо от их уплаты. Приняв во внимание добытые в судебном заседании доказательства того, что истец не является отцом ребенка и при установлении отцовства и назначении алиментов ему об этом не было известно, а в такой ситуации дальнейшая выплата истцом алиментов на содержание ребенка не соответствует ч. 1 ст. 80, ст. 60 СК РФ, суд иск об оспаривании отцовства и освобождении от уплаты алиментов удовлетворил[1].

Несмотря на наличие явного пробела в семейно-правовом определении последствий результативного оспаривания отцовства и соответствующего исключения сведений об отце из записи акта о рождении ребенка применительно к алиментному обязательству, суды при рассмотрении исков лиц, в отношении которых запись об отцовстве аннулирована, об освобождении их от уплаты алиментов редко прибегают к аналогическому применению ст. 119 СК РФ.

В одних случаях суды подчеркивают формальное отсутствие аннулирования записи об отцовстве алиментообязанного лица в перечне оснований для освобождения от уплаты алиментов, признают соответствующие требования

[1] Решение Буйнакского районного суда Республики Дагестан, вступившее в силу 27.04.2012.

ненадлежащим способом защиты и указывают, что наличие вступившего в силу решения об оспаривании отцовства может служить основанием для пересмотра решения о взыскании алиментов по вновь открывшимся обстоятельствам в соответствии со ст. 392 ГПК РФ[1]. В схожих ситуациях другие суды квалифицируют исключение из актовой записи о рождении ребенка сведений об отце (алиментоообязанном) одним из заслуживающих внимания обстоятельств, которые ст. 119 СК РФ позволяет учесть при изменении размера алиментов или при освобождении от их уплаты, и разрешают соответствующие споры, применяя указанную норму напрямую[2].

Ни один из приведенных подходов не представляется верным. Так, буквальное прочтение ст. 392 ГПК РФ явно не позволяет отнести судебное решение об аннулировании записи об отцовстве плательщика алиментов к числу оснований для пересмотра судебного акта об установлении алиментов по вновь открывшимся обстоятельствам[3]. Что касается положений ст. 119 СК РФ, то, будучи нацеленными на достижение баланса интересов плательщика и получателя алиментов[4], устремленными на реализацию принципа индивидуализации алиментных обязательств[5], что предполагает модификацию сохраняющегося алиментного отношения, они не могут выступить прямой основой для определения статуса алиментообязанного лица, утратившего родственную связь ребенком, на содержание которого уплачивались алименты. Освобождение такого лица от уплаты алиментов непосредственно по ст. 119 СК РФ обеспечивает достижение материальной цели иска (необходимость платить алименты отпадает), но при этом оставляет положение истца юридически некорректным (он продолжает быть носителем алиментной обязанности, хотя и освобожденным от бремени ее исполнения). Поэтому если и применять в таких ситуациях ст. 119 СК РФ, то только

---

[1] Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2020 № 2-793/2019; Постановление Президиума Московского городского суда от 21.11.2008 № 44г-0421/2008.
[2] Постановление Приморского краевого суда от 23.10.2009 № 44г-140.
[3] Беспалов Ю.Ф. Все о взыскании алиментов. Теория и практика: Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. 128 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[4] Пьянкова А.Ф. Баланс интересов в алиментных правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 77–87.
[5] Низамиева О.Н. Позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам толкования положений семейного законодательства в сфере алиментирования // Семейное и жилищное право. 2015. № 5. С. 13–16.

аналогически.

Имея в виду способность аналогии выступать как юридико-техническим инструментом преодоления пробельности, так и действенным защитным средством, расширяющим поле нормативного регулирования общественных отношений и позволяющим казуально восполнить недостаточность способов пресечения нарушений и восстановления пострадавших частных прав, можно одобрить указанный судебный акт. Прибегнув к аналогии, суд не только обеспечил защиту субъективного права истца, но и не приравнял его к алиментообязанному лицу с изменившимся материальным (или иным заслуживающим внимания) положением, и не дал почву для сомнений в том, что аннулирование записи об отцовстве конкретного лица влечет полное прекращение прав и обязанностей, основанных на неправомерно зафиксированном ранее факте родства данного лица с ребенком, на содержание которого уплачивались алименты.

Развивая идею, что при успешном оспаривании отцовства алиментообязанного лица последнее полностью выбывает из алиментного обязательства, представляется возможным помыслить о применении в подобных случаях не п. 1 ст. 119 СК РФ об освобождении от уплаты алиментов, а п. 2 ст. 120 СК РФ о прекращении алиментного обязательства со смертью получателя алиментов или лица, обязанного их уплачивать. Такая аналогия (сравнение исчезновения зарегистрированного в качестве отца лица из юридического статуса ребенка со смертью данного лица для этого ребенка) может оказаться более точной и способной попутно решить смежный вопрос о судьбе накопившейся к моменту аннулирования записи об отцовстве задолженности по уплате алиментов.

Поскольку судебная практика при смерти должника достаточно четко разделяет вопросы о судьбе обязательства, связанного с его личностью (оно прекращается), и о судьбе задолженности, образовавшейся в результате нарушения обязательства (таковая признается долгом, не связанным с личностью, а потому переходит к наследникам должника[1]), постольку при отсутствии нормативного регулирования аналогичная квалификация оспаривания отцовства плательщика

[1] Определения ВС РФ от 24.09.2013 № 81-КГ13-14; от 01.03.2016 № 45-КГ16-1.

алиментов и его смерти обеспечит единообразное и последовательное признание сохранившейся задолженности по уплате алиментов, образовавшейся к моменту вступления в силу акта о об исключении сведений о должнике как об отце ребенка.

Аналогия закона в практике определения законодательства, применимого к алиментным соглашениям супругов, не имеющих общего гражданства или совместного места жительства

Интернационализация социальной сферы и международная миграция отражается в увеличении количества трансграничных семей[1], что актуализирует потребность в наличии надлежащих норм, которые позволили бы урегулировать широкий спектр трансграничных алиментных семейных споров.

Норма п. 2 ст. 161 СК РФ устанавливает порядок выбора законодательства, применимого для определения личных и имущественных прав и обязанностей супругов, имеющих различное гражданство и не проживающих совместно на территории России, лишь для случаев, когда супруги заключили брачный договор или соглашение об уплате алиментов друг другу, но не решает соответствующий вопрос для ситуаций, подобных следующей.

К.Е. (истица) обратилась в суд с иском о признании незаконным постановления об отказе в возбуждении исполнительного производства по ее заявлению о принятии к принудительному исполнению исполнительного документа – соглашения об уплате алиментов. Представленное истицей соглашение об уплате алиментов на содержание дочери К.Е. – гражданки России, проживающей с истицей на территории России, было заключено К.Е. в Польше с отцом ребенка В. – гражданином Польши, имеющим там постоянное место жительства. Поскольку соглашение было подписано К.Е. и В. в присутствии польского нотариуса, который удостоверил подписи сторон, истица настаивала, что в силу Договора между Россией и Польшей о правовой помощи данное соглашение, будучи скрепленным официальной печатью и подписью уполномоченного лица (нотариуса), не требует дополнительной легализации и

[1] Войтович Е.П. Международное семейное право: quo vadis? // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 166–173.

должно приниматься на территории России как документ, имеющий согласно п. 2 ст. 100 СК РФ силу исполнительного листа.

Суд посчитал, что соглашения об уплате алиментов в качестве помощи самому супругу и содержания несовершеннолетнему ребенку, проживающему с этим супругом, являются схожими, а имеющееся различие незначительно в аспекте применения правил разд. VII СК РФ. Соответственно, применив п. 2 ст. 161 СК РФ к спорной ситуации по аналогии закона, суд пришел к выводу, что поскольку стороны алиментного соглашения не воспользовались возможностью самостоятельно выбрать применимое законодательство, для определения возникших правовых последствий подлежит использованию законодательство России, на территории которой супруги имели последнее место жительства.

Ввиду того, что предъявленное к исполнению соглашение об уплате алиментов с точки зрения российского законодательства оказалось не облеченным в нотариальную форму, в удовлетворении иска К.Е. к В. было отказано[1].

Отнесение вопроса о взыскании алиментов к исключительной компетенции учреждений России позволило суду принять решение, мотивированное цепочкой последовательных суждений: чтобы соглашение об уплате алиментов имело силу исполнительного листа, оно должно быть нотариально удостоверенным (ст. 100 СК РФ); Основы законодательства РФ о нотариате различают нотариальные действия по удостоверению сделок и по свидетельствованию подписей, в то время как последнее в отношении документов, выражающих содержание сделки, не допускается); представленное соглашение содержит отметки нотариуса лишь о подтверждении подлинности подписей.

Отмечаемое в науке увеличение роли договорного регулирования семейных связей, включая отношения по предоставлению содержания, где обсуждается заключение соглашений о новации алиментных соглашений[2], на фоне общего усиления действия принципа диспозитивности в правоотношениях членов семьи[3]

---

[1] Решение Приморского районного суда города Санкт-Петербурга от 31.10.2019 № 2а-9520/2019.

[2] Аминов Е.Р. Новация алиментных обязательств // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 3–7; Ксенофонтова Д.С. К вопросу о новации алиментных обязательств в свете реформирования гражданского законодательства // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 30–32.

[3] Крашенинников П.В., Бадулина Е.В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и

не могло не привести к выявлению практикой такого «технического» правового пробела, какой был обнаружен в данном деле. Законодательное расширение круга вопросов, способных быть урегулированными договором участников семейных отношений, явно распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства.

Представленный спор подтверждает высказанную в доктрине идею о необходимости распространения ст. 161 СК РФ, предоставляющей возможность выбрать применимое право сторонам брачного договора или соглашения об уплате алиментов, на супругов, заключающих иные соглашения об их личных неимущественных и имущественных правах[1]. При этом наилучшим вариантом было бы прямое законотворческое уточнение[2].

§ 5. Практика применения по аналогии законодательства о формах воспитания детей, оставшихся без попечения родителей

Россия, как и другие государства – участники Конвенции о правах ребенка, признает, что ребенку для полного и всестороннего развития, становления его личности необходимо расти в окружении членов семьи. В семейном законодательстве РФ в качестве одного из основных начал регулирования семейных отношений провозглашен приоритет семейного воспитания детей, при этом основной гарантией обеспечения такого подхода поименовано право каждого ребенка жить и воспитываться в семье (п. 3 ст. 1, п. 2 ст. 54 СК РФ).

Последовательное нормативное воплощение указанных принципиальных положений выразилось в том, что в силу п. 1 ст. 123 СК РФ дети, оказавшиеся без попечения родителей, подлежат передаче на воспитание (прежде всего, в первую очередь) именно в семью (в порядке усыновления (удочерения), под опеку или попечительство, в приемную семью либо, когда это определено законодательными актами субъектов РФ, в патронатную семью).

жилищное право. 2020. № 4. С. 19–24.

[1] Войтович Е.П. Раздел общего имущества супругов: материальное и коллизионное регулирование // Нотариус. 2019. № 3. С. 13–17.

[2] Предложение по соответствующему обновлению нормы п. 2 ст. 161 СК РФ представлено в заключении настоящей диссертации.

В доктрине верно определено, что в ряду «семейных» форм устройства детей особое место занимает усыновление (удочерение), которое в идеале является пожизненным[1], т.е. изначально рассчитано на бессрочность, обеспечивает наиболее полную интеграцию ребенка в семью[2] и в п. 1 ст. 124 СК РФ прямо квалифицируется в качестве приоритетной формы.

Исключительная значимость института усыновления как формы максимальной юридической ассимиляции несовершеннолетнего в чужой семье, сопряженной с необходимостью всесторонней защиты прав и законных интересов детей, требует полного и качественного нормативного регулирования. При этом раскрытый в науке многоуровневый, сложный характер отношений, возникающих по поводу усыновления[3], указывает на необходимость соблюдения должной дифференциации их юридической регламентации. Однако, нельзя не согласиться с тем, что регулирование в этой сфере по-прежнему не свободно от недостатков[4].

Аналогия закона в механизме ограничения прав усыновителей

Одним из наиболее значимых, чувствительных и одновременно проблемных участков нормативной конструкции усыновления (удочерения) представляется механизм установления юридических последствий при возникновении ситуации, когда нахождение усыновленного в семье усыновителей не позволяет обеспечить должный уровень физического, психического, духовного и нравственного развития ребенка без риска для жизни и здоровья последнего.

В отношении биологических родителей соответствующие последствия определены законодателем достаточно полно и при этом дифференцированно для различных по природе причин, по которым оставление ребенка с родителями опасно, и для различной степени опасности таких обстоятельств: предусмотрены положения о максимально жесткой (крайней) мере ответственности в виде лишения родительских прав, если они виновно осуществляются в ущерб правам и

---

[1] Шершень Т.В. О праве на семью и принципе приоритета семейного воспитания детей // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 7–13.
[2] Пронин А.А. Сиротство: пути решения проблемы // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 2. С. 3–8.
[3] Гюрджан О.М. Правовая природа усыновления // Lex russica. 2013. № 9. С. 993–997.
[4] Левушкин А.Н. Защита прав детей при усыновлении (удочерении) в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Современное право. 2011. № 6. С. 101–104.

интересам детей (ст. 69 СК РФ), а также нормы о возможном ограничении родительских прав (об отобрании ребенка без лишения родительских прав), если оставление ребенка с родителями опасно вследствие их (ненадлежащего, виновного) поведения, но не находится достаточных оснований для лишения родительских прав, либо противоречит интересам ребенка по обстоятельствам, от родителей не зависящим, как то: психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие (ст. 73 СК РФ).

Когда при таких же или схожих обстоятельствах в зоне риска оказываются интересы усыновленного ребенка, механизмы лишения и ограничения родительских прав неприменимы. На случай, если усыновители уклоняются от выполнения родительских обязанностей или злоупотребляют ими, жестоко обращаются с усыновленным ребенком, являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией, а равно и по иным причинам, требующим охраны интересов ребенка, в ст. 140, 141 СК РФ закреплен особый механизм – отмена усыновления ребенка. При этом Пленум ВС РФ, предвосхищая попытки параллельного применения конструкций лишения, ограничения родительских прав и отмены усыновления, четко разъяснил, что в силу принципиальной разницы источника возникновения родительских прав у родителей и усыновителей (в первом случае – в силу биологического происхождения, во втором – в результате юридической процедуры) при установлении оснований, указанных в ст. 141 СК РФ, судом может быть решен вопрос именно об отмене усыновления, но не о лишении или ограничении родительских прав, хотя соответствующие основания явно по содержанию полностью охватывают основания для лишения родительских прав (ст. 69 СК РФ) или отобрания ребенка (ст. 73 СК РФ)[1].

Наличие особого механизма прекращения семейно-правовой связи усыновителей и усыновленных (отмены усыновления) используется некоторыми правоведами как аргумент в пользу вывода о «несовпадении» сущности биологического родительства и усыновительских правоотношений, когда

[1] Пункт 19 Постановления Пленума ВС РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень ВС РФ. 2006. № 6.

последние признаются в качестве «альтернативных»[1], и даже как доказательство принципиально различной природы рассматриваемых отношений, когда усыновление квалифицируется в качестве особого (специфического) вида правоотношений, которые «нельзя назвать ни родительскими, ни подобными родительским правоотношениям»[2]. В совокупности в приведенным разъяснением Пленума такой подход приводит к мысли, что в ситуации, когда нахождение усыновленного в семье усыновителей противоречит интересам ребенка (вследствие обострения психического расстройства или иного хронического заболевания усыновителя, стечения тяжелых обстоятельств, возникновения внутрисемейного конфликта и др.), но обстоятельства явно «не дотягивают» для применения жестких последствий, эквивалентных по силе лишению родительских прав, суд скован необходимостью выбирать лишь один из двух вариантов решения: удовлетворить заявление об отмене усыновления либо отказать в применении данной меры. Именно так, в формулировках, не предполагающих изъятия и уточнения, рассматриваемый вопрос освещается в учебной литературе[3]. Поэтому имели место случаи, когда, несмотря на наличие доказательств проявлений жестокости, психической неуравновешенности усыновителя, сведений об опасности его поведения для ребенка, суды отказывали в ограничении родительских прав усыновителей по исключительно формальной причине – ответчик является усыновителем и, следовательно, к нему не могут быть применены положения ст. 73 СК РФ[4].

Вместе с тем, едва ли могут быть сомнения, что преобладающий ситуационный характер метода семейно-правового регулирования требует наделения судей таким объемом дискреции, который позволял бы в каждом случае принять индивидуализированное решение, адекватное ситуации, складывающейся в семье усыновленного ребенка. Поэтому, опираясь, по всей видимости, на широко

---

[1] Шахова Е.С. Соотношение родительских и усыновительских правоотношений: актуальные проблемы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 75–82.

[2] Паршукова К.Ю. Общая характеристика отношений, порождаемых усыновлением, и их правовая природа // Семейное и жилищное право. 2008. № 2. С. 14–17.

[3] Семейное право: Учебник / Под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Протест ВС РФ от 28.01.2003 № 5-В02-262.

представленный в науке взгляд на усыновительские отношения как на «аналогичные» родительским[1], «максимально близки» к ним[2] или даже «эквивалентные» биологическому родительству[3], Пленум ВС РФ сформулировал позицию, по смыслу которой в силу аналогии закона при отсутствии (или недостаточности) оснований к отмене усыновления ребенка, если (тем не менее) оставление ребенка с усыновителями (одним из них) по обстоятельствам, находящимся вне сферы влияния усыновителей, опасно для ребенка, суд вправе, рассмотрев соответствующий иск, применить к усыновителям меры ограничения их в правах родителей, приобретенных в порядке усыновления[4].

С учетом того, что отмена усыновления – акт безоговорочный и бесповоротный (возможность восстановления ребенка в составе семьи бывшего усыновителя отсутствует), последствия отмены такового относятся к числу негативных в социальном аспекте[5] и «особенно тяжких»[6], зачастую жизненная ситуация ребенка после отмены усыновления становится хуже той, которая была до усыновления, и негативно сказывается на усыновителе и членах его семьи[7], и даже судебная процедура отмены усыновления не гарантирует отсутствие возможных ошибок[8], можно согласиться с тем, что отмена усыновления должна быть исключительной мерой, принимаемой в целях охраны интересов ребенка лишь в крайних случаях[9]. В силу этого указанное разъяснение Пленума с точки зрения нацеленности на юридический результат, обеспечивающий должный уровень дифференциации регулирования усыновительских отношений, дающий

---

[1] Манылов И.Е. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С. 89–112; № 5. С. 110–142; № 6. С. 63–107.

[2] Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М; 2010. С. 375.

[3] Муратова С.А. Семейное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 257.

[4] Пункт 2 Постановления Пленума ВС РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 1.

[5] Беглярова Е.Г. Основания, порядок, правовые последствия отмены усыновления // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 1. С. 48–54.

[6] Нечаева А.М. Семейное право: учеб. пособие. 4-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2011. С. 227.

[7] Кабанов В.Л. Отмена усыновления (удочерения) детей и проблемы их интересов: социально-гуманитарные аспекты // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 17–21.

[8] Осипова М.А. Законодательные инициативы в сфере семейных отношений в Государственной Думе седьмого созыва // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 39–41.

[9] Медведев С.В., Медведева А.С. Отмена усыновления должна быть исключительной мерой, преследующей цель защиты прав и интересов ребенка // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 8–11.

необходимую «широту и глубину судебного усмотрения и судебного активизма»[1] (указание на третий вариант судебного выбора – допущение ограничения прав усыновителей вместо полной отмены усыновления или оставления ребенка в опасной, вредной для него ситуации) видится оправданным.

Однако едва ли можно согласиться с правовым обоснованием такого разъяснения через аналогию закона. Дело не в том, что правовая позиция Пленума находится «на нормотворческой грани» и как обходная технология исчерпала «возрастной предел»[2], и даже не в том, что речь по существу идет о факте внезаконного введения нового правового института «ограничения прав усыновителей»[3] (что противоречит п. 4 ст. 1 СК РФ о недопустимости ограничения права граждан в семье иначе, как на основании федерального закона, и что уже одного этого возражения вполне достаточно, чтобы понять порочность приведенной судом аналогии). Думается, что в вопросе о возможности ограничения родительских прав, возникших при усыновлении, нет главного условия применения аналогии – отсутствует реальный правовой пробел, а есть лишь затруднения в толковании закона.

Если буквально истолковать п. 1 ст. 137 СК РФ, согласно которому усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению, и обратить внимание, что законодатель в совокупности норм обозначил стремление обеспечить не просто максимальное сходство, а тождество юридически значимых параметров родительских и усыновительских семейно-правовых связей (в ст. 2 СК РФ определил отношения между усыновителями и усыновленными в составе предмета семейно-правового регулирования как идентичные отношениям

---

[1] Тарусина Н.Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 254–273.

[2] Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex russica. 2019. № 5. С. 40–48.

[3] Ординарцева Л.И. Правовое значение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в механизме семейно-правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2014. № 6. С. 19–21.

родителей и детей; в ст. 128 СК РФ закрепил требование о необходимой разнице в возрасте между усыновителем и усыновленным с тем, чтобы и в социальных признаках семья, созданная по факу усыновления, была эквивалентна семье, основанной на родстве; в ст. 136 СК РФ предусмотрел возможность принятия судом решения о записи усыновителей в книге записей рождений в качестве родителей усыновленного ими ребенка; в ст. 139 СК РФ провозгласил тайну усыновления; и др.), то напрашивается вывод о том, что правила об ограничении родительских прав должны применяться к усыновителям не по аналогии закона, а напрямую. По всей видимости, именно такой вывод был положен в основу по форме и сути верного (хотя и подвергавшегося некоторыми учеными критике за немотивированность[1]) разъяснения, содержавшегося в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»[2], где вопрос о возможности отобрания ребенка от усыновителей по правилам об ограничении родительских прав решался положительно без ссылок на ст. 5 СК РФ.

В целях устранения неопределенности, учитывая важность недопущения некорректного использования аналогии, искажающего сущность претерпевающих регуляцию отношений, следует отказаться от аналогии закона для ограничения прав усыновителей и внести необходимое законодательное уточнение[3].

Практика применения по аналогии нормы об обеспечении тайны усыновления в отношении детей, рожденных суррогатной матерью

Отечественное семейное законодательство в части, призванной урегулировать взаимоотношения, возникающие вследствие применения ВРТ, признается существенно (во многих моментах) пробельным[4], нуждающимся в совершенствовании с учетом приоритета защиты интересов детей[5], отстающим от

---

[1] Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам / Е.А. Борисова, С.А. Герасименко, Б.А. Горохов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2008. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Бюллетень ВС РФ. 1998. № 7. Данный пункт ныне утратил силу.

[3] Формулировка дополняющего ст. 141 СК РФ пункта представлена в заключении настоящей работы.

[4] Беспалов Ю.Ф. Семейное законодательство Российской Федерации: некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 4–7.

[5] Богданова Е.Е., Белова Д.А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 66–75.

развития медицины и усложнения соответствующих семейных связей[1], что нередко приводит к вынесению ошибочных судебных решений и грубому нарушению прав граждан, буквально к «человеческим драмам»[2].

Одним из значимых аспектов этой сферы, оказавшихся вне поля зрения законодателя и вызвавших острые научные дискуссии, оказался вопрос о так называемой репродуктивной тайне (тайне донорства, тайне суррогатного материнства). С пробелом в регулировании данного вопроса столкнулись фигуранты следующей спорной ситуации.

Управление ЗАГС г. Москвы обратилось в суд с заявлением к Р. и Щ. (супруги, ответчики) о внесении исправлений в записи актов о рождении детей в г. Ржеве Тверской области, ссылаясь, что Тушинский отдел ЗАГС ошибочно указал местом рождения детей г. Москву. Ответчики заявленные требования не признали, просили не вносить изменения в актовые записи о рождении детей в их интересах, для обеспечения тайны рождения, поскольку дети рождены в г. Ржеве суррогатной матерью. Ответчики посчитали, что по аналогии подлежит применению ст. 135 СК РФ, согласно которой для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя могут быть изменены настоящие дата и место рождения ребенка.

Районный суд заявление ЗАГС удовлетворил, признал записи о месте рождении детей недействительными. Руководствуясь ст. 15 ФЗ «Об актах гражданского состояния», а также ст. 47 ГК РФ, суд посчитал, что у Р. и Щ. нет права выбора по вопросу указания места рождения детей, а основания для применения ст. 135 СК РФ по аналогии отсутствуют.

Ответчики подали жалобу, где настаивали на применении аналогии закона для защиты интересов детей.

Апелляционный суд, основываясь на ст. 5 СК РФ, усмотрел сходство в положении и интересах усыновленных детей и детей, родившихся при использовании ВРТ: законодательство о суррогатном материнстве не регулирует

---

[1] Павлова Ю.В. Современный правовой режим реализации репродуктивного права человека на применение вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. 2013. № 6. С. 27–32.

[2] Боннер А.Т. Искусственное оплодотворение: достижения и просчеты современной медицины и человеческие драмы // Закон. 2015. № 8. С. 164–183; № 9. С. 168–187.

вопрос о регистрации места рождения детей, но не исключает возможности его изменения с целью обеспечения тайны рождения таких детей. При этом суд указал, что обжалуемое решение, не позволяющее сохранить семейную тайну супругов, подлежит отмене как противоречащее Конституции РФ, Конвенции о правах ребенка и ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», гарантирующим неприкосновенность частной жизни, сохранение личной и семейной тайны, а также государственную защиту материнства, детства и семьи. В результате решение районного суда было отменено[1].

По мнению некоторых правоведов, необходимо прямо закрепить и нормативно гарантировать тайну генетического происхождения детей при применении методов ВРТ[2], том числе имея в виду включение репродуктивной тайны в состав личной и семейной тайны, ее схожесть с тайной усыновления и частичное совпадение с медицинской тайной[3].

Другие ученые высказывают опасения, что сохранение тайны биологического происхождения ребенка при применении суррогатного материнства способно вызвать негативные последствия (шантаж, ущербное развитие личности ребенка)[4], указывают на наблюдаемую в ряде развитых зарубежных стран тенденцию к отказу от принципа конфиденциальности при применении ВРТ и аргументируют мнение о том, что право ребенка знать своих генетических родителей должно иметь приоритет перед анонимностью доноров[5].

В отличие от некоторых западных социумов, где пропагандируется открытость семейных отношений, обычным, традиционным для российского общества является стремление сохранить конфиденциальность семейной жизни, что соответствует идее приоритетной защиты интересов ребенка, который субъективно и в представлении окружающих является по отношению к родителям

---

[1] Определение Московского городского суда от 18.09.2013 № 11-26919.
[2] Макаренко Г.Н. Правовое регулирование отношений установления отцовства и материнства при применении методов вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. 2007. № 2. С. 20–23.
[3] Кириченко К.А. Правовой режим репродуктивной тайны // Вестник НГУ. 2007. Т. 3. Вып. 1. С. 97–103.
[4] Максимец Т.И. Эффективность правового регулирования суррогатного материнства // Медицинское право. 2009. № 1. С. 50–52.
[5] Романовский Г.Б. Анонимность доноров половых клеток и современное семейное право // Семейное и жилищное право. 2010. № 5. С. 3–8.

родным не только юридически, но и биологически. То, что факт рождения ребенка в результате применения методов искусственной репродукции, является исключением из права знать родителей, констатируется в комментариях[1]. Более того, как отмечено в доктрине, на сегодняшний день репродуктивная тайна, даже не будучи специально закрепленной в законодательстве, все-таки находит некоторое отражение в действующих правовых нормах и судебной практике[2]. В большинстве случаев условие об обязанности суррогатной матери хранить факт вынашивания и рождения ребенка в интересах генетических родителей (как и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения) включается в договоры о суррогатном материнстве[3].

Таким образом, если не углубляться в дискуссию о принципиальной необходимости или недопустимой вредности репродуктивной тайны, отодвинуть на время в сторону споры о том, когда и в каком объеме открывать эту тайну по требованию заинтересованных лиц, и принять как данность фактическое существование в российских реалиях тайны суррогатного материнства как одной из традиционных семейных ценностей (блага, предназначенного для сохранения и укрепления семьи, продолжения здоровой жизни, положительного влияния на семейное и общее мировоззрение и правосознание членов семьи)[4], которая требует действенных правовых механизмов охраны и защиты, при отсутствии специальных норм совершенно логичным видится обращение посредством аналогии к инструментам, отработанным для обеспечения тайны усыновления.

В науке по ряду ключевых признаков выявлено существенное сходство усыновления и рождения ребенка суррогатной матерью: оба феномена непосредственно связаны с созданием или сохранением имеющейся семьи; в обоих

---

[1] Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния». Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Кириченко К.А. Охрана тайны информации о рождении ребенка: перспективы российского права и развитие вспомогательной репродукции // Медицинское право. 2015. № 1. С. 24–28.

[3] Афанасьева И.В. Правовая природа и содержание договора суррогатного материнства // Медицинское право. 2015. № 4. С. 39–42; Бурмистрова Е.В. Правовое регулирование суррогатного материнства в России // Медицинское право. 2014. № 1. С. 38–41.

[4] Касаткина А.Ю. Семейные ценности в доктрине семейного права и семейного законодательства Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2020. № 1. С. 18–20.

случаях родительская связь возникает искусственно, при профессиональном вмешательстве (социальных, юридических и медицинских служб); оба типа семей, пополненных ребенком, могут казаться отличными, не похожими на семьи, основанные на естественном деторождении[1]; и при усыновлении, и в случае рождения ребенка при помощи суррогатной матери лица, желающие пополнения в семье, стремятся фигурировать в свидетельстве о рождении в качестве родителей и получить полноценный родительский статус[2]. В силу этого примененную судом аналогию можно назвать достаточно глубокой.

Представляется, что специальный нормативный механизм защиты конфиденциальности сведений о суррогатном материнстве целесообразно вводить одновременно с общими правилами о режиме репродуктивной тайны, включая нормы о пределах тайны (например, вполне резонной видится проработка правила о доступе совершеннолетнего ребенка к сведениям, составляющим репродуктивную тайну, если это по медицинским показаниям необходимо для установления генетической истории и выяснения обстоятельств, при которых происходило вынашивание и рождение[3]). Поэтому до тех пор, пока законодатель не обретет должный доктринальный фундамент и не созреет для комплексного достижения определенности в вопросах репродуктивной тайны, в тех ситуациях, когда лица, записанные в качестве родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, желают сделать сведения об особенностях процесса рождения своим внутрисемейным делом, видится разумным и необходимым прибегать к аналогии, использованной судом в представленном примере, и казуально восполнять существующий правовой пробел. Возможно, было бы целесообразным зафиксировать соответствующий правой конструкт на уровне Пленума ВС РФ, поскольку в настоящее время в практике обнаруживается и иной подход.

Так, супруги (истцы) обратились к отделу ЗАГС с иском о внесении

---

[1] Татаринцева Е.А. Усыновление и вспомогательные репродуктивные технологии: что лучше защищает права ребенка? // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 132–138.

[2] Горская Е.Ю. К вопросу применения по аналогии ст. 135 Семейного кодекса Российской Федерации к семейным правоотношениям // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 8–10.

[3] Богданова Е.Е., Малеина М.Н., Ксенофонтова Д.С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex russica. 2020. № 5. С. 129–142.

изменений в актовую запись о дате рождения их дочери, родившейся по программе суррогатного материнства, и об указании датой ее рождения 7 ноября 2018 года, поскольку в период вынашивания ребенка суррогатной материю истица забеременела естественным путем и 7 ноября 2018 года родила сына, в связи с чем истцы настаивали на необходимости устранения расхождения в датах рождения детей для обеспечения конфиденциальности сведений об обстоятельствах рождения дочери и защиты интересов последней.

Сославшись на то, что ФЗ «Об актах гражданского состояния» не предусматривает возможности изменения актовых записей по желанию граждан, районный суд в удовлетворении заявленных требований отказал.

Истцы обжаловали решение, указав на необходимость применения при разрешении спора ст. 135 СК РФ по аналогии закона. Однако апелляционная инстанция этот довод отвергла. Суд не привел аргументов, указывающих на отсутствие у истцов законного интереса в обеспечении семейной (репродуктивной) тайны, не опроверг существование действительного правового пробела, препятствующего защите указанного интереса, не сделал суждения об отсутствии схожести не урегулированных законом спорных правоотношений с получившими должную регламентацию отношениями по обеспечению тайны усыновления, не указал на противоречие ст. 135 СК РФ существу сложившейся ситуации. Суд ограничился констатацией формального соответствия действий органов ЗАГС, отказавших истцам во внесении исправлений в запись акта о рождении ребенка суррогатной матерью (о дате рождения), положениям ФЗ «Об актах гражданского состояния», который содержит исчерпывающий перечень оснований для такого рода исправлений (изменений) и не позволяет произвольно корректировать актовые записи по желанию граждан. При этом аналогическое применение ст. 135 СК РФ и обращение к общим началам и смыслу семейного права, на котором настаивали истцы, суд назвал основанным «на субъективном толковании норм материального права», а потому не могущим являться причиной отмены решения суда первой инстанции[1].

[1] Определение Московского городского суда от 06.11.2019 № 33-49684/2019.

С одной стороны, в юридических суждениях по аналогии, как и во всяких аналогических суждениях, имеющих по природе вероятностный характер, есть некоторая ущербность и институциональная ограниченность[1]. Будучи вынужденными осуществлять поиск применимых в порядке аналогии правил, проводить сравнение пробельных и нормативно урегулированных отношений, проверять непротиворечие применяемых по аналогии норм существу спорных связей и следить за выполнением основных принципов семейно-правового регулирования, суды неизбежно пользуются личными представлениями об аналогии и аналогичности, гуманности, разумности и справедливости, что естественным образом усиливает их дискреционные возможности. В силу этого суд правильно усмотрел «субъективность» в аналогии закона. В этом смысле ст. 135 СК РФ не должна в результате ее аналогического использования становиться «резиновой», а потому следует согласиться с тем, что суды отвергают попытки родителей запрашивать изменения актовых записей о генетически родных детях для обеспечения их не являющихся противоправными интересов, не связанных с защитой семейных секретов, например, изменения даты рождения для попадания в ту или иную возрастную группу спортсменов[2].

С другой стороны, в рассматриваемом случае нельзя ни поддержать результат судебного разбирательства, ни согласиться с его аргументацией. Отмеченные сомнения в вероятностном (субъективном) характере судебного познания на основе аналогии и опасения по поводу того, что соприкасающееся с расширением судебной дискреции применение аналогии может внести долю неопределенности (субъективизма) в механизм правового регулирования и перейти грань признания допустимости судебного правотворчества, отнюдь не должны становиться препятствием к обеспечению реализации конституционной гарантии судебной защиты основополагающих семейно-правовых ценностей. Поскольку интересы ребенка и его родителей требуют обеспечения стабильности родительских правоотношений, которая в большинстве случаев обеспечивается

[1] Shecaira F.P. Analogical Arguments in Ethics and Law: A Defence of a Deductivist Analysis // Informal Logic. 2013. Vol. 33. № 3. P. 435.
[2] Определение Нижегородского областного суда от 19.05.2009 № 33-3651.

уверенностью детей в наличии кровного генетического родства с родителями и естественности своего происхождения[1], постольку можно утверждать, что ситуациях, аналогичных анализируемой, применение ст. 135 СК РФ по аналогии является правомерным и необходимым. Следует согласиться также с тем, что такое правоприменение, обосновываемое ссылкой на принцип «наилучшей» защиты интересов ребенка, в том числе прошедшего через отношения, предусмотренные в ст. 51 СК РФ[2], обеспечит прямое действие основных начал семейного права[3].

Более того, возможно говорить не только о применении в порядке аналогии требующегося для урегулирования рассматриваемого случая частного правила ст. 135 СК РФ о допустимости изменения места рождения усыновленного, но и в целом об установлении в отношении тайны суррогатного материнства *аналогии режима* тайны усыновления, т.е. своего рода *оптовой аналогии* всех норм, обеспечивающих последнюю: санкционировать изменение не только места, но и даты рождения, как это уже имело место в некоторых спорных ситуациях[4], по аналогии с изменением места рождения ребенка допускать изменение места государственной регистрации рождения и составления ЗАГС актовой записи о рождении ребенка в соответствии с адресом проживания лиц, записанных в качестве родителей (как это предлагается делать для обеспечения тайны усыновления[5]), по аналогии с п. 61 Порядка выдачи и оформления листков нетрудоспособности[6], выдавать такой документ нетрудоспособности женщине, не только усыновившей ребенка (детей) в возрасте до трех месяцев, но и воспользовавшейся услугой суррогатной матери и записанной с согласия последней в качестве матери рожденного ребенка.

Практика преодоления семейно-правовой неопределенности посредством аналогического применения правил об опеке и попечительстве

---

[1] Черных И.И. Особенности рассмотрения в суде дел об оспаривании отцовства (материнства) в правоотношениях суррогатного материнства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 67–76.
[2] Ульянова М.В. Установление правовой связи ребенка с матерью // Судья. 2017. № 6. С. 24–27.
[3] Кулаков В.В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 16–20.
[4] Решение Кунцевского районного суда города Москвы от 16.12.2013 № 2-6311/13.
[5] Шелютто М.Л. Изменение даты и места рождения усыновляемого ребенка, а также даты и места государственной регистрации его рождения // Комментарий судебной практики. Вып. 14 / Под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юрид. лит., 2008. С. 93–103.
[6] Приказ Минздрава России от 01.09.2020 № 925н.

Значительный интерес с точки зрения возможностей правовой аналогии и регулятивного потенциала законодательства об опеке и попечительстве представляет следующий казус.

Граждане (истцы) обратились в суд с иском к Ю.К.И. (ответчик) о взыскании материального ущерба, причиненного заливом их квартиры вследствие аварии, имевшей место в квартире ответчика. Истцы обосновывали требования тем, что причиной аварии явилось повреждение крана, находившегося в помещении ответчика и расположенного после общих отключающих устройств, а значит, не относящегося к общему имуществу многоквартирного дома. Поскольку квартира, в которой стоял сорванный кран, принадлежала на праве общей долевой собственности Ю.К.И. ($^2/_3$) и его несовершеннолетнему внуку С.К.И. ($^1/_3$), к участию в деле в качестве соответчика был привлечен отец несовершеннолетнего – К.Ю.И. До завершения процесса ответчик Ю.К.И. умер, наследство после его смерти принял сын – К.Ю.И.

Перед судом встал вопрос об определении порядка и состава лиц, подлежащих привлечению к гражданской ответственности за причиненный вред. Суд констатировал отсутствие существования между сособственниками – Ю.К.И. и С.К.И. (в лице его законных представителей) соглашения по поводу владения, пользования и распоряжения квартирой, обеспечения поддержания ее в надлежащем техническом состоянии, в том числе по осуществлению контроля за состоянием поврежденного шарового крана. Это обстоятельство, по мнению суда, позволяет возлагать солидарную ответственность на обоих собственников квартиры. Но поскольку за несовершеннолетнего отвечают его родители, то возникает вопрос о характере и этой ответственности: долевая собственность предполагает обязательное привлечение к делу матери несовершеннолетнего, поскольку солидарная ответственность может быть возложена на любого должника по выбору истца. Правовой нормы, регулирующей этот вопрос, не обнаружилось.

Суд усмотрел сходство рассматриваемых отношений с отношениями между несколькими опекунами и попечителями, не распределившими обязанности в отношении подопечных, на которые распространяются положения п. 9 ст. 10 ФЗ от

24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»[1], согласно которым такие опекуны и попечители несут солидарную ответственность за неправомерное поведение подопечных.

На основании счел возможным применить указанные правила по аналогии и сделал вывод о солидарной ответственности родителей несовершеннолетнего сособственника С.К.И. перед потерпевшими, поскольку сведений о заключении между родителями соглашения о порядке выполнения обязанностей по содержанию имущества несовершеннолетнего не имеется. Заявление истцами требования только к одному из родителей суд признал их правом, кроме того, он принял во внимание, что несовершеннолетний сособственник фактически не пользовался квартирой, так как после расторжения брака родителей остался проживать с матерью по иному адресу, а его отец, зарегистрированный в квартире умершего Ю.К.И., имел реальную возможность от имени сына участвовать в поддержании эксплуатации квартиры на требуемом техническом уровне. Таким образом, суд удовлетворил требования истцов за счет ответчика К.Ю.И.[2].

В доктрине отмечено, что семейное законодательство в целом весьма слабо регулирует вопросы возмещения вреда[3]. Затронутый в описанном казусе вопрос о долевом или солидарном характере ответственности родителей за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми личности или имуществу третьих лиц, являясь весьма «живым» и актуальным, оказался одним из пробельных. Если речь идет о родителях, которые являются супругами, то на случай причинения вреда их несовершеннолетними детьми п. 3 ст. 45 СК РФ отсылает к гражданскому законодательству (которое в специальных положениях ст. 1073–1075 ГК РФ умалчивает о том, как именно ответственность распределяется между родителями, а в общих нормах ст. 321 и 322 ГК РФ презюмирует долевой характер обязанностей нескольких должников) и уточняет, что обращение взыскания на имущество таких родителей-супругов при возмещении вреда производится по правилам п. 2 ст. 45

[1] СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
[2] Решение Красногвардейского районного суда города Санкт-Петербурга от 21.08.2012 № 2-125/12.
[3] Матанцев Д.А. Возмещение вреда как санкция в семейном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 82–86.

СК РФ, т.е. первоначально объектом взыскания становится общее супружеское имущество и лишь при его недостаточности супруги солидарно отвечают имуществом каждого из них. Применительно ко всем родителям (без уточнения состояния в браке) законодатель провозглашает равенство их прав и обязанностей в отношении своих детей (п. 1 ст. 61 СК РФ), но каково последствие такого равенства, не поясняет.

Нормативно-правовая неопределенность в решении вопроса о долевом или солидарном характере ответственности родителей за вред, причиненный их детьми, вызвала научные разногласия. Одни авторы, опираясь на ст. 61 СК РФ, утверждают, что мать и отец должны нести солидарную ответственность за вредоносные действия их несовершеннолетних детей даже в случае раздельного проживания[1]. Другие склоняются к выводу, что каждый родитель должен нести собственную ответственность за ненадлежащее воспитание ребенка, поскольку родительские права и обязанности индивидуальны[2]. При этом следует обратить особое внимание, что сторонники обеих позиций стремятся преодолеть недостаточность специального регулирования путем расширительного толкования общих правил, не совершая попытки отыскать схожие, но урегулированные отношения, и провести аналогию.

Таким же образом, выражая противоположные позиции и в большинстве случаев обходясь без обращения к аналогии закона или аналогии права, рассматриваемую проблему решают правоприменители. В одних ситуациях судам оказывается достаточно нормы п. 1 ст. 63 СК РФ о равенстве прав и обязанностей родителей по воспитанию детей для констатации солидарного характера ответственности родителей за вред, причиненный их ребенком[3]. В некоторых случаях для обоснования решения о солидарном взыскании вреда с обоих родителей суды используют ссылку на норму ст. 1080 ГК РФ об ответственности

---

[1] Бубчикова М.В. Особенности разрешения гражданского иска по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и по уголовным делам, где потерпевшим является малолетнее или несовершеннолетнее лицо // Мировой судья. 2016. № 8. С. 33–36.

[2] Рузанова Е.В. Особенности ответственности родителей, являющихся супругами, за причинение вреда их детьми: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 52–55.

[3] Решение Щекинского районного суда Тульской области от 14.12.2018 № 2-2606/2018~М-2666/18.

лиц, совместно причинивших вред[1]. В других казусах суды воспринимают п. 1 ст. 63 СК РФ о равных родительских правах и обязанностей как указание, что ответственными за вред, причиненный несовершеннолетним, являются оба его родителя, поскольку они вдвоем несут обязанности в отношении ребенка и отвечают на равнодолевых началах[2]. Некоторые суды акцентируют внимание, что по п. 1 ст. 1080 ГК РФ перед потерпевшим солидарную ответственность несут только лица, совместно причинившие вред, а поскольку родители в причинении вреда (ребенком) не участвуют, они могут нести ответственность только в долевом порядке[3]. Кроме того, имеет место подход, согласно которому родители, не состоящие в браке и проживающие отдельно, в силу п. 2 и 3 ст. 45 СК РФ не могут нести солидарную ответственность за противоправные действия их ребенка как по общим обязательствам супругов[4].

Представленный пример примечателен тем, что суд, столкнувшись с правовой пробельностью, не стал становиться на одну из доктринальных и ранее высказанных судебных позиций по аналогичным делам и механически воспроизводить недостаточно определенные (в отношении рассматриваемой ситуации) нормы п. 2, 3 ст. 45 и п. 1 ст. 63 СК РФ для обоснования мотивировочной части принимаемого решения, а обратился к аналогии закона как к наиболее креативному средству восполнения законодательных лакун.

В качестве «донорской» нормы, абсолютно четко регулирующей отношения, схожие с пробельными (у несовершеннолетнего имеется несколько опекунов или попечителей, но обязанности между ними по обеспечению подопечного уходом, содействию в своевременном получении медицинской помощи, обучению и воспитанию не распределены), суд выбрал правило п. 9 ст. 10 ФЗ «Об опеке и попечительстве», согласно которому при отсутствии должного распределения обязанностей опекуны или попечители несут солидарную ответственность за их неисполнение или ненадлежащее исполнение. В итоге институт защиты прав и

[1] Решение Арзамасского городского суда Нижегородской области от 31.10.2019 № 2-2144/2019.
[2] Решение Видновского городского суда Московской области от 26.03.2018 № 2-714/2018~М-36/2018.
[3] Определение ВС РФ от 16.02.2017 № 4-АПУ17-1.
[4] Определение Липецкого областного суда от 13.05.2013 № 33-1077/2013.

интересов детей, оставшихся без попечения родителей, выступил «поставщиком» казуального правила для наиболее полного и адекватного судебного определения обязанностей и ответственности родителей, а конкретная спорная ситуация получила элегантное и взвешенное решение.

Некоторое сомнение вызывает то, что аналогия в данном случае явилась инструментом применения нормы об ответственности, и, следовательно, здесь можно усмотреть очередное нарушение принципа строгой законности наказания, но именно такой правоприменительный подход видится наиболее соответствующим природе семейного права, основным началам семейного законодательства и функциям института аналогии. Именно в семейном праве со свойственным ему ситуационным методом иногда (с учетом конкретных обстоятельств) возможно то, что по общему правилу недопустимо. Именно семейное законодательство отталкивается от идеи общности (а не обособленности) имущественного фундамента семьи, что в полной мере соответствует идее о солидарном характере ответственности родителей (как единой семьи) за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми. Кроме того, аналогическое применение п. 9 ст. 10 ФЗ «Об опеке и попечительстве» при рассмотрении вопроса об ответственности родителей предполагает возможность изменения ее солидарного характера на долевой соглашением о распределении родительских обязанностей (что особенно актуально для родителей, не являющихся супругами и проживающих раздельно). Последнее отвечает и наблюдаемому усилению диспозитивных начал семейного законодательства, и тенденции к более широкому использованию договорных конструкций в семейном праве. Наконец, поддерживая идею, что два похожих дела должны рассматриваться сходным образом, едва ли можно разумно объяснить, почему ответственность родителей в существенно схожих обстоятельствах должна быть менее строгой по сравнению с ответственностью тех, кто их заменяет (опекунов и попечителей).

Ликвидировать обнаруженный пробел и достичь требуемой правовой определенности целесообразно путем нормативного уточнения п. 1 ст. 61 СК РФ[1].

[1] Предлагаемая формулировка обновления текста п. 1 ст. 61 СК РФ представлена в заключении настоящей работы.

Глава 4. Аналогия в правовом регулировании частноправовых корпоративных отношений

§ 1. Пределы аналогии в частноправовом статусе бенефициарных владельцев корпоративного юридического лица

Сложное устройство корпоративных организаций требует от законодателя повышенного внимания к беспробельности их правового статуса как с позиции защиты интересов внешних акторов, так и с точки зрения укрепления правового положения участников и членов органов управления корпораций. Более того, составной характер юридической личности корпораций, определяющий значимую специфику их волеобразования, существенно актуализирует проблематику определенности в правовой идентификации и установлении прав и обязанностей бенефициарных владельцев.

Бенефициарный владелец (бенефициар) юридического лица законодательно дефинируется в публично-правовом значении как физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет юридическим лицом (имеет преобладающее участие более 25 % в капитале) либо имеет возможность контролировать его действия (ст. 3, п. 8 ст. 6.1. ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»).

Идентификация бенефициарных владельцев позволяет бороться с коррупционными и иными теневыми явлениями при осуществлении юридическими лицами банковских операций[1], обеспечивает «деофшоризацию» экономики и противодействие уклонению от уплаты налогов[2], в том числе раскрывает факты получения необоснованной налоговой выгоды в результате распространенной схемы дробления бизнеса на цепочку организаций с

[1] Алексеева Д.Г. «Отказные» полномочия банков в отношении подозрительных операций клиентов: вопросы соблюдения частных и публичных интересов // Банковское право. 2018. № 4. С. 9–17.
[2] Крохина Ю.А. Имплементация концепции бенефициарного собственника в целях привлечения к ответственности за уклонение от уплаты налогов // Налоги. 2022. № 2. С. 38–42.

подконтрольными звеньями[1] и защищает налоговую систему в наиболее чувствительной для злоупотреблений сфере пассивных доходов (дивидендов, процентов, роялти)[2], создает условия привлечения конечных бенефициаров к ответственности за нарушение законодательства, связанного с эффективным функционированием крупных энергетических проектов[3].

Несмотря на то, что публично-правовой подход к формированию фигуры бенефициарного владельца не вполне увязывается со строгим цивилистическим представлением, в котором категории «владелец» или «собственник» не стыкуются с понятием «юридическое лицо», обозначающим не объект, а субъект, статус конечного бенефициара имеет видимое юридическое значение и в частноправовой сфере. Так, в настоящее время законодательно закреплена субсидиарная ответственность бенефициарных владельцев организаций – застройщиков за убытки, причиненные гражданам – участникам долевого строительства[4]. Установление в отношении лица признаков бенефициара, пересекающихся с правовыми характеристиками лица, контролирующего организацию – должника[5], не способного удовлетворить требования кредиторов, открывает возможность привлечения указанного лица к субсидиарной ответственности в процедурах банкротства[6]. В силу п. 3 ст. 53.1 ГК РФ лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе способные давать указания его участникам и членам органов управления, в случае неразумного и недобросовестного поведения несут ответственность и перед самим подконтрольным субъектом, а именно – отвечают за убытки, причиненные по его вине данному юридическому лицу.

---

[1] Волков А.В., Блинков О.Е. Дробление бизнеса: правовые проблемы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 2. С. 261–280.

[2] Хаванова И.А. Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 50–60.

[3] Завьялов М.М. Финансовый мониторинг EPCM-контрактов крупнейших налогоплательщиков в нефтегазовой отрасли // Финансовое право. 2022. № 4. С. 41–44.

[4] Пункт 4 ст. 23.2 ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 40.

[5] Статья 61.10. ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

[6] Ткачев А.А. Субсидиарная ответственность конечных бенефициаров в процедурах банкротства // Вестник арбитражной практики. 2022. № 1. С. 63–70.

В результате наблюдаемого стирания границ между организациями и их учредителями как в публичном, так и в частном праве[1], публично-правовая поднадзорность и вероятная частноправовая ответственность бенефициарных владельцев перед кредиторами при «снятии корпоративной вуали»[2] подталкивает таковых не только довольствоваться благами фактического (косвенного, опосредованного, неявного, выведенного из-под первого удара) контроля за действиями организации, но и ставить вопрос о юридических гарантиях возможности совершения ряда прямых (непосредственных) полномочий в отношении подконтрольного субъекта (как в целях добросовестной максимизации выгод, так и для разумной минимизации рисков).

В практическом русле указанный вопрос проявился в попытках конечных бенефициаров, не являющихся непосредственными акционерами (участниками) подконтрольных организаций, предъявлять двойные косвенные и квазикосвенные иски, основанные не на праве участия в таких организациях, а на интересе в их экономическом состоянии, минуя промежуточные звенья цепочки контроля. Несмотря на некоторую противоречивость практики и наличие по соответствующим попыткам ряда «отказных» решений, основанных на подп. 7 п. 1 ст. 148 АПК РФ (исковое заявление подписано лицом, не имеющим на это права)[3] или мотивированных формальной ссылкой на то, что нарушение экономических интересов конечных бенефициаров юридического лица законодательством не отнесено к основаниям для признания недействительным решения общего собрания участников этого юридического лица[4], с появлением знаковых для рассматриваемой сферы актов[5] можно считать, что судейскому сообществу дан сигнал о возможности позитивного отношения к тому, чтобы конечные бенефициары могли оспаривать решения общих собраний участников организаций, косвенно (опосредованно) ими контролируемых, и требовать

---

[1] Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к конструкции юридического лица в публичном и частном праве // Российский судья. 2021. № 7. С. 13–17.

[2] Филатова У.Б., Горбач О.В. Доктрина «снятия корпоративной вуали»: некоторые аспекты применения // Гражданское право. 2019. № 1. С. 7–10.

[3] Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 09.06.2020 № А74-3619/2018.

[4] Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 07.12.2017 № А32-31503/2017, А32-35860/2017.

[5] Определения ВС РФ от 31.03.2016 № 305-ЭС15-14197, А40-104595/2014; от 27.05.2016 № 305-ЭС15-16796.

признания недействительными сделок, совершенных такими организациями.

Учитывая, что по общему правилу процентный порог доли конечного участия в юридическом лице для признания обладателя доли бенефициарным владельцем составляет лишь 25%, и что контроль может быть сугубо фактическим (не сопряженным ни с прямым, ни с косвенным юридическим участием), вполне может оказаться, что в конкретной ситуации бенефициар не мсожет защитить свой разумный имущественный или управленческий интерес через исполнительные органы кондуитных организаций либо с помощью фактического влияния на их номинальных участников. Поэтому ситуации, при которых конечные бенефициары стремятся оказывать прямое юридическое воздействие на подконтрольную организацию, не являются надуманными, а представленный судебный подход, дозволяющий «двойные косвенные» или «производные» иски, выглядит разумным, в силу чего находит (хотя и не без оговорок) определенную поддержку в доктрине[1].

Вместе с тем, настораживает отсутствие внятного правового обоснования позиции о признании материального права бенефициарного владельца, формально не обладающего юридической связью с фактически контролируемой организацией, на косвенный или квазикосвенный иск. При отсутствии норм о наличии такого права и обнаружении находящейся в орбите правового регулирования потребности участника частных отношений напрашивается аналогия. В контексте посыла о том, что нарушенное частное право должно быть защищаемо в том числе посредством приспособления имеющегося юридического инструментария к современным условиям и потребностям гражданского оборота, включая применение законодательства по аналогии[2], вероятно, должной мотивировкой законности принимаемых в пользу бенефициаров решений могут выступить ссылки на правила применения гражданского законодательства по аналогии. Более того, последовательное использование аналогии при разрешении соответствующих споров может поспособствовать принятию адекватных (ликвидирующих пробел)

[1] Белова М., Макин Р. Двойные (множественные) косвенные иски: сравнительно-правовой обзор и некоторые соображения о перспективах института в российском праве // Журнал РШЧП. 2019. № 2. С. 92–103; Хлюстов П. Лучший корпоративный спор, рассмотренный ВС РФ в 2016 году // ЭЖ-Юрист. 2017. № 2. С. 11.
[2] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.12.2012 № А42-2283/2009.

изменений действующего гражданского законодательства, поскольку считается, что аналогическое обрамление стратегических изменений способствует пониманию и создает их легитимность[1].

Расширяя идею о праве бенефициарного владельца организации влиять на ее деятельность не только посредством задействования всех необходимых звеньев юридической цепочки влияния, но и напрямую (в обход кондуитов), именно с опорой на аналогию предпринимаются попытки бенефициаров запрашивать у подконтрольных корпораций сведения об их финансово-хозяйственной деятельности. Казалось бы, в свете схожести юридических рассуждений, осуществляемых бенефициаром при предъявлении двойных (опосредованных) косвенных исков и исков об истребовании информации приведенный судебный подход должен распространяться и на последние, особенно с учетом того, что здесь речь идет не о снятии корпоративной вуали, а о своего рода «корпоративном стриптизе», когда выгодоприобретатель сам публично раскрывает свою фигуру[2]. Однако при наличии примеров отрицательного отношения судов к таким попыткам, актов, которые были бы приняты в пользу бенефициарного владельца, в настоящее время не обнаруживается.

Отказывая конечным бенефициарам организации в удовлетворении исков об истребовании документов у этой организации, суды считают умолчание законодателя о таком защитном инструменте бенефициара квалифицированным (когда отсутствие нормы, непосредственно применимой к новому делу, не означает пробел, а предполагает, что искомое средство правовой защиты не доступно)[3], исходят из того, что правом на предъявление иска об истребовании документов у хозяйственного общества могут обладать только его прямые участники, которые реализуют его в защиту свои корпоративные права (но не третьи лица, даже их контролирующие), что исключает потребность в ст. 6 ГК РФ; при этом довод о

---

[1] Cornelissen J.P., Holt R., Zundel M. The Role of Analogy and Metaphor in the Framing and Legitimization of Strategic Change // Organization Studies. 2011. Vol. 32. Iss. 12. P. 1701–1716.

[2] Подшивалов Т.П. К вопросу о соотношении доктрины бенефициарной собственности и доктрины снятия корпоративной вуали при оспаривании корпоративных решений // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 365–370.

[3] Langenbucher K. Argument by Analogy in European Law // Cambridge Law Journal. 1998. Volume 57. Iss. 3. P. 481–521.

необходимости получения бенефициаром запрашиваемой информации для предотвращения вероятной субсидиарной ответственности по долгам подконтрольного лица также отвергается с обоснованием, что действующее законодательство не предусматривает возможность судебной защиты от предполагаемого или возможного в будущем нарушения[1]. Строго говоря, рассуждая таким образом, суды констатируют отсутствие не способа защиты права конечного бенефициара на информацию, а права на информацию как такового.

В одном из казусов суд аргументировал отказ в удовлетворении требования бенефициарного владельца (участника участника) о предоставлении документов тем, что в корпоративно-правовой сфере (к которой и относится спор о предоставлении информации по запросу участника корпорации) нормативно закрепленное понятие «бенефициарный владелец» отсутствует, а определение, представленное в ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ, применимо лишь для целей данного закона; при этом суд не согласился с утверждением о возможности восполнить корпоративно-правовой пробел посредством применения нормы данного закона по аналогии, поскольку корпоративные правоотношения общества и его участников по вопросу предоставления документов общества не являются сходными с отношениями по осуществлению операций с имуществом[2]. Интересно, что обратное распространение такого подхода на ситуации с двойными косвенными и квазикосвенными исками приведет к аналогичному выводу об отсутствии у конечных бенефициаров права на их предъявление, что противоречит ранее изложенной позиции ВС РФ.

На данный момент сложно прогнозировать, будет ли сигнал, обозначенный в упомянутых определениях, воспринят нижестоящими судами повсеместно и однозначно положительно, укрепится ли аналогическое внедрение публично-правового понятия «бенефициарный владелец» в структуру частноправового статуса юридических лиц и приведет ли возрастание случаев принятия к рассмотрению по существу косвенных и квазикосвенных (производных, двойных

[1] Постановление Седьмого ААС от 24.07.2019 № А45-728/2019.
[2] Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа–Югры от 10.04.2019 № А75-2735/2019.

косвенных) исков бенефициарных владельцев юридических лиц к соответствующим нормативным изменениям. Не исключено, что будут услышаны высказанные в литературе возражения против включения в круг «косвенных истцов» фактических бенефициаров как создающего неопределенность в вопросах о том, кто и при каких обстоятельствах вправе обращаться в суд от имени юридического лица, что, в свою очередь, может повлечь несогласованность действий участников организации и их исполнительных органов, привести к нарушению организационного единства юридического лица и предоставит судам излишне широкие дискреционные полномочия[1].

Вполне возможно, что в соответствующих спорах, как и при квалификации попыток бенефициаров получить информацию о подконтрольном субъекте, возобладает формальный подход и укрепится оценка в качестве квалифицированного молчания законодателя отсутствия в числе правил, определяющих гражданско-правовой статус юридических лиц, норм о понятии бенефициарного владельца юридического лица и его правах по отношению к подконтрольной организации. К слову, суды, которые до появления «пробенефициарской» позиции ВС РФ исходили из отсутствия у конечных бенефициаров юридических лиц, не являющихся участниками таковых, материального права на предъявление косвенных и квазикосвенных (производных, двойных косвенных) исков[2], также могли опираться на соответствующее мнение высшей судебной инстанции, согласно которому сама по себе зависимость дочернего общества от материнского не наделяет акционеров последнего правом оспаривать решения органов управления дочернего общества[3].

Но как бы то ни было, представляется очевидным то, что сообразно известной юридической максиме *de similibus ad similia eadem ratione procedendum est* (от сходства к сходству мы должны следовать одному и тому же правилу)[4], ответ на вопрос о праве конечного бенефициара организации на иск должен получить

---

[1] Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48–65.
[2] Постановление АС Северо-Западного округа от 20.01.2016 № А13-3371/2015.
[3] Определение ВАС РФ от 28.06.2012 № ВАС-2919/12 № А56-55612/2008.
[4] Bouvier J. Maxims of Law. Dictionary of Law by John Bouvier. Vol II. Philadelphia. 1856. P. 124–145.

схожий ответ как в контексте защиты его интереса в оспаривании сделок и (или) решений органов управления подконтрольной организации и (или) взыскания убытков в ее пользу, так и применительно к широко (по числу признаков) и глубоко (по существенности признаков) аналогичной потребности в получении бенефициаром документов и информации о деятельности организации.

Данная идея подтверждается новейшим разъяснением, представленным в п. 7 Обобщения судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами, утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2023[1], согласно которому в свете исключительных случаев признания судами за бенефициарными владельцами права на предъявление косвенных исков, аналогичным образом в отдельных ситуациях не должна исключаться возможность возложения судом на хозяйственное общество обязанности по предоставлению информации о его деятельности бенефициару общества (в частности, при утрате таким бенефициаром корпоративного контроля за деятельностью общества по причине противоправных действий третьих лиц). Оценивая данную позицию как выглядящую внешне логичной, следует обратить внимание, что в основу аналогического аргумента положен не нормативный источник, а судебный подход по схожему вопросу, правомерность которого сама по себе отнюдь не очевидна (в науке отмечается, что для уравновешивания риска ответственности бенефициаров корпорации таковым возможно предоставить некоторые процессуальные права, но наделять их корпоративными правами, требующими исключительно видимой (непосредственной) корпоративной связи с юридическим лицом, не следует)[2].

По существу в условиях накопления судебной практики до формирования на основании интуитивной аналогии устойчивого массового правоприменительного опыта казуального преодоления правовой неопределенности Президиум своим суждением сформулировал возникший на уровне правосознания группы разработчиков Обобщения и членов Президиума конструкт предписанной аналогии, рекомендовав судам разрешать споры в рамках анализируемых

[1] Бюллетень ВС РФ. 2024. № 2.
[2] Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114–133).

отношений на основании аналогии права и объяснять, какие именно принципы гражданского права применены для обеспечения добросовестности, разумности и справедливости. Поэтому, думается, что единственным надлежащим объяснением и правовым оправданием фактического дополнения Президиумом действующего законодательства и конструирования им не существующего субъективного корпоративного права могло бы стать прямое и нелатентное обращение к аналогии права, а через нее – к основным началам гражданского законодательства.

§ 2. Аналогия в механизмах формирования, увеличения и уменьшения уставного капитала хозяйственных обществ

Особая роль конструкции уставного капитала в определении корпоративной личности хозяйственных обществ и обеспечении достижения ключевых целей корпоративно-правового регулирования актуализирует выявление и комплексную (в том числе аналогическую) проработку зон правовой неопределенности в механизмах его формирования и изменения при одновременной проверке состоятельности аналогии как универсального антипробельного и защитного средства в корпоративной сфере.

Установление необходимости и порядка образования уставного капитала при создании корпорации считается одним из проблемных мест корпоративного права[1]. В доктрине ведутся непрекращающиеся споры о возможных правовых способах защиты интересов инвесторов, связанных с использованием конструкции корпорации[2], обсуждаются механизмы повышения эффективности инвестирования в корпоративный капитал и обеспечения корпоративного контроля, адекватного осуществленным вложениям[3], и в большинстве случаев в сферу исследования так или иначе попадает конструкция уставного капитала. При этом интересно, что и в

[1] Филиппова С.Ю. О функциях уставного капитала в контексте оценки изменений законодательства о хозяйственных обществах // Предпринимательское право. 2012. № 1. С. 19–22.
[2] Галкова Е.В. Соотношение принципа сохранности капитала акционерного общества и ответственности эмитента за проспект ценных бумаг // Закон. 2015. № 11. С. 114–131.
[3] Hansmann H., Kraakman R. What is Corporate Law? Yale Law & Economics Research Paper № 300. 2004. URL: https://ssrn.com/abstract=568623.

функциональном аспекте выяснение правовой природы уставного капитала предлагается осуществлять с помощью аналогии[1].

Отсутствие единства в доктринальных оценках этой конструкции предопределяет несовершенство действующего законодательства в данной сфере, что, в свою очередь, влечет большое количество споров, связанных такой ключевой корпоративной обязанностью как оплата уставного капитала.

Пробелы и аналогии в механизме формирования уставного капитала хозяйственных обществ

Уставный капитал для моели хозяйственных обществ в литературе справедливо характеризуется как «системообразующая конструкция»[2], особая значимость полного и непротиворечивого нормативного закрепления которой состоит не только в том, что сами легальные понятия обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ опираются на признак разделения уставного капитала на доли (п. 1 ст. 87 ГК РФ) и определенное число акций (п. 1 ст. 96 ГК РФ), но и в том, что уставный капитал хозяйственных обществ выполняет широкий функционал (гарантирует интересы кредиторов[3], обеспечивает пополнение имущественной базы организации[4], фиксирует размер участия в прибыли, убытках[5], определяет объем корпоративно-управленческих возможностей участников, сигнализирует о степени серьезности коммерческих устремлений корпорации[6]), и в силу этого находит отражение практически во всех сферах жизни данных корпораций.

Поскольку для хозяйственных обществ, создаваемых преимущественно как

---

[1] В частности, иформация о размере уставного капитала рассматривается по аналогии со ст. 431.2 ГК РФ в качестве публичного заверешния об обстоятельствах (Учуватова В.В. Информационная и гарантийная функции уставного капитала хозяйственных обществ // Юрист. 2024. № 7. С. 15–20).

[2] Глушецкий А.А. Уставный капитал хозяйственного общества: экономический анализ норм корпоративного права // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 217–278.

[3] Поваров Ю.С. Гарантийная функция уставного капитала: новое в акционерном законодательстве // Право и экономика. 2010. № 7. С. 20–24.

[4] Рубеко Г.Л. Уставный капитал хозяйственных обществ: некоторые проблемы правового регулирования // Юрист. 2016. № 10. С. 28–32.

[5] Долинская В.В. Уставный капитал акционерного общества в системе имущественных отношений // Юрист. 2006. № 7. С. 49–51.

[6] Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 4–35.

объединение капиталов (а не лиц, как товарищества)[1], определяющей, не высвечиваемой и даже игнорируемой законодателем[2], но при этом реально работающей выступает имущественная (стартовая, материально-обеспечительная) функция уставного капитала, а само имущество, передаваемое учредителями (участниками) в качестве вкладов (взносов) в уставный капитал, занимает особое место в отношениях собственности юридического лица[3] и становится элементом корпоративной собственности[4], постольку принципиальной видится подробная и беспробельная регламентация порядка формирования уставного капитала хозяйственных обществ (как верно отмечается в науке, неопределенный закон в большинстве случаев плохо справляется с задачей руководить поведением людей[5]). Действительно, от степени корректности действий, осуществляемых при первоначальной оплате уставного капитала, во многом зависит дальнейшее функционирование общества[6].

Однако можно констатировать, что на сегодняшний день существует ряд зон нормативной неопределенности, в целом считающейся в доктрине пороком правовой системы, подрывающим способность права достигать необходимых результатов[7] и осложняющих процесс наполнения уставного капитала. Так, в литературе обращено внимание на неясность юридической природы (личной или неличной) обязанности участников (акционеров) по оплате уставного капитала корпорации[8], отмечена неопределённость последствий неисполнения или просрочки исполнения данной обязанности[9].

---

[1] Филиппова С. К вопросу о понятии, составе и структуре уставного капитала хозяйственного общества // Хозяйство и право. 2018. № 11. С. 35–52.

[2] Саяпина И.А. Функции и структура уставного капитала общества с ограниченной ответственностью // Право и политика. 2005. № 6. С. 138–151.

[3] Долинская В.В. Имущество, переданное в качестве вкладов (взносов) в уставный (складочный, паевой) капитал, в системе отношений собственности юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 22–28.

[4] Лаптев В.А. Корпоративная собственность–юридический прием корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2. С. 62–68.

[5] Asgeirsson H. On the Instrumental Value of Vagueness in the Law // Ethics. 2015. Vol. 125:2 P. 425–448.

[6] Тарасенко Ю.А. О природе внесения имущества в уставный капитал при учреждении акционерного общества // Известия вузов. Правоведение. 2005. № 3. С. 21–29.

[7] Davis K.E. The Concept of Legal Uncertainty (November 2011). URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1990813.

[8] Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Правовые последствия неоплаты уставного капитала хозяйственного общества: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 3. С. 76.

[9] Дмитриева Л.М. К вопросу об автоматизме перехода доли в уставном капитале (акций) при неисполнении участником хозяйственного общества обязанностей // Право и экономика. 2013. № 8. С. 34–39.

При столкновении с пробелами неизбежно встает вопрос о возможности и необходимости прибегать к применению правовых норм к ситуациям, непосредственно не подпадающим под классификацию данных нормы[1]. Поэтому на примере того, как проявляет себя метод аналогии при его использовании в пробельных элементах механизма формирования уставного капитала хозяйственных обществ видится необходимым проверить идею о «центральной роли» аналогии во всяком правовом рассуждении, а также высказанные в науке тезисы о востребованности и эффективности юридической аналогии как «моста между фактом и правилом»[2], удобного механизма оперативного преодоления нормативных пробелов в правоприменении[3].

Оплата вклада в уставный капитал третьим лицом

Не имеет прямого законодательного решения вопрос о том, допустимо ли внесение вкладов в оплату уставного капитала не лично участником (акционером), а третьим лицом (самим обществом, другим участником либо вообще посторонним субъектом, не входящим в корпоративную орбиту общества) и, соответственно, следует ли в случае фактического осуществления такой оплаты считать формирование уставного капитала состоявшимся, а участника (акционера) – исполнившим одну из ключевых корпоративных обязанностей.

С одной стороны, значительное распространение в судебной практике получил подход, согласно которому обязанность участника (акционера) по оплате доли в уставном капитале (размещенных акций) общества при его учреждении может быть исполнена за него иными лицами. Так, суды указывают, что Закон «Об ООО» не ставит требование об обязанности оплаты уставного капитала общества его участниками в зависимость от того, лично ли участником оплачена его доля, или же оплата произведена иными лицами за него[4]. Отмечается, что законодательство не предусматривает запрета на внесение вклада в уставный капитал общества за определенного учредителя иным участником общества или

[1] Macagno F., Walton D. Argument from Analogy in Law, the Classical Tradition, and Recent Theories // Philosophy and Rhetoric. 2009. Vol. 42. № 2. P. 154–182.
[2] Weinreb L. Legal reason: The use of analogy in legal argument. New York: Cambridge University Press. 2005. P. 90.
[3] Петровский Н.А. Метод аналогии в юриспруденции // Современное право. 2009. № 5. С. 3.
[4] Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 14.02.2019 № А78-17696/2017.

третьим лицом[1]. По мнению судов, правовое значение имеет факт полного формирования уставного капитала общества или оплаты доли соответствующего лица, и при оценке указанного обстоятельства не играет самостоятельной юридической роли то, каким образом (за счет чьих средств) был наполнен уставный капитал общества либо оплачена доля соответствующего лица[2]. Применительно к акционерным обществам суды исходят из того, что при установлении факта полной оплаты всех акций, размещенных при учреждении общества, акции, которые могли бы перейти к самому обществу в порядке абз. 4 п. 1 ст. 34 Закона «Об АО», отсутствуют, а значит, не имеется оснований для лишения акционера, лично не исполнившего соответствующую обязанность, права на участие в собрании и голосовании по вопросам повестки дня[3]. Судебная практика не исключает также оплату размещенных акций самим обществом за счет заемных денежных средств[4]. В науке нормативное основание данной судебной позиции усматривается в применении положений ст. 313 ГК РФ *по аналогии закона*[5].

С другой стороны, специальное указание в п. 1 ст. 15 Закона «Об ООО» об обязанности «каждого учредителя» общества оплатить полностью свою долю в уставном капитале общества, равно как общие нормы п. 2 ст. 90 и п. 2 ст. 99 ГК РФ о недопустимости освобождения участника (акционера) общества от обязанности оплаты доли в уставном капитале (акций) общества, побуждают к выводу о том, что рассматриваемая обязанность носит личный характер, исключающий возложение его исполнения на третье лицо в порядке ст. 313 ГК РФ[6]. По всей видимости, с опорой на такой вывод некоторые суды считают условия договора об оплате доли в уставном капитале общества одним участником за другого противоречащими требованиям закона[7], и отвергают возникновение у участника полного объема корпоративных прав, если несмотря на отражение в балансе

---

[1] Постановление АС Дальневосточного округа от 15.03.2017 № А59-1172/2016.
[2] Постановление АС Поволжского округа от 20.05.2020 № А12-26686/2019.
[3] Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 15.07.2008 № А19-4509/05-53-6-4.
[4] Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 30.01.2009 № А32-11917/2007-55/274-2008-16/37.
[5] Дмитриева Л.М. К вопросу об автоматизме перехода доли в уставном капитале (акций) при неисполнении участником хозяйственного общества обязанностей // Право и экономика. 2013. № 8. С. 34–39.
[6] Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Правовые последствия неоплаты уставного капитала хозяйственного общества: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 3. С. 76.
[7] Постановление ФАС Центрального округа от 21.04.2009 № А54-1591/2008С9.

общества сведений о сформированности уставного капитала имеется неразрешенный конфликт о том, кем именно осуществлена оплата доли данного участника[1]. Кроме того, при применении к рассматриваемому вопросу положений ст. 313 ГК РФ об условиях и последствиях исполнения обязательства третьим лицом (в том числе обязывающих кредитора принять исполнение, предложенное за должника таким третьим лицом, даже если должник не возлагал на последнего исполнение просроченного обязательства) возможно усмотреть противоречие с императивными нормами п. 3 ст. 16 Закона «Об ООО» и абз. 4 п. 1 ст. 34 Закона «Об АО», устанавливающими специальное последствие неоплаты долей (акций) при учреждении общества – неоплаченные доли (акции) при истечении установленного срока для их оплаты переходят к самому обществу (основанием для перехода является факт окончания срока платежа[2]). Поскольку данное последствие воспринимается так, что общество не вправе понудить участника (акционера) к оплате долей (акций) в натуре[3], постольку уклонение участника (акционера) от этой обязанности должно расцениваться как отказ от корпоративного участия, а несогласованное с ним ее исполнение третьим лицом или сами обществом нарушает признаваемый в науке и конституционно-правовой практике принцип исключительно добровольного участия инвесторов в формировании имущества хозяйственных обществ[4].

Думается, что если прибегнуть к признаваемому необходимым для всякого правоприменителя выяснению истинных законодательных намерений, предопределявших принятие той или иной нормы[5], то следует заключить, что из указанных положений закона не вытекает нацеленность законодателя требовать личного исполнения обязательства по внесению вкладов в уставный капитал. Явно не вытекает такое требование и из существа рассматриваемого неличного имущественного обязательства. При этом подчеркнутое нормативное указание на

---

[1] Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.06.2008 № А03-3150/07-37.
[2] Постановление АС Поволжского округа от 06.03.2017 № А06-4712/2016.
[3] Определения ВАС РФ от 16.01.2014 № А76-8250/2009-64-159; от 19.04.2011 № А46-2352/2010; Постановление АС Дальневосточного округа от 15.02.2017 № А04-3521/2016.
[4] Кузнецов В.В. О свободе воли при формировании уставного капитала акционерного общества (по материалам Определения Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 206-О-О) // Цивилист. 2011. № 4. С. 47–50.
[5] Kyritsis D. Interpreting Legislative Intent (September 4, 2018). URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3243732.

обязанность *каждого* учредителя оплатить свою долю можно охарактеризовать как одну из многочисленных терминологических погрешностей, которые по ряду извинительных причин сопровождают любую законодательную область[1]. Поэтому, учитывая, что обязанность по формированию уставного капитала лежит одновременно и на участниках, и на самой корпорации (уставный капитал входит в имущественную характеристику организации[2]), едва ли правильно исключать возможность возложения этой обязанности на третьих лиц по инициативе должника. Исходя из этого, позицию, подтверждающую такую возможность, следует поддержать. Другое дело, что упомянутые сомнения в неличном характере обязанности наполнять уставный капитал, встречающиеся судебные акты с противоположной позицией, а также опасения, что широкое аналогическое применение ст. 313 ГК РФ к оплате долей (акций) за участников (акционеров) третьими лицами может привести к обходу императивных норм п. 3 ст. 16 Закона «Об ООО» и абз. 4 п. 1 ст. 34 Закона «Об АО» и принудительному корпоративному инвестированию. Принимая во внимание, что правовая определенность, являющаяся отличительной чертой верховенства права, играет фундаментальную роль в силу своей экономической оптимальности для участников рыночных отношений[3], представляется целесообразным восполнить имеющийся правовой пробел нормативным способом и внести соответствующие корректировки в п. 2 ст. 90 и в п. 2 ст. 99 ГК РФ[4].

Оплата вклада в уставный капитал с опозданием

Очередной пробел в правовом режиме уставного капитала состоит в том, что нечетко и неполно определены последствия нарушения срока оплаты участниками (акционерами) долей (акций), установленного договором о создании общества.

С одной стороны, исходя из буквального толкования п. 3 ст. 16 Закона «Об ООО» и абз. 4 п. 1 ст. 34 Закона «Об ООО», в случае неоплаты или неполной оплаты

---

[1] Голубцов В. Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 3. С. 396–419.

[2] Долинская В.В., Кузнецов В.В. Формирование уставного капитала и дивиденды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 3–5.

[3] Portuese A., Gough, O. Tanega, J.A. The Principle of Legal Certainty as a Principle of Economic Efficiency. // U. of Westminster School of Law Research Paper № 13–13. 2013. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2332016.

[4] Предлагаемые формулировки законодательных уточнений представлены в заключении настоящей работы.

доли (акций) в нормативные сроки неоплаченная часть доли (акций) переходят к обществу, причем такой переход и, соответственно, утрата (усечение) нарушившим обязанность по наполнению уставного капитала лицом статуса участника (акционера) происходит автоматически. Ученые подчеркивают автоматизм перехода неоплаченных долей (акций)[1] и акцентируют внимание на пресекательный характер срока оплаты вкладов в уставный капитал[2], а суды при установлении истечения такого срока отрицают наличие корпоративной возможности неисправного участника (акционера) участвовать в принятии решений на общих собраниях[3] и оспаривать решения органов общества[4]. При этом Конституционный Суд РФ не усмотрел проблемы в том, что указанные положения не требуют дополнительных волеизъявлений неисправного участника на переход неоплаченных долей (акций) к обществу[5]. В свою очередь, в нотариальной практике принято считать, что если на момент открытия наследства доля в уставном капитале общества оплачена наследодателем не полностью, а срок оплаты еще не истек, в состав наследства войдет вся принадлежавшая наследодателю на момент его смерти доля в уставном капитале общества, при этом к наследникам перейдет обязанность завершить оплату доли, а если установленный для полной оплаты срок к моменту открытия наследства истек, в наследственную массу будет включена только оплаченная часть доли в уставном капитале, а не оплаченная наследодателем часть доли перейдет к обществу[6]. Кроме того, именно идея об автоматизме перехода неоплаченных долей (акций) ложится в основу сформулированного судами[7] и одобренного в науке[8] вывода о недопустимости

---

[1] Дмитриева Л.М. К вопросу об автоматизме перехода доли в уставном капитале (акций) при неисполнении участником хозяйственного общества обязанностей // Право и экономика. 2013. № 8. С. 34–39.

[2] Клинова Е.А. Гражданско-правовые сделки при размещении эмиссионных ценных бумаг. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 9.

[3] Постановление ФАС Центрального округа от 14.07.2008 № А68-5851/07-168/16.

[4] Определение ВАС РФ от 09.12.2009 № А07-20700/2008.

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2615-О.

[6] Пункт 2.5. Методических рекомендаций по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28 - 29.05.2010) // Нотариальный вестник. 2011. № 2.

[7] Пункт 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

[8] Гутников О.В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 2. С. 102–127; Шевела Ю.Б. Защита

исключения участника из состава общества за нарушение обязанности внести вклад в уставный капитал.

Иными словами, есть основания полагать, что участники (акционеры) или их преемники в случае просрочки исполнения обязанности по оплате долей в уставном капитале (размещаемых акций) автоматически лишаются корпоративной связи с обществом, а оплата, произведенная за пределами установленного срока, является неосновательным обогащением общества и подлежит возврату[1].

С другой стороны, в ряде случаев суды подчеркивают, что к обществу могут перейти только неоплаченные акции[2], и указывают (по всей видимости, имея в виду аналогию со ст. 29 ФЗ от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[3]), что до момента списания неоплаченных акций с лицевого счета неисправного владельца и до их возврата на лицевой счет эмитента формально числящееся в качестве акционера лицо продолжает обладать корпоративным статусом акционера[4]. Опираясь на эти суждения, суды отвергают попытки признания осуществленной за пределами установленных сроков оплаты акций недействительной[5].

Применительно к случаям несвоевременной оплаты доли в уставном капитале ООО, толкуя п. 3 ст. 16 Закона «Об ООО», суды приходят к аналогичному выводу, что если общество в порядке и в сроки, установленные в ст. 24 Закона «Об ООО», не распорядилось неоплаченной долей, конклюдентные действия нарушителя (участие в корпоративном управлении), других участников (длительное неоспаривание права нарушителя на неоплаченную долю) и самого общества (взаимодействие с нарушителем как с исправным участником общества) могут являться основанием для признания за лицом, не оплатившим долю, статуса участника общества[6].

прав участников хозяйственных обществ // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2014. № 4. С. 49–64.

[1] В практике имеются примеры оценки просроченной оплаты вклада в уставный капитал как ненадлежащей, не имеющей корпоративного значения (см.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 19.02.2008 № А39-245/2007-9/14).

[2] Постановление ФАС Уральского округа от 21.07.2009 № А50-14459/2008-Г14.

[3] СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

[4] Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 30.01.2009 № А32-11917/2007-55/274-2008-16/37.

[5] Постановление АС Поволжского округа от 01.09.2016 № А57-27205/2015.

[6] Постановление Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № А42-6169/2011; Постановление АС Волго-Вятского округа от 17.03.2016 № А29-4606/2015; Постановление АС Поволжского округа от 10.12.2019 № А57-12783/2018.

Здесь явно прослеживается аналогия с практикой признания сохранившим корпоративный статус участника за лицом, которое предъявило заявление о выходе из общества, но, не получив от общества действительную стоимость его доли в уставном капитале, продолжает участвовать в корпоративной жизни корпорации (голосовать на общих собраниях, получать дивиденды), а общество при этом не предпринимает предусмотренных в п. 2 ст. 24 Закона «Об ООО» действий по определению судьбы доли вышедшего[1].

Поскольку разрыв корпоративной связи участника с обществом всегда является особо значимым событием, постольку добросовестное устремление сохраненить такую связь (при наличии технической возможности реализации и отсутствии явных противопоказаний) должно иметь нормативные основания. Поэтому положения ст. 66.2 ГК РФ следует соответственно уточнить[2].

Оплата вклада в уставный капитал зачетом встречных требований

Еще один пробельный момент в механизме формирования уставного капитала хозяйственных обществ видится в отсутствии ясности о возможности или недопустимости исполнения обязанности по внесению вклада в уставный капитал путем зачета встречных требований к обществу.

С одной стороны, отмена общего запрета на погашение участником ООО обязанности по внесению вклада в уставный капитал путем зачета требований к обществу (как он был установлен в п. 2 ст. 90 ГК РФ в ред. до ее уточнения ФЗ от 27.12.2009 № 352-ФЗ[3]), исключение аналогичного запрета на погашение акционером обязанности оплаты акций общества путем зачета требований к АО (как он звучал в п. 2 ст. 99 ГК РФ в ред. до принятия ФЗ № 352-ФЗ) и одновременное введение специальных оговорок о том, что в случаях, предусмотренных Законами «Об ООО» и «Об АО», такие зачеты возможны *при увеличении* уставного капитала ООО (при оплате дополниительно размещаемых акций АО), может расцениваться как точечное разрешение зачетов именно в порядке формирования дополнительной

[1] Постановление АС Волго-Вятского округа от 30.12.2014 № А43-2058/2011; Постановление АС Северо-Западного округа от 04.07.2017 № А56-39738/2015; Постановление ФАС Поволжского округа от 16.08.2010 № А57-22863/2009.
[2] Предлагаемый вариант совершенствования ст. 66.2 ГК РФ представлен в заключении настоящей работы.
[3] СЗ РФ. 2009. № 52 (1 ч.). Ст. 6428.

части увеличиваемого уставного капитала[1].

С другой стороны, если принять во внимание допустимость оплаты уставного капитала общества векселями его участников[2], то становится понятным, что идея воспрепятствовать формированию «дутых» уставных капиталов и гарантировать интерес кредиторов общества в их наполнении реальным имуществом, а не «эфемерными правами требования участников к обществу»[3], посредством запрета зачета требований при формировании уставного капитала, явно не работает.

Думается, что опасения злоупотреблений, когда отдельные участники, имея возможность влиять на деятельность общества, станут недобросовестно наращивать долги общества перед собой с целью последующего погашения обязанности по оплате уставного капитала зачетом, не должны приводить к буквальному пониманию рассматриваемого запрета (п. 2 ст. 90, п. 2 ст. 99 ГК РФ)[4] и препятствовать обеспечению возможности удобного для общества и его участников способа конвертации долгов в корпоративный капитал, ибо, как уже было неоднократно упомянуто, *abusus non tollit usum* (злоупотребление не отменяет употребления). В связи дозволением по закону длительного периода существования общества с не полностью оплаченным уставным капиталом вполне может возникнуть реальная («недутая») задолженность общества перед участником, доля которого в уставном капитале еще не оплачена, и, соответственно, появиться разумный интерес общества в прекращении встречных требований зачетом, избавляющем и общество, и участника от необходимости изыскивать оборотные финансовые ресурсы. Корпоративное право, имея в качестве одной из своих важнейших задач содействие организации инвестирования в корпоративный капитал[5], должно обеспечить реализацию указанного интереса. Соответственно, излишняя жесткость правил о зарегистрированном капитале

---

[1] Долинская В.В. Изменения в гражданском и корпоративном законодательстве // Цивилист. 2010. № 2. С. 23–29.
[2] Определение ВАС РФ от 18.01.2011 № А56-59613/2009; Письмо Минэкономразвития России от 29.12.2018 № ОГ-Д22-12808.
[3] Бойко Т. Новый этап либерализации российского корпоративного права: Федеральный закон № 352-ФЗ // Корпоративный юрист. 2010. № 3. С. 17–20.
[4] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского // СПС КонсультантПлюс. 2006.
[5] Hansmann H., Kraakman R. What is Corporate Law? Yale Law & Economics Research Paper № 300. 2004. URL: https://ssrn.com/abstract=568623.

увеличивает трансакционные издержки и препятствует инвестициям[1]. Поэтому, принимая во внимание очевидный негативный эффект отсутствия гибкости в правиле о недопустимости оплаты уставного капитала путем зачета требований к обществу[2], и учитывая, что, строго говоря, прекращение обязательства зачетом по смыслу ст. 415 ГК РФ не является прощением долга и освобождением должника от исполнения, целесообразно более активно продвинуться в направлении дальнейшей либерализации рассматриваемого участка корпоративно-правового регулирования, исключив общий подразумеваемый запрет на оплату уставного капитала хозяйственных обществ (при их учреждении) зачетом встречных требований учредителя (естественно, при соблюдении правила п. 2 ст. 66.2 ГК РФ об обязательности внесения «живых» денежных средств в сумме не ниже минимального размера уставного капитала, определяемого специальными законами)[3]. Примечательно, что соответствующее изменение будет находиться в русле отмечаемой в науке общей тенденции и закономерности в других юрисдикциях (переход от жесткого правового режима капитала к более либеральному и гибкому режиму уставного капитала)[4]. Более того, и до внесения соответствующих законодательных поправок видится возможным, не боясь упреков в завуалированном непризнанном судебном правотворчестве[5], с применением аналогии права (п. 2 ст. 6 ГК РФ) *extra legem*, но *intra ius* признавать состоявшейся оплату формируемого уставного капитала хозяйственного общества путем зачета, осуществленного разумно и добросовестно с учетом реальных сбалансированных интересов корпорации и ее участников.

Оплата вклада в уставный капитал имущественным правом аренды

Как это ни удивительно, действующее законодательство не позволяет

---

[1] Wei S. Fading Registered Capital Rules under the Amended Chinese Company Law: Sweeping Changes in Uncertain Contexts // 8 International Company and Commercial Law Review. 2014. 270-82. URL: https://ssrn.com/abstract=2482231.

[2] Телюкина М.В. Применение зачета встречных однородных требований в отдельных видах обязательств // Право и экономика. 2001. № 6. С. 32–38.

[3] Конкретный вариант реализации данного предложения представлен в заключении настоящей работы.

[4] Chen R. From Legal Capital to Subscribed Capital: Capital Rules in China and its Economic Background (December 1, 2015). A chapter in GERMAN AND ASIAN PERSPECTIVES ON COMPANY LAW, edited by Holger Fleischer, Hideki Kanda, Kon Sik Kim, and Peter Mülbert, published by Mohr Siebeck, Germany, Dec 2016. P. 181–200.

[5] Schauer F., Spellman, B.A. Analogy, Expertise, and Experience // University of Chicago Law Review. 2017. Vol. 84. № 1. P 249–268.

однозначно ответить на весьма актуальный для многих хозяйственных обществ и их учредителей вопрос: возможно ли оплатить уставный капитал хозяйственного общества путем внесения (уступки) обществу права аренды какого-либо имущества? Повышение востребованности договора аренды в хозяйственном обороте, обусловленное тенденцией к признанию преимуществ концепции «sharing economy» и соответствующих ей выгод от временного пользования необходимыми объектами вместо приобретения вещей в индивидуальную собственность[1] еще больше актуализирует данный вопрос.

В соответствии с текущей редакцией п. 1 ст. 15 Закона «Об ООО» оплата долей в уставном капитале может осуществляться участниками деньгами, ценными бумагами, другими вещами или имущественными правами либо иными правами, имеющими денежную оценку. Схожая формулировка закреплена в актуальной редакции п. 2 ст. 34 Закона «Об АО». Эти положения позволяют сделать вывод об отсутствии корпоративно-правовых препятствий к передаче арендных прав в уставный капитал. Действующая норма п. 2 ст. 615 ГК РФ об имеющемся праве арендатора (по умолчанию в законе об ином) с согласия арендодателя отдавать арендные права в залог и вносить их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственных товариществ и обществ подтверждает правомерность рассматриваемого способа оплаты вклада в уставный капитал с точки зрения гражданско-правового существа договора аренды. К слову, анализируя указанную ниже новеллу, В.В. Долинская именно со ссылкой на п. 2 ст. 615 ГК РФ указывает на неисключенность права аренды из круга допустимого ко вкладу в уставный капитал имущества[2].

Вместе с тем, появление нормы п. 1 ст. 66.1 ГК РФ, введенной ФЗ от 05.05.2014 № 99-ФЗ с оговоркой о ее приоритете до приведения законодательных актов в соответствие с положениями ГК РФ в редакции этого закона, породило серьезные сомнения в состоятельности утвердительного ответа на вопрос о возможности оплаты уставного капитала хозяйственного общества правом аренды.

---

[1] Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. HarperBusiness, 2010. P. 97–123.
[2] Долинская В.В. Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 13–22.

Поскольку указанная норма закрепила исчерпывающий перечень объектов, которые допустимо вкладывать в имущество хозяйственных обществ (в перечень вошли подлежащие денежной оценке исключительные, иные интеллектуальные права и права по лицензионным договорам, но не попали иные имущественные права), постольку восприятие вкладов в уставный капитал как разновидности вкладов в имущество[1] и признание недопустимости расширения данного перечня применительно к уставному капиталу привело к отрицанию возможности внесения не поименованных в перечне объектов в качестве вкладов в уставный капитал (включая право аренды)[2]. При этом общая критика допущения функционирования юридических лиц, не получивших в оплату уставного капитала «живые» денежные средства или телесные объекты права собственности[3] усиливает соответствующие сомнения.

В данном вопросе с опорой на формальный момент (после принятия упомянутого ФЗ от 05.05.2014 № 99-ФЗ и в Закон «Об ООО» и в Закон «Об АО» неоднократно вносились изменения, что позволяет считать данные законы приведенными в соответствие с ГК РФ) следует согласиться с тем, что ст. 66.1 ГК РФ работает только в отношении хозяйственных товариществ, а также применительно к операциям по внесению вкладов в имущество хозяйственных обществ, не увеличивающих их уставный капитал[4]. При этом, осознавая недостаточно сильный характер формального аргумента (сохранение формулировок п. 1 ст. 15 Закона «Об ООО» и п. 2 ст. 34 Закона «Об АО» равным образом может восприниматься и как то, что в части регулирования оплаты уставного капитала данные законы в соответствии с ГК РФ еще не приводились),

---

[1] Мельникова Т.В. Функция вкладов в имущество хозяйственных товариществ или обществ // Юридический мир. 2016. № 9. С. 27–29. Пункт 45 Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 7.

[2] Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Филиппова С.Ю. К вопросу о понятии, составе и структуре уставного капитала хозяйственного общества // Хозяйство и право. 2018. № 11. С. 35–52; Шиткина И.С. Вклады в имущество хозяйственного общества: вопросы квалификации и практического применения // Хозяйство и право. 2017. № 10. С. 22–41.

[3] Емелькина И.А. Юридические лица как субъекты права собственности и ограниченных вещных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 3–9.

[4] Курбатов А.Я. Разрешение коллизий с участием норм Гражданского кодекса Российской Федерации: старые и новые проблемы // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 36–44.

видится необходимым добавить, что нет ничего априори эфемерного в предоставлении учредителем обществу возможности использования арендованного имущества (например, земельного участка для строительства недвижимости либо офиса для представительских нужд). Поэтому в условиях сохраняющейся правовой неопределенности необходимо применять общие начала и смысл гражданского законодательства (аналогию права) и с учетом требований добросовестности и разумности поддерживать реализуемый некоторыми судами подход, согласно которому оплата вкладов в уставный капитал арендными правами все-таки допустима[1]. Такое использование аналогии права будет соответствовать наблюдаемому в настоящее время общему возрастанию значимости гражданско-правовых принципов в регулировании общественных отношений[2] и выступать адекватной реакцией на справедливые призывы ученых[3] к их еще более масштабному влиянию на практику правоприменения. Так, основанное на аналогии признание допустимости оплаты уставного капитала хозяйственных обществ правом аренды позволяет помыслить о еще большей (двойной) аналогии, а именно – о возможности конвертации в корпоративный капитал прав на использование «непоименованных вещей»[4] и других «нетипичных объектов аренды»[5], прямое (а не аналогическое) применение к которым норм об аренде может оказаться сомнительным.

Аналогия права в механизме увеличения уставного капитала общества с ограниченной ответственностью

Трудно переоценить важность полной и одновременно гибкой нормативной регламентации всех нюансов механизма увеличения уставного капитала. Такой механизм, с одной стороны, должен являться достаточно простым для пополнения

---

[1] См.: Постановление АС Уральского округа от 29.05.2019 № А60-39078/2018; Постановление АС Северо-Западного округа от 08.08.2018 № А66-10750/2015.

[2] Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 175–184.

[3] Бондаренко Н.Л. Современный методологический подход к исследованию принципов гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 305–309.

[4] Суслова С.И. Непоименованность в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 322–347.

[5] Mikryukov V.A. Gaps and Analogies in the Legal Definition of the Lease Facility // Journal of Politics and Law. 2020. Vol. 13. № 2. P. 82–93.

материальной базы текущей деятельности и развития хозяйственного общества, выступать эффективным средством повышения оцениваемого контрагентами «порога серьезности» корпорации и максимально удобным способом привлечения к деятельности общества новых участников[1] и инвестиций, включая иностранные[2], а с другой стороны, исключать возможность дисбаланса интересов участников общества и не создавать поводов к злоупотреблению правом и возникновению корпоративных конфликтов[3].

Согласно п. 2 ст. 17 Закона «Об ООО» увеличение уставного капитала общества может осуществляться за счет имущества общества, а также, что более интересно и актуально, за счет дополнительных вкладов участников общества, и (или), если это не запрещено уставом общества, за счет вкладов третьих лиц, принимаемых в общество.

В ст. 19 Закона «Об ООО» в отношении увеличения уставного капитала общества, сопряженного с приростанием его имущественной массы, предусмотрены подробные правила, дифференцированные для случаев, когда таковое осуществляется с привлечением вкладов всех участников общества (п. 1 ст. 19) либо за счет вкладов отдельных (одного или нескольких) участников общества и (или) вкладов одного или нескольких принимаемых в общество третьих лиц (п. 2 ст. 19). На случай нарушения перечисленных в этих нормах требований к порядку увеличения уставного капитала в каждом из двух вариантов в п. 2.2. и п. 3 ст.19 Закона «Об ООО» предусмотрены одинаковые императивные последствия: увеличение уставного капитала общества признается несостоявшимся, а общество обязано в разумный срок вернуть внесенные вклады тем участникам и третьим

---

[1] В литературе верно отмечается, что запрет на отчуждение доли (части доли) третьим лицам (если таковой закреплен в уставе общества) не означает запрета на увеличение уставного капитала за счет вкладов третьих лиц (см.: Ерахтина О.С., Широкова А.Д. Корпоративный контроль и особенности его защиты в обществах с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 80–87).

[2] Вложение иностранным инвестором средств в российскую корпорацию посредством участия в увеличении уставного капитала признается одной из форм прямых иностранных инвестиций (см.: Фархутдинов И.З., Данельян А.А., Магомедов М.Ш. Национально-правовое регулирование иностранных инвестиций в России // Закон. 2013. № 1. С. 103–117) .

[3] С нарушениями при увеличении уставного капитала обществ с ограниченной ответственностью в науке связывается незаконное снижение уровня корпоративного контроля (см.: Ломидзе О.Г., Ломидзе Э.Ю. Способы защиты нарушенного права участника общества, направленные на восстановление корпоративного контроля // Закон. 2012. № 2. С. 91–99).

лицам, которые их фактически внесли.

На первый взгляд, указанные правила являются весьма емкими, четкими и беспробельными. Однако в реальной практике указанного нормативного материала оказалось недостаточно для однозначного ответа на ряд значимых вопросов.

Так, неясно, допустимо ли увеличение уставного капитала общества на основании корпоративного решения, принятого установленным законом большинством голосов при том, что участники, относящиеся к меньшинству, голосовали против такого решения и в отведенные сроки не внесли дополнительные вклады в падающей на них части.

Указанный вопрос обнаруживает правовую неопределенность в том, может ли общество увеличить уставный капитал не на изначально утвержденную величину, а на размер дополнительных вкладов, фактически внесенных мажоритарными участниками, при том, что размеры долей миноритариев с сохранением прежней номинальной стоимости уменьшатся в соотношении с новой величиной уставного капитала.

Имея в виду, что положительный ответ на этот вопрос предполагает модификацию механизма увеличения уставного капитала за счет вкладов всех участников в имеющую отдельное регулирование (п. 2 ст. 19 Закона «Об ООО») процедуру привлечения дополнительных вкладов некоторых из них и принимая во внимание, что такое решение создает серьезную основу для корпоративного конфликта, сопряженного с существенным снижением степени корпоративного контроля участниками общества, отказавшимися вносить дополнительные вклады, суды до недавнего времени практически повсеместно отказывали обществу в праве считать увеличение уставного капитала состоявшимся, если хотя бы один из участников не внес свою часть вклада[1]. При этом они отталкивались от сугубо формального толкования положения ст. 19 Закона «Об ООО» и руководствовались п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с

[1] См., например: Постановление ФАС Уральского округа от 22.11.2006 № А60-9854/06; Постановление ФАС Московского округа от 02.04.2007 № КГ-А40/2020-07-П; Постановление ФАС Центрального округа от 12.09.2011 № А62-5125/2010; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 16.09.2011 № А32-29224/2010.

ограниченной ответственностью»[1]: несоблюдение сроков внесения вкладов отдельными участниками влечет признание увеличения уставного капитала несостоявшимся; при фактическом внесении участниками соответствующих вкладов таковые в этом случае подлежат возврату в разумный срок. В литературе также было отмечено, что, регулируя увеличение уставного капитала общества за счет вкладов всех участников законодатель «говорит скорее о правах по внесению вкладов, чем об обязанностях», при этом воздержание участника от реализации такого права влечет признание увеличения уставного капитала несостоявшимся, и в силу императивного характера ст. 19 Закона «Об ООО» уставный капитал не может быть увеличен на величину фактически внесенных вкладов иными участниками с одновременным уменьшением размера доли, принадлежащей отказавшемуся от оплаты вклада участнику[2]. Практикующие инвестиционные юристы были вынуждены констатировать, что рассматриваемый способ увеличения уставного капитала невозможен без единогласия всех участников, при том, что закон по данному вопросу хранит молчание[3].

Следует признать, что приведенный вариант преодоления заложенной в нормах ст. 19 Закона «Об ООО» неопределенности исключает возможность немотивированного и необоснованного вытеснения миноритарных участников, не изъявивших желание участвовать в увеличении уставного капитала общества (размывания их долей), и максимально благоприятен для них. Действительно, в науке соблюдение принципа пропорциональности и приоритета участников на приращение их долей в закрытых корпорациях считается одним из ключевых факторов воспрепятствования оппортунистическому поведению мажоритарных участников по отношению к миноритариям[4].

Однако такое формальное решение приводит к игнорированию разумного интереса контролирующего корпоративного большинства участников корпорации

---

[1] Бюллетень ВС РФ. 2000. № 3. Далее–Постановление № 90/14.

[2] Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 511 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Козлов Д. Увеличение уставного капитала: когда миноритарий всесилен // ЭЖ-Юрист. 2013. № 36. С. 1, 4.

[4] Rock E.B., Wachter M.L. Waiting for the Omelet to Set: Match Specific Assets and Minority Oppression in the Close Corporation // The Journal of Corporation Law. 1999. Vol. 24. P. 913.

и самой корпорации. Миноритарные участники общества могут фактически (необоснованно и немотивированно) блокировать (путем уклонения от внесения дополнительного вклада) законно принятое решение мажоритариев[1]. При этом добросовестные участники, проголосовавшие за увеличение уставного капитала и фактически внесшие свои дополнительные вклады, оказываются зависимыми от произвола меньшинства и вынуждены нести потери, связанные с признанием увеличения несостоявшимся. В свою очередь, само общество в такой ситуации лишается перспективы использовать дополнительные вклады участников на развитие основной деятельности, а зачастую вовсе теряет возможность осуществлять те или иные виды хозяйственных операций, для выполнения которых формирование уставного капитала в заданной величине законодательно признается необходимым (в том числе лицензионным) условием (к примеру, для занятия производством этилового спирта и алкогольной продукции[2]; для ведения страхового дела)[3]. По существу, происходит подрыв идеи максимизации корпоративной прибыли, признаваемой в науке фундаментом корпоративного управления и целью корпоративного права[4].

При указанных обстоятельствах не могли не возникнуть попытки научного[5], а иногда и правоприменительного[6] обоснования иного варианта преодоления обнаруженной неопределенности, предполагающего принципиальную допустимость увеличения уставного капитала путем объединения дополнительных вкладов участников общества даже в тех случаях, когда не все участники солидарны с таким увеличением и не все вносят свои вклады.

---

[1] Хузин И.И. Блокирование проведения общего собрания участников хозяйственного общества или исполнения отдельных его решений // Современное право. 2011. № 2. С. 50–52.

[2] См.: п. 9 ст. 8, п. 2.1., п. 2.2. ст. 11, п. 9 ст. 16 ФЗ от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

[3] См.: п. 3 ст. 25 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.

[4] Sharfman B.S. Shareholder Wealth Maximization and Its Implementation under Corporate Law // Florida Law Review. 2014. Vol. 66. № 1. P. 389–431.

[5] Кюрджев М., Медведская И. Увеличение уставного капитала общества за счет вкладов участников общества // Корпоративный юрист. 2008. № 10. С. 24–27.

[6] См., например: Постановление ФАС Уральского округа от 12.03.2008 № А50-10384/2007-Г24; Постановление ФАС Московского округа от 13.02.2008 № А40-14073/07-138-85; Постановление ФАС Московского округа от 30.05.2013 № А41-10596/12; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 05.05.2011 № А74-2913/2010.

Но подобные попытки, лишенные более весомого основания, нежели простое толкование ст. 19 Закона «Об ООО», не имели шансов на повсеместный успех. Ситуация коренным образом поменялась лишь тогда, когда для доказывания состоятельности правомерности игнорирования воли меньшинства была использована аналогии права. Имея в виду, что корпоративное законодательство действительно призвано обеспечивать участникам регулируемых отношений возможность в каждом конкретном случае находить разумный баланс интересов на базе конституционно значимых принципов гражданского законодательства, Конституционный Суд РФ в рамках проверки конституционности ст. 19 Закона «Об ООО» провел аналогию с ранее высказанными им самим позициями по вопросу о возможности ограничения отдельных прав участников обладающих схожей корпоративной природой акционерных обществ[1] (в случае выкупа образовавшихся при консолидации дробных акций и пакетов акций миноритарных акционеров[2]) и заключил: уменьшение доли одного из его участников (не реализовавшего возможность уплаты дополнительного взноса в уставный капитал при его увеличении) может быть признано допустимым, если это вызвано разумными целями достижения общего интереса и участнику, доля которого в соотношении с новым размером уставного капитала уменьшается, гарантированы эффективные механизмы защиты его правомерных и экономически разумных интересов[3].

Поскольку законом установлены вполне достаточные гарантии защиты прав участников, не одобряющих возложение обязанности по увеличению уставного капитала общества на всех его участников (таким несогласным участникам предоставлена возможность фактически внести дополнительный вклад и сохранить долю участия в обществе[4], они наделены правом требовать от общества выкупить

---

[1] В литературе верно подмечено, что в данном случае речь идет о вполне очевидной аналогичности корпоративных отношений, возникающих в рамках обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ (см.: Блохин П.Д. Аналогия и «ведущие основания решения» в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 4. С. 29–38).

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П; Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 681-О-П.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.02.2014 № 3-П.

[4] Миноритарию не дается право вето в части принятия решения участниками, но диспропорция в корпоративном контроле устраняется через опцион, который миноритарию предоставляется в силу закона (см.: Степанов Д.И.

у них долю с выплатой рассчитанной в привязке к чистым активам организации действительной стоимости, в целом диспозитивно дозволено в целях достижения баланса внутрикорпоративных интересов предусмотреть в уставе общества требование о принятии решения об увеличении уставного капитала большим, чем две трети, большинством голосов), Конституционный Суд РФ сделал общий вывод, согласно которому положения п. 1 ст. 19 Закона «Об ООО» должны толковаться и применяться, прежде всего, с учетом общекорпоративного интереса, а именно как не предполагающие признания принятого требуемым по закону (и уставу) квалифицированным большинством голосов участников решения об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов всеми его участниками недействительным и (или) признания осуществленного на основании такого решения увеличения несостоявшимся только на том основании, что некоторые участники, оставшиеся при голосовании в меньшинстве, не внесли дополнительные вклады в установленные законом и (или) решением собрания сроки. Иное означало бы противоправное посягательство на вытекающий из Конституции РФ принцип стабильности гражданского оборота, а также нарушение базовых гражданско-правовых принципов недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и запрета на осуществление прав и свобод человека и гражданина с одновременным нарушением прав и свобод других лиц.

Этот пример в очередной раз доказывает, что практика рассуждения по аналогии не только является обычной для юриспруденции, но и создает долгосрочные правове последствия для общества[1]. При этом в рассмотренном случае аналогия не только выступила основой для коренного переворота в практике применения положений ст. 19 Закона «Об ООО», но и послужила, как это и должно быть[2], каналом прямого действия основных начал гражданского законодательства.

Аналогия права, обладая свойством удержания регулятивного воздействия в

Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29–83).

[1] Kahn J. Very Like a Whale: Analogy and the Law // Law, Culture and the Humanities. 2015. Vol. 1. № 3. URL: https://ssrn.com/abstract=2795115.

[2] Кузнецова О.А. Прямое (непосредственное) действие принципов гражданского права // Нотариус. 2006. № 1. С. 37–39.

рамках принципа равенства всех перед законом, диктующего обязанность относиться к схожим делам аналогичным образом[1], способна позитивно проявить себя в решении другого не менее значимого вопроса, вызванного неопределенностью ст. 19 Закона «Об ООО»: правомерно ли увеличение уставного капитала общества на основании заявления участника (нескольких участников) общества о внесении дополнительного вклада и (или) заявления третьего лица (заявлений третьих лиц) о принятии его в общество и внесении вклада в случае, если внесение дополнительных вкладов участниками общества и (или) третьими лицами должно было осуществлено с нарушением установленного срока либо было осуществлено не в полном (меньшем по сравнению с определенным в соответствующих заявлениях и решении общего собрания) объеме?

Хотя прямого ответа на данный вопрос в п. 2 ст. 19 Закона «Об ООО», посвященном увеличению уставного капитала за счет вкладов отдельных участников и (или) принимаемых в общество третьих лиц, не содержится, логика изложения нормативного материала и систематическое толкование положений ст. 19 Закона «Об ООО», на первый взгляд, подсказывают, что ответ должен быть отрицательным. Так, рассматриваемый механизм не предусматривает подведения итогов внесения дополнительных вкладов, требует утверждения изменений устава, фиксирующих увеличенный размер уставного капитала, уже на стадии принятии решения об удовлетворении заявлений участников и (или) третьих лиц о внесении ими вкладов, то есть не предполагает учета вероятного отклонения общего размера фактически поступивших вкладов от изначально заявленного. Кроме того, в п. 2.1. ст. 19 Закона «Об ООО» в числе документов, которые общество обязано представить в регистрирующий орган, названы документы, подтверждающие внесение участниками общества дополнительных вкладов или вкладов третьими лицами в полном объеме.

Вместе с тем, едва ли такой отрицательный ответ может быть дан безоговорочно, без учета возможного единодушия участников, не вносящих

[1] Jakab A. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective // German Law Journal. 2013. Vol 8. P. 1215–1278.

дополнительные вклады, участников и (или) принимаемых в общество третьих лиц, пополняющих уставный капитал, и самого общества в вопросе о возможности и необходимости фиксирования увеличения уставного капитала на размер фактически внесенных вкладов. Думается, что обращение к аналогии, основным началам гражданского законодательства и смыслу нормативной регламентации корпоративных отношений вполне позволяет участникам общества модифицировать заложенный в п. 2 ст. 19 Закона «Об ООО» механизм и по аналогии с порядком увеличения уставного капитала за счет вкладов всех участников приступать к утверждению изменений устава обществ после истечения срока внесения дополнительных вкладов[1] либо принимать не предусмотренные п. 2 ст. 19 Закона «Об ООО» новые единогласные решения о подведении итогов внесения вкладов, о переутверждении изменений в устав и об определении новых (изменившихся) размеров долей участников общества. При этом ввиду преимущественно диспозитивной и дозволительной направленности частноправового воздействия на непубличные корпоративные отношения подобные формальные отступления от общих нормативных параметров механизма увеличения уставного капитала не должны препятствовать легализации (наделению силой для третьих лиц посредством государственной регистрации) произошедших изменений[2] (по аналогии с тем, как по п. 6 ст. 43 Закона «Об ООО» дозволено принимать решения общего собрания участников общества по вопросам, не включенным в повестку дня данного собрания в случаях, если на собрании участников общества присутствовали все участники общества).

Изложенное показывает, что несмотря на подробное и дифференцированное для различных способов увеличения уставного капитала регулирование, некоторые ситуации оказываются пробельными, что не позволяет, оставаясь в рамках буквы

---

[1] В этом аспекте В.Ф. Яковлев верно заключил, что аналогия служит еще и средством углубления правонаделительного характера гражданско-правового регулирования (Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006. С. 105).

[2] Данный вывод находит подтверждение в судебной практике (см.: Постановление АС Западно-Сибирского округа от 18.09.2015 № А03-407/2015, в котором суд, установив фактическое получение обществом денежных средств в оплату дополнительного вклада в уставный капитал от участника, принятого в общество, заключил, что формальные нарушения, допущенные при увеличении уставного капитала, не могут опорочить корпоративный статус такого нового участника).

закона, в каждом случае достичь должного баланса интересов всех лиц, участвующих в соответствующих правоотношениях, и найти правореализационное решение, наиболее отвечающее требованиям добросовестности, разумности и справедливости. При этом попытка восполнения обнаруженных пробелов путем выявления смысла нормы, определяющей общие контуры пробельного отношения, может привести к необоснованному ущемлению интересов добросовестного большинства участников общества и игнорированию цели достижения общего корпоративного интереса, содержанием которого является эффективное управление обществом и максимизация прибыли.

Наиболее эффективным способом преодоления правовой неопределенности в отмеченных аспектах реализации механизма увеличения уставного капитала ООО видится аналогия права, воспользовавшись которой, участники соответствующих корпоративных связей испытывают прямое отражение принципов гражданского законодательства, а суды получают действенное средство установления гармонии частных интересов.

Помимо отмеченных содержательных пробелов механизма увеличения уставного капитала следует отметить и процедурные лакуны. Так, законодатель дополнил ст. 17 Закона «Об ООО» императивным требованием нотариального подтверждения решения общего собрания участников об увеличении уставного капитала[1].

В свете значимости конструкции уставного капитала для корпоративно-правового существования общества и с учетом обозначенной в названии соответствующего закона цели (обеспечение достоверности ЕГРЮЛ) повышенного требования к порядку фиксации корпоративной воли по вопросу об увеличении размера уставного капитала сама по себе новелла возражений не вызывает. Однако трудно объяснить, почему из числа решений высшего корпоративного органа, являющихся основанием для внесения сведений в ЕГРЮЛ,

[1] ФЗ от 30.03.2015 № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2015. № 13. Ст. 1811. В ныне действующей редакции Закона «Об ООО» это требование применяется и к соответствующему решению единственного участника.

только решения об увеличении уставного капитала должны подвергаться нотариальному усилению (лишь с 01 сентября 2024 года отраженная в Докладе о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2019 год, подготовленном по итогам реализации Указа Президента РФ от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», проблема хищения активов компаний путем незаконной смены директора решается аналогичным образом – через введение обязательного нотариального удостоверения факта принятия решения об избрании (назначении) единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью)[1]. В то же время следует обратить внимание на один нюанс: как было указано, по смыслу ст. 19 Закона «Об ООО» при увеличении уставного капитала общества за счет дополнительных вкладов его участников и вкладов третьих лиц, принимаемых в общество, одного лишь решения собрания участников об увеличении уставного капитала недостаточно для государственной регистрации изменений в связи с увеличением уставного капитала общества, увеличением номинальной стоимости долей участников, внесших дополнительные вклады, принятием третьих лиц в общество, определением (или изменением) номинальной стоимости и размера их долей. Общее собрание участников должно также принять решение об утверждении итогов внесения дополнительных вкладов участниками общества и о внесении в устав общества изменений, связанных с увеличением размера уставного капитала (абз. 3 п. 1 ст. 19 Закона «Об ООО»). Если речь идет об увеличении уставного капитала на основании заявления участника общества о внесении дополнительного вклада и (или) заявления третьего лица о принятии его в общество, одновременно с решением об увеличении уставного капитала на основании таких заявлений должны быть приняты решения о внесении в устав изменений в связи с увеличением уставного капитала; об увеличении номинальной стоимости долей участников, заявивших о внесении дополнительного вклада; о принятии в общество третьих лиц, подавших заявления о внесении вкладов; об определении

[1] ФЗ от 08.08.2024 № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2024. № 181.

номинальной стоимости и размера долей третьих лиц, а также об изменении размеров долей участников общества (абз. 3, 4 п. 2 ст. 19 Закона «Об ООО»).

Думается, что здесь оказывается уместным метод аналогии. Исходя из требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ), видится возможным и целесообразным обязательное нотариальное удостоверение не только первоначального решения общего собрания участников об увеличении уставного капитала, но и каждое из перечисленных решений, непосредственно влияющих на достоверность сведений о величине уставного капитала, перечне участников, размерах и номинальной стоимости их долей.

Пределы аналогии закона при уменьшении уставного капитала хозяйственных обществ

Применительно к обществам с ограниченной ответственностью в п. 4 ст. 90 ГК РФ установлено правило о контроле за размером стоимости чистых активов общества посредством его сравнения с величиной уставного капитала и закреплено, что если по окончании второго или каждого последующего финансового года стоимость таких активов окажется меньше уставного капитала, общество обязано увеличить стоимость чистых активов до размера уставного капитала или зарегистрировать в установленном порядке уменьшение уставного капитала. В отношении акционерных обществ в п. 4 ст. 99 ГК РФ предусмотрено схожее правило с единственным отличием в том, что порядок и срок уменьшения уставного капитала до величины чистых активов должен определяться нормами другого специального (акционерного) закона.

Специальные нормы о порядке уменьшения уставного капитала каждой разновидности хозяйственных обществ, закрепленные соответственно в ст. 20 Закона «Об ООО» и в ст. 29, 30 Закона «Об АО», также во многом аналогичны: одинаково установлено, что общество не только обязано уменьшать уставный капитал в случаях, указанных законом, но и вправе осуществить его уменьшение в инициативном (добровольном) формате; единообразно определены условия, при которых уменьшение уставного капитала не допускается; аналогично сформулированы требования к порядку раскрытию информации о принятии

решения об уменьшении уставного капитала; схожим образом сконструирован механизм защиты прав кредиторов обществ, уменьшающих уставный капитал.

Вместе с тем, обращает на себя внимание существенный нюанс. В отличие от ст. 29 Закона «Об ООО», не упоминающей применительно к процедуре уменьшения уставного капитала ни об обязанности, ни о праве общества сопрягать с уменьшением уставного капитала осуществление в пользу участников каких-либо выплат или имущественных предоставлений, в п. 3 ст. 29 Закона «Об АО» (введенном ФЗ от 27.07.2006 № 146-ФЗ[1]) закреплено, что решением об уменьшении уставного капитала акционерного общества путем уменьшения номинальной стоимости акций могут быть предусмотрены выплата всем акционерам общества денежных средств и (или) передача им принадлежащих обществу эмиссионных ценных бумаг, размещенных другим юридическим лицом. Ясно, что подобное нормативное уточнение появилось в связи с тем, что основной экономической целью добровольных (не связанных с контролем величины чистых активов и не обусловленных публично-правовыми требованиями) манипуляций по уменьшению номинальной стоимости акций акционерного общества является формирование альтернативного выплате дивидендов механизма возврата акционерам ранее внесенных инвестиций посредством создания юридических условий для недивидендных выплат акционерам, не связанных с результатами хозяйственной деятельности общества[2]. В учебной литературе хотя и отмечается, что добровольное уменьшение уставного капитала может производиться для решения различных хозяйственных задач, но признается, что главной среди них является получение акционером части имущества общества[3]. Практикующие юристы на конкретных примерах показывают, что действительно, наиболее распространенным мотивом инициативного уменьшения уставного капитала акционерного общества является именно намерение обеспечить выплату акционерам дополнительного дохода, в том числе при отсутствии достаточного

[1] СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3445.
[2] Глушецкий А.А. Уставный капитал: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права. М.: Статут, 2017. С. 146.
[3] Корпоративное право: учебный курс: в 2 томах / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. 990 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

объема чистой прибыли, способной к распределению в виде дивидендов[1]. При этом следует подчеркнуть, что речь идет именно о недивидендных и, как это следует из действующего налогового законодательства – не подлежащих налогообложению по налогу на доходы физических лиц (если участник – гражданин)[2] и по налогу на прибыль организаций (если участник – юридическое лицо)[3], что усиливает интерес в практическом применении обозначенного механизма.

Приведенный нюанс обнаруживает правовой пробел в механизме уменьшения уставного капитала обществ с ограниченной ответственностью и ставит вопросы о возможности преодоления этого пробела при помощи аналогии. Возможно ли помыслить, что применительно к ООО, юридическая конструкция которых под страхом ничтожности[4] не допускает свободного сокращения количества долей в уставном капитале путем их приобретения у участников и погашения самим обществом[5], добровольное уменьшение уставного капитала не должно и не может сочетаться с непосредственным удовлетворением какого-либо имущественного интереса участников? Следует ли считать допустимым применение к порядку и юридическому эффекту уменьшения номинальной стоимости долей участников в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью правил п. 3 ст. 29 Закона «Об АО» и признавать возможным устанавливать учредительными документами и (или) корпоративными решениями обязанность общества при уменьшении уставного капитала осуществлять выплаты (выдачу имущества) в пределах разницы между первоначальной (до уменьшения) и новой (уменьшенной) номинальной стоимостью принадлежащих им долей? Если рассматривать процедуру уменьшения уставного капитала акционерного общества как альтернативу отсутствующего в арсенале акционеров механизма выхода из

[1] Чучаева С.Ю. Уменьшение уставного капитала: мотивы, способы и алгоритм действий // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2010. № 7. С. 32–41.
[2] Определение ВС РФ от 27.09.2021 № 308-ЭС21-7618.
[3] Письмо Минфина России от 28.03.2022 № 03-03-06/1/24599.
[4] См.: пункт 13 Постановления № 90/14.
[5] Количество урегулированных законом случаев перехода долей участников к обществу с их последующим погашением в порядке ограничено, а основания соответствующих манипуляций с долями весьма специфичны, при этом уменьшение уставного капитала ООО в этих случаях является не целью, а следствием (см.: ст. 10, п. 3 ст. 15, п. 3 ст. 6, пп. 4, 8, 9, 18 ст. 21, пп. 2, 4, 5, 6 ст. 23, ст. 25, ст. 26 Закона «Об ООО»).

общества[1], то есть ли основания аналогичным образом использовать соответствующую процедуру как альтернативу выхода участников из обществ с ограниченной ответственностью, в конструкции которых по общему (дефолтному) правилу (ст. 26 Закона «Об ООО») право выхода также не предполагается?

В ряде случаев отсутствие нормативного закрепления необходимости и (или) возможности возврата участнику ООО части уставного капитала при его уменьшении воспринято судами как установление запрета на такие выплаты.

В одном из дел подтверждена правильность удовлетворения требований общества к его бывшему участнику о взыскании неосновательного обогащения в виде средств, полученных этим участником от общества в размере разницы между суммой, ранее внесенной им в уставный капитал данного общества вследствие его увеличения, и размером уставного капитала, впоследствии уменьшенного по решению собрания участников: суды пришли к выводу о неосновательности спорного предоставления, поскольку какие-либо сделки (которые могли бы вызвать обязательства по осуществлению оспариваемых выплат) между обществом и участником не заключались, при том, что законом и уставом общества такие выплаты не предусмотрены. По мнению судов, возврат участникам общества ранее внесенных в уставный капитал денежных вкладов предусмотрен в единственном случае, указанном в ч. 3 ст. 19 Закона «Об ООО», т.е. в ситуации, когда соответствующие суммы внесены в порядке увеличения уставного капитала, но таковое не состоялось[2].

В схожем деле суды, рассмотрев требование общества, выплатившего единственному участнику (ответчику) денежные средства в сумме, на которую решением ответчика был уменьшен уставный капитал общества, не только указали на отсутствие законных оснований для осуществления спорных выплат, но и констатировали, что решение участника об уменьшении уставного капитала, которое послужило формальным поводом для перечисления спорной суммы, в действительности не имеет юридической силы и не могло быть надлежащим и

[1] Корпоративное право: учебный курс: в 2 томах / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. 990 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 12.01.2006 № Ф08-5804/2005.

законным основанием для перечисления денежных средств[1].

В числе судебных актов, отражающих негативное отношение к выплатам участникам обществ с ограниченной ответственностью при уменьшении уставного капитала, особый интерес представляет Постановление АС Западно-Сибирского округа от 11.12.2014 № Ф04-11805/2014, поставившее точку в споре, связанном с попыткой участника взыскать с организации сумм, не выплаченных обществом после уменьшения его уставного капитала по решению данного участника. Судами была установлена такая цепочка обстоятельств: а) единственный участник общества решил увеличить уставный капитал общества с 8 500 руб. до 64 000 000 руб., оплатил дополнительный вклад денежными средствами, зарегистрировал соответствующие изменения в устав; б) затем единственный участник принял решение об уменьшении уставного капитала общества на 10 000 000 руб. (до 54 008 500 руб.) путем уменьшения номинальной стоимости доли участника, обеспечил осуществление государственной регистрации соответствующих изменений; в) решением об уменьшении уставного капитала была предусмотрена обязанность общества выплатить единственному участнику денежные средства в сумме 10 000 000 руб., ранее уплаченных в качестве вклада в уставный капитал при его увеличении, при этом был определен график поэтапных выплат; г) общество выплатило единственному участнику лишь 4 000 000 руб. из причитающихся 10 000 000 руб.; д) единственный участник продал всю свою долю в уставном капитале общества третьему лицу за цену, равную текущей номинальной стоимости доли, т.е. за 54 008 500 руб.; е) на требования первоначального единственного участника о выплате оставшейся части денежных средств, подлежащих возврату согласно решению об уменьшении уставного капитала (6 000 000 руб.) общество не отреагировало. Несмотря на прозрачность ситуации, четкость формулировок об установлении обязанности выплаты и сроков ее осуществления, понятность экономического смысла совершенных первоначальным единственным участником действий (цена продаваемой участником доля явно формировалась с учетом предстоящих выплат), суды

[1] Постановление ФАС Поволжского округа от 08.04.2014 № А55-19411/2012.

пришли к выводу, что действующее законодательство не предусматривает возможности возврата участнику общества денежных средств, внесенных в качестве вклада в уставный капитал, при его уменьшении на основании решения общего собрания участников (единственного участника), и в иске отказали.

Приведенный правоприменительный подход поддержать нельзя. Думается, что аналогия закона в данном вопросе принципиально возможна и сущностно необходима.

Во-первых, трудно отрицать отмеченную выше глубокую (и по количеству, и по качеству признаков схожести) аналогичность нормативных механизмов уменьшения уставных капиталов обеих разновидностей хозяйственных обществ. При этом едва ли можно сомневаться, что отсутствие в нормах об уменьшении уставного капитала ООО указания на право или обязанность корпорации осуществлять участникам выплаты в пределах суммы уменьшения, равно как и умолчание о возможности участников предусматривать такое право или обязанность корпоративными актами, является лишь случайным упущением законодателя, но никак не подразумеваемым запретом, обусловленным какими-либо корпоративно-правовыми противопоказаниями или опасениями в подрыве организационно-правовой конструкции ООО.

Во-вторых, наработанная практика наглядно демонстрирует, что аналогия априори свойственна некоторым частным аспектам процесса осмысления и использования механизма уменьшения уставного капитала в хозяйственных обществах разных видов. Так, сходство целей и подходов к регулированию порядка уменьшения уставных капиталов обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ обусловило фактическое применение аналогии для преодоления следующего пробела: до принятия Приказа от 28.08.2014 № 84н «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов», прямо рассчитанного на применение в обеих формах хозяйственных обществ (в том числе в контексте контроля за надлежащей величиной уставного капитала), действовал Приказ Минфина РФ № 10н, ФКЦБ РФ № 03-6/пз от 29.01.2003 «Об утверждении Порядка оценки стоимости чистых активов акционерных обществ», который был

ориентирован лишь на акционерные общества, но сообразно устоявшейся судебной практике успешно применялся к ООО в порядке аналогии закона[1].

В-третьих, позиция о принципиальной пригодности исследуемых правил о порядке уменьшения уставного капитала акционерных обществ к использованию в порядке аналогии для регламентации схожих отношений, возникающих в рамках обществ с ограниченной ответственностью, отвечает получившей абсолютно прочное нормативное подтверждение в ст. 2 ГК РФ (в ред. ФЗ от 30.12.2012 № 302-ФЗ) доктринальной идее о гражданско-правовой природе корпоративных отношений[2], обусловливающей проявление дозволительной направленности метода гражданско-правового воздействия на корпоративные связи[3], тенденцию усиления диспозитивных (договорных) начал в корпоративном праве[4]. Поэтому в случаях, когда уменьшение уставного капитала, сопрягаемое с уменьшением имущественной массы конкретной организации, не влечет ущемление публичных и общественных интересов, отсутствие в Законе «Об ООО» прямого дозволения на установление права и (или) обязательства общества выплачивать (выдавать) участникам денежные средства (имущество) в пределах суммы уменьшения уставного капитала при отсутствии специального запрета должно восприниматься как подразумеваемое дозволение.

Весьма четко правильное понимание данной логики продемонстрировал суд, удовлетворивший требование участника о взыскании с общества денежных сумм, «высвободившихся в результате уменьшения уставного капитала, ранее увеличенного за счет вкладов его участников, включая вклады истца», поскольку Закон «Об ООО» не содержит запрета выплачивать участникам денежные средства или передавать им иное имущество при уменьшении номинальной стоимости доли, а следовательно, указанная выплата (передача имущества) может быть произведена по решению общего собрания участников как высшего органа общества,

---

[1] См., Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.10.2008 № А66-1084/2008; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13.03.2012 № А53-10992/201.

[2] Богданов Е.В. Место корпоративного права в российской правовой системе // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 3. С. 30–34.

[3] Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. Екб.: Налоги и финансовое право, 2005. 336 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: понятие и природа // Юрист. 2014. № 20. С. 5–13.

обладающего соответствующей компетенцией[1]. Примечательно, что такой подход находится в русле резонных научных представлений о принципиальной допустимости использования аналогии не только судами в правоприменительном процессе, но и самими участниками гражданских правоотношений в правореализационной деятельности[2].

В-четвертых, допущение самостоятельного определения участниками обществ с ограниченной ответственностью порядка уменьшения уставного капитала в освещаемом аспекте становится еще более понятным, если учесть, что законодатель рассматривает с позиций налогообложения выплаты участникам общества в денежной или натуральной форме в связи с уменьшением уставного капитала вне зависимости от того, уменьшение уставного капитала какого именно общества вызывает соответствующий экономический эффект (п. 2 ст. 220, подп. 4 п. 1 ст. 251, подп. 2.1. п. п. 1 ст. 268 НК РФ), а Минфин РФ дает специальные разъяснения об особенностях учета для целей налога на прибыль и налога на доходы физических лиц выплат, полученных в результате уменьшения уставного капитала именно обществ с ограниченной ответственностью[3].

Можно заключить, что по аналогии закона участники ООО при принятии решения об уменьшении уставного капитала путем уменьшения номинальной стоимости долей вправе (если это не противоречит иным параметрам процедуры уменьшения уставного капитала и не нарушает права кредиторов) предусмотреть обязанность общества выплатить участникам денежные средства и (или) передать им принадлежащее обществу имущество в пределах суммы, на которую осуществляется уменьшение уставного капитала данного общества.

Подобно тому, как аналогия сработала не только как средство преодоления пробела, но и как креативное начало нормативного устранения обнаруженной лакуны применительно к конструкции вкладов в имущество хозяйственных обществ (когда имевшийся в Законе «Об ООО» механизм по аналогии был успешно

---

[1] Решение Арбитражного суда Приморского края от 05.03.2015 № А51-35984/2014.

[2] Фидаров В.В. О допустимости использования института аналогии закона и аналогии права в различных формах реализации права // Юридическое образование и наука. 2007. № 3. С. 41–43.

[3] Письма Минфина России от 11.12.2017 № 03-03-06/1/82229; от 24.07.2014 № 03-04-05/36474; от 20.01.2022 № 03-03-07/3039; от 06.04.2022 № 03-03-06/1/28876.

экстраполирован на акционерные общества), представляется необходимым по аналогии с акционерным законом исправить ст. 20 Закона «Об ООО».

§ 3. Аналогия в правовом регулировании выхода участника из общества с ограниченной ответственностью

Одним из актуальных аспектов развития корпоративного законодательства является совершенствование механизма выхода из корпорации, характерного для обществ с ограниченной ответственностью как разновидности закрытых непубличных корпораций, которым присущи: ограничение круга участников, отсутствие организованного рынка долей участия, основанность правового регулирования на презумпции доверительности отношений участников, возможность ограничения или запрета отчуждения участниками долей в уставном капитале третьим лицам, предоставление участникам преимущественного права приобретения отчуждаемых другими участниками долей и централизованное управление, где владельцы, как правило, мажоритарные, часто непосредственно участвуют в руководстве корпорацией[1].

На естественные для данного механизма процедурные сложности с определением формы и порядка выхода накладывается такая фундаментальная проблема для закрытых корпораций как то, что мажоритарные участники склонны к злоупотреблению своим преобладающим положением[2]. Участники закрытых корпораций обычно инвестируют в общее дело личные усилия наряду финансовыми вложениями и из-за пониженной ликвидности долей корпоративного участия не могут диверсифицировать свои инвестиции, а потому, если мажоритарные участники окажутся оппортунистическими и предвзятыми, рынок (в отличие от условий публичной корпорации) не в состоянии исправить

[1] Miller S.K. Minority Shareholder Oppression in the Private Company in the European Community: A Comparative Analysis of the German, United Kingdom, and French Close Corporation Problem // Cornell International Law Journal. 1997. Vol. 30. Iss. 2. Article 4.

[2] Shleifer A., Vishny R.W. A Survey of Corporate Governance. NBER Working Paper № w5554. 1996. URL: https://ssrn.com/abstract=10182.

проблему[1]. При этом недобросовестное большинство способно подчинить себе и управление, и дивидендную политику[2], в результате чего может произойти фактическая экспроприация мажоритариями выгод корпоративного участия миноритарных участников[3]. В связи с этим важным является гармоничное, но с акцентом на защиту миноритариев[4], решение вопроса о юридических и экономических последствиях выхода участника из общества, в том числе полное урегулирование порядка определения стоимости доли корпоративного участия покидающего общество участника.

Пробельность законодательства о порядке выхода неизбежно влечет наблюдаемое возрастание числа судебных споров на почве попыток реализации данного порядка или противодействия его воплощению.

Известная нестабильность нормативного материала о выходе участника из общества, появление новейших изменений Закона «Об ООО» в рамках реализуемых пунктов плана мероприятий «Трансформация делового климата», утв. Распоряжением Правительства РФот 17.01.2019 № 20-р[5], а также общий перевод режима выхода на диспозитивный, предполагающий способность участников общества самим модифицировать параметры процедур выхода, исключают возможность избежать пробелов и «мутных» моментов.

Положениями ст. 94 ГК РФ и дублирующими их нормами п. 1 ст. 26 Закона «Об ООО» в редакции, действовавшей до вступления в силу ФЗ от 30.12.2008 № 312-ФЗ за участниками закреплялось право в любое время выйти из состава корпорации независимо от воли других ее участников и самой корпорации.

В науке достаточно четко были раскрыты веские политико-правовые оправдания императивного законодательного наделения всякого участника общества с ограниченной ответственностью правом свободного выхода. Эти

---

[1] Gilson R.J. Separation and the Function of Corporation Law. Stanford Law and Economics Olin Working Paper № 307. 2005. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.732832.

[2] Pinto A.R. Protection of Close Corporation Minority Shareholders in the United States // American Journal of Comparative Law. 2014. Vol. 62. P. 361–385.

[3] Nagar V., Petroni K.R., Wolfenzon D. Governance Problems in Closely-Held Corporations // Journal of Financial and Quantitative Analysis (JFQA). 2009. Forthcoming. URL: https://ssrn.com/abstract=1291612.

[4] Бикулов Р.Р. Защита прав и интересов участника ООО в случае его выхода из состава участников ООО: актуальные особенности и правовые последствия // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1. С. 9–11.

[5] СЗ РФ. 2019. № 3. Ст. 266.

оправдания предопределяются необходимостью решить проблему неликвидности миноритарных долей участия – одну их главных проблем участников данной разновидности хозяйственных обществ как закрытых непубличных корпораций[1]. Действительно, в таких корпорациях миноритарий, не имея возможности в любой момент реализовать свою долю на рыночных условиях (либо не имея права на отчуждение доли в связи с обеспечивающим закрытость корпорации от третьих лиц уставным или иным корпоративным запретом[2]), оказывается фактически беззащитным перед злоупотреблениями или непрофессионализмом менеджмента общества и контролирующих его участников[3]. С экономической точки зрения инвестиционный капитал миноритария на неопределенное время становится «запертым» и используется по усмотрению мажоритария, что по существу приводит к своего рода «конфискации» инвестиций меньшинства[4].

В такой ситуации признание за миноритрием права на выход вполне очевидно составляет эффективное и справедливое решение, поскольку прекращение корпоративной связи участника с организацией посредством выхода сопровождается возникновением у организации обязанности выплатить вышедшему действительную стоимость его доли, соответствующую части стоимости чистых активов общества (п. 2 ст. 94 ГК РФ, п. 2 ст. 14, п. 6.1. ст. 23 Закона «Об ООО»). Именно поэтому в корпоративно-правовой доктрине осуществление права на выход из общества часто воспринимается в качестве способа защиты прав и законных интересов выходящего[5]. Более того, были выдвинуты предложения о целесообразности совершенствования механизма выхода именно как средства превентивной защиты интересов участников

---

[1] Andersson J.B. Minority Shareholder Protection in SMEs: A Question of Information Ex Post and Bargaining Power Ex Ante?. Nordic & European Company Law Working Paper No. 10-06. 2010. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1716828; Art R.C. Shareholder Rights and Remedies in Close Corporations: Oppression, Fiduciary Duties, and Reasonable Expectations // Journal of Corporation Law. 2003. Vol. 28. Iss. 3. P. 371.

[2] Leacock S.J., Share Transfer Restrictions in Close Corporations as Mechanisms for Intelligible Corporate Outcomes // Faulkner Law Review. 2011. Vol. 3. № 1. P. 110–112.

[3] Распутин М. Договор об осуществлении прав участников ООО как инструмент защиты интересов миноритариев // Корпоративный юрист. 2009. № 8. С. 34–38.

[4] Moll D.K. Minority Oppression & The Limited Liability Company: Learning (or not) from Close Corporation History // Wake Forest Law Review. 2005. Vol. 40. P. 896–897.

[5] Кузнецов А.А. Выход участника из хозяйственного общества как способ защиты прав и законных интересов // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 31–63; Шевела Ю.Б. Защита прав участников хозяйственных обществ // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2014. № 4. С. 49–64.

непубличных закрытых корпораций, эффективно применимого до того момента, как конфликт между миноритариями и мажоритарием перерастет в стадию явного притеснения[1].

Тем не менее в российской доктрине излишняя жесткость нормы о праве участника на выход по отношению к корпорации, остающимся в ней участникам и третьим заинтересованным лицам, долгое время признавалась серьезным правовым пробелом. Высказывались опасения, что ничем не обусловленное право произвольного выхода может лишить корпорацию основных активов[2], привести к ликвидации или даже банкротству общества и ущемлению прав кредиторов, что в целом создает почву для злоупотреблений и негативно влияет на стабильность гражданского оборота[3].

Кроме того, с точки зрения культивируемой в гражданском праве стабильности (предсказуемости) нельзя не признать, что императивное наделение любого участника всякого общества возможностью в любое время покинуть корпорацию делает юридическую модель данной формы хозяйственных обществ нестабильной. В науке такое положение дел квалифицировалось как «дефект принципа стабильности участников»[4], что привело к игнорирования данной формы закрытой непубличной корпорации со стороны иностранных инвесторов[5].

При этом, если проводить аналогию экономической составляющей выхода участника из корпорации с выделом некой доли из состава общего (совместно используемого в бизнесе) имущества (ввиду того, что выход участника сопряжен с выдачей ему денежного или натурального эквивалента стоимости части бизнеса, приходящейся на долю выходящего, напрашивается именно такая аналогия), то экономическая природа явления вступает в диссонанс с его юридическим

---

[1] Бойко Т.С. Защита миноритариев от притеснения со стороны мажоритария в непубличных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 7. С. 112–156.

[2] Суханов Е.А. Акционерные общества и другие юридические лица в новом гражданском законодательстве // Хозяйство и право. 1997. № 1. С. 91–92.

[3] Авилов Г.Е. Хозяйственные товарищества и общества в Гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский; Исследовательский центр частного права. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. С. 192.

[4] Телюкина М.В. Реализация принципа стабильности участников общества с ограниченной ответственностью // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2012. № 4. С. 27–30.

[5] Ода Х. Акционерные соглашения: осторожный шаг вперед // Вестник гражданского права. 2010. № 1. С. 132–161.

«оформлением»: эффект выхода из компании весьма схож с последствиями выхода из режима общей собственности, но распространение действия норм ст. 252 ГК РФ на отношения по выходу из корпорации с юридической точки зрения явно неправомерно, и оснований для проведений каких-либо аналогий с общей собственностью здесь нет и быть не может, поскольку участники общества не являются долевыми собственниками имущества последнего[1]. Иными словами, сомнения и в цивилистической корректности императивной конструкции права на выход из общества небезосновательны.

Следует указать, что в зарубежной литературе также были отмечены недостатки абсолютизации права участника на выход из закрытой корпорации: это подвергает сомнению заинтересованность участников именно в закрытых инвестициях, подрывает стабильность корпоративной формы, порождает трудности с определением цены выхода[2].

Устранение основного пробела правового регулирования выхода участника из общества с ограниченной ответственностью

Российская юридическая практика знает примеры того, как неэффективные с экономической точки зрения, недостаточно гибкие или опасные для гражданского оборота механизмы сохраняли существование, модифицируясь по характеру регулятивного воздействия в направлении повышения степени диспозитивности, что отражает наблюдаемое учеными усиление диспозитивности гражданско-правового регулирования как общую тенденцию развития законодательства[3].

Аналогичным образом отечественный законодатель подошел и к решению проблемы излишней жесткости права покинуть общество с ограниченной ответственностью. С принятием Закона № 312-ФЗ основной пробел правового регулирования выхода был устранен. Рассматриваемое субъективное право

---

[1] Бевзенко Р.С. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: перспективы отмены // Закон. 2006. № 9. С. 50–55.

[2] Means B.A. Voice-Based Framework for Evaluating Claims of Minority Shareholder Oppression in the Close Corporation // Georgetown Law Journal. 2009. Vol. 97. P. 1207–1256.

[3] Зайцев О.В. Усиление диспозитивности гражданско-правового регулирования как тенденция развития современной правовой системы. Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина 28-29 октября 2015 года / отв. ред. А.В. Малько; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань: Издательство «Концепция», 2015. Вып. 4. С. 40.

перестало быть законно (априори) установленным и было поставлено в зависимость от того, предусматривается ли оно уставом конкретного общества (п. 1 ст. 94 ГК РФ, абз. 2 п. 1 ст. 26 Закона «Об ООО»).

Такое законодательное усовершенствование видится сбалансированным. Полное изъятие процедуры выхода из конструкции общества с ограниченной ответственностью в сравнении с корректируемым порядком явилось бы противоположной крайностью и не избавило бы законодательство от нежелательного «перекоса в сторону императивной регламентации»[1]. В этом смысле сохранение права на выход в диспозитивной форме соответствует отмеченной в российской правовой науке общей тенденции усиления принципа диспозитивности гражданского права[2].

При этом важно обратить внимание, что новая формулировка диспозитивных норм ст. 94 ГК РФ и п. 1 ст. 26 Закона «Об ООО» в качестве правила «по умолчанию» зафиксировала не наличие права на выход с возможностью его ограничения или исключения, а отсутствие такового, т.е. закрепила возможность входа в соответствующий правовой режим дозволенности выхода, указав лишь на один из допустимых вариантов инициативного корпоративно-правового моделирования. Хотя некоторые юристы с точки зрения защиты прав участника на свободный выход считают более целесообразным законодательное закрепление обратного правила, в силу которого право участника на выход действовало бы всегда, кроме случаев, когда иное предусмотрено уставом общества[3], думается, что новое регулирование в этом аспекте оптимально. С учетом отмеченной в науке инертности интеллектуальной деятельности людей в сфере права[4], такое иное правило привело бы к тому, что в подавляющем большинстве случаев участники предпочли бы использовать нормативную модель «по умолчанию» и сохранили бы

---

[1] Серова О.А. Законодательство о юридических лицах: возможные пути совершенствования // Гражданское право. 2009. № 4. С. 17–21.

[2] Лескова Ю.Г., Диденко А.А. Корпоративные акты как источники корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 15–20.

[3] Мирина Н.В., Божков А.С. Противоречия реализации права участника на выход из общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2012. № 5. С. 30–32.

[4] Sunstein C.R., Thaler R.H. Nudge. Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. Penguin Books, 2009. P. 34–35.

право на свободный выход из корпорации, что помешало бы достижению искомой цели стабилизации гражданского оборота. Действительно, если соответствующие нормы сконструированы как положения, применяемые поскольку стороны не договорились об ином, то в силу известного эффекта «прилипания», они в большинстве случаев будут использоваться на практике как правила, которые стороны приняли в силу недосмотра или нежелания моделировать что-то свое, а потому с точки зрения характера регулятивного воздействия такие нормы фактически будут иметь свойства императивных[1]. Кроме того, несмотря на общую тенденцию усиления диспозитивности и расширения договорной свободы в моделировании отношений внутри закрытых корпораций, инвесторы часто демонстрируют слишком оптимистичное поведение на стадии создания корпорации[2], а потому не продумывают защитные инструменты заблаговременно.

Преодоление актуальных пробелов в текущем правовом режиме выхода участника из общества с ограниченной ответственностью

Выход из общества влечет серьезные юридические и экономические последствия как для самого заявителя, так и для общества и остающихся в нем участников. Таковые могут не наступить, если уставом выход из общества не предусмотрен, воспрещен, или обусловлен согласием других участников[3]. Однако в силу упомянутого эффекта «прилипания» уставы в большей части продолжили содержать положения о праве участников свободно покинуть общество. Поэтому смягчение правового механизма выхода посредством перевода его на диспозитивную основу при установлении на случай умолчания правила об отсутствии права выхода отнюдь не понизило степень важности внятной квалификации последствий выхода из корпорации и не сняло в полной мере остроту иных пробелов данного механизма, устранение которых не утратило

[1] Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 104–167; Madrian B.C., Shea D.F. The Power Of Suggestion: Inertia In 401(k) Participation And Savings Behavior // The Quarterly Journal of Economics. 2001. Vol. 116. № 4. P. 1149–1187.

[2] Thompson R.B. The Shareholder's Cause of Action for Oppression // The Business Lawyer. 1992. Vol. 48. P. 705.

[3] Правомерность положений устава, обусловливающих возможность выхода участника из общества получением согласия других участников этого общества, в ряде случаев отвергалось судами (Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 23.07.2012 № Ф08-3891/12, Постановление ФАС Московского округа от 11.06.2013 № А40-36218/12-34-291), однако трудно привести внятные основания запрета такого удобного промежуточного решения.

актуальности.

Во-первых, неясно, носит ли разрыв корпоративной связи между обществом и выходящим участником необратимый характер. Как отмечают практикующие юристы, случаи, когда участники, подавшие заявления о выходе, по каким-либо причинам пытаются отозвать эти заявления, достаточно распространены[1].

При отсутствии специальной нормативной регламентации подобных ситуаций на первый план выходит необходимость квалификации действий по предъявлению в общество заявления о выходе.

В доктрине волеизъявление участника покинуть общество идентифицируется как юридический факт, нацеленный на динамику субъективных гражданских прав и обязанностей, а потому в большинстве случаев признается односторонней сделкой. Так, Ю.С. Поваров хотя и заметил некоторую размытость п. 1 ст. 26 Закона «Об ООО» в ракурсе квалификации рассматриваемого заявления как юридического факта (эта норма требует нотариальное удостоверение заявления *не в качестве* сделки, а *по правилам*, предусмотренным для удостоверения сделок), усомнился в отрицании сделочной природы данного волеизъявления[2]. Поскольку правовые последствия заявления о выходе наступают исключительно в силу волеизъявления участника и для их возникновения в соответствии с законом необходимо и достаточно воли одной стороны (участника), Л.А. Новоселова также назвала такое волеизъявление односторонней сделкой[3]. Имеет место безоговорочное суждение, что выход члена из всякого гражданско-правового объединения представляет собой одностороннюю сделку, которая обращена к компетентному органу объединения или его остальным членам и направлена на прекращение права членства[4]. Отрицательно отвечая на вопрос о том, распространяются ли на отношения, связанные с выходом из общества, положения сделках с заинтересованностью, А.В. Майфат отметил, что применение этих

---

[1] Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами споров, связанных с выходом участников из обществ с ограниченной ответственностью (за июнь 2004–март 2005 г.), подготовленный группой авторов ЗАО «ЮРИНФОРМ В» для системы КонсультантПлюс.

[2] Поваров Ю.С. Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения // Власть Закона. 2015. № 4. С. 96–102.

[3] Новоселова Л.А. Заявление о выходе из ООО: судебная практика // Корпоративный юрист. 2006. № 11. С. 24–26.

[4] Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Право членства // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 71–77.

положений в данном случае означало бы требование о получении согласия иных участников на выход из общества, а это значит, что фактически участник никогда не смог бы выйти из общества, и именно поэтому конструкция выхода построена по модели односторонней сделки[1]. В свою очередь, А.Б. Бабаев почеркнул, что анализируемое волеизъявление участника, обладая признаками односторонней сделки, не может быть квалифицировано в качестве юридического поступка: когда воля участника специально не направлена на выход общества, правовые последствия не наступают[2].

Практика в целом также ориентируется на односторонне-сделочную природу выхода. В частности, нотариусам предписано при удостоверении заявления участника о выходе из общества использовать удостоверительную надпись не по форме № 2.4 «Удостоверительная надпись для удостоверения юридически значимых волеизъявлений», предназначенной для удостоверения документов, которые не являются сделками, но требуют нотариального удостоверения, а по форме № 2.1 «Удостоверительная надпись для односторонней сделки (за исключением доверенности и завещания)»[3]. Данное указание согласуется с тем, что суды последовательно идентифицируют заявление участника общества о выходе как сделку: указывают, что односторонняя сделка по выходу из общества, оформленная заявлением о выходе, в силу ст. 168 ГК РФ может быть признана недействительной (ничтожной) в случае нарушения запрета, установленного п. 2 ст. 26 Закона «Об ООО»[4]; считают ничтожными односторонние сделки по выходу, если действия выходящих злоупотребительно нацелены исключительно на уменьшение размера имущества, за счет которого возможно удовлетворение требования кредиторов общества[5]; применяют последствия недействительности

---

[1] Майфат А.В. Некоторые вопросы прекращения корпоративных правоотношений: выход участника из общества с ограниченной ответственностью / Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2016. С. 120–127.

[2] Бабаев А. Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов // Сделки: проблемы теории и практики: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2008. С. 119–164.

[3] Информация Минюста России, ФНП «О применении отдельных положений форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления, утв. Приказом Минюста России от 27.12.2016 № 313» // http://www.notary-rd.ru/ по состоянию на 21.02.2017.

[4] Определение ВС РФ от 11.04.2017 № 305-ЭС16-14771.

[5] Постановление Президиума Пермского краевого суда от 06.09.2013 № 44-г-1143/13.

заявлений о выходе из общества как односторонних сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств[1].

Отсутствие прямого законодательного закрепления возможности отменить заявление о выходе из общества в сочетании с квалификацией этого акта в качестве односторонней сделки в большинстве случае приводит к отрицанию права отозвать поданное заявление: поскольку подача заявления порождает правовые последствия, которые не могут быть изменены в одностороннем порядке (доля участника переходит обществу), участник не может свободно изменять решение о выходе[2]. С точки зрения А.В. Валуйского, предусмотренные ст. 26 Закона «Об ООО» последствия носят необратимый характер, изменить свое намерение о выходе из общества участник может только до момента подачи заявления[3]. В этом аспекте логичными выглядят высказывания некоторых авторов о том, что права, возникшие из подобных действий, «неприкосновенны, … т.е. будучи однажды установленными, не могут быть произвольно прекращены или отобраны, в том числе лицом, которое их в свое время предоставило»[4]. Имеет резон позиция, в силу которой в результате односторонней сделки участника по выходу из общества последнее приобретает благо, которым может распорядиться, а потому действие по отзыву заявления посягает на это благо и нарушает принцип недопустимости отказа от исполнения обязательств (ст. 310 ГК РФ)[5].

Схожие доводы в пользу бесповоротности заявления о выходе из общества можно встретить в судебных актах. Суды указывают, что иного способа аннулирования правовых последствий подачи заявления о выходе из общества, кроме как оспаривание такого заявления по правилам о недействительности

---

[1] Пункт 13 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2.

[2] Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малеиной. М.: НОРМА, 2004. С. 203–204.

[3] Валуйский А.В. Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов споров о праве на доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (за январь 2005 г.–март 2006 г.) // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2006.

[4] Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 53–90.

[5] Бабаев А. Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов // Сделки: проблемы теории и практики: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2008. С. 119–164.

сделок, законодательство не предусматривает[1]. Также констатируется, что в результате односторонней сделки по выходу участника из общества между первым и вторым возникает обязательственное правоотношение, на которое распространяется принцип нерушимости обязательства (ст. 310 ГК РФ), и кроме того, действия по отзыву своего заявления о выходе могут нарушить законные интересы лиц, приобретших право участия, утраченное вышедшим[2]. В одном из дел суд, отказывая в удовлетворении требования о восстановлении лица в качестве участника общества, подчеркнул, что законодательством не предусмотрено возобновление статуса участника после его утраты в связи с подачей заявления о выходе путем отзыва такого заявления[3]. В другом деле суд привел дополнительную аргументацию, что по смыслу Закона «Об ООО» выход участника из общества носит бесповоротный характер, за исключением случаев признания указанной односторонней сделки недействительной: восстановление вышедшего из общества лица в составе его участников допускается лишь в исключительных случаях, указанных в п. 8 ст. 23 Закона «Об ООО» (если общество не вправе выплачивать вышедшему действительную стоимость его доли, на основании заявления в письменной форме, поданного не позднее чем в течение трех месяцев со дня истечения срока выплаты действительной стоимости доли лицом, доля которого перешла к обществу, последнее обязано восстановить его в статусе участника и возвратить ему соответствующую долю в уставном капитале)[4].

Вместе с тем, в п. 16 Постановления № 90/14 был сформулирован подход, согласно которому недопустимость одностороннего изменения (отмены) последствий, вызванных подачей заявления о выходе из общества, не исключает право общества согласовать просьбу участника об отзыве заявления. С одной стороны, суды отметили, что по смыслу п. 2 ст. 26 Закона «Об ООО» подача заявления участником общества порождает правовые последствия, которые не могут быть изменены односторонним актом, однако с другой стороны, отметили,

[1] Постановление Девятнадцатого ААС от 16.05.2016 № 19АП-1548/2016.
[2] Постановление ФАС Поволжского округа от 15.12.2011 № А57-1600/2011.
[3] Постановление Шестого ААС от 16.07.2012 № А73-2496/2012.
[4] Постановление Пятнадцатого ААС от 28.02.2011 № А53-17025/2010.

что это обстоятельство не лишает участника права в случае отказа общества удовлетворить его просьбу об отзыве заявления о выходе оспорить такое заявление в судебном порядке применительно к правилам о недействительности сделок. В практике нижестоящих судов данный подход конкретизирован: считается, что если общество не выплатило участнику, подавшему заявление о выходе, действительную стоимость его доли и при этом допускает его к участию в общих собраниях, то следует признавать общество давшим согласие на отзыв (отмену) участником поданного заявления о выходе[1]. Кроме того, определено, что участник, покинувший общество, может быть восстановлен в статусе участника путем согласования отзыва (отмены) заявления о выходе не единоличным исполнительным органом, а его высшим корпоративным органом – общим собранием участников[2].

В науке также подчеркивается недопустимость не всякого, а лишь не согласованного с обществом отзыва поступившего в общество заявления о выходе[3], и констатируется, что предоставление права отзыва производится исключительно по решению общего собрания участников, что позволяет им оказывать давление на лицо, намеренное прекратить участие в обществе[4].

Думается, что полное отрицание права участника «одуматься» и отменить предъявленное заявление о выходе, равно как и признание за ним возможности реализовать такое право только при условии получения согласия организации, не могут быть однозначно поддержаны или отвергнуты без необходимых оговорок о стадии развития корпоративных отношений, инициированных подачей заявления о выходе, соответствующей такой стадии юридической сущности восстановления вышедшего участника в его корпоративном статусе.

---

[1] Постановление ФАС Московского округа от 11.01. 2006 № КГ-А41/13073-05; Постановление АС Дальневосточного округа от 06.11.2014 № А73-2303/2014.

[2] Постановление ФАС Уральского округа от 19.01.2009 № Ф09-494/09-С4. При этом уточняется, что исходя из системного толкования ст. 26 Закона «Об ООО» восстановление выбывшего участника в его корпоративных правах является исключительной прерогативой общества, а возможность решения вопроса о восстановлении выбывшего участника единоличным исполнительным органом законом не предусмотрена (см.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26.05.2011 № А53-17025/2010).

[3] Поваров Ю.С. Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения // Власть Закона. 2015. № 4. С. 96–102.

[4] Агешкина Н.А., Баринов Н.А. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2016.

Полный запрет отмены заявления о выходе вне зависимости от того, как далеко продвинулись соответствующие отношения (обрели ли изменения в составе участников силу для третьих лиц, поданы ли документы для внесения в ЕГРЮЛ записи о переходе покинувшего общество участника к самой корпорации, произошло ли последующее распределение или погашение данной доли), не учитывает серьезность последствий выхода и вступает в противоречие с идеей поддержки принципа стабильности участников корпорации и устойчивости (предсказуемости) корпоративных связей.

В свою очередь, дозволение согласованного с обществом отзыва заявления на любой стадии развития корпоративно-правовой ситуации после внесения в ЕГРЮЛ записи о переходе доли вышедшего участника к обществу по существу представляет не «отмену выхода», а «обратный вход», предполагающий реализацию специально предназначенных для такого входа корпоративных процедур (приобретение доли участия, принятие участника в состав общества, сопряженное с увеличением его уставного капитала и др.).

Здесь вполне уместной представляется аналогия с тем, как подобный правовой пробел преодолевается, когда третье лицо, давшее в порядке ст. 157.1 ГК РФ предварительное согласие на совершение сделки, пытается его отменить. В таких ситуациях речь аналогично идет об односторонней сделке[1] и более того – об односторонней отмене юридического эффекта этой односторонней сделки, который наступает поэтапно. Поскольку гражданским законодательством правила о возможности и порядке отзыва согласия на совершение сделки не предусмотрены, Пленум ВС РФ *по аналогии* со ст. 439 ГК РФ допустил отзыв согласия на совершение сделки по правилам об отзыве акцепта (п. 57 Постановления № 25). Третье лицо, давшее предварительное согласие на совершение сделки, вправе отозвать его, уведомив стороны сделки до момента ее совершения и возместив им убытки, вызванные таким отзывом. При этом, с учетом

[1] Из п. 50 Постановления № 25 следует, что согласие на совершение сделки по смыслу ст. 153 ГК РФ для целей применения правил о недействительности сделок квалифицируется как волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, т.е. в качестве сделки, а в п. 57 указано, что согласие на совершение сделки может быть признано недействительным «применительно к» (т.е. «по аналогии с») гл. 9 ГК РФ о сделках).

поэтапного углубления юридического эффекта выданного согласия после фактического совершения согласованной сделки, отзыв согласия, сообщение о котором поступило сторонам сделки после ее совершения, считается несостоявшимся.

В силу изложенного, видится, что с опорой на *двойную аналогию* (с учетом юридического сходства рассматриваемых отношений по отмене заявления о выходе с отношениями по отмене предварительного согласия на совершение сделки, а через них – с отношениями, урегулированными ст. 439 ГК РФ от отзыве акцепта) на поставленный выше вопрос следует отвечать дифференцированно в зависимости от стадии развития последствий выхода.

Во всякое время до момента внесения в ЕГРЮЛ записи о переходе доли вышедшего участника к обществу отмена заявления о выходе видится допустимой вне зависимости от воли общества (собрания его участников). По аналогии с тем, как для прекращения доверителем нотариально оформленной доверенности закон требует обращения к нотариусу (подп. 2 п. 1 ст. 188 ГК РФ) отмена нотариально удостоверенного заявления о выходе из общества также должна быть оформлена соответствующим нотариальным заявлением. При этом, если лицо, отозвавшее заявление, действовало в одностороннем порядке (без одобрения со стороны общества или при наличий его возражений), оно должно возместить обществу убытки, вызванные таким отзывом (издержки на подготовку к совершению регистрационных действий, расходы по оценке подлежащей выплате вышедшему действительной стоимости его доли в уставном капитале общества и т.п.).

После внесения в ЕГРЮЛ записи о переходе доли вышедшего к обществу и тем более после распределения этой доли между оставшимися участниками (ее погашения или приобретения третьими лицами), т.е. после того, как последствия предъявления заявления перестали быть исключительно внутренним делом корпорации, ни односторонний, ни согласованный с обществом отзыв заявления о выходе не представляется возможным.

В обоснование предложенного можно провести еще одну аналогию. Поскольку разрыв корпоративно-правовой связи при выходе участника из

общества весьма схож с прекращением трудовых отношений по инициативе работника (по собственному желанию) и по характеру (в обоих случаях речь идет об одностороннем волеизъявлении), и по порядку реализации (оба инициатора разрыва подают контрагенту заявление), логично предположить, что подходы решению вопроса об отмене заявления должны быть аналогичными. Так, согласно ст. 80 Трудового кодекса РФ до истечения срока предупреждения об увольнении работник имеет право в любое время отозвать свое заявление. Увольнение в этом случае не производится, но при условии, если на его место не приглашен в письменной форме другой работник, которому в силу закона не может быть отказано в заключении трудового договора.

Во-вторых, непонятно, как оценивать ситуацию, когда все участники предъявляют заявления о выходе из общества одновременно.

Согласно п. 2 ст. 26 Закона «Об ООО» выход, в результате которого в обществе не остается ни одного участника, а также выход единственного участника не допускается. Казалось бы, этот запрет является четким и недвусмысленным. При этом в судебной практике сложилось представление, что во избежание его нарушения следует соответствующим образом проверять обстоятельства выхода, в том числе устанавливать очередность, т.е. определять, кто из участников первым реализовал свое право на выход[1].

Однако временем подачи заявления о выходе рассматривается *день* передачи его участником лицу, полномочному принимать адресованную обществу корреспонденцию (п. 16 Постановления № 90/14) *без учета времени суток*. Поэтому пробел усматривается в том, что в случае предъявления всеми участниками общества заявлений о выходе в один день каждый из них, взятый в отдельности, формально указанный выше запрет не нарушает, поскольку опирается на содержащиеся в ЕГРЮЛ публично достоверные сведения о составе участников.

В силу этого вероятна ситуация, когда в результате формально правомерного поведения участников и привлекаемых ими разных нотариусов в общество в один день поступают заявления о выходе от всех участников (а в регистрирующий орган

[1] Определение ВС РФ от 11.04.2017 № 305-ЭС16-14771.

одновременно поступают подписанные нотариусами, удостоверившими заявления о выходе, заявления о внесении соответствующих изменений в ЕГРЮЛ). Другое дело, что дальнейшее развитие данной корпоративной ситуации должно квалифицироваться с опорой на *аналогию права* посредством применения требований разумности, добросовестности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ): регистрирующий орган не только не вправе вносить в ЕГРЮЛ записи о переходе к обществу долей всех желающих выйти из него участников, но и не должен отдавать предпочтение кому-либо из участников и не пытаться выстраивать очередность поступления заявлений внутри дня. В таком случае следует считать выход всех участников несостоявшимся.

Кроме того, могут возникнуть некоторые сомнения, вправе ли все участники, кроме одного, в результате согласованных действий одномоментно покинуть общество, оставив бывшего партнера в статусе единственного участника. Так, резонно помыслить, что в такой ситуации возникает недобросовестное и несправедливое ущемление в правах участника, оказавшегося единственным: оставшись последним, такой участник не сможет избавиться от корпоративного бремени посредством выхода, будет вынужден единолично осуществлять корпоративное руководство, нести сопутствующие юридические риски; при этом, если такой участник ранее был миноритарным, он может оказаться финансово и организационно не готов вынести соответствующее бремя и риски. Однако все-таки представляется правильным поддержать позицию, что перспектива обретения правового статуса единственного участника хозяйственного общества при необходимости поддержания текущей деятельности корпорации, в том числе при ликвидации последней, относится к обычным предпринимательским рискам участника гражданского оборота[1].

В-третьих, неочевидно, распространяется ли на действия по выходу из ООО участника – гражданина, состоящего в браке, требование п. 3 ст. 35 СК РФ о получении нотариального согласия супруга.

Некоторые практикующие юристы дают положительный ответ на этот

[1] Постановление Восьмого ААС от 03.09.2015 № 08АП-6933/2015.

вопрос, указывая, что выход участника из общества приравнивается к сделке, направленной на прекращение правовой связи с обществом и непосредственное распоряжение таким образом долей участия в его уставном капитале[1]. Можно встретить научную поддержку такого подхода: поскольку выход участника из общества признается отчуждением доли в пользу юридического лица в силу прямого указания на это в законе (п. 1 ст. 26 Закона «Об ООО»), постольку такой выход является односторонней сделкой, направленной на отчуждение доли в уставном капитале общества, подлежащей обязательному нотариальному удостоверению, для заключения которой необходимо нотариально удостоверенное согласие супруга[2]. Высказывается мысль, что когда супруг решает выйти из общества, то при отсутствии брачного договора он «совершает сделку, которая тем или иным образом сказывается на общей совместной собственности»[3]. С точки зрения В.В. Тихонова, при буквальном толковании норм семейного и корпоративного законодательства выход супруга-участника из общества является сделкой, требующей нотариального одобрения со стороны другого супруга, и вполне может получиться эксцесс, при котором супруг-неучастник фактически принуждает своего супруга-участника носить корпоративный статус и получает возможность управлять этим статусом через механизм согласования выхода[4]. Представлен и такой взгляд, что для совершения супругом акта выхода из общества презумпция согласия другого супруга отсутствует и требуется его нотариальное согласие, поскольку речь идет об акте-сделке, совершаемой в отношении имущества, права на которые подлежат государственной регистрации (имеется в виду регистрационная запись в ЕГРЮЛ)[5].

---

[1] Чупрунов И.С. Сделка в основании преобразовательного судебного решения (на примере судебного раздела имущества супругов). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 апреля 2021 года № 305-ЭС20-22249 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 4. С. 5–22.

[2] Кирсанова А.А. Особенности распоряжения супругами долями в обществе с ограниченной ответственностью // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 10. С. 48–52; Кузнецова О.А. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью как способ реализации права: проблемы теории и практики // Современное право. 2019. № 2. С. 135–138.

[3] Пискунов Я. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет (Интервью с Л.Ю. Михеевой) // Закон. 2017. № 2. С. 6–20.

[4] Тихонов В.В. Распоряжение долей ООО–сделка, требующая одобрения супруга // Гражданское право. 2017. № 1. С. 42–44.

[5] Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с

Вместе с тем, высказываются аргументы и в пользу противоположного решения. Предлагается разграничивать имущественные права супругов от корпоративных прав, принадлежащих каждому супругу, и на основе такого разграничения считать, что сделка по выходу из корпорации в порядке ст. 26 Закона «Об ООО» не является сделкой по распоряжению долей участия как общим имуществом супругов и не имеет в качестве основной правовой цели ее совершения распоряжение такой долей, а само заявление о выходе направлено на реализацию неимущественного корпоративного права участия[1]. Отмечается, что фраза «путем отчуждения доли обществу» не точна и в действительности «…действия по распоряжению общим имуществом супругов отсутствуют»[2]. Указывается и на сущностную недопустимость обязывания одним супругом другого продолжать вести бизнес, оставаясь в составе общества[3].

Думается, что, если речь не идет о попытках недобросовестного супруга обойти требование о получении нотариального согласия супруга на совершение нотариальной сделки по отчуждению доли в уставном капитале стороннему субъекту (притворный выход с одновременным входом третьего лица верно квалифицируется в судебной практике как злоупотребление[4]) участник вправе произвольно реализовать корпоративно-правовую возможность выхода из общества без учета мнения супруга. Семейное законодательство о порядке распоряжения общим имуществом супруга здесь неприменимо. Как указал Президиум ВАС РФ, субъективные права участника возникают из личного участия в хозяйственном обществе и регламентированы нормами корпоративного, а не семейного законодательства, а следовательно, применение ст. 35 СК РФ к отношением, связанным с выходом участника, ошибочно[5]. Более того, для

ограниченной ответственностью (часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 172–191.

[1] Чашкова С.Ю. К вопросу об отграничении имущественных прав супругов от их корпоративных прав // Юстиция. 2016. № 1. С. 47–55.

[2] Побережный С.Г. Практика реализации прав супругов в корпоративных правоотношениях // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 15–18.

[3] Стражевич Ю.Н., Босык О.И. Распоряжение долей в уставном капитале общества, находящейся в общей собственности супругов // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 3. С. 270–275.

[4] Постановление Президиума ВАС РФ от 21.01.2014 № 9913/13.

[5] Постановление Президиума ВАС РФ от 11.09.2012 № 4107/12.

обоснования последней позиции представляется необходимым обратить внимание на весьма принципиальные нюансы. Законодатель связывает правовые последствия не с моментом оформления заявления о выходе, а с моментом его подачи (п. 6.1. ст. 23 Закона «Об ООО»). При этом закон прямо не признает заявление о выходе как таковое сделкой и фиксирует лишь требование об его удостоверении по правилам, предусмотренным для удостоверения сделок. Это означает, что подписание и удостоверение заявления о выходе само по себе не приводит к изменению правового положения участника (оно может по разным причинам не попасть в общество). Возможно также провести аналогию с нотариальным удостоверением одним из супругов доверенности с полномочием распорядиться общим имуществом (в том числе долей в уставном капитале общества) на имя третьего лица: поскольку сама по себе выдача доверенности распоряжением общим имуществом супругов не является, постольку особого согласия другого супруга на оформление такой доверенности не требуется.

Новеллы и аналогии в правовом регулировании выхода из общества с ограниченной ответственностью

Как было отмечено, изменив императивные нормы о не подлежащем корпоративному или договорному ущемлению праве каждого участника всякого общества в любое время выйти из него на диспозитивное правило, законодатель ликвидировал главный пробел правового регулирования выхода участника из корпорации – неопределенность экономических и юридических последствий излишней жесткости права участника покинуть общество. Дополнительную прочность корпоративной конструкции ООО при реализации механизма выхода участников законодатель обеспечил новым требованием к нотариальному оформлению заявления о выходе (п. 1 ст. 26 Закона «Об ООО» в редакции ФЗ от 30.03.2015 № 67-ФЗ «О внесении изменений … в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»). Действительно, последовательное увеличение вовлеченности нотариата в укрепление корпоративных отношений не

только становится «четкой тенденцией»[1], но и показывает позитивное воздействие на условия осуществления предпринимательской деятельности в данной организационно-правовой форме.

ФЗ от 31.07.2020 № 252-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части совершенствования процедуры внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о выходе участника общества с ограниченной ответственностью из общества»[2] указал на возможность по усмотрению участников предоставить право выйти из общества перечисленным в уставе конкретным участникам или лицам, обладающим долей какого-либо размера, либо участникам (группам участников), отвечающим названным в уставе критериям, а также допустимость обусловить право выхода сроком, согласием иных участников или самой корпорации, наступлением или ненаступлением иных обстоятельств. Таким образом законодатель не только продемонстрировал случающееся в исторической ретроспективе[3] и наблюдаемое ныне в России[4] изменение модусов ряда корпоративно-правовых институтов с императивных на диспозитивные, но и продвинулся в направлении обеспечения баланса прочности и гибкости механизма инвестирования в доли корпоративного участия.

Одна из нормативных новелл, введенных Законом № 252-ФЗ, устранила отмеченную в науке[5] лакунность в правилах о действиях нотариуса, подлежащих совершению после удостоверения им заявления участника о выходе. Ныне нотариус, оформивший такое заявление, обязан в течение двух рабочих дней подать в регистрирующий орган заявление о внесении соответствующих изменений в ЕГРЮЛ. Затем в течение еще одного рабочего дня он обязан передать удостоверенное заявление участника о выходе в адрес самой корпорации и

---

[1] Измайлова Е.В. Нотариальные действия по принятию, фиксации, выдаче, передаче сведений и документов, а также их предоставлению в иные органы и организации // Нотариус. 2020. № 2. С. 8–11.
[2] СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5011. Далее–Закон № 252-ФЗ.
[3] Coffee Jr. J.C. Mandatory/Enabling Balance in Corporate Law: An Essay on the Judicial Role // Columbia Law Review. 1989. Vol. 89. № 7. P. 1618–1691.
[4] Гутников О.В. Тенденции развития корпоративного права в современных условиях // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 59–73.
[5] Поваров Ю.С. Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения // Власть Закона. 2015. № 4. С. 96–102.

проинформировать последнюю о подаче заявления в регистрирующий орган. Такой порядок вносит полную ясность в определении фиксации момента выхода, исключает ранее случавшиеся ситуации так называемых «зависших» долей (когда участник предъявлял заявление о выходе, а общество уклонялось от регистрации перехода его доли в свое обладание). Более того, данное новшество открывает путь к аналогическому решению проблемы «зависания» доли, не оплаченной участником при учреждении общества (для наделения такого участника, фактически отказавшегося от участия в обществе, возможностью вопрепятствовать принудительному корпоративному инвестированию вполне возможно по аналогии сконструировать процедуру уведомления регистрирующего органа о переходе доли к обществу нотариусом по заявлению выбывшего участника).

Вместе с тем остались законодательно не закрытыми некоторые значимые пробелы рассматриваемого механизма, как то: обсуждаемая в российской и зарубежной доктрине неопределенность в вопросе о возможности, необходимости или недопустимости учета понижающих коэффициентов (дисконтов) за неликвидность (малоликвидность) и миноритарность (неподконтрольность) при определении цены выхода – действительной стоимости доли корпоративного участия, подлежащей выплате выходящему участнику[1].

Расширение диспозитивных начал и договорной свободы в формировании конструкции обществ с ограниченной ответственностью обострило известную применительно к закрытым корпорациям (в которых относительно мало участников и, следовательно, все знают всех) проблему пренебрежения участниками предварительным планирования возможного (если не неизбежного) разрыва корпоративных связей[2]. Более того, появились новые дискуссионные вопросы применения механизма выхода, к примеру: возможно ли распространение свойства диспозитивности на нормы о порядке оформления заявления о выходе;

---

[1] Белова М.Т., Макин Р.В. Применение рыночных дисконтов за миноритарность и малоликвидность к цене доли участника при его выходе из ООО // Закон. 2017. № 8. С. 64–744; Moll D. Shareholder Oppression & 'Fair Value': Of Discounts, Dates, and Dastardly Deeds in the Close Corporation // Duke Law Journal. 2004. Vol. 54. P. 293; Tran L., Vrublevskaya I. Dissenting Shareholder Appraisal Rights and Shareholder Oppression Claims: Similarities and Differences in Securities Valuation // Shareholder Dispute Litigation Insights. 2015. Vol. 15. P. 8–14.

[2] Matheson J.H., Maler K. A Simple Statutory Solution to Minority Oppression in the Closely-Held Business // Minnesota Law Review. 2007. Vol. 91. P. 657.

допустима ли отмена предоставленного общим собранием участников общества участнику согласия на выход, если такое согласие было закрепелено уставом в качестве условия права на выход.

Поскольку правовая неопределенность в корпоративном регулировании заставляет иностранных инвесторов и даже российских частных лиц сторониться российского права[1], постольку видится остро необходимым продвинуться в исключении негативной пробельности всех корпоративных правовых механизмов, включая такой важный как механизм выхода из корпорации.

Проблема учета рыночной стоимости активов общества при определении действительной стоимости доли выходящего участника

Ключевым последствием предъявления заявления о выходе из общества (помимо прекращения корпоративного статуса предъявившего такое заявление лица) является то, что в соответствии с п. 2 ст. 94 ГК РФ, п. 2 ст. 14, п. 6.1. ст. 23 Закона «Об ООО» у организации возникает обязанность выплатить вышедшему участнику действительную стоимость его доли корпоративного участия.

При наличии технической возможности выдела соответствующей доле выходящего участника части имущества организации в натуре участник мог бы согласиться на выдачу такого имущества и избежать возможных споров о стоимости доли в денежном выражении, но в большинстве случаев покидающие корпорацию участники отказываются от получения имущества в натуральной форме[2]. И наоборот, если участник не только согласен, но и настаивает на получении в натуре части реального имущества корпорации, пропорциональной размеру его доли, соответствующее притязание участника при отсутствии доброй воли юридического лица не подлежит принудительному удовлетворению. Суды придерживаются позиции, что в случае выхода участника из общества последнее лишь вправе, но не обязано выдать такому участнику имущество в натуре в счет

[1] Gomtsyan S. The enforcement of shareholder agreements under English and Russian law // Journal of Comparative Law. 2013. Vol. 7(1). P. 115–146.

[2] Ручкина Г.Ф. Взыскание действительной стоимости доли участника общества с ограниченной ответственностью при добровольном выходе участника из общества: некоторые проблемы арбитражной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 8. С. 15–20.

компенсации действительной стоимости доли в уставном капитале[1]. В науке подчеркивается, что общество само определяет фактическую возможность и целесообразность применения данной формы выплаты, которая должна совершаться без ущерба для общества[2]. Поэтому самой острой проблемой при исчислении денежного эквивалента действительной стоимости доли является то, что законодатель молчит о последствиях расхождения такой стоимости, определенной в пропорции к общей величине чистых активов по данным бухгалтерской отчетности организации со стоимостью, определенной в соответствующей пропорции к чистым активам по их рыночной стоимости. То есть главным затруднением в практическом решении вопроса о действительной стоимости доли является законодательный пробел.

Согласно Приказу Минфина РФ от 28.08.2014 № 84н «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов» стоимость чистых активов определяется как разность величин принимаемых к расчету активов и обязательств, при том, что активы и обязательства принимаются к расчету по стоимости, подлежащей отражению в бухгалтерском балансе в нетто-оценке за вычетом регулирующих величин. Но в то же время, как указало само финансовое ведомство, вследствие инфляции, используемых методов бухгалтерского учета, наличия у организации «скрытых» и «мнимых» активов и обязательств и в силу других факторов балансовая стоимость активов организации может существенно отличаться от их реальной рыночной ценности (Письмо Минфина РФ от 02.12.2014 № 03-04-07/61655).

С одной стороны, сообразно общей тенденции возрастания роли судов в разрешении характерных для закрытых корпораций внутренних конфликтов посредством выяснения и учета справедливых ожиданий участников[3] российские суды в целом позитивно воспринимают подход, согласно которому вышедший из

---

[1] Постановление АС Дальневосточного округа от 15.12.2016 № Ф03-6003/2016; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 05.06.2014 № А82-567/2011.

[2] Лаптев В.А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 3–36.

[3] Gilson R.J. Separation and the Function of Corporation Law. Stanford Law and Economics Olin Working Paper № 307. 2005. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.732832.

общества участник, не будучи согласным с расчетом причитающейся ему действительной стоимости доли, осуществленным на основании показателей бухгалтерской отчетности, вправе настаивать на ином расчете с учетом рыночной стоимости принадлежащего организации имущества[1]. При этом надлежащим подтверждением такой стоимости суды признают заключение эксперта (отчет независимого оценщика)[2]. Более того, суды полагают, что исчисление действительной стоимости доли должно осуществляться с учетом рыночной ценности объектов, которые (ввиду особенностей бухгалтерского учета соответствующих активов) не отражены в бухгалтерском балансе коропорации, но используются в ее хозяйственной деятельности и приносит прибыль, к примеру, секрет производства[3]. В доктрине такое прямо не вытекающее из буквы закона толкование судами истинной воли законодателя и, соответственно, отождествление понятий «действительная стоимость» и «рыночная стоимость» расценивается как следствие применение норм ст. 6 ГК РФ об аналогии[4], а иной порядок (привязка действительной стоимости доли к данным бухгалтерского учета активов вне зависимости от ее существенного отличия от рыночной стоимости этих активов) считается несправедливым, не соответствующим конкурентным условиям гражданского оборота и уровню развития института рыночной оценки[5].

С другой стороны, жесткое следование буквальному толкованию закона и фактическая опора на тезис «справедливая цена – это не справедливая рыночная цена»[6] в ряде случаев предопределяет противоположный подход, согласно которому действительная стоимость доли участника общества определяется по данным бухгалтерской отчетности, а не исходя из рыночной стоимости активов[7]. Суды указывают, что определение действительной стоимости доли по рыночной

---

[1] Постановления Президиума ВАС РФ от 06.11.2005 № 5261/05, от 10.09.2013 № 3744/13.
[2] Постановление АС Волго-Вятского округа от 31.03.2017 № Ф01-661/2017; Постановление АС Центрального округа от 17.09.2018 № Ф10-3588/2018.
[3] Определение ВАС РФ от 05.02.2014 № ВАС-829/14.
[4] Щепотьев А.В., Кулакова Е.В. Сравнительный анализ рыночной стоимости доли и действительной стоимости доли общества с ограниченной ответственностью // Право и экономика. 2010. № 11. С. 32–37.
[5] Ульянов И.В. Проблемы судебно-арбитражной практики определения стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Российский судья. 2012. № 12. С. 39–42.
[6] Potter B. Shareholder Disputes: What is the Appropriate Standard of Value? 2011. URL: https://www.stout.com/en/insights/article/shareholder-disputes-what-appropriate-standard-value.
[7] Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 10.06.2011 № А75-9387/2010.

стоимости принадлежащего обществу имущества законодательством не предусмотрено[1], отвергают доводы об обязательности учета рыночной стоимости активов как не основанные на законе[2] и не поддерживают применение метода рыночного дисконтирования к пассивам (например, в виде кредиторской задолженности общества, по которой истоек срок исковой давности)[3]. При этом даже сторонники учета рыночной оценки активов отмечают «половинчатый» характер соответствующего подхода, не способного выступить полноценной заменой определения рыночной стоимости доли и формально выходящим за пределы нормы п. 6.1. ст. 23 Закона «Об ООО»[4].

В силу этого видится необходимым не только в плоскости разрешения судебных споров исходить из возможности профессиональной экспертной оценки рыночной стоимости активов общества при расчете действительной стоимости доли выходящего участника, но и на уровне закона прямо закрепить отвечающее требованиям разумности, добросовестности и справедливости (аналогия права) положение, что действительная стоимость доли в уставном капитале общества соответствует части рыночной стоимости чистых активов общества, пропорциональной размеру доли, вне зависимости от факта отражения соответствующих активов в бухгалтерском балансе и его конкретных величин.

Проблема учета коэффициентов (дисконтов) за неликвидность (малоликвидность) и (или) миноритарность (неконтрольность) при определении действительной стоимости доли выходящего участника

Не менее острой представляется проблема, вызванная не устраненной до сегодняшнего дня правовой неопределенностью в решении вопроса о возможности или недопустимости применения понижающих коэффициентов (дисконтов) за неликвидность (малоликвидность) и (или) миноритарность (неконтрольность) при определении цены действительной стоимости доли корпоративного участия, подлежащей выплате выходящему участнику.

---

[1] Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 10.02.2005 № А17-248/1/10.
[2] Постановление ФАС Поволжского округа от 27.06.2006 № А49-10614/2005-20АО/20.
[3] Постановление АС Поволжского округа от 26.11.2019 № Ф06-53361/2019.
[4] Ульянов И.В. Указ соч. С. 39–42.

Существующий порядок выкупа корпорацией акций по требованию акционера (ст. 75 Закона «Об АО») предусматривает необходимость осуществления выкупа по цене, определенной советом директоров общества не ниже рыночной стоимости, которая должна быть рассчитана независимым оценщиком без учета ее изменения в результате действий, повлекших возникновение права требования оценки и выкупа акций. В доктрине данная норма трактуется так, что утверждаемая советом цена выкупа основывается на рыночной стоимости каждой отдельной акции, и не может уменьшаться из-за незначительности количества акций, принадлежащих миноритарному акционеру, или увеличиваться вследствие контрольной силы пакета акций мажоритария[1]. Суды считают, что указанные положения обязывают определить и утвердить единую для всех акционеров цену приобретения акции, без дифференциации по количеству принадлежащих им акций, о чем, в частности, свидетельствует закрепленная в ст. 31 Закона «Об АО» гарантия, что каждая обыкновенная акция общества предоставляет акционеру – ее владельцу одинаковый объем прав[2].

Исходя из существенной аналогичности (как по юридическим признакам, так и по экономической сущности) механизма оплаты акций, выкупаемых по требованию акционера, и оплаты действительной стоимости доли участника, выходящего из ООО, логично предположить, что и в отношении действительной стоимости доли в уставном капитале последнего применение рыночных дисконтов неправомерно. Действительно, в ситуациях, обусловливающих возникновение у акционера права на принудительный выкуп акций, равно как и в случае притеснения миноритарного участника общества с ограниченной ответственностью, нельзя говорить о свободной рыночной продаже, а потому цель регулирования состоит не в том, чтобы имитировать таковую, а в том, чтобы обеспечить разумное средство для компенсации инвестиций, с которыми расстается участник. В связи с этим утверждается, что применительно к ООО скидки на миноритарность и малоликвидность вносят существенную

[1] Ломакин Д.В. Право требования выкупа акций: понятие и порядок осуществления // Гражданское право. 2013. № 1. С. 6–10.
[2] Постановление АС Поволжского округа от 20.11.2015 № А49-3645/2015.

неопределенность в процесс оценки, препятствуют сдерживанию репрессивного поведения мажоритариев, а потому должны быть проигнорированы[1].

Указанный доктринальный подход в целом позитивно воспринимается в судебной практике. Рассматривая споры о взыскании действительной стоимости доли вышедшего из общества участника, суды хотя и не ссылаются на аналогию со ст. 75 Закона «Об АО», но исходят из того, при определении размера такой стоимости коэффициенты, учитывающие неконтрольный характер и недостаточную ликвидность доли не предусмотрены действующим законодательством для оценки долей в уставном капитале, а потому не подлежат применению[2], указывают, что буквальное толкование нормативных положений требует использовать в качестве основания для определения действительной стоимости доли исключительно данные бухгалтерской отчетности без каких-либо скидок[3], и отмечают при этом, что применение коэффициентов повлекло бы необоснованное увеличение или уменьшение стоимости долей участников, оставшихся в обществе после выхода из него другого участника[4].

Вместе с тем, с принятием знакового для рассматриваемой сферы корпоративных отношений Постановления Президиума ВС РФ от 09.11.2016 № 336-ПЭК16 по получившему известность в бизнес сообществе «Делу Раевского», говорить о достижении определенности в вопросе о применении дисконтов стало невозможно. В данном деле гражданину Раевскому, вышедшему из группы обществ и не согласившегося с полученной ценой выхода (рассчитанной самой организацией действительной стоимостью долей бывшего участника), не удалось оспорить применение оценщиком понижающих коэффициентов (скидок) на неконтрольный характер и недостаточную ликвидность входящих в состав активов общества акций сторонних эмитентов, и, что самое важное – понижающих

---

[1] Бойко Т.С. Защита миноритариев от притеснения со стороны мажоритария в непубличных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 7. С. 112–156; Miller S.K. Discounts and Buyouts in Minority Investor LLC Valuation Disputes Involving Oppression or Divorce // University of Pennsylvania Journal of Business Law. 2011. Vol. 13:3. P. 607–683.

[2] Постановление АС Центрального округа от 26.12.2018 № Ф10-5658/2018.

[3] Постановление АС Московского округа от 23.01.2019 № Ф05-22780/2018.

[4] Постановление Президиума ВАС РФ от 14.10.2008 № 8115/08; Постановление АС Московского округа от 29.07.2016 № Ф05-9208/2015.

коэффициентов на неконтрольный характер и низкую ликвидность принадлежавших Раевскому долей. Как указал Президиум, порядок выхода участника из общества регламентирован Законом «Об ООО», которым ограничения, аналогичные указанным в п. 3 ст. 75 Закона «Об АО», не предусмотрены, в связи с чем аналогию с названной нормой нельзя признать обоснованной. Со ссылкой на новую позицию Президиума ВС РФ по одному из схожих дел отменил судебные акты, которые признали верным расчет действительной стоимости доли без применения понижающих коэффициентов (дисконтов) на неконтрольный характер и недостаточную ликвидность доли[1].

Более взвешенным представляется реализуемый некоторыми судами компромиссный подход: если дисконты не применяются к стоимости доли, то их возможно применить при оценке чистых активов общества, от размера которых производным образом и рассчитывается эта доля[2].

В силу изложенного, целесообразно с опорой на аналогию со ст. 75 Закона «Об АО» прямо закрепить в Законе «Об ООО», что действительная стоимость доли в уставном капитале общества рассчитывается как часть рыночной стоимости его чистых активов, пропорциональная размеру доли, вне зависимости от рыночных коэффициентов (дисконтов) за неконтрольность и неликвидность данной доли, что не исключает применение таких коэффициентов при определении рыночной цены долей в уставном капитале корпораций, составляющих актив конкретного общества. Такое законодательное усовершенствование будет отвечать идее нацеленности корпоративного права не только на максимизацию прибыли корпорации и финансовой отдачи для контролирующих акционеров, но и на достижение общей социально-экономической эффективности и повышение благосостояния всех, кого затрагивает деятельность корпорации[3] и соответствовать позиции Конституционного Суда РФ о праве законодателя рамках предоставленных ему полномочий с учетом экономической сущности обществ с

[1] Определение ВС РФ от 19.08.2019 № 301-ЭС17-18814.
[2] Постановление АС Московского округа от 12.03.2020 № Ф05-3234/2020.
[3] Armour, J., Hansmann, H., Kraakman, R. The Essential Elements of Corporate Law. Harvard Law and Economics Research Paper № 643. 2009. URL: https://ssrn.com/abstract=1436551.

ограниченной ответственностью установить такое правовое регулирование определения стоимости доли, подлежащей выплате участникам, которое наряду с отражением реальной стоимости доли в уставном капитале обеспечивало бы защиту интересов кредиторов и поддержание сложившегося баланса имущественных интересов иных участников общества[1].

Пробелы обусловленного и персонализированного механизма выхода участника из общества с ограниченной ответственностью

Участниками обществ с ограниченной ответственностью как закрытой формы непубличных корпораций в большинстве случаев является узкий круг лично знакомых друг другу лиц, взаимоотношения которых неформальны и доверительны[2], а значит, им по определению должно быть предоставлены широкие возможности по созданию удобных механизмов регулирования состава корпорации, в том числе вариативно определять наличие или отсутствие права на выход, определять условия и порядок выхода (при его дозволенности).

Исходя явно наблюдаемой тенденции усиления диспозитивности в регулировании статуса непубличных хозяйственных корпораций, а также опираясь на известное правило толкования *argumentum a majori ad minis*, следует, что и без особого дозволения участники общества, уполномоченные к большему (полностью воспретить выход) уполномочены и к меньшему – обусловить, ограничить, персонализировать выход, в том числе предусмотреть право на выход для отдельных (названных) персон, либо для участников, обладающих определенными признаками или отвечающих некоторым критериям, либо обусловить возникновение или отпадение права на выход наступлением или ненаступлением определенных обстоятельств или сроков либо их сочетанием. Естественным представляется и презюмируемое право участников общества включить решение вопроса о предоставлении права на выход в каждой конкретной ситуации в компетенцию общего собрания. Иными словами, свобода участников конфигурировать различные модели выхода подразумевается, а законодательные

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 № 758-О-О.
[2] Бойко Т.С. Указ. соч. С. 112–156.

новеллы (п. 1.2. ст. 26 Закона «Об ООО» в редакции Закона № 252-ФЗ), специально акцентирующие внимание на наличие такой свободы, умножают нормативный материал без необходимости и с юридической точки зрения являются излишними, представляя собой очередной пример *правового плеоназма*.

Вместе с тем, несмотря на общую тенденцию усиления диспозитивности и расширение договорной свободы в моделировании отношений внутри закрытых корпораций, инвесторы часто демонстрируют слишком оптимистичное поведение, а потому заблаговременно не продумывают необходимые защитные инструменты, в том числе упускают возможность кастомизации процедуры выхода из корпорации. Данное обстоятельство оправдывает рассматриваемую новеллу в той мере, в которой она подталкивает участников на стадии входа в корпорацию активно пользоваться предоставленной законом мерой диспозитивности и самостоятельно формулировать меры защиты миноритариев от притеснения, в том числе предусматривать индивидуальные условия прекращения корпоративных связей. В частности, весьма вероятно, что благодаря данному новшеству уменьшится количество корпоративных конфликтов, связанных с характерной для многих закрытых корпораций проблемой «ключевых лиц», потеря которых (в результате их выхода) способна негативно повлиять на бизнес[1].

При этом рассматриваемая новелла актуализирует решение вопроса о пределах диспозитивности нормативного механизма выхода и о границах свободы усмотрения участников при его индивидуальном моделировании. При отсутствии специального запрета на изменение предусмотренной ст. 26 Закона «Об ООО» нотариальной формы заявления о выходе общее усиление диспозитивного начала в регулировании выхода может привести к попыткам предусматривать в уставе иную форму: поскольку данная норма не содержит указания на недействительность альтернативного варианта оформления, в литературе высказывается (хотя и с сомнениями в применимости) мнение о возможности ее толкования как диспозитивной, что предполагает свободу участников компании установить

[1] Burns J.S., Novak N.P. Valuation Issues to Consider for Large Block Minority Shareholder Redemptions // Shareholder Dispute Litigation Insights. 2015. Vol. 15. P. 51–56.

простую письменную или даже устную форму заявления[1]. Однако, исходя из особой защитной цели привлечения нотариусов к процессу оформления выхода из общества, соответствующую норму все-таки следует признать императивной и по аналогии с тем, как именно закон допускает уставное изменение нормативной презумпции о необходимости нотариального подтверждения решений общих собраний участников (п. 3 ст. 67.1 ГК РФ), для возможности исключения нотариального оформления заявления о выходе (или его замены на иной квалифицированный порядок) требуется специальное законодательное дозволение.

Необходимо также отметить, что особое напоминание законодателя о возможности на уровне устава обусловить право выхода участника из общества согласием высшего органа управления общества высвечивает проблему неопределенности темпоральности выраженного собранием участников общества волеизъявления. Ученые, обратившие внимание на пробел в вопросе о том, как долго сохраняется право выхода после принятия общим собранием решения о согласовании, находят два варианта его преодоления (применять по аналогии правила об отзыве согласия на совершение сделки либо, сопоставляя взаимеые волеизъявления на выход и согласование выхода с опционом – применять по аналогии нормы ст. 429.2 ГК РФ) но отвергают и тот, и другой как не сооответствующие корпоративной природе рассматриваемых отношений[2]. Однако представляется, что проблему отмены заявления о выходе из общества и аннулирования согласия на осуществление выхода возможно и необходимо решать единообразно – по аналогии конструкта Пленума ВС РФ о допустимости отзыва предварительного согласия на совершение сделки до ее совршения (предполагаемое бессрочным согласие общего собрания участников на выход может быть отменено последущим решением до момента фактического предъявления заявления о выходе в общество).

Проблема индивидуализации механизма выплаты действительной

[1] Майфат А.В., Гордеев П.А. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: диспозитивность регулирования и ее пределы // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 35–48.
[2] Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Выход из общества с ограниченной ответственностью // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 41–53.

стоимости доли выходящего участника

Еще один аспект неопределенности правил о выходе возвращает к центральному для данной сферы вопросу о выплате действительной стоимости доли участнику, покинувшему корпорацию. Так, имеющиеся нормы Закона «Об ООО» не дают прямого ответа на вопрос, допустимо ли включение в устав общества положений либо заключение между участником и корпорацией соглашений, особым образом определяющих конкретный размер или индивидуальный порядок расчета действительной стоимости доли и (или) не предусмотренную законом процедуру и (или) отличные от нормативных сроки расчетов с вышедшим участником. В науке подчеркивается, что п. 6.1 ст. 23 ФЗ «Об ООО» в части указания на допустимость закрепления уставом иного (по сравнению с законным) срока или порядка выплаты действительной стоимости доли должен толковаться буквально: под порядком выплаты нельзя понимать способ определения размера[1].

С одной стороны, в большинстве случаев суды констатируют императивный характер ст. 26 Закона «Об ООО»[2], указывают, что размер выплаты в пользу лица, заявившего о выходе из общества, в том числе при осуществлении выдачи в натуре части имущества общества, урегулирован нормами закона и не может быть изменен соглашением сторон[3] и признают недействительными договоры, предусматривающие более длительные сроки выплаты доли[4], иные (не денежные, и не вещественные, а например, в виде услуг) формы расчета[5].

С другой стороны, некоторые суды акцентируют внимание на принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ) и, если в действиях участника и общества, заключивших соглашение о конкретизации размера действительной стоимости доли и о порядке ее выплаты, не усматриваются признаки злоупотребления, игнорируют императивный характер п. 6.1. ст. 23 Закона «Об ООО» и признают

---

[1] Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 181–212.

[2] Постановления АС Западно-Сибирского округа от 31.05.2017 № Ф04-1243/2017; от 30.09.2020 № А75-20488/2019.

[3] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 27.12.2016 № Ф04-6215/2016.

[4] Постановление АС Дальневосточного округа от 01.04.2016 № Ф03-1035/2016.

[5] Постановление Президиума ВАС РФ от 12.07.2006 № 2664/06.

индивидуально определенную стоимость доли и порядок ее уплаты действительными[1]. Имеет место квалификация соглашения вышедшего участника с обществом об уменьшении размера выплаты (в сравнении с нормативным) как не запрещенный законом частичный отказ от получения стоимости доли[2]. Следует отметить единичное упоминание судом допустимости изменения законного порядка выплаты действительной стоимости доли, но не соглашением, а уставом[3].

Опираясь на повсеместно продвигаемую идею о необходимости максимального продвижения принципа свободы договора в законодательстве о корпорациях, целесообразности дать корпоративным юристам такие договорные инструменты, которые им необходимы для экспериментов, инноваций и, в конечном счете, для наиболее полного удовлетворения потребностей бизнес-сообщества[4], а также проводя аналогию с тем, как законодатель в п. 4 ст. 21 Закона «Об ООО» разрешает вариативно определять стоимость доли в уставном капитале при реализации преимущественного права ее покупки (в твердой денежной сумме или на основании одного из критериев, (балансовая стоимость активов общества на последнюю отчетную дату, чистая прибыль общества и др.)), видится возможным и необходимым устранить отмеченную неопределенность и внести в Закон «Об ООО» уточнение о диспозитивности п. 6.1. ст. 23 Закона об ООО, гарантировав участникам свободу в определении (как заранее в положениях устава, так и постфактум в ходе или после реализации процедуры выхода в соответствующем соглашении) не только размера действительной стоимости доли (различных способов ее расчета и (или) изменения при (не) наступлении определенных обстоятельств), но и формы, процедур и сроков ее выплаты.

При этом опасения, что при согласовании соответствующих положений уставов или договоров участники и сами общества станут злоупотреблять правами, посягая на интересы других участников или кредиторов, не должны быть препятствием к приданию механизму выхода большей гибкости, поскольку

---

[1] Постановление АС Уральского округа от 26.09.2017 № Ф09-5734/17.
[2] Постановление АС Московского округа от 08.02.2019 № А40-102210/2018.
[3] Постановление Восьмого ААС от 12.05.2016 № А46-16331/2015.
[4] Reyes F., Vermeulen E. Company Law, Lawyers and 'Legal' Innovation: Common Law versus Civil Law. Lex Research Topics in Corporate Law & Economics Working Paper № 2011-3. 2011. URL: https://ssrn.com/abstract=1907894.

корпоративному праву известны приемы борьбы с обнаруженными злоупотреблениями (упомянутые судебные позиции явно явились реакцией на недобросовестное поведение участников соответствующих отношений), а преимущества диспозитивного определения размера и условий выплаты действительной стоимости доли (уменьшение издержек, связанных с калькуляцией и рыночной оценкой, упрощение и ускорение процедуры выплаты, возможность сбалансированного учета индивидуальных особенностей и реальных потребностей компании и выходящих участников, обеспечение бесконфликтности выхода и продолжения нормальной работы общества) неоспоримы.

Изложенное приводит к выводу, что интенсивное обновление корпоративного законодательства в части регулирования такого защитного механизма как выход участника из общества, устраняя одни пробелы, неизбежно порождает новые зоны правовой неопределенности. При этом эффективным инструментом казуального восполнения и нормативной ликвидации пробелов оказывается аналогия. Тенденция к усилению диспозитивности корпоративно-правового регулирования и расширению действия принципа договорной свободы в корпоративном праве обусловливает востребованность аналогии как средства моделирования индивидуальных условий реализации права на выход из общества.

§ 4. Аналогия в практике распределения чистой прибыли и выплаты дивидендов хозяйственных обществ

Влияние дивидендной политики коммерческих корпораций не только на их собственную финансовую устойчивость[1], способность эффективно привлекать внешний капитал[2], но и на благосостояние их участников[3] и интересы кредиторов[4],

[1] Skinner D.J., Soltes, E.F. What Do Dividends Tell Us About Earnings Quality? // Review of Accounting Studies. 2009. Vol. 16. № 1. P. 1–28.
[2] Ellahie A., Kaplan Z. Show Me the Money! Dividend Policy in Countries with Weak Institutions // Journal of Accounting Research. 2021. Vol. 59. Iss. 2. P. 613–655.
[3] Серебрякова А.А. Дивидендная политика российских корпораций. Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 6–10.
[4] Синицын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита. Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 91–131.

обусловливает потребность в максимально определенном, но одновременно гибком гражданско-правовом режиме дивидендов. Так, вне зависимости от страны корпорации могут применять дивидендную политику, связанную с меньшим манипулированием доходами, для смягчения агентских издержек и создания надежной коммерческой репутации[1], а также для уменьшения конфликтного потенциала внутри корпорации[2], ввиду чего необходимы адекватные нормативные параметры механизма распределения чистой прибыли среди акционеров. В настоящее время в кризисных условиях, вызванных санкционным воздействием иностранных государств, для многих российских корпораций, вынужденных внезапно отказываться от распределения прибыли либо сдвигать сроки выплаты дивидендов, наличие таких параметров обретает особую актуальность[3].

Какую бы дивидендную политику не выбрала корпорация в определенный момент времени, какие бы конкретно цели при этом она не преследовала, принципиальная важность ее последовательной реализации и значимость соответствующих внешних и внутренних экономических последствий требуют беспробельности гражданско-правового режима дивидендов. Однако несмотря на указанную потребность и наличие достаточно развернутых правил о порядке принятия решений о распределении прибыли, дивидендный процесс до настоящего времени считается одной из наиболее труднопонимаемых проблем экономики и права[4]. Данное обстоятельство объяснимо существованием ряда значительных лакун в правовом режиме дивидендов, а также отсутствием единой доктринальной позиции относительно наилучшей практики в этой области[5].

Точное определение правового режима дивидендов в корпоративном аспекте становится все более актуальным в связи с нередким пересечением статусов акционера и работника. Соответственно, неадекватное обеспечение

---

[1] He W., Ng L., Zaiats N.S., Zhang B. Dividend Policy and Earnings Management Across Countries // Journal of Corporate Finance. 2017. Vol. 42. P. 267–286.
[2] Berzins J., Bøhren Ø., Stacescu B. Shareholder Conflicts and Dividends // Review of Finance. 2018. Vol. 22. P. 1807–1840.
[3] Гусева И.А. Петров А.В. Перспективы выплаты российскими публичными компаниями дивидендов в условиях экономических санкций // Инновации и инвестиции. 2022. № 5. С. 95–99.
[4] Цепов Г.В. Как поделить шкуру неубитого медведя? Или правовые способы устранения неопределенности и оппортунизма при распределении прибыли хозяйственных обществ // Закон. 2019. № 2. С. 111–126.
[5] Koussis N., Ruzinskii V. Speed of Adjustment in Dividend Payout Decisions: A Comparative Analysis of Developed and Developing Countries // Journal of Corporate Finance Research. 2019. Vol. 13. № 2. P. 7–24.

экономического интереса работника на получение дивидендов, в том числе путем скрытого депремирования[1], способно негативно повлиять на устойчивость системы трудовых отношений и стабильность штатного состава корпорации.

Пробелы в частноправовом режиме дивидендов хозяйственных обществ

Право на получение дивидендов традиционно рассматривается в качестве центрального экономического стимула объединения капиталов в корпорации с последующим распределением прироста капитала (чистой прибыли) между участниками[2]. В науке в целом отмечается значительное влияние дивидендной политики на благосостояние участников корпораций[3]. Именно имущественное участие в деятельности хозяйственных обществ является определяющим для участника (акционера)[4]. При этом уверенность акционеров в возможности стабильно получать дивиденды особенно важна в условиях мировых финансовых кризисов и катаклизмов[5]. Поэтому неслучайно необходимость предоставления акционерам справедливой возможности участвовать в прибыли посредством получения дивидендов признана одним из рекомендованных Банком России принципов надлежащего корпоративного управления[6].

Изучение показателей рыночной конъюнктуры показывает, что компании, выплачивающие дивиденды, имеют более высокую доходность, чем организации, не выплачивающие дивиденды, и, соответственно, инвесторы зачастую предпочитают дивидендные доли (акции)[7]. Кроме того, дивиденды положительно влияют на формирование правильной репутации и возможности роста компании[8]. Наконец, в науке установлено, что политика отказа от начисления дивидендов

---

[1] Щербатова С. Спорные вопросы по скрытым штрафам в форме депремирования топ-менеджеров // Трудовое право. 2018. № 7. С. 103–120.

[2] Фроловский Н.Г. Основания возникновения права на получение дивидендов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 12–16.

[3] Khan F.I. The Impact of Dividend Policy on Shareholders Wealth // SSRN Electronic Journal. 2010. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1545749.

[4] Ломакин Д.В. Дивиденды акционерного общества // Хозяйство и право. 2014. № 9. С. 66–84.

[5] Чехова А.А. Дивиденды в условиях кризиса: могут ли правовые механизмы гарантировать акционеру получение дивидендов? // Право и экономика. 2009. № 7. С. 17–20.

[6] Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40.

[7] Petrie Fuller K., Goldstein M.A. (2003). Dividend Policy and Market Movements // SSRN Electronic Journal. 2003. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.437700.

[8] Flavin T.J., O'Connor T. Reputation Building and the Lifecycle Model of Dividends // Pacific Basin Finance Journal. 2020. Vol. 46. P. 177–190.

делает несостоятельной структуру активов и капитала корпорации, поскольку доходы успешных корпораций превышают их инвестиционные возможности[1].

В рамках отмеченных обстоятельств разумно помыслить о необходимости обеспечения нормативных гарантий реальной возможности, а не гипотетического «голого права» на участие участников хозяйственных обществ в распределении чистой прибыли пропорционально доле корпоративного участия.

Однако в реальности ст. 28 Закона «Об ООО», как и ст. 42 Закона «Об АО», соответственно указывают лишь на право хозяйственной корпорации принимать решение о распределении своей чистой прибыли между ее членами (принимать решения (объявлять) о выплате дивидендов по размещенным акциям). В разъяснениях высших судов указанные нормы истолкованы так, что субъективное (обязательственное) право участника (акционера) требовать выплаты дивидендов возникает только в случае принятия общим собранием решения об их выплате и, соответственно, при отсутствии такого решения общество не вправе выплачивать дивиденды, а участники (акционеры) не могут требовать их выплаты. Более того, если общим собранием решение о таком (дивидендном) использовании прибыли не принималось, суд не вправе удовлетворять требование участника (акционера) о выплате дивидендов, поскольку решение данного вопроса относится к исключительной компетенции общего собрания[2]. Ученые констатируют, что до принятия решения о выплате дивидендов у претендентов на таковые нет субъективного права, которое можно было бы реализовать в судебном порядке[3], и в современных условиях право на дивиденд не может пониматься как абсолютное[4]. Все это укладывается в известную и часто цитируемую позицию Конституционного Суда РФ о том, что судебный контроль призван обеспечивать защиту прав и свобод акционеров, а не проверять экономическую

[1] DeAngelo, H., DeAngelo, L., Skinner, D.J. Corporate Payout Policy // Foundations and Trends in Finance. 2009. Vol. 3. № 2. P. 95–287.
[2] Пункт 15 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.
[3] Терновая О.А. Защита прав акционеров на получение дивидендов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 28–33.
[4] Синицын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита. Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 91–131.

целесообразность решений, принимаемых советом директоров и общим собранием акционеров, которые обладают самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений в сфере бизнеса[1], что фактически представляет вариацию *business judgment rule*[2] как ограничителя возможности содержательной оценки судом акта органа управления корпорации.

Изложенные обстоятельства приводят к выводу, что в рамках экономической модели корпорации участники хозяйственных обществ не имеют юридически обеспеченных притязаний на экономическую отдачу от юридического лица и во многих случаях маловероятно, что они смогут получить долю прибыли.

При этом, если в корпорациях с дисперсной структурой акционерной собственности молчание законодателя о юридически гарантированной возможности требовать принятия решения о выплате дивидендов не представляет серьезных правовых затруднений ввиду наличия у менеджмента корпорации достаточно сильных экономических стимулов к начислению и выплате дивидендов[3], а соответствующий экономический анализ представлен достаточно емко[4], то применительно к хозяйственным обществам с концентрированной структурой корпоративного контроля, в которых коэффициенты выплаты дивидендов ниже, возникает юридическая проблема дивидендного притеснения миноритариев. Мажоритарии могут «туннелировать» (извлекать) активы из корпораций, используя недивидендные методы[5]. В ряде случаев доминирующие участники (акционеры) с краткосрочными корпоративными планами (так называемые «бродячие контролеры»), в обход выплаты дивидендов забирают сразу практически все корпоративные ценности в ущерб миноритарным участникам[6].

В данном контексте одним из пробелов выступает отсутствие законодательного правила о возможности или недопустимости отмены ранее

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П.
[2] Johnson L. The Modest Business Judgment Rule // The Business Lawyer. 2000. Vol. 55. № 2. P. 625–652.
[3] Miller M.H., Modigliani F. Dividend Policy, Growth, and the Valuation of Shares // The Journal of Business. 1961. Vol. 34. № 4. P. 411–433.
[4] Глазунов А.Ю. Право на получение дивидендов: экономический анализ и правовое регулирование. Закон. 2017. № 7. С. 160–174.
[5] Atanasov V.A., Black B.S., Ciccotello C.S. Law and Tunneling // Journal of Corporation Law. 2011. Vol. 37. P. 1–49.
[6] Kang S.Y. Optimally Restrained Tunneling: The Puzzle of Controlling Shareholders' «Generous» Exploitation in Bad-Law Jurisdictions // The Law and Finance of Related Party Transactions. 2019. P. 53–78.

принятого решения о выплате дивидендов. В современных реалиях, характеризующихся повышенной изменчивостью геополитических и социально-экономических условий ведения бизнеса, возрастает число ситуаций, при которых хозяйственное общество, все либо контролирующие участники (акционеры) могут обрести интерес к восстановлению в составе чистой прибыли объявленных дивидендов, что в целом актуализирует вопрос о степени стабильности корпоративного акта о распределении прибыли.

Если учесть установленную в науке связь между дивидендной политикой и ликвидностью фондового рынка[1] и принять во внимание способность корпорации за счет корректировки сроков начисления и выплаты дивидендов смягчить агентские конфликты[2], акционеры явно нуждаются не только в гарантиях возможности реального участия в распределении корпоративной прибыли, но и в достаточной мере свободы по определению частоты (периодичности) объявления и установлению сроков фактической выплаты дивидендов. Такая свобода позволила бы, в частности, не только адекватно обеспечивать сигнализирующую функцию дивидендов (в науке установлено, что реакция рынка на промежуточное и окончательное снижение дивидендов является значительно негативной и более сильной в случае промежуточного изменения дивидендов[3]), но и эффективно распределять свободные денежные потоки.

Однако и в этом аспекте участники хозяйственных корпораций испытывают сложности ввиду существующего пробела в установлении границ свободы определения периодичности решений о выплате промежуточных дивидендов (так называемых «немонотонных» дивидендов[4]) и вытекающей из этого неопределенности в вопросе о (не) возможности распределения чистой прибыли чаще одного раза в квартал.

---

[1] Banerjee S., Gatchev V.A., Spindt P.A. Stock Market Liquidity and Firm Dividend Policy. EFMA 2003 Helsinki Meetings. 2005. URL: https://ssrn.com/abstract=391663.

[2] Ellahie A., Kaplan Z. Show Me the Money! Dividend Policy in Countries with Weak Institutions // Journal of Accounting Research. 2021. Vol. 59. Iss. 2. P. 613–655.

[3] Balachandran B., Krishnamurti C., Theobald M.F., Vidanapathirana B. Dividend reductions, the timing of dividend payments and information content // Journal of Corporate Finance. 2012. Vol. 18. P. 1232–1247.

[4] Fuller K., Blau B. Signaling, Free Cash Flow and «Nonmonotonic» Dividends // The Financial Review. 2010. Vol. 45. P. 21–56.

Принимая во внимание, что сроки фактической выплаты ранее объявленных дивидендов составляют один из ключевых показателей дивидендной политики, входящий в «золотую формулу» правового режима дивидендов хозяйственных обществ[1], серьезным правовым пробелом в рассматриваемой сфере можно назвать отсутствие определенности в том, возможно ли уставом конкретной корпорации либо особым условием решения о распределении чистой прибыли изменить дефолтное законодательное правило и увеличить данные сроки. Действительно, при воздействии кризисных социально-экономических явлений на деятельность конкретной корпорации вполне разумно представить ситуации, когда наличие чистой прибыли, не обеспеченное в определенный момент необходимым количеством оборотных средств, требует более существенной отсрочки дивидендных выплат. Имеет резон и предположение, что более продолжительный срок для реализации решения о выплате дивидендов может быть предусмотрен в уставе корпорации в интересах отдельных (крупных) акционеров[2].

Приведенный обзор позволяет сформулировать следующие не имеющие четкого нормативного и доктринального определения вопросы неопределенности (пробельности) гражданско-правового режима дивидендов хозяйственных обществ:

- вправе ли участники (акционеры) требовать не только выплаты объявленных дивидендов, но и принуждать корпорацию к принятию решения о распределении чистой прибыли путем выплаты дивидендов?
- допустима ли добровольная отмена участниками (акционерами) существующего (принятого) решения о выплате дивидендов?
- какова допустимая степень свободы участников (акционеров) в порядке определения периодичности объявления и сроков выплаты дивидендов?

Изложенное требует осуществления дискуссии по вопросу о том, как при помощи правовой аналогии преодолеть отмеченные лакуны. Важно оговорить, что несмотря на известную самостоятельность корпоративных конструкций обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ, основные правовые

[1] Цепов Г.В. Указ соч. С. 111–126.
[2] Чехова А.А. Указ. соч. С. 17–20.

параметры дивидендного механизма действующее законодательство определяет максимально аналогичным образом. Некоторые различия носят терминологический или технический характер (например, Закон «Об ООО» в нормах о распределении чистой прибыли не использует слово «дивиденды», но на практике соответствующая часть прибыли ООО обозначается именно как дивиденды *по аналогии* с акционерным законом[1]). Поэтому вопросы поиска и преодоления пробелов в механизме распределения чистой прибыли могут быть рассмотрены для обеих разновидностей хозяйственных обществ совместно.

Молчание законодателя о возможности требовать принятия решения о выплате дивидендов

В России, как и в других странах, для которых характерна высокая степень концентрации корпоративной собственности, обусловленная присутствием в хозяйственном обществе крупного участника, весьма часто подтверждается гипотеза об экспроприации дохода миноритарных участников со стороны мажоритариев, имеющих и активно реализующих иные (недивидендные) способы «дотянуться» до прибыли корпорации[2]. Действительно, удержание дивидендов считается одним из известных методов «замораживания» миноритариев и отстранения их от активного корпоративного участия[3]. Соответственно, в условиях, когда миноритарии оказываются лишенными части прибыли в результате распределения мажоритариями так называемых *de facto* дивидендов (например, в виде выплаты компенсаций за исполнение обязанностей членов коллегиального органа, оплаты услуг формально неаффилированных, но фактически зависимых лиц) рыночные механизмы в составе режима дивидендов оказываются неэффективными[4], а нормативные положения – недостаточными.

Думается, что для казуального реагирования на правовую аномалию невозможности защиты разумного экономического интереса миноритарных

---

[1] Боева К. Выплата дивидендов учредителям ООО // ЭЖ-Юрист. 2017. № 19. С. 9.
[2] Crisóstomo V.L., Brandão, J.W. Ownership Concentration Affects Dividend Policy of the Brazilian Firm // Revista de Finanças Aplicadas. 2016. Vol. 7. № 3. P. 1–22.
[3] Kleinberger D.S. Why Not Good Faith? The Foibles of Fairness in the Law of Close Corporations // William Mitchell Law Review. 1990. Vol. 16. P. 1152.
[4] Sáez M, Gutiérrez M. Dividend Policy with Controlling Shareholders // Theoretical Inquiries in Law. 2015. Vol. 16 (1). P. 107–130.

акционеров, обусловленную молчанием законодателя по вопросу о возможности (или отсутствия возможности) требовать принятия решения о распределении чистой прибыли (при отсутствии объективных юридических и экономических противопоказаний к такому распределению), возможно и целесообразно прибегнуть к аналогии права. Если использовать этот правоприменительный инструмент как креативный источник определения применимого в конкретной ситуации правила поведения не по конкретным нормам (ввиду их отсутствия), а на основании принципиальных (отправных) частноправовых установок, то тогда аналогия предстанет как нечто большее, чем просто логический прием, и позволит обеспечить добросовестных участников хозяйственных обществ должным уровнем судебной защиты. В этом контексте применение судом аналогии права предполагает возложение на корпорацию обязанности делиться прибылью, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, требований добросовестности, разумности и справедливости. Иными словами, с опорой на аналогию права суды при обнаружении в действиях членов совета директоров, не рекомендующих дивиденды, либо в действиях мажоритарных акционеров, голосующих против решения о выплате дивидендов, признаков недобросовестного неразумного и несправедливого поведения (злоупотребления имеющейся у них коммерческой и юридической свободы) могут и должны ограничивать порочную экономико-правовую дискрецию органов корпоративного управления.

Важно уточнить, что речь идет не о проверке судом экономической целесообразности коммерческих решений, так как это выглядело бы как публичное вторжение во внутренние (частные) дела корпорации и противоречило бы идее о том, что пересмотр судом принятых решений о нераспределении прибыли и понуждение корпорации к выплате дивидендов невозможны при отсутствии нарушения законодательства, внутренних документов корпорации и корпоративного договора[1]. При этом едва ли вообще возможно возлагать на суд обязанность замещать роль бизнесмена и требовать от него при принятии

[1] Greenwood D.J.H. The Dividend Problem: Are Shareholders Entitled to the Residual // Journal of Corporation Law. 2006. Vol. 32. № 1. P.104–159.

юридического решения учитывать множество экономических факторов, например, как то, что корпорации в более конкурентоспособных отраслях обычно более охотно выплачивают дивиденды, чем на менее конкурентных рынках[1]. Действительно, при попытках миноритариев оспаривать принятое волей мажоритариев решения высшего органа хозяйственного общества о невыплате дивидендов как злоупотребительно нарушающего право на участие всех членов корпорации в распределении прибыли суды в подавляющем большинстве случаев отвергают такие попытки, ссылаясь на принцип автономии воли сторон и недопустимость подмены судом общего собрания участников, применяя формулировки типа «принятие решения о начислении дивидендов и их выплате является правом, но не обязанностью общества, иное … является произвольным вмешательством в частные дела участников гражданских правоотношений», «решение вопроса о распределении прибыли относится к исключительной компетенции общего собрания участников, а не суда»[2]. В результате заложенные в ст. 10 ГК РФ возможности противодействия злоупотребительному поведению мажоритариев оказываются незадействованными[3].

Напротив, речь идет о правозащитных действиях суда в условиях явной, юридически и экономически необусловленной «заморозки» либо «туннелирования» чистой прибыли в ущерб интересам конкретных (в том числе миноритарных) акционеров. Здесь можно провести аналогию с тем, как российские суды, адекватно воспринимая доктрину правила делового суждения, изначально рассчитанную на защиту (обеспечение иммунитета) директоров корпорации от последствий благоразумных, но неудачных коммерческих решений[4], все-таки распространяют «центральную» и «всепроникающую» доктрину корпоративного

---

[1] Grullon G., Larkin Y., Michaely R. Dividend Policy and Product Market Competition // SSRN Electronic Journal. 2007. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.972221.

[2] Постановление ФАС Московского округа от 25.07.2005 № КГ-А40/5293-05; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15.09.2004 № А42-4266/03-14; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.07.2014 № А32-28639/2013.

[3] Красильников М.В. Право миноритариев на дивиденд и его защита по законодательству России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 2. С. 63–67.

[4] McMillan L. The Business Judgment Rule as an Immunity Doctrine // William & Mary Business Law Review. 2013. Vol. 4. № 2. P. 521–574.

права[1] на управленческую деятельность акционеров при их манипуляциях с уставным капиталом. С одной стороны, суды воздерживаются ревизии корпоративных актов и исходят из презумпции экономической состоятельности (целесообразности, разумности) и легитимности решений общего собрания об увеличении уставного капитала, при котором вероятно уменьшение доли (относительного размера пакета акций) тех участников, которые не захотели или не смогли внести свою часть дополнительного вклада. Однако применение принципов добросовестности и разумности требует оценки судом таких управленческих решений с учетом необходимости обеспечения справедливого баланса равнозначимых и одинаково защищаемых правом интересов всех участников соответствующих корпоративных отношений. Соответственно, если истец, оспаривающий подобное решение, докажет, что его принятие не обусловлено интересами корпорации, например необходимостью привлечения средств для осуществления конкретной деятельности, и приведет к уменьшению доли участников, несогласных с таким увеличением уставного капитала, то такое решение может быть признано судом недействительным[2]. Представляется совершенно логичным, что с учетом принципа правовой универсальности, требующего разрешать схожие дела аналогичным образом[3], судам следует аналогично подходить к оценке оспаривания решений о невыплате дивидендов.

Имеются немногочисленные случаи, когда суды отклоняются от общепринятого воздержания от коррекции подавления мажоритариями воли миноритарных участников по вопросу о распределении прибыли общества, а указывают не недопустимость извлечения преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ) и признают недействительными решения о невыплате определенных уставом дивидендов по привилегированным акциям[4]. Можно признать удачной оценку таких случаев по аналогии с зеркальной

---

[1] Bainbridge S.M. The Business Judgment Rule as Abstention Doctrine // Vanderbilt Law Review. 2004. Vol. 75. № 1. P. 83–130.

[2] Пункт 12 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах», утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019.

[3] Maris C.W. Milking the Meter. Legal Knowledge and Analogy / Ed. by P.J. Nerhot. Kluwer Academic Publishers. Dordrecht, Netherlands. 1991. P. 73, 74.

[4] Постановление АС Поволжского округа от 16.02.2018 № А57-22638/2016; Постановление АС Волго-Вятского

квалификацией решений о выплате вознаграждения менеджерам корпорации при недостижении оговоренных ключевых показателей эффективности[1], но едва ли стоит ограничивать подобную практику исключительно ситуациями, когда невыплата дивидендов затрагивает только владельцев привилегированных акций.

Конечно, предоставление казуальной возможности судам разбираться со злоупотреблениями правами акционеров обеспечивает далеко не идеальную защиту от таких злоупотреблений, поскольку исход каждого конкретного судебного разбирательства всегда неопределен[2]. Более того, как уже неоднократно подчеркивалось использование аналогии права в принятии юридических решений само по себе сопряжено с серьезным элементом дискреции правоприменителя, что иногда позволяет определять соответствующие аналогические рассуждения суда как «маску» для непризнанного судебного правотворчества[3]. Однако в первую очередь аналогию права следует ассоциировать нравственными ценностями, аксиологией[4] и необходимостью обеспечения внутренней согласованности правовой системы[5], а в рассматриваемом контексте – как механизм обеспечения определяющей роли принципа добросовестности в корпоративном праве[6].

Именно такой судебный активизм будет соответствовать обнаруженной тенденции справедливого замещения фактов притеснения обладателей долей корпоративного участия в их корпоративной власти повышенными гарантиями выплаты дивидендов[7]. При этом для повышения степени определенности судебной практики и предсказуемости судебных актов в рассматриваемом аспекте возможно в очередной раз прибегнуть к легальной аналогии, которая в целом содействует

округа от 21.02.2020 № А28-10586/2018.

[1] Степанов Д.И. Опасность контрмажоритаризма при оспаривании корпоративных решений // Закон. 2020. № 12. С. 154–188.

[2] Conac Pierre-Henri. The Shareholders' Duty Not to Abuse Rights. Nordic & European Company Law Working Paper № 18-06. 2017. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3123001.

[3] Schauer F., Spellman B.A. Analogy, Expertise, and Experience // University of Chicago Law Review. 2017. Vol. 84. № 1. P. 249–268.

[4] Коблева М.М., Лусегенова З.С. О роли нравственности в современном цивилистическом процессе (аксиологический подход) // Мировой судья. 2024. № 1. С. 28–33.

[5] Koszowski M. Analogical Reasoning in Statutory Law // Journal of Forensic Research. 2017. Vol. 8. P. 1–10.

[6] Strine L., Hamermesh, L.A., Balotti R.F., Gorris, J.M. Loyalty's Core Demand: The Defining Role of Good Faith in Corporation Law // Georgetown Law Journal. 2009. Vol. 93. P. 629.

[7] Jiraporn P., Ning Y. Dividend Policy, Shareholder Rights, and Corporate Governance. Journal of Applied Finance. 2006. Vol. 16. URL: http://10.2139/ssrn.931290.

воспроизводимости путей достижения юридической цели и, следовательно, предсказуемости правового планирования, а именно – *mutatis mutandis* использовать наработки, сделанные ВАС РФ по вопросам возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица[1] и при оценке разумности и добросовестности поведения мажоритарных участников хозяйственных обществ исходить из того, что:

- истец (миноритарный акционер) должен доказать наличие обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) ответчика (мажоритария), повлекших неблагоприятные последствия (заморозку чистой прибыли, ее ненадлежащее использование);
- если истец представил свидетельства необоснованности удержании дивидендов (туннелирования чистой прибыли, санкционирования выплаты *de facto* дивидендов) ответчик может дать пояснения относительно своих действий (бездействия) и указать на разумные причины голосования по вопросу о нераспределении чистой прибыли (как то: неблагоприятная рыночная конъюнктура, необходимость аккумулирования резервов и др.);
- в случае отказа ответчика от дачи пояснений или их неполноты, если суд сочтет такое поведение недобросовестным, бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в добросовестно и разумно может быть возложено на ответчика.

Последовательное применение данных условий ограничит дискрецию судов при применении аналогии права в разрешении споров о праве на дивиденды и выступит практическим подтверждением второй из выдвинутых гипотез.

Неопределенность закона по вопросу о допустимости добровольной отмены принятого решения о выплате дивидендов

К проблеме неопределенности объема права участников хозяйственных обществ на дивиденды при принятии решения о распределении прибыли примыкает вопрос о возможности или недопустимости самоотмены такого

[1] Постановление Пленума от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. 2013. № 31.

решения, что вызывает значительное число споров: как сами дивиденды сигнализируют о конфликте между крупным владельцем, контролирующим компанию, и мелкими акционерами, так и объявления об изменении (отмене) дивидендов предоставляют новую информацию об этом конфликте[1].

В судебной практике и в доктрине единообразный подход к преодолению указанного пробела не сложился. В одних случаях суды признают за общим собранием право отменять ранее принятые решения. Так, суд не усмотрел в действиях общества и его участников, отменивших принятое несколько лет назад решение о распределении прибыли, наличия признаков злоупотребления правом, и признал самоотмену допустимой[2]. В схожем деле суд отказал в требовании о признании недействительным решения общего собрания об отмене принятого решения о выплате дивидендов, отвергнув доводы об отсутствии у общего собрания права отменять собственные акты и пояснив, что ни в законе, ни уставе конкретного общества не содержится каких-либо запретов и ограничений на принятие подобных (отменительных) решений[3]. Сделав аналогичный вывод, в дополнение к аргументу об отсутствии общего запрета суд обратил внимание, что в рассматриваемом случае акт отмены не повлек возникновение, изменение или прекращение правоотношений общества со сторонними лицами[4].

Существование практики допущения самоотмены (признания непринятыми) решений собраний не только по вопросу о распределении прибыли, но и по другим вопросам компетенции высшего органа корпорации[5], позволяет некоторым авторам и осторожно допускать[6], и с абсолютной уверенностью подтверждать фактическое действие в российском правопорядке института отмены решений собраний, нормативную основу которого составляет принцип автономии воли[7].

---

[1] Gugler K.P., Yurtoglu B.B. Corporate Governance and Dividend Pay-Out Policy in Germany // European Economic Review. 2003. Vol. 47. P. 731–758.

[2] Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 19.12.2011 № А33-3714/2011.

[3] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 16.07.2013 № А44-4169/2012.

[4] Постановление АС Центрального округа от 23.01.2017 № А36-2894/2016.

[5] Постановление АС Северо-Западного округа от 12.03.2019 № А56-35375/2018; Постановление АС Западно-Сибирского округа от 17.06.2020 № А27-16556/2019.

[6] Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 172–191.

[7] Чердинцева И.Г. Свобода при распределении компетенции между органами управления непубличных обществ (п.

При этом, если с учетом признаваемой в науке схожести и допустимости аналогии правового режима решений собраний и сделок[1] обратиться к проблеме отмены односторонних сделок, можно обнаружить мнение, что основные начала гражданского законодательства позволяют отменять совершенные односторонние сделки даже при отсутствии специальной законодательной санкции на такую отмену[2], что через обращение к ст. 6 ГК РФ усиливает изложенную судебную и доктринальную позиции. Более того, вполне возможно провести аналогию и с одобряемым в науке концептом принципиальной допустимости отзыва согласия частного лица на совершение сделки[3], легализованным в п. 57 Постановления № 25 с опорой на правила об отзыве акцепта и аналогию закона (п. 1 ст. 6, ст. 439 ГК РФ).

При рассмотрении аналогичных споров суды приходят и к противоположному выводу, отрицая возможность восстановления объявленных дивидендов в составе чистой прибыли путем отмены состоявшегося решения об их выплате: после принятия решения о выплате дивидендов общество считается объявившим их и с этого момента право общества переходит в обязанность перед своими акционерами (участниками), в силу чего произвольная отмена ранее принятого решения недопустима[4]. В иной схожей ситуации суд более широко и емко указал, что законодательство не содержит положений, наделяющих общее собрание полномочиями отменять ранее принятые им решения и подобная самоотмена неправомерна, поскольку иное могло бы породить правовую неопределенность не только для действующих участников общества, участников, утративших подобный статус в силу разных причин, но и для неопределенного круга лиц, которые вступают во взаимодействие с соответствующим обществом[5].

Подобный подход также находит научную поддержку, объясняемую тем, что принятие решения о распределении прибыли само по себе порождает

---

3 ст. 66.3 ГК РФ) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 2. С. 93–114.

[1] Рыженков А.Я. Решения собраний как юридический факт в предпринимательском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 62–66.

[2] Рзянин О.Э. Отмена односторонних сделок и волеизъявлений в нотариальной практике // Нотариальный вестникъ. 2016. № 10. С. 30–35.

[3] Поваров Ю.С. Отзыв согласия частного лица на совершение сделки: условия и порядок // Гражданское право. 2018. № 3. С. 7–10.

[4] Постановление ФАС Дальневосточного округа от 20.03.2012 № А51-6214/2011.

[5] Постановление АС Московского округа от 13.04.2016 № А40-80953/2015.

обязательство, в котором общество выступает должником, а его участники становятся кредиторами, наделенными правами требования, и соответственно, последующая односторонняя отмена обществом принятого решения вступила бы в противоречие с положениями ст. 310 и 407 ГК РФ[1]. В качестве дополнительной аргументации вывода о недопустимости самоотмены хозяйственным обществом решения о выплате дивидендов не исключен вывод, основанный на рассуждении, противоположном аналогии: если законодатель в качестве исключения специальным образом наделяет высший орган корпорации правом отменить ранее принятое решение (например, о ликвидации общества), то *a contrario* во всех иных случаях подобное право отсутствует, а норма об его установлении к иным решениям неприменима.

Думается, что для преодоления данной неопределенности наиболее адекватным может стать основанный на аналогии компромиссный подход. При отсутствии нормативного дозволения или запрета в отношении самоотмены решений общих собраний кредиторов в делах о банкротстве ВС РФ сформулировал конструкт, который вполне применим к решению проблемы самоотмены решений высшего органа хозяйственных обществ: такая отмена допустима при условии, что в ней отсутствуют признаки злоупотребления правом и что она совершена до момента, пока отмененное решение не начало влиять на права и законные интересы внешних по отношению к участникам собрания лиц[2]. Действительно, некоторые суды обратили внимание на схожесть правоотношений, связанных с отменой решений указанных гражданско-правовых сообществ, и на отсутствие банкротной специфики приведенной позиции[3]. Поскольку решение общего собрания участников о выплате дивидендов вызывает юридические последствия непосредственно с момента его принятия, аналогическое применение приведенной судебной позиции позволяет сделать вывод, что по общему правилу даже при

---

[1] Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Т. 1. 622 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Пункт 3 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом ВС РФ 26.12.2018 // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 8.

[3] Постановление АС Уральского округа от 06.12.2021 № А76-48638/2020.

отсутствии в намерениях участников собрания признаков злоупотребления правом отмена принятого решения о выплате дивидендов недопустима. Вместе с тем, соглашаясь, что в конечном счете ключевую роль в формировании дивидендной политики играет структура корпоративной собственности[1], следует уточнить, что отменить ранее принятое решение о распределении прибыли все-таки возможно, если акт отмены единогласно совершают все участники общества, которые на основании отменяемого решения ранее обрели право получить дивиденды.

Пробел в установлении границ свободы определения периодичности и сроков выплаты дивидендов

В ст. 28 Закона «Об ООО», как и в ст. 42 Закона «Об АО», закрепляющих право хозяйственных обществ принимать решение о распределении своей чистой прибыли между участниками общества (принимать решения (объявлять) о выплате дивидендов по размещенным акциям), сделано указание, что принятие подобных решений возможно «ежеквартально, раз в полгода или раз в год». Одновременно эти законы определяют, что срок выплаты дивидендов акционерам не должен превышать 25 рабочих дней с даты, на которую определяются лица, имеющие право на получение дивидендов, а срок выплаты части распределенной прибыли обществ с ограниченной ответственностью не должен превышать 60 дней со дня принятия решения о распределении прибыли.

Данные правила, сформулированные без каких-либо оговорок, не позволяют четко ответить на вопрос о возможности распределения чистой прибыли, формируемой в течение менее продолжительных отрезков времени (например, ежемесячно, еженедельно, ежесуточно). Остается открытым и вопрос, вправе ли корпорация на уровне устава либо в отдельном корпоративном решении о распределении прибыли установить иные (более продолжительные) сроки фактической выплаты объявленных дивидендов.

Большинство правоведов толкуют закон так, что участники хозяйственных обществ не могут принимать решение о распределении чистой прибыли чаще

[1] Roberts M.R., Michaely R. Corporate Dividend Policies: Lessons from Private Firms. Ssrn working paper № 927802. 2011. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.927802.

одного раза в квартал[1], а обход этого запрета путем выдачи акционерам в течение квартала беспроцентных займов с последующим зачетом встречных требований о выплате квартальных дивидендов чреват негативными налоговыми последствиями[2]. Некоторые суды, квалифицируя ежемесячное распределение дивидендов в качестве фактической выплаты заработной платы (предполагающей иной режим налогообложения), подчеркивают, что закон допускает установление иного (в зравнении с пропорциональностью) *порядка* распределения дивидендов, но не изменение периодичности распределения чистой прибыли[3].

Аналогичным образом констатация императивного характера вышеуказанных дефолтных норм-сроков[4] заставляет некоторых правоведов безоговорочно отрицать возможность изменения сроков выплаты объявленных дивидендов и квалифицировать положения уставов обществ, содержащих увеличенные сроки, как ничтожные[5].

Представляется, что на основании аналогии права преодолевать указанную неопределенность следует более гибко. Так, ограничение периодичности принятия решений о выплате дивидендов можно оправдать и принять лишь в том аспекте, в каком оно препятствует распределению под видом дивидендов имущества (доходов), которые еще не являют собой сформированную чистую прибыль. В подобном смысле суды действительно акцентируют внимание, что акт распределения будущей прибыли не может признаваться решением о выплате дивидендов, поскольку «возможность распределения дохода от отдельной (единичной) хозяйственной операции законом не допускается»[6]. Однако, если учесть допустимость выплаты дивидендов за счет нераспределенной чистой прибыли прошлых лет[7] в отношении экономического и правового статуса которой

---

[1] Боева К. Выплата дивидендов учредителям ООО // ЭЖ-Юрист. 2017. № 19. С. 9.
[2] Кравченко И.В. Зачет дивидендов в счет долга по займу порой дело рисковое // Главная книга. 2022. № 10. С. 25–27.
[3] Постановление АС Поволжского округа от 13.04.2016 № Ф06-7195/2016.
[4] Григорьева Т.А., Кулахметов Ш.Б. Косвенный иск как процессуальное средство защиты права акционеров на дивиденды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 40–45.
[5] Краецкая Е. Когда АО может не платить дивиденды? // Юридический справочник руководителя. 2022. № 6. С. 35–43.
[6] Постановление АС Центрального округа от 29.01.2018 № Ф10-5610/2016.
[7] Письмо Минфина России от 20.03.2012 № 03-03-06/1/133; Постановление АС Северо-Кавказского округа от 14.10.2016 № Ф08-7341/2016.

сомнения отсутствуют, и признать наличие технической возможности определения размера промежуточной чистой прибыли, сформированной за любой отчетный период, то напрашивается вывод, что при наличии чистой прибыли ее распределение возможно с любой периодичностью. Данному выводу коррелирует новое разъяснение финансового ведомства, согласно которому в случаях, когда размер чистой прибыли по данным годовой отчетности, окажется меньше величины промежуточных дивидендов, распределенных и выплаченных на основании соответствующих решений, принятых в соответствии с данными промежуточной отчетности, не изменяет экономическую квалификацию произведенных промежуточных выплат именно в качестве дивидендов[1].

В целом, как можно установить правильное понимание судами сути вопроса, главное условие для квалификации конкретной выплаты именно в качестве дивиденда состоит в наличии чистой прибыли, за счет которой соответствующая выплата производится. В частности, при отсутствии в п. 1 ст. 28 Закона «Об ООО» упоминания (аналогичного п. 1 ст. 48 Закона «Об АО») о возможности передачи участнику дивидендов в натуральной форме (имуществом) суды, несмотря на возражения некоторых экспертов, отрицающих допустимость аналогии при решении вопросов выплаты дивидендов участников данных самостоятельных видов обществ[2], признают выплату дивидендов имуществом правомерной[3].

В свою очередь, ограничение максимальной отсрочки исполнения обязанности по перечислению объявленных дивидендов явно нацелено на защиту дивидендных прав миноритарных акционеров[4], а потому не может восприниматься однозначно и безоговорочно. Если абсолютно все участники конкретного общества, осознавая объективные трудности менеджмента в привлечении оборотных средств, намерены помочь собственной корпорации и предоставить льготные сроки выплаты, то такое их намерение должно свете основных начал

[1] Письмо Минфина России от 15.10.2020 № 03-03-10/90152.
[2] Воробьева О.Ю. Выплата дивидендов путем передачи недвижимости // Налог на прибыль: учет доходов и расходов. 2021. № 8. С. 46–50.
[3] Постановление Третьего ААС от 26.01.2021 № А33-21086/2020.
[4] Хузин И.И. Охрана интересов миноритарных участников хозяйственных обществ при распределении прибыли (выплате дивидендов) // Современное право. 2012. № 10. С. 60–65.

гражданского законодательства рассматриваться как разумное и добросовестное.

Наконец, оценивая возникшую правовую неопределенность через анализ отмеченных законодательных норм, представляется возможным по аналогии обратиться к разъяснениям, сформулированным в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» об императивности либо диспозитивности норм договорного права:

- норма императивна, если содержит явно выраженный запрет на согласование иного (нежели это предусмотрено данной нормой) условия договора;
- при отсутствии в норме явного запрета установить иное, она императивна, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов, недопущения нарушения баланса интересов сторон либо если императивность нормы вытекает из существа данного договора.

Аналогическое применение данных разъяснений к нормам, определяющим периодичность и временные рамки выплаты объявленных дивидендов показывает, что при отсутствии явно выраженных запретов на кастомизацию этих положений (установление более коротких отчетных периодов для целей расчета и распределения чистой прибыли, удлинение сроков осуществления дивидендных платежей) их следует считать диспозитивными до тех пор, пока это не нарушает баланса интересов корпорации, ее участников, менеджмента и кредиторов.

Можно заключить, что в целях оперативного преодоления неопределенности в правовом режиме дивидендов хозяйственных обществ возможно и необходимо не бояться упреков в излишней либерализации и диспозитивности содержания корпоративно-правового регулирования[1], а активно использовать аналогию права. Это позволит не только противодействовать недобросовестной и несправедливой практике заморозки чистой прибыли в ущерб отдельным участникам (акционерам), сбалансировать частные интересы корпорации, ее отдельных мажоритариев и миноритариев, членов органов управления и контрагентов, но и повысить недостаточную степень свободы по определению частоты (периодичности)

[1] Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: понятие и природа // Юрист. 2014. № 20. С. 5–13.

объявления дивидендов и обеспечить гибкость механизма установления сроков их фактической выплаты. Последовательное обращение судов к аналогии права и сопряженное с этим прямое применение гражданско-правовых начал позволит выработать предложения по нормативной ликвидации обозначенных пробелов.

Вместе с тем, принимая во внимание, что точные правила все-таки более последовательно и четко регулируют конкретные ситуации, чем общие принципы[1], уже сейчас на уровне Кодексе корпоративного управления было бы целесообразно заменить рекомендацию не принимать решение о выплате дивидендов, если такое решение, формально не нарушая ограничений, установленных законодательством, является экономически необоснованным и может привести к формированию ложных представлений о деятельности корпорации (п. 1.2.2) на рекомендацию обеспечивать справедливую возможность каждого акционера настаивать на распределении прибыли посредством выплаты дивидендов при отсутствии к тому объективных юридических и экономических противопоказаний. Такая рекомендация соответствовала бы указанию Банка России раскрывать не только решения, связанные с распределением чистой прибыли, но и подробные обоснования причин их принятия[2].

§ 5. Аналогия в правовом регулировании порядка подтверждения корпоративных решений

Согласно п. 3 ст. 181.2 ГК РФ о принятии решения собрания гражданско-правового сообщества в письменной форме составляется протокол, который должен быть подписан председательствующим на собрании и секретарем собрания[3]. При этом в силу п. 1 ст. 181.1 ГК РФ правила гл. 9.1 ГК РФ, включая указанное предписание об оформлении протокола, применяются, если законом или

[1] Braithwaite J. Rules and Principles: A Theory of Legal Certainty // Australian Journal of Legal Philosophy. 2002. Vol. 27. P. 47–82.
[2] Письмо Банка России от 08.02.2024 № ИН-02-28/9.
[3] Об институте протоколирования ходе и результатах голосования участников гражданско-правового сообщества см.: Поваров Ю.С. Протокол и иные способы подтверждения проведения заседания и (или) результатов голосования участников гражданско-правового сообщества // Нотариус. 2021. № 7. С. 7–11.

в установленном им порядке не предусмотрено иное.

Ввиду особой роли общего собрания участников как высшего органа, формирование которого выступает конституирующей чертой корпоративных юридических лиц[1], учитывая, что к исключительной компетенции этого органа отнесено принятие решений по вопросам, имеющим для корпорации стратегическое значение, в отношении актов общих собраний участников непубличных хозяйственных обществ такое иное требование установлено в п. 3 ст. 67.1 ГК РФ: принятие общим собранием участников общества решения и состав участников общества, присутствовавших при его принятии, подтверждаются путем нотариального удостоверения.

Поскольку центральная функция нотариата состоит в обеспечении юридической безопасности участников гражданского оборота путем создания квалифицированных письменных документов, обладающих повышенной доказательственной силой[2], их презюмируемой достоверностью и законностью[3], идею привлечения нотариусов к охране корпоративных прав при принятии решений собраний участников хозяйственных обществ можно поддержать.

Многие одобряют расширение компетенции нотариусов в содействии в осуществлению корпоративных прав и фиксации корпоративных актов, называя соответствующее требование позитивным, продиктованным реальными потребностями оборота и судебной практики[4], вопринимая его как ответ на многочисленные факты различных злоупотреблений в области корпоративных правоотношений, выражающихся, в частности, в фальсификации протоколов общих собраний[5], что поспособствует более надежной защите интересов участников общества, а также минимизации количества исков, связанных с

---

[1] Микрюков В.А. Формирование высшего органа управления корпорации // Законодательство и экономика. 2015. № 4. С. 19–25.

[2] Ярков В.В. Эволюция роли нотариуса в современном мире: взаимоотношения с обществом и государством // Закон. 2012. № 5. С. 111–118.

[3] Абрамова Е.Н. К вопросу о нотариальном удостоверении решения собрания юридического лица // Нотариус. 2018. № 6. С. 12–17.

[4] Серова О.А. Изменение общих положений гражданского законодательства о юридических лицах // Гражданское право. 2011. № 1. С. 12–16.

[5] Бакаева И.В. Подтверждение решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 23–28.

защитой их прав[1]. В рассматриваемом механизме усматривается элемент компенсации отсутствия в хозяйственных обществах надлежащего внутреннего контроля за действиями их органов управления[2]. Отмечается также соответствие нового законодательного подхода к роли нотариусов в корпоративных процедурах положительному опыту зарубежных законодателей[3].

Важно понимать: несмотря на то, что законодатель прямо не квалифицирует нотариальное подтверждение факта принятия общим собранием решения и фиксацию нотариусом перечня участвовавших в его принятии лиц, в качестве придания данному корпоративному акту нотариальной формы, нотариус, совершая соответствующее действие, отнюдь не ограничивается фиксацией факта формирования единой корпоративной воли (и участия в ее формировании конкретных персоналий), как это считают некоторые авторы[4], а проверяет законность принятого собранием решения. Неслучайно ст. 103.10. Основ законодательства РФ о нотариате, призванная определить сущность и процедуру нотариального действия по подтверждению указанных фактов, именуется «Удостоверение решения органа управления юридического лица» и предписывает нотариусу, в частности, проверять правоспособность юридического лица, определять компетенцию органа управления в части принятия решения, проверять наличие кворума на собрании и на основании подсчета голосов фиксировать наличие необходимого количества голосов для принятия решения в соответствии с законодательством и учредительными документами, проверять учредительные, внутренние и иные имеющие отношение к проведению собрания документы, устанавливать личность, полномочия и право на участие в собрании каждого присутствовавшего лица.

Такое наполнение сути удостоверительного действия нотариуса в отношении

---

[1] Филиппова О.С. Последствия заключения сделок, основанных на недействительных решениях собраний корпораций // Право и экономика. 2014. № 5. С. 44–47.

[2] Илюшина М.Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 26–32.

[3] Арсланов К.М. О роли нотариального удостоверения в корпоративных юридических процедурах на примере ГмбХ // Нотариус. 2015. № 4. С. 40–44.

[4] Артемьева Н.В. Принятие решений общим собранием участников общества с ограниченной ответственностью об увеличении уставного капитала // Нотариальный вестникъ. 2016. № 2. С. 12–22.

корпоративных актов делает требование о нотариальном удостоверении решений собраний реально эффективным инструментом охраны прав и законных интересов участников хозяйственных обществ, самих обществ и третьих лиц. При этом участие нотариуса в подтверждении волеизъявления участников повышает степень достоверности ЕГРЮЛ, когда корпоративные решения являются необходимыми юридическими фактами для внесения в него соответствующих сведений[1]. В целом допустимо согласиться с тем, что расширение компетенции нотариусов в обеспечении прав и законных интересов субъектов корпоративных правоотношений является одним из значимых положительных результатов современной реформы отечественного гражданского законодательства[2].

Вместе с тем едва ли можно отрицать наличие и негативной стороны данной новеллы. Расширение палитры способов охраны корпоративных прав участников хозяйственных обществ устанавливает вполне очевидные новые границы их осуществления: появляется дополнительное организационное и финансовое бремя, возникают поводы к злоупотреблению правом на созыв собраний, создается дополнительный канал неправомерного распространения конфиденциальной коммерческой информации. На практике нотариусы фактически могут прямо диктовать клиентам условия по протоколам собраний, торопить участников принимать решения и таким образом косвенно влиять на проведение собраний[3].

Проблему представляет и то, что законодатель не определил сущность акта подтверждения корпоративных решений (неясно, следует ли говорить об установлении дополнительного элемента формы протоколов собраний либо о признании состоявшимися надлежаще оформленных решений только после их дополнительного подтверждения) и оставил без ответа вопросы о последствиях игнорирования требования о подтверждении.

Пределы аналогии при определении последствий нарушения требования о подтверждении решений общих собраний хозяйственных обществ

---

[1] Яценко Т.С. Значение нотариального удостоверения корпоративных решений в системе гражданско-правовых мер охраны публичных интересов // Нотариус. 2014. № 7. С. 27–30.

[2] Меньшикова В.А. Нотариальная защита корпоративных правоотношений // Юстиция. 2017. № 1. С. 79–82.

[3] Логвиненко М. Пособие для нотариусов по удостоверению протоколов общих собраний участников и акционеров // Административное право. 2014. № 3. С. 65–67.

Целесообразность обращения в рассматриваемой ситуации к аналогии предопределена хотя бы тем, что уже до включения в ГК РФ гл. 9.1. «Решения собраний», несмотря на в целом четкое разграничение решений собраний и сделок в доктрине[1] и в судебных решениях[2], основе понимания решений как «сделкоподобных» фактов[3] была накоплена правоприменительная практика, допускавшая применение по аналогии к решениям собраний норм о сделках[4], в том числе о ничтожности и оспоримости последних[5]. При этом, как подчеркнула В.В. Долинская, наиболее ярко общность черт правового режима сделок и решений собраний проявляется именно в правовых последствиях порока условий их действительности[6]. Сами новые нормы о решениях собраний, предусматривающие презумпцию оспоримости порочных решений и устанавливающие перечень оснований их ничтожности, явно построены по аналогии с соответствующими нормами о сделках. Фактически основные положения о недействительности сделок экстраполированы на решения собраний[7]. Более того, и после квалификации на уровне ГК РФ решений собраний в качестве особого юридического факта наряду со сделками в доктрине высказывается позиция о принципиально единой природе решений собраний и сделок[8].

---

[1] Ганижев А.Я. Правовая природа и виды решения общего собрания хозяйственного общества // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 112–120; Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М.: Статут, 2005. С. 156, 157.

[2] См., к примеру, Определение ВАС РФ от 28.10.2008 № 13377/08, в котором указано: «принятие акционерами решения об увеличении уставного капитала общества путем размещения дополнительных акций не является сделкой», или Постановление Шестого ААС от 09.10.2012 № А04-4080/2012, где суд заключил: «общее собрание участников общества как высший орган управления обществом не является субъектом гражданских правоотношений, в связи с чем решение общего собрания участников хотя и может устанавливать, изменять или прекращать гражданские права и обязанности, но по своей сути является не сделкой, а распорядительным актом органа управления юридического лица».

[3] Родионова О.М. О правовой природе решений собраний и их недействительности в германском и российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2012. № 5. С. 66–93.

[4] Так, В.А. Лаптев признает аналогию закона необходимой для эффективной защиты корпоративных прав и приводит конкретные примеры «вынужденных» актов, принятых с использованием аналогии положений о сделках в корпоративных отношениях (см.: Лаптев В.А. Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. 2016. № 2. С. 30–37).

[5] Это, в частности, следует из п. 9 утратившего силу Постановления Пленума ВС РФ № 4, Пленума ВАС РФ № 8 от 02.04.1997 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник ВАС РФ. № 6. 1997; вытекает из п. 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах».

[6] Долинская В.В. Собрания и их решения в гражданском праве и праве корпораций // Власть Закона. 2014. № 3. С. 15–24.

[7] Харитонова Ю.С. Недействительность решений собраний и сделок: точки пересечения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 24–26.

[8] Кузнецов А.А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-

Исходя из изложенного, неудивительно, что Пленум ВС РФ в Постановлении № 25 с опорой на сходство правового режима решений собраний и сделок предписал преодолевать пробелы, не устраненные принятием гл. 9.1. ГК РФ, посредством аналогии. В частности, согласно п. 112 Постановления срок исковой давности для признания ничтожного решения собрания недействительным исчисляется по аналогии с правилами п. 5 ст. 181.4 ГК РФ. Далее, проводя аналогию с последствиями недействительности части сделки (ст. 180 ГК РФ), Пленум указал, что решение собрания может быть признано недействительным в части, если будет доказано, что оно могло бы быть принято и без включения в него недействительного элемента (п. 110 Постановления № 25). В п. 114 Пленум разъяснил, что в силу п. 6 ст. 181.4 ГК РФ и аналогии закона лицо, оспаривающее решение собрания, должно письменно уведомить участников гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с таким иском в суд и предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу, как при оспоримости, так и при ничтожности решения.

В аспекте рассматриваемой проблемы важно то, что поскольку закон прямо не закрепил последствия такого дефекта корпоративных решений очных собраний хозяйственных обществ как отсутствие необходимого квалифицированного подтверждения и установленный в ст. 181.5. ГК РФ исчерпывающий перечень оснований ничтожности решений собраний не охватил случаи нарушения п. 3 ст. 67.1. ГК РФ, ВС РФ в п. 107 Постановления № 25 заявил о ничтожности не подтвержденных соответствующим образом решений «применительно к п. 3 ст. 163 ГК РФ». Примечательно, что Пленум прямо не упомянул аналогию закона и не сослался на ст. 6 ГК РФ, что вызвало в науке критику («По смыслу абз. 2 п. 1 ст. 181.3 ГК РФ решение собрания, нарушающее требования закона, по общему правилу является оспоримым, если из закона прямо не следует, что решение ничтожно. Следовательно, решение общего собрания может быть признано ничтожным только тогда, когда это прямо предусмотрено в законе … признание судами ничтожными таких решений будет противоречить требованиям указанной

24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 4–24.

нормы … п. 3 ст. 163 ГК РФ никоим образом не отменяет этот вывод, поскольку распространяет свое действие на сделки, а не на корпоративные решения[1]) и недоумение («Было бы понятно, если бы там было написано «являются ничтожными по п. 3 ст. 163», «в соответствии с п. 3 ст. 163» или «на основании п. 3 ст. 163». Но что означает выражение «применительно к п. 3 ст. 163»? Как это – являться ничтожным «применительно» к какой-либо норме Кодекса?»[2]). Думается, что использование такого оборота неслучайно. Он подчеркивает, что здесь речь не идет ни о приравнивании неподтвержденных решений собраний к нотариально не удостоверенным сделкам, ни о расширительном толковании абз. 2 п. 1 ст. 181.3 и ст. 181.5. ГК РФ, а проводится аналогия закона[3]. При этом понимание несовпадения юридической сущности решений собраний и сделок заставило Пленум уточнить, что к решениям собраний участников хозяйственных обществ не применяются положения п. 1 ст. 165 ГК РФ о праве суда восполнить отсутствующеее нотариальное удостоверение сделки.

Позиция о ничтожности решений собраний, не подтвержденных по правилам п. 3 ст. 67.1. ГК РФ, через аналогию с ничтожностью сделок, неправомерно не облеченных в нотариальную форму, приводит к мысли, что Пленум не ограничился констатацией сходства общего режима решений собраний и сделок, а провел более глубокую аналогию, сравнив квалифицированное подтверждение корпоративных решений с нотариальным удостоверением сделок. Иными словами, Пленум сделал вывод об аналогичности существа нотариального оформления волеизъявления сторон сделок и акта усиления доказательственного значения протоколов собраний участников хозяйственных обществ. Этот вывод привел к тому, что появились решения, в которых суды констатировали ничтожность корпоративных решений на том основании, что вопреки п. 3 ст. 67.1. ГК РФ таковые не были нотариально

---

[1] Алланина Л.М. К проблеме удостоверения решений в свете разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 12. С. 52–56.

[2] Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 53–90.

[3] Таким же образом, к примеру, было сформулировано указание об использовании нормы ст. 333 ГК РФ применительно (т.е. по аналогии) к уменьшению процентов за пользование чужими денежными средствами (см. ныне утративший силу п. 7 Постановления Пленума ВС РФ № 13, Пленума ВАС РФ № 14 от 08.10.1998 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами»).

удостоверены[1]. По существу, суды стали приравнивать процедуру подтверждения решений общих собраний участников хозяйственных обществ к приданию фиксирующим эти решения протоколам нотариальной формы.

Приведенный подход дает четкий ответ на вопрос о последствиях нарушения требования о подтверждении корпоративных решений, причем судам для нормативного обоснования вывода о ничтожности неподтвержденного решения оказывается достаточным сослаться на п. 107 Постановления № 25, не вдаваясь в тонкости использования аналогии. Однако едва ли можно принять сформулированный Пленумом правовой конструкт безоговорочно.

Во-первых, видится, что Пленум в очередной раз выполнил конституционно не закрепленную за ним законотворческую функцию, по существу расширив содержащийся в ст. 181.5. ГК РФ исчерпывающий законный перечень оснований ничтожности решений собраний. При этом, если в некоторых случаях, в том числе касающихся института недействительности сделок, подобная квазинормотворческая, осуществляемая посредством аналогии, деятельность судов может быть с политико-правовой точки зрения оправдана как направленная на поддержание стабильности обязательств[2], то в рассматриваемых обстоятельствах примененная Пленумом аналогия неправомерна вдвойне, поскольку нацелена не на сохранение, а на разрушение правовых связей и может не сопрягаться с защитой чьих-либо частных интересов. Так, легко представить ситуацию, когда на общем собрании присутствовали все участники, за принятие решения о выплате дивидендов проголосовали все участники, протокол подписан также всеми участниками, но ни само решение, ни состав присутствовавших при его принятии лиц не подтверждены в установленном п. 3 ст. 67.1. ГК РФ порядке. Представляется очевидным, что в такой ситуации признание принятого решения

[1] См., в частности: Постановление АС Уральского округа от 06.05.2021 № А60-36732/2020; Постановление АС Волго-Вятского округа от 20.03.2019 № А43-18690/2018; Постановление АС Московского округа от 17.11.2021 № А41-82720/2020.

[2] Например, когда суды сформулировали позицию о возможности использования правила п. 2 ст. 172 ГК РФ по аналогии для признания действительными незаконных сделок несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, если такие сделки совершены к выгоде несовершеннолетнего (см.: Обзор Кемеровского областного суда от 01.12.2004 № 01-19/130). Такая возможность ныне отмечается в «Методических рекомендациях по вопросам выдачи органами опеки и попечительства предварительных разрешений на осуществление имущественных прав ребенка» (Письмо Минпросвещения России от 23.12.2021 № 07-7890).

ничтожным не имеет никаких политико-правовых оправданий. Можно согласиться и с тем, что обоснованность такого жесткого подхода Пленума сомнительна как несправедливо возлагающая на добросовестных участников отрицательные последствия необеспечения исполнительным органом присутствия нотариуса[1].

Во-вторых, законодатель недвусмысленно указал на необходимость лишь специального подтверждения факта принятия корпоративных решений общего собрания участников и особого закрепления перечня участвовавших в их принятии лиц, но не предписывал нотариального удостоверения протоколов собраний. Сообразно этому, несмотря на то, что соответствующее нотариальное действие не ограничивается одной лишь фиксацией фактов, а предполагает проверку и констатацию некоторых аспектов законности принятого собранием решения (в силу ст. 103.10. Основ нотариус отказывает в удостоверении факта принятия решения, ничтожность которого для него очевидна), нотариус не участвует в придании решению надлежащей формы, не проверяет соблюдение порядка созыва собрания или заседания органа управления юридического лица и не объективизирует согласованную корпоративную волю. Напротив, ст. 103.10 Основ предписывает нотариусу, присутствовавшему на собрании коллегиального корпоративного органа, лишь выдавать «свидетельство об удостоверении факта принятия решения органом управления юридического лица и о составе участников (членов) этого органа, присутствовавших при принятии данного решения». Более того, как разъяснено в 5.14. Пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии[2], такое свидетельство является самостоятельным документом и не подшивается нотариусом к протоколу общего собрания участников (акционеров), поскольку предоставление нотариусу такого протокола является правом, а не обязанностью общества.

Можно сделать вывод, что аналогизация Пленумом участия нотариуса в подтверждении решений собраний хозяйственных обществ и придания

---

[1] Цепов Г.В. Недействительность решений коллегиальных органов хозяйственных обществ: в поисках баланса интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 60–87.

[2] См.: приложение к Письму ФНП от 01.09.2014 № 2405/03-16-3.

нотариальной формы сделкам порочна, поскольку законодатель намеренно развел нотариальное укрепление корпоративных решений и их оформление протоколами, которые нотариус не вправе требовать от общества и, если таковые ему предоставлены, может с ними вовсе не знакомиться.

В-третьих, аналогия между последствиями нарушения требования о нотариальном оформлении сделок и неисполнения правил п. 3 ст. 67.1. ГК РФ предполагает признание за актом подтверждения корпоративных решений такой же исключительно высокой прочности (достоверности), какая присуща нотариальному удостоверению сделки. Однако удостоверительная деятельность лиц, осуществляющих ведение реестра акционеров и выполняющих функции счетной комиссии, явно не дотягивает до нотариальной. При этом, как видно из содержания п. 3 ст. 67.1. ГК РФ, нотариальное подтверждение актов высшего органа ООО может быть заменено такими признаваемыми достаточными способами как подписание протокола всеми участниками или частью участников (или, может быть, подписание протокола привлеченным свидетелем), использование технических средств (например, видеосъемка или аудиозапись), и пр., хотя очевидно, что и эти способы совсем не равноценны участию нотариуса.

Следовательно, для решения вопроса о существе и последствиях нарушения рассматриваемого требования могут оказаться более уместными иные аналогии.

Так, допустимо провести параллель с нотариальным свидетельствованием подлинности подписей на протоколе.

Вероятна аналогия с государственной регистрацией, наличие которой в отношении надлежаще оформленных учредительных документов необходимо для возникновения юридической силы последних лишь для третьих лиц. В частности, по мнению А.С. Васильева, нарушение п. 3 ст. 67.1. ГК РФ влечет за собой отказ в признании за неподтвержденным решением силы юридического факта по смыслу корпоративного законодательства, но может служить доказательством иных обстоятельств, имеющих значение для гражданского оборота[1]. В практике

[1] Автор полагает, что участники общества, которые принимали участие в собрании, решение на котором было совершено с дефектом фиксации, не могут ссылаться на такой дефект в отношениях между собой до тех пор, пока решение отражает действительную волю такого участника собрания (см.: Гражданский кодекс Российской

обнаруживаются ситуации, в которых государственные органы, получив от заявителей протоколы, составленные с нарушением п. 3 ст. 67.1. ГК РФ, не указывая на ничтожность, рассматривают такие протоколы как отсутствующие и отказывают в совершении регистрационных действий[1].

Возможно также усмотреть схожесть требования п. 3 ст. 67.1. ГК РФ с установлением дополнительных требований к простой письменной форме сделки (п. 1 ст. 160 ГК РФ), невыполнение которых (при отсутствии специального указания в законе, ином правовом акте или соглашении сторон) влечет обычные последствия несоблюдения простой письменной формы сделки (п. 1 ст. 162 ГК РФ).

Наконец, ввиду того, что нотариус, привлекаемый к подтверждению корпоративного решения, должен обременять своим присутствием корпоративное сообщество в течение всего собрания, а не только в концовке, нельзя не заметить и ближайшую аналогию между нарушением порядка подтверждения решения собрания и порядком его проведения и помыслить о соответствующем варианте решения рассматриваемого вопроса через призму подп. 1 п.1 ст. 181.4 ГК РФ, а именно – признавать неподтвержденные решения оспоримыми по мотиву существенного нарушения порядка проведения собрания.

В-четвертых, нельзя забывать о принципиальном условии применения аналогии закона как правовосполнительного инструмента в каждой конкретной ситуации – наличие правового пробела. Думается, что в рассматриваемой ситуации Пленум необоснованно игнорировал данное условие, не обратившись к общей норме абз. 2 п. 1 ст. 181.3. ГК РФ, установившей презумпцию оспоримости всякого незаконного решения (если из закона не следует его ничтожность) и к конкретизирующей норме п. 1 ст. 181.4. ГК РФ, прямо закрепившей лишь неисчерпывающий (примерный) перечень оснований, по которым принятое или оформленное с нарушением закона решение собрания может быть признано судом недействительным. Иными словами, не прибегая к аналогии, можно сделать вывод,

---

Федерации. Юридические лица: постатейный комментарий к главе 4 / Е.В. Бадулина, К.П. Беляев, А.С. Васильев и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

[1] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28.09.2015 № Ф04-23439/2015; Постановление АС Московского округа от 01.08.2016 № Ф05-10668/2016.

что общим последствием нарушения требования о подтверждении корпоративных решений выстпает их оспоримость.

В то же время рассматриваемый аналогический конструкт, будучи основанным на исключительно положительной цели повышения уровня защищенности корпоративных прав и достижения максимального уровня правовой определенности, может быть рассмотрен как пример антиципирующего вхождения суда в сферу нормотворчества. С учетом вышеуказанных сомнений и оговорок в таком ракурсе он нуждается в скором переводе в законодательную форму путем соответствующего дополнения п. 3 ст. 67.1 ГК РФ[1]. Одновременно с таким дополнением, если оно произойдет, перечень оснований ничтожности решений собраний гражданско-правовых сообществ, закрепленный в ст. 181.5 ГК РФ, необходимо уточнить оговоркой о том, что решения собраний являются ничтожными и в иных случаях, прямо предусмотренных законом.

Общая положительная оценка рассматриваемого правового механизма, диалектически сочетающего повышение степени защищенности корпоративных прав с определенным вторжением в частные дела, дает повод задуматься о возможности и (или) необходимости и (или) целесообразности его применения по аналогии в сходных случаях, когда это прямо не предписано законом. При этом актуальность проработки соответствующих вопросов в настоящее время явно возрастает в связи с активизацией следования судами указанному конструкту о необходимости применения к решениям собраний участников хозяйственных обществ по аналогии норм п. 3 ст. 163 ГК РФ, определяющей ничтожность в качестве последствия несоблюдения нотариальной формы сделки.

Применение п. 3 ст. 67.1 ГК РФ по аналогии к порядку фиксации решений иных коллегиальных органов управления корпораций

Прежде всего, следует констатировать, что нотариальный способ подтверждения формирования и выражения корпоративной воли, диспозитивно обязательный к применению в отношении решений высшего органа управления хозяйственных обществ, в инициативном порядке может быть распространен на

[1] Предлагаемая формулировка дополнения п. 3 ст. 67.1 ГК РФ представлена в заключении настоящей работы.

решения иных коллегиальных (исполнительных, ревизионных) органов данных корпораций. Из схожих положений п. 2 ст. 32, п. 2 ст. 41 и п. 4 ст. 47 Закона «Об ООО», а также из норм п. 1 ст. 68, п. 1 ст. 70 и п. 2 ст. 85 Закона «Об АО») следует, что порядок деятельности корпоративных органов и особенности принятия ими решений устанавливаются уставом и внутренними документами соответствующего общества. При этом, как верно отмечено, внесение в устав или внутренние документы аналогичных правил удостоверения решений иных органов управления общества на текущий момент не запрещено[1]. Это означает, что хозяйственные общества вправе предусмотреть, что все или некоторые решения совета директоров и (или) коллегиального исполнительного органа и (или) ревизионной комиссии подлежат удостоверению в порядке, установленном для подтверждения решений общих собраний участников (акционеров). Иными словами, норма п. 3 ст. 67.1 ГК РФ может быть использована участниками общества в качестве образца (аналога) для моделирования своих правил применительно к подтверждению решений иных коллегиальных органов управления. Видится также вполне правомерным и ситуационное (от случая к случаю) привлечение нотариуса к участию в процессе оформления и подтверждения состава участников и результатов различных корпоративных собраний (заседаний), если это прямо не запрещено уставом или внутренним документом, регулирующим деятельность соответствующего органа.

Иной находящий отражение в литературе подход[2] необходимо отвергнуть. В свете разъяснения Пленума ВАС РФ о диспозитивном характере нормы, которая не только допускает выбор участниками гражданских правоотношений альтернативного варианта поведения, но и не содержит явного запрета на такой выбор[3] видится, что участники хозяйственных обществ и члены их коллегиальных органов хотя бы в силу возрастающей диспозитивности корпоративного

---

[1] Гусейнов Т.А. Проблемы нотариального удостоверения решений собраний // Закон. 2014. № 11. С. 46–52.

[2] В частности, идею о том, что нотариус может быть приглашен на собрания любых коллегиальных органов юридических лиц, критикует Г.Г. Черемных, по мнению которого такая возможность отсутствует как прямо не предусмотренная ГК РФ (см.: Черемных Г.Г. Плюсы и минусы Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ // Нотариус. 2015. № 4. С. 3–8.).

[3] Пункт 4 Постановления от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

законодательства[1] отнюдь не нуждаются в специальном санкционировании возможности выбора ими такого варианта подтверждения корпоративного акта, который направлен на обеспечение его большей достоверности, защиты от риска признания недействительным и по определению не может рассматриваться как посягающий на особо значимые частные или публичные интересы или влекущий грубое нарушение баланса интересов участников соответствующих правоотношений. В этом смысле предложение внести правило о допустимости решения данного вопроса на уровне устава акционерного общества непосредственно в текст Закона «Об АО»[2] видится излишним.

Более того, даже если считать, что силы принципа «разрешено то, что не запрещено» здесь не хватает, достаточно провести аналогию со сходными отношениями, возникающими в случае достижения сторонами сделки договоренности о ее совершении в нотариальной форме, хотя бы по закону для сделок данного вида эта форма не требовалась (подп. 2 п. 2 ст. 163 ГК РФ).

Дополнительным аргументом в пользу верности указанного подхода можно считать то, что суды признают правомерным нотариальное удостоверение решения общего собрания и в тех случаях, когда уставом общества прописан альтернативный способ подтверждения[3]. Важно и то, что ст. 103.10 Основ законодательства РФ о нотариате не концентрируется исключительно на установлении порядка совершения нотариальных действий в отношении общих собраний участников, а в целом определяет, что нотариус присутствует при проведении собрания или заседания органа управления юридического лица (при наличии просьбы организатора) и выдает свидетельство об удостоверении факта принятия решения и о составе членов этого органа, присутствовавших при принятии данного решения.

Применение п. 3 ст. 67.1 ГК РФ по аналогии к решениям о выборе

---

[1] Лескова Ю.Г., Диденко А.А. Корпоративные акты как источники корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 15–20.

[2] См.: п. 13 ст. 56 Закона «Об АО» в редакции проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части приведения в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации)», подготовленного Минэкономразвития России.

[3] Постановление АС Московского округа от 05.05.2017 № А40-172946/2016.

альтернативного способа подтверждения

Еще одним направлением возможного аналогического распространения правила об особом порядке подтверждения корпоративных актов хозяйственных обществ за пределами буквального смысла нормы п. 3 ст. 67.1 ГК РФ можно назвать ее применение к так называемым «первоначальным» решениям, которыми устанавливается альтернативный, отличный от нотариального способ.

Буквальное толкование приводит к вполне однозначному выводу: право участников единогласным решением выбрать иной не противоречащий закону способ подтверждения решения собрания (подписание протокола всеми участниками или частью участников; использование технических средств, позволяющих достоверно установить факт принятия решения; и т.п.) устанавливается в отношении любых решений текущих собраний. При этом речь здесь идет не о том, что в каком-то «первоначальном» решении участники устанавливают иной порядок для решений будущих собраний (с учетом возможного изменения состава участников едва ли такие решения могут обременять все последующие собрания), а о том, что:

- соответствующий (альтернативный) выбор может быть сделан на каждом конкретном (текущем) собрании, причем распространяться единогласно утвержденный участниками новый (отличный от предустановленного) порядок будет как на решения данного собрания по вопросам повестки дня, так и на решение о выборе порядка подтверждения (на самого себя), или
- конкретным решением, в отношении которого участники единогласно проголосовали о выборе иного способа подтверждении, утверждены изменения в устав, закрепляющие такой (иной) альтернативный порядок на будущее.

В этом аспекте едва ли можно согласиться с высказанным в науке предположением о том, что решение общего собрания, которым утверждается альтернативный способ подтверждения решений, распространяется и на все дальнейшие решения, если только такое действие не будет ограничено самими участниками по времени или по отдельным категориям будущих решений[1]. Такое

[1] Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам

решение как индивидуальный регулятор не способно заменить нормативное положение устава и отнюдь не может быть обязательным для новых участников, поскольку его последствия совсем не аналогичны тому, как обязательными для них являются иные решения, принятые до момента приобретения ими статуса участников (о назначении директора, о выплате дивидендов, об одобрении сделок).

Подобное толкование п. 3 ст. 67.1 ГК РФ в первое время после ее появления нашло отражение в литературе (иной подход определяется как противоречащий диспозитивному смыслу п. 3 ст. 67.1 ГК РФ[1], а для многих малых корпораций, не изменивших свои уставы – как некий бесполезный но обязательный нотариальный «сбор»[2]) и в судебной практике (является незаконным отказ в регистрации изменений в устав, утвержденных протоколом общего собрания, оформленным с применением такого ситуативно выбранного участниками способом его подтверждения как подписание всеми участниками[3]; признаются правомерными решения, подтвержденные альтернативным способом, за использование которого единогласно проголосовали участники собрания и об этом имеется соответствующее указание в протоколе[4]). Указанный вывод заставляет заключить, что распространение по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) требования о нотариальном подтверждении содержательных решений (тех, ради которых участники собрались) на процедурные решения о выборе иного способа подтверждения корпоративных актов некорректно ввиду отсутствия правового пробела и наличия прямого законодательного регулирования.

Другое дело, что такое понимание может привести к тому, что усилия законодателя по обеспечению повышенной устойчивости и достоверности решений собраний участников хозяйственных обществ будут игнорироваться простым способом: в тексте протокола достаточно сделать отметку о том, что

применения законодательства о хозяйственных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79–134.

[1] Алланина Л.М. Указ соч. С. 52–56.

[2] Иванов Д.А. Нотариальное подтверждение решений хозяйственных обществ: острые проблемы и первые выводы судебной практики // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 214–221.

[3] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28.09.2015 № А27-2907/2015.

[4] Постановление АС Поволжского округа от 12.10.2018 № А65-10780/2017; Постановление АС Дальневосточного округа от 14.10.2019 № А73-3152/2019.

участники единогласно решили удостоверить факт принятия решений текущего собрания путем подписания протокола председателем и секретарем, что, в свою очередь, способно вызвать негативные последствия, на борьбу с которыми настроен законодатель (фальсификация протоколов, нарушение корпоративных прав участников, появление недостоверных сведений в государственных реестрах и т.п.). Именно таким путем и пошла корпоративная практика.

Осознание данного обстоятельства и, вероятно, интуитивное обращение к аналогии права (п. 2 ст. 6 ГК РФ) как к инструменту, позволяющему с опорой на требования добросовестности, разумности и справедливости выйти за узкие рамки буквы закона, подтолкнуло сотрудников некоторых банков требовать от их корпоративных клиентов нотариально удостоверенной формы «первоначальных» решений общего собрания участников общества об избрании иного способа подтверждения при принятии решений конкретного собрания либо для включения альтернативного способа в учредительный документ[1]. Поддержка такого исправляющего закон аналогического правопонимания была высказана и в науке[2].

Поскольку при неполной ясности вопроса о необходимости или необязательности особого подтверждения корпоративных актов, направленных на уход от вменяемого законом нотариального подтверждения, спорный (с точки зрения целей регулирования), но устойчивый и массовый характер приобрела практика неприменения такого подтверждения (действительно, возложение на участников ООО обязанности нотариально удостоверять единогласные и подписанные всеми решения собраний при отсутствии объективной потребности и четкой законодательной обязательности такого удостоверения явно выступает излишним обременением, особенно для субъектов малого бизнеса[3]), совершенно естественным выглядит появление судебного конструкта, выражающего мнение высшей судебной инстанции по данному вопросу. В п. 2 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах,

[1] См.: Алланина Л.М. Указ соч. С. 52–56.
[2] Синцов Г.В. Об особенностях удостоверения факта принятия решений общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью // Нотариус. 2015. № 3. С. 35–36.
[3] Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Отв. ред. В.М. Жуйков. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 27. 224 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019, была обозначена позиция: «Решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, в соответствии с которым в отношении поседующих решений общества будет применяться альтернативный способ подтверждения, требует нотариального удостоверения», что, очевидно, идет вразрез с накопленным правоприменительным опытом. Как верно отмечено, документ, имеющий статус обзора практики, не содержит ссылок на конкретные судебные дела, в которых отражались бы обобщенные позиции, и в реальности под видом обзора устоявшихся подходов де-факто предпринята попытка создать новые нормы, не только отсутствующие в действующем законодательстве, но и противоречащие ему[1]. Нормативность и «поворотный характер»[2] указанного разъяснения усматривается и в том, что вскоре после издания Обзора ВС РФ был вынужден оговорить отсутствие у нового судебного конструкта обратной силы[3].

Несмотря на то, что при изложении п. 2 Обзора Президиум не обращался напрямую к аналогии, именно в аналогии права возможно усмотреть оправдание самого факта такого антирейдерского, правоукрепляющего исправления закона. Подтверждение этого усматривается в применении по тексту Обзора ссылок не на специальные нормы, а на ст. 1 и 10 ГК РФ, а также в стремлении Президиума внедрить и обосновать включенные в Обзор позиции принципами добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий[4].

Положительно оценивая намерения Президиума, нельзя не отметить некоторую содержательную ущербность, недоработанность изложенной позиции и не указать на необходимость скорейшего нормативного решения рассматриваемого вопроса, при котором видится важным исходить из того, что при

---

[1] Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. С. 142–200.

[2] Арапов Н.А., Савиных В.А. О гарантиях правомерных интересов частных лиц в условиях полисемии права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 5. С. 150–192.

[3] Определение ВС РФ от 30.12.2019 № 306-ЭС19-25147.

[4] Макарова О.А. Позиция ВС РФ по рассмотрению некоторых корпоративных споров (в свете Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах) // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 3. С. 43–48.

отсутствии в уставе хозяйственного общества правила об отличающемся от предустановленного законом порядка подтверждения корпоративных решений:

- участники не могут без изменения устава неким «первоначальным» решением установить альтернативный порядок подтверждения на будущие акты;
- возложение обязанности обращаться к нотариусу на участников, единогласно проголосовавших за альтернативный способ подтверждения в конкретном случае, обессмысливает норму п. 3 ст. 67.1 ГК РФ в той части, в какой она допускает ситуативный внеуставный отход от нотариального порядка, но при этом достижение общей цели данной нормы в этой части требует уточнения, что такой единогласный выбор должен быть подтвержден более надежным способом, нежели подписание протокола собрания председательствующим и секретарем;
- решение общего собрания участников о внесении изменений в устав общества для определения на будущее альтернативного способа подтверждения корпоративных актов высшего органа необходимо подвергать процедуре нотариального подтверждения (без предъявления требования о единогласном голосовании по данному вопросу), однако при единогласной реализации всеми участниками общества возможности ситуативного игнорирования нотариуса следует считать допустимым подтверждение указанного волеизъявления путем составления протокола, подписываемого всеми участниками общества.

Аналогия в механизме нотариального подтверждения решений единственного участника хозяйственного общества

Одновременно с введением процедуры фиксации решений общих собраний хозяйственных обществ (п. 3 ст. 67.1. ГК РФ) встал насущный с практической точки зрения и, как выяснилось, теоретически неочевидный вопрос о том, распространяется ли усложненный порядок выражения высшей корпоративной воли на общества, состоящие из одного лица.

В литературе были приведены суждения об отсутствии в ст. 67.1 ГК РФ и в нормах Законов «Об ООО» и «Об АО» каких-либо исключений из общего порядка подтверждения решений общих собраний применительно к обществам, в которых

все доли (акции) принадлежат единственному участнику (акционеру)[1]. Высказывалась мысль о том, что по крайней мере до момента приведения специальных законов о хозяйственных обществах в соответствии с правилами ГК РФ, цели введения специального порядка подтверждений решений высшего органа хозяйственных обществ (противодействие злоупотребительному поведению, борьба с фальсификацией решений и обеспечение достоверности ЕГРЮЛ, подтверждение действительности воли и способствование надлежащей реализации прав корпорации и ее участников[2]) оправдывают распространение этого порядка на компании одного лица. По мнению некоторых авторов, указанный подход заслуживает одобрения хотя бы потому, что позволяет исключить корпоративные захваты юридических лиц с единственным участником[3]. Такие научные взгляды нашли отражение в практической работе. В частности, Научно-консультативный совет АС Западно-Сибирского округа прямо рекомендовал судам исходить из того, что решения единственного участника (акционера) хозяйственного общества подлежат нотариальному удостоверению[4]. Ассоциация российских банков высказала идею, что из п. 3 ст. 47 Закона «Об АО» следует лишь то, что если все акции акционерного общества принадлежат одному лицу, то к такому обществу не применяются нормы о порядке и сроках созыва и проведения общего собрания акционеров, а установленные в подп. 1 и 2 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ правила о порядке оформления решений не относятся ни к срокам, ни к порядку созыва и проведения общих собраний акционеров и в перечне указанных исключений не поименованы[5]. Некоторые суды также поддержали логику «поскольку закон не устанавливает каких-либо особых указаний (исключений) по порядку нотариального (либо

---

[1] Бакаева И.В. Подтверждение решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 23–28.

[2] Пермяков А.В. Корпоративное управление: баланс между императивностью и диспозитивностью // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 142–150.

[3] Меньшикова В.А. Нотариальная защита корпоративных правоотношений // Юстиция. 2017. № 1. С. 79–82.

[4] Пункт 2 Рекомендаций Научно-консультативного совета Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, утвержденных на заседании Президиума Арбитражного суда Западно-Сибирского округа 08.07.2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Вопрос: ...О применении банками п. 5 Письма Банка России от 18.08.2014 № 06-52/6680, согласно которому правила о порядке оформления решений акционерного общества, предусмотренные пп. 1 и 2 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ, не применяются при принятии решений одним акционером, которому принадлежат все голосующие акции акционерного общества (Письмо Банка России от 19.11.2014 № 31-2-6/6513).

другого применимого в конкретной ситуации) удостоверения решений обществ, состоящих из единственного участника (акционера), постольку соответствующие решения должны быть подтверждены по правилам ст. 67.1 ГК РФ»[1].

Однако и в теории, и в правоприменительной деятельности стал преобладать противоположный подход. Отвергая упомянутую идею Ассоциации российских банков и имея в виду, что в компаниях одного лица общее собрание участников (акционеров) не проводится и, стало быть, отсутствуют подлежащие удостоверению состав такого органа и принимаемые им решения, Банк России в Письме от 19.11.2014 № 31-2-6/6513 указал, что в хозяйственном обществе, состоящем из одного участника (акционера), нет юридически значимых обстоятельств, которые должны подтверждаться специальным способом.

В п. 2.3. Пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии[2] нотариусам рекомендовано исходить из того, что из анализа п. 2 ст. 7, ст. 39 Закона «Об ООО» и п. 3 ст. 47 Закона «Об АО» положения п. 3 ст. 67.1 ГК РФ на общества, состоящие из одного участника (акционера) не распространяются. В русле подобных разъяснений стала развиваться административная и судебная практика. Так, ФНС в ведомственном обзоре в качестве образцового привела дело, в котором суды признали незаконным отказ в совершении регистрационного действия, мотивированный отсутствием нотариального удостоверения представленного в регистрирующий орган решения единственного участника общества с ограниченной ответственностью[3]. Суды, отвергая доводы о недействительности решений, оформленных не по правилам п. 3 ст. 67.1 ГК РФ, стали указывать, что поскольку в обществе, состоящем из одного участника, общие собрания не проводятся, а вопросы, относящиеся к компетенции общего собрания, решаются единолично, постольку требование о нотариальном удостоверении на решение единственного участника не распространяется[4].

---

[1] Постановление Пятнадцатого ААС от 19.04.2018 № А32-36976/2017.
[2] Письмо ФНП от 01.09.2014 № 2405/03-16-3.
[3] См.: пункт 1.3. Письма ФНС России от 28.12.2016 № ГД-4-14/25209@ «О направлении «Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 4 (2016)».
[4] Постановление АС Волго-Вятского округа от 19.12.2016 № А43-1567/2016; Постановление АС Северо-Кавказского

Практикующие юристы и ученые, следуя приведенной логике, также в целом продемонстрировали отрицательное отношение к идее применения п. 3 ст. 67.1 ГК РФ к фиксации решений единственного участника общества с ограниченной ответственностью или акционера, которому принадлежат все голосующие акции[1]. При этом важно уточнить, что общий научный вывод о необязательности особого удостоверения не просто формально «лег в русло» упомянутых судебных подходов, но и основывался на прочном логическом и нормативном фундаменте.

Во-первых, поскольку по смыслу п. 2 ст. 181.1 ГК РФ под решениями собраний (как юридическими фактами, отличающимися от сделок) понимаются решения гражданско-правового сообщества, т.е. определенной группы лиц, наделенной полномочиями принимать на собраниях решения (п. 103 Постановления № 25), постольку решение единственного участника (не способное претендовать на то, чтобы считаться актом группы лиц), не может признаваться решением собрания. Подтверждением существенного различия в правовой природе решений собраний и решений единственного участника усматривается и в том, что имеет место практика различного определения сроков давности для оспаривания указанных актов, состоящая в том, что к решениям единственного участника не применяются сокращенные сроки оспаривания, предусмотренные в ст. 43 Закона «Об ООО» для решений общих собраний[2]. В судебной практике имеет место правильная оценка юридической природы решений единственного участника именно как односторонней сделки[3]. Даже в тех случаях, когда решениям единственного участника хозяйственного общества отказывают в праве считаться односторонней сделкой, их все равно не причисляют к актам собраний[4]. Это означает, что нормы п. 3 ст. 67.1 ГК РФ принципиально не могут быть применены

округа от 10.03.2017 № А32-1221/2015; Постановление АС Дальневосточного округа от 02.12.2019 № А59-257/2019.

[1] Иванов Д.А. Нотариальное подтверждение решений хозяйственных обществ: острые проблемы и первые выводы судебной практики // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 214–221. Лазаренкова О.Г., Сидорова В.Н. Некоторые спорные вопросы обновленного законодательства об удостоверении доверенности // Нотариус. 2015. № 3. С. 22–25.

[2] Определение ВС РФ от 12.04.2018 № 305-ЭС17-22588.

[3] Постановление АС Северо-Кавказского округа от 17.02.2020 № А32-17178/2018.

[4] Долинская В.В. Проблемы взаимодействия деликтного права и права корпораций (корпоративного права) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 9–17; Илюшина М.Н. Односторонние юридически значимые волеизъявления сторон как правомерные волевые акты, влияющие на гражданские правоотношения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 3–8.

к решениям высшего органа компаний одного лица напрямую, а вопрос может быть поставлен исключительно о правоприменении по аналогии закона.

Во-вторых, как было показано, использование аналогии закона для распространения правил о специальном подтверждении решений собраний на решения единственного участника хозяйственного общества не имеет достаточных формальных оснований: в силу наличия правил ст. 39 Закона «Об ООО» и п. 3 ст. 47 Закона «Об АО», четко раскрывающих, как именно должны приниматься (единолично) и оформляться (письменно) решения единственного участника (акционера), отсутствует действительный правовой пробел.

В этом аспекте следует обратить внимание, что Законы «Об ООО» и «Об АО» после введения п. 3 ст. 67.1. ГК РФ существенно обновились, однако нормативного распространения усложненного порядка подтверждения решений собраний на процедуру принятия решений единственного участника (акционера) так и не произошло. Это указывает, что в рассматриваемой ситуации пробела в праве нет не только формально, но и по существу. Умолчание законодателя об обязательности соблюдения специального порядка подтверждения решений единственного участника является квалифицированным (намеренным, осознанным на данный момент времени), что в совокупности с характеристикой такой специфической процедуры проявления гражданско-правовой активности как правового ограничения приводит к еще большей убежденности в недопустимости аналогического расширения п. 3 ст. 67.1 ГК РФ на компании одного лица.

В-третьих, применению аналогии в рассматриваемой ситуации препятствует отсутствие достаточно глубокого сходства подлежащих урегулированию отношений в их существенных признаках, а также отсутствие системной связи сходных признаков с основанием нормы, переносимой от отношения, для которого она изначально предназначена, к отношению, предполагаемому пробельным. Суть квалифицированного порядка оформления решений высшего органа хозяйственного общества состоит в том, чтобы обеспечить надлежащее формирование высшей коллективной корпоративной воли как трансформированной индивидуальной воли нескольких участников, состав

которых от случая к случаю может быть неодинаковым и частные интересы каждого из которых могут расходиться. В свою очередь, концентрация доли корпоративного участия в одних руках сводит состав лиц, способных участвовать в формировании высшей корпоративной воли, к единственному заранее известному варианту и исключает появление каких-либо иных субъектов, корпоративные интересы которых могут пострадать вследствие принятия единоличного решения. Это означает, что решения собраний и акты единственных участников, имея лишь функциональное сходство, существенно различаются по природе, в то время как ключевого материального сходства рассматриваемых отношений, которое допускало бы аналогию закона, не обнаруживается.

При этом важно, что аналогия не должна использоваться как инструмент внезаконного вмешательства в чужие дела, в то время как п. 3 ст. 67.1 ГК РФ очевидно содержит известное вторжение в свободу участников хозяйственных обществ и ограничивает их корпоративные права[1].

В-четвертых, разъяснения об отсутствии обязанности особо (по сравнению с общим требованием о письменном оформлении) подтверждать решения единственного участника хозяйственных обществ не только не потеряли актуальности[2], но и (казалось бы) обрели неопровержимое нормативное подкрепление, когда ФЗ от 30.03.2015 № 67-ФЗ в ст. 17 Закона «Об ООО» был введен пункт 3, в котором для решений собраний и решений единственного участника, посвященных увеличению уставного капитала были императивно предусмотрены самостоятельные процедуры фиксации: решение единственного участника об увеличении уставного капитала должно подтверждаться его подписью, подлинность которой подлежит засвидетельствованию нотариусом. Было бы странно полагать, что законодатель сделал исключение для оформления решений по данному ключевому вопросу корпоративно-правовой жизни общества в сторону смягчения предполагаемого более жесткого общего правила.

---

[1] См. подробнее: Микрюков В.А. Подтверждение решения общего собрания участников и оформление решения единственного участника хозяйственного общества: уместна ли аналогия? // Нотариус. 2016. № 4. С. 14–18.

[2] Сурков А.А. Если решение об увеличении уставного капитала общества принято единственным учредителем // Налоговая проверка. 2016. № 4. С. 63–67.

Вопреки устоявшейся административной, судебной и деловой практике, вразрез с преобладающими научными представлениями Президиум ВС РФ в п. 3 упомянутого Обзора, вызвавшего в юридическом сообществе резонанс, привел качестве образца правильного разрешения спора позицию суда, подтвердившего правомерность отказа регистрирующего органа в совершении регистрационной записи в ЕГРЮЛ при представлении обществом решения его единственного участника, не удостоверенного нотариально. Иными словами, Президиум сформулировал новое руководство к действию: «требование о нотариальном удостоверении, установленное п. 3 ст. 67.1 ГК РФ, распространяется и на решение единственного участника». Для обоснования такого кардинального изменения устоявшегося вектора применения существующей нормы высшая судебная инстанция привела хорошо известные аргументы: 1) закон не содержит изъятия в отношении решений единственного участника в части требования о нотариальном удостоверении согласно п. 3 ст. 67.1 ГК РФ и 2) п. 3 ст. 67.1 ГК РФ направлен на исключение фальсификации решения, принимаемого высшим органом управления общества, и действие указанной нормы в равной мере распространяется и на акты единственного участника, поскольку они (как акты высшего органа корпорации) также подвержены риску неправомерного воздействия.

Едва ли новую позицию Президиума и подобное ее объяснение можно признать удовлетворительными. Указанные аргументы сами по себе явно слабы как с точки зрения буквы закона, так и с позиций формальной логики. Так, Президиум почему-то не смутило то, что для уяснения необязательности удостоверения решений единственного участника никаких исключений из диспозиции нормы п. 3 ст. 67.1. ГК РФ и не требуется, поскольку толкуемая норма нацелена на специальное внешнее вторжение в процесс подтверждения особой группы юридических фактов – решений собраний, к числу которых решения единственного участника не относится по нормативному определению п. 2 ст. 181.1 ГК РФ. Президиум проигнорировал и то, что ФЗ от 18.03.2019 № 34-ФЗ[1] в текст п. 3 ст. 67.1. ГК РФ специально было добавлено указание на подчинение особому

[1] СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

порядку подтверждения лишь решений, которые принимаются «посредством очного голосования», в то время как говорить голосовании единственного участника едва ли уместно. Попытка «прикрыть» судебное нормотворчество важностью цели (борьба с фальсификацией решений единственных участников) также видится несостоятельной, поскольку появление подп. 3 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ обусловлено не столько намерением законодателя обеспечить прочность решений общих собраний хозяйственных обществ как таковых (т.е. повысить их защищенность от попыток внешних фальсификаций), сколько стремлением сгладить возможные негативные последствия особой юридической природы решений собраний (их обязательности для всех лиц, имеющих право участвовать в конкретном собрании, даже если они не принимали участия в собрании или голосовали против принятого решения) и противодействовать случаям неправомерного игнорирования или некорректного учета воли различных участников хозяйственных обществ при оформлении принятых ими корпоративных актов.

Порочность позиции Президиума видится не только в слабо аргументированном (формально суд на ст. 6 ГК РФ и аналогию не сослался) и нормативно не обоснованном посягательстве суда на сферу, подвластную лишь законодателю, но и в том, что эта позиция, будучи сама по себе недостаточно последовательно выраженной, вызывает ряд серьезных сомнений.

Во-первых, следует обратить внимание на упомянутую проблему последствий несоблюдения правил п. 3 ст. 67 ГК РФ в их новом прочтении. Как разъяснено в п. 107 Постановления № 25, решения очных собраний участников, не удостоверенные по п. 3 ст. 67.1 ГК РФ, являются ничтожными «применительно к» (т.е. «по аналогии с») п. 3 ст. 163 ГК РФ. Следовательно, если, по мнению ВС РФ, требование об удостоверении применимо к решениям единственного участника, то его несоблюдение при их принятии означает ничтожность неподтверждённых решений. Получается двойная (рестриктивная и при этом разрушительная) аналогия: сначала функциональная схожесть решений собраний и решений единственного участника влечет распространение на последние правил особой

фиксации, предназначенных для первых (что в отсутствии прямого указания закона ущемляет права обществ и их единственных участников), а затем сходство процедуры и значения нотариального удостоверения сделок и нотариального (или иного специального) подтверждения решений собраний вызывает аналогию ничтожности (что приводит к разрушению возникших на основании и во исполнение принятых решений правовых связей).

Такое излишне активное использование метода аналогии можно отнести к ситуациям, когда правоприменение в порядке аналогии означает существенное расширение дискреции суда, что явно диссонирует с необходимостью обеспечения в гражданско-правовых отношениях максимальной степени определенности. Конечно, при отсутствии адекватных правовых норм, призванных урегулировать сложившиеся экономические отношения, усмотрение правоприменителей, вынужденных восполнять правовые пробелы, необходимо и в конечном счете результативно служит достижению правовой определенности[1]. Но в подобных условиях важно, чтобы усмотрение не привело к произволу, который порождает социальную несправедливость[2].

Интересно, что проблема ничтожности не подтвержденных по п. 3 ст. 67.1 ГК РФ решений единственного участника ООО после выхода Обзора высветилась незамедлительно, причем как в возникших переживаниях об определенности и справедливости воздействия права на экономические отношения[3], так и в конкретном прикладном вопросе: означает ли, что ничтожны все решения единственных участников хозяйственных обществ, которые с момента введения в действие ст. 67.1 ГК РФ не были удостоверены в специальном порядке? ВС РФ в рамках одного из конкретных споров поспешил уточнить, что в целях защиты правовой определенности и разумных ожиданий участников гражданского оборота, разъяснения, приведенные в п.п. 2, 3 Обзора, подлежат применению

---

[1] Mak V. Standards in European Private Law: A Model for European Private Law Pluralism. Tilburg Law School Legal Studies Research Paper № 015/2013. 2013. URL: https://ssrn.com/abstract=2302562.

[2] Вайпан В.А. Пробелы в праве как фактор искажения принципа социальной справедливости в судебной практике // Вестник арбитражной практики. 2018. № 5. С. 3–6.

[3] Арапов Н.А., Савиных В.А. О гарантиях правомерных интересов частных лиц в условиях полисемии права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 5. С. 150–192; Егоров А.В. Изменение закона как форма его аутентичного толкования // Закон. 2022. № 5. С. 14–36.

только при рассмотрении споров, связанных с оспариванием решений общих собраний участников (единственного участника), принятых после 25.12.2019[1]. Видится, что Суд, соорудив такую сомнительную конструкцию, не только признался в том, что п. 2 Обзора фактически представляют собой исправляющую закон норму, но и создал предпосылки к возникновению эффекта, обратного желаемому, ибо весьма вероятно, что в деловой, административной и судебной практике «всплывет» немало решений единственных участников обществ с ограниченной ответственностью, подписанных (или переподписанных) до указанной даты (задним числом) без нотариального удостоверения.

Во-вторых, обнаружилась нестыковка нового разъяснения Президиума с п. 3 ст. 17 Закона «Об ООО», в котором в порядке исключения из общего правила (ст. 39) об оформлении решений единственного участника общества в простой письменной форме для решений об увеличении уставного капитала предусмотрено повышенное требование – подлинность подписи единственного участника на решении по такому важнейшему для корпоративной жизни вопросу должна быть засвидетельствована нотариусом. Встал казавшийся ранее нелепым практический вопрос: следует ли продолжать считать правило п. 3 ст. 17 Закона «Об ООО» исключением, только из иного правила и с пониженными требованиями? На этот вопрос оперативно отреагировала ФНП, которая в Письме от 15.01.2020 № 121/03-16-3, с одной стороны, напомнила, что нотариальное действие по удостоверению решения органа юридического лица (как оно предусмотрено в ст. 103.10 Основ законодательства РФ о нотариате), применяется исключительно при удостоверении актов коллегиальных органов, поскольку требует участия нотариуса в собрании или заседании (т.е. фактически дезавуировала приравнивание Президиумом режима решений собраний и единственных участников), а с другой стороны, не имея сил возразить высшей судебной инстанции, пояснила, что, исходя из системного толкования ст. 67.1 ГК РФ, п. 3 ст. 17 Закона «Об ООО», и п. 3 Обзора, решение единственного участника общества с ограничений ответственностью (по мнению ФНП) может быть подтверждено в

[1] Определение ВС РФ от 30.12.2019 № 306-ЭС19-25147.

достаточной степени путем проверки личности и полномочий лица, подписывающего документ, что соответствует действиям, совершаемым нотариусом при свидетельствовании подлинности подписи. В итоге сформулированная в п. 3 Обзора позиция после разъяснения ФНП на практике стала означать: если иной способ обеспечения достоверности принятия решений единственного участника общества с ограниченной ответственностью специально не предусмотрен уставом, нотариального подтверждения не требуется, но по подпись участника на решении должна быть засвидетельствована нотариально. Лишь в результате обновления ФЗ от 01.07.2021 № 267-ФЗ[1] п. 3 ст. 17 Закона «Об ООО» стал императивно требовать подтверждения акта единственного участника об увеличении уставного капитала не путем нотариального свидетельствования подписи, а аналогично подтверждению решений собраний – путем нотариального удостоверения. Одновременно с этим новое нотариальное действие было предусмотрено в ст. 103.10-1. Основ.

В-третьих, встали практические вопросы в аспекте глубины аналогии при применении п. 3 ст. 67.1 ГК РФ к решениям единственного участника хозяйственных обществ. Поскольку формально п. 3 Обзора указывает лишь на то, что на решение единственного участника распространяется требование о нотариальном удостоверении, неясно, вправе ли единственный участник, действуя подобно общему собранию, предусмотреть альтернативный порядок подтверждения своих актов? Если вправе (хотя это считается неочевидным[2], едва ли можно найти сколько-нибудь серьезные основания для отрицательного ответа на этот вопрос), то следует ли автоматически распространять на решения единственного участника альтернативный порядок подтверждения решений общих собраний, установленный уставом (как отмечают практикующие юристы, в значительном количестве уставов, регистрируемых после появления п. 3 ст. 67.1 ГК РФ такой альтернативный порядок предусматривается[3]). К примеру, непонятно, если в уставе общества содержится положение «принятие общим собранием

[1] СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5095.
[2] Шияновский А.О. Указ соч. С. 33–42.
[3] URL: https://www.klerk.ru/blogs/Olga-Ponomareva/496458/.

участников общества решения и состав участников общества, присутствовавших при его принятии, подтверждаются путем составления протокола, подписываемого председательствующим на собрании и секретарем без нотариального удостоверения», то может ли единственный участник не обращаться к нотариусу для фиксации своих корпоративных актов? Поскольку в п. 3 Обзора Президиум, не делая ссылок на аналогию, фактически отождествил решения общих собраний хозяйственных обществ и решения их единственных участников, скорее всего, в практике будет поддержана идея, что положения устава о подтверждении решений собраний должны распространяться и на решения единственного участника, хотя неопределенность (а значит – и почва для конфликтов) остаются.

Дополнительным аспектом данного вопроса выступает неоперделенность, имеет ли единственный участник аналогично собранию право принять ситуационное решение о неприменении нотариального способа подтверждения без внесения изменений в устав. Формальное толкование п. 3 ст. 67.1 ГК РФ и п. 3 Обзора приводит к мысли, что единственный участник такой возможности лишен[1], но в свете целей рассматриваемого механизма выглядит это абсурдным: для обществ с несколькими участниками п. 3 ст. 67.1 ГК РФ является диспозитивным, а для компаний одного лица превращается неизбежный в императив[2].

В-четвертых, сложность составило то, что п. 3 Обзора, основанный на судебной оценке корпоративного акта единственного участника ООО, формально указывает на распространение только правил подп. 3 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ и только на решения корпораций данной организационно-правовой формы, а о решениях единственного акционера не упоминает. С одной стороны, использованная в Обзоре аргументация анализируемой позиции и заявленные цели подсказывают, что Президиум имел в виду необходимость квалифицированного подтверждения (регистратором или нотариусом) в том числе волеизъявлений единственных акционеров (при том, что отсутствуют основания отрицать отмеченную

[1] Холоденко Ю.В., Наземцев Д.М. К вопросу о недопустимости свидетельствования подлинности подписи на решениях единственного участника (акционера) хозяйственного общества // Нотариальный вестник. 2021. № 7. С. 30–38.

[2] Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. С. 142–200.

Конституционным Судом РФ схожесть корпоративной природы всех видов хозяйственных обществ[1]). Так, ФНП, рекомендуя нотариусам при восприятии п. 3 Обзора свидетельствовать подлинность подписи единственного участника на принимаемых им документальных решениях, в Письме от 15.01.2020 № 121/03-16-3 осторожно «допустила» осуществление такого же нотариального действия для подтверждения принятия решения единственным акционером. Регистраторы стали информировать эмитентов о п. 3 Обзора и предлагать воспользоваться услугой «Подтверждение принятия решения акционером, которому принадлежат все голосующие акции»[2]. Банки и вовсе приступили к рассылке клиентам уведомлений о необходимости соблюдения требования об удостоверении (нотариусом или регистратором) решений единственных акционеров[3]. С другой стороны, расширение посредством аналогии не имеющего нормативной силы конструкта, который сам по себе основан на применении аналогии при разрешении конкретного спора и (при несоблюдении выраженного в этой позиции правила) может вследствие ничтожности не подтвержденного решения привести к разрушению корпоративных связей, выглядит весьма спорно.

Думается, что если и признать целесообразным механизм патерналистского вторжения в частные дела единственных участников (акционеров) хозяйственных обществ посредством финансового и организационного обременения их необходимостью привлекать нотариусов или регистраторов к фиксации изъявления высшей корпоративной воли, то вводить соответствующий механизм следует законодательно, как того требует норма п. 2 ст. 1 ГК РФ. Некорректное (избыточное, латентное) использование аналогии при формулировании п. 3 Обзора, фактически ставшего источником права, влечет девальвацию аналогии как социально-позитивного правового средства, предоставляет правоприменителям излишнюю дискрецию, чрезмерное использование которой приводит к сомнительным в их полезности последствиям, а также в целом снижает степень ожидаемой участниками корпоративных отношений правовой стабильности.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.02.2014 № 3-П.
[2] URL: https://www.aoreestr.ru/press/news/udostoverenie-resheniya-edinstvennogo-aktsionera-registratorom/
[3] URL: https://www.buhonline.ru/forum/index?g=posts&t=610622.

Единственным оправданным вариантом судебного распространения подп. 3 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ на решения лиц, сконцентрировавших весь объем корпоративного участия в одних руках и далее – на решения единственного акционера, могло бы стать формулирование Пленумом ВС РФ соответствующего конструкта с обоснованием аналогией права. В таком случае правоприменительная корректировка нормативного порядка выглядела бы как отражение прямого действия принципов гражданского права, антиципирующего развитие закона.

В силу изложенного, на сегодняшний день можно порекомендовать отказ от восприятия проанализированного конструкта как прямого руководства к действию.

Применение нотариального порядка подтверждения к решениям, принятым общим собранием в форме заочного голосования

Формально норма п. 3 ст. 67.1 ГК РФ требует подтверждения факта принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения на заседании, т.е. рассчитана лишь на случаи очных собраний, проводимых путем совместного (физического, дистанционного) присутствия участников для обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование.

Несмотря на то, что прямое уточнение о распространении требования об удостоверении не на все собрания, а только на проводимые посредством заседаний, появилось лишь в результате вступления в силу ФЗ от 18.03.2019 № 34-ФЗ, именно на таком буквальном толковании базировался описывающий основания для отказа в совершении нотариального действия п. 6.1. Пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии[1], в котором разъяснялось: нотариус не может удостоверить принятие общим собранием участников хозяйственного общества решения, если оно принималось заочным голосованием; нотариусу для совершения указанного действия необходимо физическое присутствие в месте проведения собрания; иной порядок его совершения должен быть установлен законодательным актом. Научно-консультативный совет АС Западно-Сибирского округа пришел к такому же

[1] Приложение к письму Федеральной нотариальной палаты от 01.09.2014 № 2405/03-16-3.

выводу: нотариус может подтверждать решение, принятое исключительно очно[1].

В практике рассмотрения корпоративных конфликтов, связанных с оспариванием решений заочных собраний хозяйственных обществ, констатируется ничтожность лишь очных собраний, проведенных без участия нотариуса, и подчеркивается, что обязательное нотариальное удостоверение решений общего собрания участников, принятых опросным путем, не требуется[2].

Вместе с тем было высказано мнение, согласно которому возможность не удостоверять решение, принятое заочно, отнюдь не следуют из п. 3 ст. 67.1 ГК РФ[3]. При этом не только аргументирована сама необходимость нотариального подтверждения заочных решений (отказ от такового затруднит противодействие злоупотреблениям), но и показана юридико-техническая возможность его реализации несколькими нотариусами: один нотариус может удостоверить подписание бюллетеня для голосования, другой – собрать заполненные бюллетени, а третий, получив все бюллетени и подведя итоги голосования, – удостоверить факт волеизъявления принявших участие в собрании лиц, отправивших свои бюллетени, и факт принятия решения[4].

Думается, что в решении обсуждаемого вопроса стоит избегать крайностей. Вопреки отмеченному мнению, требование о нотариальном подтверждении решений собраний, проводимых опросным путем, не только не следует из п. 3 ст. 67.1 ГК РФ напрямую (как было показано, в силу буквального толкования данной нормы речь может идти лишь о ее аналогическом применении), но и не обусловливается непосредственной опасностью. Так, если при проведении заседания волеизъявление участников, не являющихся одновременно председателем и секретарем собрания, физически присутствующими на заседании, может оказаться без какого-либо письменного подтверждения, то заочное

---

[1] См.: п. 2 Рекомендаций по вопросам рассмотрения споров, вытекающих из гражданских, налоговых правоотношений, а также при разрешении вопросов, связанных с применением АПК РФ, принятых по итогам заседания, состоявшегося 28 мая 2015 года, г. Тюмень // URL: https://faszso.arbitr.ru/files/pdf/rekomend_28052015.pdf.

[2] Постановление АС Поволжского округа от 02.03.2016 № Ф06-5551/2016; Постановление АС Западно-Сибирского округа от 26.06.2017 № А45-21711/2016.

[3] Сироткина А.А. Решения собраний в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Судья. 2015. № 10. С. 26–31.

[4] Гусейнов Т.А. Указ соч. С. 46–52.

голосование требует обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, обеспечивающей аутентичность передаваемых и принимаемых сообщений (ст. 38 Закона «Об ООО»), а акционеры могут выразить свою волю заочно только путем заполнения, подписания и передачи в общество бюллетеня для голосования (ст. 60 Закона «Об АО»). Это означает, что степень достоверности протокола, составленного на основании документально зафиксированного волеизъявления каждого проголосовавшего заочно, более высока в сравнении со степенью достоверности протокола очного собрания. Поэтому распространение по аналогии требования об обязательном подтверждении решений очных собраний на заочные не имеет законных оснований и не обусловливается политико-правовой необходимостью.

Другое дело, что излишне формальное понимание п. 3 ст. 67.1 ГК РФ не только исключает обязательное нотариальное подтверждение заочных решений, но и приводит к абсолютному отстранению нотариусов от участия в объективизации корпоративной воли, выраженной заочно[1]. Такую позицию также нельзя поддержать безоговорочно. Подобно тому, как норма п. 3 ст. 67.1 во взаимосвязи со ст. 6 ГК РФ может быть использована участниками общества в качестве аналога для моделирования индивидуальных правил применительно к подтверждению актов иных коллегиальных органов управления, видится правомерным инициативное применение соответствующих правил для повышения степени достоверности протоколов заочных собраний (участники хозяйственных обществ не обязаны, но могут обратиться к нотариусу). При этом, если проводить аналогию с удостоверительной деятельностью регистраторов, то можно согласиться, что отстранение нотариусов от укрепления документов заочных собраний участников обществ с ограниченной ответственностью не коррелирует с возможностью участия регистратора в оформлении результатов общих собраний акционеров, проводимых в любой форме (в том числе в заочной) и приводит к снижению охранительного потенциала правового режима специального подтверждения

[1] Фоков А.П. Судьям: удостоверение нотариусами принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии // Российский судья. 2014. № 11. С. 3–7.

корпоративных актов[1].

В рассматриваемом аспекте необходимо отметить еще один нюанс: недопущение нотариального подтверждения решений заочных собраний вызывает проблему, связанную с императивностью п. 3 ст. 17 Закона «Об ООО», требующего нотариального усиления во всех случаях. С одной стороны, законодатель формально не запрещает принятие решения по вопросу об увеличении уставного капитала опросным путем, что может восприниматься как такое неудачное нормирование, которое дает возможность «обхода» требования о нотариальном удостоверении[2]. С другой стороны, жесткость указанной нормы в судебной практике воспринимается так, что простое протокольное оформление решения заочного собрания по вопросу об увеличении уставного капитала признается ненадлежащим[3], в связи с чем регистрирующие органы отказывают во внесении в ЕГРЮЛ записей, основанных на таком решении[4]. Последнее приводит к мнению, будто решения по указанному вопросу не могут приниматься заочно[5], что явно противоречит п. 1 ст. 38 Закона «Об ООО». Поэтому более перспективным видится иное толкование: вне зависимости от формы проведения собрания решения, связанные с увеличением уставного капитала, должны быть подтверждены нотариально. Думается, что с опорой на аналогию с возможностью нотариального оформления сделок, совершаемых путем обмена документами, следует допускать нотариальное подтверждение корпоративных решений, принимаемых опросным путем.

---

[1] Пешкова (Белогорцева) Х.В., Кашурин И.Н., Макаров О.В., Поваров Ю.С., Ротко С.В., Беляев М.А., Тимошенко Д.А., Чиришьян А.Р. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

[2] Поваров Ю.С. Проблемы нотариального удостоверения требования участника о приобретении обществом с ограниченной ответственностью доли в уставном капитале: анализ законодательных новелл // Нотариус. 2015. № 8. С. 34–38.

[3] Постановление АС Уральского округа от 26.05.2017 № А07-21544/2016.

[4] Пункт 1.3. Письма ФНС РФ от 06.07.2017 № ГД-4-14/13154@.

[5] Макарова О.А. Корпоративное законодательство – 2023 // Хозяйство и право. 2023. № 2. С. 25–38.

Заключение

Аналогия пронизывает правовую жизнь современного общества во всех её проявлениях. Раскрытие многосторонней сущности аналогии позволило показать её возможности по упорядочению и установлению определенности бесконечно разнообразных и динамично развивающихся частноправовых отношений.

Собран и аналитически оценен богатый эмпирический материал, проиллюстрировавший результаты основанной на аналогии частноправовой интуиции и инициативы. Обнаружены и типизированы случаи выхода сформулированных в частноправовой практике аналогических конструктов из субъективной области правосознания в объективную нормативно-правовую и поднормативную регуляторную сферу.

Проанализированный в ходе исследования аналогический инструментарий законотворчества, правоприменения и реализации субъективных прав должен быть переведён из дальнего запаса в состояние полной готовности к применению для гармонизации разнонаправленных, но равнозначимых частных интересов и согласования их с общественными.

Представляется перспективным дальнейшее исследование феномена аналогии в направлении разработки конкретных алгоритмов аналогической деятельности различных категорий субъектов в отдельных сегментах системы частноправовых общественных отношений.

Осмысление достоинств аналогии как универсального полифункционального юридического антипробельного средства может и должно перерасти в качественное совершенствование как самой частноправовой аналогической практики, так и ее доктринально обоснованного нормативного обеспечения.

Уже сейчас с опорой на теоретические результаты предпринятого исследования представляется возможным сделать ряд рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства:

1. Изложить п. 1 ст. 6 ГК РФ следующим образом: «В случаях, когда

предусмотренные пунктами 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы законодательством, иными актами, содержащими нормы гражданского права, сделкой, решением собрания, уставом или внутренним документом юридического лица, и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяются нормы гражданского права, регулирующее сходные отношения (аналогия закона)».

2. Дополнить ст. 6 ГК РФ пунктом 3 следующего содержания: «Применение норм гражданского права по аналогии не допускается, если этим ограничиваются права и свободы участников гражданских првоотношений, либо для них предусматриваются новые обязательства, обременения или ответственность».

3. Удалить содержащееся в п. 2 ст. 421 ГК РФ напоминание законодателя судам о существовании института аналогии закона (которое представляет собой «добавку» о не исключенной возможности рассмотрения отдельных отношений сторон по непоименованному договору через призму аналогии закона) либо заменить его на адресованное участникам договорных связей напоминание о запрете обхода закона и недопустимости злоупотребления договорной свободой.

4. Дополнить п. 3 ст. 65.3 ГК РФ общим правилом следующего содержания: «Если законом или уставом корпорации полномочия исполнительных органов корпорации ограничены определенным сроком и по истечении такого срока не принято решение об образовании новых исполнительных органов корпорации, полномочия исполнительных органов общества действуют до принятия указанного решения».

5. Внести законодательные корректировки в п. 2 ст. 90 и в п. 2 ст. 99 ГК РФ: во-первых, установить, что обязанность участника по оплате принадлежащей ему доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (обязанность акционера по оплате размещаемых акционерным обществом и приобретаемых акционером акций) может быть возложена участником (акционером) на саму корпорацию, других участников (акционеров) данной корпорации или иное третье лицо; во-вторых, уточнить, что хозяйственное общество не вправе исполнить соответствующую обязанность за участника

(акционера), если участник (акционер) не возлагал на него данное исполнение; в-третьих, определить, что хозяйственное общество не вправе принять исполнение, предложенное за участника (акционера) другими участниками (акционерами) данного общества или иными третьими лицами, если участник (акционер) не возлагал исполнение на указанных лиц.

6. Дополнить ст. 66.2 ГК РФ правилом, что просрочка оплаты доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (оплаты акций, размещаемых акционерным обществом), сама по себе не влечет переход доли (акций) к обществу при условии, что соответствующая оплата поступила до подачи обществом заявления в регистрирующий орган (до предъявления передаточного распоряжения регистратору) о переходе доли (акций) к обществу, а при невыполнении данного условия (при еще большем опоздании) такая оплата подлежит возврату.

7. Уточнить формулировки п. 2 ст. 90 и п. 2 ст. 99 ГК РФ соответственно следующим образом: «Допускается оплата уставного капитала общества с ограниченной ответственностью путем зачета встречных требований к обществу» и «Допускается оплата размещаемых акционерным обществом акций путем зачета встречных требований к обществу».

8. Дополнить п. 3 ст. 67.1 ГК РФ пунктом следующего содержания: «Решения очных собраний участников хозяйственных обществ, не удостоверенные нотариусом или лицом, осуществляющим ведение реестра акционеров и выполняющим функции счетной комиссии, в порядке, установленном подпунктами 1–3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ, если иной способ удостоверения не предусмотрен уставом общества с ограниченной ответственностью либо решением общего собрания участников такого общества, принятым всеми участниками общества единогласно, являются ничтожными».

9. Дополнить перечень оснований ничтожности решений собраний гражданско-правовых сообществ, закрепленный в ст. 181.5 ГК РФ, оговоркой о том, что решения собраний являются ничтожными и в иных случаях, прямо предусмотренных законом.

10. Включить в п. 6 ст. 67.7. ГК РФ правило следующего содержания: «Права сторон корпоративного договора, основанные на этом договоре, в том числе права требовать возмещения причиненных нарушением договора убытков, взыскания неустойки (штрафа, пеней), выплаты компенсации (твердой денежной суммы или суммы, подлежащей определению в порядке, указанном в корпоративном договоре) или применения иных мер ответственности в связи с нарушением корпоративного договора, подлежат судебной защите. Суд не может уменьшить размер компенсации за нарушение корпоративного договора, за исключением случаев, если доказано очевидное несоответствие этой денежной суммы неблагоприятным последствиям, вызванным нарушением корпоративного договора, а также если будет установлено заведомо недобросовестное осуществление права требовать ее уплаты в этом размере, способное привести к получению кредитором необоснованной выгоды».

11. Изложить ст. 393.1. ГК РФ в следующей редакции:

«Статья 393.1. Возмещение убытков при прекращении договора

1. В случае, если неисполнение или ненадлежащее исполнение должником договора повлекло его досрочное прекращение и кредитор заключил договор взамен (совершил одну или несколько замещающих сделок), кредитор, действовавший разумно и добросовестно, вправе потребовать от должника возмещения конкретных убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и более высокой (или более низкой), но разумной ценой на такое же или аналогичное исполнение по условиям договора, заключенного взамен прекращенного договора.

Кредитор вправе потребовать от должника возмещения конкретных убытков в виде разницы между ценами в первоначальном договоре и договоре, заключенном взамен до прекращения первоначального договора, при условии, что впоследствии первоначальный договор был прекращен в связи с нарушением обязательства, которое вызвало заключение одной или нескольких замещающих сделок.

При заключении замещающей сделки добросовестность кредитора и

разумность его действий презюмируются.

2. Если кредитор, действуя добросовестно, не заключил договор взамен прекращенного договора (пункт 1 настоящей статьи), но в отношении предусмотренного прекращенным договором предмета исполнения имеется текущая цена на такое же или аналогичное исполнение, кредитор вправе потребовать от должника возмещения абстрактных убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой.

Текущей ценой признается цена, обычно взимавшаяся при сравнимых обстоятельствах в момент прекращения договора за такое же или аналогичное исполнение в месте, где должен был быть исполнен договор, а при отсутствии текущей цены в указанном месте – цена, которая применялась в другом месте и может служить для добросовестного кредитора разумной заменой с учетом транспортных и иных дополнительных расходов.

3. Удовлетворение требований, предусмотренных пунктами 1 и 2 настоящей статьи, не освобождает сторону, не исполнившую обязательства или ненадлежаще его исполнившую, от возмещения иных убытков, причиненных другой стороне».

12. Сформулировать ст. 524 ГК РФ следующим образом:

«Статья 524. Возмещение убытков при расторжении договора поставки

1. Если в разумный срок после расторжения договора вследствие нарушения обязательства продавцом покупатель на основании одной или нескольких замещающих сделок приобрел у другого лица (у других лиц) по более высокой, но разумной цене такой же или аналогичный товар взамен предусмотренного договором, покупатель вправе потребовать от продавца возмещения конкретных убытков в виде разницы между установленной в договоре ценой и ценой по совершенным взамен сделкам.

2. Если в разумный срок после расторжения договора вследствие нарушения обязательства покупателем продавец на основании одной или нескольких сделок реализовал товар другому лицу (другим лицам) по более низкой, чем предусмотренная договором, но разумной цене, продавец вправе потребовать от покупателя возмещения конкретных убытков в виде разницы между установленной

в договоре ценой и ценой по совершенным взамен сделкам.

3. Если после расторжения договора по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 настоящей статьи, взамен расторгнутого договора замещающие сделки добросовестно не заключались и на данный товар имеется текущая цена, сторона вправе потребовать возмещения абстрактных убытков в виде разницы между ценой, установленной в договоре, и текущей ценой на момент расторжения договора.

Текущей ценой признается цена, обычно взимавшаяся при сравнимых обстоятельствах за такой же или аналогичный товар в месте, где должна была быть осуществлена передача товара. Если в этом месте не существует текущей цены, может быть использована текущая цена, применявшаяся в другом месте, которое может служить разумной заменой, с учетом разницы в расходах по транспортировке товара.

4. Удовлетворение требований, предусмотренных пунктами 1, 2 и 3 настоящей статьи, не освобождает сторону, не исполнившую или ненадлежаще исполнившую обязательство, от возмещения иных убытков, причиненных другой стороне».

13. Переместить относительно определенную категорию «аналогичный» в тексте ст. 582 ГК РФ из середины в конец открытого перечня.

14. Изложить текст п. 1 ст. 607 ГК РФ следующим образом:

«Статья 607. Объекты аренды

1. В аренду могут быть переданы земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, объекты незавершенного строительства, торговые и рабочие места и другие вещи.

Стороны вправе заключить договор аренды, по которому в пользование арендатору предоставляется не вся вещь в целом, а только ее отдельная часть».

15. Зафиксировать ст. 608 ГК РФ в обновленной редакции:

«Статья 608. Арендодатель

Право сдачи имущества в аренду принадлежит его собственнику.

Арендодателями могут быть также лица, управомоченные законом или собственником сдавать имущество в аренду. Договор аренды, заключенный лицом, которое в момент его заключения не обладало правом собственности на объект аренды (договор аренды будущей вещи), не является недействительным».

16. Осуществить законодательную генерализацию нормы п. 4 ст. 753 ГК РФ, а именно: переместить правила о составлении односторонних актов в общие положения о порядке приемки заказчиком работы по договору подряда (ст. 720 ГК РФ) и добавить в ст. 778 ГК РФ прямую ссылку о применении ст. 720 ГК РФ к отношениям по выполнению научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ.

17. Изложить ст. 812 ГК РФ в новой редакции:

«Статья 812. Оспаривание займа по безденежности (бестоварности)

1. Заемщик вправе оспаривать заем по его безденежности (бестоварности), доказывая, что предмет договора займа в действительности не поступил в его распоряжение или поступил не полностью.

2. Если договор займа должен быть совершен в письменной форме (ст. 808), оспаривание займа по безденежности (бестоварности) путем свидетельских показаний не допускается, за исключением случаев, когда договор был заключен под влиянием обмана, насилия, угрозы или стечения тяжелых обстоятельств, а также представителем заемщика в ущерб его интересам.

3. Если при оспаривании заемщиком займа по договору, считающемуся заключенным с момента передачи суммы займа или другого предмета договора займа заемщику или указанному им лицу, по его безденежности (бестоварности) установлено, что деньги, вещи или ценные бумаги в действительности не были получены от заимодавца, договор считается незаключенным. Когда деньги, вещи или ценные бумаги в действительности получены заемщиком от заимодавца в меньшем количестве, чем указано в таком договоре, договор считается заключенным на это (фактическое) количество денег, вещей или ценных бумаг.

4. При оспаривании заемщиком займа по договору, в силу которого заимодавец обязался предоставить заем, по его безденежности (бестоварности)

размер обязательств заемщика определяется исходя из переданных ему или указанному им третьему лицу сумм денежных средств или иного имущества».

18. Исключить слово «аналогичный» из текста ст. 734 ГК РФ при характеристике документа, фиксирующего оценочную стоимость принадлежащих заказчику материалов, передаваемых подрядчику для выполнения работ по договору подряда.

19. Заменить слово «сравнимый» на слово «аналогичный» в формулировке диспозиции нормы п. 3 ст. 424 ГК РФ о порядке определения цены в возмездном договоре, когда таковая не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора.

20. Исключить слово «фирменное» из формулировок правовых норм о наименованиях коммерческих организаций и распространить существующий правовой режим фирменных наименований (как объектов интеллектуальной собственности, на которые в силу положения части IV ГК РФ возникает исключительное право) на наименования любых (коммерческих и некоммерческих) юридических лиц.

21. Включить соглашения о разделе имущества супругов как частность в общий режим брачного договора путем указания на то, что к соглашению супругов или бывших супругов о разделе нажитого в период брака имущества подлежат применению положения п. 3 ст. 42 и ст. 44 СК РФ о брачном договоре.

22. Уточнить ст. 50 СК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 50. Установление судом факта признания отцовства и факта отцовства

В случае смерти или признания безвестно отсутствующим лица, которое признавало себя отцом ребенка, но не состояло в браке с матерью ребенка, факт признания им отцовства и факт отцовства может быть установлен в судебном порядке по правилам, установленным гражданским процессуальным законодательством».

23. Дополнить п. 1 ст. 115 СК РФ следующей нормой: «Если в соглашении об уплате алиментов меры ответственности за просрочку уплаты алиментов не

предусматривается, соответственно применяются положения п. 2 ст. 115 СК РФ».

24. Изложить п. 1 ст. 61 СК РФ в следующей редакции: «1. Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права). Если иное не установлено законом или соглашением родителей о порядке осуществления родительских прав и обязанностей, родители несут солидарную ответственность за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми личности или имуществу третьих лиц. Родитель может быть освобожден от ответственности, если по вине другого родителя он был лишен возможности принимать участие в воспитании и содержании ребенка, либо в силу объективных причин не мог воспитывать ребенка и участвовать в его материально-бытовом обеспечении».

25. Дополнить ст. 141 СК РФ пунктом 3 следующего содержания: «При отсутствии установленных в пункте 1 настоящей статьи оснований к отмене усыновления ребенка, однако если оставление ребенка с усыновителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от усыновителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие), и при этом отмена усыновления не отвечает интересам ребенка, суд может с учетом заслуживающих внимания обстоятельств принять решение об отобрании ребенка у усыновителей (одного из них) без отмены усыновления (ограничении родительских прав усыновителей) в порядке, предусмотренном статьей 73 настоящего Кодекса».

26. Изложить п. 2 ст. 161 СК РФ в новой редакции: «2. При заключении супругами договора (соглашения), определяющего их личные неимущественные и имущественные права и обязанности, супруги, не имеющие общего гражданства или совместного места жительства, могут избрать законодательство, подлежащее применению к такому договору (соглашению). В случае, если супруги не избрали подлежащее применению законодательство, к соответствующему договору (соглашению) применяются положения пункта 1 настоящей статьи».

Список использованных источников

Диссертации, авторефераты диссертаций

1. Акимов В.И. Аналогия в советском гражданском праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970. – 13 с.
2. Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. – 440 с.
3. Безина А.К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма. Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань. 1980. – 416 с.
4. Белоносов В.О. Теория и практика применения аналогии в уголовном судопроизводстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. – 199 с.
5. Богдан В.В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики: Дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2015. – 389 с.
6. Божок В.А. Институт аналогии в гражданском и арбитражном процессуальном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. – 172 с.
7. Власенко В.Н. Логические основания юридической квалификации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. – 22 с.
8. Гаряева Е.Ю. Правовое регулирование отношений, возникающих при помещении ценностей в банковскую ячейку. Дис. … канд. юрид. наук. М. 2014. – 190 с.
9. Груздев В.В. Автономное гражданско-правовое регулирование. Дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2021. – 378 с.
10. Гущев М.Е. Изменение законодательства России (проблемы теории и практики). Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. – 226 с.
11. Дресвянкин В.Б. Пробелы в российском трудовом праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2001. – 163 с.
12. Казанцев М.Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. – 41 с.
13. Клинова Е.А. Гражданско-правовые сделки при размещении эмиссионных ценных бумаг. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. – 24 с.
14. Колесник И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии. Дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. – 437 с.
15. Корецкий А.Д. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. – 58 с.
16. Кузнецова Л.Е. Применение гражданско-правовых норм к трудовым отношениям по аналогии. Дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2004. – 188 с.
17. Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы. Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. – 430 с.
18. Лаптев В.А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации. Дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 2018. – 448 с.
19. Леушин В.И. Динамичность советского права и восполнение пробелов в

законодательстве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. – 22 с.

20. Масляев А.И. Акционерное соглашение в международном частном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. – 163 с.

21. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ). Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. – 54 с.

22. Овчинникова Н.О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве и способы их устранения и преодоления. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. – 255 с.

23. Романенко Д.И. Аналогия права (цивилистическое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. – 190 с.

24. Рябчикова А.С. Правовое регулирование средств индивидуализации некоммерческих организаций. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. – 26 с.

25. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород. 2002. – 321 с.

26. Соломкина Д.Я. Задаток по российскому гражданскому праву. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. – 27 с.

27. Спектор Е.И. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 127 с.

28. Сятчихин А.В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. – 261 с.

29. Тихомирова В.В. Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России. Дис. ... канд. юрид. М., 2012. – 208 с.

30. Тихонравов Е.Ю. Способы восполнения пробелов в законодательстве: вопросы теории и истории. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. – 173 с.

31. Ткачук О.В. Отсылки в российском законодательстве: проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. – 196 с.

32. Туменова А.А. Позиции судов в России. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. – 166 с.

33. Уранский Ф.Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. – 192 с.

34. Фидаров В.В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России: Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. – 228 с.

35. Фомина Л.А. Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 27 с.

36. Чаусская О.А. Применение норм гражданского права: вопросы теории и практики: Дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2002. – 206 с.

37. Чичерова Л.Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. – 28 с.

38. Шарифуллин В.Р. Частноправовое регулирование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006. – 32 с.

39. Шиндяпина Е. Д. Аналогия права в правоприменении. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 24 с.

40. Юзвак М.В. Аналогия в налоговом праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. – 220 с.

Монографии, учебники, учебные пособия

1. Абдулкадиров Т. Принудительное исключение участника из непубличной компании. М., 2021. – 164 с.

2. Агафонова Н.Н., Белов В.Е., Солдатова В.И. Комментарий к Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей» (постатейный). М.: Проспект, 2017. – 240 с.

3. Агешкина Н.А., Баринов Н.А. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2014.

4. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплекс. исслед. М.: Статут, 1999. – 709 с.

5. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. – 781 с.

6. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М; 2010. – 432 с.

7. Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Том. 1. М.: Издательство Моск. Ун-та, 1969. – 858 с.

8. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 397 с.

9. Баторoев К.Б. Аналогии и модели в познании. Новосибирск: Наука, 1981. – 319 с.

10. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т.1 Введение в гражданское право: учебник. М.: Юрайт, 2011. – 520 с.

11. Белов В.А. Договор аренды: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2018. – 157 с.

12. Бершицкий Э.Е. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2021. – 154 с.

13. Беспалов Ю.Ф. Все о взыскании алиментов. Теория и практика: Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. – 128 с.

14. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 1998. – 681 с.

15. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд. М.: Статут, 2001. – 848 с.

16. Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М., 2013. – 240 с.

17. Булатова М.Н. Логика для юристов: учеб. пособие. Изд. 4-е, испр. и доп. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. – 222 с.

18. Буш Г.Я. Аналогия и техническое творчество. Рига: Авотс, 1981. – 139 с.

19. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. 1: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. – 400 с.

20. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Том I: Общая часть. Перевод с немецкого, под ред. С.В. Пахмана. СПб., 1874. – 358 с.

21. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр.

и доп. М.: НОРМА, 2009. – 431 с.

22. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. – 526 с.

23. Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – 176 с.

24. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. – 973 с.

25. Глушецкий А.А. Уставный капитал: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права. М.: Статут, 2017. – 184 с.

26. Гонгало Б.М. Избранное: в 5 т. Т.1 Гражданское право. М.: Статут, 2021. – 416 с.

27. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. – 220 с.

28. Горохов Б.А., Кнышев В.П., Потапенко С.В. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Практ. пособие / Под ред. В.Н. Соловьева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2009. – 674 с.

29. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: постатейный комментарий к главе 4 / Е.В. Бадулина, К.П. Беляев, А.С. Васильев и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. – 524 с.

30. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5. Под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015. – 662 с.

31. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учебник. Под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. – 720 с.

32. Гражданское право: в 4 т. Т. 2: учеб. 3-е изд. перераб. и доп. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2007. – 496 с.

33. Гражданское право: учебник в 2 т. Под ред. Е.Е. Богдановой. М.: Проспект. 2020. – 440 с.

34. Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. – 511 с.

35. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. Под ред. А.П. Сергеева. М.: «РГ Пресс», 2011. – 1006 с.

36. Гусев С.С. Наука и метафора. Л.: Наука, 1984. – 150 с.

37. Гусятникова Д.Е. 10 основных ситуаций защиты прав потребителей при покупке товаров. М.: Омега-Л, 2008. – 127 с.

38. Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; Ред. Л.Б. Макеева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 392 с.

39. Демин А.В. Принцип определенности налогообложения: монография. М.: Статут, 2015. – 368 с.

40. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии; общ. ред. и вступ. статья А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. – 620 с.

41. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. М.: Книга по Требованию. 2012. – 419 с.

42. Иноземцев М.И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств: Монография / МГИМО МИД России. М.: Статут, 2020. – 176 с.

43. Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. СПб., 2004. Т. II: Советское гражданское право. – 511 с.

44. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. – 627 с.

45. Завадский А.В. К учению о толковании гражданских законов : Новейшие течения по этому вопросу в немецкой лит. (шк. свобод. права и др.). Казань., 1916. – 168 с.

46. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807 - 860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, О.М. Иванов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. – 1282 с.

47. Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Новый гражданский кодекс РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. – 447 с.

48. Капитова О.В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации: Монография. М.: Юриспруденция, 2010. – 136 с.

49. Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005. – 286 с.

50. Карташов В.Н. Институт аналогии в советском праве. Вопросы теории: Учебное пособие. Под ред.: Матузов Н.И. Саратов, 1976. – 63 с.

51. Кодификация российского частного права / Под ред. Д.А. Медведева. М. 2008. – 336 с.

52. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практич. комментарий (постатейный) Под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. – 912 с.

53. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный). Под ред. С.А. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. – 1504 с.

54. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского // СПС КонсультантПлюс. 2006.

55. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского // СПС КонсультантПлюс. 2007.

56. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). Под ред. О.Н. Садикова. 3-е изд., испр., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2005. – 1062 с.

57. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Отв. ред. В.М. Жуйков. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 27. – 224 с.

58. Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и

др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019. – 735 с.

59. Корпоративное право: учебный курс: в 2 томах / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. – 990 с.

60. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. – 184 с.

61. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019. – 381 с.

62. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм: критические заметки об одной реакционной философии. М.: Звено, 1909. – 438 с.

63. Левушкин А.Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах – участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: Учебно-практическое пособие. М.: Юстицинформ. 2012. – 208 с.

64. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. – 146 с.

65. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. – 511 с.

66. Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. М.: Статут, 2007. – 255 с.

67. Микрюков В.А., Микрюкова Г.А. Введение в гражданское право: Учебное пособие для бакалавров. М.: Статут, 2016. – 128 с.

68. Михайловский И.В. Очерки философии права: Т. 1. Томск, 1914. – 604 с.

69. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. – 421 с.

70. Муратова С.А. Семейное право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 375 с.

71. Научные основы советского правотворчества / Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Пиголкин А.С., Поленина С.В., и др.; Отв. ред.: Халфина Р.О. - М.: Наука, 1981. – 317 с.

72. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). Под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малеиной. М.: НОРМА, 2004. – 848 с.

73. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Т. 1. – 622 с.

74. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Т. 2. – 486 с.

75. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. – 511 с.

76. Нечаева А.М. Семейное право. Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2002. – 320 с.

77. Нечаева А.М. Семейное право: учеб. пособие. 4-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2011. – 285 с.

78. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: А - Д. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред.

совет.: В.С. Степин - пред. совета и др. М.: Мысль, 2010. – 741 с.

79. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2: Е - М. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В.С. Степин - пред. совета и др. М.: Мысль, 2010. – 634 с.

80. Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. М.: Юр.лит., 1959. – 157 с.

81. Нормы права: теоретико-правовое исследование: монография. Отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов; Рос. акад. правосудия. М.: РАП, 2014. – 164 с.

82. Ольсон Г. Динамические аналогии. Перевод с англ. Б.Л. Коробочкина. Под ред. М.А. Айзермана. М. 1947. – 224 с.

83. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва : М-Логос, 2020. – 1469 с.

84. Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. Екб.: Налоги и финансовое право, 2005. – 336 с.

85. Пешкова (Белогорцева) Х.В., Кашурин И.Н., Макаров О.В., Поваров Ю.С., Ротко С.В., Беляев М.А., Тимошенко Д.А., Чиришьян А.Р. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2020.

86. Платон. Сочинения: В 4 т. Т. 1: Апология Сократа / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. – 632 с.

87. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград. 1917. – 328 с.

88. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007. – 256 с.

89. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. Под ред. П.В. Крашенинникова. М: Статут, 2011. Т. 2. – 421 с.

90. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам / Е.А. Борисова, С.А. Герасименко, Б.А. Горохов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2008. – 831 с.

91. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния». Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. – 654 с.

92. Практика применения Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2010. – 1161 с.

93. Практика применения Гражданского кодекса РФ частей второй и третьей. Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2009. – 1429 с.

94. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров. Отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017. – 850 с.

95. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. – 224 с.

96. Пчелинцева Л.М. Семейное право России: Учебник. 5-е изд., перераб. М.: Норма, 2008. – 704 с.

97. Пьяных Е.П. Логика: конспект лекций для студентов всех форм обучения. Екатеринбург: Изд-во УрГУПС, 2012. – 131 с.

98. Пьянов Н.А. Государственное регулирование общественных отношений: вопросы теории: монография. Иркутск, 2009. – 221 с.

99. Райхер В.К. Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – 267 с.

100. Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. С.-Пб., Киев: Н.Я. Оглоблин, 1913. – 302 с.

101. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2013. – 495 с.

102. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право. – 1208 с.

103. Российское предпринимательское право: учебник. Отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. М.: Проспект, 2011. – 1072 с.

104. Сабо И. Социалистическое право. Перевод с венгерского; Под ред.: Туманов В.А. (Вступ. ст.); Пер.: Гейгер Б.Я., Проняков И.В., Сикачев Н.Н. М.: Прогресс, 1964. – 396 с.

105. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М., 2009. – 219 с.

106. Семейное право: Учебник / Под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. – 318 с.

107. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2008. – 920 с.

108. Советское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Т.1. Под редакцией О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985. – 544 с.

109. Строгович М.С. Логика: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.: Госполитиздат, 1949. – 363 с.

110. Суворов Н.С. Лекции по энциклопедии права М., 1907. – 127 с.

111. Сучкова Н.В. Исполнительная надпись нотариуса: Методическое пособие. М.: Статут, 2015. – 240 с.

112. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. – 331 с.

113. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др.; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. – 539 с.

114. Туманов Д.А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. М.: Норма, 2008. – 208 с.

115. Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования. Из истории физ.-мат. наук / АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. М., Наука, 1970. – 264 с.

116. Филипенко М.М. Аналогия как средство познания. М.: Мысль, 1975. – 56 с.

117. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.:

Статут, 2013. – 350 с.

118. Фомина Л.А. Пробелы в гражданском праве России: понятие, сущность, способы преодоления: Монография. Волгоград, 2008. – 168 с.

119. Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк (издание 6-е, исправленное и дополненное). М., 1914. – 148 с.

120. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. – 432 с.

121. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск первый. М. 1910. – 810 с.

122. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. – 556 с.

123. Эмпахер А. Сила аналогий. Пер. с польск. Ф.Г. Хацянова; под ред. и с предисл. А.В. Шилейко. М.: Мир, 1965. – 154 с.

124. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006. – 238 с.

125. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. – 976 с.

Статьи

1. Абдуллаев Л.Ш. Аналогия закона и проблема источников гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 464–473.

2. Абраменков М.С. Формальная действительность завещаний // Наследственное право. 2013. № 4. 10–16.

3. Абрамова А.И. Субсидиарное применение норм судом // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. № 41. М., 1998. С. 3–12.

4. Абрамова Е.Н. К вопросу о нотариальном удостоверении решения собрания юридического лица // Нотариус. 2018. № 6. С. 12–17.

5. Абрамова Е.Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. 2024. № 1. С. 10–13.

6. Абросимова Е. Договор пожертвования между юридическими лицами // Корпоративный юрист. 2005. № 2. С. 39–42.

7. Авилов Г.Е. Хозяйственные товарищества и общества в Гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский; Исследовательский центр частного права. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. С. 176–202.

8. Азарова Е.С. Генезис судебной власти // Мировой судья. 2023. № 8. С. 2–6.

9. Азарова Е.Г. Пенсионное обеспечение детей, потерявших кормильца: особенности правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 112–127.

10. Акимова И.Ю. Брачный договор: проблемы реализации // Нотариус. 2016. № 8. С. 26–29.

11. Аксенова М.А. Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. 2020. № 7. С. 18–24.

12. Алейников Б.Н. Интеллектуальные права: понятие, соотношение с вещными правами // Адвокат. 2016. № 7. С. 15–19.

13. Алейникова В.В. Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Закон. 2022. № 6. С. 126–138.

14. Алейникова В.В. Принцип добросовестности в семейном праве: сфера применения и пути толкования // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 3–7.

15. Алексеев А.А. Уменьшение неустойки судом как способ защиты прав должника // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 34–37.

16. Алексеев В.А. Наследование недвижимости и государственная регистрация прав // Наследственное право. 2011. № 2. С. 20–24.

17. Алексеев В.А. Свойство следования, обременение недвижимой вещи и система прав на недвижимость // Закон. 2022. № 8. С. 82–92.

18. Алексеева Д.Г. «Отказные» полномочия банков в отношении подозрительных операций клиентов: вопросы соблюдения частных и публичных интересов // Банковское право. 2018. № 4. С. 9–17.

19. Алиэскеров М. Процессуальная аналогия в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 18–20.

20. Альбиков И.Р. Взаимоотношения совместно проживающих лиц // Семейное и жилищное право. 2010. № 4. С. 6–8.

21. Альбиков И.Р. К вопросу об общетеоретической характеристике наследственных прав фактических супругов // Семейное и жилищное право. 2012. № 1. С. 3–5.

22. Альбиков И.Р. Особенности правовой природы и содержания брачного договора // Юрист. 2010. № 8. С. 44–47.

23. Альбов А.П. Нормы культуры как источник и форма права // Современный юрист. 2013. № 4. С. 54–65.

24. Андрианов Н.А. Правовая природа сдачи результата работ по договору строительного подряда. Продолжение дискуссии // Право и экономика. 2013. № 7. С. 33–36.

25. Аминов Е.Р. Новация алиментных обязательств // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 3–7.

26. Аминов Е.Р. Правовой режим новации долга в заемное обязательство // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 6. С. 91–94.

27. Анисимов А.П., Мограбян А.С. Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 117–125.

28. Анисимов В.Ф. Маленькое мнение в большой дискуссии // Российский судья. 2016. № 6. С. 56–57.

29. Анишина В.И. Правовая природа актов судебного правотворчества // Журнал российского права. 2006. № 10(118). С. 124–133.

30. Аракелян А.А. Оценочные понятия гражданского права: исторический опыт становления и использования // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 111–117.

31. Арапов Н.А., Савиных В.А. О гарантиях правомерных интересов частных

лиц в условиях полисемии права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 5. С. 150–192.

32. Арсланов К.М. О роли нотариального удостоверения в корпоративных юридических процедурах на примере ГмбХ // Нотариус. 2015. № 4. С. 40–44.

33. Арсланов К.М. О государственной регистрации права: на примере права пережившего супруга на долю в общей совместной собственности согласно абз. 2 п. 4 ст. 256 ГК РФ // Наследственное право. 2020. № 3. С. 44–47.

34. Артамонникова С.В. Банковская ячейка, аккредитив и депозит нотариуса как правовые механизмы минимизации рисков в электронных сделках // Нотариальный вестник. 2024. № 5. С. 46–52.

35. Артемьева Н.В. Принятие решений общим собранием участников общества с ограниченной ответственностью об увеличении уставного капитала // Нотариальный вестник. 2016. № 2. С. 12–22.

36. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.

37. Аскольдов С.А. Аналогия как основной метод познания // Мысль. 1922. № 1. С. 34–54.

38. Астахова М.А. Способы защиты семейных прав: вопросы теории // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 7–11.

39. Афанасьева И.В. Правовая природа и содержание договора суррогатного материнства // Медицинское право. 2015. № 4. С. 39–42.

40. Ашуха В.М., Невзгодина Е.Л. Пункт 4 ст. 51 семейного кодекса Российской Федерации – гарантия защиты материнских прав, повод для злоупотребления правом, анахронизм? // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 3 (52). С. 111–116.

41. Бабаев А. Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов // Сделки: проблемы теории и практики: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2008. С. 119–164.

42. Багрова Н.В. Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов // Нотариус. 2014. № 3. С. 23–25.

43. Байдаров А.Д. Особенности правового регулирования финансовой основы деятельности общественных объединений потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 62–67.

44. Бакаева И.В. Гражданское право как отрасль права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 93–102.

45. Бакаева И.В. Подтверждение решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 23–28.

46. Балашов А.Н. Аналогия закона в механизме юридической техники (на примере норм гражданского процессуального права) // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 25–28.

47. Балашов А.Н., Мишутина Э.И. Вопросы применения аналогии закона и аналогии права в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 59–62.

48. Баранов В.М. Ссылки (отсылки) в актах правотворчества: технико-юридические дефекты и пути преодоления их вредных последствий // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 5–21.

49. Баранов В.М., Власенко Н.А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11–19.

50. Батманов С.А. Понятие правовой неопределенности // Адвокат. 2015. № 11. С. 20–25.

51. Батрова Т.А. Корпоративные конфликты в некоммерческих организациях: особенности, виды и способы предотвращения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 8. С. 8–12.

52. Бахарева О.А. Некоторые аспекты процессуального положения лиц, участвующих в делах, связанных с установлением происхождения детей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 7–10.

53. Бевзенко Р.С. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: перспективы отмены // Закон. 2006. № 9. С. 50–55.

54. Беглярова Е.Г. Основания, порядок, правовые последствия отмены усыновления // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 1. С. 48–54.

55. Белкин А.А. Аналогия в государственном праве // Правоведение. 1992. № 6. С. 13–24.

56. Белов В.А. Виды требований потребителей: теоретико-практический анализ // Закон. 2021. № 9. С. 33–41.

57. Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 53–90.

58. Белова М., Макин Р. Двойные (множественные) косвенные иски: сравнительно-правовой обзор и некоторые соображения о перспективах института в российском праве // Журнал РШЧП. 2019. № 2. С. 92–103.

59. Белова М.Т., Макин Р.В. Применение рыночных дисконтов за миноритарность и малоликвидность к цене доли участника при его выходе из ООО // Закон. 2017. № 8. С. 64–74.

60. Белоусов А.А. О смысловой и терминологической множественности правовых понятий // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4 (25). С. 50–57.

61. Белоусов С.А. Отрицательный законодательный дисбаланс: понятие и пути устранения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 7. С. 91–94.

62. Бершицкий Э.Е. Оценочные ограничения сингулярного правопреемства в обязательственных правах на стороне кредитора: в поисках критериев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3. С. 72–120.

63. Беспалов Ю.Ф. Право справедливости и российская семья: социально-правовой аспект // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 6–11.

64. Беспалов Ю.Ф. Применение семейного законодательства РФ к алиментным отношениям: некоторые теоретические и практические аспекты // Нотариус. 2017. № 7. С. 19–23.

65. Беспалов Ю.Ф. Семейное законодательство Российской Федерации:

некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 4–7.

66. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11–15.

67. Беспалова С. Действия банка можно оспорить // ЭЖ-Юрист. 2016. № 26. С. 15.

68. Бикулов Р.Р. Защита прав и интересов участника ООО в случае его выхода из состава участников ООО: актуальные особенности и правовые последствия // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1. С. 9–11.

69. Блещик А.В. Выявление искажений в законодательстве и коммуникативный подход к праву: опыты правовой экспертизы нормативных актов // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 101–114.

70. Блинова О.В., Белов, С.А. Языковая неоднозначность и неопределённость в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 11(4). С. 774–812.

71. Блохин П.Д. Аналогия и «ведущие основания решения» в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 4. С. 29–38.

72. Блохин П.Д. Проблема аналогии в конституционном судопроизводстве в контексте дискуссии о прецедентной природе решений Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 19–30.

73. Богданов Д.Е. Вопросы договорной справедливости в отечественной судебной практике // Российский судья. 2012. № 12. С. 33–36.

74. Богданов Д.Е. Новеллы Гражданского кодекса РФ с позиции концепции добросовестной последовательности в действиях и заявлениях // Законодательство и экономика. 2016. № 2. С. 44–49.

75. Богданов Д.Е. Справедливые начала договора и договорной ответственности // Адвокат. 2012. № 11. С. 38–49.

76. Богданов Д.Е., Богданова С.Г. Способы толкования договора в судебной практике // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 48–56.

77. Богданов Е.В. Место корпоративного права в российской правовой системе // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 3. С. 30–34.

78. Богданов Е.В. Свобода и произвол как элементы договорного регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 41–53.

79. Богданова Е.Е. Актуальные проблемы возмещения убытков в договорных обязательствах // Гражданское право. 2015. № 3. С. 6–9.

80. Богданова Е.Е. Отдельные проблемы признания права как способа защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 103–112.

81. Богданова Е.Е. Правовое регулирование отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy) в условиях развития цифровых технологий: тенденции законодательства и судебной практики // Право и цифровая

экономика. 2020. № 2 (08). С. 38–40.

82. Богданова Е.Е. Применение сложноструктурной модели права собственности в гражданском законодательстве Российской Федерации // Современное право. 2013. № 8. С. 44–50.

83. Богданова Е.Е. Проблемы возмещения убытков // Современное право. 2005. № 9. С. 2–6.

84. Богданова Е.Е. Спорные вопросы раздела имущества супругов // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 100–116.

85. Богданова Е.Е., Белова Д.А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 66–75.

86. Богданова Е.Е., Малеина М.Н., Ксенофонтова Д.С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex russica. 2020. № 5. С. 129–142.

87. Боева К. Выплата дивидендов учредителям ООО // ЭЖ-Юрист. 2017. № 19. С. 9.

88. Бойко Т.С. Защита миноритариев от притеснения со стороны мажоритария в непубличных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 7. С. 112–156.

89. Бойко Т. Новый этап либерализации российского корпоративного права: Федеральный закон № 352-ФЗ // Корпоративный юрист. 2010. № 3. С. 17–20.

90. Болдырев В.А. О коммерческих и некоммерческих организациях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 95–99.

91. Бондаренко Н.Л. Снижение неустойки судом: понятие и значение // Журнал российского права. 2013. № 11. С. 67–74.

92. Бондаренко Н.Л. Современный методологический подход к исследованию принципов гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 305–309.

93. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75–85.

94. Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 5–27.

95. Боннер А.Т. Законодательство об искусственном оплодотворении и практика его применения судами нуждаются в усовершенствовании // Закон. 2015. № 7. С. 134–151.

96. Боннер А.Т. Искусственное оплодотворение: достижения и просчеты современной медицины и человеческие драмы // Закон. 2015. № 8. № 9. С. 168–187.

97. Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики. В кн.: Судебная практика в советской правовой системе, под ред. С.Н. Бртуся. М., «Юрид. лит». 1975. С. 8–74.

98. Брежнев О.В. Универсализация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации при осуществлении правосудия судами общей юрисдикции // Российский судья. 2017. № 3. С. 50–54.

99. Бублик В.А., Семякин М.Н. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ: общая характеристика, онтологические и гносеологические основания, отдельные виды // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 705–737.

100. Бубновская Т.А. Райдшеринг как объект правового регулирования // Транспортное право. 2017. № 4. С. 10–13.

101. Бубчикова М.В. Особенности разрешения гражданского иска по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и по уголовным делам, где потерпевшим является малолетнее или несовершеннолетнее лицо // Мировой судья. 2016. № 8. С. 33–36.

102. Будылин С.Л. Исправим ли порок? Обратимость сделок в российском праве // Современное право. 2007. № 2. С. 2–5.

103. Булаевский Б.А. К вопросу о связи норм семейного и наследственного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 36–40.

104. Булаевский Б.А. Существенные условия договора: некоторые проблемы определения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 103–106.

105. Булыга Н. «Золотые якоря и парашюты»: легко ли взыскать? // Трудовое право. 2011. № 11. С. 47–67.

106. Булыгина М.А. Способы защиты прав добросовестной стороны при нарушении договора мены // Юрист. 2015. № 2. С. 4–8.

107. Бурмистрова Е.В. Правовое регулирование суррогатного материнства в России // Медицинское право. 2014. № 1. С. 38–41.

108. Бычков А. Несоответствие цены, указанной цифрами и прописью // Финансовая газета. Региональный выпуск. 2011. № 37. С. 5.

109. Бычков А.И. Практические аспекты использования конструкции «вещная неустойка» // Юрист. 2012. № 12. С. 18–23.

110. Бычков А. Стимулирование недобросовестных должников // Финансовая газета. 2011. № 44. С. 2

111. Вавилин В.Е. Договор каршеринга: разграничение видов в зависимости от круга участников // Цивилист. 2024. № 2. С. 20–25.

112. Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5–18.

113. Вайпан В.А. Пробелы в праве как фактор искажения принципа социальной справедливости в судебной практике // Вестник арбитражной практики. 2018. № 5. С. 3–6.

114. Валуйский А.В. Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов споров о праве на доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (за январь 2005 г. – март 2006 г.) // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2006.

115. Василевская Л.Ю. Возмещение убытков в российском и англо-американском праве: различие концептуальных подходов // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 51–62.

116. Василевская Л.Ю. Деликтная ответственность за нарушение цифровых прав: проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2024. № 2. С. 2–5.

117. Василевская Л.Ю. Институты иностранного права в Гражданском

кодексе Российской Федерации: новое регулирование – новые проблемы // Судья. 2016. № 10. С. 10–13.

118. Василевская Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 105–117.

119. Василенко Н.В. Значение видовых и типовых отличий договоров для правового регулирования непоименованных соглашений // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.): избранные материалы. Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2015. С. 142–147.

120. Васильев Г.С. Заменимость и индивидуальная определенность // Арбитражные споры. 2005. № 4 (32). С. 121–124.

121. Васильева Е.В. Предварительный договор аренды: особенности налогообложения у будущих арендаторов и арендодателей // Бухучет в строительных организациях. 2011. № 8. С. 9–20.

122. Васильева Л. Глухонемые и неграмотные на приеме у нотариуса // Право каждого. 2012. № 6 (38). С. 5.

123. Васькин В.В., Мустафин Р.Р. Изменение договора найма жилого помещения по требованию члена семьи нанимателя // Жилищное право. 2009. № 4. С. 33–38.

124. Верещагин А.Н. «Кассационные преступления»: Правительствующий Сенат и применение уголовного права по аналогии // Закон. 2022. № 5. С. 188–197.

125. Ветер Н.Ю. К вопросу о понятии «обход закона» // Власть Закона. 2015. № 1. С . 155–165.

126. Вильнянский С.И. Значение логики в применении правовых норм // Ученые записки. Ученые записки Харьковского Юридического Института. Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1948. Вып. 3. С. 77–110.

127. Виниченко Ю.В. Об индивидуальном правовом регулировании гражданского оборота // Гражданское право. 2023. № 1. С. 2–8.

128. Виниченко Ю.В. О нормативном правовом регулировании системы гражданского оборота // Гражданское право. 2021. № 5. С. 10–13.

129. Виниченко Ю.В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3. С. 98–115.

130. Витрянский В.В. Вопрос-ответ // СПС КонсультантПлюс. 2015.

131. Витрянский В. Новеллы о договорах в сфере банковской и иной финансовой деятельности // Хозяйство и право. 2017. № 11. С. 3–28.

132. Витрянский В.В. Особенности ответственности за нарушение «предпринимательского» договора // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 20–26.

133. Витрянский В.В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 26–59.

134. Вихарев А.А. Последствия доктринальных дискуссий о самостоятельности семейного права как отрасли права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 1. С. 64–71.

135. Вишневский А.А. О субъектах, пределах и принципах защиты

потребителя // Закон. 2021. № 9. С. 25–32.

136. Власова А.С., Удалова Н.М., Кочкурова К.С. Становление личности коммерческой корпоративной организации: теоретические и практические аспекты // Право и экономика. 2015. № 9. С. 43–52.

137. Внуков Н.А. Особенности альтернативного порядка урегулирования гражданско-правовых споров по потребительским договорам // Цивилист. 2012. № 3. С. 47–55.

138. Войтович Е.П. Международное семейное право: quo vadis? // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 166–173.

139. Войтович Е.П. Раздел общего имущества супругов: материальное и коллизионное регулирование // Нотариус. 2019. № 3. С. 13–17.

140. Волков А.В. Формализм против субъективизма в гражданском праве // Современное право. 2010. № 1. С. 35–39.

141. Волков А.В., Блинков О.Е. Дробление бизнеса: правовые проблемы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 2. С. 261–280.

142. Волос А.А. Свобода договора и ее пределы в цифровой среде // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2. С. 254–273.

143. Волос Е.П. Признаки слабой стороны в гражданском правоотношении в современных экономико-правовых условиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 94–101.

144. Вольфсон В.Л. Ответственность авиаперевозчика за просрочку доставки пассажира: единые принципы и специальные нормы // Транспортное право. 2023. № 1. С. 13–17.

145. Воробьева О.Ю. Выплата дивидендов путем передачи недвижимости // Налог на прибыль: учет доходов и расходов. 2021. № 8. С. 46–50.

146. Выборнова М.М. Современное законодательство европейских стран о фактических брачных отношениях разнополых лиц // Семейное и жилищное право. 2011. № 3. С. 7–9.

147. Гаврилов Е.В. Неприменение к интеллектуальным правам положений о вещных правах как пример запрета аналогии закона в гражданско-правовых отношениях // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 12. С. 25–34.

148. Гаврилов Е.В. Опровержение не соответствующих действительности порочащих сведений как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2012. № 9. С. 46–51.

149. Гаврилов Э.П. Анализ статьи 1227 ГК РФ // Патенты и лицензии. 2021. № 10. С. 22–23.

150. Гаврилов Э. Действие во времени гражданского законодательства, касающегося интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2012. № 5. С. 74–84.

151. Гаврилов Э. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. № 10. С. 13–25.

152. Гаврилов Э.П. О введении в Гражданский кодекс РФ общих норм, устанавливающих принцип добросовестности // Хозяйство и право. 2013. № 8. С. 3–9.

153. Гаврилов Э.П. О наименовании юридического лица // Хозяйство и право. 2011. № 12. С. 3–11.

154. Гаврилов Э. О неустойке // Хозяйство и право. 2012. № 10. С. 30–55.

155. Гаврилов Э.П. О неустойке и процентах за неисполнение денежного обязательства после принятия изменений в общую часть обязательственного права // Хозяйство и право. 2015. № 6. С. 3–13.

156. Гаврилов Э. О правовой охране селекционных достижений // Хозяйство и право. 2011. № 1. С. 3–11.

157. Гаврилова Ю.А. Правоприменительная практика: особенности смыслообразования // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 46–55.

158. Гаджиев Г.А. Методологические проблемы «прецедентной революции» в России // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 5–8.

159. Галифанов Р.Г. Особенности правовых взаимоотношений доменных имен и товарных знаков // ИС. Промышленная собственность. 2017. № 8. С. 33–48.

160. Галкова Е.В. Соотношение принципа сохранности капитала акционерного общества и ответственности эмитента за проспект ценных бумаг // Закон. 2015. № 11. С. 114–131.

161. Гамбарян А.С. Развитие права вопреки закону (contra legem) в Республике Армения // Государство и право. 2023. № 5. С. 145–157.

162. Ганижев А.Я. Правовая природа и виды решения общего собрания хозяйственного общества // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 112–120.

163. Гатауллин Р.А. Правоположения как элемент правовых позиций судебных органов в системе юридических гарантий // Российский судья. 2022. № 12. С. 35–40.

164. Германов А.В. Молчание законодателя и пробел в гражданском процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 7. С. 2–5.

165. Глазунов А.Ю. Право на получение дивидендов: экономический анализ и правовое регулирование. Закон. 2017. № 7. С. 160–174.

166. Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79–134.

167. Глушецкий А.А. Уставный капитал хозяйственного общества: экономический анализ норм корпоративного права // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 217–278.

168. Голубцов В.Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex russica. 2019. № 8. С. 37–50.

169. Голубцов В.Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 142–150.

170. Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 175–184.

171. Голубцов В.Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 3. С. 396–419.

172. Гольмакова Э.М.А. Правовые основания применения закона по аналогии. Обеспечение стабильности судебных актов, мотивированных применением аналогии закона // Адвокатская практика. 2021. № 5. С. 2–6.

173. Гонгало Б.М. Недвижимость (понятие, виды объектов): наши разногласия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 16–23.

174. Гонгало Б.М. Определение наследственной массы супругов в совместном завещании // Семейное и жилищное право. 2019. № 6. С. 13–17.

175. Гончаров А.И., Квициния Н.В. Квазинормы Верховного Суда Российской Федерации как «потенциальный» источник гражданского права // Цивилист. 2022. № 4. С. 62–68.

176. Горлов В. Аналогия – исключительный инструмент // ЭЖ-Юрист. 2017. № 7–8. С. 9.

177. Горлов В.А. Ответственность за нарушения условий договора международной купли-продажи товаров // Право и экономика. 2000. № 6. С. 12–14.

178. Горохов Д.Б. Современное законотворчество в сфере содержания, использования и охраны животных // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 138–153.

179. Горская Е.Ю. К вопросу применения по аналогии ст. 135 Семейного кодекса Российской Федерации к семейным правоотношениям // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 8–10.

180. Григорьев В.И. Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 188–229.

181. Григорьев К.Е. Решения Конституционного Суда РФ как источник российского права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 56–61.

182. Григорьева Т.А., Кулахметов Ш.Б. Косвенный иск как процессуальное средство защиты права акционеров на дивиденды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 40–45.

183. Гринь О.С., Гринь Е.С. Системы учета прав по различным договорным отношениям // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 95–104.

184. Гришаев С.П. Договор возмездного оказания услуг: теория и практика применения // СПС КонсультантПлюс. 2017.

185. Гришаев С.П. Кредитный договор: содержание, виды, исполнение // СПС «КонсультантПлюс». 2010.

186. Громов А.А. Согласие третьего лица на совершение сделки // Опыты цивилистического исследования: Сб. ст. / Отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2019. С. 59–84.

187. Грось Л.А. Производство в судах кассационной инстанции – основная форма проверки законности судебных актов, вступивших в законную силу // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 9. С. 33–37.

188. Гузанов К.А. Особенности применения поименованных и не поименованных в ГК РФ договоров в сфере оказания услуг связи // Гражданское право. 2017. № 1. С. 37–41.

189. Гук П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex

russica. 2016. № 7. С. 14–27.

190. Гук П.А. Судебная практика как средство обеспечения определенности правоприменения // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 35–38.

191. Гуляихин В.Н., Широ С.В. Правовое мышление как регулятор социального поведения // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 31–35.

192. Гумеров Л.А., Краснов А.В., Скоробогатов А.В. Преодоление пробелов в праве в процессе судебного правоприменения // Российское правосудие. 2022. Специальный выпуск: К X Всероссийскому съезду судей. С. 48–59.

193. Гусева И.А. Петров А.В. Перспективы выплаты российскими публичными компаниями дивидендов в условиях экономических санкций // Инновации и инвестиции. 2022. № 5. С. 95 – 99.

194. Гусейнов Т.А. Проблемы нотариального удостоверения решений собраний // Закон. 2014. № 11. С. 46–52.

195. Гутников О.В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 2. С. 102–127.

196. Гутников О.В. Особые меры гражданско-правовой ответственности в корпоративном праве как базисная характеристика корпоративной ответственности // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 72–84.

197. Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48–65.

198. Гутников О.В. Тенденции развития корпоративного права в современных условиях // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 59–73.

199. Гюрджан О.М. Правовая природа усыновления // Lex russica. 2013. № 9. С. 993–997.

200. Давлетова А.Р., Лескова Ю.Г. К вопросу о пределах свободы заключения непоименованного договора // Власть Закона. 2014. № 2. С. 34–43.

201. Дегтярев М.В. Моделирование в праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3. С. 436–461.

202. Демин А.В. Квалифицированное молчание закона в механизме налогово-правового регулирования // Закон. 2012. № 2. С. 129–138.

203. Демичев А.А., Илюхина В.А. О некоторых дискуссионных проблемах принципов цивилистического процесса России (аналогия закона и аналогия права, сочетание единоличного и коллегиального начала в судопроизводстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 3–6.

204. Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности как требование определенности нормы права // Юридические исследования. 2017. № 2. С. 68–80.

205. Дерюгина Т.В. О дихотомии конструкции смешанного договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 3. С. 467–478.

206. Диденко А.А. Защита прав и интересов должника при применении статьи 333 Гражданского кодекса России: теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1. С. 52–56.

207. Дмитриева Л.М. К вопросу об автоматизме перехода доли в уставном капитале (акций) при неисполнении участником хозяйственного общества обязанностей // Право и экономика. 2013. № 8. С. 34–39.

208. Добровинский А.А. Проблемы толкования пункта 2 статьи 35 Семейного кодекса РФ в российской правовой науке и судебной практике // Lex russica. 2020. № 3. С. 9–19.

209. Добровольский В.И. Правовые последствия истечения срока полномочий генерального директора // Современное право. 2008. № 12. С. 100–102.

210. Долгов С.Г. Возмещение убытков в связи с прекращением обязательства на основании акта государственного органа // Гражданское право. 2015. № 3. С. 13–14.

211. Долгов С.Г. Наследование после смерти сожителя/сожительницы: вопросы правоприменения // Наследственное право. 2021. № 4. С. 8–12.

212. Долинская В.В. Изменения в гражданском и корпоративном законодательстве // Цивилист. 2010. № 2. С. 12–29.

213. Долинская В.В. Имущество, переданное в качестве вкладов (взносов) в уставный (складочный, паевой) капитал, в системе отношений собственности юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 22–28.

214. Долинская В.В. Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 13–22.

215. Долинская В.В. Правовая природа юридически значимых сообщений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6.С. 10–19.

216. Долинская В.В. Проблемы взаимодействия деликтного права и права корпораций (корпоративного права) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 9–17.

217. Долинская В.В. Проблемы правового режима объектов экономической деятельности при разводе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 40–46.

218. Долинская В.В. Собрания и их решения в гражданском праве и праве корпораций // Власть Закона. 2014. № 3. С. 15–24.

219. Долинская В.В. Судебные акты в праве России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 1. С. 3–13.

220. Долинская В.В. Уставный капитал акционерного общества в системе имущественных отношений // Юрист. 2006. № 7. С. 49–51.

221. Долинская В.В., Кузнецов В.В. Формирование уставного капитала и дивиденды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 3–5.

222. Дроздов П.В. О проблеме правовой природы устава юридического лица // Хозяйство и право. 2023. № 5. С. 3–10.

223. Дрыга М.А. К вопросу о применении к налоговым правоотношениям положений гражданского законодательства // Финансовое право. 2016. № 6. С. 32–36.

224. Егоров А.В. Изменение закона как форма его аутентичного толкования // Закон. 2022. № 5. С. 14–36.

225. Егорова М.А., Арсланов К.М. Проценты по денежному обязательству: краткий комментарий статьи 317.1 ГК РФ // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1. С. 15–21.

226. Елисеева А.А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // Журнал

российского права. 2010. № 3. С. 82–89.

227. Елисеева А.А. Соглашение о разделе общего имущества супругов: юридическая сущность и содержание // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 8–12.

228. Ельникова Е.В. Крестьянское (фермерское) хозяйство в системе российских коммерческих корпораций: вопросы без ответов // Хозяйство и право. 2023. № 3. С. 27–42.

229. Емелькина И.А. Юридические лица как субъекты права собственности и ограниченных вещных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 3–9.

230. Ерахтина О.С., Широкова А.Д. Корпоративный контроль и особенности его защиты в обществах с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 80–87.

231. Еременко В.И. О правовой охране наименований мест происхождения товаров в России // Законодательство и экономика. 2012. № 5. С. 16–38.

232. Ермолова О.Н. Обязательные требования к предпринимательской деятельности: вопросы дефиниции понятия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 11. С. 59–69.

233. Ермолова О.Н. Ответственность в гражданском праве // Гражданское право. 2008. № 3. С. 20–24.

234. Ермошкина М.Ф. Задаток: проблемы и новые возможности // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: Сб. статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2010. С. 155–172.

235. Ершов В.В. Правовая природа принципов российского права: теоретические и практические аспекты // Российский судья. 2009. № 6. С. 19–24.

236. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4 (84). С. 4–23.

237. Ершов В.В. Пробелы в национальных правовых актах и праве // Российское правосудие. 2023. № S1. С. 20–31.

238. Ершов В.В. Эволюция и эманация права: сравнительный анализ // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 65–74.

239. Ершов О.Г. Подписание акта приемки результата строительных работ: сделка, сделкоподобные или фактические действия? // Право и экономика. 2012. № 7. С. 36–38.

240. Ершов О.Г. Предварительный договор в строительстве // Право и экономика. 2010. № 11. С. 38–44.

241. Ершова И.В. Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 67–75.

242. Жирикова К.А. Опыт стран СНГ в правовом регулировании суррогатного материнства // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 13–16.

243. Жуков А.В., Скворцов А.В. Договор поставки и ответственность по нему // Судебно-арбитражная практика московского региона. Вопросы правоприменения. 2008. № 3. С. 32

244. Журавлева О.О. Налогово-правовые меры поддержки семей // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 92–105.

245. Завьялов М.М. Финансовый мониторинг ЕРСМ-контрактов крупнейших налогоплательщиков в нефтегазовой отрасли // Финансовое право. 2022. № 4. С. 41–44.

246. Загидуллин М.Р. Концептуальные основы юридической ответственности в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 107–126.

247. Зайков Д.Е. Взыскание неустойки и злоупотребление правом: проблемы соотношения и толкования // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 64–73.

248. Зайков Д.Е. Уменьшение неустойки за несвоевременную уплату алиментов // Гражданин и право. 2022. № 10. 40–46.

249. Зайцев О.В. Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 105–136.

250. Зайцев О.В. Усиление диспозитивности гражданско-правового регулирования как тенденция развития современной правовой системы. Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина 28-29 октября 2015 года / отв. ред. А.В. Малько; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань: Издательство «Концепция», 2015. Вып. 4. С. 40–42.

251. Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования при применении аналогии как способа защиты гражданских прав // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы V ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 21 мая 2016 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. С. 87–91.

252. Зайцева Н.В. Поведенческие стандарты в системе частноправовых отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 1.

253. Зайцева Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 476–501.

254. Закиров Р.Ю. Публичный договор и договор присоединения в проекте ГК РФ // Юрист. 2013. № 8. С. 22–25.

255. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20–29.

256. Зардов Р.С. О толковании договоров // Вестник арбитражной практики. 2018. № 6. С. 56–64.

257. Зарубин А.В. Природа доли в праве общей долевой собственности // Нотариус. 2018. № 7. С. 31–34.

258. Звенигородская Н.Ф. Возможные основания классификации семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2010. № 4. С. 21–24.

259. Звенигородская Н.Ф. Гражданско-правовая категория неустойки в

семейном праве: общее и частное // Нотариус. 2010. № 6. С. 25–28.

260. Звенигородская Н.Ф. Договорная неустойка как форма ответственности в семейном праве // Нотариус. 2010. № 1. С. 38–41.

261. Звенигородская Н.Ф. Договорные семейно-правовые санкции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 2 (8). С. 113–117.

262. Звенигородская Н.Ф. Проблемы признания недействительным соглашения о разделе имущества супругов // Юрист. 2009. № 5. С. 55–63.

263. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–9.

264. Зыков С.В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 189–208.

265. Иванов А.А. Переосмысливая отношения между родителями и детьми // Закон. 2023. № 2. С. 110–119.

266. Иванов Д.А. Нотариальное подтверждение решений хозяйственных обществ: острые проблемы и первые выводы судебной практики // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 214–221.

267. Игнатьев А.С. Соотношение судебного усмотрения и законности: общетеоретический подход (на примере практики Конституционного Суда РФ) // Закон. 2013. № 7. С. 132–141.

268. Из практики Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2008. № 1. С. 84–112.

269. Измайлова Е.В. Нотариальные действия по принятию, фиксации, выдаче, передаче сведений и документов, а также их предоставлению в иные органы и организации // Нотариус. 2020. № 2. С. 8–11.

270. Ильина О.Ю. Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2(70). С. 23–31.

271. Ильина О.Ю. О значении некоторых семейно-правовых связей в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2018. № 1. С. 9–12.

272. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 14–17.

273. Ильина О.Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 13–17.

274. Илюшина М.Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3.

275. Илюшина М.Н. Односторонние юридически значимые волеизъявления сторон как правомерные волевые акты, влияющие на гражданские правоотношения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. 26–32.

276. Иншакова А.О., Кагальницкова Н.В., Балтутите И.В. Аналогия закона, аналогия права и акты судебного толкования, как вспомогательные источники

гражданского права // Современная научная мысль. 2016. № 3. С. 228–238.

277. Исупова М.М., Коптелова И.Е. Концептуальные метафоры в корпоративном праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 11. С. 59–67.

278. Кабаков А.Ю. Аренда объектов незавершенного строительства // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2007. № 4. С. 2–5.

279. Кабанов В.Л. Отмена усыновления (удочерения) детей и проблемы их интересов: социально-гуманитарные аспекты // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 17–21.

280. Казаков А. К вопросу о рецепции траста российским правом // Корпоративный юрист. 2006. № 7. С. 20–25.

281. Каймакова Е.В. Актуальные вопросы правового положения свойственников в семейных отношениях // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 14–17.

282. Кальгина А.А., Ильин Б.В. Жив ли исполнительский иммунитет единственного жилья гражданина-должника? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 55–66.

283. Камышанский В.П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3. С. 15–25.

284. Касаткина А.Ю. Семейные ценности в доктрине семейного права и семейного законодательства Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2020. № 1. С. 18–20.

285. Касаткина А.Ю. Семья в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 5. С. 7–9.

286. Карапетов А.Г. Комментарий к статьям 330 - 333 Гражданского кодекса РФ о неустойке в сфере последней судебной практики // Защита гражданских прав. М.: Статут, 2017. С. 177–201.

287. Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 24–80.

288. Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9. С. 6–106.

289. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник ВАС РФ. 2012. № 4. С. 12–56.

290. Карпов М.В. О некоторых вопросах применения мер ответственности в семейно-правовых отношениях // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 24–29.

291. Кархалев Д.Н. Возмещение убытков при прекращении договора // Нотариус. 2017. № 5. С. 7–9.

292. Кархалев Д.Н. Договорная ответственность в гражданском праве // Российская юстиция. 2015. № 8. С. 14–18.

293. Кархалев Д.Н. Охранительные нормы в гражданском праве //

Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 51–54.

294. Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Государство и право. 1992. № 1. С. 16–24.

295. Кириллова А.Д. Реализация дискреционных полномочий правоприменителей в системе способов преодоления правовой неопределенности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 26–32.

296. Кириллова Е.А. Наследование содержимого банковской ячейки: проблемы нотариальной и судебной практики // Нотариус. 2016. № 2. С. 15–18.

297. Кирилова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4. С. 76–80.

298. Кириченко К.А. Охрана тайны информации о рождении ребенка: перспективы российского права и развитие вспомогательной репродукции // Медицинское право. 2015. № 1. С. 24–28.

299. Кириченко К.А. Правовой режим репродуктивной тайны // Вестник НГУ. 2007. Т. 3. Вып. 1. С. 97–103.

300. Кирпичев А.Е. Неклассические теории договора (договор-обещание, дискретные, реляционные и сетевые договоры) в контексте новой редакции ГК России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 51–58.

301. Кирпичев А.Е., Кондратьев В.А. Буквальное толкование договора судом и квалификация опечаток в тексте договора // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 31–38.

302. Кирсанова А.А. Особенности распоряжения супругами долями в обществе с ограниченной ответственностью // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 10. С. 48–52.

303. Клык Н.Л. Ценные бумаги как результат эволюции имущественных прав: монография // СПС КонсультантПлюс. 2010.

304. Коблева М.М., Лусегенова З.С. О роли нравственности в современном цивилистическом процессе (аксиологический подход) // Мировой судья. 2024. № 1. С. 28–33.

305. Коголовский И.Р. Фиктивные состояния в семейном праве // Юрист. 2008. № 5. С. 20–23.

306. Кожокарь И.П. Неполнота правовой регламентации как дефект системы российского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 82–87.

307. Козлов Д. Увеличение уставного капитала: когда миноритарий всесилен // ЭЖ-Юрист. 2013. № 36. С. 1, 4.

308. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Выход из общества с ограниченной ответственностью // Журнал российского права. 2023. № 9.

309. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Правовые последствия неоплаты уставного капитала хозяйственного общества: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 3. С. 41–53.

310. Комашко М.Н. Уменьшать или не уменьшать? К вопросу о применении статьи 333 ГК РФ // Закон. 2006. № 12. С. 23–31.

311. Кондратенко З.К. Проблемы судебной практики, связанные с рассмотрением споров, возникающих по договорам аренды объектов

незавершенного строительства // Юрист. 2018. № 3. С. 30–34.

312. Корнакова С.В., Полетаева Е.Л., Чигрина Е.В. Суррогатное материнство: проблемы правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 10–13.

313. Корсаненкова Ю.Б. Право социального обеспечения и семейное право: межотраслевые связи // Социальное и пенсионное право. 2020. № 4. С. 22–27.

314. Корючина И.А. Наследственная трансмиссия: проблемы правового регулирования // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 3. С. 253–266.

315. Косова О.Ю. Общие долги супругов: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 17–20.

316. Косова О.Ю. Об ответственности за просрочку уплаты алиментов // Нотариус. 2007. № 3. С. 4–8.

317. Костюченко Р.Ю. Аналогия в науке и обучении // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 4 (24). С. 136–142.

318. Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы? // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 227–288.

319. Кочиева О.А. Конституционно-правовые основы парламентского контроля в Республике Южная Осетия // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 191–201.

320. Кравченко И.В. Зачет дивидендов в счет долга по займу порой дело рисковое // Главная книга. 2022. № 10. С. 25–27.

321. Краецкая Е. Исключение акционера из общества // Юридический справочник руководителя. 2023. № 1. С. 66–74.

322. Краецкая Е. Когда АО может не платить дивиденды? // Юридический справочник руководителя. 2022. № 6. С. 35–43.

323. Крайнов А.В. Специфика принципа беспрепятственности осуществления гражданских прав в сфере обязательств // Современное право. 2023. № 4. С. 26–30.

324. Красильников М.В. Право миноритариев на дивиденд и его защита по законодательству России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 2. С. 63–67.

325. Краснов А.В. К вопросу о роли судебной практики в преодолении и восполнении пробелов в праве // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 88–91.

326. Краснова С.А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 68–110.

327. Краснова Т.В. Содержание родительских прав: перспективы укрепления правового положения родителей в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 102–106.

328. Краснова Т.В., Алексеева Е.В. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 4. С. 426–439.

329. Краснова Т.С. Установление сервитута по требованию арендатора

земельного участка. По мотивам одного определения ВС РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 46–64.

330. Кратенко М.В. Действия по «распоряжению» личными нематериальными благами: понятие, виды и пределы осуществления // Законы России: опыт анализ, практика. 2008. № 1. С. 60–65.

331. Кратенко М. Договор «аренды» нетипичных объектов // Хозяйство и право. 2007. № 6. С. 19–29.

332. Кратенко М.В. К вопросу о реформе законодательства о защите прав потребителей // Судья. 2014. № 1. С. 18–23.

333. Кратенко М.В. Раздел общих обязательств (долгов) супругов: некоторые проблемы теории и практики // Адвокат. 2011. № 9. С. 21–38.

334. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Право членства // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 71–77.

335. Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.

336. Крашенинников П.В., Бадулина Е.В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 19–24.

337. Крохина Ю.А. Имплементация концепции бенефициарного собственника в целях привлечения к ответственности за уклонение от уплаты налогов // Налоги. 2022. № 2. С. 38–42.

338. Крыжан В.А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 91–98.

339. Кряжева С.Г., Москвитина М.М. Об особенностях речевой коммуникации в профессиональной деятельности нотариуса // Нотариус. 2023. № 1. С. 2–5.

340. Ксенофонтова Д.С. Исковая давность в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 4–8.

341. Ксенофонтова Д.С. К вопросу о новации алиментных обязательств в свете реформирования гражданского законодательства // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 30–32.

342. Кузнецов А.А. Выход участника из хозяйственного общества как способ защиты прав и законных интересов // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 31–63.

343. Кузнецов А.А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 4–24.

344. Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 4–31.

345. Кузнецов В.В. О свободе воли при формировании уставного капитала акционерного общества (по материалам Определения Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 206-О-О) // Цивилист. 2011. № 4. С. 47–50.

346. Кузнецова В.В. Значение и особенности предварительных процедур при регулировании трудовых отношений с руководителем организации // Право и

экономика. 2013. № 10. С. 51–55.

347. Кузнецова И.Ю. Установление отцовства в судебном порядке // Вестник Саратовской гос. юрид. академии. 2016. № 3 (110). С. 73–76.

348. Кузнецова О.А. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью как способ реализации права: проблемы теории и практики // Современное право. 2019. № 2. С. 135–138.

349. Кузнецова О.А. Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 316–324.

350. Кузнецова О.А. Полнота возмещения убытков по российскому гражданскому праву // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16 - 17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 79–84.

351. Кузнецова О.А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4. С. 97–103.

352. Кузнецова О.А. Проблемы правоприменения принципов гражданского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 3 (16). С. 23–32.

353. Кузнецова О.А. Прямое (непосредственное) действие принципов гражданского права // Нотариус. 2006. № 1. С. 37–39.

354. Кузьмин А.И. Соотношение корпоративного и частного интереса // Юрист. 2014. № 7. С. 32–36.

355. Кузьмина А.В. Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 698–727.

356. Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 185–192.

357. Кулаков В.В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 16–20.

358. Курбатов А.Я. Соотношение неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами // Гражданское право. 2020. № 4. С. 3–6.

359. Курбатов А.Я. Разрешение коллизий с участием норм Гражданского кодекса Российской Федерации: старые и новые проблемы // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 36–44.

360. Курбатова С.С. Правовое регулирование грантов в системе расходов бюджета // Закон. 2015. № 3. С. 141–149.

361. Курдюмов М.И. Актуальные вопросы правового регулирования института банковской гарантии // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 17–20.

362. Кусков А.С. Снижение судом штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя: анализ правовых позиций судов высших инстанций // Право и экономика. 2019. № 5. С. 68–73.

363. Кутафин О.Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex Russica. Научные труды МГЮА. М.: Изд-во МГЮА. 2007. № 4. С. 610–622.

364. Кучин М.В. Формы судебного нормотворчества // Российский

юридический журнал. 2018. № 3. С. 9–23.

365. Кюрджев М., Медведская И. Увеличение уставного капитала общества за счет вкладов участников общества // Корпоративный юрист. 2008. № 10. С. 24–27.

366. Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 6. С. 7–15.

367. Лазарев В.В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 5–17.

368. Лазарев В.В., Гаджиев Х.И. Основные источники (формы) судебного права // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 5–22.

369. Лазаренкова О.Г. К вопросу о наследовании содержимого банковского сейфа (ячейки сейфа) // Наследственное право. 2018. № 3. С. 18–20.

370. Лазаренкова О.Г., Сидорова В.Н. Некоторые спорные вопросы обновленного законодательства об удостоверении доверенности // Нотариус. 2015. № 3. С. 22–25.

371. Лалетина А.С., Косякин И.А. Срок полномочий единоличного исполнительного органа акционерного общества // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 2. С. 114–136.

372. Ламейкина Е.Ю. Проблемы правового регулирования фактических брачных отношений // Семейное и жилищное право. 2013. № 1. С. 5–8.

373. Лаптев В.А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 3–36.

374. Лаптев В.А. Корпоративная собственность – юридический прием корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2. С. 62–68.

375. Лаптев В.А. Общее имущество крестьянского (фермерского) хозяйства – корпоративная собственность коллективного лица? // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 75–87.

376. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79–102.

377. Лаптев В.А. Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. 2016. № 2. С. 30–37.

378. Лаптев В.А. Решения судов в составе судебной практики: применение закона и принципа справедливости // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 10. С. 28–33.

379. Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 285–311.

380. Лебедев В.М. Научные основы современной российской модели правосудия // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 103–115.

381. Лебедева О.Ю. Юридическая категория «родство» в современном семейном праве // Семейное и жилищное право. 2013. № 3. С. 21–24.

382. Левушкин А.Н. Защита прав детей при усыновлении (удочерении) в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Современное право. 2011. № 6. С. 101–104.

383. Левушкин А.Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57.

384. Левушкин А.Н. Правовая природа соглашения супругов о разделе общего имущества // Юридический мир. 2011. № 3. С. 30–33.

385. Левушкин А.Н. Фактические брачные правоотношения: объективная реальность и необходимость правового регулирования // Современное право. 2014. № 3. С. 65–67.

386. Левченко О.С. К вопросу о сторонах публичного договора // Законодательство и экономика. 2008. № 6. С. 49–52.

387. Леоненко Л.Л. Аналогия и достоверность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2008. № 1. С. 524–528.

388. Лескова Ю.Г., Диденко А.А. Корпоративные акты как источники корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 15–20.

389. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против // Право и политика. 2005. № 11. С. 9–18.

390. Лобанов Г.А. Применение законодательства по аналогии // Юрист. 1999. № 10. С. 2–4.

391. Логвиненко М. Пособие для нотариусов по удостоверению протоколов общих собраний участников и акционеров // Административное право. 2014. № 3. С. 65–67.

392. Лозовская С.В. Постановления Конституционного Суда РФ как источник права // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 8–12.

393. Ломакин Д.В. Дивиденды акционерного общества // Хозяйство и право. 2014. № 9. С. 65–85.

394. Ломакина П.А. Добровольный раздел общих долгов супругов по российскому праву // Вестник гражданского права. 2015. № 4. С. 36–53.

395. Ломакина П.А. Совместные обязательства супругов. Проблемы доказывания // Закон. 2018. № 12. С. 144–154.

396. Ломидзе О.Г., Ломидзе Э.Ю. Способы защиты нарушенного права участника общества, направленные на восстановление корпоративного контроля // Закон. 2012. № 2. С. 91–99.

397. Лухманов М.И. Заверения об обстоятельствах: теоретические и практические проблемы в свете новых разъяснений ВС РФ // Закон. 2019. № 7. С. 153–168.

398. Лухманов М.И. Проблемные вопросы возникновения и реализации права заказчика на взыскание расходов на устранение недостатков результата работ / Проблемы строительного права: сборник статей. Сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2022. Вып. 1. С. 147–181.

399. Лысова Ю.В. Устранение фундаментальной судебной ошибки как право

суда выйти за пределы исковых требований // Право и экономика. 2015. № 6. С. 72–79.

400. Любарская Т. Аналогичное применение // ЭЖ-Юрист. 2008. № 27. С. 2.

401. Мазовка Е.Н. Признание долговых обязательств общими обязательствами супругов: анализ судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 82–89.

402. Майфат А.В. Некоторые вопросы прекращения корпоративных правоотношений: выход участника из общества с ограниченной ответственностью / Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2016. С. 120–127.

403. Майфат А.В., Гордеев П.А. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: диспозитивность регулирования и ее пределы // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 35–48.

404. Макаренко Г.Н. Правовое регулирование отношений установления отцовства и материнства при применении методов вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. 2007. № 2. С. 20–23.

405. Макаров П.Н. Обзор новелл гражданского законодательства, упрощающих взыскание убытков кредитором (с учетом позиций Пленума ВС РФ) // Закон. 2016. № 12. С. 149–160.

406. Макарова О.А. Корпоративное законодательство – 2023 // Хозяйство и право. 2023. № 2. С. 25–38.

407. Макарова О.А. Позиция ВС РФ по рассмотрению некоторых корпоративных споров (в свете Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах) // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 3. С. 43–48.

408. Максимец Т.И. Эффективность правового регулирования суррогатного материнства // Медицинское право. 2009. № 1. С. 50–52.

409. Малеина М.Н. Использование в рекламе изображения гражданина: правовые основания и последствия // Закон. 2007. № 10. С. 21– 26.

410. Малеина М.Н. Правовой режим зданий и сооружений, не прикрепленных к поверхности земли // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 33–42.

411. Малеина М.Н. Роль правовых принципов в устранении и минимизации рисков применения геномных технологий // Lex russica (Русский закон). 2019. № 8. С. 121–128.

412. Малешин Д.Я. Процессуальные гарантии назначения нотариусом экспертизы // Нотариальный вестник. 2023. № 1. С. 5–20.

413. Мальбин Д.А. Уменьшение размера имущественной ответственности: постановка проблемы // Гражданское право. 2021. № 1. С. 18–21.

414. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66–77.

415. Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество (правоустановление) в Российской Федерации как особая форма современного правотворчества // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 6–8.

416. Малюшин А.А. Судебное правотворчество в процессе правоприменения

// Российский судья. 2007. № 6. С. 7–10.

417. Мананкова Р.П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 26–41.

418. Манжосов С.А. Аналогия, взвешивание и дедукция в структуре следования прецеденту // Правоведение. 2018. № 2. С. 400–421.

419. Манохин О.Г. Особенности применения положений ст. 333 ГК РФ при определении размера судебной неустойки // Гражданское право. 2023. № 6. С. 43–45.

420. Манылов И.Е. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С. 89–112; № 5. С. 110 – 142. № 6. С. 63–107.

421. Матанцев Д.А. Возмещение вреда как санкция в семейном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 82–86.

422. Матанцев Д.А. Злоупотребление правом в гражданско-правовых обязательствах // Бюллетень нотариальной практики. 2011. № 4. С. 4–5.

423. Матвеева Н.А. Нотариальное удостоверение соглашения о разделе общего совместного имущества супругов // Нотариус. 2016. № 5. С. 20–21.

424. Матиящук С.В. Возмещение убытков в виде стоимости потерь тепловой энергии: вопросы теории и судебной практики // Законодательство и экономика. 2013. № 12. С. 37–39.

425. Махиня Е.А. Аналогия права в российском гражданском праве // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 24 апреля 2015 года / Омская юридическая академия; Отв. ред. Н.А. Резина. Омск: Омская юридическая академия, 2015. С. 92–96.

426. Медведев Д.А. Гражданский кодекс России – его роль в развитии рыночной экономики и создании правового государства (доклад 25 апреля 2007 г.) // Вестник ВАС. 2007. № 7. С. 5–15.

427. Медведев Р. Когда директор уже не директор... // ЭЖ-Юрист. 2011. № 13. С. 9.

428. Медведев С.В., Медведева А.С. Отмена усыновления должна быть исключительной мерой, преследующей цель защиты прав и интересов ребенка // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 8–11.

429. Мельников Н. Сделки с объектами незавершенного строительства // Хозяйство и право. 2010. № 4. С. 58–63.

430. Мельникова Т.В. Функция вкладов в имущество хозяйственных товариществ или обществ // Юридический мир. 2016. № 9. С. 27–29.

431. Меньшенин П.А. Понятие и предмет предварительного договора: основные подходы теории и практики // Вестник ВАС РФ. 2011. № 1. С. 30–48.

432. Меньшикова В.А. Нотариальная защита корпоративных правоотношений // Юстиция. 2017. № 1. С. 79–82.

433. Мерзлякова И.С. К вопросу о несовершенстве семейного законодательства Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 10–16.

434. Мигачева А.Ю. Семейный интерес в наследственном праве: постановка проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 7. С. 105–107.

435. Мизинцев Е.Н. О соотношении нотариальной и судебной деятельности // Российский судья. 2012. № 4. С. 28–31.

436. Микрюков В.А. Аналогия в механизме моделирования юридической личности крестьянского (фермерского) хозяйства / VI пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): Избранные материалы / Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 306–311.

437. Микрюков В.А. Вклады в имущество АО и ООО: аналогии и различия // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 31–35.

438. Микрюков В.А. Гражданско-правовые модели взаимного финансирования основных и дочерних хозяйственных обществ // Цивилист. 2011. № 2. С. 93–97.

439. Микрюков В.А. Конструирование понятия гражданско-правового обременения в законодательстве // Законодательство и экономика. 2012. № 5. С. 39–45.

440. Микрюков В.А. О возможности отмены согласия гражданина на использование его изображения // Юрист. 2013. № 13. С. 36–39.

441. Микрюков В.А. О государственной регистрации обременения недвижимого имущества договором ссуды // Закон и право. 2012. № 12. С. 44–47.

442. Микрюков В.А. О дифференцированном согласии гражданина на обнародование и использование его собственного изображения // Право и экономика. 2013. № 2. С. 47–51.

443. Микрюков В.А. О недопустимости установления и прекращения обременений гражданских прав по аналогии // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 69–71.

444. Микрюков В.А. О практике применения судами гражданского законодательства по аналогии // Вестник арбитражной практики. 2013. № 6. С. 5–13.

445. Микрюков В.А. О свойстве эластичности права собственности при его ограничении и обременении // Вестник Пермского университета. Серия юридические науки. 2011. Выпуск 4 (14). С. 100–106.

446. Микрюков В.А. О ситуационных судебных ограничениях гражданских прав // Российский судья. 2012. № 2. С. 24–29.

447. Микрюков В.А. Обременения недвижимого имущества по договору ренты // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 113–120.

448. Микрюков В.А. Подтверждение решения общего собрания участников и оформление решения единственного участника хозяйственного общества: уместна ли аналогия? // Нотариус. 2016. № 4.С. 14–18.

449. Микрюков В.А. Пределы ограничения судами прав кредитора на основании ст. 333 ГК РФ // Российский судья. 2014. № 4. С. 16–19.

450. Микрюков В.А. Проблема применения по аналогии подзаконных актов, содержащих нормы гражданского права // Восьмой пермский конгресс ученых-юристов: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова; Перм. Гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 106–109.

451. Микрюков В.А. Содержание ограничений и обременений права собственности // Вестник Пермского университета. Серия юридические науки. 2011. № 2 (12). С. 125–129.

452. Микрюков В.А. Формирование высшего органа управления корпорации // Законодательство и экономика. 2015. № 4. С. 19–25.

453. Микрюков В.А. Формирование понятия «гражданско-правовое обременение» в судебной практике // Цивилист. 2012. № 4. С. 36–40.

454. Минаев А.В., Недвецкая Я.С. Особенности доказывания безденежности договора займа // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 6–9.

455. Минникес И.А. Автономное регулирование как вид индивидуального правового регулирования // Известия ИГЭА. 2011. № 1 (75). С. 151–155.

456. Миннуллина К.А. Недостаточная капитализация как злоупотребление корпоративной формой: к вопросу квалификации // Хозяйство и право. 2022. № 7. С. 31–38.

457. Мирина Н.В., Божков А.С. Противоречия реализации права участника на выход из общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2012. № 5. С. 30–32.

458. Митрякова Е.С. Юридическое значение согласия суррогатной матери на запись заказчиков родителями ребенка в свете Постановления Пленума ВС РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Российский судья. 2021. № 3. С. 11–17.

459. Михеева Л.Ю. Объекты гражданских прав: правовые позиции, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Судья. 2015. № 10. С. 11–18.

460. Михеева Л.Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.

461. Моисеева Т.М. Совместная собственность супругов и (или) общее имущество супругов: анализ современного семейного и гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 131–136.

462. Момотов В.В., Улетова Г.Д., Маркова-Мурашова С.А. Применение института аналогии в материальном и процессуальном праве России: история и современность // Современное право. 2011. № 10. С. 3–12.

463. Монастырский Ю.Э. Задаток в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 133–165.

464. Морозов С.Ю. Организация и управление в гражданском праве // Юридический мир. 2011. № 11. С. 38–39.

465. Москаленко И.В. Роль дефиниций в информационном обеспечении функций гражданско-правовых норм // Нотариус. 2004. № 5. С. 30–32.

466. Москвичев А.А. Технология работы с индивидуальными банковскими сейфами // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. 2013. № 6. С. 53–65.

467. Муранов А.И. Иностранное юридическое лицо как единственный участник российского хозяйственного общества // Законодательство. 2007. № 11. С. 46–53.

468. Муромцев С.А. Суд и закон в гражданском праве // Юридический вестник: Ноябрь. Издание Московского Юридического Общества. 1880. № 11. С. 377–393.

469. Мыскин А.В. Добросовестный супруг как участник наследственных правоотношений // Нотариус. 2019. № 7. С. 20–23.

470. Надежин Ю.Ю. Вопросы применения арбитражной практики // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 133–168.

471. Накушнова Е.В. Особенности правового регулирования договоров возмездного оказания услуг // Нотариус. 2007. № 2. С. 13–16.

472. Нам К.В. Принцип добросовестности как норма-правило // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 56–67.

473. Нарутто С.В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине // Lex russica. 2018. № 10. С. 40–49.

474. Негодяев В.В. Опционы: актуальные вопросы судебной и нотариальной практики // Нотариальный вестник. 2021. № 3. С. 26–43.

475. Некеров Е.А. Защита неимущественного права на наименование некоммерческой организации. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 11 июля 2017 года № 53-КГ17-12 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 4–7.

476. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права. - М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. С. 34–41.

477. Нестеров А.В. Еще раз о контенте: юридический аспект // Юрист. 2020. № 1. С. 46–52.

478. Нестерова Т.И. Об обеспечении баланса интересов супругов и добросовестных приобретателей супружеского имущества // Хозяйство и право. 2023. № 6. С. 97–112.

479. Нечаева А.М. Общение как разновидность права родителя на семейное воспитание ребенка // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 10–12.

480. Низамиева О.Н. Актуальные вопросы судебной практики по применению мер ответственности за ненадлежащее исполнение алиментных обязанностей // Ученые записки Казанского ун-та. Серия Гуманитарные науки. Вып. № 6. Т. 157. 2015. С. 204–211.

481. Низамиева О.Н. Позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам толкования положений семейного законодательства в сфере алиментирования // Семейное и жилищное право. 2015. № 5.

482. Низамиева О.Н. Соглашение об определении долей в общем имуществе и соглашение о разделе общего имущества супругов: особенности правового регулирования // Нотариус. 2005. № 4. С. 13–16.

483. Никиташина Н.А. Классификация презумпций в семейном праве // Lex russica. 2018. № 3. С. 34–51.

484. Никитин А.В. О предмете договора аренды // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 11. С. 59–63.

485. Новак Д., Белов В., Рыбалов А., Степанов Д., Балаян О., Каплоухий М.,

Глухов Е., Распутин М., Слыщенков В. Реформа договорного права: некоторые итоги // Закон. 2015. № 6. С. 22–33.

486. Новоселова Л.А. Заявление о выходе из ООО: судебная практика // Корпоративный юрист. 2006. № 11. С. 71–77.

487. Новикова А.А. Неденежная неустойка: теоретические и практические проблемы применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2. С. 69–73.

488. Носов С.И. Изменение пределов и предмета правового регулирования в эпоху цифровизации // Юрист. 2021. № 12. С. 63–69.

489. О проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 84–99.

490. Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами споров, связанных с выходом участников из обществ с ограниченной ответственностью (за июнь 2004 – март 2005 г.), подготовленный группой авторов ЗАО «ЮРИНФОРМ В» для системы КонсультантПлюс.

491. Обыденнов А.Н. Правоположения судебной практики // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 115–117.

492. Овсянникова А.О. Абстрактный и конкретный методы исчисления убытков // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 9–61.

493. Ода Х. Акционерные соглашения: осторожный шаг вперед // Вестник гражданского права. 2010. № 1. С. 132–161.

494. Олейник Е.В., Шевченко О.М. Понятие и правовое регулирование цифровой корпорации // Предпринимательское право. 2023. № 2. С. 36–41.

495. Онищенко В.В. Вывод a contrario как одно из логических средств толкования положений гражданского законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 147–155.

496. Ординарцева Л.И. Правовое значение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в механизме семейно-правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2014. № 6. С. 19–21.

497. Оробинский В. Энциклопедия обычаев // ЭЖ-Юрист. 2013. № 41. С. 8.

498. Осипова М.А. Законодательные инициативы в сфере семейных отношений в Государственной Думе седьмого созыва // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 39–41.

499. Османова Д.О. Правовой режим имущества фактических супругов // Юрист. 2023. № 3. С. 48–54.

500. Останина Е.А. Институт недееспособности с точки зрения защиты стабильности гражданского оборота // Закон. 2021. № 2. С. 150–161.

501. Останина Е.А. Право на использование имени как объект договора. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22 марта 2022 года № 43-КГ21-7-К6 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 4–22.

502. Павлова Ю.В. Современный правовой режим реализации репродуктивного права человека на применение вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. 2013. № 6. С. 27–32.

503. Пальцева Е.С. Реализация права на определение порядка пользования жилым помещением собственником и нанимателем: от закона к практике // Семейное и жилищное право. 2020. № 1. С. 39–41.

504. Панарина М.М. Роль правовых обычаев в современной судебной практике: правовое исследование // Адвокатская практика. 2018. № 3. С. 18–24.

505. Паничкин В.Б., Паничкина Е.В. Предпосылки и способы институционализации сожительства в брак в российском праве // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 15–18.

506. Панова А.С. Особенности возмещения убытков и взыскания неустойки за поставку товаров ненадлежащего качества // Право и экономика. 2015. № 1. С. 62–68.

507. Панова И.В. Судопроизводство в контексте российской правовой культуры // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 74–84.

508. Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к конструкции юридического лица в публичном и частном праве // Российский судья. 2021. № 7. С. 13–17.

509. Паршукова К.Ю. Общая характеристика отношений, порождаемых усыновлением, и их правовая природа // Семейное и жилищное право. 2008. № 2. С. 14–17.

510. Пашенцев Д.А. Концептуальная роль юридической науки в развитии законодательства: от классических конструкций к новациям общества постмодерна // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 5–16.

511. Пермяков А.В. Корпоративное управление: баланс между императивностью и диспозитивностью // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 142–150.

512. Петрановский И.А. К вопросу об отзыве согласия супруга на совершение сделки // Арбитражные споры. 2023. № 1. С. 144–155.

513. Петров Е.Ю. Толкование завещания. Перспективы развития российского наследственного права // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 147–157.

514. Петров И.В. Тенденции развития корпоративного договора в гражданском праве Российской Федерации // Юридический мир. 2016. № 12. С. 50–53.

515. Петрова Е.С. О некоторых проблемных аспектах применения института астрента в российском праве // Российский судья. 2023. № 4. С. 53–56.

516. Петровский Н.А. Аналогия и правоположения в методологии правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 18–24.

517. Петровский Н.А. Метод аналогии и концепции беспробельности права в юриспруденции // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 31–36.

518. Петровский Н.А. Метод аналогии в методологии права // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. 2019. № 7. С. 142–146.

519. Петровский Н.А. Метод аналогии в юриспруденции // Современное право. 2009. № 5. С. 3–6.

520. Петросов Р.К. Вопрос: В договоре поставки имеется противоречие

между суммой, указанной прописью, и суммой, указанной цифрами. Какой сумме отдается приоритет? // Консультация эксперта. 2017. СПС «КонсультантПлюс».

521. Петрушев В.А. О юридической природе постановлений Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11. С. 27–30.

522. Печников А.П., Печникова О.Г. Генезис и эволюция договора возмездного оказания медицинских услуг в российском гражданском праве // Гражданское право. 2012. № 6. С. 36–39.

523. Пиголкин А.С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49–57.

524. Пискунов Д.С. О соотношении понятий судебного усмотрения и аналогий закона и права // Вестник гражданского процесса. 2023. № 4. С. 190–207.

525. Пискунов Я. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет (Интервью с Л.Ю. Михеевой) // Закон. 2017. № 2. С. 6–20.

526. Пирогова Е.Е. Проблемы правового регулирования при установлении происхождения детей, рожденных суррогатной матерью // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 24–26.

527. Пискунова Н.И., Беляева Т.А. Принцип добросовестности действий участников в гражданских, семейных и жилищных правоотношениях в рамках исполнения обязательств // Современный юрист. 2019. № 3. С. 53–61.

528. Побережный С.Г. Практика реализации прав супругов в корпоративных правоотношениях // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 15–18.

529. Поваров Ю.С. Внесение вкладов в имущества акционерного общества: право и обязанность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 58–63.

530. Поваров Ю.С. Гарантийная функция уставного капитала: новое в акционерном законодательстве // Право и экономика. 2010. № 7. С. 20–24.

531. Поваров Ю.С. Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения // Власть Закона. 2015. № 4. С. 96–102.

532. Поваров Ю.С. Недействительность сделок, совершенных представителем в нарушение условий осуществления полномочий или интересов представляемого // Юридический мир. 2014. № 10. С. 20–25.

533. Поваров Ю.С. Отзыв согласия частного лица на совершение сделки: условия и порядок // Гражданское право. 2018. № 3. С. 7–10.

534. Поваров Ю.С. Последствия нарушения акционерного соглашения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 51–58.

535. Поваров Ю.С. Проблемы нотариального удостоверения требования участника о приобретении обществом с ограниченной ответственностью доли в уставном капитале: анализ законодательных новелл // Нотариус. 2015. № 8. С. 34–38.

536. Поваров Ю.С. Протокол и иные способы подтверждения проведения заседания и (или) результатов голосования участников гражданско-правового сообщества // Нотариус. 2021. № 7. С. 7–11.

537. Погуляев В., Тулубьева И. Право на изображение // Интеллектуальная

собственность. Авторское и смежные права. 2003. № 1. С. 39–45.

538. Подузова Е.Б. Организационные аспекты изменения договорных обязательств // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 76–81.

539. Подшивалов Т.П. Арбитражная практика по спорам о виндикации доли в праве общей собственности // Право и экономика. 2013. № 4. С. 72–75.

540. Подшивалов Т.П. К вопросу о соотношении доктрины бенефициарной собственности и доктрины снятия корпоративной вуали при оспаривании корпоративных решений // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 365–370.

541. Полдников Д.Ю. Задаток в частном праве (история и современность) // Нотариус. 2006. № 3. С. 30–37.

542. Поленина С.В. Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 21–25.

543. Полетаева А. Ликбез по юридической терминологии: договорное право // Юридический справочник руководителя. 2021. № 2. С. 75–85.

544. Полищук Н.И. Аксиологическая сущность принципа правовой определенности // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2 (52). С. 72–82.

545. Полозов Н. Ответственность за нарушения обязательств // ЭЖ-Юрист. 2016. № 1. С. 8.

546. Поляков Д.Н. Общие способы преодоления пробелов в гражданском праве // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 2 (23). С. 52–55.

547. Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex russica. 2015. № 3. С. 28–42.

548. Поляков С.Б., Гилев И.А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3. С. 462–487.

549. Попондопуло В.Ф. Источники и внешние формы выражения предпринимательского права // Российский юридический журнал. 2022. № 1. С. 120–129.

550. Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: понятие и природа // Юрист. 2014. № 20. С. 5–13.

551. Портянова П.Д. Эффективность применения аналогии права и закона в условиях дискретности гражданского законодательства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. № 2. С. 70–73.

552. Потапенко Е.Г. Общие нормы в системе цивилистического процессуального права: элементарный срез // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 9. С. 3–6.

553. Поян Н.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник гражданского права // Администратор суда. 2022. № 3. С. 24–28.

554. Пресняков М.В. Позитивные юридические средства обеспечения правовой определенности // Современное право. 2023. № 5. С. 27–32.

555. Прокопович Г.А. Судебное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Российский судья. 2015. № 5. С. 17–20.

556. Пронин А.А. Сиротство: пути решения проблемы // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 2. С. 3–8.

557. Пронин К.В., Францифоров Ю.В. Применение аналогии в реализации судом дискреционных полномочий по уголовному делу // Современное право. 2009. № 9. С. 94–99.

558. Пчелинцев А.В., Шепелев А.Н. Теория правотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2. С. 12–15.

559. Пыхтин С.В. Судьба кредитных обязательств при разделе имущества супругов // Судья. 2019. № 8. С. 34–41.

560. Пьянкова А. Акт выполненных работ как сделка // ЭЖ-Юрист. 2013. № 2. С. 12.

561. Пьянкова А.Ф. Баланс интересов в алиментных правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 77–87.

562. Рабец А.М. Правовое регулирование отношений свойства на постсоветском пространстве // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 19–21.

563. Радченко Т., Головкин С., Никуличев А., Хохлов А., Соколов Д. Как жена должника спасла квартиру от кредиторов // Жилищное право. 2021. № 6. С. 67–75.

564. Райников А.С. Требование из организационного договора как объект гражданских прав: приглашение к дискуссии // Вестник арбитражной практики. 2019. № 1. С. 19–25.

565. Распутин М. Договор об осуществлении прав участников ООО как инструмент защиты интересов миноритариев // Корпоративный юрист. 2009. № 8. С. 34–38.

566. Реутов В.П. О понятии юридической практики: Ученые записки № 300 // Государство, право, законность: Ученые записки Пермского университета. Пермь. 1974. Вып. 5. С. 79–93.

567. Рехтина И.В. Аналогия в гражданском и арбитражном процессе: проблемы теории и практики применения // Современное право. 2009. № 11. С. 102–106.

568. Решетов Ю.С. Нормативное и индивидуальное правовое регулирование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2. С. 17–22.

569. Рзянин О.Э. Отмена односторонних сделок и волеизъявлений в нотариальной практике // Нотариальный вестникъ. 2016. № 10. С. 30–35.

570. Родионова О.М. О правовой природе решений собраний и их недействительности в германском и российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2012. № 5. С. 66–93.

571. Рожкова М.А. Права на доменное имя // Право в сфере Интернета: сборник статей. М.: Статут, 2018. С. 195–223.

572. Романенко Д.И. Аналогия в системе российского гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 76–80.

573. Романец Ю.В. Возмещение стоимости неотделимых улучшений арендованного имущества (по материалам судебной практики) // Гражданское право. 2017. № 3. С. 26–28.

574. Романец Ю.В. Непоименованные обязательства в системе гражданских

договоров // Закон. 2013. № 5. С. 174–179.

575. Романец Ю.В. Обязательство поставки в системе гражданских договоров // Вестник ВАС РФ. 2000. № 12. С. 70–82.

576. Романовский Г.Б. Анонимность доноров половых клеток и современное семейное право // Семейное и жилищное право. 2010. № 5. С. 3–8.

577. Росиков А. Изучаем договор товарного кредита // Юридический справочник руководителя. 2021. № 3. С. 11–19.

578. Российское обязательственное право стало значительно более гибким и удобным для бизнеса [Интервью с И.В. Цветковым] // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 3. С. 6–11.

579. Рубеко Г.Л. Уставный капитал хозяйственных обществ: некоторые проблемы правового регулирования // Юрист. 2016. № 10. С. 28–32.

580. Руденко Е.Ю. Правовая природа опционного договора // Власть Закона. 2015. № 3. С. 90–96.

581. Рудик И.Е. Совместное завещание и наследственный договор как инструменты планирования наследства супругами // Наследственное право. 2019. № 2. С. 22–25.

582. Рудьман Д.С. К вопросу об очередности при наследовании по закону через призму семейного законодательства // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 13–15.

583. Рузанова В.Д. Влияние соглашений супругов на законный режим их имущества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 18–24.

584. Рузанова В.Д. Третейское разбирательство: нормативно-правовые основы разрешения споров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 8. С. 41–47.

585. Рузанова В.Д., Рузанова Е.В. Гражданско-правовые и семейно-правовые механизмы защиты имущественных прав детей // Власть Закона. 2018. № 3. С. 69–77.

586. Рузанова Е.В. Особенности ответственности родителей, являющихся супругами, за причинение вреда их детьми: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 52–55.

587. Ручкина Г.Ф. Взыскание действительной стоимости доли участника общества с ограниченной ответственностью при добровольном выходе участника из общества: некоторые проблемы арбитражной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 8. С. 15–20.

588. Рыбалов А.О. Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 144–162.

589. Рыженков А.Я. О соотношении норм и принципов в российском гражданском законодательстве // Юрист. 2016. № 15. С. 10–14.

590. Рыженков А.Я. Принцип равенства прав супругов в семье: вопросы теории // Юрист. 2019. № 12. С. 13–19.

591. Рыженков А.Я. Решения собраний как юридический факт в предпринимательском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 62–66.

592. Рыженков А.Я. Структурная модель юридического факта в гражданском

праве // Современное право. 2021. № 6. С. 66–70.

593. Рычкова Н.Ю. Договор совместного счета: некоторые аспекты правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6. С. 40–44.

594. Сабитова Э.Н. Формы и способы защиты семейных прав по законодательству Российской Федерации // Современное право. 2015. № 11. С. 64–67.

595. Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

596. Савельев А.И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 62–99.

597. Савельев А.И. Применение судами норм Гражданского кодекса РФ о публичных договорах // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 99–136.

598. Савельева М.В. Разграничение ответственности супругов по общим обязательствам при разделе совместно нажитого имущества // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 23–26.

599. Сагдеева Л.В. Виндикация интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 74–83.

600. Садиков О.Н. Гражданско-правовые категории в публичном праве // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 19–28.

601. Сазанова И.В. Дарение жилого помещения с оговоркой о сохранении права пожизненного пользования // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 40–43.

602. Сакулин Р.А. Регулятивное воздействие индивидуально-правовых актов судов общей юрисдикции Российской Федерации на имущественные отношения супругов // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 148–157.

603. Самохвалов Н.А. Концептуальные идеи и модель института медиации в современной России // Юрист. 2015. № 2. С. 38–42.

604. Саяпина И.А. Функции и структура уставного капитала общества с ограниченной ответственностью // Право и политика. 2005. № 6. С. 138–151.

605. Седелиус Н.Н. О некоторых социально-психологических и организационных аспектах судебной риторики // Мировой судья. 2024. № 6. С. 33–37.

606. Семенова Э.Р. Аналогия как метод научного познания // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 5-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 4 т. Курск, 10–11 декабря 2020 года. Том 1. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 370–373.

607. Сергеев А.П. Применение правил о виндикации к разрешению споров по поводу товарных знаков // Закон. 2017. № 1. С. 91–96.

608. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации: общий комментарий новелл обязательственного права // Арбитражные споры. 2015. № 3. С. 145–166.

609. Серебрякова А.А. Дивидендная политика российских корпораций. Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 6–10.

610. Серова О.А. Законодательство о юридических лицах: возможные пути совершенствования // Гражданское право. 2009. № 4. С. 17–21.

611. Серова О.А. Изменение общих положений гражданского законодательства о юридических лицах // Гражданское право. 2011. № 1. С. 12–16.

612. Сиземова О.Б. О нормативных источниках в механизме правового регулирования межбанковских расчетов // Банковское право. 2015. № 4. С. 35 – 41. № 5. С. 30–36.

613. Синицын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита. Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 91–131.

614. Синицын С.А. Право суда на снижение взыскиваемой неустойки: правовая природа, условия и область практического применения в современных условиях // Адвокат. 2015. № 4. С. 18–29.

615. Синицын С.А. Прогноз развития имущественных отношений: правопонимание, гражданское законодательство // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1.

616. Синцов Г.В. Об особенностях удостоверения факта принятия решений общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью // Нотариус. 2015. № 3. С. 84–89.

617. Сироткина А.А. Решения собраний в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Судья. 2015. № 10. С. 26–31.

618. Скуратовский М.Л. Совет собственников как возможная форма управления общим имуществом в офисном здании // Правовые вопросы недвижимости. 2019. № 1. С. 7–10.

619. Слепенкова О.А. Некоторые аспекты применения принципов гражданского права в судебной практике // Российская юстиция. 2011. № 9. С. 4–6.

620. Слесарев В.Л. Применение судами гражданского законодательства по аналогии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 10 (14). С. 16–23.

621. Слесарев В.Л., Кравец В.Д. Принцип соразмерности и применение судами ст. 333 ГК РФ // Lex russica. 2017. № 5. С. 116–125.

622. Слесарев В.Л., Кравец В.Д. Штрафная неустойка как «сверхкомпенсационная» санкция и особенности ее применения в делах с участием потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 59–64.

623. Слипченко С.А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. 2011. № 2. С. 42–47.

624. Смирнов А.В. Аналогия права и аналогия закона: критерии допустимости // СПС КонсультантПлюс. 2009.

625. Смышляева О.В. Нравственно-правовые основы наследования в контексте брачно-семейных отношений в России: теория и практика применения // Наследственное право. 2018. № 4. С. 18–23.

626. Смышляева О.В. Фактические брачные отношения как альтернатива браку в Российской Федерации: теория и практика применения // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 23–27.

627. Соловьева И.А. О возможности применения понятий «Истинный» и «Ложный» при исследовании норм права // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 22–26.

628. Соловьева Т.В. Аналогия закона и аналогия права в гражданском судопроизводстве // Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 29 апреля 2022 года. Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2022. С. 90–93.

629. Соломин С.К., Соломина Н.Г. К вопросу о достоверности «нового» механизма возмещения убытков при прекращении договора // Закон. 2017. № 2. С. 114–120.

630. Соломина Н.Г. Договор займа: изменения действующего законодательства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 60–64.

631. Соломина Н.Г. Договор на передачу части имущества во временное пользование в практике хозяйствующих субъектов: вопросы квалификации // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6. С. 55–62.

632. Софонов И.Ю. Снижение неустойки судом: способы противодействия судейскому усмотрению // Право и экономика. 2014. № 12. С. 59–66.

633. Станкевич А.В. Правовая природа денежных средств, внесенных на депозит нотариуса: вопросы теории и практики // Закон. 2014. № 8. С. 125–130.

634. Степанов М.М. Судебное преодоление пробелов в праве через призму исторического опыта // Администратор суда. 2021. № 3. С. 40–44.

635. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29–83.

636. Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. С. 142–200.

637. Степанов Д.И. Опасность контрмажоритаризма при оспаривании корпоративных решений // Закон. 2020. № 12. С. 154–188.

638. Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 104–167.

639. Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10. С. 22–69.

640. Степин А.Б. Аналогия закона как нормативное средство защиты частного права // Современное право. 2014. № 3. С. 16–19.

641. Степкин С.П. Гражданско-правовые ограничения свободы договора // Юрист. 2018. № 3. С. 19–23.

642. Степкин С.П. Правовая природа брачного договора // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 25–28.

643. Стражевич Ю.Н., Босык О.И. Распоряжение долей в уставном капитале

общества, находящейся в общей собственности супругов // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 3. С. 270–275.

644. Строгонова Т.П. Основные права и обязанности членов семьи собственника жилого помещения // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. № 4. С. 700–721.

645. Суворов Ю.А. «Соглашения об эксклюзивности» в свете антимонопольного законодательства // Конкурентное право. 2019. № 1. С. 27–30.

646. Суменков С.Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58–67.

647. Сурков А.А. Если решение об увеличении уставного капитала общества принято единственным учредителем // Налоговая проверка. 2016. № 4. С. 63–67.

648. Суслова С.И. Непоименованность в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 322–347.

649. Суханов Е.А. Акционерные общества и другие юридические лица в новом гражданском законодательстве // Хозяйство и право. 1997. № 1. С. 90–100.

650. Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 4–35.

651. Сухова Г.И. О практике разрешения споров по договору строительного подряда // Вестник ВАС РФ. 2000. № 6. С. 104–107.

652. Таева Н.Е. Нормы Конституции РФ как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 2–4.

653. Танимов О.В. Развитие фикций в Новейшее время (опыт России) // История государства и права. 2014. № 16. С. 52–56.

654. Тарабан Н.А. Правовая природа судебного прецедента в России и его место в национальной правовой системе // Мировой судья. 2014. № 11. С. 29–33.

655. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права // Ученые записки Юрьевского университета. 1917. № 1-2. С. 244–261.

656. Тарасенко Ю.А. О природе внесения имущества в уставный капитал при учреждении акционерного общества // Известия вузов. Правоведение. 2005. № 3. С. 21–29.

657. Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 181–212.

658. Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 172–191.

659. Тарусина Н.Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 254–273.

660. Тарусина Н.Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 95–109.

661. Тарусина Н.Н. Семейное законодательство: медицинские аспекты правового регулирования отношений с семейным элементом // Медицинское право. 2019. № 3. С. 20–26.

662. Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex russica. 2019. № 5. С. 40–48.

663. Тарусина Н.Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex russica. 2020. № 4. С. 21–33.

664. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. К вопросу о субъектном составе споров об определении порядка общения с ребенком // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7. С. 72–77.

665. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 78–84.

666. Тасалов Ф. Реформа ГК РФ и контрактная система: возможности и риски // Конкуренция и право. 2015. № 3. С. 43–47.

667. Татаринцева Е.А. Усыновление и вспомогательные репродуктивные технологии: что лучше защищает права ребенка? // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 132–138.

668. Телегин Р.Е. Правовое положение отчима и мачехи по законодательству Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 36–39.

669. Телюкина М.В. Легитимация судебной практикой уступки требований к ликвидированному должнику / Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020). Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. СПС «КонсультантПлюс».

670. Телюкина М.В. Применение зачета встречных однородных требований в отдельных видах обязательств // Право и экономика. 2001. № 6. С. 32–38.

671. Телюкина М.В. Реализация принципа стабильности участников общества с ограниченной ответственностью // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2012. № 4. С. 27–30.

672. Терехов В.В. Понятие и содержание категории «res judicata» в российском и зарубежном гражданском процессе // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 203–209.

673. Терехова М.В. Закрытое завещание в России: миф или реальность // Нотариус. 2015. № 2. С. 33–37.

674. Терновая О.А. Защита прав акционеров на получение дивидендов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 28–33.

675. Тихонов В.В. Распоряжение долей ООО – сделка, требующая одобрения супруга // Гражданское право. 2017. № 1. С. 42–44.

676. Ткачев А.А. Субсидиарная ответственность конечных бенефициаров в процедурах банкротства // Вестник арбитражной практики. 2022. № 1. С. 63–70.

677. Токмашова Н.Ю. К вопросу о необходимости получения генетическими родителями согласия суррогатной матери для приобретения родительских прав на ребенка // Семейное и жилищное право. 2013. № 4. С. 15–18.

678. Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской

Федерации. 2018. № 9. С. 91–135.

679. Томова Н. Аналогия // Философская антропология. 2020. Т. 6. № 1. С. 102–119.

680. Томсинов А.В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 91–111.

681. Трофимец И.А. К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 20–23.

682. Трофимова Г.А. Совершеннолетний ребенок: пробелы в правовом статусе // Адвокат. 2014. № 8. С. 67–72

683. Трубицына Т.А. Институт аналогии в российском праве // Право и политика. 2007. № 1. С. 5–9.

684. Углицких Д.В. Некоторые аспекты наследования содержимого банковской ячейки в нотариальной деятельности // Нотариус. 2021. № 1. С. 41–44.

685. Ульбашев А.Х. О фиктивном разводе // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 18–21.

686. Учуватова В.В. Информационная и гарантийная функции уставного капитала хозяйственных обществ // Юрист. 2024. № 7. С. 15–20.

687. Зыков С.В. Расторжение брака: взаимосвязь правового и социального аспектов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 92–102.

688. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 133–140.

689. Ульянов И.В. Проблемы судебно-арбитражной практики определения стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Российский судья. 2012. № 12. С. 39–42.

690. Ульянова М.В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 658–682.

691. Ульянова М.В. Установление правовой связи ребенка с матерью // Судья. 2017. № 6. С. 24–27.

692. Урчуков Р.М. Соглашение о неконкуренции как ограничение свободы труда работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 31–34.

693. Усачева Е.А. Ответственность плательщика алиментов за ненадлежащее исполнение алиментного соглашения: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 112–117.

694. Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: постановка проблемы и поиск ее решения // Юрист. 2021. № 4. С. 41–45.

695. Фархутдинов И.З., Данельян А.А., Магомедов М.Ш. Национально-правовое регулирование иностранных инвестиций в России // Закон. 2013. № 1. С. 103–117.

696. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.

697. Федотов Д.В. К вопросу о включении бестелесного имущества в число

объектов права собственности // Юрист. 2013. № 23. С. 39–42.

698. Федотова Ю.Г. Правовые принципы ограничения прав и свобод человека и гражданина в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства // Современное право. 2015. № 7. С. 19–28.

699. Фетисов А.К. Справедливость – принцип отправления правосудия. Часть первая: справедливость в ординарном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 4. С. 31–35.

700. Фидаров В.В. О допустимости использования института аналогии закона и аналогии права в различных формах реализации права // Юридическое образование и наука. 2007. № 3. С. 41–43.

701. Филатова У.Б., Горбач О.В. Доктрина «снятия корпоративной вуали»: некоторые аспекты применения // Гражданское право. 2019. № 1. С. 7–10.

702. Филимонова А.И., Кулакова О.С. Кто есть суд: правоинтерпретатор или правотворец? // Российский судья. 2021. № 7. С. 7–12.

703. Филиппова С.Ю. Гражданско-правовые средства достижения цели построения семьи путем фактических брачных отношений // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 3–7.

704. Филиппова С. К вопросу о понятии, составе и структуре уставного капитала хозяйственного общества // Хозяйство и право. 2018. № 11. С. 35–52.

705. Филиппова С.Ю. О функциях уставного капитала в контексте оценки изменений законодательства о хозяйственных обществах // Предпринимательское право. 2012. № 1. С. 19–22.

706. Филиппова О.С. Последствия заключения сделок, основанных на недействительных решениях собраний корпораций // Право и экономика. 2014. № 5. С. 44–47.

707. Филиппова Т.А., Маньковский И.Ю., Титаренко Е.П. Практическое значение определения отраслевой самостоятельности семейного права // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 19–22.

708. Фоков А.П. Судьям: удостоверение нотариусами принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии // Российский судья. 2014. № 11. С. 3–7.

709. Фомина О.Н. От вещных прав к правам на нематериальные и цифровые объекты // Гражданское право. 2023. № 2. С. 42–45.

710. Фроловский Н.Г. Основания возникновения права на получение дивидендов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 12–16.

711. Хаванова И.А. Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 50–60.

712. Харитонова Ю.С. Недействительность решений собраний и сделок: точки пересечения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 24–26.

713. Хлюстов П. Лучший корпоративный спор, рассмотренный ВС РФ в 2016 году // ЭЖ-Юрист. 2017. № 2. С. 11.

714. Ходырева Е.А. «Estate planning» и выбор супругами вида наследственного распоряжения // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2020. № 2. С. 364–387.

715. Холоденко Ю.В., Бердников С.С. Изменение режима имущества супругов в процедурах банкротства // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 34–38.

716. Холоденко Ю.В., Наземцев Д.М. К вопросу о недопустимости свидетельствования подлинности подписи на решениях единственного участника (акционера) хозяйственного общества // Нотариальный вестник. 2021. № 7. С. 30–38.

717. Хохлов В.А. Нормы права и формирование условий договора // Гражданское право. 2015. № 1. С. 30–34.

718. Хугаева Д.И. О понятии коммерческого посредничества и его закреплении в праве // Юрист. 2023. № 6. С. 32–39.

719. Хужин А.М. О нормативных пределах невиновного поведения в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2011. № 5. С. 36–38.

720. Хужин А.М. Проблемы и перспективы реализации личных прав и обязанностей супругов // Семейное и жилищное право. 2023. № 1. С. 19–21.

721. Хузин И.И. Блокирование проведения общего собрания участников хозяйственного общества или исполнения отдельных его решений // Современное право. 2011. № 2. С. 50–52.

722. Хузин И.И. Охрана интересов миноритарных участников хозяйственных обществ при распределении прибыли (выплате дивидендов) // Современное право. 2012. № 10. С. 60–65.

723. Цветков А.С. Актуальные вопросы практики применения брачного договора в нотариальной деятельности // Современное право. 2017. № 1. С. 27–31.

724. Цепов Г.В. Как поделить шкуру неубитого медведя? Или правовые способы устранения неопределенности и оппортунизма при распределении прибыли хозяйственных обществ // Закон. 2019. № 2. С. 111–126.

725. Цепов Г.В. Недействительность решений коллегиальных органов хозяйственных обществ: в поисках баланса интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 60–87.

726. Цепов Г.В. О праве корпорации устанавливать размеры и порядок внесения имущественных взносов: контрактный подход // Закон. 2018. № 8. С. 114–121.

727. Цихоцкий А.В. Преодоление пробелов в праве посредством аналогии // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 83–87.

728. Чашина О.Ю. Вступление в наследство на имущество, хранящееся в банковской (сейфовой) ячейке // Советник юриста. 2012. № 7. С. 63–75.

729. Чашкова С.Ю. Выделение супружеской доли при наследовании в свете изменений законодательства Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 23–27.

730. Чашкова С.Ю. Имущественные последствия прекращения брака в связи с изменением одним из супругов пола // Семейное и жилищное право. 2024. № 2. С. 13–16.

731. Чашкова С.Ю. К вопросу об отграничении имущественных прав супругов от их корпоративных прав // Юстиция. 2016. № 1. С. 47–55.

732. Черданцев А.Ф. «Соответственное» применение и толкование норм права // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1969 год. Свердловск, 1970. С. 44–46.

733. Чердинцева И.Г. Свобода при распределении компетенции между органами управления непубличных обществ (п. 3 ст. 66.3 ГК РФ) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 2. С. 93–114.

734. Черемных Г.Г. Плюсы и минусы Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ // Нотариус. 2015. № 4. С. 3–8.

735. Черепанов В.А. О проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 105–111.

736. Черничкина Г.Н. Современное понимание индивидуализации юридического лица в гражданском обороте, или Об исключительном праве на наименование и фирменное наименование юридического лица // Современное право. 2017. № 3. С. 56–66.

737. Чернокальцев Д. Вернуть товар в магазин без причины нельзя // ЭЖ-Юрист. 2012. № 37. С. 1.

738. Черных А.В. Актуальные вопросы правового регулирования форм совместного проживания // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 30–32.

739. Черных И.И. Особенности рассмотрения в суде дел об оспаривании отцовства (материнства) в правоотношениях суррогатного материнства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 67–76.

740. Чернявский А.Г. Действительность, истинность, правомерность // Образование и право. 2021. № 2. С. 72–90.

741. Чефранова Е.А. Долги супругов: научная дискуссия и практические последствия // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 24–27.

742. Чехова А.А. Дивиденды в условиях кризиса: могут ли правовые механизмы гарантировать акционеру получение дивидендов? // Право и экономика. 2009. № 7. С. 17–20.

743. Чистова А. Как оспорить запись о недостоверности адреса в ЕГРЮЛ // Юридический справочник руководителя. 2021. № 6. С. 57–67.

744. Чувашев Д.В. Цена договора: практический аспект // Юрист. 2012. № 18. С. 3–10.

745. Чунина М.С. Роль судебного нормотворчества в совершенствовании законодательного регулирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 11–24.

746. Чупрунов И.С. Сделка в основании преобразовательного судебного решения (на примере судебного раздела имущества супругов). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 апреля 2021 года № 305-ЭС20-22249 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 4. С. 5–22.

747. Чучаева С.Ю. Уменьшение уставного капитала: мотивы, способы и алгоритм действий // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2010. № 7. С. 32–41.

748. Шайхеев Т.И. Правовые позиции судов по экономическим спорам в

примерах из судебной практики // Арбитражные споры. 2022. № 3. С. 103–162.

749. Шайхеев Т.И. Сочетание публичных и частных начал в судебной практике // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 171–211.

750. Шафиров В.М. Принцип права и типы правопонимания // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 355–359.

751. Шафиров В.М. Установление смысла законодательства и аналогия права // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 2–3.

752. Шахова Е.С. Соотношение родительских и усыновительских правоотношений: актуальные проблемы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 75–82.

753. Шевела Ю.Б. Защита прав участников хозяйственных обществ // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2014. № 4. С. 49–64.

754. Шевцив О.С. Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 121–128.

755. Шевцов С.Г. Усмотрение в гражданско-правовых нормах // Гражданское право. 2011. № 4. С. 11–12.

756. Шелютто М.Л. Изменение даты и места рождения усыновляемого ребенка, а также даты и места государственной регистрации его рождения // Комментарий судебной практики. Вып. 14 / Под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юрид. лит., 2008. С. 93–103.

757. Шеменева О.Н. Юридический интерес в гражданском судопроизводстве: развитие взглядов и современное значение // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2. С. 27–43.

758. Шергина М.Н. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юридическая наука: история и современность. 2011. № 3. С. 28–31.

759. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование права на честь, достоинство и деловую репутацию и права на изображение гражданина // Гражданское право. 2023. № 2. С. 8–13.

760. Шершень Т.В. О праве на семью и принципе приоритета семейного воспитания детей // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 7–13.

761. Шершень Т.В. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 14–17.

762. Шершень Т.В. Проблемы ответственности в современном российском семейном праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 3–6.

763. Шершень Т. В. Проблемы применения гражданского законодательства России к семейным отношениям: теория, законодательство и правоприменительная практика // Ex jure. 2020. № 1. С. 61–72.

764. Шеховцова А.С. Принцип защиты слабой стороны договора с участием субъектов предпринимательской деятельности // Власть Закона. 2018. № 4. С. 243–251.

765. Шиловская А.Л. Повышение эффективности осуществления родительских прав и обязанностей с помощью соглашения об уплате алиментов // Исполнительное право. 2015. № 2. С. 25–30.

766. Шиловская А.Л. Семейно-правовая ответственность в рамках

алиментных обязательств // Современное право. 2017. № 6. С. 46–50.

767. Шиндяпина Е.Д., Бошно С.В. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юрист. 2006. № 7. С. 6–10.

768. Шиткина И.С. Вклады в имущество хозяйственного общества: вопросы квалификации и практического применения // Хозяйство и право. 2017. № 10. С. 22–41.

769. Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114–133.

770. Шиткина И.С. Отдельные проблемы правового регулирования образования и деятельности единоличного исполнительного органа // Хозяйство и право. 2011. № 4. С. 3–17.

771. Шиткина И.С. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в корпоративном праве: значение и развитие // Предпринимательское право. 2021. № 1. С. 3–23.

772. Шишкин В.В. Жилищное законодательство – проблемы реализации // Семейное и жилищное право. 2011. № 1. С. 47–48.

773. Шишмарева Т.П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 37–43.

774. Шматков Л.М. Онтология судебного решения и его соотношение с материально-правовой реальностью // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 137–156.

775. Шуберт Т.Э. Влияние судебной практики на законотворческий процесс // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 160–170.

776. Шувалова М. Имеет ли НКО право на защиту своего наименования? URL: https://www.garant.ru/article/1131200/ (дата обращения 12.08.2024).

777. Щелокаева Т.А. Правовые основания применения права по аналогии // Арбитражная практика. 2007. № 1. С. 60–64.

778. Щепотьев А.В., Кулакова Е.В. Сравнительный анализ рыночной стоимости доли и действительной стоимости доли общества с ограниченной ответственностью // Право и экономика. 2010. № 11. С. 32–37.

779. Щербатова С. Спорные вопросы по скрытым штрафам в форме депремирования топ-менеджеров // Трудовое право. 2018. № 7. С. 103–120.

780. Щуковская О.М. О соотношении обязательств по оказанию услуг и обязательств по выполнению работ (подряда) // Правоведение. 2002. № 2. С. 204–208.

781. Юдина Ю.В., Бузина М.В. Алиментные обязательства второй очереди: проблемы и механизмы совершенствования правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 27–30.

782. Юзвак М.В. Недопустимость запрета аналогии в налоговом праве // Налоги. 2013. № 2. С. 43–46.

783. Юзвак М.В. Пределы аналогии в налоговом праве // Финансовое право. 2013. № 10. С. 36–40.

784. Яковлева Т.В. О пробелах в объективном праве и способах их восполнения при решении вопроса о реализации субъективного права // Вопросы российского и международного права. 2011. № 3. С. 8–20.

785. Яргина Е.А. Сравнительно-правовой анализ договора ренты и договора аренды // Нотариус. 2003. № 2. С. 8–12.

786. Ярков В.В. Эволюция роли нотариуса в современном мире: взаимоотношения с обществом и государством // Закон. 2012. № 5. С. 111–118.

787. Ярощук И.А. Метафоры в праве: методологические основания исследования // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 596–610.

788. Яценко Т.С. Значение нотариального удостоверения корпоративных решений в системе гражданско-правовых мер охраны публичных интересов // Нотариус. 2014. № 7. С. 27–30.

789. Яценко Т.С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 118–144.

Литературные источники на иностранном языке

1. Access to Civil Procedure Abroad / Ed. by Snijders Henk J. London: Sweet & Maxwell Ltd., 1996. – 404 p.

2. Adams K.A. A lesson in drafting contracts: What's up with «representations and warranties»? // Business Law Today. 2005. Vol. 15. № 2. P. 32–37.

3. Afonasova M., Panfilova E., Galichkina M., Ślusarczyk B. Digitalization in Economy and Innovation: The Effect on Social and Economic Processes // Polish Journal of Management Studies. 2019. Vol. 19. P. 22–32.

4. Aloni E. The Puzzle of Family Law Pluralism // Harvard Journal of Law and Gender. 2016. Vol. 39. P. 102–152.

5. Andersson J.B. Minority Shareholder Protection in SMEs: A Question of Information Ex Post and Bargaining Power Ex Ante?. Nordic & European Company Law Working Paper No. 10-06. 2010. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1716828 (дата обращения 12.08.2024).

6. Andreoni J., Madoff R.D. The Role of Judicial Discretion in Dispute Settlement // Boston College Law School Legal Studies Research Paper № 151. 2008. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1112894 (дата обращения 12.08.2024).

7. Armour, J., Hansmann, H., Kraakman, R. The Essential Elements of Corporate Law. Harvard Law and Economics Research Paper № 643. 2009. URL: https://ssrn.com/abstract=1436551 (дата обращения 12.08.2024).

8. Art R.C. Shareholder Rights and Remedies in Close Corporations: Oppression, Fiduciary Duties, and Reasonable Expectations // Journal of Corporation Law. 2003. Vol. 28. Iss. 3. P. 717–790.

9. Asgeirsson H. On the Instrumental Value of Vagueness in the Law // Ethics. 2015. Vol. 125. № 2. P. 425–448.

10. Atanasov V.A., Black B.S., Ciccotello C.S. Law and Tunneling // Journal of Corporation Law. 2011. Vol. 37. P. 1–49.

11. Bainbridge S.M. The Business Judgment Rule as Abstention Doctrine // Vanderbilt Law Review. 2004. Vol. 75. № 1. P. 83–130.

12. Baker T., Harel A., Kugler T. The Virtues of Uncertainty in Law: An Experimental Approach // Iowa Law Review. 2004. Vol. 89. P. 443–478.

13. Balachandran B., Krishnamurti C., Theobald M.F., Vidanapathirana B.

Dividend reductions, the timing of dividend payments and information content // Journal of Corporate Finance. 2012. Vol. 18. P. 1232–1247.

14. Banerjee S., Gatchev V.A., Spindt P.A. Stock Market Liquidity and Firm Dividend Policy. EFMA 2003 Helsinki Meetings. 2005. URL: https://ssrn.com/abstract=391663 (дата обращения 12.08.2024).

15. Barham V., Devlin R., Yang J. A theory of rational marriage and divorce // European Economic Review. 2009. Vol. 53. P. 93–106.

16. Bayern S.J. Contract Meta-Interpretation // UC Davis Law Review. 2016. Vol. 49. P. 1097–1147.

17. Ben-Shahar O. 'Agreeing to Disagree': Filling Gaps in Deliberately Incomplete Contracts // Wisconsin Law Review. 2004. № 2. P. 389–428.

18. Berger L.L. Metaphor and Analogy: The Sun and Moon of Legal Persuasion // Brooklyn Journal of Law and Policy. 2014. Vol. 22. Iss. 1. P. 147–195.

19. Berzins J., Bøhren Ø., Stacescu B. Shareholder Conflicts and Dividends // Review of Finance. 2018. Vol. 22. P. 1807–1840.

20. Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. HarperBusiness. 2010. – 279 p.

21. Bouncken R.B., Reuschl A.J. Coworking-spaces: How a phenomenon of the sharing economy builds a novel trend for the workplace and for entrepreneurship // Review of Managerial Science. 2018. Vol. 12. Iss. 1. P. 317–334.

22. Bouvier J. Maxims of Law. Dictionary of Law by John Bouvier. Vol II. Philadelphia. 1856. P. 124–145.

23. Braithwaite J. Rules and Principles: A Theory of Legal Certainty // Australian Journal of Legal Philosophy. 2002. Vol. 27. P. 47–82.

24. Burns J.S., Novak N.P. Valuation Issues to Consider for Large Block Minority Shareholder Redemptions // Shareholder Dispute Litigation Insights. 2015. Vol. 15. P. 51–56.

25. Byrne N. Contracting for ‘Contextualism’ – How can parties influence the interpretation method applied to their agreement? // QUT Law Review. 2013. Vol. 13. P. 52–72.

26. Caiyu L. Fake marriages and divorces are damaging traditional values: experts // URL: https://www.globaltimes.cn/page/201707/1054531.shtml (дата обращения 12.08.2024).

27. Carlin T.M., Chau L. Good Faith – Time to Put the Genie Back in the Bottle // Journal of Law and Financial Management. 2005. Vol. 3. № 2. P. 22–30.

28. Chang Y.-C., Smith H.E. The Numerus Clausus Principle, Property Customs, and the Emergence of New Property Forms // Iowa Law Review. 2015. Vol. 100. P. 2275–2308.

29. Chen R. From Legal Capital to Subscribed Capital: Capital Rules in China and its Economic Background (December 1, 2015). A chapter in GERMAN AND ASIAN PERSPECTIVES ON COMPANY LAW, edited by Holger Fleischer, Hideki Kanda, Kon Sik Kim, and Peter Mülbert, published by Mohr Siebeck, Germany, Dec 2016. P. 181–200.

30. Coffee Jr. J.C. Mandatory/Enabling Balance in Corporate Law: An Essay on the Judicial Role // Columbia Law Review. 1989. Vol. 89. № 7. P. 1618–1691.

31. Conac Pierre-Henri. The Shareholders' Duty Not to Abuse Rights. Nordic & European Company Law Working Paper № 18-06. 2017. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3123001 (дата обращения 12.08.2024).

32. Cooke E., Barlow A., Callus T. Community of Property: A Regime for England and Wales? L., 2006. – 52 p.

33. Cornelissen J.P., Holt R., Zundel M. The Role of Analogy and Metaphor in the Framing and Legitimization of Strategic Change // Organization Studies. 2011. Vol. 32. Iss. 12. P. 1701–1716.

34. Courtney W.B. The Nature of Contractual Indemnities // Journal of Contract Law. 2001. Vol. 27. № 1. P. 1–17.

35. Crespo Y. Uber v. Regulation: «Ride-Sharing» Creates a Legal Gray Area // University of Miami Business Law Review. 2016. Vol. 25. P. 79–110.

36. Crisóstomo V.L., Brandão, J.W. Ownership Concentration Affects Dividend Policy of the Brazilian Firm // Revista de Finanças Aplicadas. 2016. Vol. 7. № 3. P. 1–22.

37. Cvejić Jančić O. Privacy and Autonomy in Serbian Family Law // International Journal of the Jurisprudence of the Family. 2013. Vol. 59. URL: https://ssrn.com/abstract=2349639 (дата обращения 12.08.2024).

38. D'Acunto F. Xie J., YAO J. Trust and Contracts: Empirical Evidence // SSRN Electronic Journal. 2020. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3728808 (дата обращения 12.08.2024).

39. D'Amato A. Legal Uncertainty. Northwestern Public Law Research Paper № 10-79. 2010. URL: https://ssrn.com/abstract=1707826 (дата обращения 12.08.2024).

40. Dajović G. Taking analogy seriously: Statutory analogy in creation and interpretation of law // Pravni zapisi. 2020. Vol. 11 (2). P. 461–503.

41. Damele G. Analogia Legis and Analogia Iuris: An Overview from a Rhetorical Perspective // Ribeiro H. (eds.). Systematic Approaches to Argument by Analogy. Argumentation Library. 2014. Vol. 25. P. 243–256.

42. Daniels M. Substantive and Procedural Aspects of Indemnity Practice: A Practical View for California Lawyers // Stanford Law Review. 1974. Vol. 26. № 3. P. 577–584.

43. Dari-Mattiacci G., Deffains B. Uncertainty of Law and the Legal Process // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2007. Vol. 163. № 4. P. 627–656.

44. Davis K.E. The Concept of Legal Uncertainty (November 2011). URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1990813 (дата обращения 12.08.2024).

45. DeAngelo, H., DeAngelo, L., Skinner, D.J. Corporate Payout Policy // Foundations and Trends in Finance. 2009. Vol. 3. № 2. P. 95–287.

46. Deepak G. Restrictive Covenants: The Lack of an Effective Remedy in India // Christ University Law Journal. 2017. Vol. 6. P. 33–43.

47. Demin A. Certainty and Uncertainty in Tax Law: Do Opposites Attract? // Laws. 2020. Vol. 9. № 4. P. 1–30.

48. Endicott T. A. O. The Value of Vagueness. VAGUENESS IN NORMATIVE TEXTS. Vijay K. Bhatia, Jan Engberg, Maurizio Gotti and Dorothee Heller, eds. Peter Lang, Bern, 2005. – 482 p.

49. Duarte d'Almeida L., Michelon C. The Structure of Arguments by Analogy in

Law // Argumentation. 2017. Vol. 31. P. 359–393.

50. Dubroff H. The Implied Covenant of Good Faith in Contract Interpretation and Gap-Filling: Reviling a Revered Relic // St. John's Law Review. 2006. Vol. 80. Iss. 2. P. 559–619.

51. Ellahie A., Kaplan Z. Show Me the Money! Dividend Policy in Countries with Weak Institutions // Journal of Accounting Research. 2021. Vol. 59. Iss. 2. P. 613–655.

52. Feld B., Mendelson J. Venture Deals: Be Smarter than your Lawyer and Venture Capitalist. Third Edition. John Wiley & Sons, Inc. 2013. – 271 p.

53. Feldman Y., Lifshitz S. Behind the Veil of Legal Uncertainty // Law and Contemporary Problems. 2011. Vol. 74. Iss. 2. P. 133–174.

54. Fineman M.A. Progress and Progression in Family Law // The University of Chicago Legal Forum. 2004. P. 1–25.

55. Flavin T.J., O'Connor T. Reputation Building and the Lifecycle Model of Dividends // Pacific Basin Finance Journal. 2020. Vol. 46. P. 177–190.

56. Fon V., Parisi F. Judicial Precedents in Civil Law Systems: A Dynamic Analyses // International Review of Law and Economics. 2006. Vol. 26. Iss. 4. P. 519–535.

57. Foy H. On Judicial Discretion in Statutory Interpretation // Administrative Law Review. 2009. Vol. 62. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1475297 (дата обращения 12.08.2024).

58. Friedmann D. The Performance Interest in Contract Damages // Law Quarterly Review. 1995. Vol. 111. P. 628–654.

59. Fuller K., Blau B. Signaling, Free Cash Flow and «Nonmonotonic» Dividends // The Financial Review. 2010. Vol. 45. P. 21–56.

60. Gentry D. Writing Out Numbers in Contracts: Does it Make Sense? 2016. URL: https://www.gentrylawgroup.com/writing-out-numbers-in-contracts/ (дата обращения 12.08.2024).

61. Gilson R.J. Separation and the Function of Corporation Law. Stanford Law and Economics Olin Working Paper № 307. 2005. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.732832 (дата обращения 12.08.2024).

62. Gomtsyan S. The enforcement of shareholder agreements under English and Russian law // Journal of Comparative Law. 2013. Vol. 7(1). P. 115–146.

63. Gordley J., Mehren A.T. An Introduction of Comparative Study of Private Law: Readings, Cases and Materials. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 2006. – 644 p.

64. Gotanda J.Y., Damages in Lieu of Performance Because of Breach of Contract // Villanova Law/Public Policy Research Paper № 2006-8. 2006. URL: https://ssrn.com/abstract=917424 (дата обращения 12.08.2024).

65. Grant S., Kline J., Quiggin J. A matter of interpretation: Ambiguous contracts and liquidated damages // Games and Economic Behavior. 2014. Vol. 85. Iss. C. P. 180–187.

66. Greenwood D.J.H. The Dividend Problem: Are Shareholders Entitled to the Residual // Journal of Corporation Law. 2006. Vol. 32. № 1. P. 104–159.

67. Gribnau H. Soft Law and Taxation: The Case of the Netherlands // Legisprudence. 2007. Vol. 1. № 3. P. 291–326.

68. Grullon G., Larkin Y., Michaely R. Dividend Policy and Product Market Competition // SSRN Electronic Journal. 2007. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.972221 (дата обращения 12.08.2024).

69. Gugler K.P., Yurtoglu B.B. Corporate Governance and Dividend Pay-Out Policy in Germany // European Economic Review. 2003. Vol. 47. P. 731–758.

70. Guttel E., Harel A. Uncertainty Revisited: Legal Prediction and Legal Postdiction // Michigan Law Review. 2008. Vol. 107. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1101480 (дата обращения 12.08.2024).

71. Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2015. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2271971 (дата обращения 12.08.2024).

72. Hansmann H., Kraakman R. What is Corporate Law? Yale Law & Economics Research Paper № 300. 2004. URL: https://ssrn.com/abstract=568623 (дата обращения 12.08.2024).

73. He W., Ng L., Zaiats N.S., Zhang B. Dividend Policy and Earnings Management Across Countries // Journal of Corporate Finance. 2017. Vol. 42. P. 267–286.

74. Hesselink, Martijn W., The Concept of Good Faith. TOWARDS A EUROPEAN CIVIL CODE, A.S. Hartkamp, E.H. Hondius, M.W. Hesselink, C.E. du Perron & M. Veldman, eds. The Hague, Boston & London: Kluwer Law International, 2004. P. 471–498.

75. Hunter D. Teaching and Using Analogy in Law // Journal of the Association of Legal Writing Directors. 2008. Vol. 2. P. 151–168.

76. Huntington C. Postmarital Family Law: A Legal Structure for Nonmarital Families // Stanford Law Review. 2014. Vol. 67. P. 167–240.

77. Ibrahim D.M. Debt as Venture Capital // University of Illinois Law Review. 2010. Vol. 4. P. 1169–2010.

78. Ikonomi E. The importance of the Interpretation of the Contract and the Good Faith // The Macrotheme Review. 2014. Vol 3 (5). P. 105–112.

79. Jakab A. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective // German Law Journal. 2013. Vol 8. P. 1215–1278.

80. Jerskey B.A., Panizzon M.S., Jacobson K.C., Neale M.C., Grant M.D., Schultz M., Eisen S.A., Tsuang M.T., Lyons M. J. Marriage and divorce: A genetic perspective // Personality and Individual Differences. 2010. Vol. 49, Iss. 5. P. 473–478.

81. Jiraporn P., Ning Y. Dividend Policy, Shareholder Rights, and Corporate Governance. Journal of Applied Finance. 2006. Vol. 16. URL: http://10.2139/ssrn.931290 (дата обращения 12.08.2024).

82. Johnson L. The Modest Business Judgment Rule // The Business Lawyer. 2000. Vol. 55. № 2. P. 625–652.

83. Jónsson O.P. Vagueness, interpretation and the law // Legal Theory. 2009. Vol. 15. Iss. 3. P. 193–214.

84. Juthe A. Argument by analogy // Argumentation. 2005. 19 (1). P. 1–27.

85. Kahn J. Very Like a Whale: Analogy and the Law // Law, Culture and the Humanities. 2015. Vol. 1. № 3. URL: https://ssrn.com/abstract=2795115 (дата

обращения 12.08.2024).

86. Kang S.Y. Optimally Restrained Tunneling: The Puzzle of Controlling Shareholders' «Generous» Exploitation in Bad-Law Jurisdictions // The Law and Finance of Related Party Transactions. 2019. P. 53–78.

87. Kerhuel A.-J., Raynouard A. Measuring the Law: Legal Certainty as a Watermark // International Journal of Disclosure and Governance. 2011. Vol. 8. № 4. P. 360–379.

88. Khan F.I. The Impact of Dividend Policy on Shareholders Wealth // SSRN Electronic Journal. 2010. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1545749 (дата обращения 12.08.2024).

89. Kleinberger D.S. Why Not Good Faith? The Foibles of Fairness in the Law of Close Corporations // William Mitchell Law Review. 1990. Vol. 16. P. 1143–1168.

90. Koszowski M. Analogical Reasoning in Statutory Law // Journal of Forensic Research. 2017. Vol. 8. P. 1–10.

91. Kotz H. European Contract Law, 2nd. ed., 2017. – 360 p.

92. Koussis N., Ruzinskii V. Speed of Adjustment in Dividend Payout Decisions: A Comparative Analysis of Developed and Developing Countries // Journal of Corporate Finance Research. 2019. Vol. 13. № 2. P. 7–24.

93. Krajewski M. Balancing Legal Certainty with Regulatory Flexibility // WTO Domestic Regulation and Services Trade – Putting Principles into Practice, edited by Aik Hoe Lim and Bart De Meester. Cambridge. 2014. P. 79–94.

94. Kulms R.A. Shareholder's Freedom of Contract in Close Corporations – Shareholder Agreements in the USA and Germany // European Business Organization Law Review. 2001. Vol. 2. Iss. 3-4. P. 685–701.

95. Kyritsis D. Interpreting Legislative Intent (September 4, 2018). URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3243732 (дата обращения 12.08.2024).

96. Lamond G. Analogical Reasoning in the Common Law. Oxford Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 34. № 3. P. 567–588.

97. Lamond G. Precedent and Analogy in Legal Reasoning // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2016 Edition) / Edward N. Zalta (ed.). URL: https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/legal-reas-prec/ (дата обращения 12.08.2024).

98. Lande J. The Revolution in Family Law Dispute Resolution // Journal of the American Academy of Matrimonial Lawyers. 2012. Vol. 24. P. 411–449.

99. Lang M. Legal Uncertainty as a Welfare Enhancing Screen // European Economic Review. 2017. Vol. 91. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1969945 (дата обращения 12.08.2024).

100. Langenbucher K. Argument by Analogy In European Law // The Cambridge Law Journal. 1998. Vol. 57(3). P. 481–521.

101. Lastowka G., Hunter D. The Laws of Virtual Worlds // California Law Review. 2004. Vol. 92. Iss. № 1. P. 30–50.

102. Leacock S.J., Share Transfer Restrictions in Close Corporations as Mechanisms for Intelligible Corporate Outcomes // Faulkner Law Review. 2011. Vol. 3. № 1. P. 109–185.

103. Lipton J.D. Bad Faith in Cyberspace: Grounding Domain Name Theory in

Trademark, Property and Restitution // Case Legal Studies Research Paper № 09-28. 2009. URL: https://ssrn.com/abstract=1484763 (дата обращения 12.08.2024).

104. Lu S. Gap-filling and Freedom of Contract // LLM Theses and Essays. 2000. № 29. URL: https://digitalcommons.law.uga.edu/stu_llm/29 (дата обращения 12.08.2024).

105. Macagno F. Analogy and Redefinition. In: H. J. Ribeiro (ed.), Systematic Approaches to Argument by Analogy. Cham: Springer, 2014. – 295 p.

106. Madrian B.C., Shea D.F. The Power Of Suggestion: Inertia In 401(k) Participation And Savings Behavior // The Quarterly Journal of Economics. 2001. Vol. 116. № 4. P. 1149–1187.

107. Mak V. Standards in European Private Law: A Model for European Private Law Pluralism // Tilburg Law School Legal Studies Research Paper № 015/2013. 2013 URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2302562 (дата обращения 12.08.2024).

108. Macagno F., Walton D. Argument from Analogy in Law, the Classical Tradition, and Recent Theories // Philosophy and Rhetoric. 2009. Vol. 42. № 2. P. 154–182.

109. Malkawi B.H. Contradictory Terms in Cheques: Formalism and Practice // Banking Law Journal. 2018. Vol. 31. P. 32–36.

110. Manly QC. R. The Benefits of Clauses that Liquidate, Stipulate, Pre-Estimate or Agree Damages // Building and Construction Law Journal. 2012. Vol. 28. № 4. P. 246–266.

111. Marhesinis B., Unberath H., Johnson A. The German Law of Contract. A Comparative Treatise / Forewords by Lord Bingham, G. Hirsch. 2nd ed. Oxford, 2006. – 1040 p.

112. Maris C.W. Milking the Meter. In: Legal Knowledge and Analogy. Edited by P.J. Nerhot. Kluwer academic publishers, Dordrecht, Netherlands. 1991. – 243 p.

113. Marsh P.D.V. Comparative Contract Law. England, France, Germany. 1996.

114. Matheson J.H., Maler K. A Simple Statutory Solution to Minority Oppression in the Closely-Held Business // Minnesota Law Review. 2007. Vol. 91. P. 657–709.

115. Mattei U. The Comparative Law and Economics of Penalty Clauses in Contracts // The American Journal of Comparative Law. 1995. Vol. 43. P. 427–444.

116. Maxeiner J.R. Some Realism About Legal Certainty in the Globalization of the Rule of Law // Houston Journal of International Law. 2008. Vol. 31. № 1. P. 27–46.

117. McCormick C.T. Handbook on the Law of Damages. St. Paul, Minn.: West Publishing Co, 1935. – 811 p.

118. McMillan L. The Business Judgment Rule as an Immunity Doctrine // William & Mary Business Law Review. 2013. Vol. 4. № 2. P. 521–574.

119. Means B.A. Voice-Based Framework for Evaluating Claims of Minority Shareholder Oppression in the Close Corporation // Georgetown Law Journal. 2009. Vol. 97. P. 1207–1256.

120. Merrill Th.W., Smith H.E. Optimal Standardization in the Law of Property: The Numerus Clausus Principle // Yale Law Journal. 2000. Vol. 110. P. 1–70.

121. Mezzanotte F. The interrelation between intellectual property licenses and the doctrine of numerus clausus. A comparative legal and economic analysis // Comparative law review. 2012. Vol. 3. P. 1–42.

122. Mikryukov V.A. Analogy in the Civil Law Assessment of Co-working Agreements in Russia // Laws. 2022. Vol. 11. № 2:24.

123. Mikryukov V.A. Creative Function of the Analogy method in Civil law Practice // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Vol. 12. Iss. 4. P. 272–289.

124. Mikryukov V.A. Gaps and Analogies in the Legal Definition of the Lease Facility // Journal of Politics and Law. 2020. Vol. 13. № 2. P. 82–93.

125. Mikryukov V.A. Russian Analogue of the Legal Structure of a Convertible Loan // Laplage Em Revista. 2021. Vol. 7. № 3. P. 634–644.

126. Mikryukov V.A. Civil Law Models and Analogies in the Legal Definition of the Ridesharing Agreements // Laplage Em Revista. 2021. Vol. 7. № 1. P. 602–608.

127. Miller L. Penalty Clauses In England And France: A Comparative Study // International and Comparative Law Quarterly. 2004. Vol. 53(1). P. 79–106.

128. Miller M.H., Modigliani F. Dividend Policy, Growth, and the Valuation of Shares // The Journal of Business. 1961. Vol. 34. № 4. P. 411–433.

129. Miller S.K. Discounts and Buyouts in Minority Investor LLC Valuation Disputes Involving Oppression or Divorce // University of Pennsylvania Journal of Business Law. 2011. Vol. 13:3. P. 607–683.

130. Miller S.K. Minority Shareholder Oppression in the Private Company in the European Community: A Comparative Analysis of the German, United Kingdom, and French Close Corporation Problem // Cornell International Law Journal. 1997. Vol. 30. Iss. 2. Article 4.

131. Moll D.K. Minority Oppression & The Limited Liability Company: Learning (or not) from Close Corporation History // Wake Forest Law Review. 2005. Vol. 40. P. 883–976.

132. Moll D. Shareholder Oppression & 'Fair Value': Of Discounts, Dates, and Dastardly Deeds in the Close Corporation // Duke Law Journal. 2004. Vol. 54. P. 293–383.

133. Morrison A.S. The Law is a Fractal: The Attempt to Anticipate Everything // Loyola University Chicago Law Journal. 2013. Vol. 44. P. 649–681.

134. Nagar V., Petroni K.R., Wolfenzon D. Governance Problems in Closely-Held Corporations // Journal of Financial and Quantitative Analysis (JFQA). 2009. Forthcoming. URL: https://ssrn.com/abstract=1291612 (дата обращения 12.08.2024).

135. Nehf J.P., Contract Damages as a Substitute for Full Performance // Indiana Law Review. 1999. Vol. 32. P. 765–788.

136. O'Donnell P.S. Analogy & Metaphor: An Idiosyncratic Introduction. 2011. – 27 p.

137. Orsinger R.R. The Law of Interpreting Contracts. 2007. Chapter 8. – 45 p.

138. Paaka P. Redefining 'Property' in the Digital Era: When Online, Do as the Romans Did // SSRN Electronic Journal. 2016. URL: https://ssrn.com/abstract=2749701 (дата обращения 12.08.2024).

139. Petrie Fuller K., Goldstein M.A. (2003). Dividend Policy and Market Movements // SSRN Electronic Journal. 2003. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.437700 (дата обращения 12.08.2024).

140. Pileggi F. Words Prevail Over Conflicting Numbers in Contract // Delaware

Corporate & Commercial Litigation Blog. 2019. URL: https://www.delawarelitigation.com/2019/01/articles/chancery-court-updates/words-prevail-over-conflicting-numbers-in-contract/ (дата обращения 12.08.2024).

141. Pinto A.R. Protection of Close Corporation Minority Shareholders in the United States // American Journal of Comparative Law. 2014. Vol. 62. P. 361–385.

142. Popelier P. Five Paradoxes on Legal Certainty and the Lawmaker // Legisprudence. 2008. Vol. 2. P. 47–66.

143. Poscher R. Ambiguity and Vagueness in Legal Interpretation. OXFORD HANDBOOK ON LANGUAGE AND LAW, Lawrence Solan & Peter Tiersma, eds., Oxford University Press, 2011. – 41 p.

144. Posner R.A. The Law and Economics of Contract Interpretation // John M. Olin Law & Economics Working Paper № 229 (2D Series). 2004. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.610983 (дата обращения 12.08.2024).

145. Potter B. Shareholder Disputes: What is the Appropriate Standard of Value? 2011. URL: https://www.stout.com/en/insights/article/shareholder-disputes-what-appropriate-standard-value (дата обращения 12.08.2024).

146. Principles of European Contract Law. Part I and II / Prepared by the Commission on European Contract Law; Edited by O. Lando and H. Beale. The Hague: Kluwer Law Int., 2000. – 561 p.

147. Raban O. The Fallacy of Legal Certainty: Why Vague Legal Standards May Be Better for Capitalism and Liberalism // Boston University Public Interest Law Journal. 2010. Vol. 19. № 175. P. 1–20.

148. Ratner J.R. Creditor and Debtor Windfalls from Divorce // Estate Planning and Community Property Law Journal. 2011. Vol. 3. P. 211–240.

149. Reyes F., Vermeulen E. Company Law, Lawyers and 'Legal' Innovation: Common Law versus Civil Law. Lex Research Topics in Corporate Law & Economics Working Paper № 2011-3. 2011. URL: https://ssrn.com/abstract=1907894 (дата обращения 12.08.2024).

150. Richard I. Metaphors in English for Law: Let Us Keep Them! // Lexis. 2014. Vol. 8. P. 1–19.

151. Roberts M.R., Michaely R. Corporate Dividend Policies: Lessons from Private Firms. Ssrn working paper № 927802. 2011. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.927802 (дата обращения 12.08.2024).

152. Rock E.B., Wachter M.L. Waiting for the Omelet to Set: Match Specific Assets and Minority Oppression in the Close Corporation // The Journal of Corporation Law. 1999. Vol. 24. P. 913–948.

153. Roy M. Substantial Similarity in Copyright Law // SSRN Electronic Journal. 2010. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1666910 (дата обращения 12.08.2024).

154. Sáez M, Gutiérrez M. Dividend Policy with Controlling Shareholders // Theoretical Inquiries in Law. 2015. Vol. 16 (1). P. 107–130.

155. Santos A.D. Non-Compete Clause in Franchise Contracts // FGV Direito SP Research Paper Series № BL001. 2017. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3025844 (дата обращения 12.08.2024).

156. Savigny F.C. von. The System of Modern Roman Law. Vol. I. Madras. 1867. – 350 p.

157. Shecaira F.P. Analogical arguments in ethics and law: A defence of a deductivist analysis // Informal Logic. 2013. Vol. 33. № 3. P. 406–437.

158. Shleifer A., Vishny R.W. A Survey of Corporate Governance. NBER Working Paper № w5554. 1996. URL: https://ssrn.com/abstract=10182 (дата обращения 12.08.2024).

159. Schauer F., Spellman B.A. Analogy, Expertise, and Experience // University of Chicago Law Review. 2017. Vol. 84. № 1. P. 249–268.

160. Schrack A.B. Five (5) Reasons to Stop Writing Numbers Like This // ACC TN Q2 Newsletter. June 2020. URL: https://www.butlersnow.com/2020/04/five-5-reasons-to-stop-writing-numbers-like-this/ (дата обращения 12.08.2024).

161. Scott E.S., Chen, B. Fiduciary Principles in Family Law. Oxford Handbook of Fiduciary Law (E. Criddle, P. Miller and R. Sitkoff, ed.) // Columbia Public Law Research Paper № 14-577. 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3118349 (дата обращения 12.08.2024).

162. Sharfman B.S. Shareholder Wealth Maximization and Its Implementation under Corporate Law // Florida Law Review. 2014. Vol. 66. № 1. P. 389–431.

163. Sheppard B. Norm Supercompliance and the Status of Soft Law // SSRN Electronic Journal. 2013. Vol. 62. № 4. P. 787–879.

164. Skinner D.J., Soltes, E.F. What Do Dividends Tell Us About Earnings Quality? // Review of Accounting Studies. 2009. Vol. 16. № 1. P. 1–28.

165. Sloan A.E., Starger C.P. New Wine in Old Wineskins: Metaphor and Legal Research // Notre Dame Law Review. 2016. Vol. 92. Iss. 6. Online Supplement. P. 1–21.

166. Smith M.R. Levels of Metaphor in Persuasive Legal Writing // Mercer Law Review. 2007. Vol. 58. № 3. P. 919–947.

167. Solan L. Pernicious Ambiguity in Contracts and Statutes // Chicago-Kent Law Review. 2004. Vol 79. P. 859–888.

168. Spigelman J.J. Contractual Interpretation: A Comparative Perspective // Australian Law Journal. 2011. Vol. 85. P. 412–422.

169. Steven R.E. Limitations of the Analogy // The International Journal of Electrical Engineering & Education. 1976. Vol. 13. Iss. 3. P. 197–201.

170. Strine L., Hamermesh, L.A., Balotti R.F., Gorris, J.M. Loyalty's Core Demand: The Defining Role of Good Faith in Corporation Law // Georgetown Law Journal. 2009. Vol. 93. P. 629–696.

171. Sunstein C.R., Thaler R.H. Nudge. Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. Penguin Books, 2009. – 320 p.

172. Tang S., Foley T. The Practice of Law and the Intolerance of Certainty // University of New South Wales Law Journal. 2014. Vol. 37. № 3. P. 1198–1225.

173. Taylor G., Law and Creativity. PHILOSOPHY AND AMERICAN LAW, Francis J. Mootz, III ed., Cambridge University Press, 2009. URL: https://ssrn.com/abstract=1392968 (дата обращения 12.08.2024).

174. Tettenborn A., Clarke M., Andrews N., Virgo G. Contractual Duties: Performance, Breach, Termination and Remedies, 2nd edition. 2017. – 645 p.

175. Thompson R.B. The Shareholder’s Cause of Action for Oppression // The Business Lawyer. 1992. Vol. 48. P. 699–745.

176. Torbert P. A Study of the Risks of Contract Ambiguity // Peking University

Transnational law Review. 2014. Vol. 2. Iss. 1. P. 1–114.

177. Tran L., Vrublevskaya I. Dissenting Shareholder Appraisal Rights and Shareholder Oppression Claims: Similarities and Differences in Securities Valuation // Shareholder Dispute Litigation Insights. 2015. Vol. 15. P. 8–14.

178. Vida S. Analogies in the case law of the Court of Justice EU // Acta Juridica Hungarica. 2013. Vol. 54 Iss. 3. P. 286–295.

179. Vitkus S. Penalty clauses within different legal systems // Social Transformations in Contemporary Society. 2013. Vol. 1. P. 153–162.

180. Watson A. Legal Transplants: an Approach to Comparative Law. (2 ed.). University of Georgia Press. 1993. – 135 p.

181. Webb C. Performance and compensation: an analysis of contract damages and contractual obligation // Oxford Journal of Legal Studies 2006. Vol. 26 (1). P. 41–71.

182. Wei S. Fading Registered Capital Rules under the Amended Chinese Company Law: Sweeping Changes in Uncertain Contexts. (2014) // 8 International Company and Commercial Law Review. 2014. 270-82. URL: https://ssrn.com/abstract=2482231 (дата обращения 12.08.2024).

183. Weinreb L. Legal reason: The use of analogy in legal argument. New York: Cambridge University Press. 2005. – 184 p.

184. Weiskopf N.R. Wood v. Lucy: The Overlap between Interpretation and Gap-Filling to Achieve Minimum Decencies // Pace Law Review. 2008. Vol. 28. Iss. 2. P. 219–233.

185. Weiss Y. Family Theory: Economics of Marriage and Divorce // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. P. 829 – 834.

186. Wemyss G., Yuval-Davis N., Cassidy K. «Beauty and the beast»: Everyday bordering and «sham marriage» discourse // Political Geography. 2017. Vol. 66. URL: https://repository.uel.ac.uk/item/84706 (дата обращения 12.08.2024).

187. White N.J. The Contract Interpretation Two-Step: Step One, Ambiguity Determination and Step Two, the Battle of the Two Reasonable Meanings // Journal of Management Policy and Practice. 2020. Vol. 21 (4). URL: https://ssrn.com/abstract=3830692 (дата обращения 12.08.2024).

188. Wiggers W.J.H. Drafting contracts: techniques, best practice rules and recommendations related to contract drafting. 2011. URL: https://weagree.com/drafting-principles/the-online-book-drafting-contracts/ (дата обращения 12.08.2024).

189. Wilkinson-Ryan T. Do Liquidated Damages Encourage Breach? A Psychological Experiment // Michigan Law Review. 2010. Vol. 108. P. 633–672.

190. Willick M.S. «Sham divorces», civil rights and family law experts // Nevada Family Law Report. 2010. Vol. 23. Iss. 2. P. 16–17.

191. Willis S.J. Family Law Economics, Child Support and Alimony Ruminations on Income: Part One // Florida Bar Journal. 2004. Vol. 78. № 5. P. 34–39.

192. Wood M. Delay Damages // Sloan Plumb Wood Legal Article. London, 2014. P. 1–10.

193. Yalnazov O. Two Types of Legal Uncertainty // SSRN Electronic Journal. 2017. URL: https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3036461 (дата обращения 12.08.2024).

194. Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. 1996. – 1241 p.

Международные правовые акты

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ.1994. № 1.
3. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) (Заключена в г. Женеве 19.05.1956) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)» (1994 год) // Закон. 1995. № 12.

Российские нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://pravo.gov.ru. (Дата обращения 06.10.2022).
2. ФКЗ от 21.08.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
5. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49 Ст. 4552.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
11. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (1 ч.). Ст. 14,
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
13. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
14. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
16. ФЗ от 08.08.2024 № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон

«Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2024. № 181.

17. ФЗ от 24.07.2023 № 351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (часть III). Ст. 5777.

18. ФЗ от 21.12.2021 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8989.

19. ФЗ от 02.07.2021 № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5182.

20. ФЗ от 01.07.2021 № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5095.

21. ФЗ от 31.07.2020 № 252-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части совершенствования процедуры внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о выходе участника общества с ограниченной ответственностью из общества» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5011.

22. ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.

23. ФЗ от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

24. ФЗ от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

25. ФЗ от 29.07.2018 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 114 и 115 Семейного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4813.

26. ФЗ от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4815.

27. ФЗ от 03.07.2016 № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4248.

28. ФЗ от 29.06.2015 № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 4001.

29. ФЗ от 30.03.2015 № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2015. № 13. Ст. 1811.

30. ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

31. ФЗ от 29.12.2014 № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 10.

32. ФЗ от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

33. ФЗ от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6965.

34. ФЗ от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.

35. ФЗ от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

36. ФЗ от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

37. ФЗ от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7058.

38. ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

39. ФЗ от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5.

40. ФЗ от 27.12.2009 № 352-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пересмотра ограничений для хозяйственных обществ при формировании уставного капитала, пересмотра способов защиты прав кредиторов при уменьшении уставного капитала, изменения требований к хозяйственным обществам в случае несоответствия уставного капитала стоимости чистых активов, пересмотра ограничений, связанных с осуществлением хозяйственными обществами эмиссии облигаций» // СЗ РФ. 2009. № 52 (1 ч.). Ст. 6428.

41. ФЗ от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

42. ФЗ от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

43. ФЗ от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

44. ФЗ от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 38.

45. ФЗ от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5497.

46. ФЗ от 30.12.2006 № 271-ФЗ «О розничных рынках и о внесении

изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 34.

47. ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

48. ФЗ от 27.07.2006 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3445.

49. ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 40.

50. ФЗ от 30.12.2004 № 213-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 39.

51. ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

52. ФЗ от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

53. ФЗ от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

54. ФЗ от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 170.

55. ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

56. ФЗ от 25.10.2002 № 125-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4188.

57. ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

58. ФЗ от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.

59. ФЗ от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.

60. ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

61. ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

62. ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

63. ФЗ от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.

64. ФЗ от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

65. ФЗ от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

66. ФЗ от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» // СЗ РФ. 1996. № 20. Ст. 2321.

67. ФЗ от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

68. ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

69. ФЗ от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

70. ФЗ от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

71. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

72. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

73. ФЗ от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

74. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.

75. Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 139.

76. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

77. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

78. Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-I «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 1.

79. ФЗ от 02.12.1990 № 395-I «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

80. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

81. Гражданский кодекс РСФСР (введен Постановлением ВЦИК от 11.11.1922). Утратил силу.

82. ФЗ от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017.

83. Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1242.

84. Указ Президента РФ от 2412.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 1. ст. 6.

85. Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.

86. Постановление Правительства РФ от 01.10.2020 № 1586 «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» // СЗ РФ. 2020. № 41. Ст. 6428.

87. Постановление Правительства РФ от 14.12.2005 № 761 «О предоставлении субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг» // СЗ РФ. 2005. № 51. Ст. 5547.

88. Постановление Правительства РФ от 03.12.2002 № 858 Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года» // СЗ РФ. 2002. № 49. Ст. 4887.

89. Положения о переводном и простом векселе, утв. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7.08.1937 № 104/1341 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1937. № 52. Ст. 221.

90. Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» // Вестник Банка России. 2021. № 62.

91. Положение Банка России от 03.07.2018 № 645-П «О сберегательных и депозитных сертификатах кредитных организаций» // Вестник Банка России. 2018. № 88.

92. Методические правила по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти, утв. Приказом Минюста РФ № 3, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ № 51 от 10.01.2001 // Бюллетень Минюста РФ. 2001. № 2.

Акты Конституционного Суда РФ

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 21-П.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2020 № 42-П.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2020 № 23-П.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2020 № 19-П.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.10.2017 № 23-П.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.2015 № 25-П.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.02.2014 № 3-П.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 № 1083-О.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 433-О.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2615-О.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 2386-О.
18. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 № 1452-О.
19. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2015 № 7-О.
20. Определение Конституционного Суда РФ от 2011.2014 № 2718-О.
21. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О.
22. Определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 № 741-О.

23. Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 № 942-О-О.
24. Определение Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 319-О-О.
25. Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 № 815-О-О.
26. Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 № 758-О-О.
27. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 681-О-П.
28. Определение Конституционного Суда РФ от 16.03.2006 № 76-О.
29. Определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2006 № 9-О.
30. Определение Конституционного Суда РФ от 07.10.1999 № 137-О

Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ

1. Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Российская газета. 2023. № 149.
2. Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень ВС РФ. 2023. № 2.
3. Постановление Пленума ВС РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень ВС РФ. 2023. № 1.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ.2022. № 9.
5. Постановление Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. 2020. № 136.
6. Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 7.
7. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 2.
8. Постановление Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 8.
9. Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 3.
10. Постановление Пленума ВС РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 1.
11. Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых

вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 8.

12. Постановление Пленума ВС РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 7.

13. Постановление Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 1.

14. Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5.

15. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.

16. Постановление Пленума ВС РФ от 02.06.2015 № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 7.

17. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

18. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

19. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. 2013. № 31.

20. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 32.

21. Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 8.

22. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.01.2013 № 13 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 года № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4.

23. Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 9.

24. Постановление Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 7.

25. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 2.

26. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

27. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9.

28. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

29. Постановление Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

30. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

31. Постановление Пленума ВС РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2009. № 9.

32. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8.

33. Постановление Пленума ВС РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень ВС РФ. 2006. № 6.

34. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.10.2005 № 30 «О некоторых вопросах практики применения ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 1.

35. Постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Бюллетень ВС РФ. 2004. № 2.

36. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.

37. Постановление Пленума ВС РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Бюллетень ВС РФ. 2000. № 3.

38. Постановление Пленума ВС РФ № 13, Пленума ВАС РФ № 14 от 08.10.1998 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» // Бюллетень ВС РФ. 1998. № 12.

39. Постановление Пленума ВС РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень ВС РФ. 1998. № 7.

40. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.05.1998 № 9 «О некоторых вопросах применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 7.

41. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 10.

42. Постановление Пленума ВС РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.06.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 1996. № 9.

43. Постановление Пленума ВС РФ от 24.08.1993 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»» // Бюллетень ВС РФ. 1993. № 11.

Обзоры судебной практики Президиумов ВС РФ и ВАС РФ

1. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами, утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2023 // Бюллетень ВС РФ. 2024. № 2.

2. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019 // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 5.

3. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом ВС РФ 26.12.2018 // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 8.

4. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции, утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2017 // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 10.

5. Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг, утв. Президиумом ВС РФ 27.09.2017 // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 10.

6. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утв. Президиумом ВС РФ 13.05.2015 // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 7.

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за январь – июль 2014 года, утв. Президиумом ВС РФ 01.09.2014 // Бюллетень ВС РФ. 2014. № 11.

8. Обзор судебной практики за третий квартал 2012 года, утв. Президиумом ВС РФ 26.12.2012 // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 4.

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 1999 года, утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 05.04.2000 // Бюллетень ВС РФ. 2000. № 7.

10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

11. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2.

12. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

13. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

14. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.06.2009 № 131 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

15. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 № 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности» // Вестник ВАС РФ. 2008. № 2.

16. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 4.

17. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.09.2002 № 69 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 1.

18. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

19. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

20. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 3.

21. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.04.1998 № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 6.

Постановления Президиума ВАС РФ

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.02.2014 № 9189/13.
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.01.2014 № 9913/13.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 19.11.2013 № А82-3890/2012.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 3744/13.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № А42-6169/2011.

6. Постановление Президиума ВАС РФ от 11.09.2012 № 4107/12.
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.07.2012 № 2241/12.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.03.2012 № 14989/11.
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.02.2012 № 12499/11.
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 09.02.2010 № 13944/09.
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 29.11.2011 № А73-10207/2010.
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.10.2011 № 7073/11.
13. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.04.2010 № 67/10.
14. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.10.2008 № 8115/08.
15. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.07.2006 № 2664/06.
16. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.11.2005 № 5261/05.
17. Постановление Президиума ВАС РФ от 31.05.2005 № 16697/04.
18. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2002 № 3673/02.
19. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.06.1997 № 777/97.

Определения ВАС РФ и ВС РФ

1. Определение ВАС РФ от 06.03.2014 № А40-136427/2012.
2. Определение ВАС РФ от 05.02.2014 № ВАС-829/14.
3. Определение ВАС РФ от 16.01.2014 № А76-8250/2009-64-159.
4. Определение ВАС РФ от 10.10.2013 № А33-16964/2012.
5. Определение ВАС РФ от 29.05.2013 № ВАС-6097/13.
6. Определение ВАС РФ от 09.11.2012 № А40-106616/11-120-882.
7. Определение ВАС РФ от 17.10. 2012 № ВАС-13633/12.
8. Определение ВАС РФ от 20.02.2012 № А41-374/10.
9. Определение ВАС РФ от 18.11.2011 № ВАС-14236/11.
10. Определение ВАС РФ от 11.05.2011 № А33-8059/2010.
11. Определение ВАС РФ от 19.04.2011 № А46-2352/2010.
12. Определение ВАС РФ от 22.10.2010 № А47-8999/2009.
13. Определение ВАС РФ от 28.10.2008 № 13377/08.
14. Определение ВАС РФ от 15.10.2008 № А63-12725/2007-С2-14.
15. Определение ВС РФ от 28.08.2023 № 305-ЭС22-28611.
16. Определение ВС РФ от 31.01.2023 № 18-КГ22-139-К4.
17. Определение ВС РФ от 27.09.2021 № 308-ЭС21-7618.
18. Определение ВС РФ от 20.07.2021 № 55-КГ21-2-К8, 2-28/2020.
19. Определение ВС РФ от 25.09.2020 № 307-ЭС20-13049.
20. Определение ВС РФ от 30.12.2019 № 306-ЭС19-25147.
21. Определение ВС РФ от 26.11.2019 № 32-КГ19-38, 2-245/2018.
22. Определение ВС РФ от 10.09.2019 № 18-КГ19-82.
23. Определение ВС РФ от 19.08.2019 № 301-ЭС17-18814.
24. Определение ВС РФ от 04.10.2018 № А50-14983/2017.
25. Определение ВС РФ от 05.06.2018 № 305-ЭС15-9591.
26. Определение ВС РФ от 12.04.2018 № 305-ЭС17-22588.
27. Определение ВС РФ от 11.07.2017 № 53-КГ17-12.
28. Определение ВС РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(1).
29. Определение ВС РФ от 25.04.2017 № 4-КГ17-10.

30. Определение ВС РФ от 11.04.2017 № 305-ЭС16-14771.
31. Определение ВС РФ от 16.02.2017 № 4-АПУ17-1.
32. Определение ВС РФ от 20.09.2016 № 20-КГ16-5.
33. Определение ВС РФ от 02.08.2016 № 36-КГ16-8.
34. Определение ВС РФ от 27.05.2016 № 305-ЭС15-16796.
35. Определение ВС РФ от 27.04.2016 № А46-10270/2014.
36. Определение ВС РФ от 31.03.2016 № 305-ЭС15-14197, А40-104595/2014.
37. Определение ВС РФ от 29.03.2016 № 83-КГ16-2.
38. Определение ВС РФ от 01.03.2016 № 45-КГ16-1.
39. Определение ВС РФ от 02.03.2016 № А40-70250/2015.
40. Определение ВС РФ от 15.01.2015 № 308-ЭС14-7676.
41. Определение ВС РФ от 24.09.2013 № 81-КГ13-14.

Постановления Суда по интеллектуальным правам (СИП)

1. Постановление СИП от 12.02.2024 № СИП-703/2023.
2. Постановление СИП от 28.04.2022 № СИП-4/2020.
3. Постановление СИП от 11.02.2019 № С01-1205/2018.
4. Постановление СИП от 21.06.2018 № СИП-461/2017.
5. Постановление СИП от 01.02.2017 № А40-206553/2015.
6. Постановление СИП от 08.11.2013 № А56-43646/2011.
7. Постановление СИП от 06.11.2013 № С01-142/2013.

Постановления арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций

1. Постановление АС Северо-Западного округа от 19.06.2024 № Ф07-6044/2024.
2. Постановление АС Московского округа от 14.06.2024 № Ф05-3812/2024.
3. Постановление АС Северо-Западного округа от 03.06.2024 № Ф07-2514/2024.
4. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28.05.2024 № Ф04-1142/2024.
5. Постановление АС Северо-Западного округа от 26.04.2024 № Ф07-3858/2024.
6. Постановление АС Северо-Западного округа от 11.04.2024 № Ф07-2824/2024.
7. Постановление АС Северо-Западного округа от 09.04.2024 № Ф07-22863/2023.
8. Постановление АС Московского округа от 04.04.2023 № Ф05-3615/2023.
9. Постановление АС Дальневосточного округа от 15.06.2023 № Ф03-2076/2023.
10. Постановление АС Московского округа от 17.05.2021 № Ф05-9709/2021.
11. Постановление АС Поволжского округа от 26.11.2019 № Ф06-53361/2019.
12. Постановление АС Дальневосточного округа от 20.02.2017 № А73-8851/2016.
13. Постановление АС Московского округа от 10.01.2017 № А40-1094/16.

14. Постановление АС Дальневосточного округа от 27.02.2017 № А73-8996/2016

15. Постановление АС Дальневосточного округа от 15.05.2017 № А51-20215/2016.

16. Постановление АС Волго-Вятского округа от 19.06.2017 № А43-18307/2016.

17. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 24.04.2017 № А33-18799/2015.

18. Постановление АС Московского округа от 04.05.2016 № А40-111169/2015.

19. Постановление АС Дальневосточного округа от 24.10.2016 № А51-26/2016.

20. Постановление ФАС Московского округа от 14.02.2006 № А41-К1-7282/05.

21. Постановление АС Московского округа от 11.11.2015 № А40-149775/14.

22. Постановление АС Северо-Западного округа от 14.12.2015 № А56-2619/2015.

23. Постановление АС Северо-Западного округа от 18.08.2015 № А56-5287/2014.

24. Постановление АС Волго-Вятского округа от 21.11.2016 № А43-29968/2015.

25. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 25.07.2014 № А56-40591/2013.

26. Постановление АС Северо-Западного округа от 16.01.2017 № А56-5120/2016.

27. Постановление АС Московского округа от 17.03.2017 № А40-8709/2016.

28. Постановление ФАС Московского округа от 13.11.2013 № А40-155377/12-104-1116.

29. Постановление Восьмого ААС от 18.10.2016 № А46-4522/2016.

30. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 2001.2017 № А46-4522/2016.

31. Постановление АС Волго-Вятского округа от 06.09.2016 делу № А43-19340/2015.

32. Постановление ФАС Центрального округа от 2507.2011 № А08-4861/2010-8.

33. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.03.2010 № А27-9746/2009.

34. Постановление ФАС Поволжского округа от 2112.2006 № А65-10716/2005-СГ3-28;

35. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.12.2012 № А42-2283/2009.

36. Постановление АС Уральского округа от 24.04.2023 № А47-11501/2020.

37. Постановление АС Волго-Вятского округа от 10.07.2018 № А43-25952/2017.

38. Постановление АС Волго-Вятского округа от 19.04.2019 № А43-

26742/2018.

39. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 18.11.2018 № А19-16449/2017.

40. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30.07.2013 № А79-6738/2012.

41. Постановление ФАС Поволжского округа от 26.04.2007 № А65-22625/06-СГ3-15.

42. Постановление ФАС Московского округа от 06.11.2013 № А40-136634/12-140-976.

43. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 07.06.2012 № А63-5026/2011.

44. Постановление ФАС Поволжского округа от 21.05.2008 № А12-14888/07-С14.

45. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24.07.2013 № А45-28338/2012.

46. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 17.07. 2006 № А56-49787/04. Постановление ФАС Центрального округа от 27.01.2009 № А14-2630-2008/85/17.

47. Постановление АС Московского округа от 13.12.2017 № А40-166616/2016.

48. Постановление ФАС Уральского округа от 09.06.2008 № А07-14238/07.

49. Постановление ФАС Уральского округа от 21.07.2009 № А60-40089/2008-С4.

50. Постановление ФАС Центрального округа от 26.01.2010 № А14-3407/2009/81/32.

51. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 05.04.2018 № А63-16575/2016.

52. Постановление АС Дальневосточного округа от 19.01.2015 № А24-2385/2014.

53. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 09.07.2014 № А28-15310/2013.

54. Постановление ФАС Уральского округа от 21.04.2010 № Ф09-2663/10-С3.

55. Постановление ФАС Уральского округа от 14.07.2004 № Ф09-2113/04-ГК.

56. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 18.11.2013 № А17-7144/2012.

57. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 20.03.2007 № А04-1536/06-4/63.

58. Постановление АС Северо-Западного округа от 08.05.2015 № А56-67921/2013. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 19.07.2006 № А19-7480/05-45-41.

59. Постановление ФАС Поволжского округа от 2211.2012 № А55-6675/2011.

60. Постановление Двадцатого ААС от 02.09.2014 № А23-743/2014.

61. Постановление ФАС Поволжского округа от 21.11.2006 № А57-407/06

62. Постановление ФАС Уральского округа от 25.11.2009 № Ф09-9253/09-С6.

63. Постановление ФАС Уральского округа от 08.11.2011 № Ф09-6399/11.

64. Постановление ФАС Центрального округа от 15.04.2010 № Ф10-872/10.

65. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 27.03.2013 № А53-5344/2012.

66. Постановление ФАС Центрального округа от 27.12.2012 № А09-238/2012.

67. Постановление ФАС Поволжского округа от 21.05.2013 № А55-23900/2012. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 30.04.2013 № Ф04-2006/13.

68. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 05.11.2003 № А05-1936/03-72/24.

69. Постановление ФАС Центрального округа от 25.08.2008 № А23-424/08Г-15-16.

70. Постановление ФАС Центрального округа от 24.10.2013 № А35-10981/2012.

71. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 11.07.2018 № А03-16601/2017.

72. Постановление АС Уральского округа от 19.12.2014 № А76-1070/2014.

73. Постановление АС Центрального округа от 15.10.2015 № Ф10-3649/2015.

74. Постановление ФАС Центрального округа от 06.08.2007 № А14-1437/2006/37/12.

75. Постановление АС Северо-Западного округа от 26.10.2015 № А13-13061/2014. Постановление АС Уральского округа от 27.11.2017 № Ф09-6961/17.

76. Постановление ФАС Московского округа от 20.06.2014 № Ф05-5428/2014.

77. Постановление АС Волго-Вятского округа от 24.08.2021 № Ф01-3265/2021. Постановление АС Московского округа от 06.06.2022 № Ф05-10000/2022.

78. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 20.07.2006 № А43-46558/2005-27-1253/2-5-557.

79. Постановление ФАС Уральского округа от 26.08.2009 № А76-26582/2008-17-542/89.

80. Постановление АС Северо-Западного округа от 14.06.2017 № А21-4475/2016.

81. Постановление ФАС Уральского округа от 10.01.2007 № А60-13621/06-С7.

82. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 21.10.2008 № А33-4723/08.

83. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 18.09.2009 № А51-1285/2009.

84. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 22.06.2007 № А43-26762/2006-12-491.

85. Постановление АС Поволжского округа от 23.12.2014 № Ф06-17043/2013.

86. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 20.02.2008 № А33-33865/05-Ф02-7411/06.

87. Постановление АС Волго-Вятского округа от 19.11.2019 № А28-

1847/2019.

88. Постановление АС Центрального округа от 18.11.2019 № А68-9265/2018.

89. Постановление АС Северо-Западного округа от 17.06.2019 № Ф07-5914/2019.

90. Постановление АС Дальневосточного округа от 26.05.2021 № А59-4940/2016.

91. Постановление АС Северо-Западного округа от 13.10.2021 № А26-10554/2020.

92. Постановление АС Уральского округа от 16.11.2017 № А47-45/2017.

93. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.03.2004 № А70-8184/18-2003.

94. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 26.04.2017 № А33-19268/2016.

95. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 18.01.2005 № Ф03-А73/04-1/3852.

96. Постановление ФАС Уральского округа от 25.03.2009 № А50-12404/2007-Г13.

97. Постановление АС Московского округа от 02.06.2019 № А40-161960/2018.

98. Постановление ФАС Поволжского округа от 26.08.2011 № А65-28882/2010.

99. Постановление ФАС Центрального округа от 18.02.2005 № А35-351/03-С9.

100. Постановление ФАС Поволжского округа от 26.08.2011 № А65-28882/2010.

101. Постановление ФАС Уральского округа от 22.05.2006 № Ф09-1350/06-С3.

102. Постановление ФАС Московского округа от 03.11.2009 № КГ-А40/8319-09.

103. Постановление АС Северо-Западного округа от 26.10.2015 № А13-13061/2014.

104. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.10.2008 № А32-648/2007.

105. Постановление ФАС Московского округа от 20.06.2014 № Ф05-5428/2014.

106. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 03.06.2022 № А78-9283/2021.

107. Постановление АС Московского округа от 07.02.2023 № А40-179975/2020.

108. Постановление ФАС Московского округа от 19.05.2004 № КГ-А41/3051-04.

109. Постановление ФАС Московского округа от 13.03.2009 № А40-28523/08-37-246.

110. Постановление ФАС Московского округа от 05.04.2011 № КГ-А40/475-11.

111. Постановление АС Северо-Западного округа от 30.06.2015 № Ф07-3579/2015.

112. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 27.10.2008 № А78-972/08-С3-11/43-Ф02-4860/08.

113. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 25.10.2004 № А56-14763/03.

114. Постановление АС Уральского округа от 04.03.2022 № А76-14896/2021.

115. Постановление АС Уральского округа от 06.02.2019 № А60-56701/2017.

116. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 05.08.2008 № Ф04-4239/2008(7906-А46-9).

117. Постановление ФАС Московского округа от 12.04.2012 № А40-12554/11-142-103.

118. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 05.11.2003 № А05-1936/03-72/24.

119. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 06.06.2012 № А19-15965/2011.

120. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 09.02.2012 № А32-9696/2011.

121. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.03.2012 № А46-9631/2011.

122. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 15.05.2015 № А19-13919/2013.

123. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 07.08.2020 № Ф08-5934/2020.

124. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 19.11.2010 № А56-50654/2009.

125. Постановление ФАС Поволжского округа от 31.03.2014 № А57-1753/2012.

126. Постановление АС Уральского округа от 10.12.2021 № А76-51674/2020.

127. Постановление ФАС Уральского округа от 01.09.2009 № Ф09-6292/09-С5.

128. Постановление АС Волго-Вятского округа от 25.11.2019 № А39-2176/2019.

129. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26.06.2007 № А42-8832/2006.

130. Постановление ФАС Московского округа от 14.07.2008 № КГ-А40/3905-08-П.

131. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 15.06.2011 № А33-7537/2010.

132. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.04.1999 № Ф04/752-125/А70-99.

133. Постановление АС Западного округа от 17.05.2023 № А56-44181/2022.

134. Постановление АС Дальневосточного округа от 26.06.2017 № А73-5467/2015.

135. Постановление ФАС Уральского округа от 10.07.2003 № А07-16114/02.

136. Постановление АС Московского округа от 22.12.2021 № А41-33747/2021.
137. Постановление ФАС Уральского округа от 11.07.2014 № А60-2190/2014.
138. Постановление ФАС Московского округа от 24.04.2014 № А40-123855/13-3-736.
139. Постановление ФАС Поволжского округа от 26.02.2008 № А65-9846/2007-СА1-7.
140. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 14.05.2012 № А59-3046/2011.
141. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 11.01.2013 № А32-8988/2011.
142. Постановление ФАС Поволжского округа от 01.08.2008 № А65-13804/06.
143. Постановление ФАС Московского округа от 19.03.2013 № А40-63883/12-50-656.
144. Постановление АС Дальневосточного округа от 13.04.2015 № А51-5732/2013.
145. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 31.01.2023 № А03-7497/2022.
146. Постановление АС Волго-Вятского округа от 09.03.2023 № А11-619/2021.
147. Постановление ФАС Московского округа от 25.05.2012 № А40-91564/11-153-816.
148. Постановление ФАС Московского округа от 25.09.2013 № А40-109277/12-6-1021.
149. Постановление ФАС Поволжского округа от 05.09.2013 № А65-924/2013.
150. Постановление ФАС Уральского округа от 04.06.2009 № А07-11172/2008-Г-СИЗ
151. Постановление ФАС Московского округа от 23.10.2006 № А41-К1-9510/05.
152. Постановление ФАС Уральского округа от 26.04.2011 № А34-3780/2010.
153. Постановление АС Поволжского округа от 19.08.2014 № А55-6230/2013.
154. Постановление ФАС Московского округа от 22.02.2012 № А40-85018/11-48-705.
155. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 20.06.2012 № А53-15902/2011.
156. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.08.2013 № А11-8974/2012.
157. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 09.09.2008 № А67-565/2008.
158. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 20.06.2012 № А53-15902/2011.
159. Постановление АС Московского округа от 12.07.2019 № А40-200158/2018.

160. Постановление АС Дальневосточного округа от 07.05.2018 № А59-3787/2017.

161. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 01.02.2017 № А46-3752/2016.

162. Постановление АС Северо-Западного округа от 27.05.2020 № А56-12653/2018.

163. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 13.08.2014 № А46-29816/2012.

164. Постановление АС Волго-Вятского округа от 22.01.2021 № Ф01-15132/2020.

165. Постановление АС Московского округа от 09.12.2019 № Ф05-19341/2019.

166. Постановление ФАС Уральского округа от 26.03.2009 № Ф09-574/09-С6.

167. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 21.09.2010 № А03-10658/2009.

168. Постановление АС Уральского округа от 16.01.2019 № Ф09-7850/18.

169. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18.08.2005 № А58-5177/04-Ф02-3991/05-С2.

170. Постановление ФАС Поволжского округа от 03.03.2010 № А65-18040/2009.

171. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 09.06.2020 № А74-3619/2018.

172. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.12.2012 № А42-2283/2009.

173. Постановление АС Северо-Западного округа от 20.01.2016 № А13-3371/2015.

174. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 14.02.2019 № А78-17696/2017.

175. Постановление АС Дальневосточного округа от 15.03.2017 № А59-1172/2016.

176. Постановление АС Поволжского округа от 20.05.2020 № А12-26686/2019.

177. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 15.07.2008 № А19-4509/05-53-6-4.

178. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 30.01.2009 № А32-11917/2007-55/274-2008-16/37.

179. Постановление ФАС Центрального округа от 21.04.2009 № А54-1591/2008С9.

180. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.06.2008 № А03-3150/07-37.

181. Постановление АС Поволжского округа от 06.03.2017 № А06-4712/2016.

182. Постановление АС Дальневосточного округа от 15.02.2017 № А04-3521/2016.

183. Постановление ФАС Центрального округа от 14.07.2008 № А68-5851/07-168/16.

184. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 19.02.2008 № А39-245/2007-9/14.

185. Постановление ФАС Уральского округа от 21.07.2009 № А50-14459/2008-Г14.

186. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 30.01.2009 № А32-11917/2007-55/274-2008-16/37.

187. Постановление АС Поволжского округа от 01.09.2016 г№ А57-27205/2015.

188. Постановление АС Волго-Вятского округа от 17.03.2016 № А29-4606/2015.

189. Постановление АС Поволжского округа от 10.12.2019 делу № А57-12783/2018.

190. Постановление АС Волго-Вятского округа от 30.12.2014 № А43-2058/2011.

191. Постановление АС Северо-Западного округа от 04.07.2017 № А56-39738/2015.

192. Постановление ФАС Поволжского округа от 16.08.2010 № А57-22863/2009.

193. Постановление АС Уральского округа от 29.05.2019 № А60-39078/2018.

194. Постановление АС Северо-Западного округа от 08.08.2018 № А66-10750/2015.

195. Постановление ФАС Уральского округа от 22.11.2006 № А60-9854/06.

196. Постановление ФАС Московского округа от 02.04.2007 № КГ-А40/2020-07-П.

197. Постановление ФАС Центрального округа от 12.09.2011 № А62-5125/2010.

198. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 16.09.2011 № А32-29224/2010.

199. Постановление ФАС Уральского округа от 12.03.2008 № А50-10384/2007-Г24.

200. Постановление ФАС Московского округа от 13.02.2008 № А40-14073/07-138-85.

201. Постановление ФАС Московского округа от 30.05.2013 № А41-10596/12.

202. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 05.05.2011 № А74-2913/2010.

203. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 18.09.2015 № А03-407/2015.

204. Постановление ФАС Поволжского округа от 08.04.2014 № А55-19411/2012.

205. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 11.12.2014 № Ф04-11805/2014.

206. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.10.2008 № А66-1084/2008.

207. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13.03.2012 № А53-

10992/201.

208. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 23.07.2012 № Ф08-3891/12.

209. Постановление ФАС Московского округа от 11.06.2013 № А40-36218/12-34-29.1

210. Постановление ФАС Поволжского округа от 15.12.2011 № А57-1600/2011.

211. Постановление ФАС Московского округа от 11.01.2006 № КГ-А41/13073-05.

212. Постановление АС Дальневосточного округа от 06.11.2014 № А73-2303/2014.

213. Постановление ФАС Уральского округа от 19.01.2009 № Ф09-494/09-С4.

214. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26.05.2011 № А53-17025/2010.

215. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31.05.2007 № А44-3016/2006-7.

216. Постановление АС Дальневосточного округа от 15.12.2016 № Ф03-6003/2016.

217. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 05.06.2014 № А82-567/2011.

218. Постановление АС Волго-Вятского округа от 31.03.2017 № Ф01-661/2017.

219. Постановление АС Центрального округа от 17.09.2018 № Ф10-3588/2018.

220. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 10.06.2011 № А75-9387/2010.

221. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 10.02.2005 № А17-248/1/10.

222. Постановление ФАС Поволжского округа от 27.06.2006 № А49-10614/2005-20АО/20.

223. Постановление АС Поволжского округа от 20.11.2015 № А49-3645/2015.

224. Постановление АС Центрального округа от 26.12.2018 № Ф10-5658/2018.

225. Постановление АС Московского округа от 23.01.2019 № Ф05-22780/2018.

226. Постановление АС Московского округа от 29.07.2016 № Ф05-9208/2015.

227. Постановление АС Московского округа от 12.03.2020 № Ф05-3234/2020.

228. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 31.05.2017 № Ф04-1243/2017.

229. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 30.09.2020 № А75-20488/2019.

230. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 27.12.2016 № Ф04-6215/2016.

231. Постановление АС Дальневосточного округа от 01.04.2016 № Ф03-1035/2016.

232. Постановление АС Уральского округа от 26.09.2017 № Ф09-5734/17.

233. Постановление АС Московского округа от 08.02.2019 № А40-102210/2018.

234. Постановление ФАС Московского округа от 25.07.2005 № КГ-А40/5293-05.

235. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15.09.2004 № А42-4266/03-14.

236. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.07.2014 № А32-28639/2013.

237. Постановление АС Поволжского округа от 16.02.2018 № А57-22638/2016.

238. Постановление АС Волго-Вятского округа от 21.02.2020 № А28-10586/2018.

239. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 19.12.2011 № А33-3714/2011.

240. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 16.07.2013 № А44-4169/2012.

241. Постановление АС Центрального округа от 23.01.2017 № А36-2894/2016.

242. Постановление АС Северо-Западного округа от 12.03.2019 № А56-35375/2018.

243. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 17.06.2020 № А27-16556/2019.

244. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 20.03.2012 № А51-6214/2011.

245. Постановление АС Московского округа от 13.04.2016 № А40-80953/2015.

246. Постановление АС Уральского округа от 06.12.2021 № А76-48638/2020.

247. Постановление АС Центрального округа от 29.01.2018 № Ф10-5610/2016.

248. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 14.10. 2016 № Ф08-7341/2016.

249. Постановление АС Уральского округа от 06.05.2021 № А60-36732/2020.

250. Постановление АС Волго-Вятского округа от 20.03.2019 № А43-18690/2018.

251. Постановление АС Московского округа от 17.11.2021 № А41-82720/2020.

252. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28.09.2015 № Ф04-23439/2015.

253. Постановление АС Московского округа от 01.08.2016 № Ф05-10668/2016.

254. Постановление АС Московского округа от 05.05.2017 № А40-172946/2016.

255. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28.09.2015 № А27-2907/2015.

256. Постановление АС Поволжского округа от 12.10.2018 № А65-10780/2017.
257. Постановление АС Дальневосточного округа от 14.10.2019 № А73-3152/2019.
258. Постановление АС Волго-Вятского округа от 19.12.2016 № А43-1567/2016.
259. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 10.03.2017 № А32-1221/2015.
260. Постановление АС Дальневосточного округа от 02.12.2019 № А59-257/2019.
261. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 17.02.2020 № А32-17178/2018.
262. Постановление АС Поволжского округа от 02.03.2016 № Ф06-5551/2016.
263. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 26.06.2017 № А45-21711/2016.
264. Постановление АС Уральского округа от 26.05.2017 № А07-21544/2016.
265. Постановление Девятого ААС от 26.06.2017 № А40-217424/16.
266. Постановление Восьмого ААС от 26.11.2015 № А70-6015/2015
267. Постановление Восьмого ААС от 11.12.2014 № А75-1642/2014.
268. Постановление Девятого ААС от 26.11.2014 № А40-169281/2013.
269. Постановление Третьего ААС от 10.03.2015 № А33-22593/2013.
270. Постановление Третьего ААС от 07.11.2008 № А33-5618/2008.
271. Постановление Двенадцатого ААС от 16.01.2013 № А12-19181/2012.
272. Постановление Девятого ААС от 13.02.2008 № 09АП-578/2008-ГК.
273. Постановление Девятого ААС от 05.10.2016 № 09АП-45898/2016-ГК.
274. Постановление Десятого ААС от 19.01.2012 № А41-23185/11.
275. Постановление Шестнадцатого ААС от 29.07. 2011 № А18-1528/10.
276. Постановление Тринадцатого ААС от 01.04.2019 № А56-114097/2018.
277. Постановление Девятого ААС от 07.12.2016 № А40-159569/16.
278. Постановление Девятого ААС от 30.10.2019 № А40-95283/2019.
279. Постановление Шестнадцатого ААС от 28.10.2021 № А63-21011/2019.
280. Постановление Одиннадцатого ААС от 05.07.2016 № А55-930/2016.
281. Постановление Десятого ААС от 11.01.2022 № А41-58189/2021.
282. Постановление Пятнадцатого ААС от 09.01.2014 № 15АП-13391/2013.
283. Постановление Восьмого ААС от 14.09.2022 № А46-22200/2021.
284. Постановление Десятого ААС от 11.01.2022 № А41-58189/2021.
285. Постановление Десятого ААС от 30.03.2010 № А41-36794/09.
286. Постановление Двадцатого ААС от 26.08.2010 № 20АП-3368/10.
287. Постановление Третьего ААС от 15.05.2013 № 03АП-1467/13.
288. Постановление Одиннадцатого ААС от 24.12.2012 № 11АП-14827/12.
289. Постановление Второго ААС от 19.05.2017 № А28-11077/2016.
290. Постановление Первого ААС от 15.11.2019 № А79-3026/2019.
291. Постановление Четырнадцатого ААС от 03.06.2014 № А52-2395/2013.
292. Постановление Девятого ААС от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018.

293. Постановление Одиннадцатого ААС от 05.12.2018 № А55-7553/2018.
294. Постановление Девятого ААС от 1812.2020 № А40-69805/2020.
295. Постановление Семнадцатого ААС от 25.02.2020 № А60-46823/2016.
296. Постановление Седьмого ААС от 24.07.2019 № А45-728/2019.
297. Постановление Девятнадцатого ААС от 16.05.2016 № 19АП-1548/2016.
298. Постановление Шестого ААС от 16.07.2012 № А73-2496/2012.
299. Постановление Пятнадцатого ААС от 28.02.2011 № А53-17025/2010.
300. Постановление Восьмого ААС от 03.09.2015 № 08АП-6933/2015.
301. Постановление Восьмого ААС от 12.05.2016 № А46-16331/2015.
302. Постановление Шестого ААС от 09.10.2012 № А04-4080/2012.
303. Постановление Пятнадцатого ААС от 19.04.2018 № А32-36976/2017.

Акты судов общей юрисдикции

1. Определение Московского областного суда от 02.03.2022 № 33-3943/2022.
2. Определение Московского городского суда от 24.11.2021 № 33-47266/2021.
3. Определение Курского областного суда от 13.10.2021 № 33-3346/2021, 2-1460/16/2021.
4. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2021 № 88-14198/2021.
5. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 № 88-10336/2021.
6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2021 № 2-379/2020.
7. Определение Московского городского суда от 04.02.2021 № 33-4242/2021.
8. Определение Верховного суда Республики Башкортостан от 13.05.2020 № 33-7136/2020.
9. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.04.2020 № 88-5777/2020.
10. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2020 № 2-793/2019.
11. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2020 № 8г-1545/2019(88-157/2020).
12. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2019 № 88-2419/2019.
13. Определение Московского городского суда от 06.11.2019 № 33-49684/2019.
14. Определение Московского городского суда от 30.07.2019 № 33-29146/2019.
15. Определение Верховного суда Республики Башкортостан от 25.04.2019 № 33-8482/19.
16. Определение Московского городского суда от 22.03.2019 № 4г-3891/2019.
17. Определение Свердловского областного суда от 06.07.2018 № 33-11324/2018.
18. Определение Липецкого областного суда от 19.07.2017 № 33-2664/2017.
19. Определение Алтайского краевого суда от 30.05.2017 № 33-5780/2017.
20. Определение Московского городского суда от 12.01.2017 № 33-1137/2017.
21. Определение Пензенского областного суда от 13.12.2016 № 33-4472.

22. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.08.2016 № 2-767/20154.

23. Определение Свердловского районного суда города Иркутска от 05.04.2016 № 11-39/2016.

24. Определение Пушкинского городского суда от 31.03.2016 № 11-10/2016.

25. Определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 20.01.2016 № 33-306/2016.

26. Определение Верховного суда Удмуртской Республики от 14.01.2016 № 33-6/2016.

27. Определение Высокогорского районного суда Республики Татарстан от 25.09.2015 № 11-12/2015.

28. Постановление Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 17.09.2015 № 44г-35/2015.

29. Определение Московского городского суда от 18.05.2015 № 33-12529.

30. Определение Новосибирского областного суда от 21.10.2014 № 33-9043/2014.

31. Определение Московского городского суда от 22.04.2014 № 4г/2-3738/14.

32. Определение Липецкого областного суда от 23.10.2013 № 33-2806/2013.

33. Определение Московского городского суда от 18.09.2013 № 11-26919.

34. Постановление Президиума Пермского краевого суда от 06.09.2013 № 44-г-1143/13.

35. Определение Липецкого областного суда от 13.05.2013 № 33-1077/2013.

36. Определение Московского городского суда от 24.01.2013 № 11-2615/13.

37. Определение Московского городского суда от 16.10.2012 № 11-14347/12.

38. Определение Московского городского суда от 06.08.2012 № 11/16658.

39. Определение Верховного суда Республики Бурятия от 18.07.2012 № 33-1575.

40. Определение Пермского краевого суда от 02.05.2012 № 33-2703.

41. Определение Пензенского областного суда от 24.04.2012 № 33-950.

42. Постановление Президиума Томского областного суда от 21.03.2012 № 44г-8/2012.

43. Определение Московского городского суда от 20.03.2012 № 11-1326.

44. Определение Московского городского суда от 24.02.2012 № 33-3374.

45. Определение Московского городского суда от 23.01.2012 № 4г/6-10250.

46. Определение Московского городского суда от 13.12.2011 № 4г/7-11042/11.

47. Определение Астраханского областного суда от 09.11.2011 №33-3436/2011.

48. Определение Томского областного суда от 08.11.2011 № 33-3439/2011.

49. Определение Московского городского суда от 20.10.2011 № 33-34080.

50. Определение Томского областного суда от 18.10.2011 № 33-3142/2011.

51. Определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 02.03.2011 № 33-101/11.

52. Решение Брюховецкого районного суда Краснодарского края от 16.02.2011 № 2/75/2011.

53. Определение Кумертауского городского суда Республики Башкортостан

от 06.12.2010 № 11-93/2010.

54. Определение Верховного суда Удмуртской Республики от 15.11.2010 № 33-3726.

55. Постановление Президиума Московского городского суда от 08.10.2010 № 44г-167/10.

56. Постановление Президиума Московского городского суда от 21.11.2008 № 44г-0421/2008.

57. Решение Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 15.02.2023 № 2-892/2023(2-7036/2022).

58. Решение Кировского районного суда города Астрахани от 20.12.2022 № 2-5402/2022.

59. Решение Ленинского районного суда города Воронежа от 16.05.2022 № 2-2716/2022.

60. Решение Абаканского городского суда Республики Хакасия от 23.03.2022 № 2-1734/2022.

61. Решение Приморского районного суда города Санкт-Петербурга от 31.10.2019 № 2а-9520/2019.

62. Решение Арзамасского городского суда Нижегородской области от 31.10.2019 № 2-2144/2019.

63. Решение Щекинского районного суда Тульской области от 14.12.2018 № 2-2606/2018~М-2666/18.

64. Решение Промышленного районного суда города Ставрополя от 03.12.2018 № 2-5734/2018~М-5397/18.

65. Решение Видновского городского суда Московской области от 26.03.2018 № 2-714/2018~М-36/2018.

66. Решение Химкинского городского суда Московской области от 22.03.2018 № … (данные изъяты).

67. Решение Ленинского районного суда города Перми от 17.01.2018 № 2-501/18 (2-5649/17).

68. Решение Кировского районного суда города Омска от 25.12.2017 № 2-5815/2017.

69. Решение Центрального районного суда города Прокопьевска Кемеровской области от 30.03.2017 № А-480/2017.

70. Решение Ленинского районного суда города Кирова от 24.01.2017 № 2-350/2018.

71. Решение Черемушкинского районного суда города Москвы от 05.04.2016 № 2-2661/2016.

72. Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 02.02.2016 № 2-780/2016.

73. Решение Псковского районного суда Псковской области от 18.12.2015 № 2-953/2015~М-857/2015.

74. Решение Юргинского городского суда Кемеровской области от 14.07.2015 № 2-1712/2015.

75. Решение Ленинского районного суда города Воронежа от 14.07.2015 № 2-5322/2015~М-4523/2015.

76. Решение Суда района им. Лазо Хабаровского края от 14.07.2015 № 2-164/2016.

77. Решение Пущинского городского суда Московской области от 26.05.2015 № 2-114/2015~М-94/2015.

78. Решение Таганского районного суда города Москвы от 23.10.2014 № 2-2379/2014~М-2675/2014.

79. Решение Заводского районного суда города Орла от 18.09.2014 № 2-1465/2014~М-1182/2014.

80. Решение Калужского районного суда Калужской области от 29.07.2014 № 2-7022/2014~М-6206/2014.

81. Решение Павловского городского суда Нижегородской области от 17.06.2014 № 2-779/2014-М-483/2014.

82. Решение Привокзального районного суда города Тулы от 20.05.2014 № 2-535/2014~М-598/2014.

83. Решение Кинель-Черкасского районного суда Самарской области от 27.02.2014 № 2-110/2014-М-27/2014.

84. Решение Промышленного районного суда города Ставрополя от 05.12.2013 № 2-7836/13.

85. Решение Центрального районного суда города Челябинска от 28.06.2013 № 2-1150/2013.

86. Решение Ленинского районного суда города Смоленска от 20.06.2013 № 2-1960/2013~М-1418/2013.

87. Решение Ленинградского районного суда города Калининграда от 04.06.2013 № 2-1918/13.

88. Решение Фокинского районного суда города Брянска от 24.04.2013 № 2/510/13.

89. Решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 07.03.2013 № 2-1959/2013.

90. Определение Московского областного суда от 19.03.2013 № 33-6567

91. Решение Московского районного суда города Калининграда от 05.12.2012 № 2-2221/2012~М-2141/2012.

92. Решение Красногвардейского районного суда города Санкт-Петербурга от 21.08.2012 № 2-125/12.

93. Решение Северобайкальского городского суда Республики Бурятия от 14.05.2012 № 2-489/12.

94. Решение Тимирязевского районного суда города Москвы от 10.04.2012 № 2-759/2012.

95. Определение Ленинского районного суда города Воронежа от 25.07.2011 № 2-2622/2011~М-2108/2011.

96. Решение Сенгилеевского районного суда Ульяновской области от 21.03.2011 № 2-74/2011.

97. Решение Череповецкого городского суда Вологодской области от 13.04.2010 № 02-1565/2010.

98. Постановление Приморского краевого суда от 23.10.2009 № 44г-140.

99. Определение Нижегородского областного суда от 19.05.2009 № 33-3651.

100. Решение Бежицкого районного суда города Брянска от … (данные изъяты) № 743/2011.

101. Решение Советского районного суда города Нижнего Новгорода от … (данные изъяты) № 2-4450/17.

102. Решение Тогучинского районного суда Новосибирской области от 26.01.2010 № 2-194.

103. Решение Ловозерского районного суда Мурманской области от … (данные изъяты) № 2-№ … (данные изъяты).

104. Решение Центрального районного суда города Тольятти от … (данные изъяты) № … (данные изъяты).

105. Решение Тындинского районного суда Амурской области от … (данные изъяты) №… (данные изъяты).

Иные правовые акты

1. Письмо Минфина РФ от 06.04.2022 № 03-03-06/1/28876.
2. Письмо Минфина РФ от 28.03.2022 № 03-03-06/1/24599.
3. Письмо Минфина РФ от 20.01.2022 № 03-03-07/3039.
4. Письмо Минфина РФ от 15.10.2020 № 03-03-10/90152.
5. Письмо Минфина РФ от 11.12.2017 № 03-03-06/1/82229.
6. Письмо Минфина РФ от 02.12.2014 № 03-04-07/61655.
7. Письмо Минфина РФ от 21.08.2014 № 03-04-05/41883.
8. Письмо Минфина РФ от 24.07.2014 № 03-04-05/36474.
9. Письмо Минфина РФ от 20.03.2012 № 03-03-06/1/133.

10. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утв. Правлением ФНП 28.02.2006.

11. Письмо ФНП от 15.01.2020 № 121/03-16-3.
12. Письмо ФНП от 01.09.2014 № 2405/03-16-3.
13. Письмо ФНП от 26.07.2013 № 1605/06-09.
14. Письмо ФНП от 06.06.2013 № 1284/06-09.
15. Письмо ФНП от 27.12.2012 № 2782/06-12.
16. Письмо ФНП от 09.07.2010 № 1448/07-17.
17. Приказ Минэкономразивтия от 26.03.2021 № 142.
18. Письмо Роспотребнадзора от 23.07.2012 № 01/8179-12-32.
19. Приказ Росстандарта от 12.12.2014 № 2019-ст.
20. Приказ Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст.
21. Письмо ФНС РФ от 06.07.2017 № ГД-4-14/13154@.
22. Письмо ФНС РФ от 28.12.2016 № ГД-4-14/25209@.
23. Письмо ФНС РФ от 02.10.2014 № СА-4-14/20217.
24. Письмо Минпросвещения России от 23.12.2021 № 07-7890.
25. Письмо Банка России от 08.02.2024 № ИН-02-28/9.
26. Письмо Банка России от 19.11.2014 № 31-2-6/6513.
27. Письмо Банка России от 10.02.1992 № 14-3-20.